

**ОПЫТ НАЦИСТСКОЙ  
ОККУПАЦИИ  
В ДОНБАССЕ:  
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ  
ОЧЕВИДЦЫ**



Донецкий юридический институт МВД Украины  
Университет им. Гельмута Шмидта

**ОПЫТ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ  
В ДОНБАССЕ:  
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ**

Донецк  
«Світ книги»  
2013



УДК 94 (477.7) «1941-1943»

ББК ТЗ (4Укр55) 624.8

О 62

*Утверждено к печати решением Ученого совета  
Донецкого юридического института МВД Украины  
(протокол №13 от 27.06.2012)*

**Рецензенты:**

*Е. Ф. Кринко* – заместитель директора Института социально-гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, доктор исторических наук;

*В. В. Стецкевич* – заведующий кафедрой истории и украиноведения Криворожского национального университета, доктор исторических наук, профессор.

**Авторы-составители:**

*Д. Н. Титаренко*, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии Донецкого юридического института МВД Украины;

*Т. Пентер*, доктор хабилитированный, профессор факультета социальных и гуманитарных наук Университета им. Гельмута Шмидта (Гамбург, ФРГ).

**О 62** **Опыт** нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы / Авт.-сост. Д. Н. Титаренко, Т. Пентер. – Донецк : Світ книги, 2013. – 465 с.

ISBN 978-966-2747-58-4

В издании собраны и систематизированы материалы интервью, проведенных с людьми, пережившими нацистскую оккупацию на территории Донбасса. Акцент сделан на характерных чертах повседневной жизни простого человека в период войны, стратегиях выживания, особенностях взаимоотношений с оккупантами, проблемах восприятия военного опыта.

Издание рассчитано на историков, студентов, всех тех, кто интересуется историей Второй мировой войны.

**УДК 94 (477.7) «1941-1943»**

**ББК ТЗ (4Укр55) 624.8**

В оформлении обложки использованы фотографии из фондов Государственного архива Донецкой области, Федерального архива Германии (Берлин), книги Вернера Хаупта и Карла Вагенера «Bildchronik der Heeresgruppe Süd» (Podzun-Verlag, Dorheim, 1969), военно-исторического сайта [www.reibert.info](http://www.reibert.info).

ISBN 978-966-2747-58-4

© Д.Н. Титаренко, Т. Пентер, 2013

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
«Мне кажется, что в оккупации мои полжизни прошли...»: оккупация Донбасса в устных свидетельствах	7
Глава 1. «Отступали наши – безвластие было...»: накануне оккупации	23
Глава 2. «И пришли немцы...»: начало оккупации	54
Глава 3. «Мы были совершенно бесправные...»: гражданское население как жертва	69
Глава 4. «Но это страшно было...»: судьба советских военнопленных	90
Глава 5. «Расскажу как собрали евреев расстреливать...»: геноцид еврейского населения	109
Глава 6. «Вот так мы выживали...»: питание, «менка», «черный» рынок	145
Глава 7. «Давали землю людям...» vs. «...колхозы они не разогнали...»: село в условиях оккупации	172
Глава 8. «Кушать надо же было...»: работа на немцев	177
Глава 9. «Немцы были разные...»: взаимоотношения населения с оккупантами (немцами)	198
Глава 10. «Они не такие, как немцы...»: взаимоотношения населения с оккупантами (союзниками)	257
Глава 11. «Наши еще хуже были, предатели эти...»: коллаборация и коллаборанты	269
Глава 12. «Начали в Германию брать...»: обстоятельства депортации	302
Глава 13. «А вот если бы немцы не издевались...»: отношение населения к старой и новой власти	324
Глава 14. «Мы делали то, что считали своим долгом...»: сопротивление	337
Глава 15. «Немцы и наши бомбили...»: население в условиях прифронтовой полосы	367
Глава 16. «Пользовались в основном слухами...»: духовная жизнь населения	381
Глава 17. «Это самый радостный день был...»: освобождение	407
Глава 18. «Находился на оккупированной территории...»: опыт оккупации как фактор дискриминации	426



Глава 19. «Все время война снится, и снится, и снится...»:	443
места памяти	459
Список респондентов	464
Список сокращений	

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел этой книги появился у авторов-составителей еще в 2001 году, когда они, занимаясь вопросами истории Донбасса в период нацистской оккупации, обратили внимание на значительный потенциал проводимых ими интервью как в плане реконструкции исторических событий того времени, так и в отношении восприятия войны и военной повседневности. Несмотря на достаточно широкое использование ими материалов устноисторических источников в публикациях, посвященных принудительному труду в угольной промышленности в период войны и послевоенные годы, культурным процессам на территории Донбасса во время оккупации, коллаборации с нацистами и геноциду евреев, стало очевидным, что содержащаяся в каждом из интервью информация (продолжительность некоторых из них достигала 5-6 часов, а транскрипт доходил до 60 страниц) превосходит по своему потенциалу стоящие при подготовке отдельных публикаций задачи. Именно это и обусловило желание подготовить работу, которая дала бы возможность показать многоаспектный, в ряде случаев амбивалентный, опыт повседневной жизни населения Донбасса в условиях оккупации.

При этом то, что авторы представляют народы, которые семьдесят лет назад сошлись в непримиримом противоборстве, а позднее много лет находились в условиях политической конфронтации, можно рассматривать скорее как позитив. Обмениваясь мнениями и имеющимися в распоряжении друг друга материалами, в ряде случаев дискутируя по поводу особенностей отражения в памяти наших собеседников событий, необходимости отбора тех или иных сюжетов, составители все равно приходили к консенсусу. В основе его лежала максимальная личная абстрагированность от политических и идеологических предпочтений, верификация тезисов респондентов при помощи альтернативных источников, убежденность в возможности проявления того, что тоталитарные политические режимы склонны рассматривать как девиацию со стороны своих граждан, а мы – как естественную человеческую реакцию.

И еще один, личный, аспект следует принять во внимание. Эту войну, историей которой авторы занимаются на протяжении ряда лет, они рассматривают не просто как объект своего беспристрастного анализа (хотя этого и требует долг историка). Несмотря на то, что со времени ее окончания прошло уже около 70 лет, в наших семьях жива память о тех родных и близких, кто прошел войну, и тех, кто ее не пережил. Именно она и давала дополнительный, но далеко не второстепенный импульс для работы над книгой.



Огромную помощь с точки зрения сбора материалов в архивах и библиотеках, общения с коллегами, обмена мнениями предоставили в разное время Институт социальных движений Рурского университета, Фонд Герды Хенкель, Немецкая служба академического обмена, Институт открытого общества, Американский совет научных обществ, Центр по исследованию Холокоста и геноцида при Амстердамском университете и Нидерландском институте военной документации, за что им искреннее спасибо. За разрешение использовать ряд интервью, проведенных в свое время одним из авторов с целью подготовки музейной выставки «Принудительные работы в Хаттингене» и хранящихся в настоящее время в Вестфальском музее промышленной культуры, мы благодарны руководству музея и лично ученому секретарю доктору Ане Хоффманн.

Авторы глубоко признательны редакции газеты «Вечерний Донецк», а также коллегам-краеоведам и единомышленникам В.В. Волошинову, Е.Г. Гельфонду, И.А. Корнацкому, Н.Н. Чепурной, В.И. Шутовой за содействие в процессе поиска свидетелей оккупации. Большую помощь в трудоемкой и кропотливой работе по транскрибированию интервью оказала студентка ДонНУ Е.Ю. Титаренко. Отдельных слов благодарности заслуживает коллега одного из авторов кандидат исторических наук Сусликов В.Е., взявший на себя нелегкий труд по подготовке макета книги к изданию.

Хотелось бы выразить искреннюю благодарность за ценные замечания и пожелания нашим уважаемым рецензентам – доктору исторических наук, заместителю директора Института социально-гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук Е.Ф. Кринко и доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой истории и украиноведения Криворожского национального университета В.В. Стецкевичу.

Появление этой книги было бы невозможным без всемерной поддержки и долготерпения со стороны семей авторов, которые, понимая их увлеченность, относились снисходительно к слабостям авторов и оказывали всестороннюю помощь, став первыми читателями и критиками ее рукописи.

Но, безусловно, самую большую признательность хотелось бы выразить всем еще живущим и, к сожалению, по большей части уже ушедшим в вечность нашим респондентам, память о каждом из которых для нас очень дорога. Всем тем, кто смог рассказать о жизни, чувствах, переживаниях военного поколения – тех, кто пережил и не пережил оккупацию.

## «МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО В ОККУПАЦИИ МОИ ПОЛЖИЗНИ ПРОШЛИ...»: ОККУПАЦИЯ ДОНБАССА В УСТНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

На протяжении длительного времени при характеристике событий периода нацистской оккупации советские исследователи главное свое внимание сосредотачивали на достаточно ограниченном круге сюжетов, которые удачно вписывались в официальный историко-партийный дискурс со свойственными ему героизацией Сопrotивления и акцентированием внимания на преступлениях нацистов. Однозначной представлялась и реакция местного населения – ненависть к оккупантам и демонстрируемая им преданность Советской власти. Однако процессы деидеологизации украинской исторической науки, доступ специалистов к закрытым, недоступным ранее источникам, зарождение в Украине в 90-х годах XX столетия историко-антропологического подхода при характеристике событий Второй мировой войны позволяют поставить вопросы и относительно иных аспектов оккупационной действительности. Они требуют как новой интерпретации уже известных исторических источников, рассмотрения их в контексте исторических событий того времени, так и привлечения новых, в том числе и источников устной истории.

Определенное представление о морально-психологическом состоянии, настроениях, поведении населения, социокультурных, экономических и политических процессах в условиях нацистской оккупации дают материалы устной истории, в частности около 60 интервью, проведенных в течение 2001-2011 гг. авторами на территории Донбасса. Поиск респондентов осуществлялся в рамках различных исследовательских проектов, связанных с войной и послевоенным периодом на территории Донбасса, в которых принимали участие авторы.

Следует отметить, что в Украине устная история стала полем академических исследований относительно недавно, и в фокусе большинства устноисторических исследований, проводимых украинскими либо зарубежными исследователями на территории Украины и связанных с Второй мировой войной, находятся остарбайтеры и пережившие Холокост<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Забарко Б. «Живыми остались только мы...»: свидетельства и документы / Ред.-сост. Б. Забарко. – К. : Институт иудаики, 1999; Невигадане. Усні історії остарбайтерів / Авт.-упоряд., ред., вступ ст. Г. Г. Грінченко. – Харків : Видавничий Дім «Райдер», 2004; Hitlers Sklaven: Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich / hrsg. von Alexander von Plato,



К сожалению, хронологическая дистанция, отделяющая нас от событий того времени, связанный с этим уход из жизни подавляющего большинства свидетелей оккупации, трудоемкость не только поиска респондентов, но и транскрибирования интервью (в некоторых случаях продолжительность расшифровки аудиозаписи одного интервью составляла 35-40 часов) дали возможность на сегодняшний момент сформировать относительно небольшой комплекс устных свидетельств, которые, тем не менее, дают определенное представление об особенностях восприятия опыта военной и, в частности, оккупационной повседневности жителями Донбасса.

Поиск респондентов осуществлялся при содействии ветеранских и общественных организаций, через средства массовой информации<sup>1</sup>, при помощи родственников и знакомых. Интервью проводились в свободной форме, что позволяло респондентам в процессе изложения самим определять приоритетность тех или иных аспектов оккупационного опыта в контексте своих биографий. Как правило, беседа проводилась дома у респондента, в максимально удобной для него обстановке. Это давало возможность собеседнику в ряде случаев иллюстрировать свой рассказ фотографиями и документами. В ходе беседы задавались дополнительные либо уточняющие вопросы, которые интервьюеры стремились по возможности включить в контекст нарратива респондента.

При анализе устноисторического исследования, осуществленного авторами, необходимо принять во внимание ряд методологических аспектов, которые позволяют дать более предметное представление о характере работы. В центре проведенного исследования находятся жители Донбасса различных профессиональных, социальных и этнических групп, пережившие нацистскую оккупацию на территории региона. Авторы попытались включить в процесс интервьюирования также людей относительно разных возрастных категорий (как тех, кто на момент оккупации был ребенком, так и тех, кто был взрослым), хотя, с учетом временной

---

Almut Leh und Christoph Thonfeld. – Böhlau, Wien, 2008; Patrick Desbois. Der vergessene Holocaust. Die Ermordung der ukrainischen Juden. Eine Spurensuche. – Berlin Verlag, 2009; «Прошу вас мене не забувати»: усні історії українських остарбайтерів / гол. ред. Г. Грінченко; упоряд. І. Ястреб, Т. Пастушенко та ін. – Х.: Право, 2009; Пастушенко Т. В. «В'їзд репатріантів до Києва заборонено...»: повоєнне життя колишніх остарбайтерів та в'їськовополонених в Україні. – К., 2011. и др.

<sup>1</sup> В местной прессе в разные годы авторами было опубликовано 3 материала, посвященных различным аспектам оккупационного режима, с содержащейся в конце их просьбой к людям, пережившим оккупацию, отозваться.

дистанции понятно, что людей, которые на момент оккупации находились в зрелом возрасте, найти было уже сложно. В процессе поиска партнеров для проведения беседы авторы стремились обеспечить вариативность военного опыта, включая опыт детей и взрослых, мужчин и женщин, горожан и жителей сельской местности, евреев и неевреев, участников подпольно-партизанского движения и обычных обывателей.

Такой подход в определенной степени дает возможность проследить многоаспектные и, в ряде случаев, контroversийные восприятия оккупации, в целом получить «...качественные описания жизненного мира собеседника...»<sup>1</sup>. Следует отметить, что методологически сложной, и, к сожалению, трудно решаемой проблемой является степень репрезентативности устноисторических источников. Это обусловлено тем, что те, кто испытал самые жестокие преследования в период оккупации и погиб, а также лица, активно сотрудничавшие с оккупантами и впоследствии ушедшие вместе с ними, погибшие в ходе боевых действий или осужденные после войны, не могли выступать в качестве информантов.

При анализе материалов интервью акцент был сделан на характеристике повседневного опыта оккупации, который включал в себя реализацию различных стратегий выживания, разные практики работы на оккупантов, взаимодействия с военнослужащими вермахта и армий государств – сателлитов Германии, проблемы взаимного восприятия и интеркультурного взаимодействия оккупантов и населения оккупированных территорий.

Немаловажное значение при характеристике проекта имеют и хронологические рамки исследования: учитывая то, что в ряде случаев автобиографический нарратив респондентов включал в себя воспоминания о послевоенном периоде, рефлексии по поводу современного положения людей, переживших войну, целесообразным представилось включить в структуру работы разделов, отражающих и послевоенный опыт наших собеседников.

Говоря о респонденте как о носителе определенной, необходимой исследователю информации, необходимо помнить, что индивидуальная память всегда формируется в ходе социальной коммуникации и интериоризации. С одной стороны, она конструируется под влиянием общения с другими людьми, с другой – под влиянием средств массовой информации, материальных репрезентаций (текстов, иллюстраций, фильмов) и символических

---

<sup>1</sup> Квале С. Исследовательское интервью. – М. : Смысл, 2009. – С. 127.



практик (ритуалов, праздников, фестивалей)<sup>1</sup>. В случае с пережившими оккупацию людьми ключевую роль играли продолжительность оккупации, особенности поведения военнослужащих вермахта, условия работы на оккупированной территории, ситуация с продовольственным снабжением и т.д. Как справедливо отмечает российский историк Кринко Е.Ф., «...война породила разные ситуации, и разным становилось отношение к конкретным оккупантам»<sup>2</sup>.

Проведенные с очевидцами оккупации интервью в основном отражают процесс восприятия определенных исторических событий с перспективы сегодняшнего дня и доступных на сегодняшний момент источников. Следует при этом отметить, что вплоть до распада Советского Союза в официальной политике памяти при характеристике событий периода оккупации доминировали героизация, а зачастую преувеличение и мифологизация подпольно-партизанского движения. В то же время иные аспекты и опыты, относящиеся к Холокосту, коллаборации с нацистами, принудительному труду советских граждан, практикам взаимоотношений с оккупантами рассматривались в качестве маргинальных и были практически исключены из общественных дискуссий и коллективной культуры памяти.

После войны миллионы советских граждан, живших под нацистской оккупацией, рассматривались в качестве потенциально неблагонадежных, официальные анкеты на протяжении десятилетий включали вопрос: «Находился ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны?» Многие из респондентов упоминали об определенных проявлениях дискриминации, которые имели место при получении образования, вступлении в партию или выезде за границу. Безусловно, такого рода остракизм по отношению к десяткам миллионов людей, оказавшихся на оккупированной территории, не был столь явным и масштабным, как по отношению к бывшим военнопленным либо же лицам, депортированным с оккупированной территории на принудительные работы в Германию. И, тем не менее, люди, пережившие оккупацию, вплоть до начала 1990-х годов предпочитали не говорить открыто о

---

<sup>1</sup> Maurice Halbwachs: Das Gedächtnis und seine sozialen Bedingungen. – Suhrkamp, Frankfurt a. M., 1985.

<sup>2</sup> Кринко Е. Ф. Оккупанты и население в годы Великой Отечественной войны: проблемы взаимовосприятия // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – С. 342.

своем военном опыте, выбирая в качестве аудитории круг семьи, выводя его на уровень семейных преданий.

Общеизвестно, что интервью, будучи специфическим видом исторических источников, в очень ограниченном объеме служат историкам для реконструкции исторических событий. В основном они отражают, как респондент воспринимает исторические события с перспективы сегодняшнего дня<sup>1</sup>. В то же время при анализе на микроуровне событий, происходивших на территории того или иного региона в период нацистской оккупации, целесообразно использовать их и для этой цели. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием или недостаточностью архивных данных по ряду ключевых проблем, связанных с положением населения на оккупированной территории.

Было бы ошибочным абсолютизировать роль устной истории в процессе реконструкции исторической действительности либо характеристики общественной атмосферы. Безусловно, эти материалы имеют свои недостатки, что может проявляться, в ряде случаев, в наличии даже сегодня у респондентов тех или иных табуированных тем, определенной политической заангажированности, стремлении построить свой автобиографический нарратив в рамки официального дискурса, невозможности иногда четко провести различия между индивидуальной и коллективной памятью<sup>2</sup>.

Следует отметить в этой связи, что историко-политические дебаты и политические трансформационные процессы, зачастую приводящие к изменениям в официальной историографии, существенно влияют на индивидуальную память. Она, так же как и семейная память, всегда коррелирует с официальным дискурсом власти, стереотипами, существующими в обществе. Очевидно, что и в нашем случае политические, социальные и экономические трансформационные процессы, проходящие в украинском обществе, оказали влияние на респондентов. Так, после распада Советского Союза в Украине происходит реинтерпретация советской

---

<sup>1</sup> Эти вопросы детально освещены в следующих работах: Lutz Niethammer. *Lebenserfahrung und kollektives Gedächtnis. Die Praxis des „Oral History“*. – Syndikat, Frankfurt am Main, 1980; Aleida Assmann: *Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. – C.H. Beck Verlag, München, 2006; *Der Krieg der Erinnerung. Holocaust, Kollaboration und Widerstand im europäischen Gedächtnis/ hrsg. von Harald Welzer*. – S. Fischer Verlag, Frankfurt am Main, 2007.

<sup>2</sup> Серета В., Малес Л. Усна історія як метод і методологія: деякі проблеми створення та інтерпретації усної історичної джерел // Україна модерна. – Ч. 11. – Київ-Львів : Критика, 2007. – С. 159-164.

историографии и официальной советской политики памяти, в центре широкой публичной дискуссии и активной научной разработки оказались преступления сталинизма.

Достаточно важным фактором, повлиявшим на людей военного поколения, стала масштабная программа компенсаций со стороны Германии для бывших принудительных работников, с которой по времени совпала большая часть записанных нами интервью. Она стала катализатором оживленных историко-политических дебатов, и, в то же время, сыграла роль важного легитимизирующего фактора для бывших жертв нацистских преследований, в частности остарбайтеров, дав им право претендовать на статус участника войны и жертвы нацистских преследований. Во многом благодаря ей формировалась идентичность наиболее многочисленной категории жертв нацизма и одновременно группы, подвергавшейся дискриминации со стороны государства в послевоенное время. Следует отметить, что период после распада Советского Союза для большинства пенсионеров стал временем катастрофического падения уровня жизни, что на фоне денежных выплат со стороны Германии актуализировало рефлексии по поводу неэффективной государственной политики по отношению к пенсионерам. В то же время выплаты со стороны Германии стали фактором формирования и закрепления в массовом сознании населения Донбасса образа Германии как не только богатой и процветающей страны, но и государства, сумевшего признать вину за свое прошлое.

Сложные и разнообразные трансформационные процессы после распада Советского Союза не могли не привести к переоценке своего жизненного опыта, по крайней мере, у части военного поколения. По сравнению со сложным периодом потери моральных ориентиров, дезинтеграции общества, крайне тяжелой экономической ситуации даже период оккупации стал восприниматься в более позитивном свете: «Это были интересные годы. Очень интересные. И сейчас я иногда думаю о том, как легко было в то время»<sup>1</sup>.

Все эти исторические и общественно-политические факторы в комплексе, безусловно, оказали влияние на нарративы респондентов. Они могут также объяснить то обстоятельство, что большинство из интервьюируемых проявило желание достаточно откровенно рассказать о своем опыте и поделиться своими личными переживаниями (даже с одним из авторов – немецким историком, представителем страны, в свое время принесшей много бед и испытаний непосредственно собеседнику). Беседа о прошлом для

---

<sup>1</sup> Интервью с Яковом Г., 1924 г.р. (г. Донецк, октябрь 2001 г.)

многих респондентов стала выражением личной потребности построения своей идентичности, что весьма актуально для постсоветских обществ. Актуализированная память собеседника в некотором смысле выступила, по справедливому замечанию французского историка Пьера Нора, как «...история тех, кто не имел права на историю»<sup>1</sup>. При этом беседа, в центре которой находится война, как представляется, выполняет особую социальную функцию. Она, с одной стороны, связана с поиском социального признания и статуса, а с другой – с необходимостью ориентации во времена разрушения советской общественно-политической системы, привычных устоев, правил и принципов.

Следует отметить, что для людей военного поколения события войны в целом, и немецкой оккупации в частности, всегда играли чрезвычайно важную роль. Характерным и достаточно типичным в этом плане является отношение к своему прошлому, вербализованное одним из респондентов следующим образом: «Мне кажется, что в оккупации мои полжизни прошли»<sup>2</sup>. Множество из воспоминаний поразительно детализированы: респонденты помнят имена немцев, с которыми они контактировали, названия немецких фильмов, увиденных ими в кинотеатрах, либо же строки из услышанных ими немецких песен, количество продуктов, выменянных ими за вещи в селе, имена соседей, погибших во время оккупации и т.д. Это, безусловно, характеризует отношение респондентов к войне как к одному из центральных моментов своей биографии.

Достаточно важным среди проблем оккупационной действительности является вопрос о готовности населения к восприятию новой власти, степени его лояльности по отношению к оккупационному режиму в переломный период – во время и после отступления советских войск, эвакуации, а то и просто бегства властей. В условиях отсутствия текущей документации партийных и советских органов, предприятий и организаций, которые были эвакуированы за несколько дней, а то и недель до прихода оккупантов, эти источники приобретают особый вес и ценность при реконструкции событий того времени. Свидетельством определенной эмансипации общественного сознания в посттоталитарном обществе является демонстрируемое в ходе интервью респондентами осуждение действий властей, уничтожавших при эвакуации запасы

---

<sup>1</sup> Пьер Нора. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 398.

<sup>2</sup> Интервью с Майей Саенко-Полочук, 1925 г.р. (г. Донецк, январь 2005 г.)

продовольствия, объекты социальной инфраструктуры, предприятия и бросавших жителей на произвол судьбы: «Оставили людей без хлеба, без ничего, посжигали»<sup>1</sup>, «...Наши ушли, взорвали электростанцию, водопровод и, значит, город оказался в безвластии»<sup>2</sup>.

Несмотря на широко распространенный стереотип об определенном консерватизме людей старшего возраста при оценке И. Сталина, определенную идеализацию его образа, своеобразным диссонансом являются рассказы ряда респондентов, ставших свидетелями экзгумации расстрелянных органами НКВД в городской тюрьме Сталино заключенных накануне прихода немецких войск в октябре 1941 года<sup>3</sup>. При этом упоминания о проявлении недовольства такими действиями властей современниками тех событий, существовавших ожиданиях прихода немцев частью населения позволяют поставить под сомнение широко распространенный в советской историографии тезис о «монолитности» советского военного общества и предположить существование определенных оппозиционных настроений среди населения.

Чрезвычайна важна роль воспоминаний непосредственных свидетелей оккупации в качестве фактора оценки достоверности информации, положенной в основу официальной версии того или иного события. Примером этого могут служить обстоятельства оккупации г. Сталино. Согласно представленным в литературе версиям город был оккупирован немецкими войсками 21, 22 или даже 26 октября 1941 года после многодневных ожесточенных уличных боев, которые стоили вермахту около 50 тысяч убитыми, ранеными и пленными<sup>4</sup>. Согласно воспоминаниям проживавших в разных районах Сталино очевидцев<sup>5</sup>, подтвержденным, кстати, немецкими

<sup>1</sup> Интервью с Иваном С., 1925 г. р. (г. Донецк, октябрь 2004 г.)

<sup>2</sup> Интервью с Борисом Рогозом, 1933 г.р. (г. Донецк, февраль 2005 г.)

<sup>3</sup> Интервью с Иваном С., 1925 г.р.; Интервью с Борисом Рогозом, 1933 г.р.; Интервью с Ириной С., 1926 г.р. (г. Донецк, январь 2006 г.)

<sup>4</sup> История городов и сел Украинской ССР. Донецкая область. – К.: Главная редакция УСЭ, 1976. – С. 104; Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. докум. и материалов / Редкол.: Клерфон Е. Д. (отв. ред.) и др.; сост.: Лебедев В. И. (отв. сост.) и др. – Донецк: Донбас, 1980. – С. 51; Книга Пам'яті України. Донецька область; Заключний том «Безсмертя» (Головна ред. кол.: Герасимов І. О. (керівник) та ін.; обласна ред. кол.: Кіріченко Л. Д. (керівник) та ін. – Донецьк: Донбас, 1999. – С. 61; Міхненко А. М. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни. – Донецьк: Юго-Восток, 2000. – С. 9, 22.

<sup>5</sup> Интервью с Иваном С., 1925 г.р.; Интервью с Майей Саенко-Полончук, 1925 г.р.; Интервью с Иваном Т., 1927 г.р. (г. Донецк, апрель 2004 г.)



документами<sup>1</sup>, город был занят уже 20 октября 1941 года, причем практически без боя.

Достаточно травматичными практически для всех респондентов являются воспоминания о судьбе двух наиболее многочисленных групп жертв политики геноцида на оккупированной территории: советских военнопленных и евреев, присутствующие практически в каждом из автобиографических нарративов. Возможно, несколько большее внимание, уделяемое респондентами советским военнопленным, является результатом прежде всего масштаба и очевидности геноцида: советских военнопленных было уничтожено в несколько раз больше, население в течение длительного времени было свидетелем неприкрытых издевательств и гибели военнопленных (еврейский вопрос был решен намного быстрее и в условиях гораздо меньшей информированности населения об этих событиях).

При характеристике условий и обстоятельств геноцида еврейского населения на оккупированной территории как в украинской, так и в зарубежной историографии обращается значительное внимание на поведенческую реакцию местного населения, которое в значительной степени заняло позицию стороннего наблюдателя либо же прямо способствовало выявлению и, тем самым, уничтожению, местного еврейского населения. При этом в качестве одного из основных аргументов, подтверждающих достаточно распространенный тезис о пассивности украинцев в деле спасения евреев, используют статистику о количестве Праведников мира. В то же время не всегда должное внимание уделяется исключительно жестокому характеру оккупации на территории Советского Союза, характеру репрессий за те или иные нарушения предписаний оккупационного режима. Хрестоматийным является пример голландской девочки Анны Франк: люди, укрывавшие ее семью, не были даже арестованы<sup>2</sup>, что представляется совершенно невыносимым в условиях оккупационной действительности в Украине. Из виду упускается также и политика государственного антисемитизма, в латентной форме существовавшего в СССР, а также особенности культуры памяти, культуры коммеморации, не дававшие возможности акцентировать внимание на особой доле евреев и оставлявшие исследования проблем геноцида еврейского населения на периферии и исторических исследований, и внимания общества.

---

<sup>1</sup> Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg), RH 24-49/164, Bericht über Industriegebiet Stalino vom 1.11.41. (далее – BA-MA).

<sup>2</sup> Karel C. Berkhoff. Harvest of despair: life and death in Ukraine under Nazi rule. – The Belknap press of Harvard University Press, Cambridge, 2004. – P. 85.

Материалы устной истории, интервью, записанные в 2000-х годах, дают основания полагать, что проявления солидарности и помощи евреям, несмотря на то, что они были сопряжены с реальной угрозой для жизни, были более распространены, нежели это представлялось ранее.

Характеризуя оккупационную повседневность следует признать, что террор был хотя и одним из главных, но не единственным опытом населения в период оккупации. Респонденты указали на иные сферы контактов и взаимодействия с оккупантами, в числе которых была работа. Так, в период оккупации около 90 тысяч местных жителей и более 20 тысяч советских военнопленных под руководством и надзором 1800 немецких специалистов работали только лишь в одной угольной промышленности Донбасса<sup>1</sup>. Более 350 тысяч жителей Донбасса было депортировано в Германию на принудительные работы. Эти цифры показывают, что «работа на врага» не стала не только центральным опытом для населения в условиях оккупационной действительности, но и фактором, повлиявшим на послевоенные судьбы целого поколения, к которому относились и респонденты.

Выходом для многих в реализации своей личной стратегии выживания стало оказание оккупантам услуг бытового плана, торгово-меновые операции как с немцами, так и, чаще всего, с жителями окрестных сел, сожительство женщин с оккупантами: «...Между прочим, эти люди – ну женщины некоторые, которые имели детей как по двое – по трое. Они находили себе итальянцев и жили с ними. А итальянцы за это кормили детей и их кормили...»<sup>2</sup>.

Репрезентация в интервью проблемы взаимоотношений населения и военнослужащих оккупационных войск не вполне вписывается в устоявшийся в советской историографии канон. Это связано в первую очередь с существованием разного рода практик контактов: от неприкрытой враждебности до дружбы и, даже, вероятно, любви.

В условиях тесных бытовых контактов находящихся вдали от дома немецких военнослужащих, и, в основном, женского населения оккупированных территорий, неизбежно вставал вопрос и сексуальных взаимоотношений. Диапазон воспоминаний местных жителей по этой проблеме достаточно широк: от случаев прямого насилия по отношению к женщинам со стороны военнослужащих и проституции с

---

<sup>1</sup> Более подробно об этом: Tanja Penter. Kohle für Stalin und Hitler. Arbeiten und Leben im Donbass 1929 bis 1953. – Klartext Verlag, Essen, 2010. – S. 179-300.

<sup>2</sup> Интервью с Феодосией Шовкун, 1919 г.р. (г. Донецк, июль 2010 г.)

целью получения продуктов питания, обеспечения возможности выживания себе и членам своей семьи, до проявлений глубокой симпатии. В отчете группы тайной полевой полиции 626, действовавшей в тыловой зоне 1-й танковой армии, сообщалось, что в Горловке в доме одной из местных жительниц был арестован солдат-дезертир, который вступил с ней в интимные отношения и планировал остаться у нее до конца войны. В соответствии с отчетом местная жительница была расстреляна, а солдат предан суду военного трибунала<sup>1</sup>.

Упоминания о любовных связях и даже случаях рождения детей от оккупантов в рассказах респондентов позволяют скорректировать сформированный официальной советской пропагандой, а впоследствии и историографией (которые зачастую переплетались) дегуманизированный образ «немца-зверя». Следует отметить, что даже в постсоветской историографии эта тема до сих пор остается табуированной<sup>2</sup>, хотя материалы устной истории могут дать импульс для разработки данной проблематики и постановки ряда вопросов. К их числу, в частности, можно отнести следующие: «Насколько массовым было это явление?», «Было ли рождение детей от немцев сознательным выбором местных жительниц либо же оно являлось следствием нежелательных беременностей, в частности, в результате изнасилований?», «Насколько возможным было позже для этого ребенка и его матери интегрироваться в местную социальную среду?»

Достаточно очевидной представляется разница в восприятии оккупантов в зависимости от времени установления этих контактов (в самом начале оккупации либо уже по прошествии определенного времени), от рода войск (пехотинцы, летчики, танкисты, военнослужащие войск СС и т.д.), от национальной принадлежности (немцы, румыны, итальянцы).

Сама возможность установления взаимоотношений, не соответствующих и даже противоречащих предписаниям командования вермахта относительно поведения войск на Востоке, является свидетельством определенной гуманизации отношений населения и вермахта по мере затягивания войны, увеличения опыта

---

<sup>1</sup> ВА-МА, RH 21-1/162, Bl. 162.

<sup>2</sup> Авторам известен лишь один немецкий автор, занимающийся разработкой данных вопросов: Regina Muhlhauser. *Between Extermination and Germanization: Children of German Men in the Occupied Eastern Territories // Children of World War II: the hidden enemy legacy* / edited by Kjersti Ericsson and Eva Simonsen. – New York: Berg Publishers, p. 167-189; Regina Muhlhauser. *Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945*. – Hamburger Edition, HIS Verlag, Hamburg, 2010.

взаимодействия, роста разочарования немцев и их союзников в благополучном исходе войны на фоне неудач вермахта (своеобразным не только военным, но и ментальным переломом стал Сталинград).

Период оккупации для многих стал временем знакомства с иной культурной традицией и достижениями культуры. Искреннее уважение у респондентов вызывает внешний вид немецкого солдата – сытого и аккуратного, высокий уровень технической оснащенности, пунктуальность, культура организации и труда: «Немцы были, например, очень красивые.[...] Я помню, как первый раз мы увидели – летчики идут. В этих, в шортах. Ну, форма – такие красивые ребята. Красивые. Эта нация красивая»<sup>1</sup>. И в то же время немецкий стандарт честности и неприятия воровства, выразившийся в отрубленных немецким солдатом кистях рук ребенка, украсившего пирожок на базаре, стал своего рода моральным шоком для населения на оккупированной территории (воспоминания о такого рода санкции за воровство содержат интервью с несколькими респондентами)<sup>2</sup>. Доверчивость оккупантов и вера на слово в контексте того, что ею пользуются с целью спастись из-под расстрела, теряют свою привлекательность и значимость в качестве положительной человеческой черты<sup>3</sup>.

Говоря об образе немцев, сложившемся у местных жителей, необходимо отметить, что в нарративах подавляющего большинства респондентов присутствуют как «плохие немцы», чинящие зверства и жестокости, так и «хорошие немцы», способные на такие проявления обычных человеческих чувств как угощение ребенка, оказание медицинской помощи, игра с детьми.

Более положительное восприятие практически всеми респондентами солдат союзнических войск, и прежде всего военнослужащих итальянского экспедиционного корпуса, обусловлено несравнимо меньшей их идеологической индоктринацией по сравнению с немецкими солдатами, почти полным отсутствием вовлеченности в репрессивно-карательные мероприятия по отношению к местному населению, что позволяет судить об их более лояльном отношении к местному населению.

Редким единодушием характеризуется отношение населения к служащим полиции. Подавляющая часть респондентов дала им негативную оценку, что обусловлено неприятием роли и места

---

<sup>1</sup> Интервью с Ниной К., 1931 г.р. (г. Константиновка, декабрь 2004 г.).

<sup>2</sup> Интервью с Иваном С., 1925 г.р.; Интервью с Майей Саенко-Полончук, 1925 г.р.; Интервью с Виктором Зайковским, 1927 г.р. (г. Мариуполь, март 2004 г.); Интервью с Владимиром Ефремовым, 1933 г.р. (г. Донецк, январь 2011 г.).

<sup>3</sup> Интервью с Ниной К., 1931 г.р.

полиции, которая, являясь важным элементом в структуре силовых органов оккупационного режима, выполняла прежде всего репрессивные функции по отношению к тем или иным категориям населения. Массовый характер использования полицейскими своего служебного положения в личных целях, широкое применение насилия, на что указывает ряд респондентов, способствовал закреплению за полицейскими репутации грабителей и бандитов, и, отсюда, в значительной степени делегитимации оккупационного режима.

Период сразу же после освобождения стал временем, когда население пережившее оккупацию, впервые столкнулось с карательной практикой по отношению к тем, кто сотрудничал с нацистами в качестве полицейских либо военнослужащих добровольческих формирований. Репрессии, зачастую смертная казнь, свидетелями которой в ряде случаев были и респонденты, воспринимается как жестокое, возможно в силу своей публичности, однако вполне справедливое наказание. В то же время достаточно много вопросов ставит реализация репрессивных мероприятий по отношению к служащим органов самоуправления, инженерно-технического персонала, фольксдойче. В памяти респондентов, которые лично знали репрессированных из этих категорий, отразилось представление о поспешности, недостаточной обоснованности и несправедливости репрессий по отношению к ним: «Он по натуре своей был очень порядочный человек, хороший. Хороший человек был. [...] Он очень многим помогал. В период оккупации. Вот то, что это потом не учлось. Его ж тоже осудили»<sup>1</sup>. Такой подход объяснялся респондентами не только отсутствием явного вреда от деятельности такого рода коллаборационистов в период оккупации, но и также пользой, которую они приносили, сотрудничая с подпольем либо же оказывая поддержку гражданам.

Несмотря на безусловно позитивную оценку освобождения региона советскими войсками, некоторые респонденты упомянули о случаях проявления враждебности со стороны военнослужащих Красной Армии к жителям освобожденных регионов. Им вменялись в вину сотрудничество, как правило, бытового плана, с немцами и пассивная позиция в борьбе с оккупантами. Отчасти в этом же контексте следует рассматривать и нарративы респондентов, призванных сразу же после освобождения в армию. Так, в них нашла отражение проблема нерационального использования командованием новобранцев, брошенных в бой без надлежащей подготовки,

---

<sup>1</sup> Интервью с Зоей Чепик-Митрофановой, 1929 г.р. (г. Донецк, февраль 2005 г.).



искупающих таким образом «вину» за пребывание на оккупированной территории<sup>1</sup>.

Достаточно малоизвестным аспектом является проблема ненаказания за коллаборацию. Респонденты приводили случаи, когда лица, сотрудничавшие с нацистами и проявлявшие ничем не мотивированную жестокость по отношению к населению, избегали наказания. При этом использовались факторы родственных связей с сотрудниками органов НКВД либо же подпольной работы в тылу немцев, службы в органах полиции или самоуправления «по заданию». Мотивом, сдерживающим часть респондентов от заявлений по поводу тех или иных пособников, была боязнь физической расправы со стороны их сообщников.

Характерной чертой значительной части нарративов являются упоминания о комплексе гражданской неполноценности и вины, сформировавшемся государством в послевоенный период у переживших оккупацию. Многие из респондентов упоминали об определенных проявлениях дискриминации, имевших место при получении образования, службе в армии, вступлении в партию либо же общении с коллегами по работе: «В оккупации был – все время презирали тех, кто в оккупации был. Как и я – презирали. Был в оккупации – значит, уже доверия не было»<sup>2</sup>.

Обращает на себя внимание то, что при характеристике движения Сопротивления на оккупированной территории у респондентов, непосредственно причастных к нему, в ряде случаев официальные оценки, положенные в основу героизированного «подпольно-партизанского» дискурса, ослабляют независимые личные представления. Отсюда в меморатах бывших участников подполья наблюдается присутствие определенных речевых штампов и шаблонов, отсутствие рефлексий по поводу, например, возможности и перспективности действий подполья и партизан в условиях катастрофического поражения Красной Армии в 1941-1942 гг. Они отражают не только влияние определенной канонической версии, но и являются свидетельством того, что респондентам ранее неоднократно приходилось воспроизводить либо в устной, либо в письменной форме свои воспоминания об оккупации.

В традиционной советской военной историографии при описании боевых действий на фронте акцент всегда делался на

---

<sup>1</sup> Интервью с Виктором Зайковским, 1927 г.р.; интервью с Репой Федором, 1925 г.р. (с. Новобахмутовка Ясиноватского района Донецкой области, октябрь 2004 г.)

<sup>2</sup> Интервью с Николаем Т., 1925 г.р. (г. Донецк, апрель 2004 г.).

характеристике действий солдата, его подвигах, страданиях и жертвенности, при этом за кадром оставалось другое действующее лицо, пусть не столь активное, как солдат, но в любом случае более многочисленное – местный житель, в присутствии которого проходили бои, сражались и умирали солдаты противоборствующих армий. Особая ценность устных историй респондентов, проживавших на располагавшейся два года в непосредственной близости от линии фронта территории, заключается в возможности проследить не всегда однозначное отношение людей к воюющим сторонам. Они дают представление о процессе превращения для гражданского населения военной экстремальности в военную повседневность.

Период после распада Советского Союза стал временем серьезных изменений в политике и культуре памяти. Устноисторический проект, который реализовывался авторами, показал, что опыт оккупации был достаточно динамичным и поливариантным<sup>1</sup>. Это обуславливалось как разными жизненными ситуациями, в которых оказывались люди, пережившие оккупацию, так и избирательностью их памяти. Он отразил как террор и насилие со стороны оккупантов, так и практику взаимодействия с оккупантами на работе, опыт межкультурных контактов, особенности реализации различных стратегий выживания на оккупированной территории. При этом следует принять во внимание, что, как показывает анализ устных историй, категория «лояльность» была достаточно динамичной и претерпевала эволюцию, обусловленную действиями двух противоборствующих сторон, их политикой по отношению к населению в течение всего периода войны.

Безусловно, материалы устной истории по проблемам оккупационной повседневности не являются самодостаточными и требуют обязательной верификации посредством использования иных источников, применения аналитической источниковедческой критики. В то же время свидетельства очевидцев позволяют определить масштабы исторического события, степень его восприятия современниками, наличие особого, индивидуального опыта жизни в условиях оккупационной действительности. Недостаточный учет их потенциальных возможностей сужает исследовательское поле для реконструкции социальных и политических процессов в период

---

<sup>1</sup> Более подробный анализ результатов работы авторов в рамках данного проекта содержится в статье: Tanja Penter, Dmitrii Titarenko. Local memory on war, German occupation and postwar years. An oral history project in the Donbass // Cahiers du monde Russe. – 2011/2-3, Vol.52, p. 475-497.

войны, характеристики эволюции восприятия войны и послевоенного периода в индивидуальном и коллективном сознании.

\*\*\*

Фрагменты интервью в главах приводятся в алфавитном порядке фамилий респондентов. Степень полноты приводимых биографических данных о респондентах зависела от их желания. Ряд фамилий третьих лиц, которые упоминаются в интервью и могут быть идентифицированы, из этических соображений анонимизирован.

Опущенные вопросы интервьюеров, части интервью, не относящиеся к главе либо же затрудняющие восприятие фрагментов интервью, отмечены отточиями в квадратных скобках. Отдельные малоупотребительные слова в интервью, а также ярко выражаемая эмоциональная реакция респондентов содержат пояснения курсивом в круглых скобках. Вставленные слова или части слов взяты в квадратные скобки. С целью пояснения тех или иных терминов, географических названий, имен текст снабжен постраничными примечаниями.

В ряде случаев те или иные фрагменты интервью могут содержать информацию, относящуюся и к иному аспекту оккупационной действительности, и, соответственно, к другой главе. Авторы-составители преднамеренно не вычленили и не перемещали эту информацию, стремясь максимально полно сохранить контекст фрагмента нарратива респондента.

Речь респондентов приводится дословно, с сохранением стилистических, орфографических и орфоэпических особенностей. Учитывая то, что часть респондентов говорит на понятном читателю суржике, включающем элементы русского и украинского языка, авторы-составители специально эти места не оговаривают и придерживаются норм правописания того языка, на котором было произнесено данное слово, словосочетание либо предложение.

## ГЛАВА 1

### «ОТСТУПАЛИ НАШИ – БЕЗВЛАСТИЕ БЫЛО...»: НАКАНУНЕ ОККУПАЦИИ

[...] Война уже началась. Институты эвакуируются, а я домой раньше уехал. Платное обучение, семья бедная, платить нечем. [...] Можно было устроиться на работу где-то – кочегаром или истопником. Но как-то не сообразил. И дома. Дома поступил на работу. Отец устроил, на железной дороге работал. Устроил меня диспетчером. Какой из меня диспетчер? Ну работал. А взяла с умыслом. Переводят меня слесарем. Не пошел я на работу. А была же трудовая повинность до войны. 4-25. Статья такая. 4 месяца по 25 процентов высчитывают. Или высчитывают, или мне оставляют.

[...] Когда я работал диспетчером – копали окопы. А я, дурак, возьми и скажи: «А если бомбы будут бросать, эти окопы не спасут». А как так на меня – были ж там всякие патриоты. Я замолчал. Ну оно ж естественно, если бомба попадет в окоп, то не спасешься. А если нет, то и без окопа ты останешься живой. Вот такие подробности. Ну а война идет, солдаты нужны. И нас, таких как я молодежь всех освобождают. Говорят – нас выпустят, нас выпустят, садить не будут. Ну что, пришел я домой, в Снежное, 2 суток я шел пешком. [Отпускали] не всех. Наверное, вот таких как я. Реальных. А там какие были политические, воры там. Насчет этих двух заключенных на шахте 1<sup>19</sup>. Рассказывают, когда немцы пришли, там какой-то ров был и трупы лежали, облитые известью. И немцы приводили: «Смотрите, мы только пришли. Это не наши злодеяния, это злодеяния коммунистов». Заключенных не стали вывозить. В яму, в ров. «Это не мы, смотрите, чтобы на нас не сваливали», – это рассказывали мне жители, которых уже нет в живых. [...] Нас отдельно, конечно, держали от воров. Но нас отпустили. И ничего не дали – ни кусочка хлеба. За ворота выпустили. Пришлось просить на вокзале. Ну а потом что. Живу дома у родителей. Пришли немцы. [...]

*Афанасенко Алексей Иванович*

\*\*\*

[...] Родители мои до войны жили так, жены не работали, отец работал на предприятии, в депо «Восток», он мастером был по

---

<sup>1</sup> Респондент, очевидно, имеет в виду место захоронения жертв сталинских репрессий в Сталино, так называемое «Рутченковское поле».

ремонт паровозов. Когда началась эвакуация, пришел отец домой, чтобы всю семью забрать, а в то время, в 1940 году родился брат, ему был год и он болел. Здесь была и бабушка. Куда ты будешь забирать, дите такое больное? Мать сказала: «Возьми Виктора». – Он говорит: «Раз вы здесь остаетесь, так оставайтесь здесь все». Он эвакуировался один, а он был член партии. А тут пошли и угрозы, знаете, есть разные люди. [...]

**Б. Виктор Федорович**

\*\*\*

[...] До оккупации у меня отец рабочий был, работал на металлургическом заводе. А мама домохозяйка была. Раньше у нас не было, что женщина работала. У меня был брат. Я с 27-го года, а брат был с 30-го. Вот и все. Жили мы очень-очень скромно. [...] У нас не за что было эвакуироваться как таковое. Потому что получили какой-то расчет, какие-то [деньги]. [...] Куда с нами ехать, мы бы и не доехали никуда? [Эвакуировались люди], которые были состоятельные и которые имели доступ к транспорту. [...]

**Валентина Ивановна**

\*\*\*

[...] А шахта – шахта работала, как вам сказать, в режиме повышенной добычи. И все время ни одной минуты свободной никто не имел. Все работали, и строго-настрога... Даже если опоздаешь, все, судили. Прогуляешь – это вообще было страшное дело. Все должны были работать. И уголь отгружали, пока была возможность. Потом не стало возможности, составы не поступали – уголь начали выгружать на землю. Прямо добывали – и над путями, прямо с платформы грузили и высыпали его с путей. Вот даже у меня еще отметина, рана. *(Показывает поврежденный мизинец на руке)*. [...] Лопатами разгружали, и сосед парень как рубанул – и перерубил палец. Эта отметина. Мы разгружали пацанами. Все ходили, школьники, всех посылали. Здесь столько уже угля было, некуда [девать]. Понад путями почти что до самой Чулковки<sup>1</sup> – все засыпали углем по обе стороны. Вот если смотреть: «б-Красная» и там Чулковка, потом «9-Капитальная»<sup>2</sup> и пошло дальше. Все засыпано углем. Значит, построили эстакаду и начали лентой, значит, выдавать уголь сюда на поселок. Там пустырь был большой – начали засыпать его углем. Засыпали уже и его. Уже некуда давать, уже немец вот подошел, уже

---

<sup>1</sup> Шахтный поселок в Сталино.

<sup>2</sup> Перечисляются названия шахт в Сталино.



немцы подошли вплотную. И до последнего дня, пока не взорвали шахту, добывали уголь и складировали его сюда. Все время. Отец мой работал в шахте в это время забойщиком, добывали очень много угля, хороший, коксующийся уголь был. Ну что там еще... Ну, уже угля очень много. Но вот непонятно мне одно до сих пор: зачем столько добывать? Уже вот немец подошел, уже где-то 20-30 километров от нас – и мы все добывали и складировали уголь. Ну, уже когда подошел, наши отступили, через 2-3 дня, когда наши отступили, через 2-3 дня пришли немцы. Но перед этим, в последний день, вот когда взрывали шахту, значит, еще. [...] Ну немец где-то километрах в 25-30 может, был. И пришли взрывать шахту. Приехала команда минеров, заминировали. Там народ выбежал, там бежали все туда, на шахту: «Не дадим взорвать. Мы чем будем [жить], сами уйдете, а мы чем будем, голодные будем, что ли? Чем жить будем? Мы не дадим». Такая паника была, что не давали взрывать шахту. Ну, там оцепление было, всех выгнали, шахту взорвали и через 2 дня пришли немцы. Ну взорвали что? Взорвали на «б-Красная» только один копер. И все. Копер взорвали и все. И оно все село. [...] Значит, работать нельзя. Там надо было разобрать все и построить новый копер. Ствол остался целым, нетронутым. Только поверхность взорвали. А две шахты – там они старые еще, дореволюционные – «Четвертая» и «Пятая», на «б-Красная» – два ствола. А эта шахта была в 30-м году построена. А те еще в 1904-м и 1905-м году – четвертый и пятый ствол. И остались – они как вентиляционные были. Они остались. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] Нам никто ничего не объявлял. Никто ничего. А эвакуация производилась выборочно. Вот вы знаете как сейчас – в магазине что-то выбросили по своим. [...] Значит, я так считаю, брали так, кто сказал. Может кто-то работал в райкоме, кто-то работал на базе, может кто-то врач, кто-то адвокат. Ну вот они в основном, их же тысячи остались. [...] Но вот из разговоров из всех, меньшая часть эвакуировалась [евреев]. В основном люди не успели. Некоторые, я так думаю, некоторые не поверили в жестокость, некоторые не смогли бросить старых родителей. Некоторые может и хотели уехать, но не было возможности. Все было ограничено, вывозили в основном оборудование фабрик и заводов, что можно было. А остальное что – подлежало уничтожению. В общем, оставили нас голых и босых. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Эвакуация, как у нас такая, если и была, она незначительная была. В основном вопрос был об эвакуации заводов. Оборудования, потому что этому каждому понятно: готовое вывезти в Сибирь, Урал – это не то, что новое строить. Понимаете? Так что я думаю, такого не было, чтоб эвакуируетесь, чтобы у вас на вокзалах теплушки, поезда. Может тот, кто ближе к власти – тот, может быть, успел. А основная масса нет. [...] Может быть еще знаешь что? У нас оседлый [народ]. Они еще б, если им и предложили, я не знаю, как они бы это восприняли. Понимаете? А потом я вам скажу. Здесь перевалка страшная была. С Одессы сколько евреев через Мариуполь прошло. [...] Да, прошло. И часть их осталась тут, в Агробазе<sup>1</sup>. Тут их тормознули в гетто это. Уже они попали, немцы пришли. Так что ой-ой-ой. [...] Оборудование – да. И надо уже учесть то, что на Ильича до войны была получена броневая сталь. Высшего класса. Вот оборудование, ну печь мартеновскую, понятно. Но специалисты, технологи – их, конечно, эвакуировали со всем добром, с технической документацией. Ну и частично – сколько успели, столько и вывезли. [...] Вы знаете, мартен был закозлен<sup>2</sup>. [...] Люди еще не могли понять – как они будут при немцах, как они будут работать на том же заводе или на этих же печах. Мне кажется, у них и мысли такой не было, не было [как жить при немцах]. Жгли все. Что могли, взрывали наши при отходе. Элеваторы, зерно. Мы выжили благодаря тому, что пшеница горелая, вы знаете, зерно, размалывали. Ее и есть то нельзя, но вот это вот. Вот на станции Карань там элеваторы были. Вот таким образом. Так что я думаю, настроения такого у людей не было, чтобы «а что мы будем делать?» [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Мы всегда, ну ходили мы в парк Якусевича<sup>3</sup> в начале войны. Ходили в парк – пришли в парк, дети маленькие. Сколько нам было – 10 лет. Пришли туда – а людей нет. Парк пустой. Мы ж не понимаем, пришли домой – мужчины бегают, бегают. А по радио – война. Ну а мы давай говорить: война, как немцев бить – ну это все из

---

<sup>1</sup> Поселок под Мариуполем, место массового уничтожения еврейского населения города.

<sup>2</sup> Термин означает охлаждение плавильной печи с расплавленной массой, выведение ее из строя.

<sup>3</sup> Центральный парк в Константиновке, назван в честь А.Ф. Якусевича, председателя Константиновского ревкома.

книг, книжек. Ну а когда наши уходили – а немцы, вот мы говорили сегодня с ней (*о сидящей рядом подруге*), что немцы не приходили еще 8 дней. Они просто не успевали. Вы понимаете, вот такая была армия – как-то ну вот я и думаю, то ли пропаганда была – ну как-то, бедность, брючки эти. Они ушли – грабили это же все. [...] Ну я же вам рассказываю – что они (*отступающие красноармейцы*) уходили в обмотках. И бедные такие – даже мне кажется они голодные, эти брючки никакие. Ну как-то, оно мне кажется, она (*Красная Армия*) была какая-то бедная слишком. И когда они уходили, так ходили мы на элеваторы – пшеницу крали, заводы брали. Я что брала – чернильницы и вот эти вот книжечки. Макуху еще. А другие мои сверстники – пуговички в магазине. В общем, кто что. Мы еще не соображали. Это потом. [...] Мы как-то еще не соображали, что нужно для жизни. А мы так, чтобы для красоты: пуговиц у нас не было до войны. Ну бедно люди жили. По сумкам хлеб давали. Все ж в Германию отправляли. Сумки, помнишь (*обращаясь к подруге*), моя мать возила. Ну а потом мы смотрим – едут разведчики. Самолеты там летали – и ни одного не сбили. Ну вот как-то бедно, бедная наша армия была. [...]

**К. Нина Демьяновна**

\*\*\*

[...] Потом вдруг в один день – пусто в городе. Никого. Ни милиции, ни полиции. Никого. И начался грабеж. [...] 10 дней продолжалось. Я сам свидетель. Значит, мимо нашего дома мужики семеновские<sup>1</sup>, пацаны постарше видно – с театра видно шли. Парики на себя понадевали – оно им надо? Латы бутафорские – они же из папье-маше. (*Смеется*). Копья – ну они же с наверхниками были, серебрянкой покрашены – красивые такие. Мечи бутафорские несли. Ну, всякую гадость. Ну кто побыстрее был – поспорили бархат с кресел, занавес по-моему содрали. А так ходили по магазинам, которые были, остались. Кондитерскую фабрику тащили – там на кондитерской фабрике. [...] Хлебозавод рядом довоенный – первый, так он назывался. И сейчас по-моему первый. С магазинов тащили. Люди тащили по интересному. Некоторые хватали все подряд. [...] Нужно, не нужно. А некоторые знали. Папиросами и махоркой довоенной торговали до 43-го года. (*Смеется*). В 41-м-42-м году. До освобождения. Представляете? Ну помню как ящики – огромные фанерные ящики. И там лежали пачки папирос и пачки этой махорки.

---

<sup>1</sup> Жители улиц Верхняя и Нижняя Семеновка в Сталино.

Ну все это растащили. А на кондитерской фабрике – ну это уже говорили, по слухам земля полнится. Что там несколько человек в патоке утонуло. Слыхали? [...] Я тоже не брешу. Ну толпа. А там была яма бетонированная – в ней патока была. [...] И оттуда черпали ведрами. Собралась толпа и кто-то толкнул – туда упал. И не выгатишь. [...] Хуже, чем болото. Сколько их было, упавших туда – я не знаю уже. И это 10 дней было. Пытались оставшиеся красноармейцы, которые пробегали по городу, на Красный Луч. Они с пулеметами некоторые были – с винтовками все были. Пытались некоторые остановить, пытались что-то сделать. Но ничего не получилось. [...] Ну мы проснулись утром, пацаны, пойти в комендатуру – а ее нема. А потом узнали, что ни обкома нет, ни КГБ нет – никого нет. Ни МВД, никого. И 10 дней город так существовал в взвешенном состоянии – до 20-го числа. [...] Немцы вошли очень тихо. Потому что какую-то нашу дивизию шахтерскую – их же было 3. Проваловская<sup>1</sup> просуществовала долго – я не помню номера двух дивизий, а одна дивизия была дислоцирована в Еленовских карьерах, в Докучаевске. И ее там разложили. Ну потому что ребята необученные – вооружение было, конечно, не с голыми руками. И они разбежались. [...] В городе перед приходом немцев, в это безвременье – люди между собой, слухи ходят. Сарафанное радио работает. [...]

*Крицын Олег Демьянович*

\*\*\*

[...] Когда немцы уже наступали, говорю откровенно, честно, приходит ко мне начальник, а мы в то время шахту уже подрывали, бурили шурфы, и говорит: «Бери, паря, белье, ложку, кружку, сейчас подьедет двуколка, заберет нас». Приехала повозка на двух колесах, мы сели и приехали на железнодорожный вокзал. Там уже было все наше начальство. Мы сели и поехали в Мариуполь. Доехали к вечеру, а там как стали бомбить. К утру все собрались, пришли в село Ялту. Он был вроде как завхоз, а я его помощник. Мы там копали окопы и все, что нужно в военных целях. Потом, когда начали бомбить, начальство большое село в машины и уехало. А нас пошло целое море людей. Аж страшно стало. Начальник второго участка Усак мне говорит: «Пойдем, Николай, не дорогами, а прямо». Пришли в Мариуполь, а тут идет пустой поезд, порожняк, с такими вагонами, в

---

<sup>1</sup> 383-я стрелковая дивизия, сформированная в августе-сентябре 1943 года в основном из шахтеров Донбасса. Первым командиром был назначен полковник К.И. Провалов.

которых уголь возят. Туда набилось много народа, мы доехали, уже не помню, куда, нас разгрузили. Все разошлись кто-куда. Мы пришли домой. Только пришли, на второй день в ночь заняли немцы город. [...]

### *Кубышко Николай Сергеевич*

\*\*\*

[...] Поступил учеником слесаря на ртутный завод, проработал я там, не помню сколько, а потом в октябре месяце послали на окопы, копать противотанковые рвы, это за Донецком, станция Кураховка, Кураховская ГРЭС<sup>1</sup>, там мы копали. Тогда начались частые налеты, бомбили и нас распустили по домам. Шли пешком оттуда домой, пришли в Горловку, все производства стояли, Ртутный комбинат, который посылал меня на окопы, уже нет, все эвакуировались. Я пришел, ни хлеба, ничего нет. А там я, когда шел полями, стояли и помидоры, картошка, не убраны. Я пришел, у меня ноги распухли, особенно левое колено, я поболел, а потом пошел собирать по полям, что осталось, все уже было приморожено. Буряк оставался, и я приносил домой, мы варили. А потом ходили менять, какая одежда была, мне брат подарил костюм, он на Сахалине жил, приезжал в отпуск и подарил костюм. Я этот костюм понес в Днепропетровскую область, пешком, шестнадцать лет мне было. Ведро кукурузы выменял за пиджак. А брюки никто не взял. А тогда начал ходить по полям, там оставались скирды не обмолоченные, молотил зерно, это Никитовка, Зайцево, под Артемовском. И один раз пришел туда, а там немцы солдаты, взяли нас, я был и две женщины. Привели в штаб, в селе Зайцево под Артемовском. Они спросили: «Откуда?» – Я сказал, что из Никитовского комбината. – Они сказали: «Идите в Артемовск, а домой не идите, пока мы не займем вашу территорию». Уже вечерело, мы пошли, я старался перейти, шли по селу, в переулочек только поверну, а там везде солдаты сидят и возвращают. Пришли в какое-то село под Артемовском, там переночевали, а утром нас хозяйка подняла, говорит: «Идите через балку». Мы через балку пошли, вышли на дорогу и я пришел в Никитовку. Пришел в Никитовку, там встретил командира, он говорит: «Вы откуда идете?» – Я говорю: «Ходили зерно молотили, а потом забрали немцы». – Он говорит: «А где вы живете?» – Я говорю: «На Ртутном комбинате». – А он, лейтенант, но без формы был, в телогрейке, говорит: «Там наши люди встретят вас, скажите, что я разрешил». И мы пошли и стали выходить из поселка, сейчас

---

<sup>1</sup> Кураховская гидроэлектростанция.

Бессарабка называется, там пустыри были, несколько домов, вышел солдат, я сказал, что идем домой, пришел домой. Тогда уже дома зерно крутили, крупу делали, муку.

[...] Мне было тогда, это был уже 1941 год и осень, говорят мужчины, что надо идти в военкомат и в армию. Иван<sup>1</sup>, и другие собрали сумки и я матери говорю, собери и мне сумку. [...] Пошел я с ним, идем, когда идешь в Никитовку, здесь какая-то база была, обнесена забором. Тоже двери все параспаханы были и мы пошли через эту базу. И мы пошли через нее. Когда смотрим, такие баки, как молочные тянутся. Оказывается там клей резиновый и камеры, чтобы делать галоши делать. И то мы шли и зашли в цех, склады большие. Смотрю, а я же учил горные машины, там зубки и цепи, тогда комбайнов еще не было, а были машины угольные, вот это только оставалось, а так все было растянуто. И мы перешли через них, через пути, там был старый вокзал, это новый вокзал. И мы пришли, там много мужчин стояло. И говорят, вот нас вызвали в военкомат, мы сдали военные билеты, нам сказали утром прийти. Утром пришли, наши билеты порваны лежат и никого нет. Сказали, идите в Никитовку, пришли в Никитовку и сидели, и я с ними сидел. Потом кто-то сказал, ближний военкомат в Артемовске. Пошли в Артемовск. Дорога Артемовск-Горловка, идем, смотрим кто-то едет на лошади, в телогрейке, оказалось, что лейтенант. «Вы куда это идете?», – спрашивает, а нас много идет. А он говорит: «Ближний военкомат в Ворошиловграде, возвращайтесь». И мы так вернулись, опять таким же путем через базу, пришли домой, вещи выложили на этом все и закончилось. А еще товарищей я встречал после войны, мы учились вместе, они говорят: «Мы ходили в Ворошиловград, пришли, а они говорят, идите ребята домой, что вам тут делать». Ну пацаны, по шестнадцать лет. [...]

*Л. Николай Федорович*

\*\*\*

[...] И мы начали эвакуироваться. Бомбежка началась. Бомбили нас – там был склад. Бомбежка началась на этот склад. А я каталась на калиточке. На калиточке меня мальчик катал. «Идем листовки ловить». – А я говорю: «Это не листовки, а бомбы». Как-то сообразила, что это бомбы. И он побежал по улице, а я заскакиваю в квартиру, говорю: «Мама, бомбы!» Не успела «бомбы» сказать, как уже разорвалась. Крышу снесло. Попала бомба через один дом от нас.

---

<sup>1</sup> Знакомый респондента.



И у нас крышу снесло, ну там суматоха началась, в этом доме погибло 9 человек, вся семья. Там молодожены, как раз только поженились. Погибли все. И в это время приезжает папа. Папу не забрали на фронт, у него уже года вышли. А брат ушел на фронт, а папа остался с нами. Он работал здесь еще на фабрике-кухне. Уже после шахты. Шахты позакрывали, уже повывозили все. А он там остался. Приезжает, папа привозит бричку – эвакуироваться. Ну мы погрузили, бегом-бегом, что там необходимо – бегом, бегом. Уже бомбежка, считай, что немцы вот-вот придут. Погрузились на эту бричку, поехали. Нас пять семей выехало. И на Алчевке – там степь была, сейчас там поселок полностью, а там была раньше степь. И около степи этой нас окружили немецкие танки. И нам уже было деться некуда, дом наш разбитый. Нам даже некуда было ехать. Вернуться нам было уже некуда, и мы поехали на базар, на поселок. Там была девушка брата нашего, мы к ней приехали. Она нас поместила у себя, неделю подержала, потом мы нашли этот дом и переехали сюда. Там были ставни, дом пустой [...] дом был брошенный. [...] В этом доме мы до сих пор живем. [...] В этот дом вернулись [хозяева], но им дали другую квартиру, уже наши, советские. Нас когда освободили, они вернулись, они были на Урале, эвакуированные. Ну они вернулись, но нас не выгнали. Так как тут подполье было, тут все в этом доме, в нашем было организовано подполье. А нас никуда не выгнали, а им дали другую квартиру. [...]

*Митина Роза Никитична*

\*\*\*

[...] Шахта не работала. «Лидиевка». Наши взорвали ее. [...] Что врагу не оставлять ничего. [...] Уже Киев взяли. Здесь уже народ, как говорится, был [готов]. А тут уже радио передало, что немец под Ростовом. Мы оказались в кольце. А тут уже начали взрывать шахту. Люди сначала не давали. [...] Ну, были тут такие, как это. Их сразу забрало НКВД и увезли. В общем, их никуда не увезли, их тут на Одиннадцатом<sup>1</sup> и расстреляли. [...] Вот здесь сейчас Текстильщик<sup>2</sup>. Там был аэродром. И там за аэродромом сразу [...]. Там учебный аэродром был. [...] Их человек 6 было всего. [...] Их фамилии помнил, а сейчас уже забыл. На третьем жили, как их Саковичи. Саковичей помню. Саковичи. Но они что протестовали. [...] Они не давали взрывать, что, мол, вы все отступите, а нам работать нужно где-то,

---

<sup>1</sup> Поселок в Кировском районе Сталино.

<sup>2</sup> Микрорайон в Кировском районе Донецка.

чтобы же зарабатывать хлеба. Ну вот за это их забрали – человек 6, да – и расстреляли там. Это в 41-м году, перед приходом. [...] Мы пацанами были, мы все знали, все на свете. Их забрали, повезли. А мы следом бегали. Толик Савушкин, я бегал, Володька Андреев. И туда. Ведь у нас-то транспорт какой был? За ними приехала пара лошадей. Не на машине. Пара лошадей с крестом, как санитарные. Их туда посадили, сели и повезли. А мы за ними. [...] А какой суд, какое следствие, когда уже тут полностью все было, все эвакуировалось, ну попроще сказать, все удрали? [Руководство шахты] эвакуировались раньше. Раньше всех они эвакуировались! Судя по Карпову – Карпов был здесь начальником шахты. Новиков был помощником начальника шахты. Они эвакуировались еще... Иван, как его, все забываю, Матвеевич... Они эвакуировались все где-то за месяц раньше. [...] Уже их не было, а шахта еще работала. [...] Только шахту взорвали, на третий день немцы зашли уже. [...]

*М. Алексей Михайлович*

\*\*\*

[...] Я помню эти времена, мне они так в душу влезли, когда отступали наши войска. Я понимаю, что тогда наша Родина была еще слаба, от тридцать третьего года что там прошло до сорокового года? Сам мир построить и государство было нельзя. И правительство чувствовало, что бессильно в этом деле, что нет того оружия, нет того, как бы это сказать, мощи, чтобы защитить себя. И отступали. Я смотрел. Что мне тогда было – десять, одиннадцатый год. Вот, я смотрел, как гнали стада скота, быки. Ну, я бы сказал, что это был племенной фонд, поэтому его угоняли. Коровы такие вот, большие, ну как тракторы величиной. Нас, вызывали, наших родителей, ну там луг у нас был. Они останавливались, чтобы отдохнуть, и звали людей, чтобы они доили коров. Потому что они болеют, недоенные, у них вымя распиралось. По два ведра молока одна корова давала. Это семенной был фонд. Смотреть было жалко, такое гнетущее состояние было у нас, что вот уходят – все. Ну, свиней гнали тоже породистых, таких. Здоровые, по полтора метра длиной, толстые такие, мощные. Ну самый фонд семенной. И чувствовалось как-то, что все это уходит от нас, что мы остаемся как бы брошенные. Ну незадолго после всего этого – не знаю, куда оно дошло, куда угналось – подошел фронт к нам. А в двенадцати километрах вверх от нашего хутора – КураховГРЭС. И КураховГРЭС оставили там защищать. Ну, пока ее там взорвут или что-то еще. Я в этом не в курсе дела, еще был пацан. Ну я знаю, что еще до того, как подошли немцы, у нас квартировал

один лейтенант. Я фамилию не помню, хороший человек он был, и он там остался защищать. Сколько их там – или двадцать восемь человек оставалось? [...] И начался бой. Наш хутор три раза переходил из рук в руки. Это наши располагались [возле] села Анновка, там на бугру. Это когда-то текла у нас река – Сухие Ялы. И как бы берег видно был. Там уже дальше бугор и песчаная грядка, и там уже дальше села Успеновка, Анновка, а между ними на бугру мельница стояла ветряная. И вот они там расположились, защищались. Вот эта группа защищалась. И немцы как-то подошли. Немцы подошли как-то с подвохом, вроде в обход. Ведь должны они были с запада, а они с запада-востока, или с востока, короче говоря, от леса к нам подошли. Ну, завязались бои. Ну как, день. На второй день, я вот помню, сидел я у окна. Мама как-то подушкой закрыла окно, что на луг туда, на Анновку выходило, а я сидел, смотрел. И вот что я увидел в окно. Что вот через луг – ну, там река – она на лето высыхала. Раньше она, когда было половодье, разливалась на весь луг – полтора километра. И у нас сообщения с теми селами не было. А было, что она на лето сливалась и ручеек такой – метров 6-8 всего-навсего протекал. И я – смотрю через луг что-то шевелится. Ага. А наши ребята, что защищались, солдаты, они как-то цепью через луг бочком ползли, друг от друга метров по шесть – по восемь. Ну, оно с окна видно. Ну я не в курсе был в этом деле и смотрю, что это наши солдаты ползут, наступают. Ну они как-то знаете, как-то, рядочек один, а дальше через полкилометра – два. Может, они в три ряда ползли, что я смотрел в окно, смотрю – один, значит, свалился, потом другой. Через некоторое время еще один свалился. Тогда я понял, что это же убивают их. И где-то значит, стреляет что-то. Ну я, значит, на улицу выходить, а мать меня гонит: «Куда, куда? Нельзя». Ну я ей, говорю, что не буду выходить, я в конюшню, гляну, как там корова. У нас так – дом, и сенцы. Через кладовку можно было в конюшню пройти, дверь там, а направо квартира. И вот, значит, я пошел, и вышел я во двор. У нас была хата соломою крытая. Ну, когда я вышел, я увидел у соседа в садку – ну как бы клуня, или сарай там. Что с причилка<sup>1</sup> там дверь, можно на чердак лазить. И кто-то туда лез. Ну я ж не обратил внимание, я только обратил внимание, что нога в сапоге и отбросила лестницу от стенки. Ну я ж пошел, сел так под дом и смотрю. И плачу. Я ж знаю, что это свои. Они у нас жили, вот. Ну значит, сижу я, смотрю. Они сюда уже прошли. Немцы туда сюда пробегают, смотрят, стрельба кругом. И вдруг из-за угла кто-то зовет: «Коля, Коля». Я повернулся – наш, что у нас стоял. Говорит: «Где тут у вас пулемет стоит? У вас на чердаке

---

<sup>1</sup> Крыльца.

нет?» Я говорю: «У нас на чердаке нет». А меня – ну ровно я три или пять минут сидел под стенкою – и меня соломою всего присыпало. Я так очнулся, вроде того, смотрю – ну откуда солома взялась? Ну вот отошел, глянул – а у нас снаряд попал в угол дома – и такая дыра, здоровая. Я полез на чердак посмотреть, что же там такое. Еще там у нас ящик стоял из-под сала, и крыльчатка<sup>1</sup> застряла тут, взорвалась, и застряла. Я знал, что там у нас нет никого. И говорю ему: «У нас нет никого. Я только был на чердаке». А потом уже он до угла доходит, я говорю: «Минуточку». – Он повернулся: «Что такое?» – Я говорю: «Вот я видел, что в сарай кто-то на чердак лез, нога в сапоге, откидывала только лестницу от стенки». Он так свистнул – раз, еще два человека прибежали. И туда, значит. Подошли, поставили ту лестницу. А там действительно пулеметчик сидел. Крыша-то соломенная, она же нетолстая. И он дырку прорыл – и вот-то косит по лугу. И они туда пошли – ну и я же туда. А там один стал возле этого. Два залезли туда на чердак – они лестницу откинули. Этот, что внизу, откинул лестницу, и стоит. Винтовку поставил – тогда СВТ<sup>2</sup> были винтовки, пятизарядные. Откинул лестницу, и он вот так винтовку поставил, взял за ствол и смотрит вверх. Я смотрю – оттуда кто-то показывается живой. А потом смотрю – немец, и он раз так за дверки взялся руками – с одной стороны и с другой, и не хочет прыгать. Я не понял, что они хотят. А потом смотрю – его оттуда ногой выпхнули и он летит – а этот (*красноармеец*) вот так подставил штык винтовки, приклад поставил на землю. И этот немец вот так как летел плашмя – и насквозь, по самую руку. Мама, я как увидел – я повернулся и тикать! Таких зрелищ я еще не видел. Ну это один день – а на второй день опять же. Они, немцы, уйдут в лес, а эти, что тут посмотрели, их технику поломали – и назад на бугор уходят. Ну самый интересный случай был такой – у нас был Гриша Голомозый. И он постарше меня. [...] И я вот в первый раз, как отступали немцы – ну эти же наступают наши. А эти (*немцы*) по огородам – не хутором, а по огородам – и в лес тикать. Я вышел на улицу, смотрю: этот Гриша их оружие разворачивает. Ну оно небольшое, но с этим, как все положено. Поставил. А там же снаряды в ящике лежат. И он зарядил – и вслед немцам как пужанул. Но все дело в том, что он же, наверное, не знал, что его надо окапывать, чтобы оно уперлось где-то рамой. Его как откатом дало – и вот эти ноги как ударило. Он упал, и вот корчится. Я побежал: «Дядя Гриша, что такое?» – Он: «Тикать надо, Коля». – Я говорю: «Тикать так тикать». Я его за руки и поволок сюда с огорода.

---

<sup>1</sup> Стабилизатор от минометной мины.

<sup>2</sup> Самозарядная винтовка Токарева.

Вот это был такой случай. А потом, значит, на второй или на третий день. Вот наши закопают, значит, своих солдат. Те пришли, вырыли, своих закопали. [...] В одну и ту же могилу. [...] А наших выбрасывают. Ну, потом, не знаю куда. Или наши забрали, там где похоронили? [...] Мужчины наши нашли [похороненных], ну старики. У нас был бурт, чтобы там траву для силосования на площади [хранить]. Там похоронили, и потом, когда уже все это дело закончилось, ушли, они перенесли их. Уже, когда наши, Советская власть вернулась, так их похоронили. Выкопали там пять человек, я точно не помню, и возле школы похоронили. Сейчас памятник там стоит. Ну, значит, на этом война закончилась. На третий день, ну да, на третий день, слышу, кто-то стучит в окно к нам, ночью, уже темно было. И слышу, что-то бряцает. А темень, осень такая. Грязь, дожди же были. Я к самому окну притерся, посмотрел: «Мама, вот лошадь стоит под окном». – Она меня тянет и говорит: «Уйди, стоит. Тебе оно дело? Откроешь – они тебя убьют». – А я говорю: «Так наверное это же наши». И через кладовку туда вышел, в конюшню. И в конюшне дверь открыл, пригнулся так до земли. Смотрю – точно лошадь стоит. А один, значит, говорит: «Открыл?» – «Да, открыл». Заходят, три человека. Говорят: «Дайте нам переодеться. Мы сегодня уже уходим. Мы уже глубоко в тылу. Куда нам? В военном нельзя». Ну тогда мы как жили? Ну, отцовское там нашли какое-то тряпье. В то время у нас даже костюмов не было, чтобы костюм приличный одеть. Ну были там брюки, рубашки, куртка какая-то там. Она, значит, старшего брата моего, Мити нашла какие-то [вещи]. Ну, короче говоря, мы их переодели. [...] Почти со всех собрали, переодели. Ну они, значит, уехали. А перед самым утром опять слышу, конь стучит. Вот так ногой (*имитирует стук*) и бряцает где-то. Мама говорит: «Не вставай, не иди». – Я говорю: «Мама, нельзя. Немцы же так не стучат. Немцы если стучат, то прикладом стучат, ногами. Ну этот же даже в окно не стучит, а вот бряцает что-то». Я вышел, а там стоит конь серый, нашего лейтенанта, седло, как положено. Я дверь открыл – он в знакомое место на полусогнутых залез этот конь, стал на свое место, где они у нас стояли. Я с него, значит, седло снимать начал, а потом глянул – а у него у левого стремени сапог торчит. Ну, наверное, убили этого лейтенанта. Возможно, он волочился, я представляю, что сапог остался в стремени. Ну, этот конь у нас жил долго. [...]

*Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] Отступали наши – безвластие было. Больше недели – недели две. [...] Наш район беженцы наводнили. Стали эвакуироваться все предприятия, конторы, все. Очень страшно было. Во дворе шахтерская дивизия разместились. Тут футбольное поле было и парк называлось. А через парк мы жили напротив. Жены – они местные, из Макеевки. Они многие разбежались – вот я вам откровенно говорю. Жены ихние приезжали, а у нас на квартире были. Много беженцев было из западных областей и из центральных областей. Гнали скот. Скот гнали по дороге к Кирша<sup>1</sup>, туда выше, на восток. Отступали части. Потом у нас на квартире стали пограничники с румынской границы. Отступали. С румынской границы. Они, наверное, неделю были. И шли наши отступать. Как они бедно одеты были. Вид несчастный... (*неразборчиво*). Женщины старшие стояли. Мы молчали. Возле своих дворов. А женщины старшие говорят: «На кого вы нас оставляете?» – А они говорят: «Мы еще вернемся, мы еще вернемся». [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] В 41-м году няня нас с сестрой привезла в гости на лето к бабушке, числа 10-го июня, а 22-го началась война. Отчим сразу на фронт, а мама 2 недели добиралась в Сталино. Приехала опухшая от голода. Первые бомбы упали на Пожарной<sup>2</sup> в скверике, возле Первой горбольницы. Метили на ДМЗ<sup>3</sup> да не попали. Погибла молодая пара, говорили. Где-то в августе приехал отчим. Не захотел жить в гостинице «Донбасс» – там был его штаб. Он жил с нами, ночевал, так как целыми днями пропадал по делам. Приезжали машины, сгружали нам во двор закрытые ящики, другие машины приезжали и увозили. То ли формировали Шахтерскую дивизию, то ли с военного завода Путиловка привозили что-то – не знаю. Шофер его по имени Чайка подарил мне граненый штык, а отчим – кинжал, который бабушка, зная немцев по 18-му году, бросила в туалет, что нас потом и спасло. Начали бомбить Сталино. Жителей заставили вырыть во дворах бомбоубежища и заклеить окна крест-накрест полосками бумаги. Ночью немецкие самолеты сбрасывали осветительные бомбы на парашютах и бомбили. Старались ДМЗ и машзавод – 15-летия

---

<sup>1</sup> Ставки (пруды) Кирша на окраине Сталино.

<sup>2</sup> Пожарная площадь в Сталино. Ныне – площадь им. Дзержинского.

<sup>3</sup> Донецкий металлургический завод.

ВЛКСМ. Как раз Нестеровка<sup>1</sup> там находится. Сзади, если посмотреть, ДМЗ находилось, а слева 15-летия. Вот они не попадали, а все по Нестеровке лупили. Раздавались крики и стоны, когда бомба падала в чей-то двор. Прожектора освещали небо, зенитки ухали, истребители стреляли трассирующими пулями. Няня уехала. Днем часто были воздушные бои. Однажды наши сбили немецкий «мессершмидт», который упал на крышу Госбанка на Первой линии<sup>2</sup>. Хвост так и торчал. [...]

Ну перед тем, как немцы вступили, дня 2 или 3 шли большие бои. То ли в районе Волновахи, то ли ближе, видны были большие сполохи, и слышался гул артиллерийской канонады. Потом дня 2 ничего не было, наши ушли, взорвали электроподстанцию, водопровод и, значит, город оказался в безвластии. Нет ни милиции, никого, ничего. И начался повальный грабеж. Значит, таскали все кто что мог. Тот на склад, например, забежал, бревно там или шпалу утащил, а если в магазин – вот тут Пассаж был на рынке на Соловках, двухэтажный пассаж, там ситец был, материал, мануфактура. Забежал там, например, один, или с другом прибежал, ухватил этот один конец, а другой ухватил другой конец – друг-другу. А дружок подходит, по башке того – ба-бах – и унесли. В общем, страшное дело, таскали с фабрик, с заводов, все что можно было – все таскали. С мельниц, с мясокомбинатов, с магазинов. Ну все, что можно. [...] Безвластие это ужасно! [...] Что не вывезли – с мельницы зерно, которое вместо того, чтобы раздать людям, облили бензином и подожгли, с кондитерской таскали патоку, с мясокомбината, что осталось... Уголь, дрова – отовсюду все таскали. Стада коров и лошадей – видно, их гнали и бросили, они разбрелись кто куда. Вот такая была вакханалия. [...] 2 дня была анархия страшная. Безвластие. Никого ничего. Ни наших не было, ни власти не было, ни милиции не было, ни немцев не было, ничего. Была потом тишина. [...] Конечно, были убийства. Друг-друга, драка и все такое. Ну, нельзя сказать, что это было повально. Может, единичные случаи какие-то были. А потом, значит, пришли немцы. Я помню, значит, как наши начали отступать. Значит, во-первых грязные, худые, изможденные, кто с винтовкой, кто без винтовки, в обмотках, раненые – то ли перевязана рука, то ли шея, то ли грудь. Который мог идти – сам шел, кто не мог идти – его везли на телегах. Везли. Или в больницу Калинина или на Пожарной – Первая городская больница – туда везли. [...] Наши подорвали водоканал, электроподстанцию. Не было ни воды ни света – жгли каганцы, а за

---

<sup>1</sup> Поселок в Сталино.

<sup>2</sup> Ныне – ул. Артема в Донецке.



7  
Bericht über Industriegebiet MAHLE.

Das Industriegebiet MAHLE wurde von Gagner Kampfliegerment. aus Geb. Korps rüchte am 20. 10. 41 in die Stadt MAHLE ein. Vom 12. 10. ab hatten die Bürger durch Zerstörungsbataillone die Industrieanlagen, eine Teil der öffentlichen Gebäude und größeren Kaufhäusern systematisch zerstört. Die Zerstörung war recht unterschiedlich. Mit besonderer Genauigkeit waren die chemischen Fabriken, die Mähtenwerke und die größeren Brücken durch Sprengungen zerstört. Letztere allerdings in wesentlichen nur über Tag, da die Arbeiterschlacht die Zerstörungen unter Tag vielfach auch verhindert hat, dass die Bombardierung vor Eintreffen der Zerstörungstruppen gekappt wurden.

Allgemeine Wirtschaftslage siehe besondere Anlage.

Lebensmittelvorräte waren in der Stadt keine mehr vorhanden. Lebensmittelvorräte für etwa 8 Wochen. Vorräte an Brotgetreide sollen noch erheblich größer gewesen sein. Städtische Lebensmittelvorräte waren vor Abbruch der Häuser der Bevölkerung zur Plünderung freigegeben worden. Es ist anzunehmen, dass sich ein Teil der Bevölkerung (niedere Volksschicht und Juden) mindestens für 4 Wochen mit Lebensmitteln eingedeckt hat. Die Volksdeutschen und die besseren Kreise der Stadt dürften schon jetzt ohne Lebensmittel sein. Die Versorgung der Bevölkerung dürfte sich für die Zukunft als sehr ernstes und vorrangiges Problem herausstellen. Weitere Angaben über die Lebensmittelversorgungslage siehe besondere Anlage.

Wasser und Stromversorgung z. T. unterbrochen. Mit einer Versorgung in bescheidenem Umfang kann ab 1. 11. gerechnet werden. Lebenswichtige Betriebe für die Ernährung der Bevölkerung wie Bäckereien, Mühlen und dgl. sind nicht zerstört und können in beschränktem Umfang auch ohne elektrische Kraft in Betrieb gesetzt werden. Die Schäden an den Gebäuden sind mit wenigen Ausnahmen verhältnismäßig gering. dagegen sind die Inneneinrichtungen der öffentlichen Gebäude, Kaufhäuser und Verwaltungsgebäude fast gänzlich zerstört und was noch brauchbar war, durch die Zivilbevölkerung geplündert.

Die Stimmung der Bevölkerung war zunächst im Zeitpunkt des Einmarsches gedrückt, doch keineswegs feindselig. Bereits am folgenden Tag zeigte sich die Bevölkerung in der Mehrzahl der Truppe gegenüber entgegenkommend. Sowohl bei den durchgeführten Erkundungen wie auch bei der Arbeit der Stadtkommandantur stellte sich die Bevölkerung bereitwillig zur Mitarbeit zur Verfügung mit dem sichtbaren Bestreben, möglichst alles zu tun, um den durch die Zerstörung hervorgerufenen Stillstand des Arbeitsprozesses zu überwinden. Man spürte deutlich, dass ein Alptrick, der schwer auf ihr gelastet hatte, gewichen ist. Nach kurzer Zeit gingen Meldungen über noch angebrachte Sprengladungen, Sprengstoffvorräte und dgl. ein. Immerhin war noch eine gewisse Angst vor zurückgebliebenen Partisanengruppen spürbar.

Der anständige Teil der Bevölkerung ist durchaus zur positiven Mitarbeit bereit. Die Masse der Bevölkerung verhält sich abwartend. Sie ist von einem tiefen Hass gegen die roten Gewalttäter und Juden erfüllt. Eine gewandte Ausnutzung dieser Stimmung kann im weiteren Aufbau wertvolle Dienste leisten. Die Einstellung der großen Masse der Arbeiterschaft ist durchaus positiv, sie hat sich selbst gegen die Zerstörungsbestrebungen der Roten gewandt in der Erkenntnis, dass durch die Zerstörungen ihrer Arbeitstätten die Arbeit und Brot verlieren.

Unter den im Gefängnis vorgefundenen Ermordeten wurden tatsächlich überwiegend Arbeiter gefunden, die nach Mitteilung der Bevölkerung wegen ihrer Widergesetzlichkeit gegen die Zerstörungstätigkeit erschossen wurden.

Nach Äußerung der Bevölkerung dürfte JASOWKA, das noch vor dem Kriege nahezu 600 000 Einwohner gehabt haben soll von 400 000 Menschen bewohnt werden. Zu den Geflüchteten gehören in erster Linie alle politisch Tätigen und der vermögendere Teil der Juden. An Juden sollen sich im Ort noch etwa 3-6.000 befinden (Schätzung wohl sehr unzuverlässig). Ihrem Hass gegen die Juden hat die Bevölkerung teilweise freien Lauf gelassen, wenn sich auch keine Programmschätzung zeigte.

In den ersten Tagen der Besetzung wurden in 2 Gefängnissen von STALING die Leichen von 207 von der NKWD erschossenen Personen, die oberflächlich in den Gefängnistüfen verscharrt waren, aufgefunden. Unter den Erschossenen wurden die Leichen von 3 ermordeten deutschen Soldaten. Dieser Völkerverbrechen wurde durch das Gericht des Geb.Korps protokolllarisch aufgenommen. Die Masse der Ermordeten gehörte dem Arbeiterstand an. Nach den Aussagen der Einwohner sollen sich diese Arbeiter den Zerstörungsabsichten der Russen entgegengestellt haben.

Nach Mitteilungen der Bevölkerung soll im Industriegebiet eine Partisanengruppe von mindestens 2000 Köpfen aufgestellt sein. Außer einigen Waffen- und Sprengstofflagern, die von der Bevölkerung gemeldet wurden und einigen Bränden weniger wichtigen Gebäuden konnte bis zum 1.11. von einer Partisanentätigkeit im Industriegebiet nichts festgestellt werden.

Kopie aus dem Bundesarchiv

вермахта о ситуации в Сталино накануне и в первые дни оккупации.  
RH 24-49/164.

водой на коромыслах и в руках с ведрами ходили за 5-7 километров в сторону Кирша.

[...] Семьи командиров эвакуировал военкомат – чемодан в руки и все. Отчим сказал, чтобы не уезжали, обещал прислать машину, но видно не смог. Бабушка маму не пустила, сказала: «Куда с годовалым ребенком и восьмилетним мальчишкой с одним чемоданом поедешь». Так мы, не дождавшись машины, остались на месте. [...] Потом все затихло – наши ушли, предварительно расстреляв заключенных во дворе тюрьмы возле ДМЗ по Третьей линии<sup>1</sup> и засыпав тела известкой. А заключенные были разные – кто опоздал на работу, кто ушел с работы – раньше тогда за это сажали. Были, конечно, и воры и тому подобное. [...] Значит, расстреляли наши – это точно. То, что наши тоже были звери – так это точно надо сказать. [...] Ну, немцы когда пришли, значит, они сразу же пришли в тюрьму – везде, это же административное здание. И там было 2 ямы, или одна, по-моему 2. Но это так давно было. Значит в этой яме, я знаю только одно, были трупы, и они известью все пересыпаны и водой политы – лица было трудно распознать, их разбело. Почему? Потому что их расстреляли наверное. [...] Значит, 2 дня вообще было безвластие, пока немцы вошли. Потом, расстреляли же конечно не накануне, а хотя бы за день, может за 2 – я же не знаю, когда их стреляли. Значит уже 3-4 дня. Потом, когда немцы зашли, пока они обследовали – это не раньше чем через неделю людей стали туда пускать, смотреть. Поэтому сказать точно, когда их расстреляли, как их расстреляли. Единственное, что они говорили: «Вот ваш Сталин что сделал», «Вот жидовня». [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] А когда отступали – наши отступили. Но немцев еще не было. Наши отступали как: солдат бежит, в лопухи ховается. Я же очевидец, видел. У нас же степь вот тут же была. И вот – бежит. А там же лопухи были, а за лопухами помидоры сажали, буряки, гарбузы. И раз в лопухи солдатик. У него ни карабина не было, ничего. А мы же пацанами были, нам интересно, раз, прибежали. Он говорит: «Мальчики, принесите что-нибудь. Или фуфаечку, или брючки какие-нибудь». Вот так наши отступали. Это я сам видел, это так и было. Или просидит ночью, пойдет что-нибудь выпросит. А это бросает или отдает тебе, оделся и все. [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

---

<sup>1</sup> Ныне – ул. Красноармейская в Донецке.

[...] Если касается его лично (*отца*), то он был мастером, и хорошим мастером. Принимал участие в эвакуации на Урал – все, – и разборка, и туда отправка. Ему предложили ехать туда. Значит, он бы поехал – бросил нас. [...] Только самому [эвакуироваться]. Без прицепа. А нас трое и больная мать. [...] Значит они сказали так вот таким людям. Он же уже на пенсии был и не работал. Это ж сколько ему лет было в 41-м году? Горячий стаж был. В литейном цехе работал. Так это ему вот говорили. Ну вот «Большая жизнь» кино показывают: «Кузя, вы тут подрывайте, ломайте, партизаньте, короче говоря». Вот такое указание было. Вредить – кадровым работникам. Все, кто остается – должны заниматься этой подрывной деятельностью. Все, где только можно подкрутить, сорвать...

[...] Оставили людей без хлеба, без ничего, посжигали. Давали хлеба – сколько его, 270 грамм, что-ли. [...] Горелого хлеба. Вот кусочек хлеба, вот я сейчас представляю, я его положил, сижу над печкой, духовкой. Духовка, печка, представляешь? Положу его туда – он мокрый-мокрый. Такой, ну как смола. Видел смолу? И черный-черный, аж блестит, как смола. Все это. Кусочек хлеба. Понюхаешь, переворачиваешь – гарь. Ну, пшеницу сожгли. Всю. Они думали, что немцы привезут. Ну кто мог думать? И кто будет привозить? Это специально, они знали, что делают: уничтожить хлеб, все повзрывать и людей бросить. Не знаю, насколько правда статистика. Объявление было: «Город, – немцы пишут, – 365 тысяч было. Осталось в городе 300 тысяч. 65 тысяч выехало». Выехали, мол, коммунисты, юды, у кого деньги были. Чтобы ехать, тоже нужно было иметь. [...] Ну вот у нас сосед, во дворе жил. Наша там сестра [дом] ему продала, пополам разделили. [...] И там, значит, заведующий магазином – торгует, все уже уехали, а он торговал, торговал. Люди деньги же получили русские наши, советские. Ну и немцы пришли – кому эти деньги нужны? Покупали тут. Все магазины поразграбили, горят все кругом. Нема власти. Там я не помню – 2 недели или сколько нема власти. Убей – некому жаловаться. Ни наших нет, ни немцев нема. Какой-то такой период был. Ну я пацан, не помню точно – вот такой вот. Что хочешь, то и делай. [...] Грабежи [были]. Я вот сам заходил. В универмаг. [...] Зашел, посмотрел – в Центральный универмаг. [...] Смотрю, залезли в подвал люди все. Ну, мы ж знали кто кого, кто живет. Пошел – а тот спички запаливает, темно, не видно. Полки такие – а на полках там были, в опилках, ну стружка такая, аппараты ищут, аппараты. Что фотографировать. А они же дорогие были до войны – аппарат иметь. Раз, раз, раз – ага, а кто-то там запаливает, чтобы видно было. А эта стружка как загорелась. Светло стало. Так вместо того,

чтобы тушить, они тянут. А может специально запалили, чтобы видно было. Светло, хорошо. (Смеется). Понаходил кто-то и тикать. А универмаг уже горит. Вот такое было.

[...] Люди деньги получили, а он, еврей, поставил стражника одного, Белопольский фамилия его, чтобы вы знали его, завмаг был, с которым мы [общались]. Поставил человека с винтовкой, платил ему гроши, чтобы он охранял этот магазин. А все кругом, подвалы там, где что горит, все берут, все грабят. Кто овощи там, кто бочки, кто что. Ну, все. Нема никого. Он охранял. Деньги собирал – люди же деньги носят. Чтобы деньги куда-то было сдать народу. Куда им? Вот если у нас сейчас деньги остаются – они же негодные, немцы приходят. Колосники, краска там – лишь бы сдать деньги. А он эти деньги в мешки – и отправлял. И отправлял – а тут хоп, немцы пришли. Уже не до отправлять. Он тогда что? К немцам: «Я все сохранил, вот стражник у меня был. Все целое вот». – «Молодец, гут, гут», – немцы. –А он: «Я теперь хочу быть заведующим магазином ты не будешь, а ты будешь еврейский староста. (Смеется). Каждый день будешь приходить и говорить, чтобы евреи там [...], чтобы никуда они [не делись]. [...] Не разбежались». Ну в курсе ж дела? Еврейский староста. Приходит – в повязках все, звезды здесь. Белая повязка, черная такая звездочка.

[...] Нет ни немцев, нет ни наших – есть грабеж. Около тюрьмы там был базар – он и после войны был. Там были подвалы такие. А в подвалах там были склады – ну овощи в бочках. Выташат: «А что тут?» – «Помидоры». – «Нет, мне надо огурцы». Опять лезут. Тут палки падают, хватают, другой [бочонок].– «Не то?» – «Опять». (Смеется). Уже разграбили – а оно ж светло, видно стоят. Бери любые. Темно, все горит. Слышим – ты со мной был или нет? (*обращаясь к присутствующему брату*). Я лично слышу – стрельба, очереди из пулемета или из автомата. Та-та-та-та-та. Длинные очереди. Это вечером было, горело все. Люди все – немцев же нет. Знали же, что война идет, немцы вот-вот должны прийти. Очередь прострочила все остановились, насторожились. Тихо, больше никто не стреляет. Опять все своим делом занимаются. Я так прошел, глянул – тюрьма горит. Возвращаюсь назад, в проспект. Я еще там на велосипеде катался, если память мне не изменяет. Я говорю: «Тюрьма горит». Огонек горит на тюрьме. Ну а потом слух прошел – ночью, перед тем как тюрьма эта горела, людей там выпускали по одному: «Иди». Смотрели там, кого выпускать надо: «Иди, иди, иди». А остальных – расстреляли. Вот то очередь простреляла, прострочила – одна очередь прострочила, потом тишина была. Это одну партию они угрохали. Потом, значит, прошло время – что они там делали, мы не знаем. Второй раз очередь – опять стреляет. Опять насторожились все, что немцы идут. Прострочили они

– людей строчили, коммунаки, энкаведисты, их так и называют – «враги народа». Они называли нас, но они сами такие... Вот я вам скажу, что я слышал, и он (*брат*) подтверждает. Если что неправильно, будет дополнять или скажет, что я неправильно сказал. Может, что-то добавит – в 12 лет тоже что-то там соображал. Ну и вот на следующий день я до тюрьмы – открытая тюрьма, ворота открытые. А мы ж еще пацаны бегали до тюрьмы раньше, как там люди там кричат. Кому-то записки кидают – ну, пацаны к тюрьме относились, в курсе дела? К заключенным. (*Смеется*). И вдруг ворота открыты. Кто-то там думает зайти нельзя – и тут мы заходим. Мы заходим, походил я посмотрел – окна открытые. Домик стоит сразу – на втором этаже как контора, канцелярия. Окна открыты и по всему двору валяются бумажки. Все по полу, весь двор. Фотографии там заключенных разбросаны. На левую сторону зашел – гараж. В гараж зашел там, посмотрел – пустой гараж, ничего там нет, ворота открыты. Я там походил, масло там, где машины стояли. Там видно 2 таких – заходил там и там гараж. Ну подошел дальше до тюрьмы, открытые двери, я зашел, глянул – небольшая камерка. Ни окон, ни дверей. Дверь есть, но как говорят, ни окон, ни дверей. На полу вот такой небольшой кусочек... Квадратик... Да, погонный метр, и на нем солома насыпана. И эта дверь и все. Там на этой соломе человек находился. Комната смертников – вот такая петрушка. Камеры такие. Все. Потом говорят, какая-то бабушка якобы там, зашла в тюрьму тоже, как мы, и увидела там известку гашеную... Вот этой гашеной известью они людей это самое. Опыт имели. Как вот то царскую семью кислотой, чтобы не было там, известью. Цап-цап – набрала, понесла [известь]. Еще пошла набирать это, и дошла до человека. Цапнула – а там чи волосы, чи еще что. Ну тут пошла, людям сказала. Немцы пришли, посмотрели эту музыку, «юда». Так это ж немцы пришли, а наши ушли. Значит это раньше ушли. А немцы еще пришли – время ж прошло. Они думали за это время все там растворится. Ну мы ж знаем, немцы пришли – откуда это, понял, да? (*Смеется*). Тюрьма же то горела. Ну и, короче говоря, евреев присылают немцы, раскапывают эти ямы, ложат там людей, но я еще людей не видел, как ложили. Это, говорят, уже потом было. Ну и когда уже пришли, 2 или 3 ямы, не помню уже. [...] Даже я как сейчас помню – один в военном, без погон – ну тогда погон еще не было, петлицы. Военная форма и перевязана была голова – так мне это запомнилось. А так все лежали, лежали лежали, побитые. Видать они этих постреляли, а потом других вывезли: «Сгребайте!», – а потом и этих побили и тоже туда. Так оно видно конвейером. А потом засыпали этой известью. Пришли немцы – всех заставили положить, я не видел, как ложили, я только знаю, что побежал домой, взял противогаз – тоже ж где-то уворовал этот противогаз, как все грабили. Я противогаз да телефон. Ну это ж пацаны. (*Смеется*). Звонит по

телефону – люди там знали. Балалайку там, кисточку там рисовать, краски – ну вот это вот [утащил]. Ну мне тоже один раз повезло. Попал я – вот такая дорожка ковровая. В те времена дорожка ковровая накрученная. Я ее по ступенькам тянул-тянул-тянул. Вытащил – ну, думаю, покачу. Ну а тогда ж менять эти вещи на хлеб там, чтобы голодовка не была. В деревнях – все у них там было, они понаховали, понаграбили, а нам в городе нема ничего [есть]. Горелый хлеб. Еще немцы хлеб будут из Германии привозить? Да ты что? Он же расстреляет тебя. Ну и вот подходят ко мне ребята – раз мне под задницу, забрали и покатали [дорожку ковровую]. Все, иди. Ну тогда убьют человека – некому говорить. Не было власти. Кто сильный, тот и... Закон джунглей, все... Ну да я пришел, противогаз взял. Дышать там нельзя – воздух. Вот у этой открытой ямы я задыхался. Хотел посмотреть, ну нельзя было. Побежал за противогазом. Думаю, дышать. А знаешь, пацану как. Тошно все, тоже плохо все это. Потом – дальше то я не видел, как их там положили, узнавали. И одна женщина с балаганов, мать, узнала свою дочку. Дочку, Ну я не знаю там дочка была или с девочкой, я не знаю. Факт есть факт – ее похоронили. Я не видел, как хоронили, но могила ее была – как заходите вот в тот сквер Павших Коммунаров, да, не с самого начала, а посередине, посередине есть такая дорожка. И тут сразу же. Там были коммуняки – одна длинная дорожка, на эту сторону другая длинная, а тут был такой квадратик, маленькая, небольшая такая могила. И тут была она похоронена. Тут немец был похоронен дальше, немецкая каска, все там. А тут она была похоронена – эта женщина, мать, узнала и похоронила. Я не видел, как она хоронила, только видел, как фотография была. Мать, дочка – девочка похоронена в этой могиле была. Я так иду и все смотрю на эту [могилу]. Ну там памятник вот такой [установила], примитивное что-то было, и фотография там. Может памятник там что-то такое. Прямо в центре вот тут она похоронена. То есть, а была в этой яме. А за что она там была? В магазине – у нас там был магазин – люди стоят ночью что-то купить, очередь занимали. Как всегда дефицит, кому-то достанется, кому-то нет. А через черный ход уже ж днем, когда магазин откроется, заходят и берут, и берут. Та женщина вроде бы сказала: «Что вы тут торгуете через черный ход. Мы тут стоим». Ну возмутилась. А директор был, значит, еврей, и пришла еврейка, и он ей через черный ход – ну может родственница, может знакомая, мы не знаем. Там что-то пошел скандал, эта начала ей говорить: «Да ты хамка», – понял, да? А та – «Ты», – на три слова, еще что-то добавила. И политическое дело. И милиционер – «трррр» (*имитирует звук милицейского свистка*). А милиционеры тоже в одной шайке с ними. Есть статья такая-то – будь здоров. Милиционер – «т-р-р-р-р». «Вот, гражданка меня оскорбила, слышали свидетели, завмаг». Что скажет завмаг, то и будет. Всегда. Я



вот работал механиком в ОРСе<sup>1</sup>, я подошел, возмутился, на завбазы сказал. А тут стоит милиционер, которого он кормит, кормит. Я же работал холодильщиком на базе. И он говорит, завбазы, вечно пьяный, говорит милиционеру: «Забери его, он пьяный», – на меня, хотя я трезвый. И тот меня тянет. (Смеется). Скажет завбазы посадить – посадит, дело пришьет. И никто тебе не поможет. Это было – так есть. И вот она сказала – туда. А потом когда выпускали: «А эта политическая». Видно был приказ – не видно, а так оно и есть – всех политических не выпускать, расстреливать. И эти расстрелы были не только по нашей тюрьме. Это по всей территории шло. Приказ был – по всей территории. [...] А вот тут, вот где-то КПЗ<sup>2</sup> было. [...] Возле рынка, где рынок был. Вот-вот. Тоже была тюрьма политическая. Там, говорят, живьем позамуровали людей в стену и вешали наши. [...] Да. А потом пришли немцы. Так кто вам враг – я или те? Те замуровали – мы размуровали, и спасли? Кому ты будешь служить? [...] Так теперь логика: «Кто тебя спас? Тебя замуровали, а мы тебя спасли, в больницу». Поэтому и шли [служить немцам]. Теперь кому ты будешь служить? Кто у тебя или у меня будет спрашивать, если бы такое сделали? Ну тут оно понятно, кому будешь служить. Не тем, кто замуровал. Безусловно. Ямы ж людей понабили. И такой приказ везде. Это ж наших людей [убивали]. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Три. Ямы. Я могу сказать точно. Большие ямы, как вот то наша хата, глубокие такие, ну там, наверное, пополам в глубине, все это люди лежали. [...] И не только политических, а тех, кто опоздал или не вышел, прогулы – по работе, колосок взял, воровство, драка. Мелкие, не политические, тоже были расстреляны. Это люди своих узнавали, потому что большинство из Донецка. Это была не тюрьма, а была как КПЗ. Предварительное, предварительное<sup>3</sup>. [...]

*С. Михаил Андреевич*

\*\*\*

[...] В тюрьме было много пострелянных. А кто их пострелял – кто их знает? Немцы заскочили, там ямы. Ну мы с братом ходили, там были они пострелянные. И известью засыпанные. Это я видела. Даже женщина одна умерла, недавно только. Мы с ней заговорили, тут вот

---

<sup>1</sup> Отдел рабочего снабжения.

<sup>2</sup> Камера предварительного заключения.

<sup>3</sup> Имеется в виду следственный изолятор.

недавно живете. Стояли мы в сберкассе и так разговорились, что это она: «Ой». — Я говорю: «Как это был случай во время войны». — Она говорит: «Так я ж ходила». И она была свидетельницей. Дочка то ее есть, жива. Ой, страшно было. Открытая тюрьма была и живых никого не было. Все были в ямах. Засыпаны известью. Это страшно было. [...] Как мы пошли с братом — это чудом. Это ж в городе. Мы тогда ходили и пленным, кусок хлеба бросали. А это ж в самом городе, в центре, тюрьма эта была. Но я как сейчас помню, как в ворота зашли, а эти стоят яма и сверху известь водой залита. [...] Но я помню, что прямо так они рядом понакопаны. [...] Но видели мы эти ямы — страшно. [...] Даже ничего не знаю об этом [кто был расстрелян]. [...] Но я ж говорю, перед самой войной как раз за 5 минут судили. Опоздал на 5 минут — проходная закрывалась, шахта, все, суд. Или там еще что-то. У нас рядом была женщина, она поехала, какие-то вещи купила. И ее посадили [...] за спекуляцию. Было очень строго, очень под самой войной. Перед приходом [немцев]. [...]

*Смолякова Ирина Герасимовна*

\*\*\*

[...] Спокойно эвакуировалось. И багато. Вагоны — четырехосные пультманки эти на 2 семьи. [...] И это как раз поезд сформированный был. 10 вагонов. Четырехосных. Там в одном вагоне у них кладовая — зерно, мука, крупа разная и так дальше. И теплушка для машинистов. Загрузились они, попробовали тормоза — и до свидания, поехали. Начальники. А нам что? Дали эвакуационные листы. Эвакуируйтесь. Цепляйся на любой тормоз и едь — мол, тебя никто не прогонит. Так, а с чем? Что я тут должен кушать? [...]

*Самисько Григорий Наумович*

\*\*\*

[...] Вообще, начальство все уехало. Эвакуировалось — все уезжали. Вот тут был поселок — «Технический» он назывался. Дома специальные для технического состава. Они в войну все почти уехали. А мы с семьей переходили в «Технический». Кухню маленькую мы заняли, потому что там склад [горел]. Возле склада мы жили угольного, а его зажигали, поджигали, когда наши уходили, уголь. Чтобы немцам не досталось. [...] Ну зажигали, горел — но все одно — тушили. И пшеницу зажигали, когда уходили у нас, поджигали. Хлеб горел, все поджигали. [...] Мы тащили по складам, везли. Каждый

запасы делал. С Мушкетово<sup>1</sup> – там же были склады, базы. Со складов волокли все – и хлеб, и пшеницу и все. [...] До прихода [немцев], конечно. [...] Потом немцы уже тоже не разрешали.

[...] Почти всех шахтеров забрали в армию. Шахтерские дивизии тогда были, я знаю, многие разбежались. В Макеевке собирали, формирование шло. [...] То есть на «6-Красная». Ну, тогда она «12-18» называлась. Вот на шахте «12-18» там формирование было всех этих шахтерских дивизий. И потом некоторые назад вернулись, а некоторые в армию [ушли]. В общем, было такое. А колхозы все скот гнали. И вот было ведут скот, гонят – выходишь, разрешали брать, резать. И свиней резали. Ну, кушать надо было-то. Вот сегодня пошел в магазин, взял. И так тогда же было. В магазин пошел, а никаких запасов. Война...

[...] Наше ФЗО<sup>2</sup> хотели отправить, эвакуировать. Собрали. А потом довели до Макеевки и нас бросили, не знали куда [везти], и мы разбежались. В общем, нас бросили в Макеевке. Нас хотели увезти. Молодые же все... А потом нам сказали: «Уходите, бо вас постреляют». Понимаете? Хотели уничтожить. Вообще кто-то из взрослых нам посоветовал разбежаться. [...] Вот такое нам сказали. Ну я же говорю, мы пацанами были. И вот мы вернулись и меня послали в шахту. Куда нам деваться? [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] Начало войны, оно известно. Уже к сентябрю было понятно, что остановить не могут. Потому что отступали, отступали. Вот это шоссе – мы жили где-то метрах в 150 – и днем и ночью все время отступали войска. Уже было понятно, что ничего не будет. Накануне – мы в числе первых в этом районе стали жертвами войны, прочувствовали это на себе. До этого зенитки обстреливали самолеты, летящие в сторону фронта – наши стреляли, стреляли наши зенитки. Осколков этих валялось на улице – знаете, как пацаны там осколок [брали] – какой, определить снаряд. Уже было понятно, что не остановят. И вот начался учебный год. Все в недоумении – немцы же стучатся уже. Ведь в сентябре заняли Макеевку<sup>3</sup>. Ну, пошли в школу. Значит, ситуация была такая: начался вроде учебный год. Но война шла уже полным ходом, частично эвакуировались. Это эвакуировались дети, семьи партийных работников уже, знаете, отъезжали, отвозили в

---

<sup>1</sup> Железнодорожная станция и поселок при ней в Сталино.

<sup>2</sup> Школа ФЗО – школа фабрично-заводского обучения.

<sup>3</sup> Респондент оговорился – Макеевка была оккупирована в октябре 1941 года.

тыл. И вот было принято решение накануне оккупации Макеевки – где-то на каких-то верхах, наверное, о вывозе детей. Была такая попытка, значит: прямо со школы чтобы родители принесли вещички какие-то и эшелонами – объяснялось – из зоны военных действий. Ну, знаете, в таких случаях: родители за детей, дети там, по трубам этим водосточным спускались, убегали – ну, короче говоря, это распалось – мы вернулись домой. [...] Не хотели этой эвакуации, потому что она ничего не сулила. Так и получилось. Кто уехал – попал под бомбежку под Ростовом – страшную. Эшелон разбомбили немцы – поприезжали оттуда люди раненные, контуженные. Вот этот мой друг – он контуженный, дергался, пока не прошло. Как я на себе испытал. Ведь сразу что война – это война. Это не интересно, это не кино про Щорса и про Чапаева, а это страшная вещь. Значит, до вот этого безвластия, где-то дня за 2 немцы убеждали, утверждали, что это русские бомбардировали. Но это-таки бомбардировали немцы по отступающим. Они как раз в этом клину пробомбили и одна из бомб упала у нас во дворе, на стыке двора. Вот представьте, значит: я спал, проснулся от того и не могу понять – меня ведут куда-то, воят. Я ничего не слышу – «ш-ш-ш-ш-ш», кровь течет (*показывает шрам*). И вы знаете, такое состояние – не могу понять, в чем дело. Вот так вот кровать стояла от окон – окна вышибло, меня с кровати с одеялом как закрутило и затолкнуло под вторую кровать. Меня оттуда извлекли. На наше счастье почему-то эта бомба не сработала. Ниже упала на 7-й линии бомба, на 6-й убила девочку с ребенком, дальше убила, а наш дом миновала. Почему? Вот это, где бомба упала, это была старая яма от погреба. Погреб перенесли в новое место, а эту яму использовали для чего? Туда сбрасывали мусор – листья, мусорная яма. Огородили ее. И бомба попала туда. Бомба фугасная, земля мягкая, она ушла глубоко, она рванула, но не дала эффекта лучевого. Если бы нет – она бы снесла дом. А так что получилось – крышу и фронтон сдвинуло метра на полтора. Вот так, просто сдвинуло. Веранды нет – в общем, ни одного окна не было в доме. Веранду разнесло вдребезги. И что меня первое поразило – как война имеет в себе стороны и ужаса, и в то же время любопытства, и безразличия. К нам шли целый день – вы не поверите – как на экскурсию. Посмотреть, как же взорвалась бомба. Нас знали в этом районе, бабушку мою знали, деда, Они авторитетные были. Говорили: «Евстафьевых разбомбили там». – «Ну что там, кто погиб?» – «Да нет, никто». Шли, как очередь. Идут, заходят, смотрят – все в доме переверочено, ужас один. [...] Им любопытно. Это – я считаю – первый раз мне повезло и я остался жить. Я считаю, что это первый такой эпизод. Потом 2 еще было, значит, таких эпизода. Я считаю тогда сама судьба спасла.

[...] Вот это когда проходило безвластие – представить можно, какая была публика. Женщины, интеллигенция, мужики, которые не

ушли на фронт, не призвались, которые был освобождены – их мало осталось. Но в основном вот эти вот категории – и пожилые, будем говорить, люмпенского направления – и вот эти освобожденные. Центральная улица – проспект Ленина. От края до края подряд все магазины. Ну мы, пацаны, идем, смотрим – спорттовары разгромили. Я еще взял шпагу – валялась там. Дед говорит: «И зачем это принес? Немцы займут город, будут обыска делать, кто грабил». Они предупреждали в листовках: «Мародеры будут расстреляны на месте». [...] Но дело в чем – я вам скажу. Это пацаны брали. А остальное это все – канцтовары был разграблен – резинки там, перья. Мужики что ломали? Винные магазины, магазин, а под ним подвал. Вино – понапивались пьяные: «А-а-а», – по центральной улице. И что добывали люди – был подожжен элеватор вокруг Макеевки. Пшеница горелая, пропахшая бензином – бензином поливали и поджигали. Но вот это все, продовольствие. Маслобойные заводы, макуху перли – потому что уже есть нечего было. Хлеб возили по улицам – будочка такая. Очередь занимали круглосуточно фактически. Вот мы стоим семья, допустим, 3 человека стоит в очереди. Если что бежим, вызываем [взрослых]. Привезут – становятся. Мы уходим на смену – те приходят. Держу все время – придут вот такие пьяницы, здоровые: «А ну давай, живая очередь». А что такая живая очередь? Кто захватил, опять стали – мелом [обозначили] – 5, 6, 7, 8, 9, 10. Стоишь, стоишь, к утру вот-вот должны подвезти. Опять приходит: «Живая очередь». Опять приходят твои родители. Ну что – в хвосте стоишь. Правда, брат у нас был еще двоюродный, мы так нормально в этом районе котировались. Мы могли отстоять, несмотря на то, что мне было 11 лет, был определенный вес. Соседи там были такие. Вот так вот началась оккупация. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] Можно было эвакуироваться. Но мы не захотели. Здесь, когда были красноармейцы, отец спрашивал: «Как же нам, немцы нас не поубивают, не лучше нам эвакуироваться?» – А он и говорит: «Знаешь что, батя, сиди на месте, то вы хоть кусок хлеба будете есть, а эвакуируетесь – вы погибнете с голода. Не надо. Немцы вас убивать не будут. А нас, – говорит, – они могут поубивать, потому что мы солдаты. Друг перед другом воюем, мы вынуждены. Не убью я его, так он меня убьет. Сидите», – говорит. [...]

*Х. Мария Семеновна*

[...] И вот где-то в первых числах июля уже здесь был беженцы, с западных областей. А у нас были очень хорошие приятели. Когда они здесь жили, она заведовала детскими яслями, А он был секретарь Авдеевского райкома партии. И когда наши присоединили в 39-м году Западную Украину, он был секретарем горкома партии где-то под Львовом. И в первых числах июля месяца семья его приехала к нам – жена, 2 детей и с ними была домработница, но такая, которая всю жизнь с ними жила, она уже как член семьи. Вот они вчетвером приехали – голые, босые. Вот на ребенке один носок есть, второго носка нет, рубашка есть, трусов нет. Они бежали, говорят, по улицам, в нас уже немцы стреляли. И когда началась такая вот кутерьма, они ему говорят, что так и так, что: «Ты ж нас вывези». – А он говорит: «Не делайте панику». Но тоже ж люди не ожидали, что это все так будет. Понимаете? «Не делайте панику». И когда уже немцы входили в город, так они их вывозили вот так. Без ничего, голых и босых. И вот они к нам приехали, они даже жили все время у нас, а он где-то, наверное, в сентябре месяце, в какой-то день утром стук в дверь. Открываю дверь – стоит Семен Николаевич. В коверкотовом сером костюме, как я сейчас помню – такой грязный, что неизвестно какого цвета. Но с портфелем с документами. [...] Выходили лесами. Вот они оттуда выходили лесами, когда уже немцы заняли, он уже с той территории сюда попал с этими документами. И вот он пошел – я не знаю куда – в обком, в горком – я не знаю куда с этими документами. И вернулся он уже в военной форме, чистый, он уже офицер, майор. Замполит какого-то... И вот он тут какое-то время побыл, а потом эвакуироваться. Ну семью ж свою начали забирать. «Катерина Семеновна, давайте и вы». Предложил, да. А мама говорит: «А куда я поеду. Без копейки денег, с 2 детьми. Кто меня где ждет? Куда я могу поехать. Пусть будет уже. Пусть будет как будет. Я, – говорит, – не могу никуда ехать. Я не могу ехать». У нас здесь – у нас ничего не было, мы жили очень скромно. Ну одна мама работала, какие могут [быть доходы]. Отца – я росла без отца. Так что жили очень скромно, очень скромно. И никуда она, конечно, ехать не могла. Она говорит: «Как будет». И вот он забрал семью и они где-то – до прихода немцев, до октября, наверное в сентябре – уехали. А у нас каждый день во дворе какие-то родственники, кто-то откуда-то приезжал. Беженцы, беженцы. Страшное время было – дети, голодные, грязные – ужас, ужас, ужас. Это вообще передать невозможно. [...] Мы их очень хорошо принимали. А отсюда кто как мог, тот так и уезжал. Понимаете? И вот я вам говорю – вот эта семья, что над нами поселилась. Они приехали к нам во двор на 2 лошадях и на тачке,

обитой металлом. Ну, наверное, на такой, что мясо возят, знаете вот на такой подводе. Вот на такой подводе они из Днепродзержинска эвакуировались в Донецк. И в Донецке они остались. Я не могу вам сейчас сказать – то ли они были знакомы с этой семьей. Это было еще до отступления наших – ну не до отступления, но далеко до входа немцев, месяц наверное. И та семья эвакуировалась, а эти остались. Я вам скажу, что люди были совершенно другие. Люди были совершенно другие. Люди делились последним – люди в дом пускали к себе. Вот я вам говорю – приехала семья 4 человека. Они у нас жили как свои, мы жили одной семьей, мы с одной кастрюли ели, все, что у нас было из тряпья, мы с ними поделились. И все. И с нами точно так люди, и к нам точно так люди. Люди были значительно лучше, чем сейчас. Нищее, беднее, но морально совершенно другие люди, совершенно другие.

[...] А то ж у нас вообще ну ничего – вы понимаете, ничего. Совершенно. У нас же в доме, когда вошли немцы, у нас же было ведро варенья из крыжовника. Это моя бывшая нянька вдруг уже во время войны. Уже война началась. Она где-то в районе жила, и привезла нам ведро крыжовника, и его сварили. И вот было ведро этого крыжовникового варенья в доме, и я летом ходила на базар и я уговорила купить поросенка. И купили маленького поросенка. И этого поросенка, когда немцы вошли, было 6 месяцев. И его зарезали. [...] Мы зарезали. Даже немцы не вошли, и мы перед их приходом зарезали этого поросенка. И вот это все, что у нас было. Вот это – ну сколько там килограмм там того мяса, вот такой толщины сало (*показывает*), ну что-то какое-то мясо, и вот это ведро варенья. Больше у нас в доме ничего не было. И ни пойти, ни купить – не за что же было покупать. Ничего. [...] Нам мама не разрешала листик с книжки принести в дом чужой. И вообще мы за ворота своего двора никогда никуда не выходили. Мы никогда не выходили. А люди тянули. [...] Массовое. Массовое явление было. Я вспоминаю, вот когда наши отступали. А у нас родственница дальняя, которая с нами жила, она работала медсестрой в детской консультации. Детская консультация – это Вторая линия<sup>1</sup>, 52, это сейчас Дом санпросвета на базаре. Там магазин мясной – напротив скверика пионерского, ну где базар. Вот здесь прямо между Банковским и Садовым проспектом. Там есть 2 двухэтажных дома. Так вот это была детская консультация. Она работала старшей сестрой медицинской. И она говорит: «Зоя, идем со мной. Я повыливаю – там у нас сулема». Ну для дезинфекции в консультации в бутылках стояла, йод и спирт. Идем. Взяли мы 2

---

<sup>1</sup> Ныне – улица Кобозева в Донецке.



бутылки с ней и пошли. А от нас когда идти надо было – мы по 2-й линии, там мимо бани – знаете? Мимо военкомата. А там на Третьей линии, по проспекту Первого гастронома, ну немножко туда дальше – там была кондитерская фабрика. И вот мы шли, а люди растаскивали кондитерскую фабрику. И у меня это так – у меня до сих пор это осталось. [...] Какая-то женщина катит бочку. С чем – мы ж не знаем. А оказалось с патокой. И 2 мужика у нее забирают эту бочку. И они ее головой в эту патоку. Вот вы знаете у меня (*смеется*) детские воспоминания, это ужасно было. Видеть это ужасно было, ужасно. Потому что – ну что они там, сахар, я знаю, что они оттуда тянули? Я не знаю, что они оттуда тянули. Потому что мы ничего не тянули, у нас некому было тянуть, во-первых. А во-вторых, у нас мама была настолько выдержанный интеллигентный человек. Она б в жизни не позволила. Если б оно даже вот тут лежало ничье, она бы не взяла, если это не ее. Понимаете? И мы тогда пошли в эту консультацию, вылили эту сулему, вылили этот йод, налили себе бутылку – я как сейчас помню – бутылку йода и бутылку спирта. Себе мы взяли, домой. А все остальное мы вылили. Она говорит: «А то придут и нас этой сулемой отравят». [...] Ждали ж всего. [...]

*Ченик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Люди отреагировали с боязнью [на начало войны]. Потому что еще до войны ходили слухи и народ чувствовал, и народ чувствовал как бы своим ощущением приближение войны. Я помню, еще мальчишкой слышал, мать сидит, с соседками разговаривает: «Вот, скоро война будет, немцы придут. Вот война будет, война будет». [...] Да, уже ходили слухи. [...] Помню, притчу такую придумали, будто ехал шофер и перед мостом машина заглохла. Значит, он выходит из машины, смотрит, а слышит сзади голос: «Не смотри, машина исправна». Он оборачивается, смотрит: две руки висят. В одной руке сноп пшеницы, в другой – кровь. Говорит: «Разожми руки». – Он разжал. Отсюда брызнула кровь, отсюда посыпалась пшеница. Причем, это же повторялось не один раз. И каждый говорит: «Вот, только что рассказывал шофер тот, [который] ехал». (*Смеется*). Сейчас ясно, что это притча, а тогда вот так люди верили этому. Ну, и все говорят: «Это признак войны, это же признак войны, все». Так что люди были как бы морально подготовлены к этому делу. Ну, встретили как? Сразу магазин закрыли, растянули там это все. Ну, это уже когда ушли, власть ушла, все эвакуировались. [...] Перед самым приходом немцев [наши ушли]. Взорвали шахту и ушли.

Ну а мы оставались. [...] По правилам военного времени нужно было тоже эвакуироваться... Не было возможности. [...] Машин не дали, ничего не дали. [...] Далеко не уйдешь. Так что все остались. Не все остались, но большинство осталось. [...] Начальство все эвакуировалось.

[...] Шахтеров не брали [в армию]. Пока не брали. Потом, когда начали вот эту 384-ю<sup>1</sup> дивизию формировать, тогда уже начали брать. Отца забрали, еще некоторых забрали. [...] А остальных которые остались, они работали до [оккупации]. [...] Ну, многих забрали. И оставалось очень мало, шахта снизила добычу. [...] Оставалось немного, да. Но потом, когда пришли немцы, часть шахтеров вернулась. Как там они, или в плен попали, или, может, пленных отпустили. Но факт тот, что они пришли домой и вот это ж они и работали на шахте. И мы пацаны вместе с ними. [...] Свои взрывники, они и взрывали [шахту]. Им показали, – тот объект взорвать, тот объект взорвать, тот взорвать. Они взрывчатку притянули. [...] Протестовать не протестовали, потому что понимали: фронт идет, немцы идут, нужно взрывать. Это же каждый понимал. А с другой стороны, армия уйдет – немцу достанется шахта. Был такой у нас призыв: «Ни грамма врагу»: ни хлеба, ни угля, ничего. Каждый с понятием подходил. Хотя понимали, что тяжелое положение, гробовая тишина на поселке. Даже собаки не выли. Обстановка тяжелая вообще. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

---

<sup>1</sup> Правильно – 383-ю дивизию.

## ГЛАВА 2

### «И ПРИШЛИ НЕМЦЫ...»: НАЧАЛО ОККУПАЦИИ

[...] Отец узнал, что пришли уже оккупанты: «Алексей, немцы пришли». – «А что делают? Расстреливают, убивают молодежь?» – «Нет, ничего». Проходят, идут мимо дорогой. А дорога шла из Тореза на «Американку», Красный Луч. «Американка» – это шахта. Штеровка, Красный Луч – до Миуса. Миус-фронт остался. Здесь по дороге шли. Грязь, тянут эти пушки, кони, лошади. Крупные такие. Смотрю, удивлялись. И итальянцы шли. Я и другие вышли и на обочине стоим, смотрим – идут. Идут, никого не трогают, идут себе спокойно. И прошли они. Ну прошли – прошли. И они на Миус-фронте остановились. Оккупация. [...]

*Афанасенко Алексей Иванович*

\*\*\*

[...] До нас они (*немцы*) пришли без стрельбы. Там слышали и канонаду, и бомбежку где-то слышали. А утром вышли на улицу – обозы по высоковольтной линии идут. Я говорю: «И-и-и, немцы». А отец на меня: «Цыть. Не кричи. Это ж, – говорит, – пришли уже немцы».

[...] Отец говорил: «Ничего, все равно наши победят». Отец уже в 14-м году воевал, он это знал. «Все равно наши победят». Как бы была вера такая. Нет, наши победят. А немцы, между прочим, тоже верили, что они победят. Так как сейчас Янукович и Тимошенко<sup>1</sup>. Точно так. Уже русские пришли в Германию, и которых эвакуировали из Берлина – там сильно бомбили – у нас даже у хозяина были беженцы<sup>2</sup>. И все равно они говорили: «Все равно немцы победят». Уже русские были в Германии. Они все равно говорили. Очень были в себе уверенные. А наши тоже старались верить душой и сердцем, потому что другого выхода не было. [...]

*Батула Мария Самсоновна*

---

<sup>1</sup> Респондентка проводит параллели с украинскими политиками В. Януковичем и Ю.Тимошенко, долгое время являющимися непримиримыми политическими оппонентами.

<sup>2</sup> Респондентка в период войны находилась на принудительных работах в Германии.



**Фото 2.** Немецкие солдаты в Донбассе, осень 1941 г.  
Haupt W., Wagener C. Bildchronik der Heeresgruppe Süd. – Podzun-Verlag, Dorheim, 1969.

\*\*\*

[...] Первые немецкие войска вступили. Был дождливый сентябрьский день и первые немецкие войска вступили в Макеевку<sup>1</sup>. Причем, до их вступления абсолютная тишина была 2 или 3 дня. Вроде никого. Улицы пустынные, вроде никого нет. Я так ради любопытства выглядывал, смотрел – наши отступающие на лошадях солдаты, брички на лошадях. И кто-то из-за забора крикнул: «Немцы!». Эти лошадей подхлестнули, стрелять назад начали и умчались. [...] Да. Были такие подонки. Потом, значит, я помню – вот теперь там баня есть в Макеевке. Так возле этой бани не могли развернуться

---

<sup>1</sup> Респондент оговорился, Макеевка была оккупирована 22 октября 1941 г.

2 танка ИС<sup>1</sup>. Один, значит, тянул другой. Но они, все ж таки, ребята тянули. Один исправный был, другой – нет, и они с трудом вытянули. До какого места они дотянули эти танки – я не знаю, но во всяком случае с этого поворота они вытянули громадину такую. Ну не было [никого], тихо-тихо, никого не было. Потом, значит, немцы вступили. Ну, мне представлялось, что они на автомобилях, на танках, на бронетранспортерах. Ничего подобного. По Макшоссе<sup>2</sup> шли пешком, причем значит, по обе стороны, по тротуару, а немец-офицер бегал посреди улицы, и что-то им кричал. Я не знаю, что. А эти наступавшие немцы на осликах, на осликах навьюченные пулеметы. [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Не знаю, яке время йшло... В октябрі місяці захватили тут сначала Богородичне. [Наши] уже отступили, отступили, уже мост зорвали. [...] Уже мост зорвали, да, више мост був, више цього, уже зорвали мост, і на другий день приїхала, по-мосму, одна танк или два танка, а моста уже нема тут. [...] Ну, беспорядок був, беспорядок, то есть рано взорвали, и наши бойцы пооставались здесь, ну вот например, держали оборону. Ну, приїхали, а моста вже нема. Ну, ми направили їх туди, у Яремовку<sup>3</sup>. [...] Де вони там, чи переїхали, чи ні. А потом [...], ну где-то через неділю ілі так, зайшли румини, звідсіля. [...] Перві, перві румини зайшли. Тому, що робили у колхозі, пара коней у мене була, я поїхав там на горі солому жечь, там наготовив соломи для худоби. Худобу всю, это, евакуировали. [...] Нічого не роздавали, все, все евакуировали, все – свиней там, особенно, скотину усю погнали там, ну у сторону, ну до Волги, так? Ну, вот отсюда, пару мин пустили сюди, ну на ту сторону, так? Ну, зайшли румини, ну нічого, так подзюркотили, так. Я подумав, що нема тут нікого. Ну, до Донца прийшли, на той стороні. [...] Тихо прийшли. Ну, что, наші отступили за Донец, там оборону зайняли, так? [...] А тоді от через неделю, зайшли уже немцы, так? Зайшли уже немцы, подводы так. І по всьому селі: «Курка, яйко, млеко». Ну вот, уже їздили по селу, отримали. Хто давав, а хто ні. Усе стріляли – курей стріляли, свиней стріляли, забирали, у бричку кидали и де-то там на кухню возили, где-то там кухня, слідом же не будеш бігать и вот тоді. [...] Румини, те не

---

<sup>1</sup> В это время танков ИС («Иосиф Сталин») еще не было, они начали выпускаться только с 1943 года. Речь идет, вероятно, о танках КВ («Клим Ворошилов»).

<sup>2</sup> Макеевское шоссе, старое название проспекта Ильича в Донецке.

<sup>3</sup> Село в Харьковской области.

жестокі були, ну, как сказать, не вредні для населения. А ті зразу, як заскочили, та зразу подводи як приїхали, сразу почали курей бить, свиней у кого били, забирали. Ну, скотину, правда, не трогали. [...]

*Гончар Николай Иванович*

\*\*\*

[...] Пришли оккупанты. Пришел сюда в город, вернее, не, какая-то часть, отряд небольшой численности немцев мотоциклистов ворвался в город. [...] Никакого сопротивления в Мариуполе как такового не было. Мой отец всю жизнь работал на заводе Ильича машинистом паропутевого крана. Ремонтировали оборудование вот в этот период. Что успели, отправляли. И когда он ушел на последнюю смену на работу, а ходили пеши, транспорта никакого не было, здесь бетонная дорожка была. И пеши шли на Ильича. Вышли туда за поселок, говорят: «Иван, куда ты идешь? В городе немцы. Через белый мост на шлаковую гору уже танкетки пошли». Вернулся отец домой. И, значит, впервые в жизни я увидел немцев. Вот здесь по этой улице был колодец. Это Розы Люксембург до войны, теперь Фрунзе. Там они умывались, вооруженные, все. А я повторяю: сопротивления здесь почти никакого не было. Единственное, значит, банк, госбанк охранялся. Там был пост, он там и открыл стрельбу беспорядочную. Ну их там всех постреляли. Единственная женщина-милиционер была у нас, она начала стрелять, у нее наган был. Там она в сквере и была похоронена. Но самое что страшное – в это время было заседание городского совета. Вот эти дома, где вы вышли<sup>1</sup> – один дом, «Светоч», и второй дом – там были одноэтажные домики, это Хараджаева, заводчик был. В одном из домов был горсовет. Заседание велось, значит, военком Голубенко, председатель, по-моему, Молонов, и еще актив. Там они все погибли. Сейчас их прах перенесен в Горсад – так мы называем парк культуры и отдыха, И вот начался хаос. Зашли немцы, знаете, – власти никакой нет. Это может первые день, может, два. Начался стихийный грабеж магазинов, хотя там особенно ничего не было в магазинах, хлебозаводик там – тянули сухари. Знаете, кондитерская фабрика.

[...] Ну, наверное, можно назвать это эпизодом. Вот здесь хлебозавод недалеко. Его называли листотонка. Ну в общем по тем временам, это большой хлебозавод был. Когда немцы зашли, начали оттуда таскать запасы – они и нам разрешили, может, день – два.

---

<sup>1</sup> Имеется в виду место, где респондент встретил одного из авторов, приехавшего для проведения интервью.

А потом, наверное, когда я попал туда, все-таки не выдержали, с пацанами побежали. Таскали сухари в бумажных мешках. Думали: «Господи, может и нам повезет». А здание основное было из кирпича, вот так веранда и подъем, лестница стеклянная была. И вот только мы на лестницу поднимаемся, туда, в это здание. И вдруг подскакивает мотоциклист – пулемет как врежет по этой веранде, по стеклам. Мы думаем: «Вот это да». Оттуда еле выбрались, сказали: «Все, все», на этом закончились наши продовольственные операции.

[...] Ситуация контролировалась властями. Но когда зашли немцы – тогда все началось. Но там в центре, может, магазины громили – я не видел, я не знаю. Но то, что я говорю на примере хлебозавода – говорили, там еще конфетная фабрика наша, там еще патока в бочках была – значит, немцы позволили эту брать эту патоку. И, значит, были случаи, что прямо в этой патоке почти тонули, а они (*немцы*) фотографировали, развлекались. Им интересно было. [...] Я думаю, что это было специально сделано какое-то время, для того, чтобы показать свою доброту. А потом они все это остановили, все. Это не бесконечно длилось, нет. Всю они поставили пищевую промышленность на службу. [...]

***Зайковский Виктор Иванович***

\*\*\*

[...] Я только могу сказать, что когда немцы подошли до Докучаевска, а мы жили при въезде в Докучаевск, девятый километр, стук в двери, уже темно, мотоцикл стоит и их трое. Вот так мы узнали, когда до нас пришли. Они переночевали у нас, нас с хаты выгнали, мы ночевали в сарае. Они переночевали и уехали, это было в 1941 году. [...]

***К. Варвара Ивановна***

\*\*\*

[...] Ну а потом [...] смотрим – немцы. И потом как начал этот обоз идти. [...] Ну мотоциклисты, да, на разведку. А мы смотрим – в зеленой форме. Мы же не видели этих немцев. Потом обоз. Такие у них лошади были ломовые – вспомни (*обращаясь к присутствующей при разговоре подруге*). Брички такие, машины. Такие крытые все. Немцы в сапогах с такими подковами. Ну, наверное же готовились. Ну а потом... Вы знаете, их встречали очень хорошо. Вы знаете, встречать немцев выходили те же коммунисты. Вот я вам скажу – в нашем доме жили и тоже выходили их встречать, с хлебом-солью. И вы знаете –



все одетые, молодые парни и девчонки, все одетые хорошо. Ну как раньше – беленькое платьечко это уже новое считалось. Это не так как сейчас. Раньше же не так одевались. Вы ходили<sup>1</sup>, и вот здесь по Красной<sup>2</sup> – как на демонстрацию [шли]. Вы, наверное, молодой еще, не помните. А вот когда демонстрация идет, сколько людей. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Первые шли итальянские войска, с перьями павлиньими были они. Мы с отцом наблюдали. Мой отец, к слову, тоже был награжден, при царе воевал с турками, орден, крест, «За усердие» медаль [имел], и Гергиевским крестом отец был награжден. И когда они вошли, к поезду шли над общежитиями – 3 там дома было. Сейчас их снесли... Шли к поезду. Отец посмотрел, но я еще молод был. Не разбирался в войсках в этих. Он посмотрел и говорит: «Да, эти долго не продержатся в России». – Я говорю: «А почему?» – «Да что они, как на парад собрались». Ну и короче говоря, с этого крайнего дома, общежития, выстрел произвели по ним. Оказывается, это шахтер был, жил в этом общежитии, Новиков Николай. Ну, из ружья он пальнул, а что он сделает? – Ничего. Сразу они окружили это здание, это общежитие, и его, значит, вывели. И недалеко там цыгане жили около глея<sup>3</sup>, и траншея шла, по которой проложили трубопровод, воду с Кипучей Криницы на город Сталино [провели]. Они его здесь расстреляли. И так в этой канаве, траншее его присыпали [землей] немного и пошли дальше, на Мушкетово, и на восток. Итальянцы расстреляли его. Николай Новиков. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] Зашли они через металлургический завод. К вечеру видите, они уже Семеновку<sup>4</sup> заняли. На Калиновку не знаю, они пришли или нет, не буду говорить. Мы в тот район туда не бегали, мало знали. А в

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду, что одному из авторов известна улица в городе.

<sup>2</sup> Одна из центральных улиц Константиновки.

<sup>3</sup> Слово «глея» означает горизонт почвенного профиля зеленоватой или голубоватой (часто с ржавыми пятнами) окраски. Характерен для заболоченных и болотных почв. У жителей Донбасса этот термин обозначает поднятую на поверхность породу, используется в качестве синонима слова «террикон».

<sup>4</sup> Улицы Верхняя и Нижняя Семеновка в Сталино.

Семеновку пришли. Ну и началась нормальная жизнь. Появилась полиция. Был недалеко от этого дома на улице. Ну, сейчас там застроили, там ДОПР был. Ну что такое я не знаю – Дом предварительного заключения или принудительных работ. Ну тюрьма, короче. [...] Едешь по Театральному проспекту до конца, и поворот направо. Ну сколько я не знаю. Там стояло несколько жилых домиков одноэтажных, два барака стояло. Домики были на этой стороне, а бараки направо. И был – была территория огороженная. Были ворота. Периметр был колючкой затянут, ну в один слой. Там такой откос был на Семеновке крутой – и мы с этого откоса на лыжах катались. Ну там все ровное стало. Это район Набережной. И мы там катались на лыжах. А потом слышим – пацаны уже где-то в октябре, в начале – мертвяков нашли там. [...] Местные пацаны с этого дома. Заходим – ворота распахнуты. Там женщины собрались с близлежащих домов, с барака этого, с частных домиков. Лежат несколько трупов. Я не помню, но больше 5 там не было. Немного. И какой-то мужик стоит в довоенном зимнем пальто, с меховым воротником, представительный, пожилой довольно, ну, по-моему, посидевший: «И вот, лежат жертвы коммунизма, мы памятник им поставим». А кто он такой я не знаю – он без повязки, без ничего. Просто в таком штатском одеянии был. Кто он по фамилии – может, сохранились старики старше меня, может они знали его?

[...] Первая встреча с немцами была 20-го числа вечером, лично нашей семьи. Мы жили там на первом этаже. Темно уже стало. А у нас была большая керосиновая лампа. Стекланный резервуар, стеклянная ножка такая – я не помню, какая у нее форма была. Пятилинейка называлась. Они были пятилинейки, трехлинейки – мера такая. [...] И мы зажгли с дури. Ну а немцы пришли каким-то образом и поселились в этом крыле этого дома, оно было уже готово. И они зашли, видно, в пустую квартиру брошенную. А там что – ни света. У них были фонарики карманные – ну, видно, неинтересно. Потом смотрят – у нас горит окно. Зашли двое – мы сидим за столом. Папа, мама ну и я. Молча, ничего не говоря. [...] Цап – лампу. Потом были эмалированные, нет не эмалированные, тогда были оцинкованные тапки, хозяйственные. Забрали то, и веник прихватили – пошли к себе, устроились. Вот это первая встреча была. А потом числа 20-22, когда уже так более устоялось – это же прошла часть фронтовая, чуть ли не передовая линия. На площади Ленина теперишней – там же площадь была, против бывшего обкома партии состоялся митинг. Уже объявился городской голова, началась полиция. [...] Когда мама пришла, она рассказала. Мужчин не взяли, женщины пошли в разведку. А мужчины остались дома, папа и дядька. Вот они пришли,

рассказывают. Что вот голова теперь у нас, начальник полиции. Требуют полный порядок. Висят уже объявления. Первый приказ коменданта: «Зарегистрироваться коммунистам, комсомольцам, евреям, работникам партийного аппарата, работникам Совета. В течение 10 дней. Кто будет на месте найден – конец, расстрел». У них все приказы кончались – расстрел. Ну, мама не пошла. У нас, по моему, никто не пошел регистрироваться – ни дядька, ни наша семья. [...]

*Крицын Олег Демьянович*

\*\*\*

[...] Были дома. Глядим – мотоциклы гудят. А у нас вот так вот гора. Вот так дом наш стоит. Глядим – с горы спускается мотоцикл. Что ж это. Когда уже сюды подъехали да наши – не, тут они стреляли, уехали не все. Стреляли по нашим молодым. А наши отступали. И молодые ребята – ну они уже лейтенантами, 23-го года рождения были. Мы одного читали [документы]. Тут они убили одного парня – красивый, хороший. Туды дальше еще одного убили. Там в поле еще убили двоих. Ну, а так проехали и все. Больше они не стреляли, ничего. Мотоциклы ехали, ничего. Не трогали нас, поехали дальше. А потом, глядим, на другой день едут еще по хатам, и где тут остановиться и все. Я знаю, что с нашего дома нас выпроводили, а они заняли, чи штаб ихний, чи черти што [расположилось]. В нашей квартире, например. А мы вышли, к нашим соседям пошли. [...]

*Н. Клавдия Акимовна*

\*\*\*

[...] И пришли немцы. На улице нашей никто не вышел – на Московской, где мы жили. С окна [смотрели]. Зина<sup>1</sup> пришла 18-го с Енакиевского, с поселка Корсунь. Тетя Фрося, и я, мать. У них лошади были как слоны. Говорили – это бельгийские тяжеловесы. Как ступит – вот такое остается. *(Показывает размеры следа)*. Санитарные машины, кухни походные. Орудия везли. Машины эти открытые штабные. Нам страшно было – эти фуражки. Солдаты шли – засучены рукава, тут у них автомат впереди, пилотка под погоном. Хохотали. Никто из наших не вышел. На второй день заходит к нам один. На этажерке стоит глобус. Сел, прошел – а слякоть была, и дождь, и холодно было. Взял, поставил этот глобус и говорит. Раскрутил его и

---

<sup>1</sup> Сестра респондентки.

говорит: «Весь мир будет германским»... На ломаном. «Мир, Советский Союз», – говорит. А Зина подошла, взяла глобус говорит: «Советский Союз был, есть и будет». А мать говорит: «Зина, держи себя, не надо». Он повернулся, глянул и ушел. [...] Ну ничего он не сказал. [...] Может и не понял. Может быть так. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] В ноябре или в конце октября. Точно я не помню, но в это время. Занимали нас тогда не немцы, а итальянцы. Где-то вечером часа в 4 со стороны запада двигалась большая колонна итальянцев. Ехали они в основном на лошадях, на мулах, на телегах, на бричках. Ну машин, конечно, было очень мало. Ну, конечно, мы встречали все со страхом – это ж оккупация, это враг, кто его знает, что оно будет. Ну они пришли – сразу расквартировались по квартирам и начали ловить курей, бить свиней. Организовали себе кухни и с этого времени наша власть над собой закончилась. С этого началась оккупация. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] А потом пришли немцы. И что интересно – немцы пришли, как бы сказать, они приехали все на машинах с танками, приехали на мотоциклетах, на мотоциклах. Приехали танкетки – где-то метр тридцать, метр сорок, может метр пятьдесят – не больше. И вот они все их поставили там, где Соловки сейчас, где Соловки рынок – чуть ниже сюда, к Нестеровке. Вот там поле такое – все было уставлено вот этими вот танкетками. То есть если сравнить наше вооружение, нашу технику и немецкую – это было небо и земля. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Только вошли немцы. Это семнадцатого октября было – сырая погода была, дождь такой и холодно было. [...] И мы пошли сразу в школу. Что в школе было? Там были противогазы – но их уже до этого растянули. Сумки были и противогазы. Захожу в свой класс на второй этаж – там солома. Кони были, заводили на второй этаж. Брали на молочной [ферме] солому и сюда. Ну, они (немцы) дальше пошли. Ночью переночевали, и утром сели и пошли. Едут

бронетранспортеры – вот где дорога, значит. А тут Бубенец<sup>1</sup> – Толика Бубенца отец [выходит] – они в шинелях и карабины у них – сдались в плен. [...] Мы пацанами прибежали и смотрим. Они что-то по-немецки говорят, бронетранспортер остановился. Они же сами пришли сдаваться. [...] Двое. В военном, и рядом же. Чего вы пошли? Дома были, из дома пришел, сдался. Они думали, что им простят и они пойдут домой. А они (немцы) что? Берут карабины. Вот так – раз! Ложе отбивают и бросают. Он уже не нужен никому. Металл и все. Ничего не забрали. Целые могли забрать, а они [разбили]! Это были еще полуавтоматы. Они же писали листовки, бросали, разбросали: «Сдавайтесь». И Бубенец с другом пришли и сдались. Он же лидиевский, пришел, дома переночевал и сдался. Вот такой случай был. [...] Забрали и не вернулись. [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] Ну тут уже немцы пришли. Как нас учили, что с рогами придут. [...] Прибегает однажды – там у нас была женщина – и говорит: «Боже, немцев там видела. В городе». Увидела там первая, прибегает. А нас там полно, на балаганах. [...] Это улица Горького, возле завода. Это там где трамвай первая марка поворачивает, вот там мы жили. Возле самого завода. 6-й номер, третий дом. А там уже балаганы были понад заводом. И немцы пришли – они прямо с завода вышли. [...] Открыли проходную, вышли. Рассеялись, чтобы каждую улицу кто-то просматривал. И появился на нашей улице этот немец в каске. Ну она там была, увидела, прибегает: «Я немца видела». Моей матери: «Тетя Зина, говорили, что они с рогами, а я глянула, они без рогов». (Смеется). Вот так, значит, люди верили. Рассказывали: «Да что ты?» – «Да-да, безрогие они, в шапках железных, в касках». Ну тут ясно и я уже пошел посмотреть.

[...] Где поезд идет в завод, мостик маленький. На этом мостике поставили ежи, из рельсов. Понаставили – наша армия. Ждали, что они будут идти со Стандарта<sup>2</sup>, со стороны Цирка, отсюда. Это я так слышал. А что я видел – это я буду говорить, точно. Ну а немцы пришли не сюда, а с Боссе<sup>3</sup>, там, где он живет (*говоря о присутствующем при беседе брате*) – там тоже есть завода проходная.

---

<sup>1</sup> Сосед респондента.

<sup>2</sup> Поселок в Сталино. Ныне – часть Ленинского района Донецка.

<sup>3</sup> Район машиностроительного завода Боссе и Генefeldьда (с 1935 г. – им. 15-летия ЛКСМУ, с 1971 г. – им. Ленинского Комсомола). Ныне – ПАО «Донецгормаш».

Оттуда они зашли, прошли через завод. Как они там прошли – я лично видел, открыты были эти ворота из завода, когда мы увидели немца, который около нас там стоял. Я смотрю – оно просвечивается до Первой линии из завода. И раз – броневик проехал из завода. Потом там еще немцы. И как там пошло – идти с того завода, потом они как двинулись здесь. На следующий день уже, наверное, по этой по Первой линии шли и от завода и шли. Ну, наверное, чи до вечера с утра – столько двигалась эта армия. И идут, и идут, и идут. Люди стоят, смотрят, а они на всю дорогу по этой Первой линии. И все туда вверх шли.

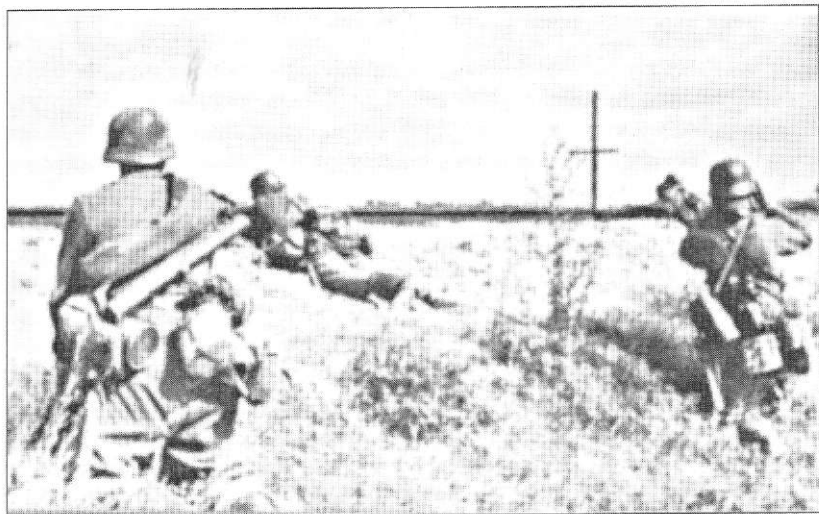
[...] Потому что когда этот немец появился, первый, что я сказал, подошли один, второй, третий, четвертый. И я, дурак, подошел к этому немцу. А евреи понимали по-ихнему говорить. И они, евреи, говорят и нам переводят. И говорят: «Этот немец говорит, чтобы вы отошли, а то ж им надо смотреть. Он же приехал из Германии, ему надо ж смотреть – отойдите, отойдите, а то ж тут его могут убить». Немец на посту – все отошли. Так что он говорит: «Эти все магазины будут работать. Это мы уйдем дальше воевать, а тут придут другие, порядок будут у вас наводить». Все в таком духе. Ну и все, прошли те немцы, заходим – лично я захожу во двор этого завода, на этой территории всей – вот если проходную пройти, там территория такая, а там дальше газгольдер стоит... [...] И тут эта вся территория нашими пленными заполнена. Там тысячи, я же там среди них разговаривал, ходил. Значит эти люди покидали те винтовки, подавались или как их там. Ну, короче, там 2 немца или 3 немца тысячи людей охраняли. Так что это за армия такая, я не пойму. Как они там воевали? Они ждали отсюда, эти пришли отсюда, окружили их, сзади винтовки положили, согнали. Их в это место, они сидели. Вот такие тут бои были. Вот я могу сказать – что видел, то видел. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Как парад, демонстрация какая-то военная. Итальянцы, и румыны, и с перьями, и на ослах там. Да, и на велосипедах. Кто на чем. (*Смеется*). Все смотрели. Прицепили листовку: «Новый порядок в Европе», «Великая Германия». Что-то видно, чтобы люди читали, наверное. [...]

*С. Михаил Андреевич*



**Фото 3.** Немецкие солдаты на подступах к Сталино, осень 1941 г.  
Haupt W., Wagener C. Bildchronik der Heeresgruppe Süd. – Podzun-Verlag, Dorheim, 1969.

\*\*\*

[...] Ну, когда немец – по радио сообщают, что такой-то город освободили, такой-то город освободили<sup>1</sup>. [...] И вдруг вперед наступление – наши отступают, а немцы наступают. Он быстро шел. Буквально через день радио сообщает – такой-то город забрали. [...] Немец он не шел – он летел. Он занимал город за городом. Я ж говорю, мы только стояли и слушали радио. Когда на столбе радио заговорит, и мгновенно. Только сообщили, что был где-то километров за 100, смотрим, едет уже обоз с 11-го поселка, с Петровки. Уже занимали. Некогда было оглядываться. [...] И вдруг мы вышли – дядя стоит. А у меня сестричка была двоюродная. У нее речь была нарушена. Она говорит: «лемки, леки». Мы никак не можем понять, что за «лемка». Смотрим – 3 разведчика идут. А с нами стоит солдат – охраняет на базе тюки сена. Ну что делать? Мы его в угольный сарай.... Солдата нашего. И до вечера он пробыл в угольном сарае. [...] И мы его спасли. Ну и папа, переодели его, ночью он куда-то ушел. [...] И когда солдата уже запрятали – смотрим, обозы идут. Немцы – лошади у них здоровенные. [...]

*Смолякова Ирина Герасимовна*

---

<sup>1</sup> Респондент, исходя из общего контекста интервью, оговорился. Правильно – оккупировали.



\*\*\*

[...] Ну как немцы вошли. Может, в центре города и было [бои], а у нас, в нашем краю, не было. [...] Обстреляли с той стороны Кальмиуса. Ну, выстрела 3, по Мушкетово стрельнули и здесь снаряд [упал]. И все. И тихо, немцы на мотоциклах, на машинах здесь. А там на Мушкетово ехали уже регулярные войска. Много, а потом туда дальше шли в сторону Макеевки, туда двигались. [...]

*Т. Иван Борисович*

\*\*\*

[...] Утром рано, ночью протарахтели, нам же слышно, танки, но не тяжелые так, уже потом я понимал какие тяжелые, не тяжелые. Прошли танки, утром ворвались, проскочили мотоциклы, обстреляли этих грабителей. Прямо по магазинам – по стеклам, по витринам: «дыр», «та-та-та» – и все. На этом мародерство прекратилось.

[...] Да, второй этап вслед за этим, что было неожиданно, везде паникеры назовем их так, или кто что видел, все говорили: «Немцы, моторы, танки, самолеты». Начали вступать в Макеевку – это может быть, части этой дивизии «Эдельвейс»<sup>1</sup> на Кавказ направлялись, но в основном тягловая сила – лошади. И не лошади – у них тяжеловозов мало было, все-таки знаете, немецкий тяжеловоз такой тащит, наверное, тонн 5, массивная лошадь, и впервые я увидел, что такое мулы. На них были, по-моему, румыны или итальянцы – ну кто-то из вспомогательных частей, по-моему, румыны. Мулы – это смесь между ослом и лошадь, вот такие уши, но она тягучая. Голодные эти мулы были страшно, и их разместили в школах. Они поели, все подоконники погрызли, я к чему веду. [...] Сейчас вы поймете эту связку, они настолько голодные были, что они погрызли подоконники. Они грызли дерево – лошади эти голодные были, у них прогон, они спешили за наступающими частями. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] И потом рано утром какая-то была мертвая тишина. Мертвая тишина, совершенно. И немцы начали входить где-то вот туда, к обеду. [...] И что характерно, видно как-то, ну у нас народ вообще любопытный. Поэтому была тишина, никого ничего, пустые

---

<sup>1</sup> Имеется в виду 1-я горнострелковая дивизия вермахта, воевавшая в 1941-1943 гг. на южном крыле Восточного фронта.

были улицы, а потом люди начали выходить, вылазить из подвалов, все это смотреть. Тоже как-то странно все это было, ясное дело. Вот так вот встречали. Ну, конечно, без всяких хлеба-соли их встречали, вот. Все предвидели, что что-то такое будет страшное. Поэтому так смотрели просто, что же это такое. Ну а детвора, как обычно. [...] Вы знаете, как и каждому ребенку – все было интересно. Мы стояли на главной улице у входа на Ларинский проспект – а это была главная улица у входа в центр города, и там проходили буквально все войска. Вот. И именно вот немцы заходили по этой дороге, огромной, проходили сначала вот эти черные танки – «тигры»<sup>1</sup> – как их называли. Потом волокли – я никогда в жизни больше такого не видела – вот этих лошадей-водовозов. Огромные лошади – видно специально выращенные эти лошади, специально, для армии. Везли они орудия и все остальное. И сейчас же немцы начали по домам. Моментально. Они не смотрели ни на кого, они тут же выселяли. Забирали себе квартиры и вот тут же делали. Танк – этот черный «тигр» – стоял около нашей квартиры. И сразу же эти немцы зашли и – «weg, weg, weg»<sup>2</sup> – вот такое было. Ну и мы перешли в летний, типа сарая-подвала и там жили. А квартира была занята немцами. И там мы жили где-то с год почти, жили там. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Мне кажется вот когда вошли немцы в город – это, по моему, 20-го октября 41-го года – у нас было бомбоубежище. Когда-то был «красный уголок» большой, а в войну сделали бомбоубежище. Ну и те, кто остался, сидели там и ждали прихода немцев. Уже когда немцы в городе были, что вот войдут в дом. Подъезды же были закрыты там и все. Это я открою вам детские разговоры. Моя мама говорит: «Пошли домой, знаете что? Пошли домой. Войдут – нас всех постреляют». Ну так, как мы себе это представляли. [...] И мы пошли домой к себе в квартиру. У нас в семье была мама. Ну еще – она дальняя родственница, с нами жила. Была у нас домработница – женщина тоже, и 2 детей. Вот 5 человек. [...] И вот мы сидим – вдруг стук прикладом в дверь. Мы открываем дверь – заходят в касках немцы с винтовками наперевес в дом. Мы все к стенкам, конечно,

---

<sup>1</sup> Респондент приводит пример стереотипного в массовом сознании образа немецкой военной техники. Танки «тигр» на советско-германском фронте появились у немцев только в августе 1942 года. Массово стали применяться только с 1943 года.

<sup>2</sup> Прочь (нем.).

прижались. «Солдаты есть? Мужчины в доме есть?» – «Никого нет». Ну они прошли по квартире, проверили все это. Открыли буфет – так у меня осталось. [...] Ну а там стояла – у нас пить некому было, ну может какой остаток водки там. В стакан вылили – выпили. Прошлись – и вышли. Все вышли. А я сижу ж ребенок и спрашиваю: «Мама, а у них на касках рога есть?» (*Смеется*). Я ж не видела, а рисовали ж их с рогами. Вот, впечатления детские. Впечатления, конечно, были ужасные. Это было, наверное, в дневное время, а вечером они начали расквартировываться. Пустые же квартиры. 20-го октября, отопления ж нет. Света нет, газа нет, тепла нет. И они начали расквартировываться. Ну чего им – квартиры же все пустые. Они все двери выбили. Во всех квартирах. Во всех квартирах абсолютно. Все открыли – спать им надо. Они во всех квартирах сняли верхушки диванов, принесли к нам. В нашу квартиру. Ну теплее же немножко. [...] Жилое помещение. Расстелили же все это на полу. А мы сидим же в кухне. Мама говорит: «Знаете что – давайте пойдём в соседнюю квартиру». Квартиры же все открытые были. А у нас в соседней квартире юрист жил – они эвакуировались, квартира пустая была. «Давайте пойдём туда, там переночуем ночь». Ушли, они ночь переночевали. Сами. Квартира открытая, все, ничего. Утром встали. Шахмат наших нет, еще чего-то нет, еще чего-то нет. Ну то, что им нравилось, они забрали и ушли дальше воевать. Мы повытаскивали эти диваны – оно ж нам не нужно, откуда они их несли, мы тоже не знаем. Все это на улицу. Ну и с этого дня, собственно говоря, началась оккупация. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

### ГЛАВА 3

## «МЫ БЫЛИ СОВЕРШЕННО БЕСПРАВНЫЕ...»: ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАК ЖЕРТВА

[...] Живем при немцах. Ходят, собирают яички. И наши были полицейские – яички для немецкой армии. Ну что. Знали, сколько курей: «Давай, давай». Давали. А у одной женщины была корова и скирдочка сена. Зимой. Приехали немцы на саях, на лошадях. И начали грузить это сено на сани. Она начала кричать: «Фашисты», – и так далее. Что у меня «киндер». А у нее девочка была. Молоко и так дальше. – «А, партизанка». Забрали сразу ее. К террикону на одну шахту отвезли и расстреляли. [...] На терриконе расстреляли. Потом было еще – заблудился. Из-за фронта шел пленный матрос. Якобы из Сталинграда. Ну тогда не Волгоград был, а Сталинград. И остановился. Фронт стал здесь на Миусе и он остановился. И устроился где-то. Пристроился к какой-то женщине, жил. И гоняли ж на работу нас. Тогда же были снежные зимы. И меня гоняли. Заходит этот самый (*староста*) – на работу завтра, на обозы снег. Ну что ты будешь [делать]. Если не пойдешь – заявит немцам, придут: «Партизан» – к террикону. Ходил на работу, заставляли. Поработал – иди домой, ничего уже, ни кусочка хлеба. [...] И этот ходил товарищ. И там пронюхала одна дурочка, что он пленный матрос, что он попал в плен или в окружение как. Заявила немцам. Ну приехали, забрали. Комендатура была на той шахте. И терриконы там, 27-я шахта. Там его расстреляли. [...]

*Афанасенко Алексей Иванович*

\*\*\*

[...] Вот вспомнился мне момент. Пошла я в Буденновку<sup>1</sup>. Вот сейчас мне так и осталось в памяти. На бугре, где вот сейчас вот театр. Там вот бугор. И вот лежит убитый. Наш человек. Его, наверное, пытали, пытали – что они там пытали, не знаю. И чтобы он остался и кто-нибудь подошел, забрал. А за ним-то наблюдали немцы. Если кто подойдет, они заберут тех и расстреляют. Расстреливали, чуть не так сказал, не так... Шукали, кто там коммунист, кто там партийный, все такое. [...]

*Батула Мария Самсоновна*

---

<sup>1</sup> Центр Буденновского района в Сталино.

\*\*\*

[...] Ми ж пасли скотину, так от когда наши отступали, так біля нашого двора отака от стопа ящиків з патронами. Ну ми що ж, хлопці, ото з патрона берем, разряжаємо, половину пороху отсипаємо, а тоді пулю туди, пулю заряжаємо, тоді от підпалюємо, а тоді стріляємо. Ну, я набрав кармани и погнав корову. Видно, ніхто не бачив, а мій напарник трохи опоздав, у кармани набрав, а його немцы заметили: «А-а-а, партизан?» Коли б там не комендант якийсь там наскочив, так убили б. [...] Кричали: «Партизан, партизан». [...] Да, там же мати кричала, бабка: «Нема там ніяких партизан». Та, а що він там: «Партизан, – и все тут. Зачем патрони брав, все». Немцы есть немцы. Вони і сейчас такі самі. *(Смеется)*. [...] И сейчас чертом дивляться на нас. Ми ж не винуваті, це ж вони напали на нас. Не ми ж на вас. [...]

*Гончар Николай Иванович*

\*\*\*

[...] А потом что еще, видел я когда. Там был кинотеатр «Красный»<sup>1</sup>. Сейчас там хлебокомбинат. И мы бегали туда в кино. А потом, значит, на этом рынке мы были и тут опять, значит, ведут. Смотрим, подъехали машины. И там стоит столб и труба продета. И чурбак какой-то, шпала лежала. И машины стоят. И подвели ребят. С Мукомольной. Я лично с ними не был знаком, но знал. До нас слухи дошли, что вот как в «Молодой гвардии»<sup>2</sup> сигареты позабирали. Они тоже с этой машины позабирали подарки. Их привозили – 4, 5 или 6 – я не помню – и прямо на наших глазах. Повесили за воровство. Вот это я тоже своими глазами. [...] Ну подростки. Может 15, 16, 17. Те, которых пооставляли, кого советская власть не забрала. Они надо что-то делать, надо что-то где-то жить. [...] А воровали они, если вы знаете, где хлебозавод. Был в Ленинском районе в самом низу, белый такой. Улица Мукомольная. И там под заводом воинская часть стояла. Они получили или какие-то подарки. Они *(подростки)* позабирали ящики, их половили. Мы же ж не можем, мы должны есть, мы должны бросить эти обвертки, эти очистки, все. Они *(немцы)* их половили и повесили. Это я видел собственными глазами, 2 случая.

[...] Потом привезли еще какую то партию, но уже столько людей собралось, что они решили: лучше где-то расстрелять. Хотя привезли... Вот теперь я провожу параллель. Значит, не воруй – убьем.

---

<sup>1</sup> Располагался в Сталино в районе Центрального универмага.

<sup>2</sup> Респондент имеет в виду эпизод из истории молодежной антифашистской организации «Молодая гвардия».

Попроси – дадут. Они не признавали эту партизанщину из-за угла. Вот это приходили на немцев [жаловаться]. Некоторые приходили, жаловались, что вот так вот и так. Впоследствии безобразий на нашей улице они так не делали. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Мы все видели. Вот тогда, как говорится, немцам заступить, а ставней не было. А вот эти окна. И я смотрела все время в окно. А папу оставили как связистом на ДМЗ. Это мне мама говорила. А потом он пришел, ну как вам сказать, три дня никого не было. Я сидела возле окна, а мама говорит: «Так, смотри в окно. Кто будет – соседи идти или что – скажешь». Но никого – два дня никого не было. Даже соседей мы не видели никого. А когда смотрела в окно – а вот так Центральная поликлиника, смотрю – едут 2 мотоцикла. Я глянула – это не наши. И они остановились. А была вот эта 21-я школа, где трамвай третья марка заворачивает, стояла будка и жил человек – переезжал. Путя. Пропускала третью марку. Путя переключала. И они остановились возле этой будки, стали, и стали смотреть. Я уже забыла – но недолго были. И они опять развернулись и поехали на Центральную поликлинику. И не было опять никого. Когда слышу ночью – мама разговаривает с кем-то. Когда я спросила: «Папа приходил». А у меня сестричке было годик. Она 41-го года. В октябре родилась. [...] И я с ней спала. Я говорю: «А чего ж ты не разбудила меня, чтобы я папу увидела». – «Но ничего, – говорит, – он придет скоро». А его отправили, что мне мама говорила, его отправили, как вам сказать, на Путиловку<sup>1</sup>, на аэродром. И он сказал: «Я не знаю, когда я приду. И ни у кого не спрашивай, и никому ничего не говори». Вот это я слыхала. И его не было долго. А потом пришел какой-то мальчишка – а я с сестричкой несколько раз к забору выходила – вот там все видно. А когда в калитку заходили – вот такой был приступок, мы переступали. И я вот это села и сестричку держу на руках. Подходит мальчишка: «А где бабушка Варя?» Тетю Варю. Я говорю: «Сейчас позову». Ну я позвала. [...] Что они говорили, я не знаю. Мама тогда говорит: «Давай. Дома никуда не выходи. Я сейчас». И она ушла – мы ее до самой ночи [ждали]. Мы уже легли спать, а ее не было. Оказывается, она ушла. Был[о] – эсэсовцы как раз открылись, где гостиница «Донбасс»<sup>2</sup>. И там в подвале – там и расстреливали, и вешали. И все вот это самое. И мама туда 2 раза пришла. А потом

---

<sup>1</sup> Заводской поселок в Сталино.

<sup>2</sup> Респондент имеет в виду отделение СД (службы безопасности), располагавшееся в период оккупации в здании гостиницы «Донбасс».

пришла – и говорит: «Была у тети Настя». А тетя Настя, оказалось, что она работала с ней. Мама работала на базе на Колхозном рынке – там была овощная база. Она работала там бухгалтером. Оказывается, она немецкий знает и была там переводчицей. И когда она маму увидела, она спросила у нее. Она говорит: «Иди и больше сюда не приходи. Что-нибудь сделаем». Но пришло уже, наверное, – не знаю, сколько уже прошло. Когда заходит ночью немец и маме говорит: «Так, одевайся, пошли». Маме плохо стало. Мама стала плакать, что мы остались вдвоем. Папы нет дома, и меня забирают. А с кем мы останемся? А мне было – я 31-го года. Как раз 10 лет, одиннадцатый. Ну, в общем, еще одиннадцати не было. [...] И когда немец – а я встала, а сестра заплакала. Я ее вот так вот взяла, пригорнула к себе. А мама сидит, плачет. Я кинулась к маме. А немец меня взял и отбросил на место. И говорит: «Не плачь». Ну он говорил по-русски, но плохо. И говорит, в общем так: «Не плачь. Мама придет». И все. Ну, когда он посмотрел, у мамы были серьги, кольцо было. А у меня сережки были. И он вот так взял сережки, посмотрел. Ну когда мама оделась, он так смотрит на маму. Она взяла так вот, сняла серьги, кольцо сняла. И с меня сдала серьги – отдала ему. И он только говорит: «Спасибо, мама». Вот это я помню. Он говорит: «Спасибо». Я стала плакать, что серьги забрали. Это папа мне одел. [...] И она ушла. Он ее увез. Мы стали плакать. А мы так жили. И тут флигелечек был. И там были квартиранты. Ну я вышла. Тут хата и коридор был. В коридоре на порог села и стала плакать. Кушать нечего. Нигде ничего не было. Тут пришли немцы в квартиру, [...] у нас был вот этот зал, что смотрели окна на улицу, был зал. И они взяли туда зашли. В эту школу – 21-ю – ихняя часть стала. Машину в посадку поставили. [...] Ну а сестра плачет. Взял немец один, дал шоколадку ей. Ну она это самое. Эти немцы стали жить. А мамы нет. Они стали вещи свои ложить, давайте все. А там же у нас и шифоньер, и диван, и буфет был – он открывает шифоньер, немец, за шиворот [меня] – и к шифоньеру. И показывает. А я – что я могу сказать? Ну он взял, все снимал и взял ко мне в спальню отнес сам. Все в шифоньере освободил. И все. А кушать-то нечего. Тут ихняя кухня, получилось так, что как вам сказать – вот когда едешь, центральный ход был в школу. [...] И там стояла кухня. И этот немец – солдат – взял меня. Кухня была и на плитке кастрюлька была. Он взял эту кастрюлю и меня взял: «Пошли». А я стала упираться. Он: «Пошли». И показывает мне на кастрюлю: «На». Ну он пошел и стал себе, принесли, стали кушать, и мне. И я вот-то тогда покушала с сестрою. А мамы нет. [...] Ну тогда мы уже легли спать. И просыпаюсь я ночью – что-то шумит. Ну сестра встала, я сразу к ней. Когда глянула – в спальне свет горит. И мама стоит возле меня. Как крикну – и к ней. Она: «Тише-тише». А вот так вот кровать стояла, и вот так вот стояла. Ну наша двухспальная стояла, а вот так как военная



кроватька. Вот так стояла. Когда смотрю, она говорит: «Тише, папа спит». [...] Папа спит. Ну я сразу кинулась до папы – он меня обнял. Только не помню, сколько-то прошло, что я от него не ушла. Утро – пришел какой-то мужчина. И стал с ним разговаривать. О чем они говорили – я не помню. Что мама взяла меня и на улицу во двор вывела. О чем они говорили – больше я этого мужчину не видела. Потом я легла, слышу, мама с папой разговаривают. И говорит: «Вот этот, что был мужчина, он уже сказал, кто меня предал». [...] Это он маме стал рассказывать. Это мужчина пришел, а потом он маме стал рассказывать. Что вот это мужчина пришел – он сказал, кто предал. А их вдвоем послали на аэродром. А тот взял папу продал. Вот то ж папу забрали. Ну а тогда мама стала [расспрашивать] – «Не трожь, у меня все болит». Ну потом он стал рассказывать, уже мама потом стала рассказывать, я ж маленькая. Уже ж когда он умер, уже после войны [рассказывала]. Я не знала. Немец и переводчик сидели. А наши полицаи били его. Били они его – отбили печенку отбили, легкие. У него была вся грудь, а спина была исполосована вся. Ну как вам сказать. Я когда его обмывала – вот когда плетками бьют, такие полосы. Вот так у него вся спина была. А грудь у него – у него вся синяя была. [...] Ну а соседка была врач – в Центральной [клинической больнице] работала. А у нее сын – ровесник мне. И она лечила папу. [...] Ходила я аж под Старобешево. Траву рвала – ну которую она сказала. Я рвала, и она что-то делала там и все. Мама делала примочки ему, делал все. А когда немцы уже стали, уже знали – я им мыла грязь. Сапоги помою, полы помою, мама что-то им постирает. И вот они котелок кастрюльку принесут нам. Вот то папу и сестричку покормят – мама самая последняя, что ей осталось. Ну а потом пришли, опять этот мальчишка пришел: «Тетья Варя, я хочу дядю Ваню видеть». Она говорит: «К нему нельзя, он спит». – «Я на пять [минут], я немного». И, как говорится, мама не пускает, а он рвется. А я сижу в спальне на кровати, папа лежит на детской. И я лежу с сестрой – что они говорили, я не знаю. Сразу мальчишка убежал, я больше его и не видела никогда. Ну папе было плохо все. [...]

*И. Тамара Ивановна*

\*\*\*

[...] «Душегубки» видел я. Из тюрьмы – возле завода металлургического там тюрьма была – оттуда вывозили в шурф, бросала «душегубка». Почему она «душегубка» называлась? Газ не выходил наружу, а туда. И там люди задыхались. Пока довезут до этого [шурфа шахты], уже они умерли. И сбрасывали. [...] Ну знали, люди знали, конечно [об этой машине]. Они так вслух: «Душегубка».

Ее обходили, потому что по дороге будешь идти, тебя кинут туда, пока ты задохнешься к черту в душегубке. Она черная была, закрытая. Ну, душегубка есть душегубка, о чем тут говорить. Вот это из тюрьмы оттуда вывозили. А там – кто там был? Там все были, и коммунисты и... Я не буду точно тебе говорить: кто, что и по какой статье, и где их судили, и судили ли вообще. Об этом я не буду говорить. Я не знаю. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] Ну в оккупации... Ну, конечно, расстреливали. Ну коммунистов: «А чего они не пошли на фронт». [...] Здесь у нас был одна женщина, Васина ее фамилия. [...] Валька ж Васина<sup>1</sup> – мы еще дружили. У нее было двое детей, она была коммунист. И она их всех продала, наших коммунистов. В комендатуре всем говорила: «Вот такой, такой, адреса», – и их расстреляли. И в последнюю очередь – и ее расстреляли, вот туда, в эту же яму. Немцы так были. А двое детей осталось. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Весной 42-го года – нам дали огород – каким образом не знаю, по проспекту Ильича или в районе молокозавода, или мясокомбината, или молокозавода первого. Я точно сейчас сориентироваться не могу, потому что дальше была степь и только труба торчала макаронной фабрики. И дали там огород – и ранней весной, когда мы приехали туда что-то посадить. Что мы посадили, а что мы убрали – тоже не помню. И как-то работали мы – и какой-то запах неприятный. А отец воевал, говорит: «Трупом пахнет». И вот летом 42-го года, и, видно, весной ранней их бросили туда – туда ж бросали не только их (*евреев*), всех заключенных. Партизаны, цыгане были – кто попался. И вот так мы узнали, что вот там захоронение. А в 43-м году уже все вышло наружу. [...]

*Крицын Олег Демьянович*

---

<sup>1</sup> Дочь женщины, о которой идет речь.

\*\*\*

[...] Пришел полицей, меня забрал и на биржу отвел. Биржа меня поставила работать на Рембазу<sup>1</sup>. Там были разные специалисты, наши... Я был там электриком. [...] Там ремонтировали технику, немецкую военную технику. Там же немцы, мы «принеси – подай». Там сарай был, так я досок набрал печь топить. А тут немец ехал – его вез наш шофер, с нашей улицы – и переводчица с ним. [...] Когда меня спросили, я ответил: «Тачку хотел сделать для эвакуации». [...] Он отправил меня в лагерь на Вторые ставки. [...] Этот лагерь был за ставками, выкопанный в земле и прикрытый сверху. [...] Там один пожилой человек мне сказал в тот же день: «Если будут что-то спрашивать, то держи язык за зубами, а то выпорют как сидорову козу». Там же есть те, кто спрашивает – это я уже так понял. [...] Меня отвезли. Там немец меня принял, поставил на камень на солнце. Мне морду натрепал (*избил*) на солнце. У него мотоцикл кто-то ремонтировал, так он меня помогать взял. Так этот немец меня отвез, я неделю побыл – лагерь был выкопанный и забрал меня, привез туда и сказал, что Кубышко провинился, но наказание отбыл, и чтобы никто меня не упрекал в этом. Он дал мне два дня отдыха дома от вшей отмыться. [...] И если бы немец меня не забрал, не знаю что и было бы. Никому я не был нужен. Ни документов, ничего. Что с теми людьми произошло, я не знаю. А меня немец посадил и забрал.

[...] Противно было, боялся. Ведь немец сделает, что хочешь, что хочешь делает. Ему что курице голову отрубить, что человеку. Ему ведь все равно. Я презирал, боялся их. Да что там толковать. Ведь, меня когда в лагерь отправили, поставили на камень смотреть на солнце, а потом мотоцикл ремонтировать. Так что я, благодарен за это? Об этом нечего и говорить. Я думаю, что не было ни одного человека в нашей стране, чтобы душевно относились. Ну, может предатели какие-нибудь были. А они были, в каждой стране есть продажные люди. [...]

*Кубышко Николай Сергеевич*

\*\*\*

[...] Тут он (*отец*) стрелочником работал на железной дороге. [...] Во время войны, когда меня не было<sup>2</sup>, его немцы повесили. [...] Он считался как партизан. [...] Возле Горловки был лагерь, немцы сделали лагерь, куда забирали военнопленных, семьи партизан, мать с

---

<sup>1</sup> Ремонтную базу.

<sup>2</sup> Респондент был угнан на принудительные работы в Германию.

братом туда забрали. А дом их, они жили в конце Никитовки, полицаи замкнули и все. Сколько они были в лагере, я не знаю. А отца они где-то поймали и больше не выпустили, начали издеваться над ним, как партизан, потом здесь в Никитовке и повесили его. Шесть человек повесили. [...] В июле 1942-го года. Сейчас на Румянцево<sup>1</sup>, на кладбище стоит памятник, восемь человек там записано. Их три раза перехоронили. Тут старая дорога была, через мосты. Когда с Никитовки выезжаешь, на Румянцево, через пути надо было переезжать. На бугре, где Румянцево начинается, стоял памятник. Потом их перехоронили возле клуба на Румянцево, тогда дворца не было, клуб был. Возле клуба им памятник сделали. Потом начали строить дворец и их перезахоронили на кладбище. [...]

*О. Владимир Анатольевич*

\*\*\*

[...] Я передрожал весь, когда меня немец избил и боялись, что нас расстреляют. Потому-то нас выбросили в сад, щупами везде тыкали, в доме на чердаках везде лазили, во флигеле лазили, весь сад щупами. Потом, когда в подвале [сидели]. Во-первых, мы замерзли, во-вторых, очень испугались – немцы стояли, что-то бормотали. Представляешь? Никогда не видел иноземца, восьмилетний пацан, восьми с половиною лет пацан, значит, что вдруг в какой-то форме не нашей, не советской. Знаю, что мой дядя родной такой-то, приезжал на лошади. А это какая-то зеленая форма, какие-то на них штуки, автоматы. И страх – причем они ж меня еще и побили. Поэтому это страшный у меня момент был. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Страшное время, страшное было. Мне кажется, что в оккупации мои полжизни прошли. Я помню каждый день. Ой, как страшно было, господи. А потом у нас тоже на коксохимзавод ходили. Тоже только в комендантский час нельзя. А у нас здоровый мужик был, фамилию его я не знаю, – дочка у него была. А он, видно, опоздал – его в комендантский час подстрелили возле комендатуры. Такой здоровый мужик. И как хоронили – но дали похоронить. Обыски, забирали – каждый день боялись. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

---

<sup>1</sup> Поселок шахты им. Румянцева в черте Горловки.

\*\*\*

[...] Я пришел на работу... Полицейский стоит: «Ты Самисько?» – «Я». – «Пошли за мной». – «Куда?» – «Пошли». Я ж не знаю, кто он такой. И повел меня в КПЗ<sup>1</sup>. И вот то я там 5 суток пробыл, есть не давали, снідать не давали. Принесла там моя хозяйка каких-то там лепешек. Он говорит: «Ладно. Ну положи», – и проверяет. А один полицейский – Кошелев Иван – со мной работал башмачником до німців. И полицейский, служит теперь, перешел у полицию теперь Он дежурил ночь. Я говорю: «Иван, ну кусочек хлеба мне можно? А то нутро уже грызет». – Он говорит: «Ладно». И вот то пять суток. А за что – бог его знает, за что. [...] На допросы каждый день, утро водили меня. [...] [Вопросы задавали] чи за воровство, чи за что-то такое примерно. Кажу: «Я ничего не знаю». Даже задавал этот вопрос: «За что меня забрали?» Били. Были, присутствовали на допросе начальник полиции, русский, и 2 офицера немецких. И последний раз меня уже вызвали, дает мне бечеву большую немец, делает петлю мне на шею. Завязал. Там табуретка стояла. [...] Там табуретка стояла: «Видишь табуретку?» – Я говорю: «Вижу». Он повернул меня. И носком как долбанул – я посунулся в двери. И на этом кончилось. Выпустили меня, пошел я до начальника этого Шелкова. Ну он такой как и я, наверное. Он говорит: «Иди отдыхай. На работу придешь». А плетками били добре. Вот то последний раз носком. А плетками стоячего, стоял, шлепали хорошо. [...] Немцы, немцы. Начальник полиции не трогал, а немцы, палачи. Вот так кончилось судьба моя. Пришел я на работу, а мастер, ранжир: «Гришка, что ключ висит под замком». – Я говорю: «Да». И так кончилось. [...] Когда был на допросах, думаю: «Господи, брось бомбу сюда, чтобы меня разорвало и все, чтоб не мучился». До слез было. Я смерти не боялся, я только чтобы не мучили. Убьет – значит всех. [...]

*Самисько Григорий Наумович*

\*\*\*

[...] За отца нашего могу рассказать. Значит, отец наш С. Андрей Семенович<sup>2</sup> родился в 1887 году. 13 лет исполнилось – и он пошел работать в Донецкий (Юзовский) металлургический завод, в литейный цех. Работал формовщиком, учеником, потом формовщиком, дошел до мастера. Проработал в заводе 41 год. [...] Перед приходом немцев завод готовился к эвакуации на Урал. Все

---

<sup>1</sup> Камера предварительного заключения.

<sup>2</sup> Фамилия анонимизирована.

оборудование он готовил к отправке и отправили оборудование на Урал. Но так как у нас большая семья – три несовершеннолетних мы были, и мать больная, то мы не смогли эвакуироваться, остались в оккупации. Сначала пришли немцы – ну там были люди, которые уже сказали, кто-где работал, кто какой специалист, все. Ну, в общем, немцы пришли и его на моих глазах убили за то, что он не хотел работать. Формовщиком- литейщиком. Ну не знаю, он там сказал, что он не в заводе, там был, где училище РУ<sup>1</sup>-2, станки там стояли, там он был, но не в заводе. А в заводе в литейный цех он отказался идти. Ну из каких соображений – ну на моих глазах его немцы прибили. [...] Это было в августе месяце, это было 6 августа 1942 года. Он не захотел работать на основной работе, литейной. Там уже начиналось литейное дело. Ну на следующий день немцы – его ж прибили его, он не сразу это самое (*умер*), он лежал. Пришли – он мертв. Значит, немцы что делают. Ну, по-немецки, чтобы его убрать, убрать. Чтобы его не было – мертвец, а тут немцы на квартире стояли, лето, инфекция. [...] Немцы вынуждены что делать? Нет транспорта, ничего. Они же не оказали помощь в захоронении. Родственники были – возле подстанции жили на 9-й линии<sup>2</sup>. Вот туда отправили его, положили, туда отвезли его на тачке. А оттуда пришли, подводу нашли, вот это ж дядя помог, Иван Федорович, и там Молчанов. Они вдвоем, взрослые, родственники – нашли подводу и отвезли его. Когда сдали, привезли, там – крысы его уже поели всего. Вот такой вид был, что закрыли. Похоронили – где похоронили, мы даже и не знаем. И ни он (*имеет в виду присутствующего при беседе брата*) не знает, ни я не знаю, ни мать не знает. Вывезли, похоронили. 8-го августа. [...]

*С. Михаил Андреевич*

\*\*\*

[...] И вот вторая трагедия, которую я пережил. Риск был сумасшедший. Накануне уже было безвластье фактически. Но власть еще ночью уходила. И вот, где-то между Макеевкой и сюда в сторону Харцызска, даже Зугрэса, даже Ханжонкова, в этом районе вроде их перехватили немцы и постреляли. Я точно не знаю, но вроде военком там был, попал вроде там кто-то из начальства. Но то, что это был последний день, я знаю почему. Ночью, я услышал, что взрослые что-то химичат. Подъехала машина, выгрузили с машины 5 мешков – овес, и вот так мы считали, овес. Раз, раз, быстренько, еще что-то загрузили

---

<sup>1</sup> РУ – ремесленное училище.

<sup>2</sup> Ныне – ул. Челюскинцев в Донецке.

и машина уехала. Мать моя на то время работала главным кассиром городской конторы связи. То ли там были деньги, я не могу сказать. И вот, что значит, я всегда деду до его смерти говорил: «Великий тактик и стратег. Ты ж нашел место упрятать». И вот что сделали: у нас бабушка держала корову, дед работал на водокачке, там был выпас, был выпас, и держали коровку, потому что детишки маленькие были, дядька мой младший. Куда ж, думаете, спрятали это все? Этот овес ссыпали, у нас бочка была ведер на 20, ссыпали туда. А, вот это все спрятали под низ, знаете, ложатся рейки, когда стог сена делается, чтоб он не подгнивал, там настелили газет, туда сложили и в скирду. [...] С чердака в скирду наложили, потому что чердак-то размело<sup>1</sup>, собрали и наложили. И вот, представляете, эти на мулах останавливаются в нашем районе. И я смотрю прет (*идет*) к нам. И тут у нас на улице жил румын-парикмахер, он знает язык, он как переводчик, идут к нам: «О, какой стог, будем забирать». Но я то не знал, что там спрятано. Я не знал, знала мать моя, дедушка, бабушка. Начинают они забирать это сено, я ж вижу по ситуации. Бабушка – она такая гордая была, волевая, она падает на колени. Я так вспоминаю (*на глазах слезы, вытирает их платком*). Вы знаете, честью дорожил. Думаю: «Что ж такое, она просить, унижается». – «Пан, но оставьте, дети вот, киндер», – она немножко разговаривала. «Млеко, эссен – киндер умрут». Нет, берут, два понесли, один стоит с вилами, скирдует, они в брезент и они уносят. Пришел офицер, интеллигентного вида в очках, но грубый такой, один из солдат стал ему говорить: «Но хватит уже». – Он: «Что?» В таком духе. Он начал ногой пинать бабушку, она упала в грязь, осень была. И вот, представляете, остается сантиметров 20-30 до низа. Мать меня быстро заводит в комнату, а из комнаты выход к соседям, окно. Она раскрывает окно, и говорит: «Нас постреляют. Расскажешь, что там спрятано. Если останешься, я тебе расскажу. Расскажешь все, как было. Там под скирдой спрятаны флаги, документация какая-то». Окно открыла: «В окно уйдешь». Я не выходил на улицу, голова еще гудит после этой бомбежки, она, мол: «Ты сбежишь». Нога перевязана, знаете как. Поэтому я там и не присутствовал. И вдруг, вы представляете – бывает бог, наверное, начинается дождь! Сначала мелкий-мелкий, потом ливень как упорол, они бросают все это и ушли. Мы переждали немного, и вперед. И мы это оставшееся сено на чердак, а он же сбитый. Ну, там соседи слышали – стучат – не стучат. А он разбомбленный. Сделали ложный фронтон – вы представляете,

---

<sup>1</sup> Чердак в доме респондента был полуразрушен взрывом бомбы, упавшей во дворе дома.



что такое фронтон натуральный и фронтон ложный. И вот туда все сено сложили. И вот когда все это произошло, я понял, что там. И я потом принимал активное участие. Мы трижды перепрыгивали. Бабушка моя сохранила. [...] Дядька мой – он в Тбилиси умер, когда этот переворот начался<sup>1</sup>, он был начальником войск, фотографии его. Он в 1936 году окончил Борисоглебское истребительное училище, воевал в Испании, и все вот эти фотографии, еще дядя Коля там был командиром роты пулеметной. Все вот эти фотографии – я узнал эту заначку и знал, где хранится. Мать моя все говорила: «Ради бога смотри, никогда, никому об этом не проговорись». Так, вот это все задержалось до освобождения.

[...] И третье, отступают немцы. Жара, жара страшная была, это уже 1943 год, отступают. Причем фронтовики не мародерствовали, фронтовики по сравнению с карателями это были... Надо отдать им должное, они ни в казнях не участвовали, ни во всех этих акциях – они это отдавали на откуп полиции. Полевая жандармерия была, бляхи носили, там написано: «Gott mit uns»<sup>2</sup>. Немецкий орел на бляхе. Это полевая жандармерия, «Фельдполицай».

[...] И охранные были отряды из кого? Мадыры, хорваты, хорваты жуткие по жестокости. У них все эти охранные лагеря, как у нас узбеки, таджики охраняли лагеря – так у них немцев мало. Наша охрана и хорваты. Они сначала, когда пришли войска, они этих задержанных держали просто в гараже – там у нас гараж, конюшня, в гараже держали. И приходили, [задержанные люди] подговаривали девочек: «Я Иванов Иван Иванович». Она приходит: «Пан, там брат мой, вот он Ваня». – «Забирай». И когда вот эта кампания пошла, то в партизанском движении приняли такое решение, что надо приостановить этот процесс. Приходили домой и все. А надо, чтоб он злой был на эту власть. И вот так подогревали партизанское движение, подпольное, плюс к патриотизму, чтобы, как, говорится, не расслабились.

[...] Дед был в свое время предприниматель, бабушка тоже. У нее в Донецке на берегу Кальмиуса мороженое было. Это было время когда разрешала власть иметь частный патент<sup>3</sup>. [...] Патент был очень малый, именно на такое не стратегическое, а продовольственное.[...] И дед котировался как бы из коммерческого, из предпринимательского мира. Мать в гимназии училась, хотела поступить в мединститут,

---

<sup>1</sup> Очевидно, респондент имеет в виду события начала 90-х годов XX в, связанные с распадом Советского Союза.

<sup>2</sup> С нами Бог (нем.).

<sup>3</sup> Имеется в виду период НЭПа.

медицину любила. Ей отказали по причине происхождения. А потом мать 1904 года, а дядя 1918 года, самый младший ее брат. А тут вышла директива Сталина о том, что дети за родителей не отвечают и дядя уходит в военное училище, любил авиацию, значит ушел в военное училище. Вышел летчик-истребитель. В Испанию попадает, финская кампания и как пошел, потом его над Польшей ранило в ногу, его с летного состава списали. [...] У меня бабушка настолько конспиративная женщина была, по сравнению с дедом. Дед был такой неболтливый, малоразговорчивый, но он такой был: «Лиза, как ты считаешь». Она для него все, с бабкой посоветоваться. В основном бабушка керувала. Так она что, немцы ж походят, а соседи знают же, что он летчик. А была ж директива Гитлера, что летный состав, семьи [уничтожать]. Бабушку спрашивают: «Как там Петя?» – А она: «С Петей трагедия». – А они: «Что?» – «Да вы знаете эту дурацкую власть. Арестовали его. Где-то что-то на так сказал, кого-то покритиковал, сидит». А потом уже когда освободили, он капитан уже был, приехал. Бабушка говорит: «Так надо». – Ей [соседи говорили]: «А что же ты?» – «Так надо. У вас же языки как помело».

[...] Так как я знаю об этом. Тогда я этому не придавал значения, но как я знаю. Дело том, что по коммунистам они делали так: кто прошел регистрацию и отказался от идей – они делали вид, что он, но тут же приглашали сотрудничать с властями и говорили: «Кто из коммунистов». А из коммунистов тоже много было обиженных репрессиями. Вот они среди них и выискивали. А вообще коммунистов подчистую уничтожали. Подчистую. Комсомольцев еще могли как-то щадить, понимая, что это полуигра, полутакое. Пацаны. А вот коммунистов, особенно оставшихся: «Чего ты остался в тылу?» Значит, надо объяснять. Объяснение: «Семьи жалко». У нас, например, из нашей семьи, если считать Алферова – это получается моей тетки муж. Свояк там или как. Из более близких родственников – никого. Витька этот – его в Германию хотели увезти, он сбежал. Сбежал, царство ему небесное, дуралей, и домой. Я, младше его, говорю: «Что же ты домой сбежал. Первое, куда придут. Тебя же здесь захлопают». Точно, через 2 часа здесь, за воротник – в концлагерь. Но ему удалось из концлагеря сбежать, удачно сбежал. Отправляли в Германию, перед отправкой. Как отправочный, на станции. Называлась «Унион». Даже не знаю, есть ли. Это между Донецком ветка. Оттуда уходили на фронт эшелоны и оттуда же шли в Германию. А так, чтобы непосредственно из нашей семьи, несмотря на то, что мы сидели на пороховой бочке все время. Все время. Я вот сейчас представляю, если бы тогда. Я не могу представить. Я помню – у нас Люська 2 годика, эти дети, бабушка. Думаю: «Елки зеленые». У меня уже тогда было такое настроение:

«Если это произойдет». Граната была спрятана. Думаю: «Взорву их тварей, ночью». Они остановились, там наискось дом. Думаю: «Взорву». Вы знаете, уже настолько безразличие и жалость – свои же близкие, родные. Как понял, что их могут пострелять просто-напросто всех. Стоят во дворе [немцы]. Что, эта часть полевая, она что, будет разбираться? [...] А потом уже через годы думаю: «А может бы забрали, передали гестапо». Так те бы там истязали – представляете, как? И все равно бы расстреляли. Ну что можно было объяснять? Чего ты пер домой знамена?

[...] Я попал в этот лагерь фильтрационный, откуда удалось выкупить. Мать кировские часы отнесла. [...] Вот как делали облаву, оцепляют рынок. Все, облава. [...] И начинается кутерьма. После облавы там нож валяется, и пистолеты валяются – все, что угодно. [...] Представляете, шмонать (*обыскивать*) будут? [...] Ну, так, иди сюда. Документы, аусвайсы или что там. Документы какие-то. [...] Знали все друг друга почти. Хотя это и город, но центр маленький, старый, а то все отшибы, сами по себе жили, связи же никакой нет. А это все друг друга знали: «Пойди, скажи матери, что я тут, ты зайди к Володке, Володка пойдет к Мишке». Знаете как? [...] Матери сказали. Мать пришла, принесли часы кировские, все прятала. Принесла, дала полицейскому. Он говорит: «Сейчас». Вывел. [...] Им сказали: «Сделайте облаву». Они наловили и потом что они там будут делать – я не знаю. Будут же в фильтрационном фильтровать. Взрослые – туда: «Чем занимаешься?» Путем фильтрации. Оно может быть и выпустили пацанов – бог его знает. [...]

Один раз я убежал. Знаете, нас заловили пацанов, отфильтровали, кровь брать в Рудбольницу<sup>1</sup>. [...] Причем брали

---

<sup>1</sup> Рудничную больницу. Ныне – Первая горбольница Макеевки. В период оккупации в ряде городов был организован забор крови у детей для нужд немецких госпиталей, испытывавших дефицит донорской крови. Большие дозы крови, забираемые у ослабленных в условиях войны детей, нередко приводили к их смерти. Так, в частности, в Макеевке Сталинской области в феврале 1942 г. в здании бывшего детского сада по распоряжению коменданта города и руководства органов местного самоуправления был организован детский дом «Призрение», через который за годы оккупации прошло около 600 детей в возрасте от полугода до 14 лет. Значительная часть из них умерла. После освобождения города на месте предполагаемого захоронения детей, в том числе и использовавшихся в качестве доноров, было извлечено около 300 тел. По данным судмедэкспертов, входивших в состав комиссии по расследованию нацистских преступлений, дети умерли от инфекционных заболеваний и крайней степени истощения. К сожалению, выявить имена всех погибших детей не представляется возможным, на сегодняшний момент установлено около 120 имен.

страшно, помногу. И я уже знал, как эту кровь забирают, хотя ее у меня и не брали. [...] Да, те, кто был, говорили. Говорили, что там дадут покушать. Ничего – под задницу и иди. И брали у ребенка, брали дозы такие, как у взрослого. И набери потом при том питании. [...] Они брали у детей напрямую. [...] Специально детвору отлавливали. Потому что взрослый – бог его знает. Проверять-то некогда, что у него там, грипп или туберкулез. И один раз тоже я попал в облаву. Удалось убежать. Что-то я сразу не сообразил – но полицейский пьяный, здоровый стоит. И я чего-то, а он: «Стань туда, где стоишь». И чего-то мне захотелось убежать – я бегал страшно быстро. Думаю, сейчас рвану, на рывок пойду. Я ему говорю: «Пан, который час». – «Та тебе там это треба». Я говорю: «Ну который час, скажите». Ружье раз свое, карабин отставил. Я потом – фью. Мне потом ребята: «Упал об эту винтовку, с этой винтовкой и кричит: «Я тебя знаю». – Я думаю: «Да откуда ты меня знаешь». Отбежал я от этого базара, туда-сюда. Прибежал домой. Мать: «Что такое?» – «Да я, – говорю, – там полицейский гонится». Сразу мне показалось, а потом думаю: «Откуда он меня знает»? Так мать все равно меня на всякий случай спрятала за соседский двор внутри. Там такая свалочка. Раз – туда. Полежал – тихо-тихо-тихо.

[...] Подполье было такое – работа в основном пропагандистского плана. Акции таких я не помню. За исключением того, что повесили публично 7 человек. [...] Это было в 42-м на Пасху. 7 человек<sup>1</sup>. Прямо на рынке склотили, буквально за день виселищу, казнили их в первой половине дня. [...] Я ходил смотрел, зрелище преследовало долго, некрасивое ужасно. Один был пожилой, как сейчас помню, в галифе, может быть из числа военнопленных. Не знаю, но пожилой лет за 40. А то были молодые – один был совсем пацан, все время кричал: «Мамочка, мамочка». Казнь сама по себе была некрасива. В каком смысле: представьте, вот подогнали машину, их поставили вдоль борта. [...] Вот стоит машина, задний откинут, а вдоль этого борта их поставили бокового. Одели петли. [...] Руки связанные были. Зачитали приговор, или как. Комендант города. [...] Да, и потом мотор работал, грузовая машина, по-моему «Фиат», перегазовочку [сделала] и пошел. И вот знаете, когда машина уходит, это впечатление жуткое, как человек хочет жить, тянется, они босые все были, тянется, знаете, уже все, уже под ногами фактически нет опоры, а он знаете еще тянется, тянется. «Тр-тр-тр-тр». А потом, знаете, расслабляется мочевого пузырь, это все течет. *(Молчит,*

---

<sup>1</sup> Казнь на основании сопоставления рассказа респондента с данными ЧГК вероятней всего состоялась 10 марта 1943 г.

переживая). Дергается, все равно дергается, и пока язык не вывалится полностью, в нем еще ничего. [...] Он уже ничего не осознает, удушье 3 секунды всего. 3 секунды может что-то осознавать, а остальное. [...] Эта смерть, кстати, для человека мгновенная фактически получается и безболезненная. Но, зрелище – вот этот язык на боку, голова набок, такое, знаете, неприятное. Вот это я на такой акции [был]. Я хочу сказать, наверное, и отрезвляющее значение имела. Рынок битком был набит, праздник. Может тот, кто еще в это время думал «бороться не бороться», знаете. Так сказать, нетвердый ленинец, как говорится, наверное думает: «Ну его болтаться вот там вот. Это они специально поцелили (устроили). Это акция была устрашения, чтобы увидели как это [происходит], и как власть может расправиться дальше. [...] Я все хотел в Макеевке найти вот эти материалы. Кто они и за что, потому, что на столбе было написано «бандиты, партизаны». Все. [...] Там объявлял кто-то, переводчик, по всей видимости, или может с администрации управления. Ну, столько лет, 60 лет [прошло]. Зрительно я помню его, худощавый, горбоносый, еще картуз так глубоко посажен.[...] форма полувойсковая, полугражданская. Единственное, что различия на погонах. То ли как полицейская, такая вот форма. А полицейские были наши, с повязками. [...] Да мы и сюда ходили смотреть. [...] Здесь троих вешали, где кинотеатр «Комсомолец»<sup>1</sup>. [...] Это было объявлено, что такого-то числа будет публичная казнь.[...] Были объявления в районе рынка, точно не помню, но люди все как-то из уст в уста даже как-то спрашивали.

[...] Методу [доносов] очевидно наши принесли полицейские да и немцы, видно, были отдрессированы к этому моменту. Доносы были сплошь и рядом. [...] Тот кого не любит, пишет, и начинают таскать эти полицейские, пытаться. [...] Так знаете как выколачивали? По старой методе. Донос написали: «Он, похоже, связан с партизанами». И вот будут лупить три дня, пока уже думает: «Пусть убьют». – «Да, связан, но я их не знаю», – нагородит. Как в 37-м году наши военные. Казалось бы, командармы, участники гражданской войны плели на себя бог знает что. [...] По доносу брали. Донос в такой ситуации – это основное. Основной момент этого доноса. Все пишут друг на друга небылицы. Поэтому гарантии не было никакой, услужить всем было невозможно [...] Да, ведь как было в объявлении написано. За донос на партизана корову дают. [...] Корову дают, дают деньги, вознаграждение и находились такие люди. Ну вот представьте себе. Он судимый был, у него уже есть на власть обида, а тут возможность ей нагадить. И он знает. Вот так же было, когда наш

---

<sup>1</sup> Кинотеатр «Комсомолец» в районе Центрального универмага в Сталино.

чекист с Пролетарки встретился со своими подследственным в городе. Вот вам и конспирация, тык-тык, нос к носу. Что будем делать? Сюда же чужаков не навезешь, все равно должны местные быть, а между местными свои отношения, свои счеты. А тут, используя ситуацию, что этой власти достаточно сказать: «Вы знаете, я видел насколько раз энкаведиста. Я не знаю точно, но вы знаете, энкаведиста видел. Вы его проверьте». Все, а тот уже пишет рапорт: «Стало известно, что такой-то энкаведист, работник НКВД законспирированный». Пошли, его забрали и давай пытать. Вот примерно такая метода была: в основном зависть, месть такая дешевая. Тем более видишь, расправлялась эта власть жутко. Это если выпустит – это калека. Это все отобьют. [...] Делали они вид, что защищают, и полицейских снимали, и полицейских наказывали, вплоть до расстрела. [...] Ну, но это надо было такое, когда им действительно ну лицо показать. Просто бандитствующие. Как их, оборотни называют сейчас. Мои коллеги попадают на таких преступлениях<sup>1</sup>. Так и это было. Уже надо было просто сохранить лицо. А вообще они процветали. Произвол был. Что говорить – оккупация. На оккупированной территории власть военная, власть, которая не считается ни с чем. [...] Немцы сама по себе нация дисциплинированная. Их этот шалтай-болтай просто удивлял. Из-за этого нашего шалтая они не могли угольную промышленность ввести в строй, металлургическую. Хотя приехали их специалисты сюда. Вот эта группа, которую повесили, так они хотели долбануть (*произвести налет*) эту квартиру, а там немцы приехали к нему, офицеры. Он немец горняк. Ну он по-русски разговаривает. Ну его назначили директором, дали шахту. И вот он туда приехал, они наскочили, началась перестрелка, убили офицера. [...] Это такая была версия. А как натурально было? Я вот все время пытаюсь [узнать] к какой они группе относились. Ведь 7 человек. Это представляете, какая должна быть организация или отряд подпольный, если 7 человек. Это же все обезглавлено. Кроме всего их повесили. А так называемых пособников – еще же они сидели? Их могли и пострелять тихо, тех, кто их укрывал. Но кто-то же их выдал. [...] Я говорю, те, кто колебался, могла быть такая категория, которая дрогнула. Потому что по-разному была воспринята казнь, даже моими сверстниками. Знаете, отдельные, может быть, чтобы порисоваться [не придали значения казни], – смотрю, а другие откровенно были просто шокированы. Мы то воспитывались, мы же такого не видели, мы могли только в кино увидеть или услышать в книге, что белогвардейцы ворвались, зарубали шашками. Но мы ж не видели, как рубают шашками. Или повесили

---

<sup>1</sup> Респондент в свое время работал в органах внутренних дел.

парторга – мы же не видели, как его повесили. А когда видишь – это не то, что прочитать. Прочитал книгу – так позвали тебя, заложил, бросил и все. А это идешь под впечатлением. Я вам скажу – ну, может натура такая впечатлительная. Я очень долго не мог избавиться от [видений]. Я ложился, засыпаю – стоят перед глазами, как будто сам их казнил. Просто это фотография, которая долго сохраняется. Это надо быть абсолютным дебилом, чтобы не воспринять этот эпизод. Понимаете, просто жутко само по себе. И они висели 3 дня. И оно, знаете, ветер раскачивает. Жуткая картина. И дорога мимо них. [...] Взрослые конечно были, может быть и не совсем объективны, но многие очень сожалели. Особенно там, где молодые ребята были, Знаете, как женщины? Женщины же более эмоциональны: «Жалко, мальчик совсем, ай-ай-ай». И тут же: «А почему морковка?» Знаете как. Это же человек, это же не его близкие. Но в толпе, когда он звал «Мама», была женщина, видать мать его. Но там в кольцо оцепления не пускали. Вот я, допустим, от виселицы был метрах в 7. А там кольцо оцепления стояло. [...] Кто говорил, вешать будут, кто распространял слухи, что здесь будут качели. На этом месте будут качели и там на приз раскачивать. Но когда приехали еще до них, наклеили на столб: «Сегодня будут казнены путем повешения. Такие-то, такие-то, такие-то», – фамилии были перечислены. Я думаю: неужели подпольщики, или кто-то. Как-то вот этот эпизод я не могу понять. Или действительно их причислили к уголовникам. [...] Фотографировали этот момент. Я видел сам: фотографировал немец и гражданский фотографировал.

[...] Ну вот я скажу. Публичная казнь была. Я не знаю, но мне говорят, что расстреляли в горсаду возле стен летнего кинотеатра. И я знаю, что Кадосины – фамилия ихняя, она была депутат горсовета. Ее арестовали, расстреляли. Это мы знаем от мужа, поддерживали связи. Он сам молотобой, работяга такой. Она тоже из рабочего класса, но ее в депутаты. Знаете сами, как тогда. И она не эвакуировалась, хотя ей и предлагали эвакуироваться, но она не эвакуировалась. И ее как депутатку, члена горсовета – она была партийная – ее расстреляли. Я ее помню – симпатичная женщина, маленькая. И его помню – здоровый такой молотобоец. А немцы его вызвали. Он говорит: «Посмотрел на меня этот гестаповец, говорит, хороший ты работяга. Иди. С тебя такой партизан, подпольщик». Кто-то тоже видно подкапывал. И он уже до конца – а пожилом возрасте я его видел. [...] Но уже с дедом, с дедом поддерживал отношения. Дед 90 лет прожил. Ну вот допустим – это же надо было из круга знакомых. Арестовывали все время. Все время. И если увозили сюда в Донецк в Юзовку, в тюрьму – это уже все. Это возврата нет. Некоторым возвращали



одежду, а некоторым вообще ничего и не говорили. Некоторым возвращали: «расстрелян». И это все. Никому же не присылали, что там расстрелян.

[...] Очень много гибло – украл. Немцы ж этого не прощали. Вот на Рутченково – сейчас его уже нет, но я начал в 54-м году работать, там еще ходил мужик с отрубленными руками. Говорят, что он из немецкого мотоцикла что-то украл. Они ему сейчас же отрубили руки. Понимаете? Так что очень много гибло за воровство, очень много гибло. А воровали люди может не потому... Ну, во-первых, в нашей крови это есть, это ж куда не денешь, это раз. А во-вторых, нужда заставляла. Хочешь – не хочешь, нужда заставляла.

[...] Люди боялись выходить. Комендантский час. Что такое комендантский час? Любой тебя мог завалить (*убить*) и все в порядке вещей. [...] Вот допустим комендантский час до 9. Старайся вернуться домой за полчаса, за час раньше. Потому то он по своим часам смотрит. А у тебя часов нет. Потому что часы все попродали, позабিরали, попоменяли на жратву и так далее. А у кого аусвайс – то передвигался. Идет – «Halt, стой», – все, стоит. Подходит: «Аусвайс есть?» – «Давай». – «Weg, пошел». Аусвайс давай, пропуск. По пропуску ходили. И вот пацану – пацану самое большое наказание было – немцы не любят связываться, патруль. Это куда-то тащить его надо, пацан – нахера он ему нужен. Они любители под зад. У них это национальная мера наказания. Непонятно почему. (*Смеется*). Разворачивает и (*имитирует удар*). Не носком, как в футбол. Под задницу – раз. И это все. И это все. Как рванешь – только пыль стелится. Видите, какие годы интересные были. Интересные, и сейчас думаешь: «Как легко было». [...]

**Ф. Евгений Михайлович**

\*\*\*

[...] Когда уже на Петровке<sup>1</sup> были люди, которые знали о том, что у нас вся военная семья, вот. Было это все доложено. И поэтому однажды – это когда мы еще не переезжали сюда, приезжаем – что такое, стоит машина «черный ворон». И deduшку с бабушкой, значит, они их забрали. Оказалось, в чем причина. Полицаи донесли, что у нас все военные, что все командиры, что все на фронте, и что зять еврей. И когда они пришли, а действительно, висел дяди Васи портрет. Но он не еврей, он просто похож, он кучерявый, черный, похож, да. И он (*немец*), значит, видит, висит портрет. А он сам был и шахматист, и

---

<sup>1</sup> Петровский район в Сталино.

преподавал, и артист в общем. Он здесь руководил в ДК когда-то коллективом театральным. И этот, значит, немец взял: «О, еврей, еврей». Все, капут. И бабушку с дедушкой забрали в этот «черный ворон». Хорошо, что мы пришли все. Я, моя сестра Милочка, мама. А Мила говорила хорошо по-немецки. И она, значит, стала ему объяснять, что, мол: «Найн, найн». – Значит: «Это русский, просто что похож». Сказала, как зовут его, что это Бондаренко, что это Василий. Фамилия, имя – все же русское. А что, мол, что военные дети все у дедушки с бабушкой – ну так у многих такое, «ведь вы тоже», – значит, она начала ему говорить. – «Вы же тоже военный». И они их отпустили. Они их отпустили и больше таких казусов не было. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Ну все было ужасно в оккупации. Мы были совершенно бесправные. Абсолютно бесправные. У нас не было ни прав, никаких законов. Немцы был хозяева и властники. А мы были рабы – рабы, самые настоящие, понимаете. Я не помню в каком году – ну у меня очень хорошо в голове это осталось эта виселица, на которой висели трое мужчин между «Комсомолец» и универмагом. Ну, естественно, все бегали смотреть, нам же все было дико и необычно. Мы ж бегали смотреть все. Хоть нам и не разрешали, но мы все равно ходили. Мы еще жили на Первой линии, когда это повешение было. Потом на пороге универмага расстрелянный. Расстреляли немцы прямо на Первой линии на пороге универмага. Повесили ему вывеску – что-то он себе позволял себе лишнее, что-то он не так делал. Его расстреляли – и он двое суток лежал, и все ходили мимо – стоял полицейский около его, около расстрелянного. Чтобы все видели, чтобы неповадно было! Понимаете? [...] Значит те, которые висели, те, что были повешены, висели эти бумажки: «Партизан...» и украл что-то. У них у каждого на шее висела такая досточка. А этот, что был расстрелян, лежала на нем какая-то досточка. По-моему, было написано. Что он кому-то что угрожал или что-то. Я точно не помню, но факт этот точно был. Поздней осенью 42-го года нас с Первой линии выселили. [...] Потому что всем русским не нужно было жить в центре. И нас начали выселять оттуда. Кого куда. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] А один раз отец мой сказал – какие-то немцы проходили мимо, он им сказал: «Да все равно вас побьют». Так они ему как дали отцу, били его били, били-били, что он лежал недвижимый, как будто мертвый. Мама позвала соседей, они привезли его, положили на кровать. И она два месяца выхаживала его, пока он очухался. Так они его избили. [...] Это до Сталинграда, по моему. Его били. Он был выпивший и не соображал, что говорить. Так после того – он вообще у меня выпивал, отец. Так он после этого как поднялся, уже ни в рот не брал водки. Боялся...[...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

## ГЛАВА 4

### «НО ЭТО СТРАШНО БЫЛО...»: СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ

[...] Но это страшно было. Они (*военнопленные*) и обмороженные, и раздетые. У людей тяжело, у самих было нечего поесть, но что-то да носили. Вот я хорошо помню. Понесла мама бурак, что-то там такое дать им. Сварила и понесла. А немцы, которые их охраняли, стреляли. И стреляли они солью. И вы представляете? Нет никаких медикаментов, и все. [...] В ягодицы солью. Пока это все выковыряли... Ну там умирали, ну как вам сказать, тысячами, тысячами там умирали, да. Голодные, холодные, раздетые. [...] Но их была такая масса, что может быть и не могли все сделать, потому что брали-брали, брали в плен. [...]

*Валентина Ивановна*

\*\*\*

[...] Потом, значит, был случай. Пошел я туда вверх, сказали, что в клубе Ленина<sup>1</sup> лагерь для военнопленных. По этой же стороне улицы я пошел вверх. Там мелькомбинат. Возле этого мелькомбината я встал и смотрю за забором. Наша неряшливость, пленных наших солдат. Без хлястиков шинели, заросшие, изможденные. И среди них ходят в полушубках. Еще помню, закрою глаза – помню. В белоснежном полушубке, подпоясанный офицерским ремнем бьет наших солдат. Тут стояли женщины, начали перекидывать – там небольшой заборчик был – перекидывают картофелину или что. [...] У людей же тоже не было. Они, знаете, кидаются как стадо на эту картофелину. Подходит – и сапогом или кулаками [бьет] это вот. Я спрашиваю: «Кто же это такой?» А они (*стоявшие женщины*) говорят: «Да это лейтенанты. Лейтенанты над ними издеваются. Лейтенанты, политработники». Вот так. Вы понимаете, я вам всю эту мозаику рассказываю, а вы разбирайтесь сами. Несколько раз я смотрел. Туда шел – где теперь Вечный огонь, где больница эта<sup>2</sup>. [...] Я несколько раз мимо лагеря проходил. Жуткое впечатление. [...]

*В. Лев Григорьевич*

---

<sup>1</sup> Ныне – Дворец культуры металлургов в Донецке.

<sup>2</sup> Областная центральная клиническая больница, рядом с которой располагался лагерь для советских военнопленных.

\*\*\*

[...] Бригадиром был у нас бывший военнопленный, но он удрал из Крыма – Пронин Василий – здоровый был парень такой, лет тридцати. [...] Давали нам зарплату в 200 рублей. Оно означало – буханку хлеба на базаре – ничего, а паек, просто я бы сказал, что нас обманули просто. Хлеб дали, мы разломали, а он весь сырой. На вид хороший, большие буханки, а внутри... Хотели выбросить, а Пронин был опытный такой: «Собрали, – говорит, – там во дворе напротив главный корпус ДПИ<sup>1</sup>, института металлургического, там военнопленные, отнесите им, они вам еще в ножки поклонятся». Я с одним также молодым парнем – Араковский его фамилия – и мы с ним потащили этот мешок через главный вход во двор и мы такую картину наблюдаем: стоит машина, ну мы попали в обед как раз. На машине стоит повар – здоровая бочка, пар идет какой-то, чувствуется, что какая-то [еда], ну не знаю, чем кормили военнопленных. И все с баночками. Ну пленные выглядели, рассказать, просто страшно, почерневшие, ну, видно, изголодавшиеся. И палками – два солдата хотят палками навести порядок. Бьют их палками, они не обращают никакого внимания, все с этими баночками, судками, а повар плюхнет туда одному, другому, третьему [...] они чуть проглотили и опять лезут. А мы ж вышли с мешком, стоим. Ну не сообразили, надо было этот хлеб как-то выложить, а я крикнул: «Ребята, хлеб берите». Обернулся, а там один страшный, у меня аж мурашки по спине пробежали. Мешок у меня вырвал, второй у него [...] мешок этот разорвали. Эти буханки покатались. Это, говорят, как дикие звери кинулись на этот хлеб – полностью изголодавшиеся, видно. Тогда они на нас, эти охранники – с палками. Ну, мы молодые были, прыгнули быстро через главный вход ДПИ, выбежали на первую главную улицу, напротив там этот «Сталинуголь» – убежали. [...]

*Г. Яков Михайлович*

---

<sup>1</sup> Донецкий политехнический институт (с 1960 до 1993 гг.). С 1935 до 1960 гг. – Сталинский индустриальный институт, с 2001 г. – Донецкий национальный технический университет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По материалам расследования о зверствах немецких оккупантов в центральном лагере военнопленных, находящегося в г. Сталино.

Расследованием установлено, что центральный лагерь военнопленных, находившийся в клубе им. Ленина и прилегающего к нему парка на Стандарте г. Сталино, немецким командованием был организован в первые числа ноября месяца 1941 года.

Лагерь был огражден колючей проволокой и каменным забором. Начальником лагеря с момента его организации до мая месяца 1942 года работал детфесель ШМЦТ, а с мая месяца *Рубинь* ....

С момента организации лагеря до его эвакуации немцами, т.е. до 4. IX-1942 г., в лагере в среднем содержались от 10-ти до 15-ти тысяч военнопленных, а в отдельные периоды года количество военнопленных доходило до 35 тысяч.

Все военнопленные по прибытию колоннами в лагерь командованием лагеря выстраивались в строй и в строй подвергались самому тщательному обыску, во время которого все найденные ценности у военнопленных вместе с их личными обмундированием сами наглыми образом отбирались и переходили в личное пользование командования лагеря и охраны. Наряду с организованным ограблением, внутренняя охрана лагеря/немецкая полиция/, пользуясь разнузданным произволом, царившем в лагере, отбирала случайно уцелевшие у того или иного военнопленного ценности и обмундирование. Этот факт ограбления военнопленных подтверждается опрошенными свидетелями, бывшими военнопленными этого лагеря - ЛЕДИНОВ Иван Андреевич, ЗЫКОВ Сергей Андреевич и рабочими лагеря МАКАРИЧЕВ Владимир Михайлович, КУЗАЧЕНКО Александр Иванович и др. Бывший военнопленный лагеря ЛЕДИНОВ Иван Андреевич/л. д. 2/, находящийся в лагере с 28. УП-1942 года по 2. УП-1942 г. показав: " - 28. УП-1942 г. весь кожанку, принадлежавшую из Константиновского лагеря в количестве до 3000 чел.

Фото 4. Информация Чрезвычайной государственной комиссии об им. Ленина  
ГАРФ, Ф. 7021, оп. 72,

встроили полицейские лагеря и объявили, что мы пойдем в баню. Когда нас строем завели за здание клуба им. Денина, на дворе разделили, отобрали все ценности и обмундирование, оставили нас в одном белье и так всех в одном белье и погнали 2. VII - 1942 г. в г. Яснона-тул.

"Полицейский лагерь - показывает бывший военный пленный ЗЫКОВ Сергей Андреевич, - ограждая военнопленных, здесь же продавали награбленные вещи по невыносимым ценам. Цигарка табаку доходила до 50 руб./д.д. 2 /.

После ограбления, военнопленные полураздетые в полицейские лагеря, как скот, сагоняли в неотапленные, с разбитыми окнами помещения бывш. клуба "Денина", где они размещались на голых цементных и кафельных полах. Бывш. военнопленный ТАТАРИНОВ Иван Андреевич показав: "в лагере в среднем содержалось до 10000 человек военнопленных, а иногда количество военнопленных доходило до 20 тысяч и выше. Всех их, как скот, на ночь сагоняли в это стальное помещение клуба, где в комнатах насыло даже соломы, люди садидись и ложились на цементный и кафельный пол" /д.д. 6/.

Военнопленным в сутки давали на 5-6 человек буланку суррогатного хлеба весом 1,2 кгр. или сацзелейвий немецкий хлеб в такой же норме и один раз с отрубей или с нерушенного проса сваренную жидкую кислую баланду, для тех военнопленных, которые не работали и два раза на день для тех военнопленных, которые работали на тяжелых работах. Издевались над людьми, немецкие изверги, перед выдачей этой баланды, любуются тем, как истощавший народ бросается на эту скудную пищу, всех военнопленных выстраивали в строй и строем мимо строя внутренней станы пропускали к кухне, подвергая всем пыткам военнопленных, которые по какой либо причине нарушали строй или задерживались у котла. "Все военнопленные - показывает бывший рабочий лагеря РЯБИ, Иван Борисович - все содержались в очень плохих условиях. Кормили жидкой баландой с хмеля и отрубей

отношении к советским военнопленным в лагере на территории клуба в Сталино  
д. 815, л. 10.

[...] А потом организовали у нас, где был клуб, в этом клубе сделали лагерь военнопленных<sup>1</sup>. В клубе. Громаднейший лагерь. Ключей проволокой обнесли, там все – и в этом лагере был контингент военнопленных. А мы пацаны туда бегали, перекидывали то картошку, то то, то... Голодные, все. И рвы там. Понад<sup>2</sup> забором стояли два рва. Вот как сейчас помню. [...] Выкопанные – и туда пленных сбрасывали. Мертвых, а потом уже, когда ушли немцы, лагерь этот развалили, убрали, все очистили, могилы засыпали эти и заровняли и так и никто ни памятника не поставил никто ничего им, так они, безымянные, и лежат там. [...] И там прямо в парке они похоронены... Там два рва. Много там погибло их. И этих пленных – всех в шахту. Начали гонять с конвоем на восстановление, на расчистки. [...] Военнопленных заставляли работать. Специальный лагерь военнопленных для того, чтобы работали в шахте. [...] Я знаю, что их строим под конвоем прямо водили туда, на шахту. [...] Наши (*местные жители*) подкармливали их, еще и давали им. И надзиратели ходили их военные. [...] Потом, когда наши начали наступать, их вывезли куда-то, лагерь бросили. Почему я знаю хорошо, потому что отец мой, сразу, как только пришли наши, начали сразу очищать этот лагерь военнопленных. И его послали расчищать, убирать, чтобы пустить этот дворец, очистить. Заборы ломали, все. И он заболел тифом. [...] А мы ж пацанами бегали, прямо видели, как их (*военнопленных*) складывали в два рва. [...] Клуб был. Вот зал, зрительный зал, там он такой наклонный чуть-чуть был – и вот там солома, они в этой соломе и спали. [...] С военнопленными вот это вся охрана была. [...] Военнопленных в основном наши военнопленные [охраняли], наши были. [...] Полицейские. Немцев очень мало было. А то все наши. Даже мы еще смеялись – узкоглазые. Восточники. Вот из Ташкента, из Узбекистана, из Таджикистана. Ну все оттуда, восточные. Ну и наши были, русские были. Всякие были. [...] Полицейские наши [более жестокие были]. Немцы – они как-то безразличны были. Есть, нет – он тебя и не замечал. Он и за людей [не считал]. А эти как изверги были. Вот мы пацанами сбегает, картошки бросишь или еще что. Тот подбежит. А тот (*полицейский*) бьет, бьет их. Немцы хохочут, ходят, а они издевались там. [...] Вот и на работу ведут. Женщины стоят, жалко же, мужчины, ткнут [поесть]. А этот может и ударить женщину, а немец идет и хоть бы что, смеется,

<sup>1</sup> Речь идет о лагере для военнопленных, располагавшемся на шахте № 6 «Красная» в Сталино.

<sup>2</sup> Вдоль.



заговаривает. Одна колонна, я знаю – один немец, а то все наши (*полицейские*) сопровождали. [...] Я знаю, партия идет, потом еще партия, потом еще. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] Только смотрим – толпа такая народа. Смотрим. А у меня был друг, Витька Черничкин фамилия. Он мне говорит: «Вов, что же там такое. Побегали посмотрим». А там был дом Мухина – он когда-то главный жил, содержал мельницы там, магазины. Дом был – сейчас там банк, как раз напротив школы, красивое здание такое. Там ЗАГС когда-то был, еще мы расписывались. Мы только подбежали – матросов ведут. наших моряков. Вам еще никто не говорил? И мы подбежали – чуть ли не вплотную. Первый – вот на что сейчас бы я узнал его лицо. Здоровый такой. Руки связаны колючей проволокой. Вот так вот, и он вот так обвязанный (*показывает*). Не было бескозырки – вот так вот разбита голова, пятна эти, тельняшки порваны на них, они босые все идут. Ну их было 10-15-20 человек. Порядком так. Немцев там – немец впереди с собакой идет. С собакой, с автоматами – цепь, с обеих сторон ведут. Жуть. И мы их сопровождали. Вот они пели «Раскинулось море широко». И мы шли рядом. Буквально рядом. Еще немец так: «Та отойди ты». А мы, значит, идем – еще так улыбается на нас (*пленный моряк*), мол – «держись». И еле-еле шли. Вот этот конец проволоки – пообмотали их. И мы их сопровождали, значит, наверх они так поднимаются, потом поворачивают – и тут, значит, был центральный вход, деревянные ворота, где военнопленные эти<sup>1</sup>. [...] Ворота были непрозрачные, не сплошные. Стояли 2 будки по обе стороны. Открывают ворота – мы их довели до самых ворот. Их только ввели туда – они стали сюда лицом. И тут пулемет. [...] Мы стояли вот тут возле ворот, они (*немцы*) нас не прогоняли. [...] Видел собственными глазами. Вот так их всех, до единого [расстреляли]. Там же их и закопали. Там вот там, где они сейчас развлекаются – это все в трупах. Я разговаривал с одним товарищем, работали мы вместе. Он бежал отсюда. А бежать – там же не кормили их ничем, там в подвалах сидели офицеры, они чуть ли не людоедством занимались. Каннибальством. И значит, как упал один – выкопали ямку, тут же его и закопали. А там же, когда их собрали, там где Вечный огонь сделали – там их, ну впоследствии, когда собрали –

---

<sup>1</sup> Речь идет о лагере военнопленных на территории Клуба им. Ленина в Сталино.

там их тысяч до 40. Но это все был концлагерь. И подвал был забит нашими. Вот это то, что немцы. Когда вели матросов – я это лично видел. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Вот в Ильичевском районе, на территории, фабрика-кухня там была, там большой концлагерь был. Там умирали солдаты-военнопленные. Голодные, под открытым небом. Их вывозили повозками еще живых и зарывали в траншеях. Вот тогда люди как глянули, что такое немцы, как они относятся – действительно показали свою [сущность]. [...] Официально не позволялось [помогать военнопленным]. Но то, что однажды я видел, вот эту сценку, когда вдоль проволоки, ограждения концлагеря, ходят военнопленные и выкрикивают: «С Ростова есть, с Таганрога есть», – называют, чтобы кто-нибудь, отзовитесь. Это видимо, преследовало такую цель: «Если вы с Ростова, то скажите, что я ростовчанин, допустим Иванов, нахожусь в лагере военнопленных». И люди, значит, чем могли, бросали через проволоку. То ли качан, то ли тыкву, то ли... Но немцы строго наказывали. Их отгоняли от проволоки, били, издевались. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Потом завели пленных в клуб Ленина. Как говорится, от моста, Южного [автовокзала] и до Центральной поликлиники вели пленных наших. Тут ведут – которые раненные, которые не может – их тут прямо расстреливали. [...] Прямо на дороге расстреливали. И все. А когда уже кончились, подъезжала машина и прямо их бросали в машину. А куда их увозили – не знаю. И когда папа уже стал ходить, и он вот это вечером – днем никуда не выходил, а вечером сядет на пороге здесь на калитке и сидит, смотрит. И в одно прекрасное время, ночью, слышит – а у папы были голуби. Так за домом был сарай, уголь там, дрова были, а наверху он построил как голубятник. Там были голуби, он там и сидел, и все. И слышит – и говорит. Я как раз встала – мама встала до сестры. Он говорит: «Варька, а что там у меня в голубятнике делается». – Она: «Да ничего». А когда утром встала, мама встала, а там пленные, которые бежали. Ну их тут сразу немцы с собаками, со всеми – и понаходили. [...] Тут же их в посадке расстреляли. [...] А потом утром их уже и не было. [...] Кто, куда они делись – неизвестно. Ну, потом к папе какой-то мужчина пришел, днем

был, как говорится у нас был. Потом они – папа, как вам сказать, был у нас коридор и кладовка. А в кладовке был погреб. И они с папой сделали в погребе как стенку, понимаете. Как стенку. А тут бочки стояли – мама солила огурцы, помидоры. А вот так сделали полку, там стояли банки – морс мама делала, все. И эту стенку убрали и сделали – лишь бы только человек пролез. И вот это папа, когда бежали – очень много бежало. Чуть ли не каждую неделю. [...] Я вам расскажу. Я была там. Ну, когда они бежали, папа сразу скорей их туда. Ну человек – ну как вам сказать, не два, не три, а больше. И вот это папа спасал. Оказывается, когда уже прошла неделя, они были. Ну что – папа только воды даст. А воду мы брали – вот наша Десятая Александровка, Девятая и Восьмая<sup>1</sup>. [...] Там была колонка. И оттуда я воду носила. Ну что, только воду дадим. Вот то ведро папа поставит, вот то они пили. А потом знаю, что – немец принес котелок каши, папа взял и отнес туда. В погреб. [...] Я ходила – за Центральной Поликлиникой там было поле, там вот то сажали там колхозники – картошку там, морковку, все. И я ходила туда мерзлое [копала]. Я ходила туда, собирала на поле картошку там. Дома мама спечет, передаст им, вот то они кушали. Но оказались это не русские – они или грузины, или азербайджанцы – кто его знает. Они уже потом после войны приезжали к нам. [...]

## ***И. Тамара Ивановна***

\*\*\*

[...] А потом вели пленных – вот еще за пленных мне хочется сказать. Мы жили как раз в центре. [...] А те шли в обмотках, обмороженные. Ну это лето – они еще не обмороженные были. И в школу их водили, вели в школу. Там в школе [их содержали]. И наши бабы вынесут: «На, пойди, брось хлеб». А у нас был не асфальт, а такая дорога каменная. Булыжник. А здесь же подводы ходили, пыль. И вот мы ж не добросим аж туда. И в ту пыль [кладем хлеб]. А они как бросятся. А бабы вынесут воды, вот тут на лавочку положат – помнишь, Лиль (*обращаясь к подруге*)? И они бегут – этот хлеб, воду [хватают] – вот так вот. А наш двор был проходной. В доме – проходной. И они (*жительницы дома*): «Сыночки, сыночки, идите туда». Очень много их убежало. А немцы ж и этих не бросят? Прикладами бьют, а ни туда, ни сюда. Ну тогда много ушло. Потом они в эту школу столько их собрали! Там тиф образовался и их арбой вывозили. [...] И их в этом заводе, в химическом заводе – там такая

---

<sup>1</sup> Улицы в Сталино.

яма, они еще живые были, и их арбой туда. И носили люди туда хлеб, чтобы кушать, чтобы что-то передать. Там столько людей ходили. Там и наши были, из нашего города были. И девушку одну убили – она хотела отцу хлеб передать. И не давали даже ее убирать. Даже не давали убирать.

[...] Потом их водили на работу, их ведут. Если он упадет – их сразу пристрелят. [...] В нашем доме – мы же на Красной жили – были деревья, все вырезали, деревья пилили, чтобы не было. [...] И выносили хлеб – но хлеб то считай не выносили, а с макухой. Что там мы делали, хлеба то и не было, считай. А вот как 5 человек шли – на весь город пели. Вот так головою пели: «Раскинулось море широко». [...] Боялись [моряков]. [...] Но жалко было своих пленных. Понимаешь. Они раздетые, разутые. Ну что те обмотки? Мороз. И там же никто не топил, где они в этой школе. Там один на один, и сколько их там вывезли. Очень много. Это страшно. [...] По городу, снег очищать их водили. Зимой, помню, идут, прямо на плечах несут вот так. Потому что если его не будут нести [его убьют]. [...] Еще чего выносили оттуда больных, сильно больных, там же и раненные были? [...] Их же не лечили. Чего – потому что хоть кто-то даст им поесть. Понимаете? Просили, чтобы дать им что-нибудь у немцев. Они разрешали. Но если он уже упадет, что он уже не годный, тогда они пристреливали. Пристреливали. Ничего ж не лечили. Там тиф был, там страшное дело. Там людей живых закапывали, живых. Живых! Гарба – знаете, лошади и гарба. [...] Вот гарбу наложат – и пленные же ложили – заставляли, они ложили. И вывозили в яму вот и все. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Я не слышала [чтобы пленные бежали], знаю только, что один пленный остался здесь. Ну он живой или нет – я не знаю, Костя. Он был охранником, потом говорили. Я его не видела, а кто-то сказал мне, что он [когда] где-то через село проходили, когда выгоняли их отсюда, пленных – и он там или тифом [заболел] и там остался. А потом вернулся на Евдокиевку, женился тут. Вот это только. Он может и живой. Вот он был охранником, полицаем был. Он же полицаем был. [...] Кто там вызывался, кто – их брали полицаями. Он тоже гонял людей. [...]

*К. Вера Максимовна*

\*\*\*

[...] Да и вот то ж бывало, когда мы идем, бывало, до отца, передачу несем, а пленных же гонят, пленных. Но мы не видим, как пленных [гонят]. А только лежат трупы и не поднимают их. Ведут и, которые слабые, падают – они их стреляют. Вообще были очень жестокие. А у нас еще пленные находились – 107-й завод. Знаете, где 107-й завод? Ну, 10-бис<sup>1</sup>, там за 10-бисом. Там завод был военный. [...] Вот там находились пленные. То же пленные там, где ДК Ленина, а это здесь очень много было пленных. И они вот то работали, и один пленный даже. [...] А их охраняли не немцы даже, а латыши. [...] Ну, рассказывали, что латыши. А почему рассказывали – все ж тогда знаете, все ж тогда [по слухам]. Пленный что-то – а он его (*охранник*) ударил. А пленный взял и лопатой голову отрубил, латышу. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Был лагерь военнопленных у нас на 10-й шахте<sup>2</sup>. На 10-й шахте был очень большой лагерь военнопленных. Оттуда много пленный убегало. И в основном пленные сбежали когда? Вот около нас друзья жили, проходила шоссейная дорога. Сейчас там асфальт, а раньше была шоссейная дорога, кирпичная. И по этой дороге всегда оттуда, из города переправляли пленный сюда, в этот лагерь на 10-й шахте. И вот останавливаются около нас, летом в основном. Жарко, пленные пить хотят, есть хотят. Мама обычно выходила в первую очередь, она все думала, что у нас брат был, Стасик, на фронте, мы не знали, где он и что. Но всегда выходила, искала между пленными брата, сына своего. И брала ведро, конечно, я с нею кружку, и давали пить пленным. Ну немцы пока не видят, где-то там они не видят, молчат. Как только увидят, начинают обстрел. Стрелять. Много пленный погибало в это время. Они так окружали нас, чтобы они по нас не попали. Нас охраняли, и мы выскакивали с ведром с этим. А в это время получалась суматоха такая у пленный и в это время пленные убегали. И вот несколько раз они у нас по поселку прятались, к нам приходили, в погребке мы их прятали. Много пленный было, которые потом поступали к нам же в организацию подпольную и помогали подпольщикам работать. [...]

*Митина Роза Никитична*

---

<sup>1</sup> Шахта № 10 бис в Сталино.

<sup>2</sup> Шахта №с 10 «Чекист» в Сталино.

\*\*\*

[...] Там на костях он весь (*лагерь на территории Клуба им. Ленина*). Все было огорожено, территория этого дома отдыха была огорожена, стояли по углам вышки с пулеметами и внутри там находились под открытым небом и в самом Доме культуры пленные эти. Бабушка все время говорила, что может быть там наш дядя – Вова, а по этому по проспекту Садовому всегда гнали пленных наших. Их привозили на станцию Сталино в железнодорожных вагонах, а потом оттуда гнали по Первой линии, значит, и возле проспекта Садового поворачивали вот сюда и вот. [...] А мы как раз жили на пересечении проспекта Садового и Четвертой линии<sup>1</sup>. Бегали, пацаны. И бабушка все время говорила, может быть наш Володя – мой дядя, который закончил перед войной как раз училище, лейтенант, выпустился. Она говорила: «Может быть там наш Вова, дядя». И мы [бегали]. Пленные были голодные, заросшие, грязные. Мы хоть чем-то хотели им помочь. Однажды я с товарищем бросил им картошку и свеклу. Они накинудись на еду. А конвоир снял винтовку и мы еле успели юркнуть в подворотню. Он выстрелил и отбил кусок угла, который до сих пор так и есть отбитый. Помню, как зимой гнали моряков, полураздетых. Они шли гордо, тащили своих раненых, конвой шел с собаками. Потом, как я узнал позже, их всех расстреляли в лагере. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] А потом собирали. А вот в школе, значит, сразу привезли пленных. Были пленные в школе. [...] Восемнадцатая. И вот в этой школе были пленные. Мы же пацанами были – сразу, как только пригнали пленных – и мы приходим. У кого что – пышку там [приносили], тогда же уже не было ничего, вот то пышки пекли те, кто где-то доставал. Немец ходит с карабином – а они котелки опускают. Обмотки же у них тогда были, связывают обмотки с третьего этажа – она же трехэтажная. И вот то подбежишь, кинешь туда. Только он [часовой] оттуда заметил, что потянул котелок (*пленный*) – в тот класс идет, туда бежит. Один с одной стороны стоял, другой – с другой. И вот он заходит, там, наверное, прикладом бьет, крики слышны были. И еще что – они пели песни. Песни такие пели – как запоют. [...] Ну, пели такие хором. [...] Всякие. Народные такие, что женщины стоят и плачут. Потом что получается. Когда в Гришино был прорыв – это уже

---

<sup>1</sup> Ныне – улица Октябрьская в Донецке.

в 43-м году, значит, они эвакуировали сразу, немцы<sup>1</sup>. Пеши ж они шли, ну еще эвакуировали лагерь тех, которые работали, работали на «Гиганте»<sup>2</sup>. Еще вот что – когда водили их на работу, пеши ходили. Вот идет один немец с карабином и идет наш один, может два их было. Полицай или власовцы они были. Вот такая вот дубинка (*показывает*). А у нас там огороды были. И вот значит что – они же идут голодные. Одна вот дорога была неасфальтированная. Он уже знает, что его бить будут, это же не в первый раз было. Каждый день. Забегает, рвет бурак там – один, два, сколько в руки [возьмет]. И сразу забегает и у него разбирают все. Этот [полицай] же идет туда – сколько их там, человек 30, 50 – этот заходит и начинает его бить. Прошли дальше – другой уже бежит. Вот что делалось, потому что голодные, умирали с голоду... Это же он для всех [раздает]. А потом уже другой – бьют, не бьют. Были случаи, что ведут пленных, он уже не может [идти], под руки его тянут. Женщины стоят по деревням: «Отдайте, мы его подкормим». Он уже не может, его бросают, и сзади убивают. Не давали. Это редко где такие были, [которые давали]. [...] А вот на военном заводе Ильин – он и сейчас живой, ему уже 94 года – его выкупили. Как его выкупили? [...] Сосед мой. Так он, значит, попал в плен. А он перед войной ездил с женой на Шпицберген. И ему тогда товары [дефицитные давали] – на Шпицберген то поедет, были у него польта с каракулевым воротником. Значит, жена пошла, договорилась. Там же и немцы были, и полицай. Что вещи там такие. Приперла там мешок целый им – его отпустили. А потом, когда пришли наши, его же забрали, второй срок. И сейчас живой, отвоевал, все. Теперь что, когда отступали, когда в Гришино прорвались, они отступают. Выгоняют всех – ночью, всех. Были 2 братские могилы выкопаны, а было это не в марте, в феврале. А они, значит, живые – ну больные, неходячие вообще, голых, что называется [закапывали]. Потому что я очевидец, я закапывал опосля. [...] И их (*больных пленных*) побросали. Собаки уже начали растаскивать. То руку у меня собака соседская, Сельмака ты знаешь (*обращаясь к соседу*)? То руку, то ногу притянет. Нормировщиком он был на шахте. И жена его говорит: «Откуда она (*рука*)?» У него собака была – уши висят, как у охотничьей – притянет. И, значит, пошли туда, я сам очевидец. Мы ходили туда смотреть. Оно же март месяц, уже растаял снег, еще не полностью, но лежат один на

---

<sup>1</sup> Имеется в виду прорыв подвижной группы Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта М.М. Попова в феврале 1943 года к Красноармейску. Появление советских частей в тылу немецких войск вызвало панику, эвакуацию ряда оккупационных структур, в том числе и некоторых лагерей военнопленных.

<sup>2</sup> Ныне – шахта им. Е. Абакумова.

одном, голые. Там одна шкура да кости. Возле школы, где братская [могила]. Потом мы закопали, собрались мы – улица наша рядом. Собрались, засыпали – не полностью засыпали, а там их 2 братские были. Потом, когда наши пришли, памятник поставили. А потом, уже опосля, их повезли до клуба Ленина, братскую могилу сделали. [...] А тех [пленных, которые могли ходить] погнажи. Они же боялись, что вот тут прорвались, отрежут. И значит, когда немцы отбили наших. [...] Ну, побили наших солдат. Ну и все, немец из этих пленных в школе сделал добровольцев. [...] Вернули их и уже из пленных сделали немецких добровольцев. Ну они что говорили: «Мы на откорме сейчас». Их куда – когда наши наступали, на передовую их кидали. Вот кто выжил, кто не выжил. Они говорили: «Нам сейчас надо прожить». [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] Что я еще могу сказать? Немец поначалу никого в плен не держал, распускал по домам. И листовки бросали на фронте. Мы ходили в деревне, собирали. Там, карикатуры: «Сдавайтесь, а то не получите коровы», «Землю будем делить колхозную». [...] Ну, наверное ж, верили. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Насчет отношения немцев к нашим, то я очевидец такого случая. Ну это не в первый год оккупации, а во второй. Пленных вели – большую группу. И впереди с собакой, сзади с собакой, ну по бокам. Ну, четыре. Ну и один из пленных – женщина получила, горелый хлеб – и вот он попросил: «Дай хлеб». Только вышел пленный, 2 шага сделал, – взял кусочек хлеба – и он же здесь, немец, его застрелили. И все пленные – никто ничего, и пошли дальше. А он остался. Вот это я очевидец этого случая. [...] Это в городе Донецке между 8-й<sup>1</sup> и 9<sup>2</sup> линиями, как раз по проспекту Павших Коммунаров. Вели по направлению к Макеевке. Вот это я очевидец этого. [...]

*С. Михаил Андреевич*

---

<sup>1</sup> Ныне – ул. Горького в Донецке.

<sup>2</sup> Ныне – ул. Челюскинцев в Донецке.



\*\*\*

[...] И вот тогда так жалко было, что гонят наших пленных по дороге. А мы ж за хлебом стоим, за горелым. А немец, значит, понемножку давал [хлеб], потому что мы при немцах с подружкой своей кинули по куску хлеба, гнали когда наших пленных. А по нас – хорошо, что снег был глубокий. А мы ж маленькие – хоть я уже и 6 классов закончила, в 7 классе была – а дробненькие были. Они стрельнули, но вверх... Попугать нас [решили]. [...] Из-за того, что [кинули пленным хлеб]. Они же кинулись. Каждый, когда их гонят, кричат – кто орловский, кто курский, кто смоленский, кто какой области. Думают – если там находились близкие, кто знал, забирала ж этих (*пленных*). Ну, говорят, на Петровку когда ехать, там трест был, и был госпиталь. И в госпитале этом все раненые наши все погибли. И в тюрьме нашей. Но мы с братиком ходили туда, где концлагерь был, кидали хлебушек нашим пленным. [...] На Центральной клинической больнице. А мы как раз – троллейбусы же тогда не ходили, то есть трамваи. И мы на горочку – через балку перейдем, ходили туда, бросали кусочки хлеба. Через забор. Они каждый со слезами, плачут. Кусок хлеба кинешь – и то боялись. [...]

*Смолякова Ирина Герасимовна*

\*\*\*

[...] Охраняли наших пленных тоже из этих же пленных полицаи. [...] Три барака было. [...] Там был какой-то учкомбинат<sup>1</sup>, детвора жила там. Семиклассники. А потом что ж – каждый домой же поехал. И вот это 3 здания было. Вот тут они и были. [...] Вот эти все 3 дома, все бараки забиты были. Ну все смены работали. Они в шахте добывали же уголь. И грузины одно время были. А потом, когда стали они отступать, они их увезли, лагерь. Колоннами забрали и погнали их куда-то. Перед сентябрем. [...]

*Т. Иван Борисович*

\*\*\*

[...] В годы оккупации в Сталино много было расстрелов, и вот один такой эпизод, значит: по главной улице вели – а там уже знали же люди, что вот такое происходит каждый день. По главной улице

---

<sup>1</sup> Учебный комбинат.

Ларино<sup>1</sup> вели матроса. Я вам уже говорила. Недавно об этом спрашивали – может кто-то был свидетелем. Я была свидетельницей, вели матроса, именно вели его на расстрел. Руки, значит, были загнуты сзади, разорвана у него тельняшка, весь окровавленный.

[...] Много было страстей, вот этот лагерь огромный, огромный. Территория его ж большая, вы сейчас видели, какой он. [...] Он был весь закрыт проволокой колючей. Ну мы бегали все равно, бегали туда к этому лагерю, брали с собой эти кусочки хлеба, хотя для самих не оставалось. Хлеб был черный, выдавался по кусочку маленькому. [...] Немцы выдавали, да. И мы, значит, вот этот хлеб, черненький хлебушек делили и все равно бежали к пленным, подавали им, хотя тоже в любой момент мы рисковали, потому что немцы, если увидят, могли подойти к тебе и все, что угодно тебе сделать. Вот. И когда пленных вели по дороге, уже все равно жители выстраивались, и подбегали, и давали хлеб, и давали водичку попить. Это было там, это было на Петровке<sup>2</sup>. [...]

### *Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] В клубе им. Ленина сами военнопленные – это так рассказывали – выкапывали рвы. И эти рвы были подготовлены. А потом – я же жила близко. И вот примерно чуть-чуть позже, может – начинает смеркаться, как автоматная очередь не переставала [строчить]. Но говорили, что людей расстреливали. Потому что даже или писали, или кто-то мне говорил, что весной 42-го или 43-го года, когда началось половодье весеннее, даже красная вода текла по проспекту. Мы жили близко, поэтому видела, что иногда группы этих военнопленных гоняли на работу. Но вот возле нас недалеко была шахта «Ливенка» – она возле стадиона «Шахтер». Но вот туда их гоняли, а больше я не знаю, куда. [...] Видимо, на шахту, но я не знаю, мимо нас гнали, вот. Но вообще один раз был случай. [...] Вообще, когда их гоняли, мама открывала калитку, вот. Но один раз удалось человеку сбежать, спрятали. [...] До самого раннего утра находился во дворе, а потом уже ушел. Но его застрелили. Видно, полицейский проследил. И в посадке, где сейчас сто девяносто пятый детсадик, во дворе его застрелил. Потом, видимо, люди сами, этого я не знаю, но видимо сами похоронили там. И долго там была даже огорода,

---

<sup>1</sup> Поселок Ларино (Ларинка) в Сталино.

<sup>2</sup> Респондент, очевидно, имеет в виду лагерь, располагавшийся в Сталино на шахте № 10 «Чекист».

заграждение. Со школьного двора сняли эти железные изгороди куски и оградили. И долго был, до тех пор, покамест в клубе Ленина не делали братские могилы. [...] Ну, в основном полицаи [охраняли лагерь]. Даже были из военнопленных, которые за кусок хлеба пошли. Как они относились к своим обязанностям – я не знаю, но вот такое было. А точно я не знаю.

[...] Вот это ж я на перерыв пришла домой – и у нас во дворе женщина с ребенком на руках. А мама мне говорит: «Эта женщина получила записку из лагеря, муж находится здесь». Да, ну я спросила как фамилия, что, а чем я могу помочь? Особенно нет, надежд никаких не было. Но у меня возникла мысль вот такая. Я обращусь к Крюмеру<sup>1</sup> и скажу, что это мой дядя сидит там. Я так и сделала. Пришла в слезах – а плакать мне ничего не стоило. Если я вспомню, что я есть хочу – так у меня слезы сразу появлялись. (*Смеется*). А он хорошо относился, я вам уже говорила. «Что случилось?». – Я говорю: «В лагере мой дядя сидит, онкель (Onkel). Пришла тетя с маленьким ребеночком на руках, ну что делать. А дома еще двое детей. И она пешком пришла из Старобешевского района». Новомихайловка или Старомихайловка – не помню я уже точно, но у меня есть письмо сына. Два письма, 2 сына писали. Одно письмо у Зины, а одно у меня. – «Ну я пойду поговорю». Куда он ходил поговорить – не знаю. – «А потом скажу». И тут же приходит через 10 минут, говорит: «Мы напишем, что этот человек родственник нашей сотрудницы, да, и просьба освободить. Ему будет предоставлена работа дворника при этом [комбинате «Сталинуголь»]. [...] Я пошла. Прихожу в штаб. Покамест я туда дошла, три раза полицейские меня останавливали. Но я пришла. Пришла – и так, и так, и так. Они: «Проверить сейчас». Они проверили, а он в списке работающих на станции Доля. Бурят шахту. Что делать? Слышите? 20 лет было – не побоялась. Они дали справку-освобождение и я пошла пешком на эту Долю, степью шла. Я не знаю, как. А жрать же хотелось страшно. Да. [...] Иду – ну увидела эту шахту. Ну мне рассказали, как найти, что. Я иду, смотрю – огорожено колючей проволокой, и там значит, бур, и военнопленные на бур налегают и крутят. Я иду – а немец, охранник: «Weg, weg, weg!»<sup>2</sup> «Schiessen, Schiessen» – «стрелять буду». А я тогда беру: «Справка, справка, справка». Ну ладно – я подошла. Но хитрый же немец – страшно. Пришла я, зашла в эту ограду. Показываю справку. Ой, как же его фамилия, господи. Гончаров, Костя Гончаров. «Встать всем»

---

<sup>1</sup> Респондентка в период оккупации работала в Горно-металлургическом обществе «Восток». Обер-лейтенант Крюмер был ее начальником.

<sup>2</sup> Прочь (*нем.*)

[говорит немец]. Построил в шеренгу: «Бери своего дядю». (*Смеется*). А я расплакалась сразу: «Мне было мало лет, я его не помню. Как я его узнаю – они все одинаковые». В общем, начала. Я говорю: «Я знаю, что это дядя Костя, Константин Иванович, Гончаров» (*говорит плачущим голосом*). А он: «Гончаров Костя, выйди». Он выходит – я бросаюсь ему на плечи, целую, обнимаю, плачу. Во-первых, я плачу, действительно, уже нервы. [...] И я во-первых<sup>1</sup>, не верила, что это может, может быть. Да, и мы с ним пешком пошли. Сначала мы пришли в 45-ю школу, в штабе дали справку – освобождение. Приходим мы домой – а жена же ничего не знает, ничего не знает. Открываем калитку – деревянная такая калиточка, а она. [...] Жили мы небогато, поэтому ступенек не было, а камни были положены большие. И она стоит с ребенком. И когда она его увидела – она упала с ребенком вместе. Представляете? И мать не знала моя – кого спасать – ее или ребенка? И таким образом, значит, на следующий день они ушли. Но у него справка. Пришел он домой – потом мне уже рассказывали братья. Они, по-моему, в 87-м году. [...] Да, я потом скажу. Приехали на машине с шампанским, тортом и так далее. 2 сына. Второго мая мы как раз с мужем садили орех, который возле ворот у нас. Как раз я держала, а он закапывал. «Червякова Валентина Игнатьевна здесь живет?» – «Да, здесь, это я». Ой, боже мой. Один живет в Ханжонково, большой пост занимал в то время. Такой видный дядя, солидный. Жена его – директор школы. Но я не знаю, конечно, тут, не знаю. Я бы так не поступила. После этого они ничего [не сделали] – и спрашивали: «Чем вы нуждаетесь, поможем». Но с тех пор ни гу-гу. Понятно? А мне самой неудобно называться. Ну, а зачем оно мне нужно? [...] Вот так я спасла. Это лично я брела по степи в жаркую погоду, голодная. А жена, сын пишет, что мама (*жена освобожденного военнопленного*) всегда вас вспоминала... Ну вспоминала, а чего же не приехать, они же знали и адрес, и все? «И вот уже лет 5 как она умерла, но она сказала, чтобы мы обязательно разыскали, отблагодарили». Вот так. Разные люди. [...]

***Червякова Валентина Игнатьевна***

\*\*\*

[...] Ну, работали наши люди и на поверхности, контора была из наших, проводили же нам выхода. [...] Через некоторое время они пригнали пленных. Построили лагерь в поселке, пригнали пленных в основном оттуда. Ну, несколько там было человек русских, а в

---

<sup>1</sup> Правильно – «во-вторых».

основном Средняя Азия. «Ялдаш» – я не знаю, чье это. Говорят, «товарищи», но это или узбеки или туркмены. В общем, из Средней Азии. И вот эти люди тоже работали на шахте. [...] Работали мы отдельно, а они отдельно, потому что их пригоняли. А они в чем, значит, в чем работали на шахте, грязные, в том и шли к себе на зону эту, в лагерь. Грязные, немые – ничего. Их не мыли, не купали. Не мыли, ничего. Вот вывели из шахты. Над стволом стоял ихний охранник, их охранник, и вот, когда они выезжали, он посчитал – все целые. Там, 20 или 30 человек, колонной – и за конючую проволоку, в лагерь этот. Ну, пленных в лагерь военнопленных. Они работали отдельно, а мы работали отдельно. [...] У них отдельный участок, я не знаю, чем они крепили, там ремонтировали, что там они делали. [...] Охранялись только вот эти пленные. Ну, пленных вывели и охрана уходила вместе с ними. [...] А куда он (пленный) денется? [...] Он (охранник) опустил 20 человек – 20 выехало. Если 19 – он же в шахте, там не выйдешь никуда. По стволу-то там можно выехать на клети. Сама шахта неглубокая, 90 метров, можно через шурф вылезти, но на шурфе там же работают эти ствольные, они же, им приказано смотреть. [...] Умирала они от голода, скорее всего, потому что за ихним лагерем, за концентрационным, находилось кладбище. Их там хоронили. [...] До конца они работали. А потом их выгнали, значит, в колонну и погнали. Ну, уже ж фронт приближался, уже ж слышно было, как орудия гремят, там это все такое. [...] [Охраняли пленных] и ихние охранники, и из них, из пленных. Я не знаю, как они назывались, но типа полицаев, полицаев. [...] А немцы, наверное, в лагере были, они там в руководстве. Я даже не знаю, сколько их 5 или 10 человек, ну автоматчики эти. А в основном вот это их гоняли на работу вот эти охранники, свои. [...] Но они, наверное, еще хуже, чем немцы были. Они били их. Мы вот смотрим, колонну гонят, пленный – у нас же кукуруза так висит по дворах. Выскочит из колонны какой-нибудь из колонны, хватить кукурузину и грызет ее прямо, а тот подходит и дубиной. Ну пускай человек [поест], успел-успел. А он его дубинкой дубасит, свой же такой как он, только полицейский, полицай. [...] Они (пленные) не были абсолютно изолированы. Можно было контактировать. У кого тормозок был, может и делились так вот. Но и сами люди – мы ж тоже не очень-то сильно [снабжались]. Что там паечку получишь хлеба. [...] Ну, кто картошки там [принесет], кто бурак – они там всему рады были. Передавали. Но если увидит – там же вот этот штейгер ходил, там это дело увидит – ругали. Ругали, да. Запрещалось. Предупреждали, чтобы не контактировали с ними, все такое. Так что помимо нашей рабочей силы были еще вот эти военнопленные. [...] Военнопленные, я думаю, тоже не сильно

[работали], потому что они были, как сказать, обессиленные, они еле ноги передвигали. Слабый человек сильно же не поработает. Ну, в меру, я не знаю. Не видел я как они работают, не думаю, что так они работали. Если они по улице идут, еле ноги передвигают, какая с них работа в шахте? Но работали в шахте и давали добычу. [...] наших пленных, наверное, много там умерло. Ну, от голода. Их кормили. [...] Ну, как вообще немцы кормят в концлагерях? [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

## ГЛАВА 5

### «РАССКАЖУ КАК СОБРАЛИ ЕВРЕЕВ РАССТРЕЛИВАТЬ...»: ГЕНОЦИД ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

[...] Евреев много жило у нас на улице, евреев, потому что мы не так далеко от города жили, а они не селились там далеко, в поселках, а всегда к центру старались. И ничего. Кто эвакуировался, кто не эвакуировался и погиб. Но мы, например, всегда старались чем-то, хоть чем-то помочь. Ну как вам сказать, мы сами были голодные, у нас ничего не было, но хоть ту же воду – когда им нельзя было выйти, они боялись – так принесешь хотя бы той воды, хотя бы что-то такое. [...] Ну вы понимаете, многие старались детей еврейских спрятать, соседней. И записывали их. Как если видишь, идет там немец или полицаи, так скажешь, чтобы они там спрятались, эти соседи... А потом, значит, они там жили может неделю, может две. Они имели в виду, что они там и будут жить, что их как бы изолировали, да. Но это они там будут жить<sup>1</sup>. Все до одного знали [что произошло], что когда утром встали, эти дома пустые еврейские. [...] А потом кто-то заходил, занимал и жил кому надо. [...] Я не видела, как их забрали. Их забрали ночью. Но тогда, когда мы пошли, их уже вывезли, на Калиновку, на шахту. А мы ж как дети побежали. Открыли дверь – а тут сосед наш, он жил напротив. Старик, повесился. Он уже не мог выдержать это, что его повезут и будут бросать – крики, дети, женщины. Он сам взял и повесился. Еврей был. [...] И вот туда их всех и побросали в этот шурф. [...] Люди говорят, что когда подходили и бросали камень, то он бросался, как в тесто. Представляете, сколько там было трупов? [...]

*Валентина Ивановна*

\*\*\*

[...] Когда приблизился период оккупации, отец мой сказал: «Знаешь, – говорит, – я немцев хорошо знаю. Я с ними общался. Они очень культурные люди, трудолюбивые и вот тому, что пишут – я этому не верю, тому, что пишут. Мы останемся здесь. Что, бросать все, что здесь нажито?» [...] Я полагался на отца. Ну а как иначе. Я мальчишка, 10 классов окончивший, что я в жизни разбираюсь? И отец говорил мне так: «Не может быть, чтобы немцы были [плохими]...». Писалось очень много [о том, что немцы делают на оккупированной

---

<sup>1</sup> Имеется в виду еврейское гетто в Сталино в Белом карьере.

территории]. Отец говорил: «Та, это коммунистическая пропаганда, ничего подобного быть не может. Немцы очень порядочные, солидные люди, и они такого не могут сделать». [...] Очень много убегало, в эвакуацию очень много уехало. Бросали все. Вы понимаете как? Мнения человеческие разделились. Вот таких вот, как мой отец, который думал, что немцы хорошие люди, не было много. Я считаю, большинство уехало.

[...] И на Щегловке<sup>1</sup> был паспортный стол. Он [отец] в этом паспортном столе договорился с начальником и наши паспорта те забрали, выдали новые нам. И мы уже в тех паспортах стали русскими. Причем мое имя Лев – оно у меня в метриках. [...] Но вступили первые войска, я вам говорил, что мы жили на Щегловке. Но отец все-таки решил выехать с того места, где мы жили, и переехать с Щегловки. И переехали мы в Макеевку возле рудбольницы. Сняли там полдома. [...] В этом доме, значит, к вечеру распахнулись ворота. Ни слова не говоря, закатили маленькую пушку. Но это было противотанковое орудие – я теперь знаток – противотанковое орудие, следом заехала машина – легковая, как сейчас помню ее марку – «Гранит № 30». [...] И вот вы знаете что, ехали они, то да се, говорили. Так, с нами нехотя, как сейчас помню. Мы же переезжали, у нас эти сетки (*кроватьные*) стояли в коридоре. Они затащили в комнату сетки, не спрашивая нас, взяли эти каски металлические. Поставили в головах, чтоб сетка выше была, головной конец. Они что-то между собой говорили. Естественно, я не понимал. И, значит, расположились спать. Нас оттеснили в комнату, в отдаленную. Утром, значит, они держат себя как хозяева. Один из немцев этих к матери нашей: «Матка, матка. Кастрюля, матка, кастрюля». Мать дала ему кастрюлю, он начал готовить какой-то напиток. Слил туда вино из разных бутылок, Потом, значит, водки туда налил, потом все это кипятил. Потом, значит, поджег, накрыл крышкой. Ну, я-то теперь знаю, что они грог готовили. Через некоторое время какой-то немец забежал, сунул молодому немцу пакетик небольшой. Тот очень обрадовался. Оказывается, ему из Германии прибыла посылка. Он бьет себя в грудь и говорит: «Это mein Geburtstag, Geburtstag»<sup>2</sup>. У него день рождения. Эти все повставали, он поналивал им этого грога в стаканы. Они выпили, потом он раскрыл тот пакетик, который прибыл из Германии – небольшой тортик такой, грамм, наверное, до 500 сделанный. Аккуратно он был запакован, прибыл. «Das ist meine Mutter zur Geburtstag»<sup>3</sup>. Мать его поздравляет с

---

<sup>1</sup> Поселок в Сталино.

<sup>2</sup> Это мой день рождения (*нем.*).

<sup>3</sup> Это моя мама к дню рождения (*нем.*).



днем рождения. Я с ним потом разговорился. Они, значит, друзья его выпили, потом еще что-то там ели, а потом они начали над ним смеяться: «Du verfluchtener Jude»,<sup>1</sup> – на него. Он: «Ich bin keine Jude»<sup>2</sup>. – «Dein Großvater ist Jude, du auch Jude»<sup>3</sup>. «У тебя же дед еврей, и ты еврей». Тут я уже понял. В общем, они его обматюкали хорошенько, несмотря на то, что он старался им угодить. Потом он, значит, такой расстроенный [вышел]. Ну, нам же он дал по маленькому кусочку торта. Мы очень похвалили его. Видимо он в возрасте или моего, а может года на полтора-два старше. Молодой. Он мне рассказал. Память у меня хорошая. Он сказал мне: «Meine Familie wohnt in München, Teresienstrasse, 81. Meine Familie Niderbachener Anton»<sup>4</sup>... Я запомнил это... И вы знаете, потом он начал мне жаловаться, что они с ним плохо [обращаются]. «Ich bin keine Jude, aber sie...»<sup>5</sup>. В общем [жалуется], что они ему житья не дают. Случай был еще такой. У нас был патефон с пластинками. Среди этих пластинок были и еврейские... народные еврейские? Была там одна пластинка, на которой было написано «Фрейлих». Это такая песенка еврейская. Ну, немец этот завел, поставил пластинку, и, значит, слушал-слушал: «Judische, Jude»<sup>6</sup>. И вы знаете, тут произошло такое. Среди них был командир, серьезный такой мужчина. Он был занят, у них было согнуто крыло в машине. Он на улице попросил топор и кувалду, выравнял это крыло. Он зашел и слышит, что этот кричит. Оказывается, водитель этой машины завязтый фашист. И он начал разоряться. А этот, который ладил крыло, видимо их командир. Впоследствии я узнал – он, оказывается, преподаватель. Он ему что-то быстро говорил, я не понял. Но, видимо, смысл такой: «Какое твое дело? Ты же не гестапо. Твое дело воевать. Машину иди присматривай». Взял, сложил эти пластинки. Так внимательно на нас посмотрел, таким внимательным взглядом и патефон отодвинул и ушел. Видимо, он понял таки, что мы евреи... Это была одна из моих встреч с немцами. Эти побыли у нас дня два или три. Потом отец с целью разведки как действовать дальше пошел в город. Ему не угрожало особенно ничего, потому что у него в паспорте же русский [написано]. И, значит, приносит листовку, наклеенную на афишу: «Жида, коммунисты зарегистрироваться в горуправе». Макеевской.

---

<sup>1</sup> Ты проклятый еврей (нем.).

<sup>2</sup> Я не еврей (нем.).

<sup>3</sup> Твой дед еврей, ты тоже еврей (нем.).

<sup>4</sup>Моя семья живет в Мюнхен, Терезиенштрассе, 81. Моя семья Нидербахенер Антон.

<sup>5</sup> Я не еврей, но они... (нем.)

<sup>6</sup> Еврейский, еврей (нем.)

Мы же в Макеевке. И вы знаете что? Отец начал беспокоиться. Им овладело беспокойство и с целью разведки он пошел по городу, вернулся и говорит: «Дела плохие. Требуют одеть повязки и зарегистрироваться в горуправе». – Я говорю: «Так надо идти». – Он: «Боже сохрани. Никто из нас не пойдет регистрироваться». [...] Объявления были всякие, что повязки одевать... Вы знаете, как носили. Старались, вроде она скрутилась. Но видно было, что она белая. А немец или полицай: «А ну раскрой». И тут же морду набьет. Чтобы повязка видна была.

[...] Дальше начали шнырять полицаи. Появились сразу полицаи. Охотников быть полицаем было больше чем отбавляй. То, что говорят были подпольщики [неправда]. Что я вам скажу: полицаями хотели быть чуть ли не каждый второй. Почему? Полицаям давали сигареты, полицаям давали продукты. Те, которые поумней, те не шли в полицию, а те, которые подурней и думали «халява» – они, значит, туда. Отец говорит, матери он больше говорит: «Тут дело поганое. Надо отсюда убежать». Мать говорит: «А куда убежишь?» Куда мы можем убежать. Тут и я как раз заболел. Приступ аппендицита был. Куда убежать – некуда убежать. В таких раздумьях мы прожили в Макеевке с месяц. Вы знаете, в конце этого времени вдруг появился дядька – Максим Степанович Токарев. Этот Максим Степанович Токарев женат был на родной сестре моей мамы Дорете Львовне. [...] Максим пришел к нам. Это как-то вселило надежду. Во-первых, он русский. Во-вторых, он умный, в-третьих, его знают как прекрасного инженера в Сталино. Он говорит: «Давайте перебираться в Сталино. Там же моя квартира. Давайте жить в Сталино – там вас не знают» И мы перебрались. Поселились в этом домике, в его квартире. Он начал ходить по соседям, собрал кое-что из вещей. [...] [Дядя был] заядлый курильщик. Ну что делать? Или продукты, чтобы он эти вытягивал, или давать ему эти бычки. И я начал ходить по улицам собирать ему бычки. Вот идет немец, а за ним крадькома таких как я человек 5. Ждут, пока немец выкинет бычок этот... Кто успел, тот схватил. И вот я насобираю зимой грязных вонючих бычков в карман, принесу, вытрушу. Он на печке их разложит, высушит, закурит. И он живой, он человек! И вот такие вот походы за бычками. Это же нужно было?! Дурак. Я и теперь вспоминаю с содроганием. Черт меня носил эти бычки собирать по Первой линии, по Седьмой<sup>1</sup>. Я не знал, что там в банке собирают

---

<sup>1</sup>Ныне – ул. Постышева в Донецке.

людей, которых возят на шахты<sup>1</sup>. Я не знал этого. Но ходил же там, искал эти бычки. Меня могли запросто закинуть туда через те железные ворота и не сидел бы я перед вами. Ходил, собирал бычки... Я в жизни не забуду – вон там против банка на другой стороне от банка [солдаты] в форме эсэсовской – ну она эсэсовская вся. Плащи на них были прорезиненные, каска, здесь бляха такая... Как сплющенная рогонда. Фельджандармерия. На цепочке [бляха]. И собаки рядом, и автоматы. Они непривычно вот так их держали (*показывает*). По трое... Черт меня вынес на эту улицу. Пошел по ней. Ищу бычки, значит. Они навстречу на меня так глянули. Я им показываю: «Rauchen, gauchen»<sup>2</sup>. Он посмотрел на меня, отвернулся и пошел дальше. Что ему стоило взять меня за черти и закинуть туда? Ничего. Видимо за мной бог ходил.

[...] «Нахаловкой» назывался Белый карьер<sup>3</sup>. Что я мог видеть с этой дороги? Да еще и бурьян вырос. Людей там не было. Тогда, когда я ходил туда... [...] летом 1942 года? [...] Летом. Летом я проходил. И вы знаете что? Я не помню, я не видел там даже наличие людей. Я только твердо знаю, что немцы и особенно полицаи кричали, что жидов и коммунистов туда, на Белый карьер. Я встречал людей плачущих, которых повыгоняли с квартир на Первой, Второй линии, на Седьмой. И в ихние квартиры всякая босота с этого Белого карьера поселилась. Потом дело закончилось тем, что немцы и их выгнали. Я вам скажу, почему. Они включили электричество. Там на Седьмой линии, как я теперь знаю, они запустили турбину на Сталинском заводе и было электроснабжение, причем только для немцев. [...] Вы понимаете, что там было гетто – я этого не знаю. Но я твердо знаю, что именно туда доставляли всех, кого выгоняли с квартир в центре города. Гнали туда. [...] Евреев отвозили в Белый карьер. Вот говорят гетто там было. Там не было, по-моему, гетто. Там просто их сгоняли.

---

<sup>1</sup> Имеется в виду шахта 4-4 бис в Сталино – место массового уничтожения гражданского населения и военнопленных.

<sup>2</sup> Курить, курить (*нем.*).

<sup>3</sup> Местность в районе цирка «Космос» в Донецке. До революции на этом месте добывали мел (отсюда и название – Белый карьер). Перед войной в карьере в землянках и полужемлянках, построенных произвольно и бессистемно (поселки такого типа назывались «нахаловки», «собачевки»), проживали жители города, которые приехали в 20-х – 30-х годах для работы на промышленных предприятиях Сталино.

### КОНЕЦ БОЛЬШЕВИСТСКИХ „СОБАЧЕК“

Ищешь жизнь, жидо-большевистской шаркуши тщателью скрывалась от природы. Общественному вниманию советскому трудящему человеку было проникнуть в квартиру даже родственного работника обоема или обывателя.

Оно и понятно. Неудобно же было задавать народу, от которого прообразилась война, роскошную жизнь «марксистских жидов». Поэтому как ни странно убеждение уупротивля, в свои роскошные дома в Кюмоке водогали.

Илирабный труд! Жидо-большевики презирали свою «благословенную» роскошь, но не смогли скрыть уласавления пишеца угнетенного ями народа. Перед войнами Великой Германия и перед войми гитлером по всей высоте встали так называемые «советские «наказанные», «собачки», «шланги», «индустриала» и т. д.

Силами, первым изредкую жизнь трудящимся, видимо, было приятно совершать малые делучи и осмыслил, в которых жили те, кто своим трудом и кровью создавали их благополучие.

Все эти «наказанные» и «собачки» несколько лет не просили большевиков. Советскому почитому отношению и они немалое командование, которое даже в условиях фронта решило обделчить путь трудящимся, излучил в «сербачеках».

Немецкое командование предвещало Родердкий Управе илминдиронать, все эти очажки илминдиронать и зарплата, создавая для их обитателей нормальные жилищные условия.

Удесом германского хозяйства Управы уже дачно обследовали амальник в районе карьерного завода, нефть и ялгачеки за дачу благоустроены амальники.

Германское командование всем большевикам «собачкам» предвещало ямичи.

Время останется лишь одна «собачка», расчлененная по соседству с парком культуры и отдыха. Туда будут переселены жиды, которые за парком и кровли жителей «собачек» когда-то благожелательно пригласили в ДОНСКОЙ.

### ЗАСЛУЖЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ (От нашего специального корреспондента)

Неожиданно жили всех мужчин — излов по происхождению и уехали в известном направлении. Вскоре после этого заблудили и их семьи. Сестры уехали — частью на восток, частью на север, вожди эвакуированных вывели незнакомые люди и тоже неизвестно куда.

Колонны агитатора. Длинным, печальным рядом стояли кусты, голышная дома с восток, парой досок, обитыми осянами и настелю открытыми дверями.

Но большим кутерьманным кутерьма брошенной на прогной судьбы, махлайской мольницы одинокой бригады обремененный оставились работницами — лаборант Андрей Антонович Мусенико. Ему встала и вначем было углубил. Обремененный семей, дачкой от колхозника, аи дачка своему близкому, знающему профессию и создав свою жизнь и судьбу с этой меланхолической, даже посетились здесь, в Дельном доме по дороге.

События последних дней не предвещали ничему хорошему, но Андрей Антонович надеялся, что о меланхолической, стоящей на краю агитатора, брошенной всеми людьми, расчлененной дачкой от прощес и восточных пережить дорогу забудут и ее удастся сохранить.

Навсегда этим же суждено было обитать. Вечером на октябрь запылили в соседнем МТС, расчлененной в соседнем деревне Котайке, а на утро на мельницу приехала военная машина. Она привезла несколько бочек горючего и «специальное» оборудование — «подарки».

К Мусенико эшпан даче, вышедшему, командеры.

— Клички! — отрывистым, ялмичи голосом потребовал еврейского типа человек. — Устройте двор и выключите свет. Мельницу мы сейчас сложим.

Мусенико молча подчинился. Но у дверей мельницы он вошелся долго. Ушли дровяли, и вкуче вкуче не пошла дача и связанную промашину вместе с лампа. Подрыжники ждали, нетерпеливо переминялись с ноги на ногу.

— Включите свет! — крикнул вышедший подрыжник. Они окликали, увидели сложенные машины, хорошие оборудованные, а увидели громадное помещение амального типа с деревянными поломками-трубами, теми же деревянными плитами, парой узких лестниц, ведущими куда-то на чердак, в нескольких связанных в утку коулками замененными плитами.

— И это все?

— Вот — машинально подтвердил Мусенико.

— Не может быть! А где машинное отделение?

Мусенико молча прошел вперед и толкнул узенькую дверь. В небольшом полуотделанном помещении стояли трансформатор, мотор и пара распределительных досок.

— Да-а! — радужно протянула выскочив, выпитый в шпальде лейтенант. — Тут, товарищ коммисар, и дачка-то вкуче. Дачка вкуче. — Он достал из карманной сумки. — Тут же бейлики, а дачкии нунок.

— Дачка-а! Больше нет. — Коммисар повернулся и пошел к дверям. — Разбить и сложить! — приказал он, уже садясь в машину.

— Есть! — кончила лейтенант. Но дворе около вкуче связанных узлов собралась семья Мусенико. Испуганные лица плавали. Молча, углубленной вытарахли слезы жена. Подрыжники отлучили бошани.

— А куда же мне теперь переехать, — выскочил Мусенико, на глазах укорючего тона стояли слезы. — с детьми? А, товарищ лейтенант? Злит ли дачка-а? Машину за что спалили?

— Действительно, товарищ лейтенант, она же все равно не горит! Камнем же, — подтвердил один из подрыжников. Ему, видимо, в немалом прошлом крестьянскому парню, было знакомо мельницу, напоминавшую о ласковом, но родном.

— Ладно. — согласился лейтенант. — Добром основное части, пару граммов трансформатора, и черт с лампами. — Ему, видно, тоже не хотелось бы отнять. — Показывайте!

Обремененный Мусенико резко подрыжников образом на мельницу. Но тут уже захлебнуло чувство юности. Сказано, не что бы то ни стало спасти такую ценное, самое необходимое для нормальной работы. И он выдвинул подрыжников по мельнице, указывая им, как на главнейшие части, на которые, на имеющие означены детали, в которые именовались на складе. И подрыжники старательно коптали молотами и другими инструментами, разбавившись подрыжниками в бочке мельничной части. А в закладке, шину в трансформаторе будучи две галатки, поругались в мельницу и уехали.

К счастью, галатки сразу же разорвались, и Мусенико, проводив галатки, бросился в трансформатор. Было страшно — каждую секунду мог произойти взрыв, но долгие жилища сохранить мельницу были сильнее. Он вкуче отрывал и закинул их далеко, а др.

Там они, так и не взорвавшись, лежат в по-сегодняшний день.

Фото 5. Информация газеты «Донецкий вестник» о переселении еврейского населения Сталино в гетто на территории Белого карьера (Донецкий вестник. — 1942 — 15 марта)

За день сгонят там 100 человек и тут же их на следующий день гонят внутрь банка. Вот такое дело, мне так кажется. Но я этого избегал. Туда только моя дурная голова не вперлась, там я только бычки не собирал. (*Смеется*).

Вы понимаете, неразбериха была еще и в том, что даже евреи (*с негодованием*) – я наблюдал такую сцену. У моего папы был друг, Слуцкий. И он, значит, с ним дружил. [...] Ну и решили мы пойти с отцом к ним. Должен вам сказать, что Слуцкий это женат был на Полине, на русской. У них двое детей было. Пришли к ним. У него собственный дом был на 10-й [линии]<sup>1</sup>. Он был в армии. Пришли мы. Полина эта вся в слезах. Она артемовская. Плачет навзрыд. Когда открывается дверь – мы уже сидели там. Открывается дверь, заходит мужчина с повязкой еврейской, с кнутом говорит: «Полина, собирайся с детьми на Белый карьер». Она говорит: «Как же я пойду...»? Он говорит: «Все. Полицай сказали, чтобы я тебя отвел на Белый карьер». Она говорит: «Позже, подожди, я соберусь. У нас дети». Отец мой подошел к ним, к этому еврею, и говорит: «Мотай отсюда побыстрее и никому не говори, что ты ее застал дома. Если только узнаю, что ты это сказал, я тебя убью». Ну он ушел, этот балагула. Балагула – это извозчик<sup>2</sup>. Вот там я впервые столкнулся с таким. Вы понимаете, мне даже в голову не приходило, как это так. Еврей, у которого лошадь с бричкой, на улице назначен старостой еврейским, и он собирает евреев... Отец говорит: «Полина, у тебя родители в Артемовске? Что можешь только возьми и бегом в Артемовск. Может быть и я туда пойду». И они ушли в Артемовск. Она ушла с детьми в Артемовск и сохранила им жизнь и себе. Дети выжили.

[...] Я только запомнил эти – они колонной обычно ездили, вот эти хлебозки. [...] По-моему не было надписи, но они точно как хлебные будки. Закрытые. Я их видел, но мне и в голову не пришло, что в них людей возят. Я думал что, узнать, куда они их везут, попросить у них хлеба? [...] Потом я уже разобрал, что везут туда евреев, коммунистов сбрасывать в шурф. Вы знаете, через трамвайный путь, который ведет на Мушкетово, переехали машины – колонна, и у одной заглох двигатель. Выскочил из этой машины – машина-хлебная будка – выскочил и, значит, возился мужчина, хромой такой. Я, когда уже стал автомобилистом, потом понял – у него была очень обогащенная смесь. Пересосал двигатель и поэтому он от обогащенной смеси заглох. Вот этот полицай, который жил в нашем же доме, такой

---

<sup>1</sup> Ныне – ул. Ф.Зайцева в Донецке.

<sup>2</sup> Балагула (*идиш.*) – еврейский возница, нанимаемый для поездки между деревнями и местечками черты оседлости.

лихой был. Я выйду, а он: «Сосед, сосед». Ну, я шапку на лоб, воротник повыше – он угощал сигаретами. Я с радостью брал эти сигареты Максиму. И он рассказывал мне вот эту вот историю, о которой я и поведал. Я ему говорю: «А где вот та легковушка, что ездил впереди колонны». Вообще я у него спросил: «А що це за машини їздять». – «А це наші хлопці їздять, учаться стріляти». Там мог быть вполне тир, понимаете... Они не учили стрелять, они расстреливали этих несчастных, которые [были там]. Если повернуть из этой улицы в сторону рембазы, там на углу теперь магазин – как его, красивый такой магазин (*пытається вспомнить*), так возле этого магазина слышны были выстрелы. Но я не связывал, я думал, что они действительно ездят стрелять, учатся. А оказывается они возили туда [людей]. А потом, когда он рассказывал мне, я говорю: «А где вон та легковушка?» Красивая легковушка, миниатюрная такая, малолитражка. В ней сидел развалившийся такой немец, я помню, перчатки в руках держит, и шофер. Вдвоем ехали, а за ними колонна. Он говорит: «Та, ото ж стріляють жидов и явреев там»... Жидов и евреев. (*Смеется*). Стреляют там. «А один схопив того офіцера і з ним стрибанув в шурф». Вот так вот: «Жидов и явреев». [...] Что вы думаете, я знал, что это возят на шахту? Ничего подобного. Это же только после того, как полицай рассказал мне эту историю. А я на самом деле думал, что они что-то перевозят, а может ездят немцы, полицаев учат стрелять. Я это так принимал. А потом, вы знаете, когда немцы стали просто сбрасывать в шурф, когда они их уже душили по дороге от банка на шахту туда, тогда уже меньше слышно выстрелов было.

[...] И вот шел я через Комар и Богатыр<sup>1</sup> пешком<sup>2</sup>. И в одном месте, значит, я иду – колодец. Возле колодца на срубе этом – бадья с водой. И стоят 2 мужика. Я подошел, а они с винтовками. Ну мне, значит, некуда деваться. Взял эту бадью, наклонил, воды напился, немножко постоял и уходит. А один мне и говорит: «А ну йди сюди». Я подошел: «Кто ты?» Я так вот и так, что иду менять. [...] У меня было [что на менку]. Вот эта Марья Андреевна дала икону, у нее венчальная икона была и Марья Андреевна нам дала ее. Она у меня в вещмешке. – «Що у тебе?» – Я говорю: «Та воно тобі не нужно». – «Покажи». Я развязал – там икона. Он: «Дай». – Я говорю: «Не дам. Хоть стрілай – не дам». А он значит, другому говорит: «Слухай, це бува не жид?» Я промолчал, посмотрел на него. А тот, другой,

---

<sup>1</sup> Населенные пункты в Большеянисольском (ныне – Великоновоселковском) районе Сталинской области.

<sup>2</sup> Респондент рассказывает о том, как идет на «менку».

говорит: «А може й жид?» А потом он говорит: «Да я сейчас выясню, він жид чи не жид». – Ну думаю, все... (*нецензурное выражение*). Снимут штаны, посмотрят – у меня обрезанный – и будь здоров. [...] Та не убьют – к полицаям отведут. Я, значит, постоял немного. – «А як же ти определишь?» – «А я среди них жив там у Сталіно, я знаю усе. Вот я зараз проверю, він скаже». – Я молчу. – «А ну скажи кукуруза». – И я говорю: «Кукуруза». – «Ні, він не жид». – «А чего ты?» – «А ти знаєш, як вони кажуть «Кукуруза». (*Смеется*). [...] Там инфаркт можно было получить запросто. [...] И я дальше пошел, отошел от них дальше за бугорок сел, меня всего колотит.

[...] Очень многие евреи сделали такой фокус как: они стали русские. Очень многие вступили в смешанные браки. Но у немцев было такое: если у тебя бабушка была еврейка или дедушка еврей [то и ты еврей]. Дело в том, что немцы – они, собственно, не лезли так в душу, как лезли в душу местные, полицайи. Все омерзение, омерзительное поведение было со стороны местных, причем местные – те, которые старались выслужиться, – они ни с чем ни считались. Для них продать человека была какая-то доблесть. Они очень бесцеремонно к этому были. Это была какая-то доблесть продать жидов. [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Лица еврейской национальности ходили к нам. Через мост приходил, как сейчас помню, дедушка был. У него красивая такая борода была, как у Деда Мороза. Седая, такая. И здесь у него такая стального цвета проседь (*показывает*). Приходит, значит. В то время евреи разговаривали на своем языке. Когда с нами – переходили на русский. Как только начинают ругаться между собой – на своем языке. Я знаю Любу Раскину – был директором магазина. Их семья говорила с большим акцентом. Еще так: «Витяя, приходи на форшмакиии». Типично еврейский, общались так. Ну а на улице нашей жили и евреи, и армяне были наверху у нас, и татары были, и русские, и украинцы. У нас националистического вопроса не было. [...] Да не знали мы кто какой нации! И вот, значит, он (*дедушка, упоминаемый выше*) ходил. А рядом с нами были Черничкины – они из города с 8-й линии<sup>1</sup> перебрались, буквально рядом жили. Большая семья такая. И вот, значит, они прибегают и говорят... И говорит вот этот дедушка: «Дайте хоть что-нибудь покушать. Дети у меня, семья. И я, значит, к

---

<sup>1</sup> Ныне – ул. Горького в Донецке.

вам прихожу в последний раз». А мы значит, ну что было у нас, ну кусок, может быть, мамалыги. Вы знаете, что такое мамалыга? Хлеба то ж не было. Ну мамалыги, он: «Спасибо, значит. И я вот это понесу. Я к вам, наверное, прихожу в последний раз». Он не один – с девочкой ходил. Девочка ну и еще кто-то. Ну вот такие малыши. «Ну а что такое?» – ну не я, родители мои спрашивают. – «Ну, идут слухи, что нас расстреляют. Всех». Ну начинают родители его успокаивать. Ну, значит, на второй день вечером приходит тетя Фаня и маленькая девочка, черненькая, худенькая такая. Или Соня, или Софа. Ну мы ее Сонька звали. Прибегает и говорит – мы все сидим: «Завтра всех евреев будут в шахту бросать. Ночью всех будут евреев забирать – облава. Рано утром после 12 их всех будут забирать, так. Я вот только Соньку успела выскочить. Уже и сейчас их всех сказали собираться». [...] Тетя Фани, соседка, Черничкина [сказала]. [...] Она была знакома в округе с еврейской семьей, что там жила. И привела эту девочку. [...] Где она ее схватила – вот эти подробности я не знаю. Ну она у них осталась, у тети Фани, еврейка. А мы же все русские. А эта девочка еврейской национальности. [...] Черничкина русская самая настоящая. А эта Соня или Софа еврейка. А Фани эта русская самая настоящая. [...] Вот недавно еще с Виктора Черничкина женой разговаривал. Он умер. Если бы рядом сидел – все бы подтвердил. «Завтра будут бросать. Вот привела ее. Что успела я вырвать – так это ее привела. Завтра будут... Шахта 4-4 бис вы знаете ее – за Дворцом «Дружба». И мы через завод уже к 8 часам – до 7 комендантский [час был] – уже были там. И эта девчонка с нами. И мы во двор. Вот так вот сарай стояли – я подчеркиваю, и сейчас перед глазами. Вот отсюда въезд. Вот был заезд, въезд, деревянная будка стояла и вот так был шурф. Вот тут сарай какие-то стояли – ну, видно, ремонтные мастерские шахтные. Вот так вот ихний копер был, что опускает. Вот так вот ихняя машина заезжала, вот так вот разворачивалась душегубка, и здесь вот она перед этим останавливалась (*показывает*). И мы тут все стоим. И эта девочка с нами. Мол, узнает она кого-то родителей. Как мы могли додуматься с собой ее привести? И вот они их выводят, открывают – те же самые лица, которые впоследствии были расстреляны или живыми сброшены в шурф – они их уже из душегубки доставали, но они уже были... Вы знаете, что такое душегубка? Понятно, какие после душегубки. И привезли вот такие машины, живых. Сгружали – крик, шум, толкали их туда и все. И мы тут крутимся. [...] Кто упирался, кто как. У кого, видно, руки связаны – толкают и прямо туда. Я, видно, хотел посмотреть, куда их бросали. Любопытно очень было. И тут немец – рукава вот так засучены, с автоматом. Вот так разворачивается – сапогом [ударил]. А я вот так,



может быть, метр-два не дошел до края этой темной, темной ямы. И хотел, видно, поддаться мне под зад, чтобы я туда, видно, улетел, что я такой любопытный. Но я отошел. Так он сам чуть туда не нырнул. (*Смеется*). Потом говорит – залезьте на сарай. Так мы залезли на сарай, вот так положились и сидим ждем: «Ну что – нет. Ну что – нет». И мы уже до начала седьмого, чувствуем, что уже солнце начинает садиться, что комендантский час скоро – и мы с этой девчонкой прибежали назад. Она и у нас была – что было [есть] у матери, давали. Но у нас она не спала, но играли. В нашем дворе – у нас собака Матрос громадная была, играли. Вот эта девчонка была у нас, покуда не вошли наши. Но вот этот шурф – он до сих пор стоит у меня перед глазами. И впоследствии я не знаю – она, как говорится, ни «спасибо», ни «пожалуйста». Если б кто узнал, что девчонка была с нами – все, окружающие, 2-3 семьи – никого бы они не оставили [в живых].

[...] Вы знаете, наш, так сказать, русский менталитет он заложен еще. Мы доверчивые, подельчивые – но мы никогда не думаем о последствиях. Мы не программируем, мы не шахматисты, народ наш. Мы не считаем на ход вперед – а что мне за это будет? Может, кто-то так и делает. Но вот мое окружение – никто. Ну кто мог подумать – были ж взрослые! За то, что соседи, Черничкины, привели еврейскую девочку, что она ходила там кушать, там ела, там спала, с тем играла – за это же по головке не погладят. Вот Бабий Яр, вы же видите – там и грудных расстреливали. Так вот и тут. Никто, даже впоследствии, когда нам только сказали, мы боялись, что офицера немецкого убьют, а об этом даже не подумали. И она все время с нами бегала, с нами играла, пока наши не пришли. Когда уже наши пришли – она ушла к своим туда в город. Там осталась – больше мы ее не видели.

[...] Когда мы выезжали в Розовку<sup>1</sup>, то ночевали в степи, к нам никто не подходил. Ну едем – мы не боялись спать. В летнее время – у нас тачка была. Едем оттуда – смотрим, посадка и вот такая вот куча. И едем – что такое? А дядя Вася: «А ну смотайся, посмотри, что там». Я посмотрел, как глянул: «Там, говорю, убитые лежат». Тачку остановили, вернулись назад. Вот так вот ветки поналомали зелени, вот так набросили. Ну, цыганский табор как ехал ни лошадей, ни подвод, ничего же не было, видно сельские все позабирали. А там взрослые, дети – все порасстреляны. [...] И это я лично видел своими глазами. С цыганами даже не разговаривали [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

---

<sup>1</sup> В Сталинской области было несколько населенных пунктов с таким названием. Учитывая направление миграций, поездок за продуктами населения в период оккупации, вероятней всего, речь идет о поселке Розовка в Запорожской области.

\*\*\*

[...] В Мариуполь попало много евреев из Одессы. [...] Вы знаете, то, что нам давали, у нас не отбирали и не убавляли. Я не знаю, как городская власть их обеспечивала. А были специально помещены где-то, может быть, в санатории, если большое количество. Но все, вы знаете, все пытались через море пойти на ту сторону. Это кратчайший путь был. Черное же море контролировалось, немцы имели превосходство в авиации. [...] Они считали, что из Мариуполя легче будет на ту сторону перебраться – в Ейск, на Кубань, туда. [...] Я вот должен сказать, что до войны у нас в Мариуполе очень много евреев было, очень много! [...] Потом должен отметить, сразу появились объявления, везде на видных местах. Еврейское население должно носить повязки на рукаве и назначен был день сбора. Это было здание 238-го пехотного полка, который базировался в Мариуполе, квартировал. Сейчас там здание нашего метинститута, металлургического, сейчас там университет наш технический. Вот там во дворе немцы собирали евреев. Значит, обещали им будто бы отправку куда-то. Шли с семьями, с детьми, с узлами. И финал такой трагичный был. Здесь у нас за городом, километров 12 отсюда, есть Агробаза, поселок. Агрономическая база. Там до войны чем-то занимались, наукой может быть. Там были противотанковые рвы. Готовились к обороне, понимаете? Были рвы, но они не понадобились. Просто в этих рвах всех постреляли. [...] Понимаете, они будто бы действительно что-то, подозрение было. Но все-таки, я думаю, на такой исход они не верили, что это не может быть. А в таком случае – вот некоторые психологи объясняют – парализуется воля человека, полностью, он уже не может ни контролировать свои действия, ни предпринять ничего не может. Я же говорю – боже мой, это же такое количество людей туда вывозили и там стреляли – и детишек, и все на свете. [...] Вот здесь на улице семья евреев была, Эпштейны. Я дружил с Мишей этим. Он, бедный, остался на Агробазе. Анна Яковлевна Свидлер у нас была, математику читала. Это ж я, мои науки закончились уже в 6 классе – тоже там она осталась. [...] Постреляли, значит, евреев, постреляли, значит [...] актив, передовиков производства, там погиб наш знаменитый сталевар Мазай [...] Воспринято было, вы знаете, очень, очень сочувственно, и жалко людей было. Но я должен это сказать, чем это объяснить, или вот некоторые – или по необходимости или, только этим можно объяснить, ходили туда на окопы. Туда! Там же все пооставалось. Немцы ничего не брали. Вот тряпки, все. Оттуда в некоторых тут двориках я видел стиральную эту одежду. Это со слов. Я же то не видел. Да, со слов ужасы там, трупы, горы. Некоторые только,

единички оттуда могли выбраться. И тут их переховали, перепрятали. Ой, боже мой. Это тяжелый случай. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Мама спасла детей. [...] Когда объявили – евреев, евреев собирают. А Соня и Ева, как вам сказать, они чуть старше меня. Когда они пришли, прибегают: «Тетя Варя, папу и маму забрали. Папа убежал – я побежала туда, я не догнала его. Я сюда к вам пришла. Мы побудем у вас». А уже мама слышала, что евреев забирают. А стоял в кухне стол кухонный. Она оттуда всю посуду выбрала, а их в стол. И так все. Ну немцы и полицаи были, ходили вместе немцы и полицаи. И приходили, это самое: «Еврей?» А мама говорит: «Я русская». Они по хате стали ходить. И они, наверное [успокоились и ушли]. Ночью мама их вытаскивала. Что было, вместе это самое. А потом приехала мамина сестра с деревни и туда забрала, в деревню. Ну была одна беленькая. А другая черная. [...] Но когда пришла, говорит: «Варь, ты знаешь, мне, – говорит, – с Сонею легче, как с Евою. Соня беленькая». И мы их спасли. Они еще, когда наши освободили, они приходили к нам. Когда выходили замуж маму на свадьбу позвали. [...] Потом Александровку снесли и не знаем, где они есть. [...]

*И. Тамара Ивановна*

\*\*\*

[...] Ага, вот расскажу, как собрали евреев расстреливать. Значит у нас жила одна заведующая магазином, а вторые – Казачки жили. А там тетя Вера жила. А тетя Вера всегда меня звала ночевать. А я никогда в жизни на перине не спала – ну какие у нас матрасы были – с кукурузы вот эти вот, из кукурузы. А она ж меня, боялась одна [оставаться] – и меня звала. И на такую кровать ложила меня. И тут сказали, что будут их в какое-то одно селение немцы везти. Ну как-то они собрались. У этой бабушки – у нее рак груди был. Вот сколько ее помню до войны – столько у нее все текло, все текло. Ей было что то лет 85, и дед вот такой старый. И они, бедненькие, пошли на этот пункт. Где они тут собрались – я не знаю, но что мы ходили уже вот туда. [...] Ну ходили туда, когда их расстреливали, яма там была вырыта, они же и вырыли яму. А потом детям чем-то под носом, под носом мазали, чтобы эти сразу умирали. Но очень много молодежи, когда к концу было... [...] Когда к концу было, многие молодые уходили, между людьми. Как-то немцы доверчивые были, как-то не

такие. Ну уходили. Ну ладно, пусть ушло там 10 -20, а сколько там расстреляли? Ну, в общем, там три дня был стон. Три дня. Их так присыпали, но охраняли. Но наши все равно пробирались.

[...] Они еще, евреи, жили по домам, они уже брали, грабили. Грабили. А что еврей скажет, если ему вот это вот... Ой, они такие несчастные были евреи. У нас хорошие евреи были. У нас Сорокинша была – у нее сын потом председателем колхоза. Она всегда варенье варила – и вот когда она варила варенье, у нас же детей много, дом большой, 30 квартир, а у каждого по 3 по 4 было! По 5. Это сейчас по одному. А тогда смотрите по сколько. И вот она варенье варит, а мы пальцем вот эту пенку. *(Смеется)*. Но она то уехала – а вот эти Казачки мацу все варили. Все она нам давала, все давала нам. И вот расстреляли – что с них, вот скажите? 80, ему лет 90, деду, и он работал у Фрунзе охранником. Вот то идет на работу – вот то такая борода *(показывает)*. Ну а потом я видела ихних детей. Сара у них была и Йоська, Йося. Я видела этих детей, они после войны приходили, и Сара приезжала сюда, чтобы на пенсию, бумаги какие-то брала в нашем городе. Они живы, дети живы. А то вот эту тетю Веру, что я говорила – у нас жила одна там стерва, повела ее. Перед тем как вот, например, завтра их расстреливать, ну чтобы они собирались, а сегодня ночью она ушла и попросила соседку одну из нашего дома, Аряиху, попросила, чтобы она ее за город вывела. Ну, я не знаю, бабы говорили, бабы то лучше знают, что она видно вывела ее и там они убили, сами убили. Что ее племянник потом в таком пальто ходил. Знаете, раньше были пальто на медвежьем меху, желтый такой мех. Ну это могло только у евреев быть, у нас этого не могло быть. И потом очень много посуды было в этих ямах – знаешь, канализационных, против дома. Ну так бабы говорили, что точно. Потому что откуда она могла одна жить, уборщицей работала и построить дом? Значит убили и золото забрали. Может и было золото. Ну мы никто не знаем. После войны, когда ихний дом поломали, мы гуляли там, так нашли облигации. Ну облигации порезали, как в деньги играли, да. *(Смеется)*. [...] А мы там у евреев в еврейских домах были, дома были пустые, их же порасстреляли, а мы в подвалах.

[...] Да, немцы привезли с собой [еврея]. Он с ними оттуда, видно, приехал. [...] Ну он был похож. [...] Он не готовил. Он топил. Он сам инженер. Он инженер. Я не знаю, чего его. Ну, там русских больше не было никого, все немцы были. Ну а чего-то он все делал. [...] Да, ну топил он у них, топил. [...] А когда они отступали, все бабы прощались, фотографировались. А он раз и ушел. Они как кинулись, а Василя нет. А он убежал – дворами, дворами – и ушел. Они потом бегали, рвали и метали. Ну а ехать-то приказ, ехать-то надо. [...] А он

приезжал после, когда освободили наш город, он приезжал за стеклом из Харькова. Он приезжал и заходил в наш дом. Заходил. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Холодно было, а на рукавах у них всех белые нашивки были. А потом один раз у нас по соседству приехала одна семья уже после войны. Ну не после, война уже началась. Тогда уже кто уехал, пустые дома были. И еврейская семья. Он был русский, а она еврейка. И у них двое детей было. И вот немцы пришли в одну ночь. Били-били в дверь – в общем, ничего не сделали по соседству. А на другую ночь забрали их... Всех. Жену. Его не было. Он, наверное, воевал. А жену и детей забрали. На работе знали – те, кто на Калиновке жил, там где шурф, и кидали немцы евреев. [...]

*К. Вера Максимовна*

\*\*\*

[...] А у нас жил один чехословак – чех, а другой был австриец. Но они дружили между собой. И вот когда мама рассказала, что расстреляли, и вот так дышит ров этот, а этот чех говорит, что верит нам. А австриец говорит: «Не может быть. Наши власти так не поступят». [...] Австрийцы говорят, что они не верили, что немцы так могут сделать. Покаместь они с ним пошли. И тогда пришли, тогда говорят: они вдвоем ходили специально в балку посмотреть – правда это или нет. И он: «Если бы я не видел». А там земля еще вот так, как дышала... [...]

*К. Лилия Николаевна*

\*\*\*

[...] Еврейский вопрос. Значит, когда они пришли, они заставили всех регистрироваться. [...] И сказали, что вы не волнуйтесь, все будет нормально. Единственное, зарегистрироваться, и заставили их звезду шестиконечную [носить]. И вот они ходили долгое время. А потом в одно прекрасное время их стали на шахту бросать в шурф. [...] Единственное, что я знаю, что вот, значит, где Цирк – там была настолько глубокая яма, что вы даже не представляете. Значит, там несколько ярусов. Вот значит, один ярус, ниже второй, третий, четвертый, пятый ярус. И везде в этих ярусах были домики эти маленькие. А напротив, напротив цирка эти здания – тут был белый

глей, глей назвали – насыпь. Потому что с этого карьера брали глину, или какую-то породу – я не знаю, а вот это насыпали. [...] Я только единственное – как относилось население к евреям? Население к евреям всегда относилось плохо. Почему? Во-первых, велась пропаганда сталинская. Значит, что я хочу сказать сам лично. Я лично относился к евреям, ну как бы сказать – у меня сестра еврейка. Потому что отчим мой был еврей. И вот такой момент был, когда я катал на санках ее. Наверху жила соседка, и стоял немец. А она говорит: «Вон, юда» – на мою сестру. Он знала, что ее отец [еврей]. И тот взять хотел уже винтовку снимать А я на санки – и с горы съехал. Вот это отношение... Вот это отношение. Разное было. Одни открыто ненавидели, другие, значит, молчаливо. [...] Ну, во-первых, не все особенно и знали – это первое [об уничтожении евреев]. Второе – кто и знал, допустим, близлежащие. Повезли евреев куда? [...] Сказали – подъезжает машина, их сажают и повезли. А куда, что? А потом, когда узнавали, что их бросали. Ну, естественно, человек есть человек. Одни, которые может быть, их ненавидели, радовались. А другие, наоборот, жалели, потому что это люди. По-разному. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Еврей – тут у нас один Сеня был, еврей. Когда пришли немцы он жил тоже недалеко. Приходит к нему – а он же еврей – раз, повязку ему белую. [...] Потом вот что, в одно время подгоняют бричку – машин же не было. Нет, были... Грузят [вещи еврея] – там корыта, кровать с досками, матрасики, барышней уже девочка была и мальчику уже лет 12 – 13 было. И одна была тоже маленькая девочка. И эту девочку погрузили, а эти пеши пошли. Согнали всех. Вот где цирк – там был раньше Карьер, и там землянки были. Прямо по верху. Вот-то туда их согнали. Говорят: «Будет республика ваша». И, значит, земляночки поверху были, и внизу были. Землянки поделали – не то, чтобы дома там какие-то. И их туда: «У вас республика будет еврейская». Это специально свезли их, Сеню этого. Это же я видел, как их грузили. Они не грузились даже. Две девочки – одна барышня уже была, не барышня, но может лет 15 – 16, потом сын. И тогда согнали всех, еще же привезли, и потом – сколько они там побыли, кормились. А потом их всех на Калиновку. Детей, значит, так: грузят в машину, подъезжает задом, под ствол. Немец приходит, открывает двери: «Выходите». Ну куда им деваться? В ствол прямо падают. И, значит, падают туда, а у детей под носом нашатырем или что туда идет.

Понюхали – и он туда летит. Это такая кара была. Это же вообще [ужасно]. [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] Ну что я хочу – вот это, когда оккупировали, стали ж еврейские семьи сгонять. Евреи еще многие остались. [...] Те, которые имели возможность эвакуироваться. Как и русские. Кто имел, кто имел. Коксохимзавод очень много своих [эвакуировал]. Они подали целый эшелон. Они могли. А другие, которые, может, парикмахером работали, такие. Были ж и бедные. На 11-й у нас жила семья Миловых. 4 поколения там было, 19 человек. Еврейская семья. Они занимались огородом – в своем доме, корова была, свиней выращивали они. Отец с матерью, потом сын у него был, было 2 брата и 3 сестры было. Невестки были. В общем, их 19 человек было. Старшая была на фронте – Раиса Борисовна. А эти сыновья старшие – туберкулезом болели, бабка была парализованная. [...] Это Надежда Федоровна<sup>1</sup> приходила, рассказывала. Вот это Надежда Федоровна рассказывала. Они с Миловыми соседи, ее отец был. Под вечер пришел немецкий офицер и говорит: «Завтра вас буду выселять на уничтожение. Если кто может – уходите в греческие села. Не оставайтесь». Значит, Соня, Аня и Семен и отец – ушли в греческие села. Эти старики, эти 2 брата туберкулезных, эти невестки и дети – 14 человек их погибло. Их приехали забрали вот в этот Белый карьер, это было [...] Понимаете, между Цирком и между 33-й школой. Вот там на горе дома. Там внизу вода была. Там, видно, брали и стирали. [...] Тут так обрыв. В этом обрыве как норы были – вот эти раскулаченные. И вот то ж там евреи в этих норах и жили. [...] Как их называли – «шанхай», «собачевки». [...] Потом был военкомат там. Немцы – была там какая-то кампания. Они кампанией себя называли<sup>2</sup>. Кампания какая-то стояла там – и еврей. Как они над ним издевались! [...] Как заставляли. Обливали водой его. Он бедный – ему, наверное, уже за 50 было. Он такой несчастный был. И ничего ж не можем пойти, ничего. Откалывал снег – они водой его обливали. Потом он пропал. [...] А потом, когда в 42 году сошел снег, на футбольном поле проволока вокруг. И в задний проход проволока воткнута. И вокруг это было. Мертвый лежал (*неразборчиво*)... Там женщины позакапывали его. [...] И еще у нас – я ж поступила в медтехникум. Ну в советское время, уже война была. 2

---

<sup>1</sup> Одна из знакомых респондента.

<sup>2</sup> От немецкого слова «Kompanie» – рота.

месяца проучилась. Латынь нам преподавал. Он, видно, интеллигент такой старых времен. [...] И вот кто-то – не знаю, кто-то головки эти выбросил от тюльки, этой азовской. И он это перебирал, нашел где-то – и он стоял это ел. Его тоже арестовали – он еврей был.

[...] И потом мы туда ж туда ходили. Там этот Белый карьер. А Белый карьер – там такой обрыв был. Там глину брали, там внизу вода была. [...] Их было, конечно, больше 3 тысяч. Их много было. Мы в то время не знали за гетто. Не знали. Они несчастные. Их на уборку города выводили, выгоняли. У нас был Яша Голин. [...] Он воспитанник еврейской семьи. Книгу за него Холин<sup>1</sup> написал. Он (Голин) уехал с дочерью в Германию, они уехали. Он по рождению полугрек – полуитальянец. Итальянцы строили здесь артезианские колодцы – копали, а мать гречанка. [...] А Голины – бездетные были, еврейская семья. Они скотоводством занимались. Там, где последняя остановка автобусов, напротив жили – Красноармейская или какая там улица. [...] И они просили, чтобы найти им ребенка. И священник нашел. И отдали месячного ребенка этой семье. Ну Яша рассказывал: «Я видел, какая-то женщина приходила сюда, смотрела за мной». У него очень хорошие родители были. И бабушка Сара. И она сказала: «Пока не будет обрезания. Мне гой не нужен. Мне нужен настоящий еврей». И по рождению, понимаете [он не еврей]. А по воспитанию он больше еврей. Когда нас собирали на шурфе, и раввин служил панихиду, и русский. Священник. Мы стояли так – он к евреям [подошел]. И они приезжали с Израиля. Он очень мягкий, очень хороший человек. Его семью ж туда вывезли. Ну, а священник этот пошел к коменданту и сказал: «Этот ребенок православный, я его крестил. Он воспитанник их». Яшу выпустили. Как то он мог выходить. А мать, отец – все в шурфе лежат, приемные его. Яша Голин – у него 2 дочки. Он женат тоже был на полуеврейке. Отец русский, а мать, кажется, еврейка. Двое детей у него было. Одна живет в Крыму, а другая, оказывается, в Германии. Но он там никому не сказал, что он в Германию. Это ж видно уговорила жена. Он сказал, что в Крым. Это ж год, два. Когда я узнала, позвонил, я такси вызвала. Думаю, у меня друг сколько – с семидесятых годов. Я говорю: «Яша, я хочу с тобой попрощаться. Мы с тобой больше не увидимся». Он мне сказал. Он: «Майя, у меня твой адрес есть, я тебе напишу». А потом вдруг узнали, наши многие возмутились. Я говорю: «А чего вы возмущаетесь. Он уже в таком возрасте – за ним уход нужен. И за женой – жена большая».

---

<sup>1</sup> Холин А.И., донецкий писатель, один из участников донецкого подполья.



[...] И там (в Белом карьере) очень много [евреев было]. И водили ж их на уборку улиц. И когда приходилось быть – это уже 25-го этот карьер стали заселять. С октября, 25-го октября. 20-го пришли, а уже 25-го евреи там были.. [...] Это я вам точно. Цифры я все помню. И по 17 мая 42-го года. Последнего еврея оттуда убрали. [...]

### *Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] А вот я проходил, где кино «Комсомолец», а рядом за «Комсомольцем» – универмаг. Когда универмаг сожгли, пришел туда на второй, или на третий день туда – все сгоревшее, ни стеклов, ни дверей – ничего нет. Пусто. Поднимаюсь на второй этаж по ступенькам – раз, только на второй этаж вышел – лежит еврей. И горло перерезано. [...] Уже немцы пришли. Уже не выдержал этого состояния. Зашел туда, горло разрезал и все вопросы. Покончил жизнь.

[...] Наши люди к евреям хорошо относились, местные. Все. Может, кто-то там [плохо]. Но в общем мы говорим, в общем? В общем – нормальное. Как-то наши люди сожалеют – вот кто-то обижен, уже, видать, обязательно подло и низко. Так считали уже. Тем более мы так воспитывались, все ж были вместе. Ну и вот учительница у меня по немецкому языку – я у нее перед войной занимался, жила рядом, еврейка. Она летом меня готовила, подтягивала, мать ей или платила, или что. Ну, оставалась, не выехала. Приходит к нашей матери и говорит. [...] Ну что, пришли немцы в квартиру. И это самое, кинжалом золотой зуб выбили. Да, вырвали изо рта. Плачет, приходит. Приходит этот Белопольский, который старостой был, и тоже, значит: «Ну что, дурак я». Это лично я сам слышал, как он говорил, матери говорил: «Что же, было время, надо было уехать». Когда люди в революцию или когда тут тикали. Потому что немцы такие – мы им (Советской власти) не верили, что они такие. Люди никто не верили, что немцы издеваются. [...] Семейю отправил, только деньги туда к семье [посылал]. «И я приеду», – но не успел приехать. «Вот дурак я был». Ну а теперь что – около цирка там был карьер, такой. Да, Белый карьер, канава такая, яма была. И вот там они в этой яме в котловане жили. [...] Это поселок Нахаловка. Там люди понастроили хибары, собачники такие. Так их всех туда сослали. А в этих квартирах – кто хочет, тот и заселяйся.

[...] Наш сосед, у нас номер шесть – у него пять. Понизовский. Его звали Дуся Понизовский, а потом Коля. Ну Коля есть Коля. Улица Горького, дом 5. Они там были, и отец, и жена. [...] Там, где макаронная фабрика, там он работал. Ну так он приходит: попал в

плен, потом там где-то в какую-то семью. А потом к нам пришел. Не к нам он пришел, а в наш город пришел. Идет до своих родителей – у них собственный там дом, два брата жили. А там квартирант у них был – Лебедев, печник. И он стал хозяином этого дома – евреев же нет? И человек стал хозяином. Вот хорошо, этот вот еврей – при немцах приходит! Ты что? Его убивать надо, а он пришел. А он (*Лебедев*) его не принял. Короче говоря, я не знаю, как у остальных, а он приходит и говорит: «Меня там не приняли». Даже там его ночевать не оставили, не хотели рисковать: «Ты же еврей». Что там было? Факт, что он приходит к нам. Стучит в окошко, дождик там идет. Заходит – раскладывает всю эту музыку и остается. Мать его принимает. У него там все выкинули. Отец, рассказывает, уехал, куда-то. Нема никого. Один этот печник. При немцах хозяином стал печник. И опять же – мы его передеваем. И этот еврей приходится как сын матери. [...] Полная хата немцев – они меняются. Когда он пришел – их не было. Пришли немцы – а он у нас. Немцы заходят – это наша семья. [...] Дело не в том, что евреев поубивали всех, а дело в том, что этот печник с женой так и сказали немцам: «Тут еврей хозяйничает». А этот еврей же пленный, из плена идет, воевал против немцев: «Я ж военнообязанный». Ну побыл он у нас. Слава богу, что печник никуда не заявил. Он не еврея пожалел, своего противника, который хозяин. Логично? Он нас пожалел, этот человек. И ради нас спасся этот Николай Понизовский – будем так говорить. Добирался до наших своей дорогой. Пришло время – пришли наши, он приходит – уже офицер. [...] Добрался, уже вернулся, уже воевал. Возвращаются уже наши, освободили город Донецк. Ну а потом он остался тут жить, уже после войны.... Да. Ну а он ничего не говорил за того. Мы не говорили, никому ничего. «Здрасьте» – «здрасьте». Вот то и все. Так мы и жили, как будто ничего и не было. [...] Теперь все говорят – кто евреев спасал, льготы там какие-то. Та никто ничего, мы не спасали. Пойди и скажи: «Так было?» – «Да». Мы ж тогда не говорили. Это что получается – я хочу себе заслуги... А он сам должен был пойти и сказать. Язык отсохнет? Он знает, что рисковали. Вот такие вот вещи – люди рисковали. Спрашивается – за что или за чего? Оно ж не отражается [на них]. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Вот в начале меня потрясло. Вышел в город, дождь моросит. Сказали, что там митинг, а потом будут расстреливать. «Пойдем, посмотрим, расстреливать будут». Ну пришли, еще людей

мало, но ждут уже. Уже такую трибунку сделали, комендант должен выступать. Ну, стоим, смотрю, директор нашей школы с метлой, желтая повязка. Вот пытались отступить и задержали. Смотрю, еще там женщина еврейка подметает вениками. А там трамвайная линия проходит, потом там аэроклуб был. Подметают улицу. Так, думаю: «Елки зеленые, директор школы!» А потом их согнали и на Макеевке Западной их постреляли. [...] Сразу, как освободили<sup>1</sup>, их забрали сразу. Подчистую, быстро очень. И согнали их – лагерь был там, где Макеевка Западная, где казачьи казармы – вот в этом районе. И там их расстреляли, причем очень скоро. [...] Но они некоторое время жили в этих казармах. Ну они жили там как вроде в гетто. Но не гетто, а концлагерь фактически. [...] Сколько [погибло] – я не знаю, но не очень много. По сравнению с Донецком не очень много. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] Я, Цыганская Ольга, родилась и жила вместе с родителями в Мариуполе. [...] Отец работал где-то в магазине. Продавцом – я не помню, где-то вот здесь Новоселовка, где-то на Новоселовке работал продавцом. Мама работала бухгалтером. Она отсюда уходила работала в сельпо, в сельпо работала. И когда пришли немцы, мы думали выезжать, нам даже какую-то лошадь дали. Вот тут в сельпо мама выпросила эту лошадь. Но вот когда в сельпо мы начали нагружать эту [повозку] – ну там вещи конечно брать, то получилось так, что тут вошли немцы. У нас Мариуполь они взяли как-то знаете десантом. Очень быстро. Говорят, что Мариуполь тупик – море. А через море уехали там немногие люди, а так в основном [остались]. Очень много тут людей, евреев особенно, осталось... Не было возможности [эвакуироваться]... Ну а мы хотели выехать, но не удалось просто. И люди – я считаю, что... Вот заводы – «Азовсталь», «Ильича» – они же эвакуировали людей. А так в основном люди остались, потому что не могли выехать, не было возможности, не было возможности, да. Так что как вам сказать. Ну как мы жили? Ну жили как наверное. Ну, неплохо жили. Я была одна – один ребенок. Ну понятно, что старались мама и папа. У нас даже была и домработница – я помню, мама брала, потому что мама работала бухгалтером всю жизнь, и отец в магазине. Ну так, неплохо. Ну а потом – все осталось, все... 8 октября 1941 года немцы оккупировали наш город. Эвакуироваться мы не успели – мне в то время было 10 лет. И вот я вам хочу показать – вот это 10 лет, то,

---

<sup>1</sup> Имеется в виду «оккупировали».

что осталось единственное от довоенного моего вот это [детства]. (Показывает ~~фотографию~~). Я вот такой пошла на окопы. Прошла неделя и было объявлено, чтобы все люди еврейской национальности вместе с вещами явились в Полк<sup>1</sup>. Сейчас там находится Приазовский технический университет. Просидев в этом здании несколько дней без пищи, немцы погнали нас на окопы. [...] Были объявления. Сначала нас зарегистрировали. Ну, отец – по жилкомам, жилком же. А потом вот эти брали объявления вывешивали, что все люди еврейской национальности должны явиться в Полк. Что «вас будут отправлять» – ну тогда не в Израиль, а в Палестину – нет, не в Палестину. Я забыла, остров есть такой. [...] Да-да-да. Мадагаскар. [...] Люди верили. [...] 18 октября 1941 года людской поток, конвоируемый гестаповцами, двинулся к противотанковым рвам Агробазы. В основном это были дети, старики, женщины. Людей подводили к рвам и там их расстреливали. Это дорога смерти и вот мама, папа и я подошли к этому страшному месту. [...] Уже когда подвезли, когда мы стали уже слышать выстрелы, вот тогда мы уже догадались, догадались, что это расстрел. [...] Я видела немцев с какими то самыми страшными цепями, с этими. Они носили какие-то [бляхи]. [...] Помню, что вот эти собаки. Собаки мне запомнились и вот эти – они здоровые все мужчины и железные вот такие какие-то на них [бляхи], все это было. Ну они же боялись, наверное, что на них могут напасть. Мы стояли в нижнем белье и ждали своей пули. Мама решила, что сначала должна умереть она, потом я, а папа как мужчина должен умереть последним. Люди с безумными глазами прощались друг с другом. Они, кричали, прощались, в основном все прощались. Кричали и прощались друг с другом. Рвали на себе волосы. Вы понимаете, это, наверное, не передать. Это трудно даже пережить, что там творилось. [...] Бежали. Но тут же стреляли. Тут же стреляли. Что тут бежать было? Вот некоторые раненые падали, раненые. Если они замечали, они тут же достреливали. Вот Борисковский, он сейчас в Израиле. Вот его ж ранили – он потом выполз. Выполз, ночью. Прямо из груди вот этих мертвецов он выполз. И вот так он дополз, дошел до знакомых. Но у него родителей расстреляли всех, он сам, ребенок. В Израиле сейчас. Ну страшное, конечно, зрелище. [...] Наступили сумерки. Немцы решили ночью нас не расстреливать, а загнать в сараи, которые были почти рядом, а утром продолжать убивать нас. Нас погнали в сарай – мы хватали чужую одежду, ведь мы был почти все голые. И, прикрыв

---

<sup>1</sup> Бывшее здание штаба 238-го территориального полка, дислоцировавшегося в Мариуполе до войны. Ныне – здание первого корпуса Приазовского государственного технического университета.

свою наготу, бежали в сараи. Ну хорошо, когда нас завели, когда нас загнали в эти сараи, вот там мы конечно. Там ребята, видно, молодые были – нашли какую-то дверь. Она, видно, была плохо закрыта эта дверь. И они открыли и стали нам кричать: «Кто хочет, можете бежать». [...] Ну видно они (*немцы*) тоже [устали]. А ну целый день расстреливать столько людей. Видно они на какое-то время или уснули. И мы, видно, первые стали выбегать. Потому что мы – я, мама и папа – все остались живы. Понимаете, что некоторые – некоторым они предлагали: вот дети, предположим – тоже я могла бы уехать на машине. Они даже услуги свои предлагали: пожалуйста, детей и стариков – детей и стариков садитесь в машины. Они вот так семьи – чтобы семья распалась. А мама меня не дала, чтобы я села. Она говорит: «Нет, ты пойдешь с нами». И потом – мы немножко задержались. У нас был чайник, а в чайнике была вода. А мама: «Ну как это Оля будет без воды». Ну, понимаете. И мы вот остались из-за этого чайника. Мама говорит: «Мы будем просить у этого немца, чтобы он нам чайник с водой дал!» (*С оттенком презрения*). И мы ушли попозже, уже в последние ряды. Так бы нас уже расстреляли, конечно. Ну вот судьба. Я в судьбу верю как не знаю во что. И вот мы остались, ждали этого чайника, никто нам чайник этот не дал. Мать мне не разрешила, чтобы я села в эту машину. Если бы я села в машину – меня бы сразу. Привезли и тут же бы и расстреляли. Так же многих. А мы получились, что мы все втроем остались живы. А у многих мать там уехала раньше – ее расстреляли. Детей там расстреляли раньше. И это все. Некоторые не хотели даже уходить – решили: раз там расстрелянные, пусть и нас расстреляют... Видно не судьба нам была умереть... Каждый побежал к своим. Мы побежали к папиным [знакомым]. Вот этот Хомич – так он с папой работал. Он его хорошо знает. Так он – немцы прямо рядом были, а он нас пустил. Иван Иванович. И он нас спрягал. У него было двое сыновей и дочь. Рискуя своей жизнью и жизнью своих детей дали нам одежду, покормили нас и оставили ночевать... Царство ему навек небесное! Не побоялся, спрягал, он одел нас немножко. Все ж было в крови, все это... Ой, людей очень много хороших было. Очень много. Да если бы не было, мы бы никогда не выжили. [...] Может, правда надо было тогда какие-то новые документы достать. Но этого ничего не было, ничего. [...] Ну все равно, понимаете, у меня и отец и мать такие. Мама [...] она очень картавила. Видно было. Видно было, господи, что там не видно, что я еврейка? Но разговор, конечно, у меня нормальный. А так, конечно, было видно, что мы евреи. Я пробыла у них неделю, а родители ушли к другим знакомым. Прожили мы в Мариуполе дней 10 после того, как нас расстреливали. Ведь каждый

рисковал жизнью, спрятав евреев. Немцы вывешивали объявления: «Если у кого-то найдут людей еврейской национальности, все будут расстреляны». Мы прожили то у одних знакомых, то у других и решили уйти из города. Зима была очень холодная. Каждый день мы шли пешком из села к селу, из города в города. Зима в 41-м была страшная. Ночевать на улице было невозможно, так как могли замерзнуть. И каждый вечер мы просились на ночлег. Нас пускали, прятали, давали что-нибудь поесть, а утром мы отправлялись в путь. Трудно даже сказать, скольким людям мы обязаны были жизнью. Потому что нас пускали. Некоторые, правда, выгоняли, некоторые боялись. Вы знаете, все-таки увидев, наверное, ребенка они жалели. [...] Тем, что просили [тем и питались]. Кто что даст, кто что даст. Люди я не могу сказать... Большинство людей хорошо относилось и что давали, каждый что-то давал. Ну, кусок хлеба дадут – вы сами понимаете, что можно дать. Попали мы когда-то к старосте, к самому старосте. Ну мы ж ходим, постучим, чтобы нас пустили. А попали: «Нет, я вас не заберу, но и пустить к себе – я вас не пушу». Ну а так конечно трудно сказать – всех разве можно запомнить. Мы были и в Юзовке. Но там еще тоже евреев не расстреливали. Там мы побывали немножко, нам негде было жить. Вот ходили, ходили – вы понимаете, я помню тогда еще отец с нами был. Ну просто ходили. Нас же боялись пускать. Ну пустят – ну на ночь, ну на 2 – самое большое. А там же. Пробыли мы несколько дней в Донецке – но где, что. [...] Мы шли. Просто шли. Понимаете? Вот попали в Юзовку, потом в Артемовск. Ну у нас никакого не было определенного пути, мы шли. [...] Ну вот вы знаете, я вот из опыта того, когда мы пришли в Артемовск и стали рассказывать, вот в Артемовске – не верили. Не верили. Не верили о том, что так можно поголовно убивать всех евреев. [...] В Артемовске он (отец) пошел на базар. Надо ж было что-то питаться. Там нас кто-то пустил. Он пошел на базар. И приходит женщина и говорит: «Облава». Он видно дал ей, куда пойти – ну адрес же знал, где мы там жили. И она принесла. Принесла, что: «Фаня, береги Олю. Меня забрали». Все. И больше мы его не видели. [...] Когда в Артемовске стали собирать евреев, мы с мамой ушли из города, ведь мы уже знали, что их ожидает. Ну вот вы знаете, евреи вот не верили, не верили. Не верили, что могут всех вот так расстреливать. [...] Мы ушли из Артемовска. Я сказала маме: «Я больше не могу идти на расстрел». [...] И мама как-то согласилась. Правда, она говорила: «Раз отец тут погиб и мы давай тут погибнем». Но я не согласилась. [...] А я ее уговорила и мы оттуда ушли. Даже взяли мальчика лет 15 – Додик. Ни фамилии, ничего. Помню имя – Додик. Мать отдала. Все-таки мы одну убедили. Она говорит: «Пусть

он идет с вами». Додик. Так я между прочим и писала в Артемовск к этому главному в Хэсед<sup>1</sup> – может кто-то помнит или может он вернулся. Ну в общем ничего я об этом Додике больше не знаю. [...] Дошли мы до Харьковской области – это все пешком! Все в эту страшную зиму. В районе Барвенково [...] немцы нас забрали. [...] Нас забрали, требовали у мамы документы, но ведь все осталось на окопах. Документы то все остались, когда мы стояли, когда нас расстреливали. Очень избили маму, выбив все передние зубы. [...] Ну, по маме видно было [что она еврейка]. [...] Ну, я не картавлю, а мама очень картавила. Ну и я, конечно, похожа на еврейку, а мама еще больше похожа. [...] Ну тогда она в одну ночь поседела, совершенно. Вот когда нас расстреливали она поседела и, наверное, семидесятилетней она выглядела. Избили маму, выбив все передние зубы и отправили нас в село Богодарово, вот недалеко от Барвенково есть, в лагерь для военнопленных. Там были одни военнопленные. [...] Не расстреляли. [...] Вот вы знаете, судьба. Вот мы прямо ожидали, туда мы шли и думали: «Вот сейчас будет пуля». Нет и все! Там мы ждали своей смерти – мы думали, что там уже все, нас убьют. [...] Вы знаете, при немцах нам давали – вот такая баночка (*показывает*) – я ходила просила. И нам кто кашки даст, кто борщика ложку – то есть что-то мы ели. [...] А когда мы сидели в лагере, они же ничего не давали в лагере. Они меня выпускали, ребенка, – я вот такую баночку железную имела. И мне каждый даст одну ложку каши, другую борща. Ну, в общем, что-то я приносила и вот этим мы питались. Вот это выпускали, а потом впускали меня в этот лагерь. [...] Пробыв в лагере до конца 1942-го года<sup>2</sup> нас освободили партизаны. Вот был в 42-м году такой период в начале, когда они ну какими-то там местами, они, видно, они освобождали. Вот освободили это село Богодарово. Немцы отправили военнопленных, а нас оставили. [...] Их погнали, а нас бросили. [...] Освободили партизаны. Командиром сводных партизанских отрядов имени Сталина был Глухов. Он нам выдал справку. [...] Он выдал нам справку – это был единственный наш документ. Эту справку я восстановила, так как этому документу более 60 лет. [...] Это они нам давали, как документ. У нас не было ни паспорта, ничего. И вот это дали для того, чтобы мы или поехали, или. [...] В общем, куда мы будем двигаться, чтобы это был вместо паспорта наш документ. Решили на место проживания. [...] В начале февраля нас переправили через линию фронта. Лошадь, которая нас везла, была убита, а мы опять остались живы. [...] Вот этот Додик,

---

<sup>1</sup> Еврейская благотворительная организация.

<sup>2</sup> Правильно – 1941 года.

когда нас освободили, и вот эти вот партизаны – он пошел с ними, с партизанами. Ну я ни фамилии [не знаю] – Додик помню и все. Так бы хотелось, конечно [узнать]. Ну я писала в Артемовск – ну, может, кто-то есть. Звали его Додик. Может кто-то из родителей, из родственников. Ну мне написали, что нет такого. Он погиб, наверное, когда ушел с партизанами. Бог его знает. И родители тоже – родители ж евреи были. Наверное их уничтожили.

[...] Когда перешли [линию фронта] – нас, маму бедную, еще меня как-то не так, а маму – все считали, что мы чуть ли не немецкие шпионы. Вот, где документы, не верили бедной маме и допытывали – не дай бог, как допытывали. Ну вот эта справка, справка. Вот это спасла нас справка. Что нам дал Глухов, партизанский отряд, председатель. А больше ж нет. Или они вообще не знали, что евреев – черт его знает, расстреливали, или не хотели знать – я сама не могу понять. [...] Вроде ж сами видели, сколько ж людей вот так уничтожено было. [...] Ну тогда города еще не освобождали в основном. Но все равно знали, знали. [...] Я помню, в Воронеж мы приехали, нам дали 2 или 3 буханки хлеба, Этот хлеб, мы сиделись – у мамы вырезали бедной. [...] Ну вы знаете, мешки вот такие были. Добирались, мы помню, Куйбышев<sup>1</sup> проезжали, как сейчас этот город называется. Ну, короче говоря, так нас довели до Алма-Ата в Казахстане. И вот там в Казахстане – в Тургенево, мы не в самом Алма-Ата даже жили, а маму послали в сельпо опять же в Тургенево, такое село маленькое. Там мама работала. Я училась – какую-то малюсенькую комнатусечку нам дали и мы там прожили. [...] Я училась в школе второй и третий класс, в 43-м году освободили Мариуполь, а в 44-м мы вернулись домой. Забрали в своей трехкомнатной квартире одну комнату – мы в городе жили – и стали жить. [...] Ну разрешали тогда возвратиться, так что мы вернулись. [...] Квартира была занята. Ну соседи, которые до войны жили. [...] Они жили в одной комнате, а захотели жить в трех комнатах. Нам дали. Ну, правда, мы и не просили больше. Попросили одну комнату, ну у нас же ничего не было, что там ставить. Ну буфет, правда, там остался наш и шифоньер остался. Все допотопное. Ну а потом кровать железную какую-то купили. [...] Они не ожидали, что мы можем вообще вернуться. И вдруг мы вернулись. Они думали, что мы расстреляны там, и вдруг мы являемся. [...] Мы настолько были несчастные люди. Нам нужна была где-то комнатка, чтобы мы спали, ночевали и все. Нам этого ничего не надо было.

---

<sup>1</sup> Название города Самара (Российская Федерация) в 1935-1991 гг.



[...] Я написала в 7 классе или 8 написала «Самый страшный день в моей жизни». У нас русская учительница была, и я написала вот это, когда нас расстреливали. Она прочитала и вот такими слезами плакала. Русская женщина – учительница русского языка и литературы, она очень как-то на это среагировала, ну и показала. [...] Я ж работала 35 лет в школе учителем. [...] В последнее время я стала рассказывать [свою историю]. А до этого нет. А я потом только стала в классе рассказывать, что я пережила. Я потом уже в школу свою ходила и знаете там, на уроке – на 9 мая, на освобождение города меня звали несколько раз, и я рассказывала, что я пережила. [...]

*Цыганская Ольга*

\*\*\*

[...] У нас в нашем доме над нами квартира была пустая и это до приход немцев сюда поселилась семья. Поселилась семья – Шимко. [...] Он, Шимко Евсей<sup>1</sup> – отчества не помню. Он с семьей сюда переехал – откуда, мы не знали, ничего. Ну, потом, когда мы с ними познакомились – он русский, она еврейка. С документами гречанки. Ну остались в оккупации, в смысле перед оккупацией. И у них была девочка Тамара – такая, как я. Ну она, наверное, еще моложе меня была. И когда пришли немцы – он сразу с немцами в очень хороших отношениях и стал директором второй аптеки – которая в здания Первой горбольницы. Ну это ж мы потом узнали. Оказывается, он был оставлен здесь с заданием. [...] Ну, он инженер-химик, который был репрессирован в свое время и которого выпустили специально с тем, что он был оставлен здесь с заданием. И вот он вошел в доверие к немцам, он участвовал здесь в период войны [в подполье], по моему в 42-м году был взорван военный завод. [...] Так он, а потом профессор политехнического института – химик, я забыла, [...] Никольский<sup>2</sup>, да. Вот они делали какие-то взрывчатые вещества, которые сюда рабочие приносили, и взорвали завод этот. И он себя довольно вольготно вел здесь, но жена ж еврейка была. И внешне – типичная еврейка была. А документы были – Анна Васильевна Рябая, на нее были. Она с такими документами к нам приехала. И кто-то ж, видно, донес – и вот в один прекрасный день мы слышим: полицейские наши стучат прикладами в дверь к ним. А девочка с ними разговаривает, а они: «Открой...», – и так далее и так далее. А отца дома не было. А она открыла дверь и

---

<sup>1</sup> Член спецразведгруппы «Авангард» в Сталино. Известен также иной вариант имени – Елисей.

<sup>2</sup> Никольский Н.А., член спецразведгруппы «Авангард».

увидела, значит, немцев, и она выскочила и дверь захлопнула. Ну и мы ж, и кто был, начали, ну там же наш полицейский, что вот ребенок, отец вот во Второй аптеке, идите с ним разговаривайте и так далее. Ну, короче говоря, она исчезла – мать исчезла на несколько дней, а потом появилась и всю оккупацию она была здесь. Ну я знаю, как он им доказал? [...] На легальном положении. Но она никуда не выходила. Она 2 года не выходила из дома совершенно. Совершенно не выходила из дома. Причем у них на квартире жил немец – ну как жил – они не сдавали квартиру, немцы распределяли. Вот у нас была трехкомнатная квартира и они сразу одну комнату забрали и поселили своего офицера. И у них точно так. Так вот у них жил немец – начальник вот этого лагеря заключенных, что в клубе Ленина. Ну и пытался еще за ней ухаживать. А она говорит, что... Ну разговаривают – немецкий язык же и еврейский похожи очень. И она немножко [говорит на немецком]. Она инженер-химик тоже. Она немножко разговаривала на немецком языке. И вот то она ему говорит. Что-то он начал к ней приставать, она говорит: «Я еврейка». Он говорит: «Я б тебя сам застрелил, если б узнал, что еврейка». Вообще, очень такой жестокий, грубый – ужасный человек был. Ну как-то они там жили.

[...] Ну и в наш дом переселили – в 62-м номере дома жил известный доктор – педиатр Шелохович, еврей. И у них часть семьи эвакуировалась, а часть осталась. И он остался здесь. А он типичный, знаете, Доктор Айболит был. Такой с бородкой. [...] Старая интеллигенция, да. И с ним осталась дочка, которая приехала – они жили где-то на границе, и муж у нее был русский. Из Западной Украины они эвакуировались и здесь она с ним оставалась. И у них была девочка такого же возраста как я, Алла. И вот эта Света, Алла и я – это трое детей, которые остались в нашем доме, мы дружили в то время. Немка, еврейка и русская. Каждый же день встречались, и выходили, и все. [...] Ну вот в один из дней – мы ж каждый день выходим. Вышла Светка, вышла я, а Аллки нет. Идем посмотреть, позвать Алку. Приходим – дед дома. И говорит: «А Алочки уже нет». Их, эту семью Шелоховича из 62-го дома переселили. У нас оставалась еврейская семья – парализованная бабушка и с ней кто-то, в той квартире. Их с той квартиры немцы выселили сразу. Как только приехали. И к этой семье в эту же квартиру [вселили семью Шелоховичей]. И пришли ночью, забрали семью – остался этот дед, Шелохович, девочка эта и мать. Девочка эта утром с матерью пошла выяснять, куда же их забрали. И больше они не вернулись. Остался один дед. Деда переселили – сюда, здесь было еврейское гетто, не знаю, как оно называлось. Вот на Белом карьере – начиная от Цирка и до путей, где вот это вот сейчас. Жили же в землянках, это был карьер.

И были землянки, которые. В городе землянок было очень много, потому что возвращались в свое время те, кто был выслан в свое время. Им надо было где-то жить, и они закапывались в землю, делали крышу. И тут вот было такое жилье. Здесь было такое жилье, около нас, где сейчас Дворец «Шахтер» вот, спорткомплекс «Шахтер». Там тоже было. Там был кирпичный завод, и около кирпичного завода, вокруг – везде были землянки, везде. Там тьма людей жила. Тьма людей жила. [...] А здесь эти землянки были – я не знаю, кто там жил, но туда свезли всех евреев и деда Шелоховича туда вывезли. [...] Я думаю, что сразу уничтожили. [...] Они сразу погибли. [...] Я не могу вам точно сказать месяц, но это точно было с зимы 41-го на зиму 42-го года. Зимние месяцы – это совершенно точно, а в какой месяц – я не могу вам сказать. [...] Мы, конечно, погоревали, постояли, поплакали. Мы ж понимали, что это такое, мы же это все видели, понимаете. Нам стало – ну вообще жить стало страшно, страшно. Здесь оставался – вы, наверное, слышали – довольно известный врач Кауфман. [...] Тоже врачебная семья была. Он жил на 3-й линии. Там, где сейчас 3 линия, там и дом его, сейчас еще существует. Он в свое время, по-моему, заканчивал, по моему, в Германии получал образование, у него были взрослые дети. У меня даже есть где-то фотография его сына. Сын – один был врач, дерматовенеролог, с моей матерью вместе работал, Илья. А второй, Сергей, был по-моему не медик, в армии был. А сам Кауфман – он остался здесь, сам остался здесь, специально, для того, чтобы получить свои дома, которые у него в свое время – у них или его семьи кто-то позабирал. Ну, Советская власть, конечно. Не кто-то, а Советская власть. [...] Он их (*немцев*) ждал. И вот большой дом был напротив Первой горбольницы, где сейчас скверик. Где аптека вторая и напротив аптеки пустое место. Ну там сейчас построили магазин какой-то. А там был довольно большой дом – это был Кауфмана дом. Где-то на 3-й линии у него был дом. И еще где-то у него был дом. И он решил: «Как же – немцы культурные люди». Он их ждал, встречал с хлебом-солью. Кончилось тем, что они его избили и он. Я будучи еще ребенком – для нас это ж было дико. Во дворе, когда у нас Гензеля<sup>1</sup> – я сама видела, как он поднимал рубашку и показывал исполосованную спину этим Гензелям, жаловался. Ну как они реагировали – это я уже вам не могу сказать. И в конце –концов кончилось тем, что его конечно сбросили в шурф шахты. Это мне недавно, совсем недавно –

---

<sup>1</sup> Врачи братья Гензели, немцы по национальности, проживавшие в довоенном Сталино. Известно, что один из братьев в годы оккупации возглавлял отдел здравоохранения Юзовской городской управы, ушел с отступающими немецкими войсками.

день Освенцима был, и позвонил Семенов Лев Афанасьевич<sup>1</sup>. Вы знаете такого? [...] Вот он мне звонит и говорит: «[...] Ну расскажите. Вот был врач – я вот не помню». А был какой-то сбор – где шахта 5/6<sup>2</sup>, где сбрасывали в шахту, и он должен был там выступать. Я говорю: «Лев Афанасьевич, не надо его вспоминать. Он не патриот» Ну разные, люди были разные, понимаете. Он не патриот. Это человек не для выступлений. [...]

### *Ченик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Но я знаю, что в мае 1942 года всех евреев вдруг сразу вывезли – куда, что. Положение их было ужасное, конечно. Однажды я шла на работу. Что со мной было? Со мной было 2 пышечки из жженой пшеницы. Еврей старый мел улицу. И полицейский недалеко стоял. Это как раз – мост начинается, вот этот большой. [...] Раньше это Бальфуровский [мост]. Мост начинается, – а тут сразу идет асфальтик, что ли. Вот этот заборчик, который ограждает. Ну, там железная дорога идет. [...] И вот на этом месте как раз он (*еврей*) подметает – и так посмотрел на меня. А у него, извините, и сопли текут, и слезы текут. Видно, у него даже сил нет вытереться. И я взяла одну эту пышечку и дала. Как подсказывает полицейский. Во-первых, вырвал эту пышку и растоптал. Его в сторону отбросил, а меня ударил. Дулом. Вот в это место, ниже лопатки (*показывает*). Ранка была ничего, я пришла на работу – кровоточила. Потом долго болела. И долго-долго. Уже я в 47-м вышла замуж, а муж спрашивает: «А что у тебя тут за ямочка?» А я говорю: «Не знаю». А потом вспоминаю, я говорю: «Да это память». Вот сейчас она уже сравнялась, ничего нет. Вот такое. [...]

### *Червякова Валентина Игнатьевна*

\*\*\*

[...] Понимаете, мне было всего 6 лет и мне вот так, маленькими кусочками что-то запомнилось. Значит, что отец приходил. У отца был приемник, и он человек образованный, он знал, что идет война, он знал, что евреев убивают. И он приходил и говорил маме<sup>3</sup>, что надо

---

<sup>1</sup> Семенов Л.А., один из участников донецкого подполья.

<sup>2</sup> Иметсяя в виду шахта 4-4 бис в Сталино.

<sup>3</sup> Мать респондентки, еврейка по национальности, погибла в период оккупации.

эвакуироваться. Она не собиралась эвакуироваться. Они развелись, она боялась, что у нее вещи пропадут. А тут я заболела скарлатиной, я в тяжелой форме заболела, лежала в больнице. Даже чуть-чуть помню, это было в больнице Калинина, второй этаж. [...] А потом, они когда меня забрали – это август был. Все залито было дезинфекцией, и все у нас в подъезде было облито. Ну она боялась со мной эвакуироваться. Я болела. Уже вроде и из больницы забрали, но еще была очень слабая. А он уговаривал, что надо эвакуироваться. Он говорил: «Я помогу. Я буду эвакуировать свой кабинет маркшейдерский, ну и там кое-какие вещи. А Феню попрошу, чтобы она осталась сторожить квартиру и вещи». И вот это Феню прислал. [...] Феня была домработница, всегда домработницей, потому что мы всегда ходили в детский сад. Вот фотографии в детском саду. Она была именно домработницей. Она стирала, убирала, готовила. А как она могла быть нашей няней, если женщина вообще безграмотная. Если бы мы брали няню, то, наверное, более квалифицированную. Мы ходили в детский сад. Она была из деревни, очень такой человек, ну как вам сказать, забитый, что ли. Понимаете? Сейчас люди необразованные из-за телевидения более развиты. А она – нет. Но как человек она очень хорошая и добрая была. Она нашим воспитанием не занималась. [...] А вообще в последнее время он (*отец*) не разрешал с матерью общаться. Она же сына не отдала, он хотел сына забрать при разводе. И он обиделся, ну а потом эта Феня поселилась. Поэтому она оказалась с нами во время войны в одной квартире. Вот так получилось. Мать согласилась эвакуироваться, и он говорит: «Все было обшито, тюки какие-то, и бумажки были пришиты, что где лежит». Потому что видно много вещей насобиралось, потому что в вагоне, где его кабинет, там видно были его вещи. Я только не знаю, то ли мы должны были в этом вагоне ехать, то ли только вещи. Вот это я не могу себе представить. А потом получилось так. У него в уголовном деле была тетрадка, я читала, где он просил о реабилитации<sup>1</sup>. Что машины долго не было, а потом вроде его вызвал директор и говорит: «... Евсеевич, надо переиграть, надо в этот вагон еще один кабинет». Получалось так, что наши вещи уже туда не помещались. Он уже тоже был расстроен. Но, по-моему, мама этого не знала, не дошло. А вот что точно произошло, это были последние дни, это последний день буквально, потому что долго машину не давали, и он рассказывает, когда дали машину, никого не было. [...] А потом, когда он приехал наши вещи забирать -- все-таки

---

<sup>1</sup> Отец респондентки, известный горный инженер, из-за болезни оставшийся во время оккупации в Сталино, после освобождения города был осужден по обвинению в коллаборации с нацистами.

куда-то он или туда или туда [решил забрать], не знаю – должен был грузить эти вещи. Перед этим пришла соседка, Розенберг, не знаю, как ее звать. Она сама была русская, а муж у нее – еврей. И муж должен был эвакуироваться, договорился, а она не хотела. Она с сыном – а сыну вроде 17 лет было. И муж вроде эвакуируется, а она уговаривала мать остаться, чтобы было не скучно, чтобы вдвоем [остаться]. [...] И вот когда она видит, что мы уже собираемся эвакуироваться, она пришла и говорит: «Сима Яковлевна, куда вы собираетесь? Я была сейчас на вокзале, там грузятся на открытые платформы, в вагонах мест нет и под дождем грузятся люди на открытые платформы. Вы Риту потеряете». И вот это решило всю нашу судьбу. Это никуда не пришьешь, но это Феня без конца повторяла, она присутствовала при этом: «И что ты думаешь, Рита? Этого ничего не было, она наврала. Я потом узнала, этого ничего не было, никто на открытые платформы не грузился». А мама испугалась, забрала Августа<sup>1</sup>, одела, и убежала из дому. И все, и мы остались. А отца разбил радикулит, когда таскали вещи, и он не смог тоже эвакуироваться. Вот так получилось. Совершенно никто специально не делал. А эта Розенбергша на следующий день села в поезд и уехала в Саратов к матери своей. Все равно она здесь не осталась. [...] В общем, решила нашу судьбу вот эта поганая Розенбергша. Ну она потом вернулась и как ни в чем не бывало [жила]. А мы всю жизнь промучились. Одно слово решило всю трагедию, всю нашу судьбу. Вот сколько мы потом пережили. [...] Помню, как зашли немцы. И вот поэтому – что у меня запечатлелось. [...] А когда немцы зашли, была такая трескотня со всех сторон, был гул, ехали мотоциклы. Вот это я запомнила детской своей памятью. Везде трещало, все – страшное дело. Ехала, видно, какая-то дивизия на мотоциклах. А я вот сижу. Вот так вот ворота, а тут двор. А во дворе подъезд. Я забежала во двор – когда услышала, что они трещат. А потом я забежала в подъезд и забежала в квартиру. И вот это у меня на всю жизнь осталось. Мне казалось, что он сейчас будет ехать за мной, и обязательно заезжать за мной в подъезд и меня давить. Я не помню, что отец говорил матери, а вот это у меня осталось. Это, видно, от их разговоров, что он будет меня давить. А что потом, потом у меня все уже... С матерью мы несколько месяцев жили. Не помню, у меня стерлись черты лица мамы, самое страшное. [...] Они пошли на биржу труда устраиваться, потому что есть было нечего. Потому что всю жизнь, сколько мы прожили после войны, Феня вспоминала, что она, когда наши отступали, начали все тянуть: «Рядом хлебозавод был. И вижу, все тянут мешки с мукой. И я туда побежала». И она, здоровая,

---

<sup>1</sup> Брат респондентки.

молодая была, на своем горбу притащила мешок муки. Потом все с мусорника. Потом вот этот мешок муки вспоминали, я помню, долго. После войны. Ну а так жрать, конечно, нечего было. И они пошли, мама с Феней пошли устраиваться. Ну, отец оставил ей документы. Я не помню, как, что было. Это же уже после войны было, когда уже выросла, знаю, что были документы семейные, с самого начала. Говорили, что были документы, исправлены были. Исправил отец. Я точно не знаю, кто исправил. [...] Она пошла с русским паспортом, ну как, насколько он хорошо был исправлен, я не могу [сказать]. [...] Дело в том, что я вот не знаю, почему она пошла. Там работала ее подруга, близкая подруга. Не то, что там какая-то знакомая. То ли она узнала, что она там работает, то ли она пришла, когда увидела ее. Но она протянула паспорт ей. Подругу звали Антонина Скрыпниченко. Феня называла «Тоська». И умирала когда Феня в 92-м году, еще этого и близко не было, этих пенсий, ничего. И она говорила: «Пошли вы вон». И она лежала, [говорила]: «Рита, ты же не забыла: Тоська Скрыпниченко. Она повторяла все время. Она (*мать*) подала ей паспорт. А та, говорит, взяла этот паспорт в руки. А там же несколько было окошек, она могла кому-то другому подать. «Какая ты русская – ты жидовка. Всех жидов перебили, ты здесь еще шляешься». И пошла кому-то сказала. А она (*мама*) Фене сказала: «Бежим, детей [спасать]». И сама бросилась бежать в другую сторону. Но Феня побежала сразу нас уводить. А там кто-то видел, как догнал ее (*мату*) немец, схватил и потащил. И мы потом не знали, что с ней. Никто не знал. Мы ждали ее и в 45-м, и в 46-м. А может где-то в концлагере, может где-то она выжила. Но она не пришла. Вот так, мы ее больше не видели. Мы не знаем, где ее могила, ничего. Вот так получилось. А нас Феня сразу увела, спрятала на чердаке вот этого недостроенного дома, нашего же. Там отец часто ночевал, там была солома, все это. Вот там нас – а это же зима была, холодно, мороз. Мы там сидели не знаю сколько. Потом нас забрала Феня сюда, где мы жили. Там чердак замечательный, большой был. Туда на чердак. Мы пролазили. Брат так всю войну пролазил по чердакам да по подвалам. [...] Вначале мы сидели там на том чердаке, потом это [...]. Потом уже в конце 42-го года Феня договорилась с вот этими [людьми]. Единственные, кому она сказала... Феня же скрывала от людей, потому что сказали: «А...[так они евреи]». Потому что не все знали, что мы евреи, что мама еврейка. Понимаете? И я вот этот момент тоже запомнила. Помню как Феня села, говорит: «Риточка, ты же никому не говори, что мать схватили на бирже. Ты говори, что она пошла менять вещи и где-то, наверное, замерзла». Ходили же на санках в деревни менять вещи. Вот это мы тоже помним. Маленькая, а вот это я запомнила. Потому что нельзя





**Фото 6.** Плакат антисемитского содержания, распространявшийся на оккупированной территории  
USSHM, RG 31.010 M, reel 21.

[говорить]. [...] Я у Ольки<sup>1</sup> спрашивала: «Мама твоя знала?» Мама знала. Значит она ей, видно, сказала [что мы евреи]. Они меня в конце 42-го приютили. И я уже жила у них. Ну в этой же, напротив, квартире. А когда она (*мама*) побежала – Феня отвела нас, а потом она же знала, где отец живет. Она пошла вечером, значит, к отцу домой, вызвала его, рассказала, что случилось. Он сразу прибежал, исправляя документы, я не знаю. Он начали с Феней выносить вещи наши, детские – у нас подвал был. В этом же здании подвал был. Они из подвала вынесли все детские вещи и все материны вещи. И пришли с обыском в это время. Пришел немец и 2 полиция. Они все обыскали – шкафы, под кроватями. Потом показывают паспорт матери, говорят: «Тут проживает такая-то». А у меня отец такой очень интеллигентный, культурный, и он вообще врать не умел. Феня говорит: «Когда он стоял с ним, он был белый как лист бумаги и вот так дрожал, вот так». Но он вынул какую-то бумажку – я так думаю, что это было решение суда – и сказал: «Я с этой женщиной давно разведен», – и показал им

<sup>1</sup> Подруга респондентки.



вот этот документ. «И она здесь не проживала, и я не знаю, где она. Здесь я живу и вот это – моя жена», – показывает на Феню. И они ушли. И не искали в этой квартирке нашей. [...] Но после этого – Феня говорит – он никогда не появлялся на этой квартире. Он боялся – вы представляете, ну у любого соседа спроси – и любой бы сказал. Не потому, что специально, а просто бы сказал. Он не появлялся – может, они с Феней где-то там и виделись, но мы скитались как беспризорные и никому не нужные. Понимаете? [...] У меня такое впечатление. Я же вам с самого начала сказала. Может быть я ошибаюсь, но у меня такое впечатление, что все везде были враги. Спасали – были такие. Вот я слышала от людей, и там спасали, и там прятали. Но лично я трудно в это верю. Феня – это совсем другое дело. [...] Все дома были исписаны: «Бей жидов, спасай Россию!» Большими буквами. И только слышно было: «Юде, юде!» Это дети кричали. Во дворе, где я общалась, такое могли крикнуть только дети. Но это знали взрослые. Нет, мне кажется, у меня такое впечатление, что злого было во 100 раз, чем хорошего. А теперь все газеты исписаны: «В ямах сидели». Вы же знаете, что все говорят: «Евреи в ямах сидели». Где эти ямы были? Меня это настолько возмущает, что я не знаю.

[...] Чтобы сказать: «Ой, ни один еврей не спасся», нельзя. Были евреи, и евреи некоторые спаслись. Но по их критериям, как они пишут для пенсии, так я могу гарантию дать, что такого ни одного не было. Но, во первых там такое [написано]: дети до 18 лет, жившие на оккупированной территории по поддельным документам, но разлученные с родителями. Но извините, если девочке там или мальчику там 16 лет, до 18, подделали им документы или даже не подделали, отправили куда-то в деревню, где есть какие-то родственники. Ну скажите мне, какие это страдания, за что она пенсию получает? Сравнить можно с нашими или нет? А если бы под нас делали критерии, так больше ни один человек не получал бы пенсию. Ну вот такое пережить, чтобы мать расстреляли, еще и отца посадили. Это же ужас какой-то, нам же никто никогда не вспоминал, что у вас же мать расстреляна. У тех, у кого на фронте погибли, их же все уважали, им давали льготы. А нам нет, нам ни квартиры, ничего. Нам не вспоминали за мать, а только: «Дети врага народа». [...]

### *Ш. Маргарита Евстафьевна*

\*\*\*

[...] И у нас на нашем поселке была семья еврейская. И вот они пришли – я знаю одну последнюю [члена семьи], Тамара звать, она наша ровесница была. И вот, когда они зашли, полицаи к ним, она

стала за дверь, спряталась и стояла там. Они забрали двух ее сестер и мать. Забрали, увели, а она за дверь так и стояла. Потом вышла, когда они ушли, взяла машинку швейную и пошла по селам. Идет в село, шьет людям. Они ее кормят за это. Обошьет это село и пошла дальше. И потом, когда наши пришли, она вернулась и рассказывала, как она ходила. А сестер ее и мать забили. [...] Как же ее фамилия... Зайцева, Зайцева... Ее фамилия была, Зайцева. [...] Жалели, они хорошие люди были. Она была портниха – так она жила другой раз даже бесплатно, если у человека нет денег, так она пошьет и бесплатно. Они хорошие люди были, о них очень сожалели. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

## ГЛАВА 6

### «ВОТ ТАК МЫ ВЫЖИВАЛИ...»: ПИТАНИЕ, «МЕНКА», «ЧЕРНЫЙ» РЫНОК

[...] Я тогда сильно поранилась. Я упала и обеими коленками на ржавый обруч. Большие были раны. И ржа туда попала. Матери сказали, где живет доктор Вислоухов. Он, кстати, помогал очень партизанам, но это все скрывалось. Это потом мы уже узнали, что он помогал партизанам и лечил партизан. Его заставляли работать, он работал в госпитале. Он в немецком госпитале. Но не только работал там потому, что заставляли. Он там мог какие-то медикаменты немножко взять, чтобы лечить людей. И мать пошла к нему. И он пришел. Он осмотрел мои раны, промыл их. Он рассказал матери как лечить, дал ей какой-то мази ей. Ну, зеленка, йод у нее был – видимо запасы. Она женщина запасливая. Видимо запасы какие-то были. А все-таки медицинский совет ей нужен был. И раза 2 или 3 он приходил к нам. А потом – когда у меня тоже под коленом какой-то чирий вскочил, и ничего невозможно было – я вот так коленку брала, переставляла и прыгала за ней по квартире, я не могу ходить. Опять мать его приглашала – или он сказал, что делать, а потом сказал: «Как созреет, меня позовете». Так у меня был огромнейший шрам. Потом на руке мне подобное резали, уже в 60-годы. А там никто не резал, ничего – он такой прокол сделал. Было очень больно конечно, но всю эту дрянь он оттуда. Ну сильными мужскими руками он, конечно, выдавил, а потом мать уже. И приглашали его – трижды приглашали – когда Шурку санями переехали. Тогда мать пошла опять к этому Вислоухову – а он жил здесь, где Горгаз, недалеко от нас. Рядом с тем домом, который был разбомблен. Рядышком – его дом уцелел. Даже сейчас за 10 минут я прошла б. А тогда пару минут – и я уже там. Вот так обращались. А никакой больницы ничего не было. Больше лечились народными средствами.

[...] Ходили в село на менку. [...] Некоторые даже дверь не открывали, вернее калитку не открывали, и не выходили даже иногда. И в дома богаче мы даже и не стучались, потому что там не принимали людей на ночевку. Вот если комендантский час – не только по городу, по селу нельзя ходить в комендантский час. Понимаете? [...] Обычно все меняли, меняли. И хорошо, что у матери было много вещей. Если б не эти вещи, мы бы, конечно, с голоду померли. А так, конечно, вещей у матери было много, жили прилично.

[...] Для детей одно время выдавались [пайка хлеба], в 43-м году. [...] Маленькая пайка хлеба давалась – для детей. Именно для детей, не для взрослых. И раз несколько мать приносила ливерную

колбасу. В самом прямом смысле ливерную. Не печеночную, а ливерную. Это было настолько, где то уже. Я не знаю, но это было где-то весной 43-го. Было несколько [раз]. Причем этот магазин – он один - единственный был. Там до войны был «Детский мир» – и вот именно там, в бывшем «Детском мире», там маленький они открыли как бы ларечек. И то там нужно было выстоять за этой пайкой. Когда мы стояли, с Аней, так над нами еще хохотали, они стояли. [...] Но это было так недолго. Это они, я же не знаю, на издыхании своем, как говорится, уже уходя. Что, мол, не такие уж они плохие, помните о нас, мы и добрыми можем быть. [...] А вот в оккупации мы почти не болели. Мать на инвалидной пенсии перед этим была 2 года. Она страшно была больна – у нее была огромная грыжа. Куда она девалась, неизвестно? И тяжести таскали, и все. Это потом уже сказалось на склоне лет. И на мне, наверное, сказывается. А тогда... А на фронте ведь не болели. Это резервные силы, наверное, включались, какие-то. Были более глобальные какие-то вещи, которые нужно было сделать во что бы то ни стало – выстоять, выдержать, победить. Вот такие бы силы сейчас включить. [...]

*А. Луиза Венедиктовна*

\*\*\*

[...] Знаете, что я вам скажу. Вот идешь по селу – вот большая длинная Максимилиановка<sup>1</sup>. Меня отец предупредил: «Там посередине Максимилиановки дом, в котором ночлежка. Вот если останешься в этой ночлежке ночевать – значит тебя полицаи – приходят делать шмон – и могут поймать. Не заходи ни в коем случае в этот дом». Я говорю: «Хорошо, но я должен где-то остановиться, переночевать». – «Вот иди, – говорит, – увидишь поганую хату, очень поганую хату – заходи, просись, тебя пустят, переночуешь. А в хорошие дома не просись переночевать: или не пустят или еще и морду набьют. Который зажиточный дом. Понял?» Вот я по Максимилиановке, помню, шел-шел, потом такая немзанная хата была, я зашел во двор, просился, значит женщина небрежно одетая, грязная. Я думаю: «Тут переночую». А она плачет: «Ти що, і їсти хочеш?» Кукурузной дала мамалыги покушать. А в хороший дом добротный зайти: не пустят, как и жрать не дадут. Понимаете как? [...] По разному было. Единого сказать нельзя, невозможно. Наверное, разные люди, разные характеры, разные ситуации у людей. [...]

*В. Лев Григорьевич*

---

<sup>1</sup> Село в Марьинском районе Сталинской области.

[...] Я не работал, понимаете. И отец мой не работал. Мой отец, когда взорвали шахту, он больше не работал. При немцах он нигде не работал. Все. Мы тогда что делали – я, старший брат мой и отец. Вот то собрали вещи какие – и на тачку, поехали менять хлеб. Ездили поближе здесь, в Старобешево, Осыку, вот туда. Пока были вещи хорошие, тут меняли. Когда уже не стало этого всего, мы стали ездить дальше, в Гуляй-поле. Но это очень далеко. Мы поедем туда тачкой, там поменяем или чугуны, или еще что-нибудь. Ну, что было домашнего, мы все возили туда. Там меняли, хлеб получали, привозили. Мать оставалась здесь с сестренкой. [...] Сестренка была, Валя. Уже была. И опять ехали. Вот хлеба напечет нам, отдохнем неделю и поехали опять. И еще ездили до тех пор, пока было что. Когда уже не стало ничего, нечего продавать, тогда мы что [делали] – было у нас немножко муки, мать сэкономила, поехали в Артемовск. Там поменяли муку на соль. Эту соль мы на тачке из Артемовска приехали домой, отдохнули – и в Гуляй-поле. Отвезли туда, поменяли, купили пшеницу. Ну, поменяли на пшеницу. [...] Хлеб, муку, пшеницу – ну съестное это. Привозили, побыли – опять в Артемовск. Часть муки, часть зерна там меняли. Вот так мы жили. Вот это при оккупации мы так и жили. Отец не работал, мы не работали никто – вот это наша жизнь.

[...] Кто работал – тех снабжали. А остальные – ни копеечки. Ничего, даже вот такого кусочка хлеба не получали. [...] Я знаю, что за буханку хлеба можно было хороший костюм отдать. [...] Рынки работали полностью. Вот на Буденновке – там был рынок большой. Вот туда все съезжались, туда все привозили, там все, что хочешь. Как у нас сейчас на «барахолках». [...] Ну соль, я же говорю, мы возили из Артемовска. [...] Ну вот стакан соли продаешь, ну, меняли мы. Мерка на мерку. Говорим: «Мерка соли – 5 мерок зерна». Вот так. Или муку. Как договоришься. Разное. Постоянной цены не было. С кем как договоришься. [...] Соль шла хорошо. Краска. Ездили в Рубежное<sup>1</sup> за краской. Брали там краску, вывозили краску, соль и везли сюда. А там меняли хлеб. В основном муку, зерно. А зерно – у каждого мельница своя была. Или два камня с ручкой или же металлические. [...] У нас же были огороды. Мы выращивали овощи и все. Все выращивали. [...] Они (огороды) были и до оккупации. И потом же пустыри были, много пустырей. Пораскопали. Все ж это начали. Брошенные дома были, половина поселка аннулировалась<sup>2</sup>. [...] Ушли. [...] Кто в села уехал,

---

<sup>1</sup> Город в Ворошиловградской области.

<sup>2</sup> Очевидно, респондент хотел сказать «эвакуировались».

кто еще куда-то. Пол-поселка оставалось. И вот это копались в земле. Из-за земли только выживали. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] А в основном кто работал – вот работали в заводе. У нас магазин рядом был – были хлебные карточки, давали продукты бесперебойно. Давали бесперебойно. [...] Давали продукты, платили марки. Марки получаешь – идешь на рынок и покупаешь там хлеб, дополнительно. Если выменял – у колхозников базар был. На рынке можно было купить от блинов, пышек, пирожков – с чего только ни делали. Покупали, и баланду, суп и продавали – тут все на свете. В общем сами себя кормили.

[...] На этом же рынке – мы на нем фактически пропадали, потому что ж надо было что-то. Вот веревки делали, продавали. Приезжали из сел там, продавали, меняли. Дашь что-то. Тогда все на стаканы было. Стакан муки. А мука какая была? Вот то, что, значит сметал немец, когда молот муку. Они сметали все это – мучка так называлось, пыль. А там и помет мышинный. Мы все это просеивали. Это нельзя было жевать – это надо было пить, потому что песок. Вот это выменяет мать 2-3 стакана – делали затирку. Ели макуху, которую немец масло выдавил, прессованную макуху. Она заливала это горячим кипятком – ели, пили. А в основном, значит, света не было и рано ложились спать. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Страшное началось время. Все были в ожидании: сегодня прожили, а что дальше будет? А как жить? А чем жить? Ну что. При отступлении по возможности наши власти тоже там сжигали на железнодорожных станциях там элеваторы, там горелое зерно использовали, подсобные продукты. Благодаря морю мы еще тут рыбку имели. [...] Но я вам скажу, в то время на рыбку нельзя было рассчитывать. Побережье охранялось. Там рыбу нет (*не ловили*), там весь берег охранялся. Ничего не разрешалось. [...] Значит, за счет подсобного хозяйства, клочков земли [питались]. Значит, кабак садят, бурак садят – вот этим и питались. В совхозе тут яблочки. Но совхозы эти громадные, тут плодосовхозы были, они тянулись отсюда и до Старого Крыма. Город весь в садах был. Охранялись уже мотоциклисты немцы, полиция охраняла, а то, может, фрукты

доставали. А потом, значит, за городом давали клочки земли. [...] Давали при немцах. Небольшие клочочки земли, там вот то картошечка. [...] Вот так и жили.

[...] Торговые точки – я вообще не знаю, что здесь было. Были ли вообще что-то тут тогда. Но в основном действовал базар, рынок. Вот там все, все там на базаре было. И хлеб был – сумасшедшие, конечно, цены были. [...] Ничего не покупалось, нет. Денег я не помню даже. Ну, может, потому что это меня не касалось. Ничего не могу сказать, что там как там. Вот это если б мать моя живая была, она бы вам все более полно рассказала, во то, что касалось быта. Там кухни, еды. Я знаю, что только вот благодаря этому, за счет этого клочка земли [выживали], вот то, что я помню. А какая еда была? Господи. Если растительное масло – растительное масло, я должен вам сказать, примитивно делалось. Вот у нас на нашем поселке кустарная маслобойка была. Вот эта шелушилка, которая отбирала семечки подсолнуха. А потом в эти вальцы были, давили, а потом жаровня и пресс. Гайка и винт – вот так получали масло. Макуха вкусная была, она же не сильно выжата была. (*Смеется*). Вот это выручало: макушка, масло, а если еще где-то разживались пшеном, просом, да. Это суп – закачаешься. Какое там мясо – господи. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] И хлеб выпекали – плохой хлеб, хлеб нам давали тоже по карточкам. [...] И детям давали. Меньше, но давали. Давали хлеб. Но он такой, знаете, как глина. [...] У меня отец, он раньше в заводе работал. Он инвалид первой группы: и без глаза, и порок сердца. А потом он во дворе заметал, уборщиком был. Так вот то какой-нибудь немец даст ему папиросу, а за папиросой ходили по 3 километра. Вот немец идет, курит и за ним идет стая наших мужиков. А он бросит – ну другой раз бросит немец – и нечего, а другой раз бросит и вот так вот сапогом раздавит. Демонстративно. Так мать эту папиросу продаст, что-нибудь купит. Отец не курил у меня. Ездили менять – в села ездили менять. [...] Одежду, одежду [меняли]. Или там мать купит на базаре что-нибудь блестящее, как у нас Ленка<sup>1</sup> называла – наместо. Ну что-нибудь там в уши, что-нибудь. Потому что ж начали все что-то делать. Там мыльца купит на базаре, повезет там на ячмень, на что-нибудь променяет. Ну вот то мамалыгу сварит. Ну ездили менять. А дети оставались. А вши заедали, а вши заедали. Вот от нас в Курск

---

<sup>1</sup> Соседка респондентки.

соль возили – вот ее мама (*показывает на сидящую рядом подругу*), моя мама, еще кто-то. [...] Коляской, коляской, не поездом. [...] И камсу брали, камсу где-то ездили за Мариуполем брали. [...] Это же все пешком. Пешком. 700 километров, наверное, до Курска. [...] Идут менять и идут. 2-3 бабки собрались, где-нибудь на упад попросятся переночевать... Одна сзади, двое сделают как оглобли, две идут впереди, одна сзади.

[...] Меня водила вот сюда, у нас госпитали были, вот тут. Все мы у них просили – просили, просили, конечно просили, ну где ты возьмешь этот суп? Мать уедет менять – и воши, и все было. Она (*знакомая*) меня повела в этот госпиталь. Идем – а смотрю, она суп ест, а он же пополам с мясом, с тушенкой. Ну а у нас мать меняет. Ну что мы там сварим – какую-нибудь кукурузу. Ну, думаю, пойду. И вот представляешь, мне так хотелось! И раненые давали детям, потому что им уже надоел этот суп гороховый. У них все время гороховый, гороховый, гороховый. Вот как-то вот так у них все время гороховый. Мне очень хотелось – а вот попросить не могла! Вот не могла я попросить. И пришла – и ничего. Представляешь? А та принесла целую кастрюльку.

[...] Ну а ели макуху, господи, что мы там ели! А потом бабы тоже раздеты, разуты. У какого-то немца купят там одеяло. У них хорошие одеяла были. Юбки там понашили. А немцы как окружают базар – и все юбки снимают. И идут бабы голые. [...] Да потому [снимают], что в немецком ходят. [...] Немцы, конечно [снимают]. Или полицаи. Черт его знает. А раньше снимали, что из ихних шинелей. [...]

**К. Нина Демьяновна**

\*\*\*

[...] Дальше, значит: отец помер при оккупации. Я ездил менять, по селам. Брал барахло какое и тачкой, а зимой – санки, и привозил вот это. А Вера – сестра меньшая – она была с матерью, дома находилась. Я правда, не успел – отец просил перед смертью: «Дынь хочу». Я поехал менять, и доехал до Рутченково – в это время отца схоронили. Я не успел приехать, вернуться, потому что уходили менять на три [дня] – самое меньшее, а то пять дней и больше в пути. Тачку на себе тянули. Ну когда я приехал домой, тут говорят, так и так, отца схоронили, помер. Горе за горем.

[...] Зарплату давали и выкупали продукты. Карточки, все это. Паек давали. Там не то, что один паек для всех. Нет, забойщик там больше [получал], тот меньше. По категориям. И иждивенец, дети –



меньше. Точно я не скажу тебе сейчас, сколько, как было. [...] Магазин был, да. При шахте был магазин, на поселке был магазин. [...] Тебя же, карточку прикрепляли к этому магазину и они отоваривались. Уже в другом магазине ты не прикреплен – ты не получишь товар. [...] У них порядок был, у них там не было, чтобы там [не хватило]. [...] Хлеб покупали каждый раз, в день. Ну 400 грамм иждивенцу. [...] Ну по килограмму, по-моему, подземным. А в забое там еще больше. Вот такое дело. Ну хлеб бывал горелый, подгорелый, потому что многие элеваторы попалили и это зерно подгоревшее было, хлеб подгоревший был. Но никто не жалился и некому было жалиться, рады были и этому. [Получали] ну там сахару сколько там, махорки там. Потом вермишель, может, крупы какие-то там. Ну крупа или перловая, или пшено и... Ассортимент большой не был. [...] Мясо если было, то очень редко мясо, редко. Большинство на базаре покупали. Кто держал счет, тот убивал и на базаре вот-то отоваривались мы. А так, чтобы в магазине – не было такого, роскоши. А на базаре все было, и карточки продавали. [...] Да, продавали. Ну, разные люди были. У других вот свое подсобное [хозяйство], ему они не нужны 400 грамм хлеба. [...] Но видишь ли, высаживали кукурузу. На этой терке самой, на мельнице ручной крутили и лепешки делали, все это. Понял? Я менял что-то в селах, привозил пшеницу. В селах горища<sup>1</sup> трещали. [...] Да если бы не колхозы, хрен бы мы выжили. Колхозы, получали колхозники тоннами зерна. [...] Ну я менял, поэтому мы недостатка этого не имели. Конечно, на 400 граммов ты бы не протянул. Ну, заезжаешь к дому в селе. Ну они и смотрят, платье или отрез там, и вот договариваешься, сколько ведер пшеницы, сколько гороха или что [можно получить]. Это уже на договорных началах. И таким образом, значит, меняли. И на повозку, на телегу и значит, возили. [...] Зима, я вот это утром выхожу и до Павловки<sup>2</sup> [иду]. В Павловке я ночевал, 60 километров, пеши. Вера<sup>3</sup> же наверное рассказывала, что только я один мотался. Старший брат был на фронте, Надя отдельно жила. [...] И в Запорожской бывал, ходил я пеши. Под Мелитополь, Токмак, здесь близко в Донецкой области был. Уже не помню, какие села, черт те... Дело в том, что встречаешь, всегда спрашиваешь: «Где поменял, как поменял, выгодно ли или не выгодно». И вот туда направляешься. По слухам, по встречным слухам, земля слухом полна. Вереницами ездили менять, и вот если бы – я говорю – колхозы не получили [то

---

<sup>1</sup> Чердаки.

<sup>2</sup> В Сталинской области было несколько населенных пунктов с таким названием. Судя по описанию речь идет о селе Павловка в Марьинском районе.

<sup>3</sup> Сестра респондента.

было бы плохо]. [...] На горище у них было полно зерна, всего. Это во время оккупации. Я ж говорю, тогда селянам раздали много зерна, чтобы не пропало. Не попалили, немцам чтобы не попало. Всем селянам на горища, туда засыпай, забирайте урожай туда-сюда, чтобы спасти. Вот так было. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] А так вообще пасмурно было, люди ходят как-то все разочарованные. Ну что можно было – если нигде ни есть ничего нет. Только и того, что воровать не воровали. Немцы, видно, сильно преследовали за это. Вот воровать не воровали. Хотя менять, бывало, идем мы за 100 километров.

[...] В сторону Мелитополя ходили туда. [...] В ту сторону ходили. И вот шли люди вереницей, один за одним, с тачками. Правда, люди были – не сказать, как сейчас. Пускали и ночевать нас. Мы же и зимой ездили. Кормить не кормили, так меняли, тряпки, какие есть, поменяешь на хлеб вот и все. [...] То платье как-то, там где-то ведро, 2 ведра зерна тебе дадут. [...] За ситец больше давали. Поедем, 2-3 мешка наменяем и вот тянем эту тачку. Ну ночевали в степи, ночевали кругом – нас никто не трогал. И мы же с зерном ехали, и без зерна ехали с тряпками этими. Их же тоже можно у нас забрать. Или может некому было тогда, таких не было? [...]

*К. Вера Максимовна*

\*\*\*

[...] И в Днепропетровскую область ходили, и на Еленовку<sup>1</sup> туда ходили. Там же элеватор был, там же хлебный – туда ходили. На Пески<sup>2</sup>, за Пески – кругом. [...] Я знаю, что сестра – у нее был пиджак такой, теплый, утепленный – и она выменяла 5 буханочек хлеба за это. А за материал – вот понесешь материал – 4 метра, 3 метра – 2 ведра кукурузы дадут. Если там шерсти, то пшеницы ведро дадут. Смотря от качества шерсти, шелк. А за ситец дешевле. Дают. [...] Кукуруза, мамалыга. Теперь, хлеб пекли. Бурак, макуха и жменька муки – вот это вот хлеб. А оно ж не подходит, а оно как пышка.

[...] Все меняли. Все меняли. Но были здесь люди и работали. [...] Я ж говорю, дороги делали. Дороги ж строили немцы. В основном

---

<sup>1</sup> Село в Волновском районе Сталинской области.

<sup>2</sup> Село в Ясиноватском районе Сталинской области.

дороги строили. Рабочие-мужчины все строили дороги. [...] Паек, паек давали. Кушать давали – и хлеб, и крупу какую-то давали. И сахар – все давали. [...] Зять не работал. [...] Но он все время прятался – там какие-то трубы все. Он же молодой. Он с 23-го года это делал. Сколько ему было в 42-м году. И он все время прятался. Он в селе – мать из села, а здесь жила. И вот он то там – родственников много. И он то там, то там, то там. Он все время прятался. Приедет вот то – а потом снова уезжает. Потом здесь какие-то трубы – по трубам с мужиками прятались. Все время прятался. [...] У него мать портниха была и она обшивала девчат, которые с немцами гуляли. А немцы ж хорошо платили – они ж гуляли с девками. И эти девчата хорошо платили ей. [...] Очень много с немцами гуляли. [...] Почему? Кушать нечего было. А где ж они заработать могли. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Значит мы, пацаны, постарше конечно, – мне уже 12-й год, приспособились, на саночках стоим возле комендатуры, строгий



порядок был, как у таксистов. И вот выходит солдат – ему дали квартиру, дали адрес, но он же не знает куда идти, города же не знает (*смеется*). И он зовет нас: «Комм, комм» – «иди сюда». Мы грузимся на саночки, он и карабин свой кладет, и свой рюкзак, еще что-то. У офицеров чемоданы были. И мы его возем. Приводишь – хороший немец – даст буханку хлеба или пачку сигарет, или еще-что-то ну, ходовое. А плохой немец – пинком под задницу. [...] А потом началась весна. Мы этот извоз, конечно, на санках уже тяжело. Мы перешли на самокаты – самокаты были у нас. На шарикоподшипниках, платформочка, куда можно

**Фото 7.** Крицын Олег Демьянович.

Ноябрь 2010 г.

Фото из личного архива

Д.Н. Титаренко.

было лечь, и поворотный руль, чтобы можно было рулить. И вот по асфальту катались мы. Ну Первая линия была заасфальтирована, туда уже. Студгородок по Театральному проспекту был заасфальтирован, и мы там катались. А потом при немцах стали на этих самокатах возить. [...]

*Крицын Олег Демьянович*

\*\*\*

[...] Ну есть ходили – вот там где Бобер был, трехэтажное здание – и там жили немцы. Я помню, как мы ходили. Они с окна кричат, а мы стоим шеренгой. И вот он посмотрит, кому дать: тебе – нет, тебе – нет. И он потом, подойдешь к стеночке, и он там клетку выбросит, или суп выльет. А ты ж с этой своей кастрюлькой стоишь. [...]

*К. Лилия Николаевна*

\*\*\*

[...] Ну тогда чем занимались? Кормиться было нечем, воды не было. Воду в основном зимой из снега топили. Топили снег и вот это была питьевая вода. Процеживали ее через тряпочку, питьевая вода, и кушать варили. А питались, что – ходили по селам, меняли. Тряпки какие оставались, ходили меняли. Просили, побирались, так можно сказать. Мама брала меня за руку и ходила по селам. Вот эти все села – я в детстве все их своими ножечками прошла. Все обошла. Ну, побираемся, кто дает, а кто и не дает. То водички дадут, то кусочек хлеба дадут. Вот этот кусочек хлеба принесем и мы всем раздадим, потому что всех надо кормить. Вот этим питались.

[...] Не помню я этого ничего, чтобы мы где-то ходили, скуплялись. В основном мы питались, кукурузу мы наменяем, свою папа мельницу сделал. [...] Ну кукуруза дешевле была – больше всего кукурузу меняли. [...] Мы на этой мельнице перетирали кукурузу и мама лепила лепешки. Ходили мы по степи, где вот это картошка колхозные [поля] были, картошку мы эту собирали, уже гнилую. Перемерзшую соберем, натолкем, блинчики напекем с этой картошки. И такие вкусные были блинчики, что и подерешься за них даже. А если принесет кусочек хлеба, так даже отметинка у меня осталась. Хлеба хотела украсть. Кусочек хлеба был, мама ушла и сестра Аня. Она через Днепр, где-то в Запорожскую область ездила, туда возила. В общем, ее посылали по заданию. Листовки она туда возила или что она туда возила, не знаю. Ее не было. Папа уехал в Мелеевку. Он работал

там и там же организовывал подпольную организацию. [...] В Мелеевку. Село Мелеевка. Марьинский район. Я знаю, что там Комарь, Богатырь. Вот там тоже ходили мы по тем селам. Вот там Мелеевка, потом Павловка. Те села. Ну а кусочек хлеба оставался. Я хожу, говорю: «Нина, ну дай кусочек хлеба, я есть хочу». – А она: «Сейчас мама придет, всем разделим по кусочку». Не дает. Я думаю: «А, сейчас я возьму немножко, отрежу». (*Смеется*). Наверное, бог наказал. Взяла кусочек, стала резать и палец отрезала (*поранила*). Вот только «бах» и упала. Сознание потеряла. Обморок. Пока поднялась, очнулась, слышу, она плачет: «Моя сестричка, не умирай, лучше б я тебе кусочек хлеба, чтобы только не умирала». Я поднялась. Она: «На, ешь». – Я говорю: «Не хочу я уже и хлеб есть. Пусть мама придет, потом и поедим». Перехотелось. И то по кусочку делили, по маленькому, что достанется. Не достанется, так ходили. Вот так мы питались. И так почти все население у нас. Ну кто тут. Все почти так питались. Ну в основном ходили по селам. Села выручали.

[...] А так кругом находились немцы. Ну немцы какие? Подойдешь, есть же хочется, они же котелками тарахтят. Обед у них. Бежишь под окна: «Пан, дай есть, дай есть». Кто кинет хлеба кусочек, кто не кинет. Вот то детвора соберемся вокруг них. Ну в это время и листовки разбросишь. Бегаешь, листовки разбрасываешь. Хлеба просишь и разбросишь. А один раз кричали-кричали – сестра научила по-немецки, в общем, нехорошее слово, ругательство. Ну я ж тоже детвору научила: «Пан, дай хлеба», – по-немецки будем говорить. Начали кричать, они как всколотились, как начали ругаться. И пулеметы, и по нам стрелять, по пяткам по нашим стрелять. Ну, как дернули, думаем: «Что ж такое, по-немецки просим хлеба и вдруг, и вдруг они стреляют?» Разбежались, кто куда. [...]

*Митина Роза Никитична*

\*\*\*

[...] Питание, конечно, было ужасное. [...] Каждый месяц давали бутылку масла растительного – пол-литра, и давали хлеб – по сколько, я не могу сказать эту норму, но я очень хорошо помню этот хлеб. Это из прожженной муки вместе с шелухой и все на свете – такое, что оно и кучей не держалось – такое разляпистое. Вот. Ну, вот это вот давали. Конечно, жили не этим, а ездили менять: у каждого же были вещи, были отрезы, ценные вещи. Ездили в село.[...] Зарплата, что она имела, ценности никакой. Я даже не помню, чтобы мы получали деньги, а вот масло и хлеб я помню очень хорошо. Этот хлеб, который сейчас, наверное, и мой пес есть не будет, не то что...

Ездили менять. Менял как: тачку, вот, на двух колесах, ну тачка, вот на колесах – коробка передвижная. Вот, ездили менять. Что-то поменяем – привозим, покушали и опять поехали. Вот так питались. [...] Ездили в села – очень далеко, очень. И в Днепропетровскую область, и в Запорожскую – далеко ездили. Там где села – в селах оставалось еще что-то, а на шахте, что там могло быть. [...] На рынках тоже привозили, но продавали. Кто-то больше мог поменять, кто-то меньше. А так как у нас такая была семья, что там продавать. Еще когда привезут, 5 ртов, 6 ртов голодных. Вот смешно сейчас вспоминать. Вот моему брату Геннадию – 39-го года рождения. Мы так смеялись уже потом: он не знал, что такое сало, что такое сало, что такое масло. Ну ребенок – не давали и не знал. И вот когда стало легче, да, уже когда нас освободили, где-то мама купила или принесла – я не знаю, а приезжали родственники военнопленных, которых освободили, и оставили сала кусочек. И он подошел и говорит: «Мама, что это?» А мы взяли и подшутили: я и брат, который погиб: «Гена, это лягушка». Ну, детвора. Вы знаете, у него в памяти так и отложилось. Сало он так и называл «лягушкой» – он не видел, не знал. Вот так жили. [...]

*П. Александра Григорьевна*

\*\*\*

[...] Ходила немецкая марка, деньги. Не знаю, где их брали, кто их там – но ходила. Такие марочки немецкие, на рынках было. И вот в этот 42-й голодный год, много рабочих из Горловки – ну из шахт, из городов – шли менять. Тогда меняли – все меняли. Люди несли одежду, обувь, у кого часы там. Ну у кого там что более-менее ценное – все шли туда на запад, до Запорожской области, по селам меняли продукты, хлеб. И у нас их много здесь заходило – табак немецкий меняли, немецкие сигареты, «Популар» назывались – крепкие такие, потянешь. Так я не курил, но когда-то посмыкал (*покурил*) – так я упал и лежал как муха. Вот то такие крепкие. Вот это все был товар для обмена. Ну и все-таки как ни много было и полицейских – в одном селе нашем 6 человек – а все равно бандитизм был. Вот этих меняльчиков встречали, забирали, обирали их. [...] Было все равно и такое. Хотя говорили: «Немцы, вон повесили там петлю, что все, будут вешать». Та, русских не испугаешь той петлей. Все равно были такие случаи. [...] Я слышал, что некоторые полицейские тоже этим делом занимались. Не все забирали, но кое-что отбирали. Но утверждать я не могу, потому что я не видел и у нас такого не было. Но слышали – что там, что там [грабили]. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] Приходилось собирать очистки картофеля, мыть их, варить, и обдирать тонкий слой картошки, и вообще находить что-то съестное, если так можно выразиться. Дед нашел где-то серу, стали всей семьей делать спички и по 10 штук, перевязанных, продавать на базаре. Дед стал делать скамейки, табуретки и с бабушкой тачкой ездили далеко и меняли на пшеницу, пшено, картофель, а с весны пошли огороды. Огород был за 7-8 километров, в степи. Пешком с инструментом на плечах, с водой и скудным питанием туда, там работа до изнеможения, а потом обратно. Так мы и жили. Дед сажал самосад и продавал наперстком. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Тогда магазинов не было, покупали на базарах. Тем, кто работал, отоваривали – давали масло, крупу и хлеб. [...] Цены не знаю, а вот на базаре я знаю. Литровая бутылка масла – 450 марок или рублей. Они и то и другое шли. У меня мать сельмачиха, торговала. И я помогал ей – били масло, оставалась макуха. Макуху себе, а масло она продавала. Ну выручка была. На саночках привезут. Приходит немец – вот говорят: «Немец придет». Чтобы он взял бесплатно (*эмоционально, отрицая такую возможность*)! Вот 450. Я знаю точно – тогда тысячи были. Взял бутылку, заплатил марки. У них же марки были, а у нас [рубли]. Но ходили и те и те. Но были вот случаи, забирали в Германию – окружали. Часто делали панику. Вот 2 раза я же помогал матери возить. Сижу – бегут: «Что такое?» – «Да немцы в Германию забирают». А уже ж был 43-й год, перед отступлением. Ага: глянешь – нет никого и ничего. А то есть такие – точно как колоски собирали. Сумку привязываешь на веревку и собираешь. Набрал сумку, идет: «Объездчик!» (*имитирует крик со стороны*) – и сам бежит. Ну пацаны же такие [вредные] были. Женщины, бабки и пацаны – мужиков старых и не было, потому что те, кто остался, работали на шахте, на «Гиганте»<sup>1</sup>, например. Вот ты бежишь – глянешь, нет никого, а он специально наберет, насобирает. А другой раз правильно – глянул, а он (*объездчик*) несется. Ну что – он не бил, а только мешки забирал. Но это русские были. Бывало, наберешь пшеницы. Домой приходишь – мешок палкой колотишь. Зерно вывалил, потом просеял. Идешь. Мозговые ребята были и тогда и сейчас, мельницы, маслобойки делали. И вот кирпич, два кирпича,

---

<sup>1</sup> Ныне – шахта им. Е.Т. Абакумова.

сыпешь туда в банку, отдаешь литровую банку ему и мелешь. Вот так мы выживали. [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] У меня собака Кама была. Брат готовил ее на границу.[...] Ну 42-й год, уже где-то октябрь. Уже огороды убрали. Зима подходит, а есть нечего. Ну Надя Талалаева и Эрих выбили мне на 5 дней как отпуск. [...] Была тачка. Поехали мы в Розовку<sup>1</sup>, в Валерьяновку<sup>2</sup> – что-то мать собрала. [...] Ну и Кама с нами. Идем в посадку, ждем уже под вечер. Она побежала в посадку, притащила мне мышь. Я говорю: «Кама, я это не ем». Я если ложусь, на колени она мне ложилась. Она видно восточноевропейская. Окрас не черный, а серый, с подпалинами. В первый дом зашли слева – во дворе выбиты шляпки из-под семечек. [...] Утром вышел хозяин: «У меня незваные гости». Мы извинились, так и так. Он ничего, дал нам семечек. Глянул сразу на собаку: «Дивчинка, это твоя собака?» – Я говорю: «Моя». – «Отдай ее мне. Она у тебя в городе пропадет». – Я говорю: «Я не могу ее вам отдать». Вынес. Я пока не разрешила – хоть голодная, она не стала есть. Поела. Пошли ж мы дальше. Пришли в Валерьяновку, пришли в Розовку. Там где-то ночевали, тот в сенях нас положил. И тоже просит: «Оставь». Хохол такой противный, этот хозяин. Утром я встала – Камы нет. Я говорю: «Хозяин, а где моя». В сенях мы спали. – «Она, мабуть, додому сбежала». – Я говорю: «Она не могла сбежать». – «Не знаю, не знаю». Пошли мы, первая Розовка, а то Валерьяновка помоему. Назад идем – а я ее свистом звала. Она как завоет – уже на цепи сидела. Видно, соблазнилась супом или борщом. Я захожу – и хозяин вышел. Я снимаю с нее ошейник: «Хозяин, так моя собака пришла?» Он ничего не сказал. – «Пошли, Кама». Пришли мы опять в этот двор, в Еленовку. И опять переночевали в этом дворе. Хозяин пришел. Ну что – ничего не выменяли. А что там, какие тряпки, нечего ж менять. Он говорит: «Я тебе дам за эту собаку 2 ведра кукурузы. Это очень большая цена». Я плачу. Шура говорит: «Маина, отдай. Что вы будете с матерью есть? Это раз. Немцы ее все равно застрелят». Он ее кормит. Она слушает, что разговор за нее идет. Я плачу. Говорю: «Дайте мне ведро картошки и ведро кукурузы». А я очень картошку любила и люблю до сих пор. И давно ж ее не ела. А он говорит: «Хорошо, девчонка. Я тебе 2 ведра кукурузы и ведро картошки дам. Оставь».

---

<sup>1</sup> Вероятней всего, речь идет о селе Розовка в Запорожской области.

<sup>2</sup> Село в Волновахском районе Сталинской области.



Она бросила – она уже поняла. Она бросила есть, положила мне лапы на плечи – я плачу. Облизывает меня. Я говорю: «Кама, ну ты ж здесь живая останешься, ты ж там пропадешь». Плачу вовсю. Он вынес, в тачку все положил. И килограмма 2-3 семечек дал. – «Только ты сама надень ей ошейник». Как же она выла. Мы идем по этой улице – а я вой это слышу. И у меня этот вой в ушах – вот чувство. Это ж не только друг – собака ж и друг мне. Я плачу навзрыд. И когда в 43-м году Сережа<sup>1</sup> приехал с границы, он: «А где Кама?» Он недопонимал, что мы голодали. Он все-таки был сыт на границе. Он: «Как ты могла ее променять?» Я пришла когда домой. Он: «Поедем, заберем». – Я говорю: «Нет, Сережа. Он хорошо заплатил. Я не могу это сделать». И когда домой пришла, мать сразу: «А Кама где?» – Я говорю: «Вот Кама, вот это вот кукуруза, а это картошка». Она 2 картошки мне сварила, я говорю: «Мама, я не могу ее есть, я друга продала». Но Сергей был. Я говорю: «Я не могу, я не пойду». – «Покажи мне тот двор, я ее заберу». – Я говорю: «Нет». Он не понимал. Мать когда достанет там кукурузы, буряка сварит, где-то кукурузы. На это бурячном отваре – как, черт назывался. На этот бурячном отваре мамальгу сварит: «О, вы такую вкуснятину ели». Я говорю: «И еще голодали». До него это как-то не доходило, недопонимал это. Господи, все было, все было. Вот так пересматриваешь свою жизнь, где ошибок наделала. Где как поступила. Я до сих пор не жалею. Хотя как. Я ж предала Каму своего рода. И в то же время думаю: она хоть жить, наверное, осталась. А у меня б точно убили ее. Кто его знает.

[...] Воду мы весь 42-й год и зиму носили с криницы. А потом тут ставки тут на Одиннадцатом<sup>2</sup>, там болото – пробивали. Она вонючая – вонючая вода была, кипятили, мать ее цедила, а то снег топили. А потом колонка – где-то наверное в 43-м году, и непостоянно вода была. Эти ж точки – парикмахерские эти ж были. Были фотографии, мы еще фотографировались с нашей группой. Были парикмахерские. У меня коски были. Но такие, я пошла, а один немец подстригался, и так просил: «Не отрезай, девочка, медхен, не отрезай волосы, не отрезай». Ну, волос такой [хороший]. А мать с кем-то ушла в Кременчуг табак менять. А табак продавали. Я ж одна, я тем временем и воспользовалась и отрезала эти косички. А он так просил: «Медхен, не надо». Пожилой такой. «Не нужно». И вот тут кампания<sup>3</sup> у нас была – связисты. Они носили стирать матери. Мыло – брусочки. Потом узнали, что это с лагерей, это ж, наверное, с этого жира. Не

---

<sup>1</sup> Брат респондентки.

<sup>2</sup> Поселок в Сталино.

<sup>3</sup> От немецкого слова «Kompanie» – рота.

знаю, оно как глина было. Кто его знает, я не знаю. И что-то мы могли свое [постирать]. А каустиком нас рабочие с коксохимзавода снабжали. А расплачивались – или кусочек хлеба, или похлебку, гороховое пюре – до того вкусное было, до того вкусное. Видно, концентрат. Вот я варила горох сколько – нет, все равно не то было. И немец один просил – а у меня ж вышитая украинская рубашка, тетя Фрося [подарила], очень красивая рубашка была. Он ее у нас выменял на продукты. Что-то давал. [...] Выменял. Тоже пожилой, он увидел, выменял. Просил. [...] А моя красивая – цветными нитками уже была, уже мулине была. Очень красивые рукава были и все. А так заходили, что нужно – брали, не спрашивали. Продукты брали. Забирали без всякого. Приходили по-хозяйски.

[...] И там я заболела сыпным тифом. Пришли, я говорю: «Маша, я не могу работать. Маша, что-то я совсем ослабла». – Она говорит: «Ты только держись. Только держись так, а я сама буду вагон толкать». А я уже после перерыва не могу подняться с рихтаков. Ну Мария пошла, сказала Юзефу, или Герману<sup>1</sup>. Врач у них был... Пришел врач, посмотрел и говорит: «Я тебе таблетки дам». – Я глянула – термопис или что такое. – «Иди домой, дня 3-4 наберись. У тебя дистрофия». И вот я шла с часу. В 6 часов или в 7 меня девчата возле Дворца<sup>2</sup> догнали. Шла, ложилась на дорогу. Лягу, полежу, потом опять иду. И возле Дворца они меня нагнали. Ну день проходит – мне не лучше, второй. Дворик у нас – бузина, сирень. Мать вынесла, постелила мне. Я «Войну и мир» вытаскиваю. А боялась очень сыпным тифом заболеть. Мать рассказывала, как в гражданскую войну семьями вымирили. У тетки моей 5 гробов за один день вынесли. [...] Я руку достаю – а по мне высыпало. Я как закричала. Я говорю: «Мама!» – Она выскочила, я говорю: «Мама, у меня сыпной тиф!» – Она: «Успокойся, успокойся». Сразу вызвали – ну какая-то поликлиника была, Софина. [...] Она глянула: «Тут сыпной тиф». – Я ж говорю: «Я не могу завтра на работу, в лагерь сошлют». – Она говорит: «Какой лагерь. Какая работа? Везите – вот направление на Лидиевку в инфекционное отделение». [...] Вот туда меня с Ксенией Комаровой отец лошастью вез. На этой лошади меня повезли. Ксения Комарова, мать моя. Привезли. Тут Татарская врач была – очень кокетливая. [...] И она нас приняла туда. Воду брали – вот эту воду с шахты, рывчаки, эту воду приносили. Я еще в сознании была. 2 одеяла – меня морозило, я как-то разорвала, а эти одеяла вшами прошитые.

---

<sup>1</sup> Руководящий персонал в организации Тодта, в которой работала респондентка.

<sup>2</sup> Дворец культуры им. Франко в Сталино.

Вот такие белые вши. Я говорю: «Няечка, вытрусите одеяла». Хоть сгребай их – куда? Мать принесет – я говорю: «Мать, неси воду». Тут воды нет. Тут давали пить, убирали. Обход сделали, закрывали окна – и мы сами себе предоставленные были. Потом уже сознание потеряла. В общем, я там лежала, наверное, с 20-го – у меня справочка этой больницы еще есть – с 20-го июня по 26-е июля 43-го года. Ну вот то выкарабкалась я оттуда. Она (*врач Татарская*) выписывает. [...] Тут у нас Яковенко был – заместитель председателя нашего райисполкома. Его сестра Валя была [со мной в больнице]. Вызвала нас, говорит: «Вы мне на двоих курочку принесете. А я вам тогда справку дам, чтобы вас в Германию не забрали». Это уже август, 43-й год. Ну куда. Приехали мои подружки на тачке, забрали меня, привезли. Я села. Я поднялась – и хлопнулась. Я не могла ходить. Потом – при них не могла. Они уйдут – а стол посередине стоял. Я училась ходить вокруг этого стола. Ну вот то ж отошло в августе. Валя эта пришла, а этот Николай Иванович пас – козы у них были. Бутылку молока козлиного [принес]. И родители наши купили курочку ж на двоих. И мы рано утром вышли. На Лидиевку ж. И мы шли-шли – в посадке посидели там. А курица эта, видно, получила солнечный удар и как околела. Глянули, когда пришли в больницу – а она дохлая. Я говорю: «Валя, ну что ж нам делать, она нам справки не даст». И я – тогда ж кстати воду дождевую собирали. Вот эта вода нас выручала – в стирке и все. Она схватила эту курицу, раза 2 в эту воду окунула, зашли в коридор – и бросила в коридоре. Заходим к Татарской – уже не помню, как звали. Она говорит: «Курочку принесли?» – Она говорит: «Вон, в коридоре лежит». Она пишет нам справки, курица та отошла, как закудахтала, как побежала по коридору. Ну мы тут уже отошли. Ладно, разделились с этой Германией. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] А потом уже – кто хочет умирать, если хлеба давать кусочек? Люди шли по деревням. Здесь же уже не берут, чтобы донести товар. Нате этим людям, буряки. А дальше, дальше люди уже замерзать пошли. Тачку возьмет – уже не мог везти. Умирили там в степи кругом, помирили. Вот так. В деревню приходят немцы: «Яйца, курка». Ему ж надо чем-то жить. Кабана если что где забирали – у людей недовольство. Вот такое думали или поменять. А пленные шли! Это мы были в деревне – там придем, там тетка. В общем, дадут буряков или еще что там – мы вот так вот и перебивались. Пленные идут день и ночь. Никто их в плен не брал. Вот только узнавали, кто,

где, откуда. Дай водички попить – ну как ты человеку воды не дашь? Дашь. Он же не просит хлеба. Уже приходит – тут еще меняли, а потом уже, когда менять далеко не каждый мог пойти. Тут уже поменяли – ничего тебе не надо. «Ну скажи, что тебе там принести? Я хочу, чтобы ты мне принес хлеба. Что тебе принести?» – «Принеси мне колючей проволоки». – «Зачем?» – «Чтобы от вас отгородиться. Вы тут надоели. Только и стучите и стучите целый день». Так эти пленные – им же неудобно: «Дай водички попить». Там даст или не даст? А может и даст. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] И остались голодные и холодные. Люди ездили, из горелой пшеницы хлебушек пекли. Давали очередями. Очереди были. А жить все-равно нечем было. Тяжело было всем. Не только нам одним, а все люди так. Ну брали какие-то лохмотья, тряпье и везли в близкие совхозы. Меняли на пшеничку, на кукурузу, на... Вот на такое. В последний раз, когда у нас немец уже был. Он пришел где-то в октябре, немец. Мы мало в школу ходили. Ну куда деваться? Некуда деваться? Спасаться надо как-то. Ну и что – ходили, хлебушек этот несчастный горелый ели. [...] Наши когда отступили, немца еще не было, нам из горелой пшеницы – это элеватор на Еленовке, его сожгли, эту пшеничку, нам ее давали. А потом уже питались – когда немец пришел, надо было уже ходить менять. Нам хлеба уже не давали... Кроме того, что променяли на тряпье, в деревнях, в колхозах, этим и жили. [...] А папа – работать же надо было – пошел на химзавод работать. Это уже при немцах. Ну что – он неделю или 2 поработал, денег не дают. Я лично сама пошла – вот этой бурды, похлебки, дали, платить-то не платили они. И папа ушел, и сказал: «Я у немцев работать не буду бесплатно». И он ушел.

[...] Я лично – он сам не съел, а то, что маленькие дети были. А то, что маленькие дети были – сколько там Леше, брату моему – он родился 26-го февраля. 2 месяца ему было – хоть этой бурды маме поесть, может хоть ребенка покормит. Брату было 3 годика, внуку было 3 года. И Володе – он сейчас МГУ закончил, работает в Москве – ему год 7 месяцев было. Вова кричит: «Бый, бый», – дай. А нечего не дать. Вот поэтому ездили, меняли какие были тряпки, меняли на кукурузу, на ячмень. А вручную мололи. Сделали сами. [...] Была мельничка. Вот это вот 2 бруска таких от дерева, набил папа туда железячки, чугунные. И вот это вот крутили по оси – вот этим и питались. Зерно там давали. И то вот сколько – мешок отвезут вещей и

мешочек кукурузы привезут. А оно сколько прокормить – 10 душ. Так что люди большинство... Шахты они, наверное, поостались – там мало кто и жили. [...] Я помню, я сидела, потому что у сестрички сын был год 7 месяцев, а мой брат жил, и у нее была дочка, с 39-го года. Им было по 3 годика. Так сижу я дома с ними, а мама и сестра в очереди за хлебом. Ночами стояли – этого горелого хлеба хоть бы кусочек достать. А потом уже и никакого не стали давать.

[...] Так что, одним словом, с голоду чтобы не умирать, люди старались и тачками уезжали. Я вот сейчас вспоминаю – как светофор закроют, машины останавливаются, так тачка за тачкой ехали вот так. Кто в какую область уезжали отсюда из Донецка. Кто мог. [...] От голода [уезжали]. Потому что ж немец не давал. [...] И у нас семья – у нас 10 душ с сестрой. И вот это мы на тачке на родину в июне [уехали]. Ну год мы прожили как-то. 26-го июня мы уехали на родину. [...] На родину в Орловскую область. И ехали мы 2 месяца 2 дня. [...] Только нас уже в Курске задержали, потому что не пропускали – близко фронт был. Орловско-Курская дуга была. А так объезжали – не ехали прямой дорогой. Такого не было, чтобы из Донецка поехал на Горловку. Объезжали очень много. Мы проехали самое маленькое 2 тысячи километров. И через Сумскую область [ехали]. Ехали – Ахтырка вот, Писаревка. Я как сейчас их помню, эти деревни. Через Харьковскую. Потом Новый Оскол, Старый Оскол. Везде колесили – прямой дороги не было. И все так ехали. Все на тачках, одни за одни. Вот собираются – орловские, столько-то будет ехать. И этих тачек – как на светофоре машины. Так и мы ехали с этими тачками. Просто с нами одна до Старого Оскола женщина одна ехала. [Пристала к нам] потому что все-таки мужчина. А нас десять душ – мама да сестра моя постарше. А там дети все были. И четверо детей на двух на тачках на этих. Что могли с собой немножечко взять. Перину мама положила одну. То, что в поле оставались. Ехали – не оставались мы, чтобы кто-то нам квартиру дал. А ночью, где могли, там и остановились. Доехали, проехали там сколько – остановились. Раскинули эту перину, поуложили деток. А ну – 4 деток только маленьких на тачке везли. В Курске долго держали – целую неделю. Пока уже мама пошла, взяла сыночка – ему уже 4 месяца было, брату, пятый месяц. Пошла в Курске – и то последний кусок тряпки, миткаль, отдала. Ну, белое полотно, и 2 пачки соли – соль же была ценная. Тогда только нам дали пропуск, чтобы мы проехали. А так гнали только не торфоразработку немцы. В другую область и далеко совершенно от этого места. [...]

*Смолякова Ирина Герасимовна*

\*\*\*

[...] Ну мы же еще ходили за хлебом. Я был в семье самым старшим. Мы ходили с тачками – знаете, из плугов железных делали. [...] И я возил в Мелитополь шифоньер на тачке. Выменял там на этот шифоньер дубовый – вы представляете, какая тяжесть. Повез туда в Мелитополь – я не помню, куда... Люди идут – и мы идем. А я же пацан был. И вот в Мелитополь я отвез – выменял мешок кукурузы. И опять же оттуда на тачке. Вы представляете – Мелитополь? Это порядочно, пешком. Потом когда я работал – нас отпускали, ходил я за табаком в Кременчуг. Отпрашивался. Потому что кушать надо было что-то. Или вот повез я туда шифоньер, отвез. А я самый старший в семье был. Отец уже больной был, ноги у него не работали. Ревматизм был. Одна мать была. И вот я как самый старший ездил. Привез кукурузы мешок – собрался, пошел в Кременчуг за табаком. Опять пешком. Шили фуфайки – вату не ложили туда. А прострачивали, а потом набивали фуфайку табаком. Вместо ваты туда табаку напихали, чтобы полицаи не отбрали. И вот я пешком туда и оттуда. Раз принес 200 стаканов. Тогда давали за стакан табака ведро пшеницы. Я выменивал. И вот я принес 200 стаканов и пошел опять туда в Мелитополь.

[...] Но разрешали идти менять хлеб. Но тоже, отбирали у нас дорогой. Больше же кричали, что немцы [обирают]. А наоборот – немцы еще защищали. А грабили свои. Перестреляли, забирали. И у стариков, и у детей. Свои ребята, такие вот. [...] Ходили по посадкам, встречали и забирали. Но и немцы, правда, гоняли. Но те не так. Если везешь и знаешь, что работаешь. [...] Нам выдавали, когда идешь, выдавали [справку] что работаешь... Справку давали от шахты. Вот я ходил за табаком, с работы. Я же не только для себя, а на несколько человек. Потом делили это, понимаете? Вот такое.

[...] Ну в простой [одежде] ходили, в тряпках, что валялись дома. [...] Делали [на ноги]. Была же тогда песня: «Если б не Сталин-грузин» – пели песню. «Спасибо-Сталину-грузину, что одел нас у резину» – тогда частушки даже были такие. Из камер делали такие галоши и вот [в этом] ходили. Камеры брали, клеили, резали транспортеры<sup>1</sup>, тапочки делали такие, шили. В общем, все приспособлявали, обувались сами, делали. Из мешков делали. [...]

*Т. Николай Константинович*

---

<sup>1</sup> Шахтные транспортерные ленты.

\*\*\*

[...] Людей мало, вот я вам говорю. Столько было пустых домов, мы ходили, бывало в дом пустой зайдешь, и молодежь, – поразвлекаться хочется. [...] Дороги позарастали лободой. Здесь, я не знаю, мало домов, а вот на ту сторону заправки, на ту сторону шахты – там, считай, 2 поселка разбомбили. [...] Разбили. Топить было нечем, а дома деревянные. Все это рвали, все это рубали, все это жгли... Нужно было же как-то выжить. [...] Вот это такая жизнь была в период оккупации. А что – менять поедешь, не успел помолоть – его уже нет. Берешь, идешь. Мать, я ходили и покупали. Что? Соль, расчески, вилки ложки.

[...] Ну вообще-то следили строго. Строго. Даже если там кто-то что-то такое. Вот, например, тут один был – дал одной женщине талон на еду на «Мушкетовской» шахте в столовую. [...] За вот этим-то супом, что 3 горошины плавают. Люди и этому были рады, этой баланде. Там ни одной картошины не плавало. [...] Просто вода, горох, и червяк плавает. Штук 5-6. Хочешь – выкидывай, хочешь – так ешь. [...] Так ему палок отпустили. Рула его фамилия была. И его били... И отпустили этой женщине палок. В баньке били. [...]

*Т. Иван Борисович*

\*\*\*

[...] Вот мы ездили во время оккупации, кушать-то что-то надо. И мы ездили в села – с саночками зимой, и где-то за 40, за 50 километров в сельские районы Донецкой области из Макеевки. Вот представляете, туда проедешь километров 60. Это же не на машине, зимой! Поменяешь, а выменять еще надо было. Что ни предложишь: «Э нет, вот нам патефон привезли, нам уже шмотки не нужны. Наменяли. Вот если бы то привезли». Мать кольцо свое, сережки – прятали, обыскивают. И вот представляете, обидно, возвращаемся мы обратно, на спуске к Макеевке, где кладбище казачье, выставляют пост полицейский. И вот их выставили, и все забирают. [...] Все забирают. «Ну, оставьте хоть немного, ребята». А они пьяные: «Давай!» Денег-то нету и дать. Хотя деньги ходили. [...] Курс был такой: 100 карбованцев – 1 оккупационная марка. 100 оккупационных марок – 1 рейхсмарка. Это был курс на черном рынке. А рядом же рынок, я был в курсе всех этих событий. [...] Дело вот в чем. Все тыловые части, признавали только рейхсмарки. Все сделки на рейхсмарки. А ты уже меняй как хочешь. Меняй на доллары, на франки, на леи, если хочешь. Но он, если вот допустим: вот мы покупали у них камешки – потом перепродавали, покупали там кожу, перчатки все такое. Они все

продавали. Мог полицейский остановить и сказать: «Снимай сапоги». Вот у меня нога небольшая, тяжело сапожки такие [найти]. Но все-таки я доставал. Вот он (*полицай*) останавливает: «Давай». Но вначале люди им еще как-то подчинялись, а потом – это уже 1943 год. Но они уже понимали – не конченные дебилы – понимали, что вот Красная Армия вот она. И они уже не были такие. Они уже, знаете, как-то. Можно было и оттянуть. И вот мы этими санями подъехали. А я так по возрасту был. Это потом уже прекратился рост – когда 47-й год, как-то остановился. Потом я штангой занимался – знаете, силовыми. А так я был нормальный парень, и, знаете, злой. Стоим мы седьмые, восьмые – мать плачет. Ну, все. Подходит к нам такой лет 17 ссыкун. И штыком – раз. Я ему говорю: «Ну чего ты тут шныряешь, чего шныряешь. Тебе что, [...] <sup>1</sup> не хватает, что ли». – А он: «А чего этот...». – Я говорю: «Я ж тебя знаю, падла. Ты же макеевский, ты же макеевский, я тебя знаю». Я говорю: «Ты слышал...». Называю ему фамилии. [...] Да, авторитета. Я говорю: «Ты знаешь таких? Они плевали на твою эту форму, они тебя спросят». – «Ну чего ты, вот чего ты сразу начинаешь». Он подошел к старшему: «Шу-шу-шу». – Тот: «Что-то дадите?» – А что дать, что дать. Ну ладно, выпустили. Мать: «Зачем ты, что ты делаешь?» – Ну а я: «Что делаешь? Ведь заберут же последнее». Что там умирать с голоду, что там. Выхода то никакого нет. [...] Вот я вам так скажу: 1942 год был жуткий. Мороз 40 градусов, представляете для Донбасса, деревья лопались. Топить нечем и вот слышим: «Д-р-р-р» – трещит, это сосед у соседа отрывает доски у соседа. Чтобы утром что-то. Утром смотришь – ползабора нет. (*Смеется*). На следующий день тот идет к тому компенсировать. Ну в общем вот так пережили. А 43-й год был характерный чем? Началось – специально они раскручивали частную собственность, появились частные парикмахерские, частные мастерские по ремонту примусов, вот такое вот. Это поддерживала управа, хотя там маленький налог платили. Но, они это дело укрепили. Но уже понимали, что 43-й год стал переломным. Миус-фронт вот он, рядом стоял. Он же фактически без движения стоял. Начиная от Красного Лимана. Знали, что уже, что Харьковский прорыв, что уже наступали. 43-й год был уже полегче.

[...] Я вот помню, мы все время на макеевском рынке толклись. Ну гешефт. Жить то надо было. Вот допустим – сейчас же меня никто не привлечет за эксплуатацию детского труда. Я сам был пацан. Значит, у меня было три пацана, у которых я покупал бычки, окурки. Вот значит как. Выходим на центральную улицу – солдаты, у них дешевые сигареты, они не особенно важные. А уже начиная с унтера,

---

<sup>1</sup> Непцензурное выражение.



или офицера, идет (*имитирует курение*), «пах-пах». И вот пацан (*имитирует, как собирают окурки*), баночка. Вот это они мне сдают сигареты. Я сажусь, разделяваю их, кстати, я не курю. Разделяваю эти сигареты, потом была папиросная бумага, потом не стало, с газеты самокрутку [делаю]. Я крутил уже так, как сигареты получались, 5 руб. штука. [...] Советские [деньги] были дороже этих карбованцев. [...] Советские деньги не успели изъять, они так до конца и ходили. [...] Ну как, принимали не государственные учреждения. Между собой брали. [...] Когда туда уходили – и когда туда уходили – разные вещи. [...] Когда наши отступили, их боялись, уже просто у кого было – люди боялись запускать эти советские деньги, Потому что сразу пошли оккупационные. Потом за оккупационными стали появляться эти карбованцы. Но их настолько не любили, их в зарплату навязывали, их люди не брали и оставляли, потому что купить ничего нельзя было на них. Полнейшее было к этим деньгам презрение. [...] И у меня было – сын где-то затаскал. У меня был этот украинский карбованец, берег. [...] Там было написано – «Один карбованец». Слабенькая такая [купюра], типа нынешнего рубля, безликий какой-то.

[...] А мы как обычно: немцев приехала кампания целая, стала полевая кухня. И повар не хочет дрова рубать: «Эссен хочешь?» – «Да, пан». Три дня, как этот Паниковский, 3 дня ничего не ел<sup>1</sup>. – «Дрова рубай». – «Давай». Порубал дрова, он тебе: «Неси». А уже котелки у всех были военные, у всех. [...] Круглые – это наши. А у них вот такие вот, прилегали. Бух тебе есть. Картошку чистить. Чистишь, чистишь картошку. Он же не считает, картошки 3 упер, карманы были понашиты внутри. Ну найдет, что? Подзатыльник даст. Подзатыльник или под задницу. Но таких строгостей [не было]. Они страшно не любили, страшно [воровство]. У них это воровство. А так, что ты утянул на кухне, вот сколько было – нет. Они обычно говорят: «Попроси, попроси», – в переводе на русский язык. У них воровство презренное дело. [...] Я, допустим, не попадался, не знаю. Но было, было. Били пацанов. Ну понимаете, оно такое изможденное, как палец. Ну уташил морковку или свеколку. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

---

<sup>1</sup> Путает реплику литературного персонажа Кисы Воробьянинова из произведения «Двенадцать стульев» советских писателей И. Ильфа и Е. Петрова.

\*\*\*

[...] И поэтому я ж говорю, предприятий таких, чтобы вот работали где-то люди, не было. В основном мы все – магазины работали, правда, можно было пойти, купить что-то в магазинах. Ходили деньги русские. Вот, и немецкие ходили деньги. И поэтому что-то можно было приобрести, а в основном только меняли. Ходили меняли, да, ходили-меняли по деревням. Вот все, что было, все уже было сдано, там за какой-то кусок хлеба можно было взять золотое кольцо. За буханку хлеба можно было отдать золотое кольцо. Да, вот так и было. Мама, у мамы было золотое кольцо, вот она пошла на рынок и отдала его за буханку хлеба. Вот такие были нюансы войны. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Ну обстановка в городе была ужасная. Первая зима была ужасная. Морозы жуткие. Света нет, воды нет, отопления нет. Ничего. За водой мы ходили, ездили с бидончиками в криничку. Вот здесь между Первым и Вторым ставком есть криничка, знаете, там внизу в парк[е]. Вот туда мы ходили за водой. Вот туда мы ходили за водой. Приносили этот бидончик – ну пили, для еды. А все остальное – топили снег. Потому что ничего не было. Эта жизнь была, конечно, ужасная.

[...] Он (*один из знакомых респондента, заведующий аптекой*) помогал нам выжить – приносил нам с аптеки гематоген, на котором мы пекли пышки и ели. Мы ж голодали – в полном смысле этого слова. У нас ничего не было. Нас кормили – из горелой пшеницы хлеба нам давали 400 грамм. А это вот такой кусочек и ее есть нельзя было. Она вся сгоревшая. Ну это вам передать невозможно. У моей мамы было 80 килограмм веса до войны и 39 в период оккупации. 39. Это передать невозможно. Вот сейчас, когда говорят, что лучше немцы бы нас тогда [победили], а то вот и все. Это может говорить тот, кто это не пережил. Тот, кто не пережил. Это ужасно было. Эти пленные – по городу вели колонну изможденных, раненых, босых, в мороз. Это передать невозможно, а детскими глазами это вообще передать невозможно. Вы понимаете. Это был ужас.

[...] Я не могу вам точно сказать, но я знаю, что это была зима. Наверное, декабрь. Может быть ноябрь, может быть декабрь 42-го года. И поселились вот это мы на Калиновке<sup>1</sup>. Ну, страдали мы

---

<sup>1</sup> Калининский район в Сталино.

ужасно. Денег не платили, хлеб давали этот ужасный, угля не было, топить нечем было. Люди ходили менять – мама идти менять не могла, физически не могла этого делать. Потому она отдавала все, что было у нее в доме, и ей привозили за это, предположим, глечик молока и кусочек сала. Кто-то ехал в село – она им давала вещи. Тогда ж не ехали, пешком шли. И кто-то какой-то кусочек за это привозил. [...] Спасибо, что хоть что-то привезли. Что мы остались в какой-то мере живыми остались после всего этого.

[...] Но нам в семье стало легче. За счет чего? У нас у моей мамы студенческая была шуба. Ну со студенческих лет шуба каракулевая была. И вот я говорю, что мы с сестрой жили, что юрист [сестра была]. Это маминой родной сестры дочка. Это двоюродная моя сестра – сестра мамина умерла. Вот эта, с которой они учились, и она у нас с моего первого класса, с моих четырех лет она у нас пошла в первый класс в школу, она у нас все время жила. Ну как родная. И вот были ее матери и моей матери студенческие 2 шубы каракулевые. И мама их променяла здесь. Ну кто-то ей составил протекцию, скажем так, и какой-то итальянец, эти 2 шубы она променяла на мешок муки. Хорошей пшеничной муки. И когда уже появилась эта мука, уже на воде мы делали эти лепешки – это уже такие торты у нас были, что дальше некуда. Это уже, считайте, что мы уже не были голодные. [...]

#### *Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Выдавали нам карточки. 800 грамм хлеба на взрослого, на рабочего, который в шахте, и 400 грамм на иждивенца. Ну, поскольку у меня иждивенцев не было, значит я один [получал]. Ну, мать тоже там где-то работала. [...] Да, мать где-то работала на шахте. И меньший брат – он еще дошкольник был. Вот мы втроем, значит, жили. [...] Кроме того немцы нам давали, привозили, месячную норму – килограмм масла сливочного. Потом, кажется, два или три килограмма крупы, затем собранное молоко давали, иногда привозили. [...] Ну, обезжиренное. Обезжиренное молоко. Ну вот, все продукты, больше у нас [ничего не было]. А остальное у нас все было подсобное хозяйство, капуста, огурцы, огороды были. Это же шахтный поселок, а кругом огороды были свои. Вот так мы, значит, перебивались. Ну вот, что я могу еще сказать. [...] Карточки нам давали месячные. [...] Но хлеб возили каждый день. И вот с этой карточкой идешь в магазин, она отрезает талончик – допустим, сегодня 17-е [число] – за 17-е отрезала, отвесила сколько тебе и, значит, до следующего дня. [...] Раз в месяц [масло, крупу]. Вот пришел – тоже карточка. На один талончик, на

один килограмм, допустим. Я пришел, килограмм получил, все, уже в следующем месяце [получу]. Вот так, вот такие продукты были. [...] Ну деньги я там не считал, потому что эти продукты они стоили очень дешево, это же не базарная цена, а магазинная. Поэтому за зарплату, я помню, не очень-то беспокоились. Сколько там заработал. Ее хватало, чтобы выкупить эти продукты. И на базаре – там были. Вот там она приводит цены<sup>1</sup>. Ну, у нас, я помню, другие цены были. Буханка хлеба, например, 200 рублей. Буханка хлеба русскими, русскими [деньгами]. Ну пирожок, допустим, 5 рублей. Ну макуха шла там 15-20 рублей круг, круг макухи. Ну, бурак там, все такое [овощи], я уже не помню, такие вот цены были. Но цены большие были. Если бы на те деньги, которые они нам платили, и мы питались с рынка, допустим, нам бы, конечно, не хватило. Но в основном нам давали все-таки [продукты].

Значит, у нас был огород. На огороде росла кукуруза, кабаки, буряки, подсолнухи, картошка. Вот это мы осенью собрали – это в 41-м году. Ну, огород и до войны у нас был. И когда они пришли в ноябре, мы уже огород собрали, у нас и погреб был. Вот этот запас. И нам от них нужно было только вот этот кусочек хлеба получить. А все остальное – мы сами питались. Ну а потом на следующий год мы даже расширили эту площадь. Потому что люди уехали, а огороды остались. Мы эту землю тоже посадили и вот так вот [жили]. Мы не голодали, будем так говорить. [...] Да, хватало. Значит, деликатесов не было, но и от голода мы не пухли. Жили так вот более-менее нормально. Тем более что они хлеб нам привозили, давали. [...] Ну, я говорю, что буханка хлеба стоила 200 рублей. Ну, у кого там были деньги, ходили, покупали. Были люди такие, что у них не было. Но я думаю так, если у него нет огорода, то он не хотел его брать. Не работал. [...] Ели мякину, там макуху эту, листья, лободу варили. Но таких немного было, единицы. В основном люди поняли, что к чему. Война, нужно пахать, нужно выживать и обеспечивали себя. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

\*\*\*

[...] Пришли в Донецк, а уже у нас итальянцы. У нас немцев не было. На нашем руднике «Ветка». Знаете, где «Маяк»<sup>2</sup>? И вот за «Маяком» был поселок Старый Горняк. [...] Потом тут сказали, что

---

<sup>1</sup> Имеет в виду цены на продукты питания в период оккупации, приводимые в статье Тани Пентер «Немецкие шахтеры в Донбассе (1941-1943)» (Вечерний Донецк. – 2004. – 13 мая)

<sup>2</sup> Торговый комплекс «Маяк» в Донецке.

есть наш профессор Харченко. Вот помню фамилию Харченко, профессор математики нашего института. Мы пошли к нему, он сказал: «Девочки, уходите из Донецка, потому что всех комсомольцев будут расстреливать. Уходите, я вам дам направление в Гришинский район, Гришинский район»<sup>1</sup>. Это было – уже снег упал. Потом уже мы с Таней – одна моя соученица, Базолкина. Мы с ней пошли туда и нас направили в село, сейчас скажу, Ивановка. Ее – учителем русского языка, а меня – учителем математики. И там колхоз был – немцы уже были везде, а там не было немцев. Колхоз был. И наш колхоз кормил нас – молока давал, муки, хлеба – хозяйке, у которой мы жили. И мы работали там. И я преподавала математику, а Таня преподавала русский. Я еще и физкультуру преподавала. И никаких немцев мы не видели. [...] Это село далеко от железной дороги, далеко. Они (*немцы*) туда не заходили. А колхозы они не разоряли – им легче было собирать с колхозов. Все, что колхоз соберет, они придут да заберут. Но к нам никто не приходил. А потом – жили мы – и колхоз дал нам землю, и мы там посадили огород, посадили огород, потом осенью собрали. А нам сказали: «Уходите, потому что сказали, придут забирать молодежь в Германию». И он дал нам лошадь и телегу, мы погрузили то, что собрали: картошку там, все, что садили. И поехали. Домой. Ехали-ехали. У нас колесо отскочило. Ночью колесо отскочило. Сидим, плачем. Мужчина подходит: «Чего вы, девочки, плачете»? Колесо отскочило, а темно уже было. Он говорит: «Я сына пришло, он вам поправит. А вы ему картошечки дадите». Ну он поправил нам колесо. А мы, когда ехали, один раз коня отпрягали, а потом запрячь как следует не могли. А ему конь, натер эту ногу до мяса, до мяса конь натер. Мы приехали – кажется, ночью приехали. Час какой-то – и немец пришел: «Давайте этого коня». – Мы ему: «Смотрите, у него нога болит». Он посмотрел, что у него кровь бежит, и не взял его. Не взял этого коня. Отец мой взял этого коня и забил. Забил и по участку людям пораздали мясо.

[...] А эти итальянцы – у нас у мамы в доме кровати стояли, 6 кроватей – и они там спали и жили. [...] А нас у кухню выгнали. Выгнали в сарай, напротив был. Напротив сарайчик был и нас туда выгнали. Маму и папу выгнали. А мама и папа после них мыла тарелки. Тарелки. Ну там были и макароны немножко, и это. Она понемножку смывала, все собирала в одну кастрюльку, кипятила, прокипятит, и потом они кушали. С отцом это кушали. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

---

<sup>1</sup> Гришино- название г.Красноармейска до 1934 года.

## ГЛАВА 7

### «ДАВАЛИ ЗЕМЛЮ ЛЮДЯМ...» VS. «КОЛХОЗЫ ОНИ НЕ РАЗОГНАЛИ...»: СЕЛО В УСЛОВИЯХ ОККУПАЦИИ

[...] Давали землю людям [при немцах]. Вот у нас было 50 соток земли. За «профилировкой»<sup>1</sup> мы сажали кукурузу, пшеницу сеяли. Раздавали людям. Тогда колхоза не было. Колхоз как распался, и все. [...] И вот то при немцах раздавали. Бахчи давали людям. За карьером бахчи давали по 4-5 соток. И на бахче были сторожами полицейских отцы. Сторожили. Курень сделали такой. Туда боже сохрани кто придет. Полиции боялись, никто не заходил туда. [...] Мы и кукурузу, все свозили домой. И пшеницу дома молотили цепами. Сделали цепи такие. Молотили дома. Спрягались коровами. Наша и соседская. Перевезли нашу пшеницу, потом ихнюю перевезли. А дома молотили. Кукурузу, подсолнух. Пока еще было не установлено. Так, людей пустили, чтобы люди могли жить как-то, существовать. Земля чтобы не гуляла. Сеяли, кто что хотел, то и сеял. На колхозной земле. [...] Ничего у нас не было. Все оно завалено было. И скот выгнали... [...]

*К. Иван Егорович*

\*\*\*

[...] Вы знаете, такого у нас не было. Никто нас не прижимал. Вот это вам я скажу, у нас и колхоз. [...] Колхоз сохранился. Никто его не трогал, ничего. Дело все только в том, что у нас лошадей забрали почти всех. [...] Наши забирали. И немцы забирали. Работали мы и пахали даже коровами, у кого корова была. Все дело в том, что я вам скажу, почему не судили того заместителя старосты. Он нас спасал. Что он нам ночью выдавал, без разрешения никакого хлеб людям выдавал. Урожаи хорошие были. Но, знаете, людей-то убирать мало было. Что там, остались калеки, женщины да дети. [...] Тогда, при нашей Советской власти, на нас накладывали налоги – пятьсот литров молока мы должны были за год сдать. Ну, были разные налоги. При немцах такого не было ничего. [...] Корова оставалась, но кормить ее нечем было. Уже захудела, что упала на ноги зимой и мы ее зарезали. [...] Немцы забирали как? Ну, когда фронт был, тогда немцы забирали. Я знаю, что у моей соседки – она жила, муж у нее был в армии, а у нее

---

<sup>1</sup> Автомобильная дорога, не имеющая покрытия, но построенная с приданием земляному полотну определенного продольного и поперечного профиля.

было трое детей, маленьких. Причем такие вот, еще дошкольного возраста и все. Мне тогда уже было 10 лет, одиннадцатый, а те меньше меня были. И вот один немец зашел в конюшню: «О, поросенок». Подсвинок такой, ну может быть месяцев 8-9, до года. Здоровый уже. Ну, его за ногу, вытянули на улицу. Прямо на улице топором раз один заднюю ногу, часть отрубал. Живую! И вот-то кричит этот поросенок, а он эту ляжку взял и пошел. Приходит другой, наверное, от соседей – другую отрубал. И ушел. А он еще кричит. Ну, вы знаете, как это нагнетает вот это вот чувство. Я вот сидел, в окно смотрел и плакал. А потом смотрю – передние ноги, живот и кишки, а он еще шевелится, туда-сюда дергается. Я вот то выскочил туда к ней и говорю: «Тетья Маруся, давайте затянем в конюшню». – А она: «Немцы сейчас же». – Я говорю: «Затянем. У тебя три немца лежат малые». Затянули вот то, спрятали. А тут по кускам растянули. Вот так было. Ну это фронтовое дело. Был такой случай – но это уже при отступлении. Что вот как заходят немцы – и давай кур ловить. Уже петух, как только увидит немецкую форму, что немцы зашли – курей ведет. Тикают все. Уже знают. Понимаете? Вот то раз зашли. А мы весной выкатили бочки из погреба. Знаете, такой входной, с дверями, что заходить можно. Мы выкатили бочки, поставили, чтобы они просохли немножко после зимы. Уже солки нет, ничего. И вдруг немцы заезжают. Целый обоз. И с ними вот такой пацан. Ну, считай моего возраста. Может лет 9-10, может 8. И вот то знаете как Гаврош<sup>1</sup> в одних лохмотьях – и тоже курей ловить. Я так посмотрел на него. Мама родная. Это что такое получается? Я вот то раз вокруг погреба, цап его – и об погреб. Я говорю: «Что, курочек надо немцам. Ах ты ж гад проклятый». А он чужой, с немцами отстает. Как у нас были «сын полка», так и у них. Но наши дети, понимаете? [...] Да. Понимаете? А вот я его схватил, а потом смотрю – немцы. Я ему говорю: «Если ты пикнешь, я тебя убью». Пустил его. Он вот то посмотрел, и до своего немца побежал. Ну, мне пришлось убежать. Не знаю, говорил он или не говорил? А потом, смотрю, немец один заходит. Эх, смотрю. Ну немцу-то я ничего не скажу. А он почему-то не стреляет из пистолета. А потом нагнулся, кирпич взял. А у нас петух был здоровый, голландский, блестящий. Очень здоровый. И он так кирпич взял, и подходит, подходит. А он так напротив бочки этот петух стал. И он как пустил этот кирпич – и одну бочку по боку, а та бочка другую. И все бочки как зашевелились. А я рядом стоял, как засмеялся, поворачивается. Промохнулся. И он так на меня, а я бежать. (Смеется). Ну а так. Если немцы пришли – что им

---

<sup>1</sup> Персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные».

надо, то они и берут. Я ж говорю – свинью поймали, в самолет запахнули и увезли.

[...] Ну, короче говоря, возможно они и грабили где-то по городам, ну у нас то грабить нечего было. Нечего грабить. Мы сами, что там одевались – рубашка, брюки. Когда война началась, тогда уже из плащ-палаток начали себе шить, штаны там. Ветровку там. Тогда такого не было понятия. Но куртку какую можно было пошить. Ну жили очень [плохо]. Грабить нечего было. Хлеб забирали у нас. [...] Как забирали? Вот то пришли по домам, у кого нашли где пшеницу – забрали. Ну они брали лошадей кормить. Потом один тащит мешок целый, у нас забрал и тащит. Я говорю: «Что?» – А он: «Лошадей кормить». – Я говорю: «Лошадей этим не кормят. Если он вот так скушает – хорошо, а если вот так – он сдохнет у тебя. Хлебом нельзя». – Он посмотрел на меня: «Ладно». Вернулся, взял два ведра, поставил на место. Немец – и тот что-то понял. Мама говорит на меня: «Не лезь, не лезь, они тебя убьют». Но вот вы знаете, они такие пунктуальные. Вот у нас была корова. Как немцы заходят – вот то брички в саду, под вишни брички поставят. Ну там и маскировка, и тенек какой-то. Я вот то нашу корову привяжу до вишни возле телеги – ее уже у нас никто не тронет. У них такой порядок – не ты вязал – он ее не возьмет. И вот то обоз уехали – а корова стоит. Я беру и завожу опять. [...] Вот я это понял у них. Что раз ты ее не ложил – он ее не возьмет. А так пшеницу забирали у нас. Козу у нас поначалу забрали, зарезали. А так грабить то у нас было нечего. (*Смеется*). Курей у нас ловили, били, ели. Я же не считаю, что это грабеж. То подножный корм. [...]

*Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] Ну когда пришли немцы уже на следующий год – 42-й, то колхозы они не разогнали. Они как были, так и остались. Они назначили администрацию в селе – возглавлял эту администрацию бывший немец-колонист. Не знаю, или с Розовки<sup>1</sup> он, он или с каких-то других немецких колоний. С молодой девицей. Была у него лошадь – породы бельгийской – большие такие лошади, стройные. Во то он ездил верхом – у него пистолет, у него бинокль – и вот то он хозяйновал здесь. Была конторы – в этой конторе был бухгалтер, вели учет – а работали. Они ее назвали просто общинное хозяйство – не колхоз, а общинное хозяйство. Вроде колхоз, это ж советское. А то общинное хозяйство. Ну для них оно было выгодно. Тем, что люди

---

<sup>1</sup> Село в Ясиноватском районе Сталинской области.



наши коллективно приобретали, все оно ссыпалось в склады и им когда надо – они ехали и брали, и не надо было ходить с мешками у людей экспроприировать, забирать. [...] Заставляли, работать надо было обязательно. И я вот вспоминаю эти времена – я был тогда юноша, мы косили вручную пшеницу, ячмень. А девчата – тогда молодежи было очень много – после нас подгребали. А он выйдет на бугор, в бинокль посмотрит: «Ага, балуются». Приехал – и цап, цап. Такая модная была поговорка «Цап-цап». – «Вы чего делаете, я видел». И вот то плеткой, плеткой. [...] Да он русский немец, понимаете. С нашей какой-то колонии немецкой, бывшей украинской. Ну вот то такая была дисциплина. Все было очень строго. [...] Помоему, никто ничего не получал. Работали и все. Было в одно время такое, была команда – собрать у всех коров. [...] Колхозного не было скота и никто его не разбирал. Это то, что у каждого было свое, вот тот скот был. [...] У каждого корова была, хоч и колхоз был, и при колхозе. У каждого была корова, телочка, кабанчик. А как же без этого? [...] И всех коров свезли туда, где гараж. На том месте, где гараж, там стояла клуня такая, украинская, крытая соломой. И вот то туда свели скот весь. И у нас забрали, хоть не у меня, у тестя моего. Ну посходились мужики, туда сюда, рассуждают, что же оно теперь будет. А Фрося побігла, корову одлигагла и привела тихенько. И ніхто не бачив. А может хто и бачив, но мовчав. А потом всех коров тех забрали в Дзержинск. Вот это массовое такое было.

[...] Никто тогда за землю не говорил. [...] Мне было тогда 16 лет. Может там что-то решалось – я не в курсе дела. Никто землю не делил. Насколько я знаю у каждого было 60 соток огорода – норма. И хватало этого огорода – ни лошадей же, ни тракторов, ни техники не было же. Так что никто и не просил ту землю. [...] Техника не использовалась. [...] Она в не рабочим состоянии была. [...] Гражданские люди не занимались этим, а военным не до этого было. Так она и стояла ржавела, пока... Освобождение пришло, тогда наши стали запчасты искать к ним.

[...] Ну в деревне не страдали [от голода]. Город страдал. Но деревня все равно прокормила и город, хотя она и их и оголила, сняла с них последние сапоги там. Потому что обмен же ж был. Ну а все равно... В деревне свое же было – курочка была, зерно было, картошка была, бурячок был. [...] Они *(воинские части)* вот то зерно забирали, потому что в ихней армии было очень много лошадей. Вот у итальянцев, для фуража. Ну может пшеницу брали на хлеб – я не знаю этого, но я почему-то думаю, что в основном их интересовал фураж. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] В деревне вот этот фильм показывали, колхоз вот этот, при немцах уже колхоза не было, вернее не колхозов, а дисциплины этой коммунистической. Пришли сразу: «Коммунист – выходи, комсомолец – выходи, юде – выходи». Все, в сторону. А остальные будем новый порядок делать. [...] Вот так. Деревня ожила. Ожила! Понаворовали, ну не будем [говорить] понаворовали... Поразобрали. Уже ж оно не дали сжигать. Раз-раз – тебе и мне, правильно, чтобы людям отдать. Зачем сжигать? Мы же остаемся. [...] Ну. Он же нас оставил голодными. Голодными люди остались. Что немцы придут, будут кормить? [...]

*С. Иван Андреевич*

## ГЛАВА 8 «КУШАТЬ НАДО ЖЕ БЫЛО...»: РАБОТА НА НЕМЦЕВ

[...] При оккупации работал мало, потому что долго не работал, а потом пришла полиция, проверила и сказала: «Если не пойдешь, мы тебя заберем». Я попал грузчиком в теперешний «Донецкуголь» – на Первой линии. Это сейчас он так называется, а тогда он был «Сталинуголь». Там здание трехэтажное – таскали тогда сейфы. Отличные, конечно, сейфы, какого-то бельгийского производства, такие обтекаемые, тяжелые, ну а на шлангах, как, пожарные шланги поддевали и тянули. Доски подставляли, ну в общем. А потом со станции Абакумова – дело Донецкого металлургического завода, тогда это называлось Байкурово, – как привыкли, так и называем. И там стояли составы, составы с разными материалами и с мебелью. Из Германии прибывала мебель – такая добротная. Тяжелая, но качественная. Мы возили эту мебель в Донецк – Сталино я буду называть. И по кабинетам расставляли. Потом с шахты Засядько<sup>1</sup> возили уголь. Ну, бросали, там такая ляда была – окно в подвал – забрасывали туда. Давали нам зарплату в 200 рублей. [...] Поработали мы там 3-4 месяца. Паек почти не давали. Бутылку масла подсолнечного – пол-литра – все, больше ничего. Уже задумали разбежаться, а Пронин нам говорит: «Нет, разбежимся, так все вместе». И попал момент, когда где-то 20 апреля, кажется, именины фюрера были. И вот, только домой собрались. Над нами командовал пожилой немец, уже лет 50, полноватый был. Что-то очень злой, не в форме, в гражданском, так при малейшей возможности он сапогом старался так поддать, говорит: «Момент». Задом сдает машина огромная и на машине стоит громадная бочка вина, как потом оказалось, наверное, французская. Два таких на задних лапах льва стоят золотистых, отпечатанных. Говорит: «Надо сгрузить». А мы все доходяги были. Бригадир говорит: «Мы его не сгрузим». А он как ничего не понимает: «Чепуха, – говорит, – давайте». Кричал. А потом прямо сапогом. [...] Ну бригадир говорит: «Ну что, давайте». Там вот, лежал шланг пожарный и два больших бревна положили на машину. Если бы не бревна, то она бы скинула нас эта бочка. Как мышей. И кое-как спустили, подставляли еще бревна эти, чтобы она легко пошла, не резко. Опустили вниз. А потом, надо было ее в подвал – там столовая была, может и сейчас есть – не знаю, а там крутой спуск. Он говорит:

---

<sup>1</sup> Респондент оговорился – шахта им. Засядько была введена в эксплуатацию в 1958 году.

«Давайте спускайте». Пронин опять ему говорит, что нужны спуски. Бочка лежит и еле-еле видно из-за бочки человека – вот такая громадная. Мощная, там такое дерево толстенное – я таких не видел. Пронин говорит, тихо подошел, сказал: «Вот, если сильно вот это, она перекинется и раздавит как лягушку. Так что как получится – опускаем». И мы стали эту бочку опускать и он кричит, Ганс, звали его так, пожилой же уже, лет 50: «Давай-давай». И только она перекинулась через борт, и как эта шланга швакнула, что опалила руку, держал, вот, крепко. Оттиснула, и бочка пошла, ну она ж не могла пройти – она ж громадная и как ударились, и как взрыв снаряда, и вот такими щепками и вино полилось по коридору. Ганс схватился за голову: «Mein Gott»<sup>1</sup>, – кричит он. А Пронин говорит: «Ребята, в угольную яму быстро, а то он сейчас постреляет!» И правда, он схватил, ну, ж это было 5 часов где-то [...] в апреле ж, но светло – день же уже большой в апреле. И мы кинулись к той яме, в которую уголь сбрасывали, и понад стенкой все стали. Он подскочил туда, и раза три выстрелил в эту яму, но там же и кричит: «Саботаж, саботаж, партизаны!» Это дословно. А там приезжали из фронтовых частей солдаты, ну я не знаю, офицеры, за получением материалов разных: перчатки, шинель, сапоги, это было хозяйственное управление Южного фронта. Генерал, кажется, фон Лейз был – не помню точно. Ну, мы сидим. Во дворе уже гул, собралось, ну может до 100 солдат со всех частей. Вдруг, кто-то подходит и на плохом русском языке говорит: «Все выходи, выходи». Ну, Пронин говорит: «Куда деваться – в мышеловке». Он пошел первым. Здоровый такой мужчина, за ним еще кто-то, я третьим был человеком, нас 7 человек. А этот Ганс старался первым Пронина сапогом ударить, а я посмотрел – мужчина с такими погонами, золотыми. Это какой-то старший консул, ну, может, майор – он не дал ему бить, так грубо оттолкнул Ганса в сторону. А потом стал, руку поднял, мы все построились. Он подошел так, каждому в лицо посмотрел, а в это время выходит генерал. Такой интересный мужчина, может лет 50, шрам на лице, форма, конечно, богатая генеральская, так подошел, посмотрел на это вино, рукой махнул, на ней перчатка шелковистая, головой покачал, а вторая – в руках. Этот майор команду дал, наверное, строиться – все солдаты выстроились, этот подбежал – докладывает, ну быстро что-то. Я мало что понимаю, но я не разобрал. И показывает на Ганса. Ганс подходит. Вытянулся. И генерал ему перчаткой по лицу. И выговаривает, выговаривает что-то. Нас спас этот майор. А почему он спас? Он говорит, что он стоял в окне, курил сигару и видел всю эту сцену. Как

---

<sup>1</sup> Боже мой! (нем.)

Ганс нас толкал, заставлял. Нам повезло, а то нас бы в гестапо забрали и с концами. [...]

*Г. Яков Михайлович*

\*\*\*

[...] Но когда немцы пришли – они сразу же начали заставлять людей, кто пожилого возраста был, кто остались здесь, пожилого возраста, молодых, всех – гонять грузить уголь. Ну что – угля много. Забирали и грузили. Отправляли его – куда, мы не знаем, куда отправляли его. Ну а за это они давали что – кусок хлеба. Горелого. Значит, а когда наши отступали – вот тут Кутейниково<sup>1</sup> было – там элеватор был – его сожгли. Наши отступали, зажгли зерно и вот там пользовались этим зерном. Вначале мы все бегали туда, ездили с тачками, с сумками, ходили, брали, раскапывали это. Ну, более хорошее зерно брали, мололи, кушали. Потом вот это немцы начали – запретили, закрыли. Начали давать хлеб. Ну, небольшой кусочек такой хлеба. Поработал смену – все, кусок хлеба тебе дали. Нет – живи так. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] Такого можно сказать насилия со стороны военных мы не ощущали. Вот наоборот, можно еще подчеркнуть. Значит, пригнали, там у нас озеро было, Горячка называлось. И рядом река Бахмутка текла, тоже водичка. Вот подгоняет машину – нас подзывает: «Помойте машину». Вот помыли машину – вот сядь ты, уедь. Нет. Они расстилают там плащ-палатку, едят. Нам: «Забирайте». [...] Нет, не то, чтобы понадкусано, а целое: «Забирайте». Вот приносит матери моей немец – офицер. Стояли у нас. Они там своим прачкам не доверяли. Приходит, матери приносит белье свое. Постирала, погладила. Он мог забрать и уйти, ничего не дать? Не было такого случая. То хлеба даст, то марок даст. А за марки можно было все что угодно[купить]. Базары существовали. Он дает марки. Если заметит, дает кусочек чего там, галет, шоколада. Обязательно, обязательно дает. Но опять же, работала, это впоследствии матери удалось устроиться, будем так говорить, санитаркой. А госпиталь там у них стоял. Знаете – Первый гастроном, опускаешься вниз. Только опускаешься с правой стороны

---

<sup>1</sup> Поселок и железнодорожная станция в Амвросиевском районе Сталинской области. Но, возможно, автор ошибся и речь идет об элеваторе в Еленовке.

будет вход, арка такая, во двор. Заходишь во двор и там была какая-то часть немецкая. И там лежали раненые. И мать была устроена туда на работу. Что делали. Вот буханка хлеба – а там лежали те, кому корки не положены. То есть нечем жевать, может, челюсть болит или что. Вот она говорит: «Мы ножиком вырезали только мякоть». А белые корки оставались. Но как приносила? Собирали всех и всем по кучечкам разделяли. Никто не должен был лишнего взять. [...] Делили немцы. Вот эта черта подчеркивается. Это я не хвалю, это отдельные случаи, это эпизоды. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Мой отец знаете чем занимался? У него была лошадка и он извозом занимался. [...] Не по городу. Вот то эти огородики там поплужить, там то, другое. А потом, значит, организовалась артель «Азовпесок», так называлась. Там гужтранспорт был. Вот я не помню, куда их посылали. Может, если они работали, то по городу может или повезти или привезти – вот такое дело. Но это же транспорт какой был – конячка и повозка. А так я не знаю [кто где работал]. Вот то сколько у нас – и никто. Вот Мешковы были – это наши родственники. Он канавщиком работал на «Азовстали», он не работал вообще, я не знаю, вообще он, по-моему, остался на Мелитополе навечно<sup>1</sup>. А остальные люди... То ж на биржу труда вызывали – знаете, на учете стоишь, отмечаться должен же ходить туда. Поставили на учет – ага... А вы знаете, мне кажется, я не помню именно, какой порядок, но я ходил несколько раз. А потом меня один раз послали дрова пилить на Карла Маркса, а второй раз послали тоже на лесопилку на Ворошиловский поселок. Там продолжительно [работал]. Ну а так, которые не заняты были – не знаю, ну, наверное, не каждый день. Там кого туда, кого туда – на разные работы направляли. [...] Да ничего никто не кормил. [...] А там спускали собак, и вот то речушка, нас вывозили, пеши ходили. Тут Коля Ильин, мой приятель, вот так мы ходили туда. Помогали немцам, в общем: «Holz, Holz»<sup>2</sup>. (Смеется). Бельгийцы здесь в основном лесом занимались. У них, может быть, раздел такой был труда. Вот там на разные работы население использовалось. А потом, когда отправка в Германию началась, там уже отлавливали. Вы

---

<sup>1</sup> Очевидно, погиб под Мелитополем осенью 1943 года после проведенной в освобожденном Донбассе мобилизации в Красную Армию мужского населения призывного возраста.

<sup>2</sup> Дерево, дерево (нем.).

знаете, люди – мир слухом полнится, настороже стали. На улицах, на базарах ловили группы – и прямо туда. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Ну работали, конечно, наши женщины у них. И стирали, и в тылу, и в каких в госпиталях работали. Наши, наши. Ну там санитарками – убирала, прибирала. А медсестрами – я не знаю. Я их не видела медсестрами. Может быть и наши были, но я не знаю. [...] Уборщицами, санитарками, стирали там. Вот такие вот. За хлеб, за суп. Я не знаю, деньги им давали? По-моему, никто не давал деньги. За еду работали. [...] Что нальют – то и есть дают. Что нальют. [...] Вот вы знаете, вы слушайте – если вы один раз в день покушали то, что она вам принесла, с этого госпиталя – это все. [...] А, ну хлеб по карточкам давали. По карточкам. Вот 200 грамм давали на детей. Давали. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Ну, жить стали так. Кто работал на «Новомушкетово»<sup>1</sup> – получал карточки, продовольственные. Не помню, сколько хлеба там давали, но я подземным, на откатке вагонов был. [...] И что характерно, что они (*немецкая администрация*) никому не отказали в работе. На работу сами приходили нанимались. Почему? Потому что нужно было карточку, нужно было питаться. Вот и шли. [...] Брала всех, да. Никому не отказывали. Ну по специальности, если что, образование там [есть] – тебя уже пристраивали, чтобы ты это [по специальности]. А если чернорабочий, значит лопату бери там, метлу. Ну, короче, в этом смысле. Отказывать не отказывали никому. [...] Да работали мы не ахти, чтобы уж очень усердно, но ради того, чтобы кусок хлеба там получить, карточки. [...] Но мы были настроены патриотически. [...] А наблюдали за нашей работой под землей немцы, которые не военнообязанные [были], но они были, по-видимому, инвалиды. Ну наблюдали за нашей работой, подгоняли нас, короче говоря. Но я ради шутки беру кусок породы – он (*немец*) где-то там сидит на штреке, а я кину вверх, как будто сыпется. А он ходу, боится,

---

<sup>1</sup> Шахта «Новомушкетовская» в Сталино.

707.00 14.11.43

СЕКРЕТНО  
№ 1

*Зуба*  
*Вид*

Разведсводка № 0 Штаба Партизанского движения на Юго-Западном фронте 25.2.43 г.  
карта 500000 1941 г.

По данным партизан, вернувшихся из немецкого тыла.

Промышленные предприятия:

1. В г.г. Сталино, Ждановка, Серго /Донецк/ немецкими оккупантами восстановлены некоторые шахты. Добывается каменный уголь вывозится в Германию. На шахтах работает часть немцев, шахтеров и большое количество военнопленных.
2. В феврале месяце 1942 г. в Никопольском районе закончилось восстановление марганцевых рудников и началась добыча марганцевой руды. Спустя четыре месяца, когда восстановлена была могила руды, оккупанты приступили к массовому вывозу марганцевой руды в Германию.
3. В г. Мариуполь частично восстановлены металлургические заводы "Ильича" и "Азовсталь". На заводе "Азовсталь" работает 11-12 человек. Ритмичная работа заводов нарушается частой бомбардировкой нашей авиации.

Лагери военнопленных:

1. В г. Мариуполь на заводе "Ильича" находится лагерь военнопленных, насчитывающий свыше 45000 человек. В лагере г. Константиновка /Донецк/ находится около 20000 военнопленных. В г. Осипенко /Донецк/ на Черноморском заводе насчитывается свыше 1500 военнопленных. На бывшем авиазаводе № 29 г. Апаровье - лагерь военнопленных, насчитывающий свыше 5000 человек.
2. Мариупольский и Константиновский лагери военнопленных оцеплены сплошным трехметровым забором, верш которого оплетен колючей проволокой. По углам расставлены пулеметы. Кроме охраны, состоящей из немцев и итальянцев, в указанных лагерях создана лагерная полиция из добровольно сдавшихся в плен, которая снабжена оружием. Лагери военнопленных имеются также в г. Сталино и на Сталиноватая численность последних не установлена.

В Н В О Д П: Данные заслуживают доверия, подтверждены несколькими источниками.

Штаб Партизанского движения на Юго-Западном фронте  
Подполковник: *Андреев* /АНДРЕЕВ/

Начальник Разведки Штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте  
Полковник: *Костюков* /КОСТЮКОВ/

Отп. в 2 экз.  
Разослано по списку № 1.

25.2.43 г.  
*Иск 84с.*

Фото 8. Информация штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте о состоянии промышленности оккупированного Донбасса на начало 1943 г.

РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1042, л. 17.



как будто валится на него. Мы хохочем, смеялись с этого. [...] Ну, короче, проделывали немало этих бед. [...] Много я менять ездил, я прогуливал. [...] За это дело они наказывали. А как? Приводили в кабинет, а там на столе сколько плетей дадут вот-то тебе. Отходят (*изобьют*), чтобы ты, значит, не нарушал трудовой порядок. [...] Я не попадал. Я как-то – не скажу, как я мог, или меня скрывали там выхода на работе, или. [...] Я не скажу точно. Но я не попадал. А кос-какие ребята попадали. [...] На этом столе отгрохают, что называется, плетями. И не сядешь после этого (*смеется*), было. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] Когда уже немцы были, отца моего потом завербовали. Он хороший шахтер был, он понимал, очень понимал горное дело, и его как бы завербовали, сюда на Донецк. Дали вагон, эшелон целый – мы погрузились и поехали. И нам сказали: «Выбирайте на любой улице любую пустую квартиру. [...] Да, привезли в августе, в конце августа, а 8 сентября нас освободили. [...]

*Миланкина Роза Асвендияровна*

\*\*\*

[...] Когда пришли немцы мы стали менять, ездить в деревнях за зерном. Зерно менять – потому что ни магазинов, ничего не было. Есть нечего было. Потом приехала один раз из деревни, когда у меня повестка – в Германию ехать. У меня отец больной был, да и вообще я не хотела ехать. Поплакала немного и пошла на шахту работать. Пришли на шахту «16-17», только началось там. Сразу нас заставили уголь носить, грузить в вагоны. Потом, когда уголь вывезли, тогда стали ствол восстанавливать. Мы били щебенку, а там уже ребята местили и ствол восстанавливали. Но это немного было, нас перевели на «Новомушкетовку» работать. Я была маленькая ростом.

[...] Взорванные пути оставались на месте. Но их заставляли разбирать, эти пути. Ну и мы, девчата, становились на этот. А, лапка, которая срывает костыли. Становились на нее... Мы же молоденькие тогда девчата были, что там [силы у нас]. [...] Прыгали, чтобы сорвать костыль, вытянуть его. Силы мало, потому что питание было плохое. И вот там вдвоем... Прыгали и вырывали. А потом на «Новомушкетовку» послали нас. [...] Отсюда попереходили все с «Евдокиевской» на «Новомушкетовскую». А тут шахта не работала. Шахту не стали восстанавливать... Вот тот уголь, который был наверху, вывезли. В шахте ничего не делали они. Вот только стали

восстанавливать ствол и бросили его. А на Мушкетовке была затоплена шахта, там вертикальная шахта. Ну, вот пришли мы – я маленькая, худенькая была, до окна еле доставала. Ну мне говорят: «На выборку иди работать». Выбирать породу. Ну я пришла, мне не захотелось на выборку, пошла на откатку сразу, гонять вагоны. Ну, гоняли вагоны мы. [...] Что нам давали? [...] На «Евдокиевке» когда была – хлеб был из проса, просяной. Просо совсем нерушеное. Потом горелый хлеб был, из зерна горелого. А потом – я уже не помню, когда нам стали давать – стали давать нам 700 грамм хлеба на 10 дней (*неуверенно*), по-моему, знаю, 700 грамм масла на 10 дней и 700 грамм пшеницы с мышами. Вот это все. Деньги нам не платили. И вот это нам ничего не дают. Ну что, работали. Если оставляют нас в ночь, нам давали по 2 таких лепешки, твердые, если оставляли со 2-й смены. Ну тогда работали как работали. [...] Ну, молодые же мы были, нас четверо было и я как за бригадира была. И я должна была принять партию и отправить ее. А партия – 9 вагонов. 9 вагонов. И у меня часто-густо получалось, что забегаюсь, туда-сюда, и первый вагон не прицеплю, а остальные прицеплю. Раз тяну первый вагон, а он у меня пошел «орлом» в ствол. Один раз в ствол. Побило флянцы по всему стволу. [...] То, что соединяет трубы, водоотлив. Ну правда ничего, обошлось. [...] Знали [что сделала я]. Но они, правда, на девчат смотрели хоть мало-мальски. Мужчин били, но а нас не трогали как-то. А потом один раз снег такой же большой был. И вот снегу много было, а нужно было вывозить уголь из шахты. Ну нас послали. Дали участки чистить. Ну наша бригада немножко почистила и пошла греться, ушла. Ушла. За нами следом все ушли. И сорвали мы снегоочистку. Все, и мы пришли назад. Раз уж все ушли, и мы ушли. Потом вечером иду – девчата же гуляли. [...] Тут же на другой день меня послали в шахту работать. Когда звонят и говорят. Был у нас начальником Стельмах, вот фамилию помню. [...] Ну, как участка или что-то такое. Значит, вызывает полицию, чтобы нас забрали. Ну, мы что... Как раз те, кто сорвал, те все в шахте были. Посидели, посидели – ну куда мы денемся? И вышли на шахту. Вышли, когда вечером иду, смотрю, от напарницы моей выходят немцы. А я следом за ней. Ну куда мне деваться, а я иду – мне 16-17 лет. Доходят до нас, захожу и я следом. Ну, обыск сделали, лампочки забрали большие, какие у нас. Но не трогали. [...] Немцы. Это немцы. Но полицейских как раз не было. Почему нас и не забрали, потому что полицейских не было на участке. Вот поэтому некому было нас забрать. А вот немцы – те сами пришли. Обыск сделали – ничего не нашли. Вот так мы работали. [...]

*К. Вера Максимовна*

\*\*\*

[...] Ну что вам сказать. Ресторанов для нас не было – как хотите, так и живите. Ни шляпы, ни тросточки. Мы из шахты вышли, у нас ни бани, ни душа, ничего не было. Вот пришел домой, воды нагрели, schlafen<sup>1</sup> и schlafen, schlafen и schlafen, а потом arbeiten<sup>2</sup> и arbeiten. Это весь был наш смысл житейный, понимаете? Утром – на работу, ну, утром, со светом в шахту. [...]

***Н. Валентин Владимирович***

\*\*\*

[...] Я работал на паровозе, приехал из поездки, пошел в депо на другой день, а наши уже эвакуировались. Мне уже некуда было деваться. Мне говорят, раз такое дело, оставайся здесь, ты нам пригодись. Вот я думаю, это же при немцах придется быть, думаю, немцы придут, расстреляют сразу. Я же комсомолец был. Начальник депо был при немцах, Верич фамилия его была. Я поступил работать в депо, что дома сидеть. Думаю, может, что будут давать, или хлеба, или деньги, надо же как-то жить. [...] Я не помню, получал я что-нибудь, забыл. А работать – работал. Пошел до начальника, а он говорит: «Что, комсомолец?» – Я говорю: «Да». – Он говорит: «Ну ладно, работай». Не знаю, где он делся, приехал сюда<sup>3</sup>, его уже не было. [...]

***О. Владимир Анатольевич***

\*\*\*

[...] Вскорости папа вернулся. Он не смог, [...] не смогли они пробиться: до Алчевска они дошли, там разбомбили эшелоны ребятишек, ребятишки разбежались по домам, кто-куда, и они взяли и вернулись. Вернулся и встал вопрос: «А что делать?» Детей кормить надо. Что делать? Тут начали восстанавливать шахты. Он был инженер: у него образование – инженер – его, конечно, привлекли сразу. Он пошел. [...] Шахта 12-18, им. Правды, Буденновка. Вот, начали так работать. Потом через некоторое время объявили: как, мобилизация, отбор – отправка людей в Германию. Ну, возраст мой подходил – 14 лет – с 14 лет брали, вот, ну, это уже было в 42 году. Мне 1 января как раз было уже 15. Ну и решили, куда идти, надо идти на шахту, с шахты не возьмут, не погонят. Ну, куда ребенка.

---

<sup>1</sup> Спать (нем.).

<sup>2</sup> Работать (нем.).

<sup>3</sup> Респондент в 1942 году был угнан в Германию.

[...] Вот даже сейчас я даже, не представляю, как можно 14-15-летнего ребенка угнать куда-то. Все, пошла на шахту. И не на поверхность, а туда, в шахту. Сначала работала у главного ствола подкатчицей. Ну, я не знаю, понимаете вы или нет: вот вагончики с углем подвозят электровозом, а потом мы их загружаем в скип, а потом мы их поднимаем на-гора и там тоже выхватывают и там тоже вывозят, ну вот, это я в 15 лет толкала эти вагончики. Физически тяжелая работа. [...] Знаю, что большинство было женщин [на шахте], потому что мужчин было мало в общем-то. Большинство было женщин. Дети были, постарше меня, вот, поменьше работали на поверхности. [...] Немцы тоже работали, конечно. Вот у них был хауптман – главный, да? Нойман его фамилия. Он лояльный, довольно симпатичный такой мужчина. Он не бил, не ругался, он самый главный. [...] Работал Карл, потом еще Вилли, то есть мы знали их по именам – фамилии не знали: Вилли, Фриц, Карл, Отто. Работали, конечно, они надзирали. Спускались в шахту, правда, они боялись в шахту спускаться – больше днем спускались, боялись, что наши могут учудить. [...] И палка была, и палка была. Вот однажды – я о себе расскажу. Девчонка есть девчонка: страшно и в шахте, и голодно, все-таки, семья большая. А у нас недалеко был, тогда назывался совхоз – советское хозяйство, не колхоз, не коллективное хозяйство, [...] и набирали они рабочих весной на прополку и кормили сносно, ну как сносно. Тухлое мясо варили, но какой-то приварок давали. И я однажды не пошла на шахту – бросила все это, маме, правда, сказала, что я иду туда-то. Отработала там неделю, прихожу домой, ну, неделю уже отработала, надо помыться, надо переодеться. Прихожу домой, а мама говорит: «Карл приходил к нам домой, тебя спрашивал». – А я говорю: «А что делать?». – А она: «Кушай быстренько, мойся и уходи. Там они тебя не будут искать». Только она так сказала, Карл на пороге – вот он. Конечно, меня за шкурку и поволокли меня на... А вначале меня закрыли в полицейской. [...] Напротив нас дом: здесь у нас дом на две семьи, а вот здесь другой дом. Вот здесь раньше была молочная кухня для детей, а здесь была женская консультация. А когда немцы пришли, тогда вот здесь сделали полицейский участок. [...] А по двору ходит папа, мама. Папа нервничает. Мама, дети, а я сижу вот здесь, не знаю, что будет со мной. Потом пришли, забрали меня и повели на шахтный двор. Вы шахту представляете себе: большой шахтный двор. Согнали всю смену рабочих, которые должны были в шахту опускаться и это Карл, вот такой вот верзила, ну, вот мне кажется, он тогда старый был – ну, не старый – лет 45, это мне было 15, а ему так, под 50, может быть 40 немножко. И вот он поставил меня, согнал всех рабочих, и папа, смотрю и папа стоит, папа и его товарищи уже имели

тогда партизанский отряд – они стоят сзади. И вот этот Карл меня поставил в центр круга большого – большой шахтный двор. Кто-то пришел – не Нойман – еще кто-то пришел из немцев. Он, значит, докладывает, что она, мол, убежала, не работала, целую неделю она пропустила. Этот разворачивается и меня раз-два по щекам. Я, конечно, расплакалась, упала, но больше бить не стали. А знаю, что мне потом рассказывали, что папу держали за руки. Его товарищи держали, чтоб он не выскочил, не затеял ни драку, ничего, а то расстреляли бы – погиб бы и все. Вот так нам было легко. Вот так я пыталась протестовать против этого. А потом я опять пошла в шахту. [...]

## *II. Александра Григорьевна*

\*\*\*

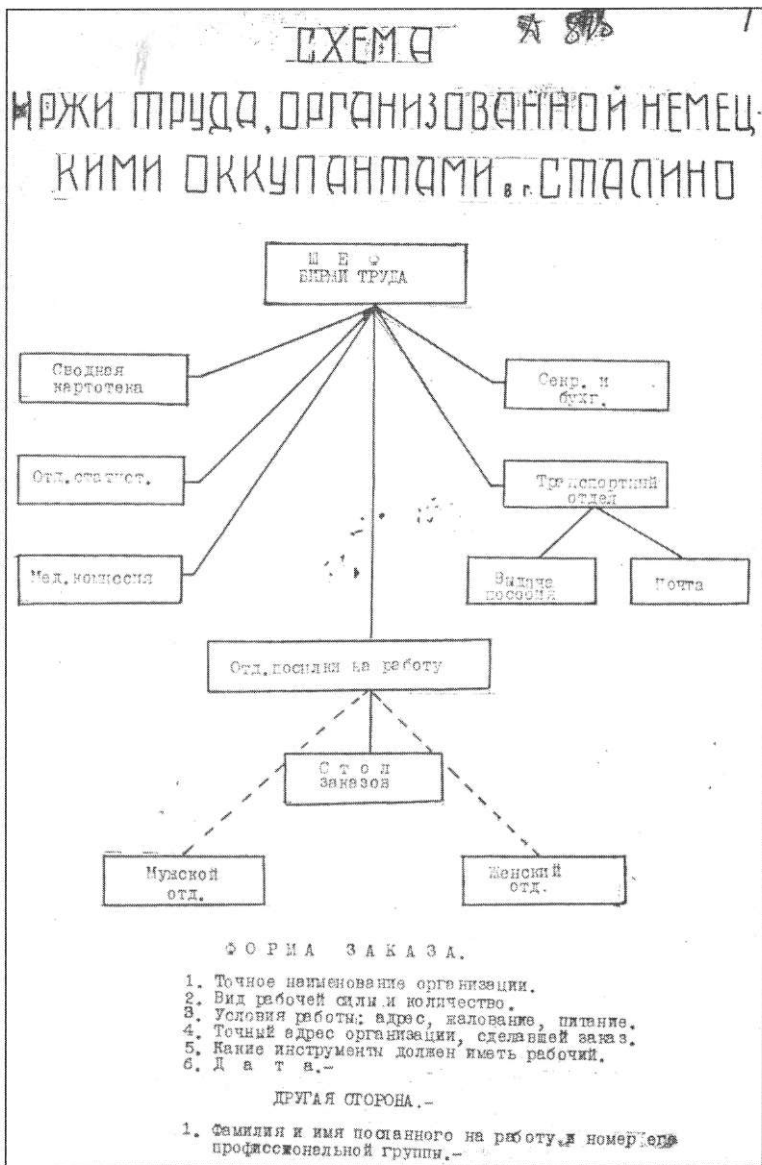
[...] А потом наши подпольщики со станции Рутченково [...] устроили нас на строительство фабрики Тодт<sup>1</sup>. Строительная организация Тодт. Нам сказали. Мое время выходит – это приходит Дураков Саша. Ну ему лет 30 было, мужчина, говорит: «Маина, где-то устраивайся. Придут за тобой». [...] И нас туда устроили. Пришли вперед Мария, Дуся туда устроились, Ксения. Потом же и меня туда. Пришли же за мной. Кончились мои 2 недели<sup>2</sup>. Там был шеф – Герман Германовский. Он или поляк или чех был. Форма у них была коричневая, повязка – «Строительная организация Тодт». И свастика на белом кругу. А помощники у него – Юзеф, Винцель, Дитель – вот так как-то фамилия была. А жили через дорогу, где трамвай на шахту, Узловая. Может, помните тот дом, зеленые ставни были. Маленький дом был. Вот это Марии Ступак. [...] И мы, значит, к ней. Мы ее и до войны знали, она немножко старше нас была. Мы там и работали. Что я хочу сказать: там работали наши пленные и немцы-тельмановцы<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Организация Тодта (название связано с именем Фрица Тодта (1891-1942 гг.) – государственного и военного деятеля нацистской Германии) - полувоенная государственная инженерно-техническая организация, занимавшаяся строительством автомобильных и железных дорог в целях улучшения возможности и скорости переброски войск, возведением оборонительных сооружений.

<sup>2</sup> Были даны респонденту для лечения после прохождения комиссии для отправки в Германию.

<sup>3</sup> Члены Коммунистической партии Германии, подвергавшиеся нацистами преследованиям, заключению в концлагеря.



**Фото 9.** Структура Биржи труда в Сталино  
РГАСПИ, ф. 7021, оп. 72, д. 815, л. 1.

Немцы-тельмановцы. Им не давали общаться. Забором обнесенная постройка была. Там и до нас какая-то молодежь работала, вольнонаемная. Разгружали эти пульмана. Вот эту коляску я как увижу – меня и сейчас передергивает. Ну что там – 17 лет, а нас то направо, то налево падает. Подходим по этим. И то мы летим с коляской. Кирпичи или что там возим. А надсмотрщики – немцы уголовники. И один особенно такой противный был, Томас. Плечи широкие, маленького роста, руки длинные и голова в плечах у него была. Всегда с этими ходили. Ненавидел люто и наших и немцев-тельмановцев. Лупил их. Немцы-тельмановцы нам говорили: «Он уголовник, он за убийство отсидел». Они строили брикетную фабрику в Польше, в Полтаве, а потом сюда их привезли. А потом их сюда привезли – это мы от тельмановцев знали. Он – этот сам Томас говорил – что [их привезли]. У них язык был польско-украинский. «Коли ми були на Полтавщині, у мене була жінка. Гарна така, огрядна. Чоловік її на фронті. Він, мабуть, загинув. И хлопчик в неї 12 років. Дуже гарні вареники варила со сметаной. И когда ваші будут наступать, я в Германию не вернусь, я к той жінке примкну». А Мария Клементьева говорит: «Я тебя там найду и удушю». Клементьева Мария говорит: «Я тебя там удушю». И копаем мы траншею, проходит – там дома были, туалет проходит. Мы вышли с траншеи, Мария в траншее стоит. Мы [...] сели. Подбегает Томас: «Чего це ви не робите». Чего его злило, каже: «Десятирічки кончаєте, а робить не вмієте ви». Образование. Ну а мы по 8 классов кончили. А Мария и говорит: «Тут туалет проходит». – «Ну и что? Робить, копайте». И двинул за плечо. А она говорит: «Убери свои уголовные лапы. Ты знаешь, кто я такая? Я русская дворянка». – А он смеется: «Да дворян більшовики в 17-м роке повбивали». – А она говорит: «А мой отец выжил, чтобы меня родить. А я тебя удушю. Когда наши будут идти, я найду тебя в Полтаве и удушю». – Она говорит: «Вылезайте, пошли к Герману Германовскому». Ну через дорогу. – «Куда це ви пішли»? Он, собственно говоря, не имеет права, мы как вольнонаемные ж были. – Она говорит: «Не твое дело». Мы вышли, Мария Ступак. Вышла переводчица: «Вызывай Германа Германовского». Он вышел – мы говорим так и так. – Он говорит: «Идите, я сейчас приду». Пришел. Уже первый этаж был выведенный, а второго не было. Он нас туда – опалубку срывает, гвозди гвоздодером выдергивает – а там [канализация]. [...] Он бегал, аж из себя выходил.

[...] Еще такой случай – шла цистерна с раствором цементным. Разгрузили цемент, а люк оставили открытым. И один наш пленный прыгнул туда. А они увидели, уголовники, и закрутили. Люк. Через час открыли, а он парами цементными [задохнулся]. Умер. И все

притихли. И тельмановцы притихли, и наши, и уголовники эти притихли. Вытащили. И вот то возле забора, где линия, вот то они прикопали. А работали мы с 7 до 6. Прикопали, мы утром идем, к 7 – и его пятки, объели или собаки или крысы, объели. Ну тогда женщины с тех домов как-то перезахоронили его. Закопали.

[...] А тельмановцам присылали из Германии украшения из пластика, бижутерию. Браслетик, 2 сердечка на бисере на этом, колечко какое-то. И они: «Дівчата, купуйте, – каже, – прикраси». А до войны мы как-то не носили, говорили: «Мы не дикари. Мы украшения не носим. Мы не дикари». – Они: «Что вы за дівчата, что прикраси не носите». И они иногда – видно Герман отпускал их, на рынок ходили и меняли это на макуху. И домой: «Наши семьи голодуют. Мы ж политические. И наши семьи там голодуют». [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] Пришли додому. А жрать-то ничего. А до немцев брали на работу на станцию, принимали. На Ясиноватую пошел и я. Приняли меня. Работали. [...] Муки давали килограмма 3. Хлеба – нет, не давали. И вот то работал там. До тех пор пока в Сталинграде не побили [...] Мы их (*немецкое руководство*) и не бачили. [...] К нам они относились нормально. Потому что мы едем на паровозе – 2 русских, австриец и немец. Едем и на паровозе. Идут по вагонам, а мы возле паровоза. Прийдут – пошли. Вот тут «ап» – мы расцепляем. Я, мой напарник – расцепили, поехали. Они относились к нам нормально. У нас при Советском Союзе был Шелков диспетчер, а у них он был начальник станции. [...] Старший там был, немец, но мы его и не бачили. А Шелков это в кабинете своем сидит. [...] А потом я привел из сортировки вагоны и вот этот немец кажет: «Гришка, машинка газконтроль, стой», и вагоны там. Мы к вагонам не присоединялись. А тут пришел, должен был из-за вокзала прийти пассажирский поезд под погрузку солдат. А солдаты идут. Там, где сейчас в Ясиноватой старый вокзал, там идут немцы, солдаты. Багато. И перед нашим паровозом переходили на погрузку. А вагоны наперед [поехали]. [...] И вот кто эти вагоны. [...] До вагонов не касались мы [...]. А кто вагоны те выгнал. А те вагоны вырвались – и в бок. А тут вагоны на паровоз, на нас. А там солдаты переходили. Накрыл, может, с десяток солдат. Крику, боже мой. [...] Я думаю: ну тут капут и мне. Бросил я работу – и додому. Все равно: хоть так, хоть так убьют. [...] Но я же не торкался вагонов. Як це там один мужик разузнал це діло – хто там у него был. «Да ничего», – говорит. Вроде ничего». Пришел я – а цей



Макс он по хорошему до мене. Вообще он против немцев. Он, может, и хотел немцев подвинуть. Потому что она, Австрия, оккупирована немцами. Тоже ж злякався. Ну нічого. Все восстановили и я работал. [...]

*Самисько Григорий Наумович*

\*\*\*

[...] И вот я пошел работать на «8-Наклонная». В общем, еще при Советской власти. [...] А уже когда вошли немцы, я работал канатчиком. Смотрел по уклону за вагонетками. Где останавливаются – вот это была моя работа. Два человека нас по уклону наблюдало за порожняком. Груз выходил на-гора. И вот мы смотрели, чтобы вагон не остановился. Бывало, что обрываются вагоны, «орлы» летят по уклону. Вот это я в войну делал, при немцах уже работал. [...] А немцы потом уже, не они работали, а нас заставляли. Мы разбирали уклоны, выработки, восстанавливали, настилали пути и опять же работали. Кушать надо же было. Как это чукча говорил: «Кушать надо». Так вот и мы.

[...] Слушайте, я вот сам, когда работал на уклоне, мы же пацанами были. [...] Я не как вредитель [действовал]... А забыл, Калипский, кажется, работал тоже со мной. Я не помню уже. Я говорю: «Давай, чтобы посидели люди, отдохнули, «орла» пустим». И вот возьмем, цепку снимем с каната – и вагон этот летит, собьет все, завалов наделает. А мы куда-нибудь заскочим – а оно, ж знаете, летят, на канате вагонов 30-40. И все вниз летят. Сбивают одни одного, завалов наделают. И стоит. А мы пацаны. [...] А кто там знает, что мы сделали. [...] Но восстанавливать идут же люди. А это все стоят люди (*не работают, простаивают*). Время-то идет, а что там... Все равно продукты давали. Что они нам давали – черт его знает, мы же не знали. [...] Нам было выгодно это. Оно как вредительство это, а фактически мы для себя делаем. [...] Это сейчас я уже понимаю, что [был риск]. [...] А если бы поймали? Сразу же шлепнули. Сейчас до меня доходит, что за это запросто вывели, сразу б. А мы вот так возьмем, подложим шепочку, а жак – такой крючок на канате – снял, он раз, упал. А потом идет второй вагон, стукнул его – и полетел. Может он остановился? И тут доказать нечего, не докажешь. А Семин орет, а голос был у него! Не знает, где мы, думает – побило. А мы запрячемся, а оно же темно, вагоны эти с углем поперекидываются. Пыль там, страшное дело. А он там орет, думает, что нас побило. «А-а-а», – и матом прет. А мы свое дело знаем, сделали – помалкиваем. (*Смеется*). Но мы не как вредительство, а так вот, как говорю, как есть... Было такое. [...]

Немцев в шахте почти не было. Начальство приедет, проверит – а то все наши. Вот у нас был горный мастер Семин. Вот я помню Семину, это горный мастер. А в ламповой, начальником ламповой Пращина была. Вот как звать – не помню. И его не помню. Ну ничего я такого, вы знаете, не помню ничего. Ну вот я проработал по 43-й год в шахте. С 1941 по 1943. Меня в 1943 году забрали в армию отсюда.

[...] Сотни полторы если работало, то хорошо. С ламповой, с поверхностью, со всем. Вот я знаю на «8-Наклонная» – там ламповая восстановлена – в ламповой же люди работали, ну и в шахте работали люди. Крепильщики работали, пути настилали, проходку делали – но людей мало было, мало было. Молодежи же не было почти, которая [работала]. Пацаны вот эти, подростки и старики. Женщины работали. Женщины – те всю войну [работали]. Они, бедные, и забойщиками работали и уже в войну работали. [...] Женщины работали бутчицами. Они в забое не работали, а бутчицами. Это ж тоже [тяжело]. Давали продуктами. [...] В большинстве – продукты давали, карточки какие-то. В общем, продукты какие-то. [...] И на местные [нужды уголь] шел, и отправляли в Германию. Даже землю отсюда вывозили. Хорошую землю грузили в эшелоны и отвозили. Это я точно знаю. [Это] видел, видел. Даже заставляли грузить. [...] Ну мы же вот ездили. [...] Считаю по всей Украине мешочники эти ездили. [...] И грузили в эшелоны, отправляли землю туда, чернозем.

[...] Было, что и на окопы забирали, я вот сам рыл окопы, меня тоже забирали. А давали форму – как вам сказать. Ну, из трофейного чего-нибудь, ихнего. А окопы же надо [рыть] – зима, одевали. А что сделаешь – одевали. Заставляли. [...] Тоже ж считали, помощь делать. [...] А куда? Пацаны, бабы, женщины. Мы же не виноваты. [...] Ну застрелят нас, ну и что. И шли люди работали. Жить-то тоже хочется. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] Один раз меня заставлял немец отнести сцепки на эстакаду. А я что-то там завалился – так он меня как схватил за горло? И палкой, значит, [хотел] ударить. И ударить не ударил, но только замахнулся, припугнул, да и все, и на этом все кончилось. Я выполнил его приказ. И больше он, сколько [не трогал]. [...]

*Т. Иван Борисович*

\*\*\*

[...] В 1941 году я пошла в питомник работать, цветы садить, так это сразу после школы. Потом война, немцы пришли, нас заставляли, вы не представляете, как трудно было. Снег как начал валить, дома заносило, и немцы нас на трассу, им проехать негде, так немцы нас выгоняли на трассу, на Донецк, Мариуполь, туда. И мы целыми днями снег расчищали. Снега валило тогда. Сейчас ни одной такой зимы не было. И мы работали целую зиму на снегу. [...]

*Х. Мария Семеновна*

\*\*\*

[...] В период оккупации, с первых же дней немцы все, ну как бы грозили что ли, или говорили, что вся молодежь будет работать на них в Германии. Чтобы избежать поездки в Германию, я искала работу. И встретила свою студентку Жильченко Ирину. Она фольксдойче – полунемка, и уже работала в «Сталинугле». Это был конец октября. Они 21-го вступили, а это конец октября. «Ну, что ты делаешь и так далее?» – Я говорю: «Ищу работу, чтобы меня не угнали в Германию». – Она говорит: «Да ты знаешь, у нас – мы же угольная промышленность – у нас в Германию не забирают, и все, давай я тебя устрою». Ну сначала я несколько времени работала курьером, ну а потом, посмотрели, человек среди всех [выделяется]. [...] Образование – 2 курса института, когда там девочки были с семиклассным образованием, меня перевели в чертежники. Посмотрели – на кальке я работала хорошо, в школе я почти не имела [плохих оценок], только одни высокие оценки. [...] Ну и работала я чертежницей. Мой чертежный стол, значит, находился в «Донецкугле». Ну, тогда был «Бергхюттенберггезельшафт Ост»<sup>1</sup>. Кабинет Крюмера – мой начальник – обер-лейтенант доктор Крюмер. [...] Ему было 68 лет, да. Характер у него такой вспыльчивый был, такой. И думаю: «Как же это так?» А мне дали карту – Луганская область, что ли. Я уже заканчиваю, а сердце болит: как же это так, моя работа будет им. Да, я подвигаю свой стул и дверь открывается. А тут мой стол, впритык чертежный. Он открывает дверь и так – а он такой был быстрый в движениях – и как размахнется, а тушь стояла вверх – и на чертеж, и чертеж запачкался. Он: «Verfluchte doch meine»<sup>2</sup>, – и так далее, - «как

---

<sup>1</sup> Полное название – Berg und Hüttenwerk Gesellschaft Ost (Горно-металлургическое общество «Восток»); контролировало металлургическую и угольную промышленность на оккупированной территории СССР.

<sup>2</sup> Черт возьми (нем.).

же это так». Я говорю: «Я не виновата, – я расплакалась, – я ж не виновата, это же вы двигали». В общем, Крюмер пошел. Второй раз что-то тоже делала, какой-то чертеж, открыла окно и дверь. Сквозняком тоже сорвало [лист], с кнопки сорвало и чертеж, в общем, тоже испортила. Но, между прочим, ко мне хорошо относились, потому что была исполнительная, аккуратная в этом отношении. А что на душе было. [...] А потом открывается у нас отдел статистики, причем Крюмер был главным начальником отдела статистики, ну а меня в статистики переводят. Статистик-переводчик называлась. Ну, там немецкий язык особенно не надо было знать, там надо было знать *Wasserleitung*<sup>1</sup>, *Förderung*<sup>2</sup> и несколько таких специальных слов. Ну, там я работала, работу выполняла аккуратно, радовалась, когда там очень [были проблемы]. [...] Не так я рассказывала (*хочет по иному повести рассказ*). Вот я сижу, моя работа, да? Инженер Мисюн. [...] Мисюн, Надежда, отчетство забыла. Она собирала по дирекционам сводки. Сколько добыто угля, сколько откачено воды, сколько вывезено породы, ну еще кое-какие детали. Ну она мне сдавала, а я уже все это по дирекционам на миллиметровке [разносила] – там был большой лист, вот «Донецкуголь» – шахта такая-то, шахта такая-то, шахта такая-то. И вот я на миллиметровочке должна делать типа [...] диаграммки. Ну а так у меня получалось неплохо. Особенно хвастаться нечем было немцам, потому что добыча была мизерная. У нас шахта «Гигант» в Петровском районе славилась в советское время [...] Сначала там были потопления, подтопления. Вот, затем, если была добыча – 17 тонн, 20 тонн. Вот такие, маленькие [объемы]. [...]. Машины – я не знаю, в основном отбойными молотками работали. Не хватало. Машины выводили из строя часто, часто не было электроэнергии, очень часто мы по 2 дня не могли получать сведения из некоторых дирекционов, потому что порывалась телефонная связь. Немцы бесновались и кричали: «Партизаны, партизаны, партизаны». Ну а нам это было, как говорят [радость].

[...] Да, снабжение было очень [плохое]. [...] 140 граммов масла подсолнечного на неделю давали или на декаду, на 10 дней. [...] Ну вот я работала – получала. 140 граммов масла. Сахар не помню – не то 200, не то столько-то граммов. Нам давали только жженые пышки на завтрак. А хлеба я не помню. [...] Хлеба пайки я не помню этого, нет. А вот дадут эти 2 пышечки, причем на перерыве в столовой давали 3-4 кусочка конины. Маленькие, там граммов по 15, не больше, залитые подливой из жженой муки. Можете себе представить, и одна или две

---

<sup>1</sup> Водопровод (нем.).

<sup>2</sup> Добыча (нем.).

пышечки вот этих вот. Съешь – изжога, тошнит. Страшно говорить. И все равно мы ели, потому что надо было есть. Ходили менять – мой папа ходил менять. [...] Мой старший брат работал на заводе. Хотя он инженер, но работал на рабочей точке. [...] Отдельные цеха немножко так работали. Полной работы не было. Полной работы не было. Но я не помню, чтобы брат приносил пайки. Какие-то карточки или что-то давали, но я не помню. [...]

*Червякова Валентина Игнатьевна*

\*\*\*

[...] Когда фронт, который был на Миусе, отодвинулся на восток, и солдаты ушли из нашего поселка, к нам пришли специалисты, горные специалисты немцев. Наш поселок, небольшой шахтный, и шахта очень старая была, 1905 года. Разрабатывала она один пласт. И вот, когда наши уходили, они ее взорвали. После этого, значит, немцы пришли, начали ее восстанавливать, восстанавливать. Ну, очевидно, наши ее не сильно взорвали, потому что через несколько месяцев немцы восстановили шахту и она начала работать. Работала она не так, как до войны. До войны добывали 1200 тонн, а при немцах, значит, они сумели только достичь 60 тонн в сутки. Это в 20 раз меньше. Значит, на поселке осталось мало людей, часть эвакуировались, часть, значит, разъехалась, поэтому немцы собрали оставшихся жителей – там были и женщины, и дети, и мужчины, которые по каким-то причинам не были в армии и остались в поселке. Они предъявили такой ультиматум: «Или вы будете работать в шахте, или поедете в Германию». Поэтому, значит, и женщины и дети были согласны идти в шахту. Ну, для ребят они установили такой возрастной предел: начиная, значит, с 13 лет и выше. Для девочек – с 15 лет и выше. Мне было в то время – мне исполнилось 14 лет и мы, значит, пошли в шахту. Меня оформили учеником крепильщика. Других ребят, значит, оформили лесогонами, доставщиками, учениками других профессий, все мы работали в 3 смены. Три смены по 8 часов. Ну, у меня был старый рабочий, крепильщик, я с ним [был]. Не обучали нас ничему, никаким профессиям, просто прикрепляли к старым, взрослым людям, и дети вот эти работали вместе с ними. [...] Девчонки там лет по 15, 16 тоже работали в шахте. Ну а за женщин уже и говорить нечего. И мужчины. Вот такой контингент у нас был. Ну что еще... [...] Как добывали уголь? Значит, из четырех лав довоенных в шахте, на этой восстановленной шахте работала только одна лава. Подрубывали уголь врубмашиной, затем бурили шпурсы, взрывали, и грузили этот уголь на конвейер. Даже не

на конвейер, а как он назывался, вот этот... Транспортёр ДК-15. Качающийся. На качающийся транспортёр, да. Грузили вагонетки, выдавали на-гора и на обогатительную фабрику, у нас там была [фабрика]. Шахта эта называлась №15 «Основная», бывшего треста «Снежнянантрацит». А теперь она подчинялась дирекциону, который обосновался в тресте, бывшем тресте «Снежнянантрацит». Директором этой шахты был некто господин Траске. Такая фамилия – Траске. Кроме него были штейгера, которые, значит, дежурили в сменах и следили за выполнением работ. Из русских специалистов были только горные мастера. Горные мастера в смене дежурили, работали мы по 8 часов, в 3 смены по 8 часов, и в каждой смене, значит, был горный мастер русский. И приезжал один этот штейгер. Ну, осуществлял он общее руководство, смотрел за порядком, смотрел за дисциплиной, ну и, значит, за техникой безопасности. Шахта была затоплена, поэтому нижние горизонты они не могли обрабатывать. Обрабатывали только один верхний горизонт, который откачали от воды. Пласт у нас метровый – один метр, уголь – антрацит, уголек хороший. Отгружали его на станцию Софьино-Бродская, на железнодорожную станцию. Там грузили его в вагоны и, значит, [везли] куда там, в Германию или куда я знаю. Вот так. Отношения у нас были с немцами... Я бы не сказал, что сильно дружеские, потому что немецкая пунктуальность – она не совпадала с нашей расхлябанностью. У нас рабочие как стремились? Пришли на смену, туда-сюда покрутились и уже до ствола, на-гора подниматься. А немцы – они пунктуальные. Они вот положено от звонка до звонка – отработай, все. А поэтому на этой почве иногда и приходилось конфликтовать с немцами. Ну до крупных таких конфликтов у нас не доходило, потому что все-таки мы побаивались. [...] Их надзор не то что наш надзор, вот и старались, значит, не идти на конфликт.

[...] Главный инженер на шахте был русский, Булаев. О немце я уже сказал. А мастеров, штейгеров я тоже не знаю. Знаю, Вилли там был один, другой – Ганс. Просто по именам мы их знали. По фамилиям мы их не знали. Ну, что еще. [...] Спецовку нам не давали, ничего не давали, у кого что было, тот в том ходил. Банька у нас работала, мы выезжали, купались в бане. Шли отдыхать и на следующую смену выходили. Ламповая работала, нам давали лампочки, кербензинки. Аккумулятор, я помню, был только у мастера. Аккумулятор. У немцев был хороший прожектор. Такой как просветит – через всю лаву. Лава была 150 метров. А у нас были – бензиновые [лампы]. Коптят они, но свет [дают], как заходишь, там все [видно]. Работали, значит, не очень прилежно. [...] Он же не сидел над нами над всеми, шахта все-таки ж большая. Он пошел куда-нибудь, а мы

сели. Причем у нас шахта не газовая, даже курили мужчины. [...] Можно было, газа нет. Покуривали, значит: «Сели, ребята, перекур, немец ушел». Вот так... [Если видел, что не работаем] кричал. [...] Ну а потом, когда пришли [горные специалисты], с техническим персоналом мы мало сталкивались, потому что он пришел, нашему мастеру дал указание и ушел, немецкий штейгер. А он (*русский мастер*) уже нам давал. Они и до войны работали, эти мастера. Так что они в курсе дела. И в шахте, и какие работы выполнять, и где материалы брать, перчатки, все это дело. Так что мы больше обращались к нашему русскому надзору, чем, значит, к немцам. Ну а немцы осуществляли, так сказать, общее руководство. Ну, как там они уголь этот распределяли, я не знаю, но нам тоже отпускали уголь для отопления, потому что мы даже в зиму работали, и потом лето пришло.

[...] Отпускали нам уголь, я только не помню, или тонну, или 2 тонны на зиму. Но там у нас можно было и с терриконов уголек насобирать, в общем, мы без угля не сидели, уголь у нас был, отапливали [дома]. А остальной уголь они вывозили к себе, куда-то. [...] Норма я не помню какая была, но такая, что мы ее выполняли. Норма, я не помню, или одна или 2 тонны на человека. [...] Ну, там людей немного было в одну смену, мы же в 3 смены работали. Если мы в смену 20 тонн выдавали, или, может даже, у нас 2 смены добычных было, а третья ремонтная, вот так. Но за сутки получалось 60 тонн. Вот на этих 20-30 человек, которые там в лаве самой работали... Работало немного в лаве, а так по шахте – много. Потому что нужно ж обслуживать лебедку, транспортер, потом эти вагонетки подкатывать – откатывать. Затем перекреплять, ремонтировать. Крепь-то ломается, ее тоже нужно [ремонтировать], и доставлять материал в шахту нужно – так что подсобных было много, а в лаве немного людей было. [...] Ну, работали наши люди и на поверхности, контора была из наших, проводили же нам выхода, деньги насчитывали, все это дело. Бухгалтерия наша была. Из них рабочих немецких у нас не было, ни одного рабочего. [...] Платили нам русскими рублями. Курс у нас был один к пяти. Марки, немецкие дойчмарки. Значит, одна дойчмарка – 5 наших рублей. Ну, мы заинтересованы были не в зарплате, а в продовольственном довольствии, так сказать. Выдавали нам карточки. 800 грамм хлеба на взрослого, на рабочего, который в шахте, и 400 грамм на иждивенца. Ну, поскольку у меня иждивенцев не было, значит я один [получал]. Ну, мать тоже там где-то работала. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

## ГЛАВА 9

### «НЕМЦЫ БЫЛИ РАЗНЫЕ...»: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ С ОККУПАНТАМИ (НЕМЦАМИ)

[...] У одних немцы забрали капусту, соленую капусту. Это зимой 42-го года. 41-го – 42-го. Зимой, да. Пошла в комендатуру хозяйка, заявила так и так, мол меня немцы ваши [ограбили]. И переводчик был. Объяснилась вот так и так: «Забрали капусту». – «Вы их можете узнать этих солдат?», – комендант или кто там. – «Могу». Построил. Это рассказывают, со слов. Она прошла, посмотрела: «Вот эти вот. Двое». Говорят: офицер ругал их. Что вы мол... Ну как ругал, то его дело. Ну возместить – не знаю, возместили ей капусту? Но дело вот в чем. Через несколько дней снаряд в этот дом – ба-бах. Угол хаты. какие там хатки? И там сын был – сына убило. Сын погиб, а мать и отец живы остались. Это те немцы и выстрелили. А кто же? Отомстили им. [...] Один выстрел был. Это не в сторону фронта, не в сторону противника, Советской армии. Совсем по другую сторону. Это только отомстили. [...] Это далеко от фронта, и советский снаряд [не мог быть]. Вообще вблизи здесь никого не было, взрывов снаряда. Только они. Но сын погиб, жалко. Я еще с ним дружил. [...] Это я еще там жил, слух был, про капусту рассказали. Что снаряд разорвался. Но все ж таки говорят: «Это немцы». Советский снаряд нет. [...]

*Афанасенко Алексей Иванович*

\*\*\*

[...] У нас на квартире – у нас маленькая, у нас были немцы. Немцы мне давали хлеб, они давали хлеб. И они побыли один день и сказали, что здесь жить людям негде и ушли: «Здесь дите». [...] Понимаете, вот это вот хорошо. А плохо было то, что немцы – вот там дом большой – был. Немцы вот там от солнца загорали. Так я вот взяла водички – коровку напуваю, та як шурану на них. Вони мене чуть не убили. Хорошо, что я під кровать залізла, сестра прийшла, а то убили. Оце так ми относилися к немцам. Понимаете? Тут – необъяснимо. Конечно, нам еще в школе говорили, что придут фашисты, а мы берегли... Это они пришли на нашу землю, завоевывать нашу землю и земля эта – наша, мы землю свою не отдадим и будем бороться до конца своей жизни – понимаете? Вот у нас уже с детства это все было. Как-то, это война когда началась, то вот преподаватели, вот это все просто внушили. [...] Все равно, все равно я их ненавидела



потому, что они у нас корову забрали, вони мене убили, я лежала. Вот это счастье – перебитый нос, вот это все окровавленное было. Мама аж через два дня меня нашла бессознательную. [...] Эта ситуация – вот это ж фашистская, оця ж немка сказала, что у нас корова. Мы ее прятали, прятали. Я ее ж даже знаете куда прятала? У нас вот эта улица, вот был этот, как это? Окопы. И я вот вырыла широкий окоп, и вот это когда бомбежка, в сарай, вот это в окоп корову туда, в цей окоп. Вот такая была у нас Катя. Ну, и сказали, что у нас вот тут корова. Корову прийшли это самое – собака у нас большая. Вони раз – застрелили собаку. Три чоловіка прийшло, три. Один, как его называли? Один – с бляхами. Как их называли?<sup>1</sup> [...] Да, вот один – вот такой, и два без этих. Прийшли три чоловіка и сразу вот это собаку застрелили і пішли в сарай. Отвязали корову и начали выводить. Выводят корову, открывают калитку. А я схватилась и плачу – мами ж немає, плачу и за хвост тяну: «Это моя корова, это моя корова». И когда она ж за хвост не може вийти, за хвост держу – как чувствует корова – так вони мене ногой як пилянули, а потом вот это бахнули у палисадник и крикнули: «Капут», – и забрали корову. А я услышала еще, слух у меня был: «Капут». Я токо шо [это] запомнила. [...]

### ***Бойко Валентина Севастьяновна***

\*\*\*

[...] 14 лет – это не так много. Правильно? Я, может быть, не все и осознавала. А прошло время – боль, как говорят, утихает. Но, как и у русских, так и у немцев это... человек (*были люди*). Вот были даже такие, которые... Вот один из них – он был каким-то денщиком там, у офицера. Вот он пойдет ему там получать питание какое-то, суп – он зайдет, отошьет, положит куда надо. А детям даст там что-то поесть. Какой-то музыкант был у нас на квартире, где-то в каком-то казино он играл. Он приходил всегда поздно. Немец. Он настолько был интеллигентный человек, что он приходил, он всегда извинялся, что он пришел поздно, но это же его работа, да? Всегда старался чем-то отблагодарить, за то что там ему подали, за ним помьбли, убрали... А были такие, что (*неразборчиво, но, очевидно, хотела сказать «вели себя плохо»*). А были такие, что вот пожалуйста, вот. [...] Вот они приходят в дом, у нас был небольшой дом, три комнаты. Они

---

<sup>1</sup> Вероятней всего, респондент имеет в виду фельджандарма. Фельджандармерия – военная полиция, осуществлявшая полицейские функции в войсках и на территории, находившейся в непосредственном подчинении армейского командования.

выбирают самую хорошую комнату. Самую лучшую кровать, ну все самое лучшее. А [хозяева]... там где-то на кухне ютятся. Солдаты. Действующая армия. Ну а офицеры – они останавливались в более приличных домах, в зажиточных. [...] Ну, какое отношение. Вот я же вам говорю, смотря какой солдат. [...] Вы понимаете, нельзя сказать, что они культурные. Он солдат. Вот он сегодня жив, а завтра его, может, и не будет. Правда? Они себе и позволяли все. Нельзя сказать о его цивилизации, о его культуре. Потому что это не то, что вольнонаемные люди, у которых работа, понимаете. Это совершенно другое. [...]

*Валентина Ивановна*

\*\*\*

[...] Немцы, немцы. Это в Макеевке было, немцы. Ну, знаете, любопытство присуще всегда таким пацанам, как я. Все говорят: «Идем смотреть, что за немцы вступили». Ну, значит, пошли посмотреть. Они опасливо держат себя, они осликов остановили, стоят, жуют. Посмотрел [солдат] на меня, вынул шоколадку. Я отнекивался, он говорит: «Бери, бери». Отдал шоколадку, я ее не ел. Потом я смотрю, что у него на пилотке какой-то такой [знак] в виде розы. Решил я испробовать свои знания в немецком языке. Я, значит, ему показываю пальцем и говорю: «Was ist das?». Знаток! Он, значит, снял пилотку и показывает: «Вот это?» – Я говорю: «Да». Он тогда отворачивает пилотку и внутри показывает засушенный цветок. Я говорю: «А что это?» – «Edelweiss, Edelweiss»<sup>1</sup>. Миролюбивые, хорошие ребята. Ну, значит, постояли с этими, если можно сказать, пообщались. Потом они, видимо, подтянулись по улице с правой и с левой стороны колонны и этот офицер, бегающий посреди дороги, скомандовал им: «Вперед!», – и они пошли. Так что с воздуха, сверху не видно было, что они двигаются. Но они двигались по обе стороны улицы. Ну, мы начали говорить, что у них танки, бронетранспортеры и вся эта техника такая [хорошая]. А на самом деле наши удирают на лошадаках, а немцы наступают на осликах. Так нашлись такие, которые говорят: «Вон там, через Горячую они пошли, танки у них мимо завода». Ну, это такие слухи, разговоры.

[...] Женщины страшно завидовали той Маньке, у которой живет офицер. Он ей продукты носит, ну, естественно, трахает ее. Так

---

<sup>1</sup> Эдельвейс (*нем.*). Цветок эдельвейса являлся эмблемой 1-й горнострелковой дивизии вермахта, принимавшей участие в боях на советско-германском фронте.

бабы одна другой завидовали, у которой немцы живут. У которой немцы живут и которую трахают – она целую семью кормит. Поняли? Уже потом, когда начали в Германию вербовать. [...] Помню, я шел бычки собирать. Идет несколько немцев, я за ними уцепился. А им навстречу девки с сумками. Они значит им говорят: «Wochin fahren sie?»<sup>1</sup> – Они говорят: «Германия, Германия». – Он говорит, немец этот: «Не надо ехать, не надо ехать». [...] А она говорит: «Und was machen?»<sup>2</sup> – А он ей говорит: «Ich kann auch tauschen»<sup>3</sup>. «Давай, – говорит, – поменяемся. Я поеду в Германию, а ты останешься здесь». (Смеется). Вот такой разговор был. Ну что вам сказать? Вот эти вот разговоры, когда говорят: «На квартиру попал немец, а его убили», – это чепуха. Слухов о том, что есть подпольщики, у меня никогда не было. Я не слышал. [...] Единственный раз слышал, что гнали по Макшоссе связанных колючей проволокой матросов. А больше ничего не слышал.

[...] Дід Цукур в півхати пустив нас. Жили мы там у него зиму. Жили мы у него в ту зиму, когда немцы отступали из-под Сталинграда. Помню еще в нашу ту комнату вселился немец. Подъехали машиной и он вошел – одетый шикарно. Потом, когда он пообедал, отдохнул – он достал губную гармошку и играл «Из-за острова на стрежень, на седой простор волны». «Стеньку Разина» играл. Между прочим, очень талантливо играл. Очень талантливо. Был у меня в Новопавловке еще такой случай. Вдруг немецкий самолет. – «Юнкерс», что-то у него видимо отказало, над нашим домом пролетел и через 2 дома в садок проехал – не побился. Я кинулся туда смотреть. А немец этот [когда] кто-то подбежал, полицай, наверное, и говорит: «Я во Франции летал и не было такого, чтобы вынужденная посадка. «Юнкерс» этот – знаете, какой «Юнкерс». Грузы возил. [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Выдали хлебные карточки. Значит, нам давали, по-моему, 200 грамм хлеба неработающим и 400 или 500 грамм [работающим]. В магазине, значит, отоваривались. Разрешали выезд, менять. Вот собирали, что в доме стоит и мы возили менять. Но где-то в 42-м году где-то с лета забываем все, где мы жили, и уехали в Запорожскую область, в село Розовку. Повезли – у нас баян хороший был, дядя играл

---

<sup>1</sup> Куда вы едете? (нем.)

<sup>2</sup> И что делать? (нем.)

<sup>3</sup> Я также могу поменять (нем.).

на нем. Одежда какая-то была. Мои детские [вещи] были. И поехали. Дядя тачку сделал и поехали. Кому что. Кто ведро кукурузы, кто что. Вот это мы наменяли. И зимой так же делали. В Старобешево там, в село. Там еще пооставалось много лиц, которые нуждаются в обновках и у кого есть на что поменять.

[...] В Доме техники<sup>1</sup> остановились немецкие летчики. Аэродром у них был где наш, на Путиловке. А жили они здесь. И, значит, у них, мы уже знали, в 3 или в 4 обед. И, в основном, у них суп гороховый. И все гражданские с кастрюльками – у кого что – выстраивались за этим. И, значит, порцию отпускают. [...] Целенаправленно кормили – это 100 процентов. Я прибежал, дала мне – он все равно тебе один [половник], у него такой большой половник, наливает. Я быстренько отнес, прибегаю, еще становлюсь. Он на меня посмотрел – уходи. Не дал второй раз. Потом, значит, один раз привезли они абрикосы. Как я сейчас помню, мы чуть не отравились этими. Значит, вот... Как они, «кольоровка», большие, персиковые или абрикосовые, летчики эти [ели]. А чуть подмятые они выбрасывали. И настолько понавывбрасывали их, что мы домой ведрами их носили. Вот эти вот абрикосы. Это ж представляете, какой... Теперь, значит, нас сколько. Теперь появились госпитали. Где госпиталь был, сейчас я скажу. В городе был, там, где Первый гастроном<sup>2</sup> – был штаб и был госпиталь. И теперь госпиталь был, где Центральный автовокзал, чуть выше. Там больница была до войны. [...] Значит были открыты и больницы. Вот у нас 6-я больница функционировала. Скажу значит так. Когда я шел за этим гороховым супом с котелком, перехожу через двор. Вот опять же подчеркиваю. Смотрю, мои сверстники с гранатой возьтятся, где-то ее нашли. И она у них взрывается. Значит одному там палец, руку. Мужчина выходит – так во дворе туалет был – ему осколок в бок. А был один – фамилию как сейчас помню – Балалайкин. Так вот запомнилось. Они жили с сестрой как раз при входе в больницу. А я уже возвращаюсь, смотрю – его на плащ-палатке несут. Ему осколок в затылок попал. И в эту же больницу его принесли, немцы его оперировали. Спасли мальчишку. Помощь оказывали посильную.

[...] У нас остановился на квартире Вилл. Как сейчас помню его. Он отлично владел русским языком, и отец у него был преподавателем русского языка там, в Германии. Так он жил у нас на квартире. И к нему приходили его друзья. Вот накрывает стол и, понятно, было, что

---

<sup>1</sup> Административное здание ДМЗ на площади Ткаченко.

<sup>2</sup> Гастроном «Москва», располагавшийся в Сталино на улице Артема.



**Фото 10.** Ефремов Владимир Сергеевич,  
январь 2011 г.

Фото из личного архива Д. Н. Титаренко

офицерам поест. И вот что остается – это для нас был праздник. Понимаете?

[...] Вот в 43-м году уже пережили мы зиму, все, что были вещи, отвезли, сдали. Вот мой отец уже в возрасте был. Я не помню, с какого он года, но раз его военкомат не взял в армию, кое-что собрал последнее и поехал. Поехал опять в эту Запорожскую область. Немцы брали. Едет машина – голосуешь, грузовые машины брали и поехали. И он поехал. Потом возвращаемся обратно – смотрим, подъезжает машина. И нашего отца ихние военные на каких-то самодельных носилках,

смотрим, снимают отца. Военная машина! Оказывается его она, эта машина, сбила, пересекла ему ногу. Открытый перелом у него был, как сейчас. Он от гангрены умер. Нечем же было [лечить], пенициллина не было. Давали ему какие-то примочки. Они ногу как-то там поставили, забинтовали ногу. Эта машина не бросила его на дороге, привезла его домой. Это военные. Не СС, не гестапо, не какие-то другие части. [...] От этого [перелома] и умер. Не было никакого питания. Но я говорю: они-то привезли! Именно военные.

[...] У нас на нашей улице останавливался СС – как его – «Мертвая голова»<sup>1</sup>. Стояли танкисты – прямо на нашей улице. [...] Танкисты. Бронемшины. Глей был на территории завода – стрельбу поднимали – мы эти гильзы поднимали. Вот такое вот. Мальчишки. И

---

<sup>1</sup> Танковая дивизия СС «Мертвая голова». Летом 1943 г. принимала участие в боях на Миус-фронте.

что нам понравилось – брали мы ихние пилотки, мерили – они смеются с нас. [...] Еще залезли за автомат [захотели взяться] – но они не разрешили. А так вот. Но только еще раз: воровство – нет. Вот такое вот было обращение.

[...] Или вот такой случай – вам будет интересно. На этом рынке на колхозном, где Центральный универмаг. [...] И вот, значит, облава, этот рынок окружили. А я с дядей был. Облава. И вот машина, под машиной скамейка – и его туда. А у него борода была – бороду отпустил, значит. И тут полицаи в основном. И в машину. И мы уже подходим, и полицай – меня он толкнул вначале, а потом и его (дядю) этим прикладом. Так вот стоит немец-офицер. Этот дядюшка мой как этого полицай врезал – он в одну сторону, а карабин в другую. (Смеется). Немец посмотрел на него – как рассмеялся. Залился, значит, слезами от смеха. Полицай вскакивает, передергивает [затвор]. А немец парабеллум достает: «Идите». И нас отпускают. [...] Опять же, тут честная борьба. Видит, что пожилой человек с бородой, а ты молодой такой, с карабином, и он не побоялся тебе вмазать.

[...] А в отношении еще воровства – на этом же рынке, Ворошиловского района. Ну тогда еще не Ворошиловского, Центральной. Мальчишка. – Юрка, я потом его еще [видел], после был знаком, он недалеко от дяди жил. Женщина одна про-давала то ли пышки, то ли что. Ну невысокого роста – ему было то ли шесть, то ли семь. Он был моложе. Схватил эту пышку и бежать. Она кричит: «Ой, ой, украли». А тут немец, кто-то схватил – а немцы тоже ходили. Берет этого мальчугана, подводит на прилавок – там, где женщина продавала. Он берет – они с тесаками ходили, он берет, ее отодвинул. Он берет – одну руку вот так вот, кисть полностью отрубил, и вторую. Потом замотал кровь, побежал. Но он жив остался. [...] Вот пожалуйста, это я две параллели провожу. Один берет добро-вольно, я стою, он меня кормит, а если ворует – он руки... Вы понимаете? Он, что нельзя воровать. Отрубил обе руки. После этот Юрка под этим универмагом, там он как бомж был. Я там впоследствии его встречал с этими култьями, значит. Он там и сигареты просил. Побирался, короче. [...] Уже взрослым. Высокий такой был. Спился потом. Я впоследствии узнавал, еще знакомый у него был, кличка «Сметана»: «Ну что с Юркой?» – «А, – говорит, – сторел от водки». Это я лично видел, что за воровство.

[...] Ну потом, значит, на нашей улице был еще один такой. У нас даже фамилию его называли – Коля Бай. Он, значит, что-то делал, работал на немцев. И у него была девушка Женя. Жила за 2 дома от нас. И прибегает, говорит – а он, видно, с ней встречался, ну молодежь, ну, может, лет по 16 – по 18 им было: «Колька, к твоей

Женьке немцы пришли». Он прибегает и, значит, говорит: «Это моя девушка». А он *(немец)* говорит – его. Ну и они чуть ли не сцепились. А там или проходил, или был офицер, ну уже, видно, знал русский, я уже не буду тут говорить: «Кто кого поборет – того она и будет». Собралось там с улицы: «Колька Баев с немцем будет бороться». Представляешь, как это интересно. Приходят значит они, до пояса разделись и началось. И в морды суют друг-другу, и кто кого, тут уже у того течет. И Колька Баев все-таки завалил. Сильнее оказался. – И боролись, и по роже друг другу давали. А немцы: «Давай-давай», – за своего. Мы за своего: «Давай», – кричим, свистим. И Коля Баев победил: «А-а, наша взяла!» Этот вскочил и кинулся, значит, за пистолетом. Немец. А тот, видно офицер, постарше, говорит: «Одевайся, мол, иди купайся. А ты забирай свою девушку и можешь быть свободным». [...] Вот видишь – опять же честная борьба. Я не говорю, что они такие преданные, такие. Среди них тоже такие были. Но вот такие эпизоды – я вам из жизни на своем участке деятельности. Это стопроцентный случай.

[...] И вот тут стоит дом Николая Баева. Николай остался, а старший сын – их у них было двое – ушел на фронт, а Николай остался. Почему я знаю – ну мать как-то общалась. Ну это уже позже – и в 43-м году, перед освобождением, ну не сразу перед освобождением, смотрим, самолет наш. Как мы их звали – «кукурузник»<sup>1</sup> – смотрим, летает над заводом. Вот так буквально, чуть ли не по трубам проходит. И сбрасывает какой-то мешок. И прямо рядом вот с этим домом. И мы смотрим, когда он летал, вся улица высыпала. Подбегаем, а он вот так кружится, и сбросил вот этот мешок. Когда он улетел, открыли – а это письмо. «Дурак, что ж ты прилетел». Сказать, что он воюет. Откуда он взялся – стояли, может, в Азове. Ну не знаю – как раз перед освобождением – за неделю, за месяц. Срок я не могу определить. И она *(его мать)* немцам показывает: «Это мой сын». – «О-о-о». Так не тронул никто эту семью, они поумирали старики эти и все своей смертью. И некоторые немцы знали – знали, что мой брат на войне, что тот на войне. За это они не преследовали. Но если ты коммунист, если ты активист – вот этих вот. Но опять же, не воинские части забирали, у них те специальные органы, которые занимались именно чисткой. Вот такие вот эпизоды из такой жизни. [...]

---

<sup>1</sup> Самолет У-2.

У нас был дом Свицына<sup>1</sup>. Там госпиталь был немецкий. И мы туда обращались – там тоже можно было кое-что поесть. Работали санитарками наши женщины: «На тебе кастрюлю, вынесешь, посмотришь, что там, картошка или хлеб. Заберешь». И подкармливали нас. И мы нашли плакат, потрет Гитлера. В рамочке, все такое. Отошли, там сирени росло полно. Мы его поставили и начали с рогатки стрелять в этот потрет. И откуда ни возьмись – немец. Офицер. Вот так вот фуражка и еле на ногах стоит. Пьяный. Видно проводывал раненых. А там тяжелые раненые лежали. Их хоронили по несколько. Вот так выроют яму – глубокую яму – и по несколько человек друг на друга вот так хоронили. [...] Он посмотрел на нас: «О-о-о». Достает парабеллум – и у нас мокрые места появились. Он достает и в этот портрет всю обойму. (*Смеется*). Он, видать, насмотрелся на раненых своих солдат и всех этих друзей-офицеров, какие они обожженные, оторванные руки-ноги. Там в основном [тяжелораненые]. «Это ваша «катюша» понаделала». А мы врассыпную. А он развернулся и пошел. Ну уже стрелять было видно нечем. Посмотрел в эту сторону: «Gut.<sup>2</sup>» И ушел.

[...] Там госпиталь – там трехэтажное здание было. Там директор завода жил. Там рядовых почти не было. Почему не было рядовых? Потому что [они] нам отдавали [игры]. У них игры были – если б вы видели! Вот такая вот коробка, открываешь – скачки лошадей. Бросаешь эти кубики и переставляешь. И вот они нам отдавали – уже наиграется и нам отдавали. Видят, мальчишки бегали. Так мы эти игры приносили домой. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Ну, вы знаете, я вам скажу так: какие у нас могли быть отношения? Я вам скажу, вот на этом месте, в старом доме, который сожгли, прожили, наверное, может с неделю. Это и видно какое-то начальство высокое немцев. Это культурные люди были. Конечно, они пожилы, в общем разговор такой: никакого вреда или неприязни они не оставили. Они пожилы и переехали куда-то. [...] Я вот на себе испытал вот такое. У нас – как мы выжили – у нас еще и хозяйство

---

<sup>1</sup> Одно из лучших зданий дореволюционной Юзовки, в котором в свое время проживали Джон Юз, основатель Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств, и Адам Свицын, технический директор Новороссийского акционерного общества. Располагается по адресу: Донецк, ул. Клиническая, 1.

<sup>2</sup> Хорошо (*нем.*).



было. Коза была, которую, значит, гоняли, там черед в поселке была. Ну, встречаю я – или барашки были, или 2 козы было. Да, встречаю я их здесь с угла с тем, чтобы загнать во двор. Ну это животное – побежало, и черт ее понес туда во двор, в эту школу. А я туда – а там немец: «Halt!»<sup>1</sup> – а я показываю [что у меня коза]. Он меня под задницу сапогом. Смотрю – бежит, а там были военнопленные. Уже потом говорили – ростовских два. Там по хозяйству – дрова пилить там. Как заорал на него, на немца: «Ты чего пацана обижаешь?» Я удивился. Наш, военнопленный, понимаешь, вот что удивительно было. Как он осмелился. Ну как, что-то по-своему [немец отреагировал]. Ну, может там настолько отношения... Немец не простит этой фамильярности, я не думаю. Так что отношения как можно было строить? Ничего мы никогда не просили, ничего у них. Квартировали они у нас по несколько дней вначале, а потом эти румыны дольше стояли. Я вам так скажу – нам ничего не давали, это точно, и ничего у нас не брали, потому что у нас нечего было брать. То, что мы ели, их, конечно, не прельщало. Я знаю, еда для них эта неважная была. А вот я слышал, будто бы кому-то что-то такое, котелок какой-то каши, там кто-то что-то когда-то давал. Ну вот это я не знаю, не видел я. Я вам могу другое сказать. Может это и некорректно, но жизнь есть жизнь. Но были здесь и мужчины – хотя они и оккупанты, и женщины, которые нуждались в мужчинах. Вот такие отношения часто строили холостячки. Ну там, наверное, расплачивались какими-то бутербродами или чем-либо. Этих людей я знал. [...] Да, и на поселке, и тут на виду. Да, несколько таких, которые занимались, ну можно так сказать, любовью профессионально. Да, да. [...] А так, чтобы они раздавали – нет, не очень-то. Не-не-не. [...] Конечно, осуждающее [отношение было]. Полнейшее осуждение. О них и частушки тут пели, и все на свете... Ну вот на такой, допустим, мотив: «Все поразграбили, все увезли – и, называется имя, – эту девку с собой, мол, увезли». Ну вот в таком духе. [...] Господи, да сколько тут женщин было. Одна как-то находила выход, а другая пошла по более легкому пути. Вы знаете, я когда был ребенком – хотя пацан, уже 14 лет, но я вообще сложения такого, не богатырского, а тогда я вообще дистрофик был, а уже на бирже труда состоял. Да, ходил. Вот у меня – я и мой напарник со Слободки, Толя, я его не вижу, его, наверное, уже и нет. Значит, нас послали на Карла Либкнехта, там двор был, стояла воинская часть немцев, организация Тодт. Знаешь Тодт? Это строители, военные строители. Ну и там мы им дровишки пилили. Там полуподвальчик такой был. Иногда они нас брали на

---

<sup>1</sup> Стой! (нем.)

машину и что-то там, продукты, чтобы мы погрузили и выгрузили. Ну этот домик они занимали, а напротив них тоже женщины были, мужья ж кто знает, где они. Ну там у них полнейший контакт был с этими женщинами. Вот такой случай – привезли нас тогда, мы во дворе были, пшеницу. Ну и к этой даме – гостинцы, видно. И заставили нас носить только мешки. Ну что – отдали ей мешок, а там несколько ступенек было в дверь зайти – я поднял, зашатался, упал с мешком. Ну что – он мне еще по шее дал, что я такой силы.

[...] Ну а так, немцы, господа. Воровство пресекалось немедленно. Народ голодный. Стоят там, допустим, машины с продовольствием. Там же немцы в город заходят. Там и ящики водки, там вся эта еда. Ну ходят там же подростки, протянул руку – поймали. На месте убивали. Никаких разговоров. Никаких. Строго, очень даже строго было. Там у них не поговоришь. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Ну а потом, как вам сказать, немцы не любили, когда мы закрывали квартиры. Они заходили в любую квартиру, но чтобы не был замок, чтобы не висел замок. Было открыто. Но я вам скажу, что у нас сосед был. И он стал воровать. Заходил в квартиры – а мы ж ходили менять. Где какие наши вещи – в деревню ходили менять. И за 50, и за 100 километров ходили менять. А он то что – позабирает все эти вещи и хотел поменять. Ну его немцы поймали и отрубали руку. Второй раз у него отняли – вторую руку. Ну когда наши уже освободили, смотрю в морской форме ходит. По нашей улице, туда дальше. Уже в нашей форме морской ходит. Что он [якобы на фронте потерял руку]. [...]

*И. Тамара Ивановна*

\*\*\*

[...] А в нашем доме еще – вот я сейчас расскажу за Бориса. В нашем доме жил мальчик, лет 12-10 ему было. Его сбила машина... Он тогда спрыгнул с трамвая – вот это деталь, трамвай ходил, он же с трамвая спрыгнул. [...] И насмерть. [...] Он просто под колеса попал. [...] Ну и офицер – принес в наш дом, а там бабушка была дома старенькая. И вот он [офицер] так его принес – а он [мальчик] мертвый уже был. [...] Лет 10, вот так. Ну такой он кругленький, полненький был. И волосы курчавые-курчавые были. И вот как он его нес – вот это я помню. Вот это я помню, что бабушка начала кричать, плакать: «А

что же мне Мария скажет?» Ну невестка придет с работы – она у немцев работала в госпитале, мать. [...] Он, знаете, как-то доброжелательно принес, или и денщик с ним шел... [...] Ну, он им что-то марки выгацил дал, хлеб, еще что-то такое... Дал-дал. Ага, ну что – похоронили. [...] Были и у них хорошие. Не все же были плохие... [Мать] орала, кричала. А может быть, вы знаете, были рады тогда. У нее тоже был маленький ребенок, он умер тогда от голода. У нее муж когда ушел на фронт, а она родила, а он такой [худой]. Я как сейчас помню – такой он маленький, а худой! Вот нельзя даже передать, какой он худой. Обычно дети маленькие какие, да? Ну нечем кормить. Так вы знаете, что когда даже дети умирали, не очень-то и жалели, потому что нечем кормить. Кормить нечем. Вот она осталась, смотри [с детьми]: Валерка, Нелька и Борис. И маленький вот этот, четвертый.

[...] Тут у нас была Франчиха, вот такая маленькая, но она, наверное, была коммунист еще при декабристах. Да, она очень старая была, но коммунист. [...] Ну вот она подойдет – а жила с сыном, у нее ни мужа, никого не было. Ни денег, ни барахла – ничего. Вот представляете – что на ней – то и все. Они жили в маленькой комнатке. Ну подойдет попросить – так они вот такую собаку на нее натравят. Собака на нее так прыгает, прыгает. А она же в этих лохмотах. Ну не кусала ее, не было такого случая, чтобы кусала. А потом нальют ей все-таки суп. Все равно нальют. А потом еще такой случай у нас был – у нас жила учительница, Дина Даниловна. [...] Она учительница. А у нее был туалет на замку – ну раньше ж на улице, это сейчас привыкли, а то ж на улице. Ну и вот там денщик – такой вредный был – он говорил: «Чтобы ты помыла туалет». Именно ее. Могла любая из наших матерей помыть – так именно что учительницу. [...] Он же мог простую женщину – вот мою мать, ее мать, другую мать [заставить]. Любая б женщина помыла и ничего. Все равно он что-то бы дал за это, все равно. Так нет – потому что она интеллигент, учительница. [...] Так она наняла – там у нас был Виктор Черняев – ну он сейчас умер. Так она его наняла, дала ему что-то. Не знаю, может кусок хлеба, может еще что – чтобы помыл. Ну он взял ведро, идет мыть. Денщик как увидел – как начал кричать, и ее, чтобы она помыла туалет. Чтобы она помыла. Он хотя чистый был – но все равно, чтобы она помыла. Ну, она взяла ведро, плачет, но идет мыть – а что же делать? Когда идет офицер, и посмотрел: «Что такое». А он: «Не хочет мыть, наняла кого-то». Так он этому денщику такое дал – этот офицер, а перед ней извинился и сказал, чтобы он (*денщик*) забыл даже, где она живет. Вот вы представляете? Все-таки такой случай еще был в нашем доме.

Der Oberbefehlshaber  
der 6. Armee

A.H.Qu., den 25.4.1943.

Ic Nr. 670/43 geh.

Betr.: Begleitung deutscher Wehrmachtangehöriger  
durch russische Frauen.

- 1.) In letzter Zeit nimmt die Unsitte überhand, daß deutsche Soldaten in Begleitung weiblicher Personen, die weder unserem Deutschtum entsprechen, noch unserem Ansehen zur Zierde gereichen, in der Öffentlichkeit auftreten. Diese unlieb-samen Bilder sind vor allem in den größeren Ortsunter-künften anzutreffen, sodaß vielfach der Eindruck des " Stappenlebens " entstehen kann. Der deutsche Ostkämpfer und Frontsoldat hat hierfür kein Verständnis.

Ich verbiete daher, daß sich deutsche Soldaten und deutsche Angehörige des Wehrmachtgefolges in Uniform mit weiblichen Personen zweifelhaften Charakters auf öffent-lichen Straßen und Plätzen herumtreiben. Darüber hinaus ist aus den verschiedensten Gründen größte Zurückhaltung auch der übrigen weiblichen Bevölkerung gegenüber geboten.

- 2.) Ferner erinnere ich an das Verbot des Mitnehmens von Angehörigen der Bevölkerung auf jeder Art von Fahrzeugen, sofern keine dienstliche Notwendigkeit vorliegt. In diesem Fall haben die in Frage kommenden Einheitsführer usw. eine Bescheinigung auszustellen, die den Zweck der Fahrt angibt.

Die im Dienst der Deutschen Wehrmacht angestellten russischen Frauen (Dolmetscher usw.) sind besonders kennt-lich zu machen (Armbinde mit entsprechendem Aufdruck).

Die Heeresstreifen sind angewiesen, die Durchführung dieses Befehls zu überwachen.

Der Oberbefehlshaber

General der Infanterie

Verteiler:

bis Komp.

**Фото 11.** Распоряжение командования 6-й армии вермахта о необходимости ограничения контактов немецких военнослужащих с местным населением, в частности с женщинами  
BA-MA, RH 20-6/678, Bl. 120.

[...] В нашем доме – мы жили там на Красной, в центре самом. В нашем доме была жандармерия. Жандармы с такими вот бляхами (*показывает*). Они у нас были 2 года. [...] А когда они отступали, все бабы прощались, фотографировались. Те плачут, те прощаются. Ну 2 года считай в нашем доме... С бабами. С бабами своими. Господи, там бегали. Бабы гуляли, гуляли. [...] Ходили бабы, ходили... [...] Гулять!!!

[...] Ну, вы знаете, хлеб конечно... Некоторые, вот мы ходили менять, наши ходили. Вот у меня брат был на фронте – мать ходила его костюм меняла, все его меняла. У кого есть менять, а у кого не было? А некоторые просто по своей прихоти [гуляли]. Просто по прихоти. Ну молодые бабы. Ну все ж молодые. Ну мне было 11, им было 20 – 22, ну пусть муж ушел на фронт. Не, нет, не из-за того, что на хлеб. [...] И никто не стеснялся – ну молодые же. Знаете, дело молодое. Ну те не [гуляли], у кого там по 5 по 6 детей. [...] А просто потому, что молодые были. А конца войны еще и не было [видно]. [...] Вы знаете, что и в нашем доме выйдет в плавках и... В трамвае едут немцы: «О-о-о». Она выйдет, вот так вот встанет. На втором или на третьем [этаже]? На втором она жила этаже. А на третий выходила – а окна разбитые были. И она вот так стояла. Во втором подъезде, Ленка. И вот-то станет раздетая, голая. А немцы кричат с трамвая – а они ехали на железную остановку, туда. Так что тут публичные [дома] – где спят, там и публичные. (*Смеется*). [...] Да, знали, куда идти. [...] Вечером идешь, знаешь – или до Ленки пошел, или сюда. [...] Да, рожали... Рожали, рожали. И много... И дети умные, между прочим. А знаете, по любви всегда красивые дети. Это ж доказано наукой. Так что дети красивые.

[...] Ну они вот так были 2 года, в общем там, конечно, и любовь была с женщинами. (*Смеется*). Вот у нас была там тоже молодая Ленка. А у нее мальчик. А я ж была маленькая – ну сколько мне, 10 лет. Она говорит: «Нина, погуляй». Даст там кусок хлеба, погуляй с мальчиком. А к ней офицер приходил. Приносил он ей... И хлеб приносил – там же у них все упаковочки. Да, а ее муж был летчик, летчик Советской армии. Ну молодая, только ребенка родила. Ей жить нечем. Вы понимаете, ей жить нечем. [...] Тогда никто не осуждал. [...] Я только что помню – у нее на ногах была короста, и мать ее лечила моя. Ну тогда ж люди знаете как... А так нет, не подсказывали, но вы знаете, сама молодость, сама молодость. Немцы были, например, очень красивые. Вот скажи (*обращаясь к присутствующей подруге*). Я помню, как первый раз мы увидели – летчики идут. В этих, в шортах. Ну, форма – такие красивые ребята. Красивые. Эта нация красивая. Понимаете, все такие светлые, блондины. Ну у каждого по-своему характер. Так мы тикали – мы

маленькие тикали, потому что они идут вот в таких шортах. Вот вы понимаете сейчас, темный народ был. [...] А вот у нас на квартире тоже жил один Курт. Я знаю, в заводе кем-то работал, с собакой. У нас была семья большая – пять человек. И забрали у нас комнату – вот это он один там жил. А сестра зашла в эту комнату – собака впустила. А оттуда она [выходит] – уже ей вот тут выгрызла локоть. Так вредный был. А вот другие у нас были немцы на квартире – так они нам суп отдавали, например, гороховый с мясом. Ну а мать там сварит из буряка борщ – какой там, с полыни, ну не полынь, а как там, крапива. И это вроде как ему, ему нравится: «Гут, гут matka, гут».

[...] Вот это где полицаи жили у нас, Конарев, Конарев фамилия. Вот это они там жили, а с завода кто-то дал ракету – самолет летел наш и кто-то дал ракету. А тот сказал, что из нашего дома. Но оно понимаете, завод так стоит, а дом вот так [рядом]. [...] Ну и с дома пришли забрали всех коммунистов. 7 человек. Немцы. А были ж вот эти жандармы в нашем доме. И был штаб – вот мы жили вот так, а так у нас на потолке у тети Моти был штаб. Ага. И у них же, у нее отец был коммунист. И их забрали. И вот начальник этого штаба и еще врач у них был. Но врач лечил людей. С сел приходили, тогда болезней много. [...] Немецкий врач. Приносили там ему – ну кто что. С сел приходили и он лечил, лечил. Как-то неплохой он был. Он никогда никого не трогал, но вот этих, когда забрали коммунистов – а он же на квартире жил, этот офицер, так они ходили выручать. Что вот когда вот эта ракета была, ну там начали: «Я позвал его в свою комнату и он слушал Берлин». А слушали Москву. Он его позвал и говорит: «Послушайте Москву». Офицер, и сам начальник [позвал]. И он сидел и думает: «Вот это я послушаю и он меня убьет». Но нет, ничего. Он послушал. [...] Нет, просто [позвал]. Как-то у них уже дела плохо стали, когда под Сталинградом их разбили. Уже они тут начали сматываться, они уже не такие бравые были, как в начале. Но выручили, отпустили. А на другой день вот этих коммунистов, что с ними сидели, расстреляли. Расстреляли всех. Потом уже, когда наши пришли, их откапывали, и каждый узнавал, что по одежде. Хорошие были коммунисты. Ну, знаете, как всегда, говорят, что, мол, оставили на подпольщика. Там подпольщиков и не видно было.

[...] Они любили порядок, между прочим, если он встанет на квартиру, если он встанет, он, во-первых, что? Он разуется возле порога. У него все чисто. Хотя он заставит вас стирать, допустим. Некоторые заставляли стирать. Ну там за хлеб, за что-нибудь еще. Стирала, немцам стирали. И потом там у него и мазь, бритва, и все. Он как выложит вот это все – у него все принадлежности были. Но наш если снимет портянку, да...! (Смеется). Или разуется. Я помню, как

разулся в кино один – ой! Я ушла. (*Смеется*). А вот все равно от них воняло псиной. Вот это немец побудет в хате... Вот все равно, чувствовалось, что здесь немец. [...] И за столом может и воздух пускать – это они могли. Как-то они этим, они не пренебрегали, потому что это нельзя делать. Вот врач кушает за столом и может это все делать – ну воздух пускать, да. Ну газы. А вот может за едой – ничего. У них в порядке вещей такое. [...] Нет, нет, особо не ощущалось [что они относились к нам, как к неполноценным], потому что мы и тогда были унижены. Мы и тогда были унижены, и после унижены... Ну, так он идет и идет, он может девочке что-то дать, что-то не дать, что-то может толкнуть. Ну, каждый по-своему характеру. Ну такого пренебрежения как-то... Так же бабы на базар ходили, так же. Ну и ничего такого... Убивали они, если они воруют. Они не любили очень воровство, очень не любили воровство. А так коммунистов вот этих, евреев. Ну, конечно, строго было. Но таких вот больших проявлений как-то и люди не делали. И люди не делали, потому что знали, что это [опасно]. [...] Но тем не менее воровали... Голодные были – вот и воровали. Подросток, ребята 15 -17 лет – им же есть надо... Та где там 15, а то еще и меньше.

[...] Вот у нас хлопцы в нашем доме, так у нас дом прославился. Там у нас автомашина – а там же и продукты в машинах, и все. И вот немец-то в этих – у них были в соломе – сапоги у них были, в солому вдевали, как чуни большие. Холодно ж. А он стоит около, караулит эту машину. Стоит около машины, а сзади воруют. Я помню как сейчас, как их били. Да, а Карася как били, он у нас футболистом был. А у него на заднице был чиряк. А когда у немцев обокрали машины они ходили по хатам, я помню, что я тоже там спала. А он светил фонариком – ну искали ребят, а тут видит, что девочка. Знаешь, вот так вот стучал, а потом зашел и фонариком посветил, а я же вот так сплю. Ну забрали всех наших ребят и вот этого Николая. А у он (*чиряк*) же болит. Чирий – представляете что такое? А он его еще носком, сапогом [ударил]. Ну там врач осмотрел и сказал, что это не рана. Они (*немцы*) там стреляли, но в кого они там стреляли? Ну был там – на Химике<sup>1</sup> жил. В него стреляли. А потом он сказал – так его отпустили. Так он сапогом все разбил у него. Ну они потом что-то приложили, вылечили... [...] Нет, он уже не в тюрьме, его отпустили. Да там уже не в тюрьме, они возьмут вот так руки между дверьми [заложат]. У них у всех же у наших хлопцев пальцы поломаны. Пальцы в дверь заткнут и туда-сюда закрывают. И все вот эти вот

---

<sup>1</sup> В поселке возле Химического завода в Константиновке.



[требовали сознаться]. Ну, а кто там скажет? Кто там сознается? Сознается – расстреляют.

[...] И даже что мы делали – от дерева до коридора ниточку протянем. Идет полицай или там немец, за эту падает – он же не видит, что там нитка. А тот за нами гоняется. (*Смеется*). Вот это мы делали. А так как-то и песни мы ихние запомнили: «Фон дер козерный, фон дер...»<sup>1</sup>, – вот это я помню, «Лили Марлен». Что-то мы пели. По-немецки мы уже хорошо разговаривали. Вот то соберемся все дети – и по-немецки. Ну стол у нас жандармы забрали, стол там в канцелярию. А стол мы тоже с завода принесли. С завода, а они у нас забрали... У нас уже жандармы были. И у нас они забрали стол в канцелярию. Ну ходили, увидели, что длинный стол – ну и ладно. Увидели – забрали. А когда уходили, сказали: «Матка, заведи стол». Мы забрали уже стол. А потом у нас в 42-м или 43-м году сделал рушку<sup>2</sup> – мы рушили, покупали пшено, делали. Просо покупали, потом на эту рушку – отец у меня плотник, много в селе работал, в работниках он работал тоже здесь. А потом уже мы рушку сделали, пшено продавали. Уже как-то и мы могли немножко и оладьи ж делать из пшена – с отходов, не из чистого, а из отходов. Но все получше. А потом у нас был хороший цветок. У нас там окна были большие. Такой, аж вот такие гроздья. «Каприз» он или как назывался. Вот такие гроздья розовые были. А здесь ресторан делали в хлебобулочном. Сделали ресторан и ходили смотрели, что... Так они увидели этот самый [цветок], приходят, приходят. Двуколка у них была. Цветок. Ну а что мать скажет: «Не дам?» – «Матка, мы Вам оплатим». Посмотрели ту рушку, что отец сделал. Прямо в хате. Тут же мы рушим ее и веем, прямо в хате. Тогда все в квартире было. Ну что-то дал буханку хлеба, там что-то марки дал. Ну, унесли этот [цветок]. Посмотрел же рушку: «Gut, gut, gut»<sup>3</sup>, – на отца, что ты сделал. А потом дня через 3 привозит нам мешок проса, хлеб приносит, марки дал, за цветок. [...] Да, ну в первый раз они что-то там хлеб дали и марки. А второй раз и мешок этот. Да, да, и говорит: «Gut, gut». И отцу за этот цветок... Ну, они тоже не звери были. Вы знаете, были звери, были. Ну как и у нас. Ну а так...

[...] Еще один случай помню – мы же там около госпиталя стояли. Идет красивая дама. Ну, были красивые дамы – по тем временам, сейчас все красивые, а тогда были отдельно красивые. И госпиталь там был – а слякоть там была, снег – и она упала.

---

<sup>1</sup> «Vor der Kaserne, vor dem großen Tor...» – строки из немецкой песни «Лили Марлен».

<sup>2</sup> Ручная мельница-крупорушка.

<sup>3</sup> Хорошо, хорошо, хорошо (*нем.*).



Поскользнулась и упала. Немец подошел, поднял ее – офицер. Ну, этот офицер, обтрусил и проводил ее от этого места. Ну у них были, были поступки. [...]

**К. Нина Демьяновна**

\*\*\*

[...] Еще один эпизод. Новый Год встречали, на Евдокиевке<sup>1</sup>, значит, по какой же улице? Ну, в общем, там они праздновали Новый Год. Подъехали на тройке рысаков русских, в яблоках, на санях и шкурой медвежьей укрываться. Ну и привязали к забору вожжи. А я с Витькой Барановым подошли. Тихо, охраны не было, они там гуляют, поют, пьют. Были у Панченко Шуры, она немецкий язык преподавала. У ней они гуляли, Новый Год справляли. Ну мы вот отвязали эти вожжи от забора от этого и потихоньку на этих санях в Буденновку погнали. А немецкий язык до войны учили мы. Я сижу на вожжах, а он шкурой [прикрылся], как это и кричим: «Хэнде хох, Гитлер капут, шлехт»<sup>2</sup>. Ну, короче, и в Буденновку приезжаем. А у них там пост возле ихней комендатуры, где сейчас исполком, там ихний флаг был в центре. И это по-фрицевски [кричим]... А потом они позвонили, что так и так, что угнали партизаны эти сани. И стрельбу по поселку [начали], везде стали стрелять они. Вверх стреляют, палят, ага. Я говорю Витьке: «Давай, не доезжая в Евдокиевку, уже тут мы не вырвемся, расстреляют к черту». А он: «Да ничего». И только переезд переехали в Евдокиевку въезжать со стороны Буденновки, а тут они: «Трах-бах-трах». Я, хорошо, что в шкуре не был, я раз и смылся. А Витьку прихватили. Поймали. Он не мог с этой шкуры быстро выскочить. И его давай [бить]. Я слышу, а там я недалеко жил, там за путями, туда, в сторону «Триналовки» шахты<sup>3</sup>. Слышу – его метелят. Но спасла его Шура Панченко, переводчица. Она переводчицей была, преподавала немецкий язык: «Да это, – говорит, – они это ради дурусти». А так бы расстреляли без всякого. Я вижу – такое дело и сбежал к сестре. Она на Новомушкетово<sup>4</sup> жила, сбежал. Думаю, придут сюда. И сказал: «Нет, и не появлялся», – матери сказал, чтобы не выдали. [...] Его отмолотили правильно (*сильно*). А я не попался. Но вот как-то у меня получилось, что я выходил сухим. [...]

**К. Николай Максимович**

---

<sup>1</sup> Поселок в Сталино.

<sup>2</sup> Руки вверх, Гитлер конец, плохо (*нем.*).

<sup>3</sup> Очевидно, название связано с номером шахты – 13.

<sup>4</sup> Поселок шахты «Новомушкетовская».

[...] А потом уже нас выгнали. Из дома выгнали. Заняли ж они дом этот, что на четыре хозяина. Полностью дом заняли, а людей – куда хотишь, туда и иди. Ну у нас спасибо – мы перед войной стали строить дом. Вот только стены обмазал – ничего ж там не было. А холодно ж уже ж. И мы туда перешли – плитку сложили и там были. А они находились у нас... Их, наверное, гнали, что они [заняли дом]. Тогда ж им хватало школы, а это им школы не хватило. Они начали из домов выгонять. И вот-то кто куда. [...] До этого останавливались. Ну я бы не сказала, что долго. Почему недолго – может быть, они и долго бы жили. Они только пришли к нам, а у нас комната и кухня на 4 хозяина. Комнатка и кухонька маленькая. Для нашей семьи, хоть мы и 5 человек, а все равно хоть 5 человек – комната и кухня. И тогда же ни газа, ничего. Плитка – в кухне плитка, кровать, где брат спал. Ведро с водой – тогда же ничего не было абсолютно. А мы с матерью здесь на кухне, а они там в зале. Ну пожилы они, наверное, недели полторы. А тут сестра поругалась со свекрухой и пришла с мужем. А они ж молодые. И с мужем пришла сюда к нам. А места ж то нет. Мы с матерью. Они здесь на кухне около плитки – ноги до дверей. А немцы: «Ой, нехорошо, нехорошо». Молодые, мол. И ушли. [...] Сами ушли, да. Ну нет места, нехорошо, молодые, мол, спят на полу. Им же нельзя ни пройти, ничего. У них же ноги до дверей. Комнатки маленькие были, кухонька маленькая была. Как и сейчас у нас кухня. На 5 человек 4, 9 метра кухня. На 5 взрослых.

[...] Были и хорошие, замечательные немцы. Замечательные. Я говорю. Вот я ж столкнулась. У нас находились двое. Один немец был Роберт, а другой был Карл. Карл был штукатуром. А Роберт был не знаю кем... И этот, что немец штукатур, – он очень хороший. А я ж это самая [откровенная]. А он мне говорит: «Ты ж языком не телепай, не болтай. Это фашист», – на своего... Говорит: «Это фашист. Ты языком не телепай. Это фашист». А он говорит: «Я штукатур. А этот фашист. Я штукатур, был штукатуром». [...] Ну у нас же и люди такие. У нас же и люди. Я же вам говорю – соседи. Ну оно им надо? Пришли немцы – а они: «У них, мол, отца забрали. Коммунист, коммунист»<sup>1</sup>. Ну для чего это? Для чего? [...] Да. А немец мне уже этот и говорит: «Вот видишь, какие люди у вас, уже сказали, что твой отец коммунист, что в гестапо его забрали». Ну оно им надо? Оно им надо? Вот такие люди у нас, какие люди. [...]

*Кранива Лилия Александровна*

---

<sup>1</sup> Отец респондентки, член ВКП(б), был арестован в начале оккупации за хранение оружия и казнен.

\*\*\*

[...] Как немцы пришли, боялись мы все их, как он будет, слышали мы, как они жестоко относятся к людям. Ну зашел к нам немец в дом, когда оккупировали, Сначала зашли итальянцы, а потом немцы. Немцы всегда после шли. Пришли, а там на столе мама испекла хлеб. Своя печь была. И 4 буханки положила. Он заходит, заходит, а он же накрытый. Она накрыла хлеб, чтобы он подходил. Ну из печи выгасила. Он поднял эту скатерть, где хлеб, вытягивает 2 буханки, а они пышные, большие такие. Взял 2 буханки, несет их: «Спасибо, мама, спасибо, спасибо». Это я слышал, даже «спасибо». А что тут мама. Кто тебе дает? Тебе ж никто не давал, что ты спасибо говоришь. Взял и пошел. Ну 2 оставил. 2 нам оставил. 4 буханки она испекла. Ну, такого жесткого обращения именно в нашем селе не было. Как послушаешь в других... [У нас] не было.

[...] Были такие, что зашел к нам в дом, саманный дом. В селе мы жили. Автомат повесил на двери, на ручку: «Вот бы, – говорит, – Гитлера и Сталина так. Подрались бы, а они нас». А они уже отступали. Посидели, из сумок повытягивали, покушали и пошли. Ну люди безвинные. Их направили высшие органы власти. Как Гитлер, эсэсовцы эти всевозможные. Они руководили этим простым человеком. Как у них, так и у нас. [...]

*К. Иван Егорович*

\*\*\*

[...] У нас жили немцы. И вот такая овчарка у них была. Это ж они жили в зале, а мы тут. И у нас стоял большой фикус в кадучке. Потому они в туалет ночью не ходили – они сюда [ходили]. Ну за маленьким, я имею в виду. Сюда. Собака если на улицу вышла, в снегу там, в дожде, пришла сюда и как собака – все вытрусила... А он тут оправлялся... И у них хорошие были, и плохие. Ну вот такое. [...]

*К. Лилия Николаевна*

\*\*\*

[...] Когда отступление от Сталинграда было. Немцы шли – дороги были полностью заполнены, забиты были. Идут, платками укутаны, саночки везут. А мы, еще вот это снег был – большая гора, дом наш был полностью снегом заметен. И мы сделали там, ну как, проходы под снегом сделали, окопы. Сверху лед, водою поливали, она замерзала. Морозы были большие. Там делали окопы. И вот это смотришь – немцы. Мы вот это снежки налепим – и снежками в них. И

снежками в них кидали. (*Смеется*). А они же не поймут, откуда. Мы же под снегом. Куда им было реагировать. Они ведь еле двигались тогда. А тут еще самолеты летали. А наши прямо вот так «д-ж-ж-ж-ж» над ними. Близко. И страшно, и интересно было все-таки.

[...] Пацанов ловили, били. [...] Но они же воровали, лазили в машины. Бывало поймают. Но не стреляли, а давали (*били*) хорошо. У них же за кражу... Вот они, когда зашли, а тут вот на Чулковке был Даниловский сад. И там подсобные хозяйства были. И когда они зашли, эти подсобные хозяйства хозяевам, бауэрам – из них же, из военных [отдали]. И наши говорят – надо же сторожей поставить. А они говорят: «Не надо, каких сторожей?» Они виселицы поставили по углам, где редиску посадили – и все. И никто даже не [крал]. Насчет этого у них строго. Молодцы насчет этого. [...]

*Митина Роза Никитична*

\*\*\*

[...] Те люди, которые работали с нами в шахте, это были те же шахтеры из Рура, и, по-моему, из Саара были тоже, они сами по профессии шахтеры. Вот я об одном хотел рассказать, вот сейчас люди ходили, помнят. [...] Также в Германии работал шизмайстером<sup>1</sup>. Это добрейший человек был, вот фамилии не помню, но откуда он, не знаю. [...] Я был бы очень доволен, если бы нашли родственников этого Отто. У нас и другие были, но эти как-то [хуже]. [...] А Отто такой был хороший [...], это было 4-го августа, сентября 43-го года, мы ему говорим: «Отто, давай мы тебя спрячем в шахте. Ты хочешь на фронт?» – Он говорит: «Нет, не хочу». А он и говорит: «А как же вы меня спрячете?» А потом говорит: «А будет шахта взорвана». – «Да мы найдем тебе тут дырки туда, мы тебя выручим, ты такой хороший человек». – А он говорит: «Нихт». – «Почему?» – «Если меня, – он по-немецки говорил, но понимали хорошо тогда, – а вы выйдете на гора, а меня не будет, вас всех тут же сразу обчистят, расстреляют. Потому что меня нет». – «Выезжай с нами, мы тебя в кукурузу спрячем». – Кукуруза была большая. Он говорит: «Нет, я не хочу, чтобы вы из-за меня пострадали». Так вот отступили они, куда он делся...? [...] С военнопленными охрана относилась относительно, что сопровождали, а что касается в шахте, то были надсмотрщики. Они с ними относились очень жестоко. Особенно с военнопленными грузинской национальности, и случалось, что убивали на месте. Так что здесь, кто это убивал – я не могу [сказать], потому что это были уже не наши

---

<sup>1</sup> Специалист-взрывник.

немцы, как мы их называли. Наши немцы, мы считали – это шахтеры. Эти немцы, которые у нас с шахтерами работали, они никого пальцем не тронули. Потому что они понимали и даже говорили нам, что мы такие же рабочие, как и вы. О партийной принадлежности никто ничего не говорил. [...]

*Н. Валентин Владимирович*

\*\*\*

[...] Люди есть люди, и люди все разные. И немцы были хорошие люди. Они чем мне нравились? Вот они пунктуальные. Если он сказал что-то – все. Например, немецкий обоз у нас стоял – это еще в деревне – и я ночью, значит, вышел, а что – фургоны у них были, вот. Я вышел ночью, просчитал. А у нас хутор был длиной где-то полтора километра. Они разбили хутор пополам – ну так я понял, ихний страж, часовые пополам. Вот эта половина – два часовых. Вот они сошлись на середке – разошлись до той середки хутора. А те там. И ходят. Я сидел, высчитал это дело. Только они разошлись – я раз, под тент залез – ящики деревянные. Я шупал-шупал – там хорошие [ящики]. Я два раза грабил их ящики. Раз я ящик сигарет взял – полностью ящик сигарет. Это мы за них почти два года жили. У нас же ни топить нечем, ничего. А так лесничему раз – пачку сигарет. И он дров нам куб там или два, хворосту или чего привезет. А тут у них что-то тяжелое. Ну, короче говоря, скинул я один ящик. Там были сапоги – 12 пар или 14. Ну я его дотянул все-таки до ямы, где буряки были, туда закинул. Там я все на место поставил, вот. Но это еще как наступали немцы. В 41-м году. [...] Но может в 42-м. Но это те, которые еще на фронт шли. Ну я зашел в кузню, а там один немец, кузнец, стоит. Ну что там они для себя ковали, но кузня-то наша. Смотрю, стоит в деревянных сапогах. Не в деревянных сапогах, а подошва у них была деревянная. Ну мне так уже захотелось эти деревянные подошвы. Коньков нет, а с горы кататься – оно ж там сдерется, каблуки стесал. Я говорю: «Пан, можно поменять. Я дам такие, новые, а вы мне деревянные». – А он мне говорит: «А где ты взял?» – Я говорю: «Сена пану дал лошадей кормить, а он мне сапоги подарил». – «Хорошо, приноси». Я принес ему эти сапоги – я же глянул на него. У него 41-й размер сапоги. Я такие же взял кованые, военные сапоги. Взял такие, принес, ему дал – он посмотрел так, снял свои, деревянные. Поменялись. Я, значит, поблагодарил его. Он ничего не сказал и уехал. Вот он сказал: «Приноси», – он поменял. Он бы мог у меня забрать те сапоги и сам. Но он же не забрал. Дал мне деревянные. Ну они так теплые были. Там так внутри выточено, ножка становится – ну просто чудесно. И они

теплые, хорошие, все-таки дерево есть дерево. О чем это говорит, что вот есть честность людская. [...]

И однажды был такой очень интересный случай. Пас я свиней колхозных на лугу. И вдруг летит самолет. Знаете, такой, как цапля, интересный. И опускается на луг. Ну, я сразу не понял ничего. А опустился и подрулил сюда до свиней. И они вылезли два – летчик и еще один. Там был двухместный самолет. Вылезли [...] и спрашивают: «Чи швайн?» – Ну, я говорю: «Колхоз». – «А, колхоз?» – «Я, я». Раз, лазили, лазили, выбрали самую большую свинью и тянут ее до самолета. Ну я не понял, в чем дело, значит. А тут уже начали пацаны сбегаться на луг, уже женщины пришли. Я тогда уже осмелел, вроде бы свои, и говорю: «Нельзя, я вот к коменданту сейчас сбегая». А он меня отсунул, берут эту свинью и еще там одного деда нашего: «Давай, помогай». Показывают: «Давай». Короче, посадили эту свинью на заднее сиденье. Впереди, где летчик-то, а второе сиденье ждет. А я смотрю: как же они будут лететь, куда тот денется? (*Смеется*). Их же два. А уже вместо летчика свинья сидит, вперли ее. Ну, я сижу, а все: «Коля, ты ж беги до коменданта». А как же я побегу – брошу стадо да побегу туда? Ну я, значит, вспомнил свинячий язык. У них, когда у них перепуг или что там, у них особый звук есть один. Я их изучил. Ну я, значит, хрюкнул по-ихнему. Подошел близко, вроде не до самолета и «хрю, хрю». Эх, эта свинья как оттуда начала порскаться (*дергаться*), ну она не выскочит, но что-то она там порвала, наверное, что-то ногами или что. Он, наверное, понял, что я команду дал ей. Ну он лазил-лазил, что они там соединяли, за голову брались, и лазили там. Ну, короче говоря, эту свинью они как-то привязали к заду, чтобы она наперед не лезла. Там, наверное, управление еще какое-то было. Настроили они это самолет и полетели. А как полетели? Свинья там, пилот здесь, а второй пилот на крыло стал и за этого взялся и летят. Но очень долго они по лугу прыгали, пока чуть не до леса, до елизаветовского. Поднялись, и через лес улетели. Ну, приехал комендант, а что он? Ничего не скажет.

[...] Ну были немцы, были хорошие, были. Я знаю еще когда у нас отступали немцы, и зашел обоз один немецкий. [...] Они расквартировывались, телеги и там все остальное в садок прятали, где по садам. Распрягали лошадей. И был один немец, что [к нам] пришел. А мы как жили – хата, даже кровати не было. Настил такой пол, типа нар, на чурбанах. И он заходит, посмотрел – а они вдвоем зашли. Посмотрел, зашел, прошел в хату, где кровать стояла, где мама спала там с отцом когда-то. Встал на колени – раз, а там горшок с яйцами куриными. Он забирает этот горшок и выходит из хаты. А тот впереди – а их два было, зашли. Я говорю: «Чтоб ты подавился». Ну а тогда

один возвращается и говорит: «Мальчик, нельзя так говорить». [...] На нашем, русском: «Нельзя так говорить. Он завоеватель. Он тебя за это яйцо убьет, расстреляет. Тебе жизни не будет. Вот, если не доели ваших курей, останется – еще снесется». Даже был один случай, что один говорил: «Где у вас можно будет спрятаться? Вот чтобы как обоз уйдет». – Я говорю: «Ну, где... Вот, – говорю, – в хуторе нельзя. Вот там в бурьянах бурты были, где силосовали люцерну для скота, там». И они два спрятались там. [...] Да, хотели остаться. Но дело все в том, я не знаю, как он, взрослый человек, не мог подумать? Он же водитель был машины. И когда команду подали – там они подавали команду: «Пошли или поехали», а одна машина не идет. И они все как пошли его искать кругом, нашли и застрелили. Там. [...] Да, своего же.

[...] У нас был такой случай, что одна пряталась. Она молодая, красивая женщина. А у нас детей много было. Меньше меня трое и выше меня трое. [...] Семеро. И вот, значит, эта Дуня села у нас на лежанке возле печки. Лицо выпачкала сажей или чем-то. Но это еще когда фронт проходил, тогда, как наступали [...] Но дело в том, что я не мог еще догадаться, чего она пряталась. А потом фронт был, заскакивает один немец, посмотрел туда, сюда – никого нет. Раздевается, винтовку в угол поставил, разделся – и выскочил на улицу. А эта сидит, трусится. Она думала, что насиловать ее будут или что. А когда оно это дело прошло, я вышел и нашел кальсоны в дерьме – он просто их снял. Наверное, с перепугу.

[...] Ну, в меня раза два или три стреляли немцы. А то в последний раз попался, что вешать собрались. Ну, стреляли как? Вот то как заходили первые – а оно осень, развезло дороги – на лугу застряли две машины, итальянские. Ага, ну а туда пройти нельзя, в крайней хате немцы, а они дежурят там возле машины. Ну, на ночь оставили. Сидят за столом. Я в окно посмотрел – сидят, пьют за столом, а потом выходят два и пошли туда, до машины. Посмотрели – никого нет. Вернулись. Они вернулись, а я пошел. Пошел, а там борт под машиной, и сзади такие ящики. Ну, я взял с собой два гвоздя. Один ящик открыл. Ага, я сразу кабину открыл. Выгреб из бардачка все, что было. А что там было? Кошелек там был, даже деньги были, часы какие-то, кирпичик были. Ну там разного хлама много было. Ну я все в пазуху выгреб. А потом вот-то ящик понравился мне. Открыл ящик – а там цепочка круглая, такая, чтобы на льду, чтобы не скользило, на колеса надевать. Я как глянул – глаза загорелись. Это ж корову привязывать. А на колодец цепь – так это ж бесценное. Ну я, значит, вытащил одно что-то, а оно ж тяжелое. Ну а когда шупал – как-то с переплетами цепка была, а то одна длинная. Ну а тогда она падает и «дзелень – дзелень- дзелень». Я слышу: что-то шлепает. Пригнулся

до земли, глянул – бежит два. Я тогда тикать через луг, галоши в руки, добежал до речки. Я бегу, а они начали стрелять по мне. А оно же темно, куда стрелять? Смотрю – трассирующими. Увидели меня. А потом глянули – пацан. Ну, они, наверное, и не гнались за мной. Я побежал до речки, перебежал, прошел туда метров 200 или 300, и сюда через луг перешел, домой пришел. А это же от меня там рядом, через 4 дома они стоят. А у нас там каменное корыто. Я ноги помыл быстренько, в хату заскочил, лег на пол, укрылся, а мать говорит: «Что такое?» Я помахал только рукой. Ну, буквально через 10 минут заходят два немца. Сюда, сюда посмотрели. Ага, пришли ко мне, подняли одеяло – сплю. Если бы он за ноги пощупал – у меня еще ноги были холодные, влажные. Но пошли. Удачно прошло это дело.

А то раз в машине меня поймали тоже. Но то днем, не ночью. Стреляли. Так я тикал, а там дом – крыши ж под соломой. А я что – отрезал ремешки на коньки. Там этот центр, что завязывается машины кузов. Ну я как глянул – пряжки такие, что я и в кино не видел. Тогда еще и кино не было. Ну я поотрезал (*смеется*), глянул, а сзади один идет и пистолет вытягивает уже... Я тогда раз – а там была плотня и кузня, а между ними так где-то сантиметров 30 ширина была между этими домами. Я сюда – нырь. А он пробежал, а пролезть не может. Пока он обежал круг, а я уже туда к дому подбежал. Но он увидел меня – он еще три раза выстрелил по мне. Я за угол завернул, добегаю. А куда тикать? Кругом немцы. Я, значит, сюда. А тут у нас дома так – одна дверь, где живущая, а другая – где там свиньи, коровы. Я в ту заскочил, где свиньи, в ту дверь. На станок стал – и на чердак. А там дырка в крыше. Я выскочил и побежал дальше. А они пришли пока сюда, пока туда – нет. [...] А другой раз, когда вешали, там интересный случай был. Значит, сижу я, в окошко выглядываю во двор. А там в садку телеги стоят, немцы, но это уже что последние, фронтовики, что прикрывали уже ихний тыл. А один несет от соседа – а у соседа улики были – и он несет две рамочки [с медом]. Пришел, поставил на телегу. Руки вытер, постоял, покурил, и пошел опять. Я смотрю, он пошел за другую хату – ну а я же знаю, где у того пасека. Я вышел, эти две рамки взял, на чердак поставил себе, вышел, опять стою, то есть сижу в хате. А тот принес еще две. А где же мед? Он же знает, что немцы не возьмут. (*Смеется*). Он, значит, поставил, вышел, и за хату, за угол стал. Но я же не видел – я видел, что он туда пошел. Я вышел – нет никого. И вот говорят, что жадность фрайера губит. Я значит сюда, до брички, подошел до его повозки, а он значит, сзади идет и пистолет так держит. Я поворачиваясь – «Комм»<sup>1</sup>. Такой

---

<sup>1</sup> Иди (*нем.*).



маленький, лицо у него сероватое, злющее – «Комм». Я, значит, подхожу, он меня за руку взял и ничего не говорит. Повел до брички, взял веревку, сделал петлю, посмотрел так и тянет меня до вишни. На вишню привязал. Но это ж смотрю – все. Тут уж спасения нет. И на мое счастье появился немецкий офицер какой-то. Через садок шел. И я закричал: «Пан, пан». Тот глянул и что-то он крикнул на этого. Тот только раз – и встал. Я как дернул в кукурузу и больше меня не видел. Спалили наш двор, но я живой остался. [...] Все спалили. Все сожгли. И солому. (*Смеется*). А то один случай был. Захожу я, а тоже такие [немцы] были. Но не с этого обоза, а со следующего. Или перед этим. Я голубей держал. Красивые у меня были – трубачи и летные, николевские<sup>1</sup>. Я захожу во двор – смотрю из дырки в конюшне, где дырка для голубей была, лоток – пилотка выглядывает. Я как глянул – похолодел на месте. Подхожу, а дверь закрыта. Я как-то через дверь, через кладовку зашел – смотрю – здоровый немец, рыжий. Полная пазуха голубей, еще и в руках держит. И до дверей уже идет, открывать уже крючок. Я к нему подбегаю, рубашку у него раз – и выдернул. Все голуби вылетели. Вот то, что в руках держал, двое. Я дверь открываю, выскакиваю, он видит, что я тикаю, он меня под жопу сапогом. Я поворачиваюсь – и его под жопу. А немцы там в саду смеются. Мама родная! (*Смеется*). Ну они когда вечер подошел, уезжали – они почему-то ночью стали отходить, отступать. А их перед тем, как уезжать – строят. Ну а я видел, куда [он пошел]. Смотрю, на бричке такой ящик, и полно голубей. Ну у него, наверное, летные были. Он туда пошел, а я раз – ящик открыл. И они взлетели вверх. Кругом горит все, и их стая там летает. [...]

*Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] Перед освобождением бомбили наши – сбрасывали бомбы, и одна бомба попала недалеко от дома, где жил подпольщик. И там как раз был мальчик один связной, Толя Баранов, и бабушка этого, и их ранило осколками. Папа пришел утром рано. Девушка одна работала фельдшером, говорит: «Надо перевязывать», а перевязочных материалов нет, ничего нет. А в амбулаторию папа сказал не ходить, там пьяный фельдшер: «Он вам ничего не даст, он пьяный вдрызг и сматывает чемоданы». А немцы уже отступают. Машины идут-идут. Идут с фронта, уже с ранеными. А мы к этому – а он пьяный, действительно. Я говорю: «Давай все-таки пойдем, может у него хоть

---

<sup>1</sup> Породы голубей.

что-то есть». Надо перевязывать – ни бинтов, ничего же нет. Ну, а к Михаилу Сергеевичу бегали наши, а у него стоят машины немецкие во дворе – пойдешь возьми там материал. Нет, прибежали назад. А он, значит: «Нет у меня ничего. Идите у них берите. Вон смотрите». А машины идут, идут. Вот четыре машины проходят, одна с красным крестом. Ну, мы вышли в растерянности. Сказал Михаил Сергеевич, чтобы рвали простыни и перевязывали, а где их взять, простыни? Променялись до того, что уже и спать не на чем, одевать нечего. Я не знаю, или я шальная такая была, я не знаю. Я говорю: «Подожди. Сказал у них взять, сейчас». А машины идут медленно, не так, что на большой скорости, а с расстановкой. Я вскочила на подножку этой машины с крестом и: «Папа, мама – капут, дай бинт, дай вату». Вот тебе и перевязочные. Идет следующий... 4 машины прошло, идет следующая, я вскакиваю опять на нее, а из машины стон, ругань такая, причем я слышу, что немец ругается, но ругается по-русски, потому что лучше, чем по-русски, нигде не [ругаются], и я этому, протягиваю руку – то же самое: «Папа, мама – капут, дай бинт, дай вату». «Разстрелю», – начал мне, – «Гитлер ни хт капут. Застрелю». И видно шофер сообразил, потому что он дверцы открыл, я упала, ноги задрала, а рядом со мной упал этот пакетик, шофер все-таки бросил мне пакет и выстрел, следом выстрел. А я поднимаюсь и говорю: «Еще и стреляет, гад». Она говорит: «Хватит, все, три пакета». И вот сейчас я думаю, мама бы видела. Или сейчас бы какая девочка на немецкую машину прыгнула, да еще отступающую. Конечно, и убить могли, и все что угодно. [...]

## *II. Александра Григорьевна*

\*\*\*

[...] У нас стояли немцы, это уже перед Сталинградом. Они прошли туда, а потом, когда уже поперли их от Сталинграда, и у нас на квартире стояли немцы, 4 человека. И один из них вроде как ломано говорил на русском языке, кое-что. И он, значит, вынимает фотографии и показывает: «Вот мол моя жена, вот мои дочки, вот моя вилла, мой дом». – А я говорю: «Ну вот скажи, – не помню, как его называли, – чего вы пришли». – А он говорит еще: «А вы, мол, свиньи». – Я говорю: «А чего вы пришли к свиньям, если у вас так хорошо». – А он на меня: «Партизан? Партизан?» Сцапал меня за петли, и тянет: «Партизан?» Мать моя схватила, начала плакать: он меня бросил. Я говорю: «Ну что я, неправду говорю». А там другой немец подошел, что-то «дыр-дыр-дыр» и прекратилась эта ссора. А потом они получали посылки, и получали такие бутылки рома. И берут

чугунок, наливают полчугунка воды, выливают этот ром, кипятят – и как чай пьют. Не знаю, что там за вкус. И вот они выпили этот ром – и как завелись между собой. Тоже, и за винтовки хватаются. Одни говорят – мы только понимаем: Сталин – Гитлер, Сталин – Гитлер. Значит, видимо, у них была какая-то перепалка. Одни, видимо, за Сталина, одни, видимо, за Гитлера. Так что уже в этих войсках... Это уже после Сталинграда. Туда они шли героями. У нас тут у одного стояли немцы, так они когда на Сталинград шли – у них квартировали, а потом когда назад шли – тоже у них квартировали... Да, те же немцы. Ну и тоже был там какой-то немец, разговаривал по-русски кое-как. Так Петро Михайлович<sup>1</sup> kaže: «Я ему скажу: Ну как вы там». Он: «О, Wetter, О, Wetter». Значит, холодно было, холодно. Значит, штаны – «в канторах штаны». Канторы – значит туалет. Значит, в канторах – штаны. Вот так было холодно – он все смеялся: «В канторах штаны».

Ну вот немцы и итальянцы – они как-то более-менее. А вот были у нас одно время бельгийцы. И у нас там был сарай – колхозного, общинного хозяйства. И там зерно было. Они приезжали – не знаю откуда, из Дзержинска, набирали там по наряду зерно – так эти хлопцы били плетками, прямо издевались: «Давай, работай, трудись». Жестокие такие. Ну а те... У каждого, видимо, была своя политика. У нас там на одной улице приехал офицер немецкий. Ну, женщина пожаловалась, что вот так и так, солдат обижает ее. Так он при ней прямо позвал сюда солдата и по лицу его ударил – кричал на него и по лицу ударил. Может где у них и жестокость была, а может где они хотели себя показать и культурными людьми. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] В 42-м году пришли на Нестеровку<sup>2</sup> танки. Они шли на Сталинград и остановились на отдых. У нас поселилось 5 немецких офицеров. [...] Но это офицеры были, видно, высокого ранга, высокий вот этот вот. Там и Фриц был, и Отто, Карл – они ж друг друга называли по имени. [...] Нас выгнали во вторую маленькую половину дома с отдельным входом, а сами заняли большую, лучшую часть дома. Им принесли ординарцы еду, они напились и стали горланить. А мы сидели тихо, голодные. Боясь попасться на глаза я выбежал в туалет, и меня увидел высокий немец, и стал меня звать к себе. Я

---

<sup>1</sup> Сосед респондента.

<sup>2</sup> Поселок в Сталино.

обмер: думаю – конец. Он настойчиво звал к себе. Взял меня за руку и повел в дом, что-то лопоча. Посадил меня на колени, достал фотографию – видно, своего сына, и стал тыкать пальцем на меня и на фотографию. Я был ни жив, ни мертв. Затем взял ведро, в котором была гречневая каша с мясом, и хлеб, и сказал, чтобы я это взял. Я боялся, но он заставил. Я принес к себе, мы боялись кушать, думали отравленное, но голод взял свое. (*Плачет*). Так 3 дня мы питались отменно. [...] А хлеб у них был – вот у нас сейчас полиэтиленовые. А у них вот хлеб был в полиэтиленовых закупорен так, что он мог месяц быть и не высохнуть. [...] Я перестал бояться. Однажды он взял меня в свой танк. Мы залезли туда и меня удивили чистота и порядок внутри. Танки были замаскированы деревьями. Днем летали наши самолеты – разведчики, и мы ожидали бомбежки ночью. Но пронесло. Наши бомбили в основном Путиловский военный завод и немецкие склады. [...]

И потом еще – когда мы уже жили на Четвертой линии<sup>1</sup>, вот это Садовый проспект, по которому пленных вели – значит, чуть ниже был штаб авиаторов немецких, немецких летчиков. И туда шла как раз мимо нашего [дома] машина. И вот однажды я сидел – худенький конечно, очень худой – и ехала машина. Тоже остановился немец и ко мне: «*Komm, komm, komm*»<sup>2</sup>. Ну я уже их не так боялся. Я подошел к нему. Он что-то там бормочет мне – я никак не могу понять, что он говорит. Потом он, значит, посмотрел на меня, видно, тоже я похож на его сына. И полез внутрь машины с тентом, вытащил нож – ну там коровьи туши были – и кусок мяса килограмма в 2 или 3 отрезал в газету и говорит: «*На*» и «*schnell*»<sup>3</sup>. Значит, «быстрее, уходи». Ну я убежал, значит. И вот он едет, как увидит [меня] – а я уже все время стою – и вот единственное, что он. А им присылали к Рождеству подарки, немцам. И вот ему прислали подарки – не знаю, что ему там прислали – он мне вдруг на Рождество подарил мне перочинный ножик. Нож такой, как за границей – перед войной у нас ножей не было. Значит, белый перламутр и там ножницы и все такое. Я с этим ножом носился как я не знаю. А потом на санках, когда с горы ездил, видно, потерял там. Так ревел – такой подарок потерял! Значит, что я могу сказать: были немцы сволочи, были люди хорошие. Точно так как и у нас – были хорошие... За всю свою долгую жизнь я сделал вывод, что у всех народов во все времена были порядочные люди, хорошие

---

<sup>1</sup> Ныне – улица Октябрьская в Донецке.

<sup>2</sup> Иди, иди, иди (*нем.*).

<sup>3</sup> Быстро (*нем.*).

люди, и негодяи и звери. Это общеизвестно, это никто не может сказать.

[...] Но я помню, что «Данке шен» было большое спасибо. Значит, я такие слова знал: «взк» – «прочь», «шнелль» – «быстрее», «брот» – «хлеб», «комм хер» – «иди сюда», «данке шен» – «большое спасибо». Ну вот эти слова в обиходе у немцев же, а во вторых, нас же учили сразу в школе, немецкий язык прямо с детства. Они же, наверное, собирались жить здесь, чтобы население могло разговаривать с ними по-немецки. Я знаю, что у них в голове было? Самое хорошее во время оккупации было – единственное, когда эти немцы кормили нас – раз, и когда у меня возникло странное, непредвиденное, непредвиденное, вдруг дружба с этим шофером. Причем с простым шофером. Который подарил мне вот этот перочинный ножик. Тогда таких ножей не было. А так в основном радости мало было. Был труд – страшный труд, голод, холод, труд страшный, огороды. Пока мама работала, надо было за сестренкой ходить, за домом ходить, тем более отопление было печное – жужелку, дрова [носить]. Работал на износ. [...]

Зимы в войну были очень морозные и очень снежные, везде были большие сугробы. Зимой 43-го года, когда наши прорвали фронт на реке Миус, немцы в суматохе драпали, но так как у них был синтетический бензин, и не было антифриза. Синтетический – это в ведро воды высыпается порошок, и это бензин летом. А зимой он замерзал, и поэтому машины все стояли. [...] Да, вот в воду сыпали порошок, а зимой, когда сильные морозы, они не успевали разогреть машины. А убегали, отступали. Они так бежали, что не дай бог. Машины в мороз не заводились. И стояли вереницей. Немцы хватали у детей санки, заходили во двор и тоже забирали санки, грузили все свои вещи и тянулись змейкой отступая. Потом все остановилось. Тогда мы пели народные частушки: «Спасибо Сталину-грузину, что сделал санки без бензину». Много было шуток-прибауток в отношении немцев. Народный фольклор был широкий. Помню еще как мы дразнили, пели частушки тем женщинам, которые водились с немцами. Мы их считали предателями, а их было немало. А песня была такая: «Ком, паненка, шляфен<sup>1</sup>, морген<sup>2</sup> дам часы, шутка на война, снимай скорей трусы». [...]

А уже при немцах сбили наш бомбардировщик, который упал за Бахмуткой, где сейчас стоит памятник летчикам. Кстати, вот этот момент я хочу сказать. Немцы-летчики приехали и сразу оцепили. А

---

<sup>1</sup> Спать (нем.).

<sup>2</sup> Завтра (нем.).

мы ж пацаны – нам же интересно, бегаем, мне ж уже 9 лет было. И значит, они же выпрыгивали с парашютом, значит, один выпрыгнул, его искали, он, видно, ушел. А один, видно, зацепился, так как самолет упал, взорвался и парашют вцепился за хвост, так и упал. А один, тоже, или выбросило его – валялся. Подошел полицейский, сволочь, и ногой его так ударил. [...] И говорит: «Ох, сволочь, собака». А немец увидел – высокий, видно большой чин, увидел, что он ударил его, и подошел, как дал ему, полицейскому. И говорит: «Мы там – пух-пух», – показывает. По-русски не говорил, но так, что мол: «Мы там враги, но человек упал, что ж ты мол, сволочь, свой». Но так, тот момент я видел. Да, где сейчас стоит памятник летчикам. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] У нас же танкисты. Тут поле, тут забор, тут мы. И танк стал. Стал, вылезли они. Это в 43-м году в феврале-марте такой бег был<sup>1</sup>. Немцы. Они на лыжах, на саночках драпали, везли свое. Машины, мотоциклы, велосипеды – брошены. Я говорю: «Мама, я приташу один велосипед брошенный». Она говорит: «Не вздумай». – «В сарае, – у нас там тоже погреб такой был, – я его брошу, замаскирую». Она говорит: «Нет, не вздумай». Не поднимали мы ничего. Приходили, обморожены, все. Это под Красноармейском их прорвали. Вот они драпали. И финны – финны здесь были. Фотографии свои показывали. А эти танкисты обосновались. Мать подушки им подала. На столе все наше побросали. Подушки побросали наши. Потом этот танкист говорит: «Где у вас баня?» На коксохимзавод показывает. А потом говорит: «Есть ли у вас такие?» Ну видит, что с нас взять него. Тощие, вид не имели товарный. «Те женщины, фрау, которые любят немецкий солдат». А у нас там Николаева жила Дуська, с матерью жила. – «А вы туда прямо пойдите». Она красивая женщина была. Она подгуливала. Коса у нее белая была вокруг головы.

[...] А что солдатки эти. По трое, по четверо детей – что им оставалось делать? А что им оставалось делать? Дети маленькие, кормить и все другое. Ну как их, как их звали: «овчарками немецкими».[...]. Конечно негативное отношение. И девчонок осуждали. И песня была [...]. Я спеть не могу, я слова: «Под немецких

---

<sup>1</sup> Имеется в виду временное отступление немцев в связи с глубоким прорывом советских войск в Донбассе, в частности в районе Красноармейска, в феврале 1943 года.

куколок вы прически делали, красками красились, крутились юлой, но не нужно соколу, что-то не локоны, и пройдет с презрением парень молодой». А немцу песня что-то: «Blondhaar, siebzehn Jahre, was wollen Sie?» – «Блондинка семнадцати лет, что хочешь ты?» Это у нас там были. А эти [пели]: «И пройдет с презрением парень молодой». Ну и когда, конечно, те, у которых рыльце было в пушку, их не принимали ни в учебное заведение, если заявление [донос] было. [...]

### Саенко-Полончук Майя Ивановна

\*\*\*

[...] Как ми вже були в Белокаменке<sup>1</sup>, как выгнали нас туди, евакуїрували<sup>2</sup> – ходим, просим кусочки. Хто дасть, а хто ще загне матюка. А мы ж – в чем стояли, в том нас выгнали. Побросали все. Була ж в нас картошка, був поросенок, коза. Бросили – потому что невозможно[было забрать]. Не давали нічого. Гнали – і все. [...] І ходили, кусочки просили. Як доходим – там один дом большой. Щас я знаю, хто живе? Построен совсем другой. А там была кухня немецкая. Оці ж немцы, що вигнали нас тудя, що в нас жили те немцы, не знаю, несколько человек. Нас там під кровать, а самі там панували. Ну, бог с ним, то была война, таке діло прощать надо. А побачив один німець. А у нас хлопець був 30-го году, брат. Сестра йде з ним, просить кусочки, а я отдыхаю, завтра я йду з ним, вона отдыхает. Вот так ми, через время. Ну це ж не ми только. Нас скільки там було таких, хто просить. Треба ж кожному дасть. Хто дасть, а хто виругае. А той німець побачив – якраз солдати обїдали. І побачив, що от той Костя (*брат*). [...] Немцы ж поварували, кухня стояла. Так він, було тоді іной раз украде, дасть йому покушать, а він (*брат*) нам прийде, по кусочку. І побачив<sup>3</sup>. І гукає: «Котя, Котя, зайді сюда». – А я кажу: «Ой боже, розстріляють. Пропала дитина». А він ходив: фуфаєчка подвязана веревкою, ой боже. Ну що ж. Виходить він – улыбається. Виходить той же німець за ворота, хлопці пообїдали, пішли. Виходить, улыбається. Што ж такое? Він оту веревочку так (развязал) – ты представляеш, и на спине, и тут (*показывает*) – кусочками, крихотками, хлеба обложив той немец брата нашего. І ще котелочек каши дав – позгрібав, каже (*брат*), с котелков – іще котелок каши дав. Остатки. [...] І каже: «Знаеш што?» –

---

<sup>1</sup> Поселок Белокаменка вошел в состав образованного в 1965 г. города Карло-Либкнехтовск (ныне – город Соледар Донецкой области).

<sup>2</sup> Респондент имеет в виду отселение оккупантами гражданского населения из зоны непосредственных боевых действий.

<sup>3</sup> Немец знал семью еще до этой встречи, по месту жительства до отселения.



**Фото 12.** Сало Варвара Кузьминична.  
Июль 2009 г.

Фото из личного архива Д.Н.Титаренко

семья, там друга семья. А мы ж сидим, едим. I то: «А де ж вони набрали?» – «Та то люди надавали». Тоже не признавались. Немец нас поддерживав. Каже: «У меня тоже кіндер є, я тоже понимаю, яке це в вас горе. Может і мово, тоже ж я не знаю, что дома делается. Может і в мене там горе, діти страдають». Тоже поддерживав. [...]

в такое время – в 12 чи шо, хлопці німці пообідали, пошли. А ти приходи. Можешь с кем-то нібудь, можешь – только больше штоб одна семья була, больше не приводи. Штоб меня не продать, мол. [...] I ото шли ми туда – і то було котелок, коли два дасть. Там у них остаточки. Там мы раді були всьому, господи. Лободу їли. [Ходили] каждый день, покуда нас не вигнали туди, в Артемовск. А так він нас поддерживав, спасибо. Дай бог ему здоровья. Может нема. Та, конечно вже нема, понятное дело. И хоч того хлеба, кандер какой дасть – і то були довольні. И то тут одна

### *Сало Варвара Кузьминична*

\*\*\*

[...] Еще я работал – поезд идет. Румынский поезд пошел – кидают шапки из вагонов: «Война кончилась»<sup>1</sup>. А мне – немец, руководящий был по маневрам, а австриец его помощник, кажe: «Гришка, не верь, брешут, что Сталин сдался, брешут. Не верь, что Сталин сдался». [...] Радовались, что война кончилась. [...] И вот через

---

<sup>1</sup> Имеется в виду реакция румынских военнослужащих во время отступления немцев и их союзников зимой 1942-1943 годов.



время из Лозовой ворвались наши русские танки в Красноармейск. А тут на Донбассе немцы хазяйновали. И вот немец, руководитель наш по маневрам, наш командир. А звали его... Того Макс – австрийца, а этого... Я уже... Забыл (*пытается вспомнить*). [...] А они ж – они постное масло чи люблять, чи у них немає. И у каждого в бидончике масло додому отпралять. И вот то, как прорвались танки в Красноармейск, а вони уже не работают. И с бидончиком этим выехать додому [хотят]... А як? И работу бросили. А начальник немецкий каже мне: «Гришка, як рус тут, ты будешь ранжир – ранжир-мастер, а я помощник у тебя буду». – Я говорю: «Ты что, уже боишься?» Дня через 2 отбили эти танки вернулись назад. Начали работать. И смеются. Я говорю: «Что, уже война не капут?»

*Самисько Григорий Наумович*

\*\*\*

[...] Тут немец поймал меня: «Идем. Иди и ты сюда». По чемодану – несите. Они два идут, а я уже не могу, падаю. Вот то от Первой линии, где универмаг. Там и вешали людей – мы видели с ним (*показывая на сидящего рядом брата*). И это немец гнал туда. Один впереди – мужик здоровый. А я пацан. Он впереди, а я сзади. Раз [ударил] – чтобы я догонял того. А я уже упустил тот чемодан, и не могу его поднять. А тут люди. Ну вот это я вам, как отношение при немцах. Морды здоровые – поймали пацана и неси этот чемодан. [...] Мысль была в морду им дать. [...] Нехай меня потом убивают, но я хотел ему это сделать. Но я думал – не будет ничего, во-первых, и когда тот ушел, и когда он вот так бил меня... А я видел, что люди стоят, чтобы люди видели это. [...] Люди видели, как он меня [бьет]. Люди бросили работать, стали так с лопатами, на этого немца так смотрят, а я на этих людей тоже стал, смотрю. (*Смеется*). Они на меня смотрят. Немец остановился. Он понял, что люди хотели мне помочь, но они беззащитны. Я тогда поднимаю этот чемодан – понял, что они мне, что я им. Понимаем. Думаю, что если б был тут кирпич, каменюка, чтобы к нему подойти, немцу в морду дать, чтобы эти люди посмотрели. (*Смеется*). Пусть стреляет. Вот желание такое было. Это враг. Здоровый такой: «Вот так ты знущаешься над людьми нашими». Не только надо мной. Я попал в эту ситуацию, я должен расплачиваться. Те люди тоже... Ну что я могу сделать – лопата там и все... Что мне даст это. Помогли бы мне разделаться. А то я на этой стороне, так они на той. Если бы я пошел камень искать, так он раньше пристрелил бы меня. Кто там из-за меня пойдет жаловаться?

[...] Вот так вот жили при немцах. Ну а люди действительно – офицеры если есть по улице – за офицера чуть ли не дрались, чтобы переманить к себе, заманить... Чтобы не солдат был: солдаты бедные были, а офицер. Да просто, чтобы карбид<sup>1</sup> ставили ему, чтобы заходить – удобства, вот что. Темно было, фитилек. А у соседки там карбидная лампа. Немцев встретили – презимует. Зимой-то работали. Гильза, туда карбида наложил баночку консервную, а тут из патрона дырочка – горит. Вот – пришли австрийцы, нам дали свет. А они там, немцы, в карты играли. Я при немцах и в карты играл, и разговаривал – буль-буль-буль (*имитирует речь*). Они меня не трогали. [...] Некоторые угощали, а некоторые были такие, что если останется кусок хлеба, он пойдет в туалет и там [выбросит]... Ну таких было мало – больше было хороших. Таких было мало – больше были хорошие.

[...] Пришли – ну там проституция с немцами. Кусок хлеба там – и с немцами. Та даже не спрашивают! Напротив зашли, легли спать – ага! В дом [зашли]. Смотрят – тут баба. Мужика на улицу: «Мужик, танцы сейчас будем делать. Ты, мужик, играй». Он играет там на барабанах, показывают, что только может. Играл-играл. Один немец танцует с жинкой, а другой танцует с дочкой. А потом этого мужика взяли за шкуру да на улицу выкинули. Сиди там, играй на улице. Тот жинку, тот дочку. (*Смеется*). Да, соседи у нас были. [...] Одна приходила к ним, яйца приносила, а немцы хлеба давали. Та потом там что-то немцы не поладили, та она в окно тикать от них.

[...] А вот мы идем, когда там столовка была, с ремесленного шли. Помнишь? (*обращаясь к сидящему рядом брату*) Идем мимо этого бардака. Купать идут строем пацаны, мастера идут. Вот туда, где кино «Комсомолец» идем. Мимо бардака<sup>2</sup> проходим же. А немец – сидит немец с одной нашей, на балкончике, там 2 балкончика, и она там курит, и сидит там голая, и он. Значит, ночь прошла, утром, значит уж, ночь прошла, на воздух [вышли]. А мы идем и: «А-а», – свистим, – «падла». А она смеется. Я знаю, что мы только свистели, кричали. Немец смотрит, да, смеется, и она смотрит, смеется. [...] Так как они зарабатывали, это ихний был хлеб. Это народом презиралось. [...] Это обсуждали: «Комсомолки продажные». Вчера была комсомолка, сегодня она в бардаке. Ее немцы ж, немцы пугают, а наши воюют. Это

---

<sup>1</sup> Карбидная лампа.

<sup>2</sup> Публичный дом. Сейчас в этом здании в Донецке находится гостиница «Великобритания».

ВОПРОС: - Вам известный случай заявок в стол заказов для присылки девушек в кабаре и отели?

ОТВЕТ: - За время моей работы в столе заказов заявок на девушек для работы в кабаре или отелях не поступало, но хорошо знаю, что все девушки, которые работали "в отелях" были зарегистрированы на бирже труда.

ВОПРОС: - Укажите, какие отметки производились биржей труда на карточках девушек, которые работали в отелях /дома терпимости/, - известно ли Вам, кто персонально приходил на биржу труда с документами этих девушек для их оформления.

ОТВЕТ: - В 1941 году среди жителей гор. Сталино, вскоре после его оккупации немцами, был распространён слух, что некий Бондарь открывает дом терпимости, куда будут направлены все красивые девушки и женщины.

Однако насильно никто не посылался, но все, кто поступал в дом терпимости оформлялись лично через шефа биржи труда - немца ЗОФНЕРА.

На биржевых карточках у девушек находившихся в доме терпимости были отметки "работает по патенту у бондаря" без указания названия предприятия.

После того, как дом терпимости или как его называли "отель Великобритания" перешел в ведение местной комендатурн /штандорткомендатура/ и в биржевых карточках были уже произведены отметки одним словом "работает".

При расчёта из отеля "Великобритания" комендатура выдавала справку о том, что та или иная девушка работала в должности официантки.

ВОПРОС: - Были ли случаи, когда приходившие на биржу труда офицеры требовали, чтоб им показали девушек для того, чтобы они могли себе из среди их выбрать служанок?

ОТВЕТ: - Случаи персонального отдела девушек для службы у офицеров имели место довольно часто, особенно в начале оккупации гор. Сталино.

Обыкновенно тот или иной офицер приходил в женский отдел перед ним выстраивали девушек, он их рассматри-

**Фото 13.** Информация о функционировании публичного дома в Сталино

РГАСПИ, ф. 7021, оп. 72, д.815, л. 6.

взрослые люди так понимали, патриоты. Моя мать, я уже так. Вот мы свистели – это ж настрой показывает, вся группа свистела. [...] Приходит одна сюда, приносит продать туфли, с камушками, дорогие в те времена. Кто это может купить? Только эта проститутка. Иди к ней, она может купить. Пошла, им показала: «Да, я беру». Гроши были. Все, покупает. Домой принесет что-то пожрать, если родители у нее были. [...] Немцы пришли и говорят: «Вы способствуете победе Великой Германии и нашего фюрера». Она патриот Германии, если немцы закончат войну, она будет иметь привилегии, в таком духе. Она знала. Сейчас она живет и потом будет жить, если немцы побеждают. А немцы уже до Волги дошли. Кто там думал, что наши их погонят? Поначалу. Если тикают [наши], так они и дальше будут тикать. Уже ж забрали все. Когда было полностью – не могли, а что же там остался кусок, Сибирь там одна. Что там... Кто там уже думал [что мы победим].

[...] Ну вот смотри. Нас трое – а зал они занимают. Два немца там было, или сколько их там. Оно ж везде так – по одному нигде – два, три немца. Бродит шлюха. Ну, может она не шлюха, хочет покушать, будем говорить. Девка, будем говорить. Посадили, дали ей покушать там это. А там ее потом там? Танцевали [с ней]. Мать начинает проявлять возмущение. Дети, мы ж сидим, смотрим... Она вышла, там или воды взять, ей: «Что ж ты делаешь, тут же дети, куда же ты пришла?» Она идет и немцам говорит, что, мол, тут не надо, хозяйка возмущается, где-то надо уходить. Немец выходит и матери пистолет. А мы сидим и дрожим... Говорит: «Криг, война, капут, рус». Вот так, пожалуйста.

[...] Ну, как и немцам давали там умыться, стирали немцам. Ну офицер он понимал, у него совесть такая. Что ему сделают – он тоже не докушает, отдаст нашим. А нашим это и надо было... Котелок мать домоет – 2 ложечки оставит: «На, поешь...». Помоем... Вот так люди спасались у этих немцев. Приходят наши. Тоже ж мы дождались их. Миску просит у матери. Миска здоровая, варенье варили, миска большая. Концентраты туда покидали-покидали. Не на костер – груба была. И бабы там были, и мужики. Покидали, переколотили, сварили. Сели, все, покушали. Хотя бы ложечку оставили. И смотришь – немец и наши. Разница? [...] Армия пришла наша. [...] Ну вот тебе просто какое воспитание, или как это понимать? Офицер приходит и говорит: у нас были ложечки такие разукрашенные, красивые такие. Он посмотрел и говорит: «У нас там», ну что-то такое, подарок надо отсюда отправлять в Германию. Они на Рождество – те сюда присылают, а они назад присылают. Стреляли на Новый год, будто война началась. Все в ракетах. У них там одни воюют, а другие

отдыхают. По очереди, не так, как у нас... Только у нас стреляли... Он не воровал: «Я не могу послать родителям ворованное». Культурный человек. Вот он купил, тебе даст что от пайка, все, а ты отдашь ему эти ложки, там прибор там письменный был из мрамора. [...] Он отправлял. А наши эти пришли. Мы у них ничего не просим – мы рады, что пришли наши. Но мать дает ему умыться воды, а он отказывается: «Я не хочу умываться». – «Да ты ж грязный». – «Я умоюсь, когда война кончится». Это 43-й год был. – «А то меня пуля возьмет». Внушили себе и все. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Среди немцев были и хорошие, и плохие люди. Вот и у меня случай был такой. У нас во дворе, как я уже вам сказал, жили немцы. Отдельно. И вот он ел-ел-ел, приготовился кушать и пошел оправляться, в туалет. Все бросил. Приходит оттуда, смотрит – что-то там нет. Масла или чего-то там нет. А здесь я гуляю. Что я был – 12 лет. Он заходит – это в летний период было, летом, в 42-м году. Он заходит, как масло называлось по-немецки... Он кричит по-немецки «Butter, Butter», – по-немецки кричит. Он ко мне – больше ж никого нет, схватил меня за шею, дышать нечем, поднял пистолет и меня за шею, вытащил пистолет и пистолетом на меня. Что я значит – я не помню. Здесь мать – что такое? Подбегает мать, видит, что вот эта... Мать, пошла, смотрит – котенок, кошка была у нас. И кошка у него схватила это масло, и она лежит в коридоре, лижет это масло. Она ему, немцу: «Смотри, масло лижет кошка». Он берет эту кошку, бросил ее – обойму туда, несколько выстрелов – и кинул через чердак на другую улицу. И там переполох был – что самолет пролетал как раз, самолет пролетал – а там как раз летняя печка, и на печке что-то было... Это эпизод, да. Это такой был случай, что если бы не мать, если бы не обнаружили, что это кошка, он бы меня мог расстрелять.

[...] У нас разные стояли. Но среди них больше всех наглые это были эсэсовцы. Вот я видел сам – залез в карман. Ну, вор. Раз – руку поймал и возле – где памятник Дзержинского, там на площади – руку эту отсек... Финкой. Сразу положил, ударил, руку отсек – и все... И пошел дальше... Вот тут торговал безрукий. Пластинками торговал, безрукий. [...] Выжил, да [воришка]. [...] Пацан, лет 15.

[...] Она пришла к нему, проститутка, за хлеб работала, приходила. [...] Летом. И вот что-то там она, что там, как [случилось]. Или какая-то техническая причина. Что она вылетает там оттуда без обуви, без ничего, только там, знаешь, накрылась, а он уже туфли

выбросил, и по-немецки, значит, там что-то ругается. Что-то там не получилось, выгнал, прогнал. Она еле удрала от него. [...] Ну мы все были настроены против, а у них безвыходное положение, у некоторых, может быть. Они не нашли другого выхода. (*Спорят с братом*). Я это не оправдываю. И никто порядочный не может сказать, что они правы. [...]

**С. Михаил Андреевич**

\*\*\*

[...] А этот немец, который дядька хороший был, который у нас стоял. Он ехал в отпуск, а мама плачет, и он говорит: «Приготовьте что-нибудь, я еду домой и повезу вашей дочке»<sup>1</sup>. Тогда же мыла не было, сами варили, сварила она мыла, и кусочек сала достала. Там такая посылочка маленькая. Дала ему, он приехал, сало себе забрал, а мыло выслал. Вызывает меня полицей, говорит, тебе есть посылка, и записочка от мамы: «Тебе высылаем мыло и сало». А сала нет. Ну хоть мыло, а то голову нечем было мыть. [...]

**Т. Варвара Ивановна**

\*\*\*

[...] Были и немцы хорошие люди. И у немцев были хорошие. Давали детям... А другие были, знаете [плохие]... Или воровать ходили до них. [...] Ко мне, к отцу даже приходил врач немецкий, да. По работе я спросил его. [...] И я попросил его: «Так и так, отец у меня больной». А он пришел, посмотрел и говорит: «Ничего такого нельзя сделать». У меня у отца ноги болели, ревматизм. Тогда, знаете, попробуйте эту болезнь [вылечить]. Считалось, каюк (*конец*). В сорок третьем он умер.

[...] Слушайте, были и хорошие. Немцы были лучше, чем наши, которые давили – полицаи были, подхалимы. [...] Хуже были, чем немцы. То ж хоть немцы, а то свои... Ну вот вам пример. Шли мы хлеб меняли. Везешь – свои встречают [грабят]. А немцы [их] ловили, а некоторые даже попадали под партизан после них. [...] Это я точно знаю, что опосля они оказались в партизанах... А они людей грабили... А немцы их поймали и постреляли. А говорили, что партизаны. [...] Это точно я знаю, даже на собрании сидел тот друг

---

<sup>1</sup> Респондентка в это время находилась на принудительных работах в Германии. Немец, о котором идет речь, в это время ехал в отпуск из Украины домой, в Германию. Респондентка знала его еще до отъезда в Германию.

ихний, который грабил вместе. Он смеялся... Уже, конечно, нет их в живых, не вернешь, а знаете, в душе наболело. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] Я считаю, что в третий раз нам повезло. Жара была страшная, а у нас во дворе был кран. И вот как немцы изменились. Смотрю – идут, как сейчас помню – 6 немцев. 4 солдата, офицер и унтер-офицер. Подходят, забор мы уже нарастили, какой зря, там кучка такая. Стал, стою, смотрю – к нам направляются. Тоже вот необычно, знаете, наши ногой открывают (*с негодованием, имитирует стук*). Я говорю: «Бабушка, немцы». Уже ж привыкли, знаете. Мы в таком месте – все время на квартиру ставили немцев, все время на постой. Мелом раз – квартирмейстер [делает пометку]. Думаем на постой. А жара, где-то полдень такой. У них рукава засучены, потные, грязные, заходят. Мать стоит, бабушка стоит. Офицер говорит: «Матка, вода, жарко помыться можно?» – Бабушка: «Ну конечно». – Они: «Ведерочко можно?» Ведро показывают. Да. Из ведра они умылись, уходят. Офицер возвращается и говорит: «Бабушка, – говорит, – здесь фронт будет». А он так посмотрел, ничего не сказал и сержанту рукой показывает: мол идите. Он говорит: «Матка, будут уводить, не уходите, здесь фронта не будет. Вас там *schuessen*<sup>1</sup>. [...] И мы не пошли. Приходят факельщики жечь дома: «Уходите, будем жечь дома, здесь будет зона обороны». Бабушка говорит: «Никуда мы не уйдем. Здесь – пусть здесь будет». – «Ну, смотри», – говорит поджигатель. [...] Полицейский. [...] Ну немцы как, жандармы. Они дали команду и ушли. А то все провонявшиеся бензином, вот та свора за ним ходит. «Ну, смотрите, – говорят полицейские. – Вас предупредили [...]». – Бабушка говорит: «Как будет – так и будет». И вы знаете, кто семьи дрогнули, всех же поубивали. [...] Их вывезли на 30-31 линии. [...] Вот там их как бы выселять, и там их гранатами забросали, постреляли. [...] Знаете как, люди очень законопослушные, послушные были. А в принципе другие люди: ну что идти? Куда идти? Уже фронт шел. У нас подвал был и когда начались военные действия, мы все в подвале находились. Собственно один я был с разведанными, один я с разведывательными возможностями. Все сидят в подвале, боятся: «Женя, ну пойди узнай». И вот я в бинокль – с

---

<sup>1</sup> Стрелять (*нем.*). При отступлении немецких войск в ряде случаев местное население, которое не хотело эвакуироваться или не могло быть эвакуировано, уничтожалось.

войны у меня бинокль был, у одного немца выменял, выменял за самогон. Самогон любили страшно: «Ну вот что, принеси самогон». Ну мы тайно – что делали? Вот он дает на две бутылки самогона. Мы назад с двух бутылок чекушечку отливаем, туда водички. И ему хорошо, и нам хорошо. [...] Еще одну ходку – раз, уже поллитровочка. И денежки в карман. И немцам хорошо. [...] Мы знали самогонщиц. Тетя Шура там была самогонщица. Все немцы знали, как там: «Шура, Шура, самогон». На шоколад меняли, глинтвейн делали, варили шоколад в самогоне, они любители этого дела. [...] Я вам скажу – удивительная вещь. Немцы фронтовики на редкость беспечны, беспечные страшно. Их своя жандармерия за это знает как вымучивала. Вот он может поселиться, вот там повесит пистолет, здесь бросит полевую планшетку. У них этого нет. Они, знаете, первое время: «У, russische Schwein»<sup>1</sup>. Елки-палки – как это украли? Он не может представить, как это положил – уперли, исчезло. У них притуплена была бдительность, а потом уже наши партизаны, подпольщики – будем как угодно говорить – научили их, что надо быть осторожными. Их своя уже полевая жандармерия [информирует], что это не та страна, рот не раскрывай. Все воруют: женщины воруют, старики воруют, пацанята воруют. Все, представляете?

[...] Хотя интенданты. С ними можно было решать вопросы. У них такие парусиновые портфели, и погоны свои. Если у такого такие, то у интенданта узкие погоны. Это запросто. Вот мы стоим, смотрим – интендант шлепает. Подходит: «Пан, Guten Morgen»<sup>2</sup>. – «Kaufen, verkaufen»<sup>3</sup>. – «Ja»<sup>4</sup>, камушки, Канада». – «Пан, нет». [...] «Камушки, Канада» – зажигалки. Зажигалки ручные делали все, кому не лень. Делали кремниевые кресала, но они отошли быстро. А потом уже появились – из патронов делали зажигалку. Уже начали делать пружинку, закручивали там. Но камешки. Ценились очень канадские камешки – они долговечные, хорошую искру гонят. А вот этот немецкий эрзац – он одноразового потребления. Несколько отработал и выбрасывай. А они же дурили: вот этот эрзац, если кто не знает – «Канада». – «Пан, нисе Канада. Это дойч». – Он: «О». Баночку откроет: пробуй, как на зуб. Раз – два камушка: «гут», уже один там во рту. (*Смеется*). Он же не будет пересчитывать, уже под губой [спрятан камушек]. Иногда некоторые знали: «А» (*имитирует, как требует вытащить изо рта*). – «А, застрял, застрял». Они торговали. Можно

---

<sup>1</sup> Русская свинья (*нем.*).

<sup>2</sup> Доброе утро (*нем.*).

<sup>3</sup> Купить, продать (*нем.*).

<sup>4</sup> Да (*нем.*).



было свитер купить у них. Хотя полицейские могли содрать: «Где взял, туда-сюда». Но купить можно было. Свитер можно было купить, носки. Форму – все равно ходить в форме, спросят: «Откуда ты взял?» Белье, перчатки – все это. За деньги [продавали], за рейхсмарки желательно [...]. Ну брали и оккупационные. Если можно было обменять. [...] Продавали сливочное масло в банках, закручивалась банка. Но это дорого. Консервы, дорого. Галеты можно было дешевле купить. Они со взрослыми осторожно связывались. Они со взрослыми как-то осторожнее. Видно у них был такой вариант: просто пацану дать, идет сзади, канудит (*просит*). И пацан не партизан. И тебя гестапо засекает со взрослым, что ты там шу-шу-шу. Они тоже это дело просекали: «Ты на контакт пошел: сегодня камушки, завтра чертежи, а послезавтра еще что-то?» А интенданты спекулировали. В интендантской службе много наших было. Девчата секретарями, машинистками, телефонистками. Все ж работали. И не всех же их посадили, когда освободили. Всех проверяли. [...] К чему была допущена, какие вопросы решала.

Я столкнулся, что немцы ж тоже не без греха. Останавливаются раз, стук в дверь, калитку открываем. Машина, и офицер выходит, по-русски разговаривает. Фельдфебель и где-то 5, по-моему, немцев. Этот разговаривает немножко по-русски: «Мы у вас будем несколько дней жить». Разгружают машину, забивают коридор и кладовочку рюкзаками, обувью и прочим. Смотрим, они сразу: «Самогона организуйте». Значит, организовал самогон. Офицер мне говорит: «Бутер поменять можешь?» – «Да. О чем речь». Я хорошо по-немецки разговаривал. [...] «О чем речь». – «Обмундирование?» – «Частично». – «Ну, гут. Только жандарм – найн». Ну я что мог наменял, часть себе прижарил. Он не считает: «Бери, говорит». [...] И вот сейчас смотрю наутро. Это же они переночевали, побухали хорошо. Смотрю наутро они начали ругаться. Слышу: один говорит 35, другой – 40. Думаю: в чем, же дело? Разругались. Дверь оставили открытой. Я шнырь туда: ведомость лежит. Смотрю – 42. Я сообразил: это же ведомость на это. А они начали чего спорить. Это от роты осталось 5 человек. Представляете? Все остальные по госпиталям, раненые, убитые. Они приехали здесь в интендантский пункт в Макеевке за продуктами, за обмундированием. И на всех 40. Поехали, получили. И что же вы думаете? Приехали, получили и все свалили опять у нас. И как нажрались пьяные. А мой старший брат Виктор, подпольщик: «Давай, они счета не знают». И мы сапоги, обмундирование, сапожки подобрали хорошие, носков пар 10, масло. В общем, что можно было. У них сахара не было – сахарин. Ранец откроешь – а там все: бритвенный прибор, все. [...] Ранец у них, в ранце комплект

солдатский. Телячья шкура, а там все: бритва безопасная, мыло, помазок. Мыло вот такое точно – почему продавали бабам, особенно селянам. Вот мы брали шашку толовую, а у них точно такое мыло. Немецкое мыло туалетное – а она же не будет на улице пробовать? Мылит, мылит дома. Фух, в печку его – а оно «у-ух». (Смеется). Детонаторы там – у соседки взорвался детонатор, так набегали немцы, полицейские – откуда? Потом увидели, что шахтный детонатор, с углем. Знаете, сразу: «Откуда?» Думают, диверсанты, партизаны. И вот забрали мы. Приходят они. Офицер взволнованный: «Йозен, мы уезжаем, это все остается, мы еще приедем. Никому. Мы приедем, и я тебя отблагодарю». И умотали. Дед говорит: «Слушайте, что вы там, верните на место». – «На какое место, дедушка, уже все ушло». – «Вот в этот раз нас точно постреляют. В этот раз нас точно постреляют». Мы взяли то, что наше – спрятали, причем спрятали капитально, в сарае. А это все, что они положили, лежит. [...] Риск, конечно, был. [...] Ну знаете как. Уже может острой необходимости и не было, допустим, но попалась возможность. Уже мы, как сказать, были преступно-самонадеянны, и я вам скажу почему. Вот представьте: в возрасте переходном, у пацана или у молодого человека происходит адаптация. Я потом анализировал, вот меня не страшило: «Ты знаешь Петра с 12-й линии?» – «Да». – «Расстреляли». – «О, [нецензурное выражение], пацан хороший. А что же такое?». – «Да рванул у офицера сумку, они по нем пальнули, убили на месте». Или: «Ой, вы знаете, Иван Ивановича арестовали, гестапо забрало». – «А что, он же вроде такой тихий». Или: «Тот же замерз». Понимаете, как вам сказать, какое-то отсутствие боязни, потому что смерть кругом ходит, ходит, понимаете? То бомбит, то стреляют, рвутся, и человек, понимаете, тупеет. А потом, когда я сам, так сказать, в дальнейшей службе<sup>1</sup>. Были ситуации в горячей точке. И я вам скажу, что для солдата и для любого человека важно прожить первый день в бою и не погибнуть. У него исчезает панический страх, который присущ всем, он уже понимает рисунок боя, как на футболе, он уже начинает понимать, что. Не раскрыв глаза строчит из автомата, знаете, новичок. Он треск только слышит выстрела, он не соображает куда стреляет. Его можно вот так обойти, он так и будет туда стрелять. Но если он проведет красиво бой, он произведет 3-4 выстрела, но на поражение. А не расстреляет 2 диска в потолок. Важно очень пройти. Вот недаром солдату говорят: «Был в боевых действиях?» – «Да». Все, он знает, что на этого можно положиться. Тот может сдуру побежать в ту сторону, там его перебежчиком потом ловят, расстреливают. Он безумный. Так

---

<sup>1</sup> Респондент является ветераном органов внутренних дел.

и здесь. Здесь притупление этого чувства, притупление. Тем более он сказал: «Берите»). И вот представляете, насколько мы вырвались. [...] Вдруг стук в дверь: две овчарки, два солдата жандарма и офицер. Я удивился сразу, что они не вломились, а так тактично вошли. Офицер разговаривает по-русски, ну так, средне: «Хозяин, хозяйка». Выходит дед с бабушкой вдвоем. – «У вас на ночлеге стояли немцы?» – «Да». – «Где они?» – «Они вчера уехали, оставили тут обмундирование. Сказали приедут. Сказали приедут заберут. Вроде места не было». – «Нечего не трогать». Прошли, посмотрели: «Где они?» – «Вот они, сложили в кладовку». – «Гут. А вы заходили?» – «Они сложили, сказали, что это ихнее, даже замочек повесили». Замочек маленький повесили. Замок такой – шуруп вынимается и все. Приезжает к концу дня машина, все это забирает, нечего не пересчитывая, никуда не записывая. Все это сложили и уехали. Он возвращается и говорит: «Если они приедут вот вам телефон». – «Так, а где, откуда звонить?» А рядом с нами контора Углеснаба была и там поп жил, поселил[ся] на это время, и там был телефон. – «Мы его предупредим». А там солдат дежурил все время, там немцы все встречались. Он сказал: «Этот немец шлехт, он плохой». Ну те были не дураки и не приехали в капкан. А я думаю: «Вроде как бы получилось, что мы друзья-братья». Я думаю: «Как их перехватить?» Я помню, они ехали с Макшоссе, заезжали. Я думаю: «Пойду на шоссе». Эти ушли – я глянул, хвоста нет. Я тихонько другой улицей вышел на Макшоссе. Думаю, если они будут ехать, он же меня помнит – Курт. Я как сейчас помню его имя, Курт. Не офицера, фельдфебеля. С Куртом мы ходили, самогон вместе брали. Я думаю: Курту скажу, что жандармы. И все, они развернутся. [...] Ну он же сказал: раз плохой немец, значит он для нас хороший. Это же простая арифметика. [...] А с другой стороны и толкнуть надо было. В принципе, наоборот сказать: «Приезжайте, мы вас там ждем». У меня была ненависть к жандармам. Это спецслужба, это что-то типа нашего СМЕРШа<sup>1</sup>. Они же чистку ведут в прифронтовой зоне. Ну а так может эмоции какие-то были, хотелось помочь.

[...] Лично у меня столкновений [с немецкими спецслужбами] не было, чтобы я мог сказать. А людям было безразлично, потому что ты в форму одетый. Тот так говорит, тот так говорит. Вы знаете, каша была, особенно когда прошла передовая. Тот по-мадьярски говорит, тот еще как-то. Вот смотрите: итальянцы, румыны – это те, кто воевал. Тут проходили части испанской Голубой дивизии. Здесь была вот такая вот каша. Уже мы просто по форме немцев отличали. Это

---

<sup>1</sup> СМЕРШ (сокр. от «Смерть шпионам!») – название органа военной контрразведки в СССР в 1943 – 1946 гг.

танкист, это летчик, это зенитчик. Уже знали погоны какого цвета, какая форма. Это СС, это гестапо. Видно, у них гестапо один погон, форма. И еще была СД – служба безопасности. У них тоже своя форма. Это немцы. Это все [не немцы] считалось второй сорт, их даже местное население во внимание [не принимало]. Знало, что тут можно откупиться, что тут можно дать денег, что тут можно что-то принести, шмотку... Но немцу – немец на это не пойдет. Это знали тоже. Что к немцу подойти, сказать «Пан» – нет. И просто здесь потому, что сперва думали, что война закончится. А все были не экипированы на зиму. Потерял темп. Они думали, что война и он же войну не закончил, как обещал. Война затянулась. Постарайтесь обмундировать на зиму армию целую. Все думали – вот-вот-вот. Они не готовы, они все померзли. Все же с юга. Румыния – теплая, Италия – теплая, Испания – теплая. И те, кто доброволец. Там же много было добровольцев, из этих стран, которые служили. Те же тоже по-своему – языков не поймешь. И они же тоже, сами немцы не готовы были. И сапоги холодные. Видите, они были готовы к краткосрочной войне, к блицкригу. Блицкриг не получился. И как они тормознулись – все, их песня была спета. Зима была жуткая, жуткая зима была. Вот даже в эту зиму был момент, когда танковый прорыв был<sup>1</sup>. У нас стояли немцы на квартире, и вдруг они ночью поднялись и пошли. Одеваются и ушли. Нету, нету, нету. К утру приходят где-то. И немец рассказывает: «Мы пошли сдаваться». [...] Прорыв был такой, что если бы защелкнули – все. [...] Это вот Хрущев когда эту операцию. Сталин мог бы Хрущева тогда расстрелять за провал этой операции. Они попадали фактически в кольцо. Техника была брошена. На улицах стояли пушки, тягачи, танки. Брошено все, отступили. День в городе не было немцев. Все, стояла техника и они. Не хватило бензина. По-моему, не хватило бензина. И застопорились где-то в районе Саур-Могилы. А тут уже была паника, все бросали.

[...] Тоже, по сей день думаю: то ли это был провокатор тонкий или действительно мужик пострадал. Стояли у нас на постое 2 немца. И оба работяги, работяги. Ну, купили мы такую мельницу, крупорушку, тогда вручную делали. И вот этот овес, кстати, благодаря ему, благодаря этой каше мы выжили. Вот этот овес – его толкешь в ступе, потом отсеиваешь эту шелуху – и на крупорушку. Каша нас спасала. Овсяная каша – выжили, перезимовали фактически. Корову, значит, поменяли на маленькую телочку. Деньги нам доплатили, мясо

---

<sup>1</sup> Имеется в виду временное отступление немцев в связи с глубоким прорывом советских войск в Донбассе, в частности в районе Красноармейска, в феврале 1943 года.

– мясники же резали скот. Мясо мы получили. И вот, значит, вот такой ляпсусовый момент получился – значит, мы сидим, крутим. А один – они здоровые оба, немцы – говорит: «Иди schlafen<sup>1</sup>. Мы будем». И он накручивает и так далее. Он говорит: «Я слесарь». Из Дрездена, допустим – я не помню сейчас города. «Я рабочий человек», – говорит. И вот это: «Это СС, это все война, это они». Я думаю: «Почему это?» Как я всегда своим коллегам говорю<sup>2</sup>: «Ты задерживаешь – ты ничем не рискуешь. А его ты задерживаешь – он всем рискует. Его могут и к стенке поставить – каково преступление. Так и это. Я-то рискую: как поддакивать? Нас двое с этим Витькой покойным<sup>3</sup>. Как поддакивать? Значит, дня 2 прошло, он остается один у нас. Тот куда – в командировку уехал. Вдруг после обеда квартальный разносит портреты Гитлера: календарь, как сейчас, и портрет Гитлера. Кнопки дает: «Нате, повесьте эти портреты». Повесили. Вот он приходит: «О, откуда это?» – «А, власть принесла». Он поддавши крепко – мы сидели, кушали за столом. Берет финку – ух. – Бабушка: «Не надо». Не помню, Ганс или как: «Не надо. Нам же тут». – Он говорит: «Посмотри, Йозеф Сталин, Сталин». Он: «Гьфу», и опять. Я думаю: вот я пацан был, почему я потом и чекистом стал. Я думаю: «Это провокатор». Подселили их – это провокаторы. Страшно стало. Это же если меня возьмут, потому что он все время со мной заигрывал. Это если возьмут – будут выбивать все на свете. А он все время рвется оторвать [портрет]. Что вы думаете? Собирается. Он говорит: «Я съезжаю от вас. Переводят нашу часть, я ухожу». Уже оделся, выходит. Раз – срывает, порвал портрет. Что делать. Бабка к этой квартальной, понесла ей бидон молока: «Дай портрет Гитлера. Мы же его любим так, жить без него не можем». – «А что такое?» – «Да пацанята баловались, там зацепили, он отклеился». Дала она, наклеили. И сидели вот так, трусились: «Дай бог, чтобы он не объявился». И вот я все время вот так думаю: если это натуральное выражение – то это чересчур эмоциональное. [...] А если это провоцировать, последствий никаких не наступило. Хотя приходили немцы. У нас очень часто жандармы, очень часто. Место такое, место такое. Вот они приходят. «На постое немцы есть?» – «Нет, нету». Вот они проходят: «А, не надо». Или они тех, кто на постое, они проверяли? Они много в последнее время дезертиров задерживали. Дезертирство началось. [...] Вот судя по поведению: или он дезертир – я не могу понять до сих пор. Почему он так опасно поступал? Это же

---

<sup>1</sup> Спать (нем.)

<sup>2</sup> Респондент работал в органах внутренних дел.

<sup>3</sup> Друг детства респондента.

гарантия расстрела. [...] А если бы? Откуда он знает местное население? А если бы кто-то сотрудничал с гестапо, с жандармерией? Тут же доложат. И все. Опять же: немец немца уничтожит – будешь радоваться. Ну видите, он не ожидал такой реакции, потому что он быстро собрался.

Это было, конечно, небо и земля [немцы 1941 и 1943 года]. [...] Когда под Сталинградом вот это случилось, у нас стояли немцы на квартире. Причем очень много. Я помню – точно не скажу, но холодно было, зима была. И вот ждали все какого-то начальника. Натаскали самогона, наварили вот этот вот шоколад с самогоном. Да, и тосты начали поднимать за... А газеты – у нас валялись долго 2 газеты. У них издавалась газета погибших. Вот как сейчас помню: вот такой крест этот и фамилия – погиб тогда-то, ефрейтор такой-то. Ну вот как в газете разворот – тех, кто погиб в Сталинграде. Плакали они. Вы знаете, плакали. Ну многие же, знаете как: друзья там погибли. Потом, знаете, начали набираться, пить. Вы знаете, как: «Война, этот погиб», перебивают друг друга. Знаете как. И мать мне говорит: «Иди, Женя, иди. Не болтайтесь тут, не раздражайте». А мы уже видим, что наше хождение [мешает]. Они центральную комнату забрали, через которуюходишь из коридора и вход в спальню в одну, в другую. Они его оккупировали. И вот, знаете, выйти нам самим [страшно] – они, знаете: «А, н-на-нан-на, шляются там *(имитирует немецкую речь)*». Мать говорит: «Не ходите вы там». Мы все забились в куток. Они, вы знаете, разошлись. У них еще такая агрессивность была. А утром вы знает, они уже такие. И разговор такой. 43-го года немцы они уже понимали, что это все. Никакие они уже не верили: «Фауст», «неприступный» и так далее. [...] Да. Москва, конечно, Сталинград, дали крепко там. [...]

**Ф. Евгений Михайлович**

\*\*\*

[...] Они были такие очень, да аккуратные, очень за собой следили. Я хотя и маленькая, но заметила уже это. Все это такое у них было. Даже если это война и если находишься ты в другой стране, но у них все очень так... За собой они следили. Любили семечки щелкать. Ой, как любили они щелкать семечки. Всегда маму просят: «Купи семечек». Ну она пойдет, принесет, купит семечек. Так вот-то они щелкают их. Сидит, их разбирает. Стоит только семечке упасть на пол – он лезет за этим зернышком, выискивает его. (*Смеется*). Попробуй его найти. Это интересно. Вот видите, что хочу сказать, что немцы были разные. Были разные, уже говорили. Были разные. Были такие,

конечно, что очень грубо относились, очень грубо. Могли тебе и подзатыльник дать, и вот такие грубости и к старшим, и к детям. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] А у нас одну комнату занимал фашист – самый настоящий фашист. Эсэсовец жил. Ну он нас не трогал, мы его не трогали. У него был денщик – Фриц. Громадный мужчина такой, причем абсолютно не военный. Вот по натуре своей абсолютно не военный. Он фабрикант, имел фабрику мебели. В Германии. Ну и был призван в армию, и был у него денщиком. С нами детворой ладил, конфеты нам носил. Придет с котелочком, еды ему принесет. Мы отберем, он холодной воды добавит, размешает и несет ему, этому офицеру. Ну а офицер был из низших слоев из более. А этот из богатых. И, бывало, вот они уезжают, печатью дверь, опечатывал комнаты. А комнаты у нас были смежные – вот 2 комнаты смежные были по коридору, и между ними была дверь. Значит, с нашей стороны стоял шифоньер у двери, а у него стояло пианино. Он уезжает. Спускается этот Евсей Шимко, они с мамой отодвигают шифоньер. Дверь открывается в нашу сторону. Перелезает к нему – у него приемник был. Все новости слушали. Вот когда его не было слушали все новости. А дверь запечатана сургучом была всегда у него. И вот приезжает он – где были, никто ничего не знает. А этот Фриц – он все расскажет, где они были и все. И он, в конце-концов, убрал его отсюда. Наказал, наказал. [...] Я могу сравнить с немцем, который жил у нас. Один и второй. Как этот Фриц говорил: «Война есть – офицер большой, Фриц маленький. Война нет – Фриц большой, а офицер маленький». Понимаете? Вот его словами так было сказано. И это действительно так. И они по складу своему совершенно разные люди. Совершенно разные. Фриц – обычный человек. Он немец, но он обычный человек. А этот – этот фашист. Причем это войска СД или СС – потому что он работал, вот там за почтой там или СС или СД было. Что-то вот такое. [...] Я ж говорю, что он с нами совершенно не разговаривал. Он нас за людей не считал. [...] Мне кажется, что они где-то одного возраста, наверное между 30 и 40. Вот такого возраста они, где-то вот такой возраст был.

[...] Фриц жил в соседнем подъезде. [...] Он только обслуживал его. И, бывало, мы с этой Светкой Цушко<sup>1</sup> – он жил с ними на одной площадке – пойдем к тем людям, где его комната. А ему присылали к Новому Году – это ж Новый год 42-й – такие елочки. Знаете,

---

<sup>1</sup> Подруга респондентки.

немецкие? Мы ж этого не видели. Конфеты очень красивые, в оберточках. Там конфеты такие, но красивые. А мы пойдем, у него наберем всего. А он придет – ругается. Ругает, и по-немецки, и по-русски. Слово по-немецки, слово по-русски. А мы смеемся и все... Ну нормальный человек. Ну мы не крали, мы брали. Мы брали. Так он знал, что мы брали. Он ждал. Вот все-то придет, ругается, ругается. А что он детям сделает? Ничего. И в здании облвоенкомата у них кухня была. Где они питание брали. А зима ж была морозная, снежная очень. И мы на санках туда под горку – в гору ж там ехать, а обратно с горы. Так мы на санках садились, чтобы он вез нас туда, а мы его обратно. (Смеется). Ну вот такое – ну просто, видно, нормальный немецкий человек. Понимаете? Ну, а этот его офицер – это ярый, ярый фашист. Я вам скажу, что если бы кто-то из нас что-то сказал, он бы, не задумываясь, застрелил. Он бы, не задумываясь, застрелил. Он с нами не общался. Совершенно. Он к себе зайдет в свою комнату, Фриц ему есть отнесет, Фриц от него посуду вынесет. Фриц помоет, Фриц погладит китель его, там воротнички пришьет и все. А с нами – он с нами не общался и мы с ним не общались. [...] А он, иногда, вы знаете – неотапливаемое ж [помещение], холодно, а в кухне мы ж немножко печку топили. Он иногда придет, притулится к печке, посидит. Фриц этот ему блины жарил. Там ему ж, видно, что-то, видно, хочется. Хлеб. Он ему часто жарил на подсолнечном масле, жарил на сковородке. Ну тосты делал эти... Он нас ничем не угощал никогда. Я ж говорю, это был такой фашист. Никогда в жизни, ничего ни он нам, ни мы ему. Вот это, который после него жил, священник, тот лучше был. Он мог шоколадку какую-то ребенку дать, дать печенье или еще что-то. Этот – боже сохрани.

[...] Ниже переговорного пункта – там что-то такое у них было. И я знаю, что когда он Фрица выгнал – а морозы же были страшные, и Фриц там стоял на страже, ну конвой. А у них там сапоги – Фриц сам был большой, а у них на сапоги были такие плетеные из соломы [калоши]. Ноги, чтобы не замерзали. И бывало, с той же Светкой мы идем, а он кричит нам, кричит. Ну как ребенок большой был. Стоя на посту он мог нам орать, звать нас к себе или еще что-то такое. Письма – дети у него были. Вот эти елочки, письма, они там ему каких-то Дедов Морозов присылали этому Фрицу. Ну, видно, там семья хорошо обеспеченная. Он сам говорил, что он богатый, что у него фабрика и так далее.

[...] И вот в 42-м году нас выселять. А перед этим – вот я говорю фашист, что у нас жил в комнате у нас, он уехал на фронт, а приехала какая-то часть. И они распределялись. И они зашли: «Что это такое?» – «Да не трогайте, он такой». С ним нельзя было [общаться] –



он настоящий фашист был, понимаете? Они сорвали эту пломбу, зашли в эту комнату и поселили туда священника, который в госпиталях. Вот школа 2-я – это был немецкий госпиталь. [...] И он причащал раненых. Я знаю, что они там делали? И они поселили его в эту комнату. И так он у нас продолжал там жить. Ну он такой был – ну нормальный человек, с которым можно было разговаривать, Он вел себя нормально – и мы никакого хамства с его стороны не видели. Ничего. Мы ему ничего доброго не делали, но и плохого мы ему ничего не делали. И он нам не делал плохого. Нейтральные отношения. И когда стал вопрос, что нас выселять из квартир, так он даже пытался нас защищать, чтобы нас не трогали. А мама говорит: «Нет, вы уедете, а нас выкинут на улицу за 2 часа». Ну, короче говоря, нам дали маленькую квартиру на Калиновке.

[...] Мы общались с единицами, понимаете. Мы когда переехали на Калиновку у нас жил – опять же, они расселяли. Вот на этом же диване [...] одно время жил у нас фриц. Ганс его звали, Ганс. Он себе блины жарил. Но он был нормальный человек. Он такой, контактный. Ну можно было с ним. Он покупал молоко и жарил себе блины. Болтал и жарил блины. А мы ж этого не имели. И мы с подружкой – подружка у меня была, Любка Хорошайлова, там по Калиновке. Он жарит, а мы по блину взяли и едим. При нем же, здесь же. А он нас ругает, что ему мало, ну а куда он денется? Вот так. Ну, он был нормальный человек. Мы сидим – стол, вот так вплотную диван. А мы ж уроки делаем, чай пили. У нас печка – ну, груба была. А Алка – моя ж сестра – взяла ложку горячего чая и влила ему в ухо. Он как вскочил. Ну это ж Алке уже – это 43-й год, она 26-го года. Это сколько ей уже было. Это ж уже 16-17 лет... Ну детство, ну глупость. Взяла и влила. Он как вскочил – вы знаете, это все надо было видеть. Ну проходит 2-3 дня – слышим ночью дикий крик Алки. А спали ж мы все вместе. Он взял кружку холодной воды, поднял одеяло и вылил ей. Ну, опять же, ну понимаете – такие тоже были. Ну это и такие... [...] Мог и избить. [...] Ну все могло быть. Конечно, этого делать нельзя было, нельзя было. Это ж всякие были [немцы]. А были ж такие, с которыми и подойти нельзя, вообще слово сказать. Точно так же как и среди русских – есть нормальные люди, а есть такие, что с ним не найдешь ни общего языка, ни слова не скажешь, ничего. То ж – ну по всякому было. Много было таких, которые и уходили победителями, и возвращались победителями. То есть и эвакуировались, они все равно чувствовали, что они арийцы, что они сверхчеловеки. Много таких было. Но единицы были и нормальные люди. А единицы были и нормальные люди. [...] Конечно, это единицы. Причем может они такие и были, так они не могли себя проявить, потому что – вокруг

были такие, что нельзя было себя вести, быть человеком. Надо было быть выше других. Русских ни за что не считали.

[...]А вот эта семья, что я говорю, напротив нас жили – она учительница, а он врач гинеколог. Он был в армии. Он офицер, начальником госпиталя где-то работал. А у них 2 детей. Вот это Валентин – 26-го года рождения, и Колька – 37-го года рождения. И эта Лина Васильевна – она была очень неприспособленная к жизни. Ну учительница. Торговать она не умела, пирожки печь она тоже не умела. Они очень бедствовали, очень бедствовали. И этот Валентин – мальчишка вот этого возраста. Я не знаю, где он там работал, где то ж он работал, и какой-то немец. Что он ему делал? Заставил чистить сапоги мальчишку. И что-то он не так ему почистил. И он взял эту щетку и этой ваксой намазал ему морду. И побил его, Валентина. И это видно на него произвело такое угнетающее впечатление – он настолько расстроен был, как парень. Он в 43-м году, как только вошли наши, он сразу начал рваться на фронт. А 26-й год не призывался. Он, по-моему, в самом конце войны... Ну в 43-м году у нас всех ребят, кто был, в армию сразу забрали на Калиновке. А его нет. И его взяли в училище, И он, значит, в каком-то училище. Он с этого училища сбежал и убежал на фронт. И вот он, уже когда наши вошли в Германию, он прислал письмо. Что он какому-то немцу ваксой намазал морду. Ну я не знаю при каких обстоятельствах. Солдату, солдату. Что вот такое на него это произвело впечатление. И после 9 мая 45-го года, через неделю, она получила извещение, что он погиб. Валентин этот. А отец ей не мог все время простить: как это так, она не могла его отговорить, чтобы он ушел на фронт. Ему ж не надо было идти на фронт. Но он настолько был обижен отношением к себе, настолько его эти немцы обидели, что он рвался. Из него прямо лилось, что он должен обязательно на фронт, что он должен им отомстить. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Я не знаю, как там пишут, и сотни называют. Но я не знаю, я не могу назвать цифровые данные, но фамилии нескольких немцев я помню<sup>1</sup>.[...] Значит так, генерал Винакер. По-моему секретарь его, Гауглер. По-моему секретарь его, в приемной у него. [...] Мужчина, прекрасно знавший русский язык, очень интеллигентный такой,

---

<sup>1</sup> Респондентка в период оккупации работала в Горно-металлургическом обществе «Восток».

тактичный в обращении – это нужно сказать все. Дальше – Юнгмайстер. Сначала он был один, потом приехала жена тоже. Крибус, майор Шунк. Ой, кого я еще не [назвала]... Реленсманн. Ой, как же того старика фамилия, я не помню, был такой. Но вы знаете, ему уже, наверное, под 80 лет было. Но вот я не знаю, всех я назвала, кого помню, или нет, не знаю. [...] Специалисты, да. О Крюмере я вот что могу сказать. Он в советское время, видимо, по контракту, работал. Может, я неправильно называю, но кажется, на Магнитогорском заводе. И что-то он называл – или Запорожье, или Днепропетровск. Я не помню, но он так говорил. Был такой случай. [...] Иду я по этому [коридору], вышла из кабинета своего, иду по третьему этажу. Навстречу идут Крюмер, я не забуду этого – Шунк, Реленсманн, вот этот старик, что я не помню, и Юнгмайстер. Пять человек их было. Это я запомнила, потому что дата такая была. Это был день Красной Армии. У меня были красные туфли – тут никуда не денешься. Сестра мне дала черную юбку свою и черную кофту. Но мне черный цвет никогда не шел. [...] Я взяла эту кофту, расшила ее – я вышивала очень хорошо – красными копейками. Украсила немножко, да. И красный берет у меня был, еще до войны мне сестра из Москвы или из Ленинграда привезла – не помню – красный берет. Я иду. Они: «Фройляйн Валя, с праздником вас». Да. А я говорю... Да, я так смутилась. – «Ну как же, сегодня день вашей армии». – Я говорю: «Да». – «А как вы раньше праздновали?» – И тут я не выдержала, я говорю: «Широко праздновали. Концерты были, настоящий праздник был». Да, потом стали меня расспрашивать, кто я, что я. [...] «Да, вот вы как-то отличаетесь от всех». Я бедно была одета. Но не так-то бедно, сестра мне недоноски давала, я сама умела перешить, переделать, погладить там. Что-что, а я ходила аккуратненько. Ну это наверное тоже [играло роль], и потом все-таки интеллект тоже о чем-то говорил. [...] «Вы отличаетесь от девочек, которые тут работают. А что вы кончали, лицей или что?» – Я говорю: «Нет, 2 курса института». – «Института? А кто же ваши родители?» – А я говорю: «Папа пастух был, инвалид-пастух. Мама домохозяйка». – «А где же брали деньги?» – Я говорю: «Какие деньги? У нас все бесплатно!» – Они не верили: «Как бесплатно?» – Я говорю: «Да. Обучение бесплатно, лечение бесплатно». Это я им говорила. Они тогда у Крюмера спрашивают – он же жил в советской стране: «Это она правду говорит?» – Он говорит: «Правду». Подтвердил. – «Ну расскажите, как проводили культурную жизнь?» – Я говорю: «У нас были клубы, – ну тогда дворцами не называли, – клубы. Клубы, – я говорю. – Там были всякие кружки, балет, хор, пение, вокалом занимались. Рисование». [...] Я говорю: «Раньше очень часто

концерты были, все это бесплатно». – «А в кино?» – «В кино, – я говорю, – билеты были дешевые!» Ну что, это же, правда, для детей 10 копеек, а так 20, 25, 30 копеек. Так же было? – «А как литература, газеты?» – Я говорю: «У нас было очень много газет». – «А назовите». – Я говорю: «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда». Начала им говорить. Юнгмайстер, Крибус и Крюммер прекрасно говорили на русском языке, прекрасно. Я им все перечислила. Единственное, что они не спросили – комсомолка я или не комсомолка. (*Смеется*). [...] «А общественная какая?» – Я говорю: «Ну, какая работа общественная? Кружки всякие были, – я говорю, – изучали книги, дискуссии устраивали, читали, а потом мнениями своими [обменивались]». Вот это я все рассказывала.

[...] Внешне, внешне – я скажу – таких грубых как-то нарушения или отношений нет. Они относились неплохо. Я не видела такого. Единственно, я что я видела, что один из них – Крюммер – то ли настроение у него было – у него такой, взрывной характер был – одного парня ударил. [...] Служащего, да. За что, как – не знаю. Но этот парень как раз молодой человек одной из девушек там. За что, как – не знаю. [...] Вот, а другого я не знаю. Если ты выполнял работу – там что у тебя на душе [роли не играло]. Ну, я, например, выполняла аккуратно работу, но... за работой то же ж что-то было? Вот так. Собственно говоря, какой тут патриотизм был, какое служение немцам, если я чисто формальную работу выполняла? Мне давали цифры – я выполняла. Тем более, если бы были, допустим, тысячи тонн – я бы могла бы где-то на 100 тонн, на 200 уменьшить. Могла это сделать. Но этого не надо было, потому что 20-30 тонн – они же ничего не значат, это мелочь. Вот такие дела.

[...] Но, собственно, я и не ходила на базар. Вот вам о базаре что-то расскажу. Но это будет как анекдот. Значит, когда был нашим начальником этот солдафон Айзель, он снабжал свою семью. В Германии семьи жили хуже, чем они здесь. Посылал он туда подсолнечное масло, посылал он семечки, и сало. Где он, как он [доставал]. А оттуда он получал бижутерию. Пластмассовые бусики там такие. [...] И вот однажды он мне говорит: «Валя, иди на базар. Там и там будет стоять женщина, ты ей дашь эту коробочку». – А я говорю: «А что в этой коробочке?» Он открыл, показал. Часы были с черным циферблатом, помню, двое или трое, бусики там всякие и так далее. Я говорю: «Ну а дальше что? Она деньги, марки даст?» – «Нет – нике, нике. Сало». Ах, ну сало так сало. Пошла я – начальник посылает, как я могла [отказаться]. Я пошла, прихожу, увидела эту женщину. Она мне дает (*показывает*) вот таких три куска сала, 3 или 4 куска сала вот такой толщины, а я ей эту бижутерию. Иду и думаю:

«Ах ты... Что ж ты будешь есть это сало, я тебе несу. Откуда ты знаешь, сколько тут?» (*Смеется*). И беру один кусок сала себе. Ну и что? А куда я должна деть? Так я... Подождите, как же это было, что я... Кому же я дала? (*Пытается вспомнить*). Завернула и сказала: «Пусть полежит». Ну это было [когда] уже вскоре домой надо... Нет, это была первая половина дня. А, перерыв должно быть. Я говорю: «Я буду идти на перерыв и заберу». Ну и что – радости было о-го-го сколько. И не думайте – мама носила там передачи военнопленным, но это не надо, ради бога, этого [писать]. Часть носила. Но чего – мы салом немножко себя поддержали. Там, наверное, граммов 400 было. А всего граммов 600, наверное, в куске было. Потом ему это понравилось. Он сказал: «На базар пойдешь». – Я говорю: «Хорошо». Так я на этот раз знала. Он сказал: «Завтра пойдешь». – А я братишке сказала: «Придешь, Боря, на базар и станешь там и там-то». Ну он пришел, бабушка эта или тетя дала несколько кусков и я опять кусок домой отправила. И он ничего не знал.

[...] Я кадрами не занималась, этого я не знаю, не буду говорить. Я знаю, что многие студенты выполняли там всякие [работы]. Валя Шумилина, там еще кое-кто. Ну, какие работы заставят. Кто рассыльный, кто... Что заставят, кто что умел. Ну, что же еще хотела смешное. Были случаи, когда и посмеяться можно было. А, вспомнила, как я с Айзелем в драку лезла. Значит так – дали нам эти пайки, да. Айзель пришел немножко не то, что пьяный – нет, но чувствуется, что на подпитии. А в это время пришла соседкина дочь – мать ее лежала тяжелобольная, с очень высокой температурой. А лекарств-то никаких. Вот они и пришли ко мне, я когда-то похвасталась, что стрептоцид достала. Мама тоже болела. Ну, что-нибудь жаропонижающее. Ну я пошла – напротив как раз был пункт, где были лекарства всякие. Немцы тоже пользовались – то от головной боли, то живот у кого-то заболел. Ну я подошла, он дал несколько таблеток. Тоня сидит – это ее Тоня звать, она уже умерла. Сидит Тоня, сидит Носачев, Айзель. Айзель что-то возился, возился, настроение плохое, потом: «Мы вас кормим, вот вы получили эти пайки свои». – Я говорю: «Что же это за пайки? Ты больше посылаешь в Германию, – я его на «ты» называла, – чем мы получили паек». Он начал кричать, все, упрекать. А я взяла это масло. Он переобувался – у него были ботинки очень грубые, ну вот как рисуют, как в газете – вот такие носки вот на такой подошве. А я подошла и это масло: «Я вылью сейчас». Я взяла и хлопнула ему в ботинки, я говорю: «Чтобы ты, когда еще раз будешь бежать, чтобы у тебя не было мозолей». На меня настолько нашло. [...] Уже Носачев испугался. Говорит: «Валя». А Тоня эта вообще не знаю... А я дошла до ража, вот такое состояние.

Он говорит: «Я тебя сейчас вызову, – там же полицейские, не полицейские, а немцы охраняют, – охрану вызову, тебя арестуют». – Я говорю: «Арестовывай, а я сейчас пойду к начальнику, к Винакеру, – прямо к генералу сказала, я б туда и не пошла, я говорю, – и скажу, как ты мне даешь бижутерию, а я тебе сало приношу, у спекулянта беру, а ты отправляешь в Германию». Слушайте – замолчал: «Валя, Валя – я пошутил». Да, он так струсил! [...] Конечно, наказывалось, наверное. [...] Нет, вы понимаете как – если бы он сам что-то делал [это полбеда], а если он втянул меня в это, и я должна была ему – это же пятно на лицо немцев. [...] Компрометирует их. Что они там сами делают – это они. А если они еще кого-то втягивают. Но он с тех пор никогда на меня голос не повышал. (Смеется). Вот так. [...]

*Червякова Валентина Игнатьевна*

\*\*\*

[...] Я помню, один раз я видела, как мальчишка залез в машину. Стояла машина, по-моему, еще мать жива была, особенно в начале – они очень сильно зверствовали. Потом прекратилось все это. Где-то в конце 42-го, Август<sup>1</sup> говорит, никто уже ни за евреями не гонялся, ничего. В 43-м они уже были тише воды, ниже травы. Но я то ребенок, я не особенно [помню]. А что я запомнила – мальчишка лет семи залез в машину, украл одеяло. А тут шел немец. Проходил мимо, не с этой машины. Ну он что-то там делал... Он его вытащил, затащил в наш двор. И люди все собрались – там вот так двор был, а в конце вот такой маленький дворик, частный домик маленький и он туда его затащил. Взял какую-то метлу, за ноги держал этого папана, может тому даже меньше лет, за ноги держал вниз головой и так бил этой метлой по чем попал. Все орали. Он его так бил долго. Это было на моих глазах, это я видела. И потом я еще видела – кто-то там украл что-то. Вот там, где банк, где тюрьма была. Вот тут какое-то крылечко, ступеньки. Он подвел, взял кинжал, отрубил пальцы ему и пошел. И вот там рынок был – где универмаг сейчас центральный, за ним был рынок. Там виселицы висели все время. На дощечках написано: «Я партизан», «Я вор» – что-то такое. Прямо болтались так. Ну, они какие-то злые, неприветливые. Не знаю, может мне казалось, потому что я ребенок была. Я не знаю, но у меня осталось такое впечатление. Страшное осталось впечатление. Если постучит в дверь – кто-то не открыл дверь – он моментально вынимает [кинжал] – какие-то кинжалы у них были – он вынимал и вырезал замок. Как они вырезали

---

<sup>1</sup> Брат респондентки.

– я не знаю, как так можно легко вырезать. Но к концу оккупации двери ни у кого не закрывались и воров не было. Это я считаю положительное, что истребили воров – это точно. У нас же воровство страшное, а немцы это терпеть не могут. Это положительная черта. Может, слишком жестоко, но это. [...] Уже двери открыты были, и кто ни заходил, не воровали. Я не знаю почему, но осталось у меня впечатление тяжелое. Видно такое осталось впечатление, что не было ни одного человека доброго. То ли я не встретила, то ли... Понимаете, то прятались... Но все равно что-то [мы] видели. [...]

### *Ш. Маргарита Евстафьевна*

\*\*\*

[...] Ну мы мат ихний сразу выучили. (Смеется). Да, что-что, а в первую очередь мат мы выучили. Ну, мы мату научились, когда солдаты были. А солдаты, между прочим, в нашем шахтерском поселке жили 9 месяцев. Пока стоял вот этот Миус-фронт. Наверное, слышали? [...] Пока стоял Миус-фронт, пока немцы не пошли на Ростов, на Сталинград, жили у нас солдаты. Вот, например, на нашей квартире жило четыре немца, четыре солдата. Они разговаривают, а мы же слышим, там же и мат, и такой разговор. Так что мы кое-как там наблатьякались, понимали с полуслова немцев.

[...] А у нас как раз стояла часть – то ли дивизия, или часть дивизии, или даже обоз этой дивизии – «Эдельвейс». [...] Горная дивизия. Они шли на таганрогском направлении и они у нас стояли. Лошади были у них, потом мулы были, причем очень-очень много. Прямо целые табуны. Еще и помогали немцам пацаны воду таскать, поили этих лошадей. [...] Если мы поможем, они там сигаретку дадут или там еще. [...] Некоторые немцы тоже неплохие ребята были. Ну, наши ребята на кухне у них работали, дрова им там пилили, носили им там. Суп разносили там по отдельным [частям]. Там с кухни, допустим, в отдаленную часть поселка. За лошадьми следили – там им помогали и чистить лошадей, и кормить. С ними обращались нормально и довольны были ребята. Говорят: «У немцев сигарет можно достать, конфет можно достать, полбуханки хлеба можно достать». Подрабатывали так. Так что такой бартер был. Не то, что бартер, а подработка такая. [...] Ну подрабатывали. Очень много. Ну и солдат очень много, видно там, у них обмундирование. У них цветочек был на рукаве, видно знак ихней дивизии. И на фуражках тоже боковая [эмблема]. На пилотках, на всем вот эти знаки были эдельвейсовские. Повозок много было, правда в зиму 41-го – 42-го года пришлось им плоховато, потому что у них корм закончился – сено, солома для



лошадей. А лошадей-то много. Потому они деревья рубили молодые, кусты и лошадам кормили. Ну, а которых уже не удавалось [спасти] – так они их стреляли, резали. Часть мяса солдаты забирали, часть население расхватывало, конину. [...] Ну, они забрали то, что им нужно, а остальное забирайте, забирайте. Ну и наши там были, забирали. [...] Значит, 9 месяцев [пробыла эта часть]... Да, часть дивизии «Эдельвейс». Ну я так думаю, что это обоз этой дивизии. Передовые там были – они держали Миус-фронт. Может, не эта дивизия, а какая другая, потому что эта была – горные стрелки, горнострелковая дивизия. Она, видно, тут у нас в тылу сидела. Потому что от Миус-фронта поселок наш находится на расстоянии 18 километров. Там проходил Красный Луч (*неразборчиво*) поселок Куйбышево – родина Гречко, маршала. И так дальше до самого Мариуполя фронт проходил. А они тут были как бы в тылу. Вот занимались там подготовкой, лошадей там чистили, ездили там, на стрельбы ходили. Я не видел, чтобы они участвовали в фронтовых делах. А когда фронт подвинулся, они поехали. [...] Наши были в Красном Луче, по Миусу, я же говорю – до самого Азовского моря. Сразу ломанули их, наших погнало. Потом пленных они уже забрали – мы видели, прогоняли их. [...] И вот эти же наши солдатики из «Эдельвейса» собрались и, значит, вслед за фронтом в дорогу на Кавказ. Но я видел, я понимал, что они предназначены для Кавказа, потому что у них обувь с шипами, сапоги тоже с шипами. Ну, вся эта горная амуниция. Веревки с этими, скалолазками.

[...] Значит, отношения у нас были – я не скажу, что дружеские, но нормальные. Значит, мы втроем, мать и нас двое в этой квартире. Но квартира большая такая. И 4 койки этих солдат стояли. 4 койки, значит, они на этих койках спали. Карабины тут стояли, личные вещи, все. Они нас не трогали, мы их не трогали. Они только нам заказывали – вот немец, допустим, приходит и говорит мне: «Вскипяти чай». Дает кофе там заварить: «Мы придем, – особенно зимой, замерзли, – будем чай пить». Ну, кипятили. Что нам стоит вскипятить? Ходили они патрулировали по поселку. Был комендантский час. Комендантский час был. Значит, темнота, ни одного человека наших на улице. Если кто-то встанет, значит, пинка могут дать под зад солдаты эти, патрули, чтобы не болтался на улице. [...] Чтобы арестовать, расстрелять – такого не было. Даже был такой случай. В соседнем [доме] – там было много пустых домов – и в пустом доме жили солдаты. А возле этого дома площадка такая была. И на этой площадке мы играли в футбол. Ну, ребятшки такие как я – 11, 12, 13 лет. Я самый старший был – 14 лет. Даже тогда мне было еще 13 лет – это ж еще в 41-м году. И подзывает меня немец: «Иди сюда! Komm her!» Я подхожу. Он: «Идем



со мной». Я подхожу. Он, значит, ведет меня на второй этаж в этот домик, открывает стол вот так и показывает. Я не пойму, говорю: «Что такое?» Я думал, что... Обычно немец, когда зовет кого-то из нас из ребят, то ему воды принеси, то ему почисти, сапоги почисти или еще что-нибудь, [дает] работу. Почистил – он тебе или конфетку дал, или сигаретку дал, расплатился. [...] Или кусочек хлеба там – ну, как обычно. А так – он мне показывает, я не пойму. Я думаю, что делать что-то, показывает он, а потом: «Пух-пух-пух». Оказывается, у него из этого стола из ящика, кто-то увел пистолет. И он видит, что ребята бегают, и думает: раз ребята бегают, значит они и потянули этот пистолет. Я говорю: «Не знаю». Как смог, я объяснил, что не [брал]. А он показывает: «Может, они, вот те?» Но те ребята остались, он одного меня взял. Я говорю: «Ни они не брали, ни я не брал». Ну, между тем он пошел, видно своему лейтенанту сказал, начальнику, потому что пришли они с обыском на нашу квартиру. Пришли, начался разговор: «Да он ничего не приносил, да он вроде пацан такой не шкодливый». Ну они все там обрыли (*обыскали*), все тумбочки там развернули, сундук у матери перевернули весь. Но ничего не нашли. Приходит – пришел переводчик с ними и говорит мне: «Ну ты признайся, признайся, что пистолет потянул, а то же они могут тебя застрелить». – Я говорю: «Ну если я не брал, как я признаюсь? Не брал», – я говорю. Ну, ничего, они походили – походили, с нашими немцами встретились, что у нас жили. Значит, они их уговорили. Никаких последствий не было. Не били, ни ругали, ничего... Могли передать в комендатуру, в гестапо [если бы действительно взял]. Но это полевые солдаты. Они, ну так как и наши солдаты, я смотрю, такие вот, ну как сказать, были колхозного типа. Такие ребята сельчане, трудяги. Он сидит, лошадь эту чистит, чистит. Ну солдат – не то, что он агрессивный, фашист. [...] Вот такие ребята были. [...] Жестокости мы от них не видели, мер таких полицейских тоже не было. Ну, солдаты есть солдаты... У них же кухни полевые. Они получали свои котелки – суп там или что – приносили домой и дома ели. Но если им больше дали – они иногда насыпят в чашечку и нам. Ну а так – мы, естественно, не имели к ним никакого отношения.

[...] Эдельвейс» стояла с ноября по июль. И все, и больше у нас немцев не было. Правда, были не у нас, а на соседнем поселке, я видел, танки – «Тигры». После Курской битвы, когда немцев разбили на Курской дуге, остатки пригнали сюда к нам, на Миус-фронт. А он же Миус-фронт и туда шел, останавливался, и оттуда шел – останавливался. И вот уже фронт оттуда шел после Сталинградской битвы, шел – Сталинградская же зимой 43-го. Потом они дошли до Миуса и стали. И тут как раз с Курской дуги пришли танки, «тигры»

коричневые. Немцы приезжают, остановили танки и спрашивают у нас: «А фронт далеко?» – А мы говорим: «Да вот, 15 километров». (Смеется). Они за голову: «Мы уезжали в тыл, а приехали опять на фронт». Вот такой был случай. Ну они постояли немного, окопались тут – где-то недели две. Это они не в поселке были, а в лесу. На краю там леса и потом в соседнем поселке. И потом началось вот это наступление на Саур-Могилу 18-го августа – и их погнали, и с танками этими, со всем.

[...] Правда я видел, как приезжал к солдатам батюшка ихний, там они становились на колени, молились. На стадионе – у нас там стадиончик такой был. Они там становились. У них там католическое [богослужение] – немцы же католики? [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

\*\*\*

[...] Вот возьмите случай, я вам расскажу. Однажды зашел к нам в квартиру на Старом Горняке немец. Анечке<sup>1</sup> было 4 годика. Она: «Дядя, дай шоколадку, дядя, дай шоколадку». Он дал ей шоколадку, посадил на руки, подержал, потом пустил. А потом мама хотела выйти, а он: «Не смей выходить». – А мама говорит: «Чего»? – «А потому, что ты пойдешь и докажешь, что я угощал вас, а я коммунист и меня расстреляют». И не выпустил, говорит: «Я сейчас уйду, а вы через столько, через полчаса можете выйти из квартиры. А если выйдете, там, вас, мол, тоже расстреляют. Там у меня есть один человек, который наблюдает за вами». Так что немцы тоже были разные. [...] Эту историю я сама видела. Я тут сама была, как раз у мамы. Пришла домой. И он зашел, такой здоровый, такой представительный мужик. А Анечка – ну малышка, что, уцепилась за него и говорит: «Дай шоколадку, дай шоколадку». [...] Боялся, что на него донесут. И его расстреляют. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

---

<sup>1</sup> Племянница респондентки.

## ГЛАВА 10

### «ОНИ НЕ ТАКИЕ, КАК НЕМЦЫ...»: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ С ОККУПАНТАМИ (СОЮЗНИКАМИ)

[...] Потом этих немцев, что стояли, летчики, их сменили итальянцы. Это уже были похуже ребята. [...] Похуже. Некоторые из них гоняли нас, мальчишек. Ну смотрю я, стоит машина. Громадная машина, тупорылая. Как у нас МАНы. Я стою, а он, значит, показывает. Он дверь открыл, и я залез к нему в кабину. А он, значит, ну он по-итальянски, а я по-русски. Ну мы знали, что итальянцы. И, значит, он показывает мне фотографии. Вот интересный случай. Вот он показывает, вот он и я. И я, значит, похож. Вот это сын мой, это та, это та. Я смотрю, говорю: «Я сейчас тоже фотографии покажу». Я побежал и принес эту книгу. (*Смеется*). Достал эту книгу, приношу ему. А она красивая такая. Он думал, что это альбом. Открывает альбом, а там Маркс. Он закрывает книгу, берет меня за руку – веди домой. Я привожу, мать как глянула. Приходит вооруженный. Что он сделал. Показывает книгу: «Пу-пу-пу». Убьют за эту книгу. Мать хватает эту книгу, рвет. Что наделал. Вот, пожалуйста, итальянец, военный. Ну покажи я эту книгу жандармам, допустим. Все, всей семье [конец]. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] После них тут стали румыны. Ну это люди другие. Я не хочу сказать – там люди разные тоже, и плохие. Ну вот черта такая: надо было все прятать. Иначе стянут. Хотя и ничего не было. [...] Румыны когда стояли, у них пулеметы – господи! Они, вояки, начинают стрелять, провода поперебивали. Тогда, может, и света не было – все валяется, ой! (*Смеется*). Гоняли нас страшно, а мы же пацаны ротозей. Выстраиваются в квадрат. И у них же богослужение по утрам. Поп – румын, да, а мы: «Ги-ги-ги». Там один показывает – держит карабин со штыком: «Сейчас я вас...». Посмеивался. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Чтобы какое отношение с румынами... Румыны очень агрессивные. Если кто что кушает – они срывали, из рук вырывали.

Вот едут с подводой – заходили, вскакивали в дома. Вот я возьму за себя. Мама печет из мерзлой картошки на печке пышки. Они заскакивают, хватают все и уходят. Они не разбирали. В любую квартиру зайдут и что есть захватывают. Итальянцы жили у нас на квартире перед этим, как только освободили наших. Жили. Ничего. Как вам сказать. Они не нахальничали. Что сделают – если они заходят в квартиру, грязь – они моют сами сапоги. Они культурные. Чтобы они громко разговаривали? – Нет. Но были начеку. Они никогда – если они пришли шинель повесили, тоже он сел и шинель повесил. Оружие – при нем. Никогда не бросали. Вот немцы приходят – оружие ложат там на кровать. Это итальянцы. Но они только вышли – и уже через 2 месяца наши освободили. [...] Итальянцы. Они нам не давали ничего делать, сами все делали: «Мама-мама-мама-мама-мама». С сестрой нам давали гостинца, дали все нам. Приносили нам с кухни, все давали. Это самое. Итальянцы, как говорится, и немцы. Но итальянцы лучше. Итальянцы, как вам сказать, они мягче. Они обращаются как с людьми, нормально, как к человеку. Какой бы он ни есть – он к человеку обращается. Немцы – те уже, как говорится: «Я хозяин». Понимаете? Нельзя ничего. Я хозяин. А румыны – это изверги. Это хамы. Они не разбираются, может ты последний кусочек доедаешь – он все сгребает, что есть, все забирает, все хватает. Потому что мы жили на углу – всех повидали. Какие они есть. [...]

*И. Тамара Ивановна*

\*\*\*

[...] Они (*итальянцы*) как-то получше себя вели, чем немцы. Ну немцы ж они как раса. [...] А все-таки потом, как Муссолини отозвал этих итальянцев, и как они шли домой, и кошек ели – их немцы не везли, ничего. Они ходили, просили по хатам, оборванные, обмороженные. Они голодные, даже наши бабы... Я видела. Даже бабы наши, даже бабы наши давали им кушать. Жалели, да. Потому что он идет – он же тоже чей-то ребенок. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Вошли к нам на Пролетар<sup>1</sup> итальянцы – в касках, с перьями. Ну и сразу ж... А мы жили – дом на 4 хозяина и рядом школа. Школа одноэтажная. И сразу их заселили туда в эту школу, итальянцев. Ну

---

<sup>1</sup> Поселок шахты «Пролетар» в Сталино.

они начали ж по квартирам – у людей же и куры были, стали стрелять курей, все. Но они, итальянцы, были нешлохие. Они себе варят и вот то ж, с детьми ж, маленькие дети, кушать то нечего. И они людям – что себе макароны и им там. Потом побыли итальянцы и пришли немцы. Когда пришли немцы – те уже жестокие. Те – боже сохрани, чтобы они кому что дали – ни в коем случае, никому абсолютно. [...] Вот итальянцы ж, я говорю, наварят макарон – и детям. Немцы – нет. Вот и они тоже в этой школе находились. Находились немцы все время. Покамест война была.

[...] Ну я ж говорю, немцы были очень жестокие. Очень. Вот итальянцы – нет. Несмотря на то, что они сателлиты, но если они зашли, немцы к нам пришли. И зашли итальянцы – выгнали [их]. Выгнали итальянцев. Да. Они ж вместе с ними воюют. Выгнали – ни в коем [случае]: «Weg, weg, weg!»<sup>1</sup>, – выгнали и все. [...]

*Крapiва Лилия Николаевна*

\*\*\*

[...] До нас первые, в 41-м году, зашли итальянцы. Почему итальянцы – потому что нас заставляли, пацанов, в речке крюков ловить, не жаб, а крюков. Крюков – знаете? Типа жабы, только зеленый такой. Вот-то мы их ловили, а они на проволоку, костры жгли, и жарили, и ели. А у нас чтобы крюка ели!? – Да вы что!? А мы пацаны, их ловим: «На, ешь». Они едят, а мы смеемся. И поляки были. Когда наши начали нажимать оттуда (*наступать*), так они саночки тянули, назад, домой. Домой уже. Бросали, немцы отступали. А поляки – те и саночки, там еда, что там есть – и домой, в Польшу. [...] Я не знаю, воевали они или нет, но почему они саночки тянули и ехали домой? Чего они здесь очутились? Немец, видимо, их брал сюда, что-то делал с ними<sup>2</sup>. Или на работу брал... но поляков много было. [...]

*К. Иван Егорович*

\*\*\*

[...] Румыны, когда бросили этот фронт, прошли один день. Один или два дня проходили здесь. Так они сами голодные были. Кошек здесь всех поперебили, какие у кого оставались. Лягушек били,

---

<sup>1</sup> Вон, вон, вон! (*нем.*)

<sup>2</sup> Возможно, поляки являлись служащими военно-строительной организации Тодта.

ели. Ну, а так [их] не было. Австрийцы были. Австрийцы и немцы. Итальянцы были. [...]

*М. Алексей Михайлович*

\*\*\*

[...] Были и румыны. И итальянцы были. Вот то итальянцы были, когда я у них машину немножко там пошарудил. Итальянцы были. Те ходили с пером с петуха. Кавалеры. Но вот румыны или итальянцы – эти я бы не сказал, что они грубые были такие. Они только, румыны – те все спрашивали: «Кукуруза есть?» Кукурузу все они любят сильно. Если молодая, и такую брали они. Ну, они любят это дело. Итальянцы – они прилежные такие были. И немцы. Немцев много было, вот так ходили. (*Показывает*). Винтовку ж всегда носят на плече, стволом вверх. А то ходили стволом вниз. Я спрашиваю: «Что, патронов нет?» – А один говорит мне: «Вот это те у них, кто носит стволом [вниз] винтовки – те не стреляют по людям. «Это, – говорит, как они, – неофашисты или как». [...] Антифашисты. «Эти люди, – он говорит, – не стреляют. Так что, – говорит, – помните, всегда можете подойти к человеку, посоветоваться, что надо». «Эти, – говорит, – не стреляют». А немцы – те большинство были злые. [...]

*Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] В Сталино кроме немцев были румыны – мародеры, и итальянцы – самые лояльные и веселые. [...] Значит, итальянцы были очень веселые. У них машины были с тупыми носами такие. Веселые мужики, к нашим девкам липли как я не знаю, наши девки, между прочим, тоже к ним липли, как я не знаю. Румыны – это были как цыгане. Вот увидит что-то висит, одеяло или что-нибудь. Или там, допустим, кукуруза варится. Он может [украсть] – ну как цыгане, румыны. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Очень воровитые были румыны. Румыны в горном училище стояли. Зайдет – все равно что-то украдет. Видели итальянцев – здесь детский садик был, они стояли, итальянцы, с перьями. Магьяров этих видели – это венгры. Они мелкий народ, мадьяры. Итальянцы с

немцами не дружили, они на ножах были. Ходили во дворец<sup>1</sup> – на бельэтаже немцы или что там – пострелялись раз офицеры итальянский и немецкий. [...] Итальянцы очень такие мягкие были, можно было [общаться]. Но нам как-то не приходилось с ними... [...] Итальянцы мягкие такие. Мы с матерью идем на базар. Он говорил: «Мама – дочка, мама – дочка». На меня и на мать показывает – он так сказал. Пели хорошо, очень хорошо пели они. И так мягко, ничего. [...] Румыны воровитые были. Мадыяры, говорят, жестокие были – нам не приходилось с ними. Говорили, что они жестокие. [...] Финн у нас ночевал, видно с денщиком, матери фотографии своей семьи показал. И тоже говорил, что у них очень плохие отношения с немцами. Пожилой такой: «Вот моя семья», – он все рассказывал. [...]

### *Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] У нас в доме жили 2 чеха – летчики. И вот их задание было бомбить наши части и вооруженные точки. А сопровождал их немец. [...] В полете, да. [...] Ну, отработали и приезжали, отдыхали, опять вылетали. [...] И вот у нас, как обычно, немцы на квартире были<sup>2</sup>. А я больной был, у меня ноги болели, как я с Германии пришел. А он – может, намек какой имели, что он позвал меня. А я говорю: «Да я больной». Он подходит ко мне и наливает, как сейчас помню, стакан. А оно такое густоватое, что оно такое? Ликер. И разными цветами переливается – синее, зеленое, так основательно льет. И говорит: «На, пей». Оно все-таки спиртное. Вот я выпил – и выздоровел скорей. Немец какой-то был – сочувствовал нам, что-ли. Разговаривал с нами уже, учится говорить. Плохо, но называет уже разговорную речь, по-русски говорит. И каждый раз он говорит: «Понимаешь, я офицер. Чех». – И тоже полковник или генерал (*его отец*). Тоже чин. Военный. – «И наша Чехословакия маленькая. Если бы мы были большие, то нас бы немец никогда не взял. Мы очень развитое государство. И так как нас мало – вот такое получилось, он нас покорила. А теперь заставил, чтобы мы на них воевали. Ну а мы воевать – мы ж славяне». – А я еще и не знал, что такое славяне. (*Смеется*). [...] «Мы славяне», – говорит он. «А это, – говорит он, – немца садят позади нас. Они нам тоже не доверяют. Немец смотрит». – А я говорю: «Где ты летал?» – «Армавир бомбили». В следующий раз: «Сталинград бомбили». Ну отработал – глаза красные. После полета, отдыхает. А я говорю: «А как же так, ты

---

<sup>1</sup> Дворец культуры им. Франко в Сталино.

<sup>2</sup> Имеет в виду чехов, которые стояли на квартире.

говоришь, мы ж славяне». – А он говорит: «Да я расскажу как. Мы-то летим, я смотрю, где там разбомбленные места какие. А немец там солдат, что он там [понимает]. А я офицер все-таки. Я посмотрю – стреляют. А потом на эти места бу-бух эти бомбы. А они полетели, шараханули. Смотрю, дым рассеется – разбитый дом. А он и раньше был разбитый». (*Смеется*). – «Гут, гут». – «Вот так, – говорит, – мы воюем [...]». [...] Ну как он с немцем сядет? Собыют его. Он же тоже не дурак, его раньше убьют или что-такое. Я не знаю, почему они немца не могли убить? Я не знаю, то, что не видел, зачем я буду говорить. Я не знаю, что он говорил, я не помню.

[...] И вот в одно время возвращается один. Сам. Что они сделали. Они закружили, как в штопоре, этого немца угрохали, побросали там [бомбы], не куда было нужно, приземлились там где-то. И уже без самолета пришли. Получается, что они в часть не пошли уже свою, пошли к нам: «Помогите». [...] Я только знаю, что он один приходит к нам. И говорит, сказал, чтобы мы его приняли к себе сховать. [...] Раздеваю его – у него винтовка была или карабин. [...] И говорит: «Вот придет еще...», – он знал, что должен придти его партнер, напарник. И он пришел, этот партнер. И он (*прятавшийся*) стал говорить, что его тут нет. Мы так и сказали – он (*пришедший позже*) так постоял еще, думал – верить или не верить. Если бы немцам сказал: «А ну, идите, проверьте, есть он там или нет». А к чему разговор – 5 дней дается, если я не ошибаюсь, чтобы он пришел в комендатуру и заявил, что он живой. Уже время прошло, а он не заявил туда. А этот, что пришел, мог пойти заявить, что он пришел. А этот: «Пойдите проверьте, там он или не там». Если бы он немцам сказал... Расстреляли бы всю семью... А он так постоял: «А ну сейчас пойду проверю и все». Но мне так показалось, что он так думает. Он не верит нам. А почему-то не сказал – мы б и того приняли бы. А нас он всех мог продать, он об этом не думал, что этот человек мог продать пойти. Сказать: «А ну, идите, проверьте эту квартиру», – когда он [...] к немцам пришел. А у него, значит, нога была ранена – сбили или подбили – ранена нога. Самолет его там... Сбили, он не сам сдался. Там где-то под Армавиром, что-то там они летели – я не знаю. Приходит – нога ранена. Нога начинает опухать, болеть.

[...] Мы ж его уже раздели, эту винтовку я стал бить, топором рубить, потому что она длинная. Ну вот такая вот (*показывает руками*) – карабин, или что там. Ручка такая узенькая, топором бил-бил – не мог ее перерубить. Да что такое. (*Смеется*). Хоть бы хны. Наверное, дерево такое специальное. В конце-концов я его перебил, вот этот кусок приклада – в печку. Печка горит – туда его. А это ж остается все – патроны там. Винтовку эту побили, а там в этой



комнате, там немцев было полно, одни немцы были. И там есть туалет у нас во дворе, в самом конце. Еще посмотрел, там патроны – чи стрельнуть взять. (*Смеется*). Потом подумал: немцы сейчас выскочат. Бросил. И там это оружие и по сей день лежит, это оружие. В туалете. Вот это доказательство того, партизанили мы или нет. Вот то доставай и все. Все сдать надо, оружие нести – вон там оно находится. Только что приклад перебил. Я его перебивал при немцах... Документы спрятала мать – не знаем где, она умерла, – наверное, на чеха. Значит, мы его переодели, он все видел сидел со мной, чтобы по-русски обучаться. У него нога болит.

[...] А у нас был, приезжал к нам из деревни Орлов. Он был полицейай, но он руководил партизанским движением. Дядя был, Иван Федорович – он тоже принимал участие в этих делах. И вот отправляют туда этого чеха – военного летчика. Шубу одел – это зимний период, шубу одел, все. Все сняли, переодели его в гражданское, что там селянское было, изменили, рассказали как и что – он немножко говорил по-русски – и дали ему направление, как ему отступить. Он приехал сюда снова. [...] А там что – староста есть в каждой деревне. И полицейский есть. Говорили – что где кто появится – должен староста знать. Откуда, кто ты что. А в деревне ж все знают, кто имя, что, к друг другу ходят. Боятся. И он возвращается назад – 15 километров. Приходит назад и говорит: «Я там не могу оставаться. Я там людей подведу. Эти люди боятся», – в таком духе. «Лучше я здесь буду». Что-то там – ненадежное для него это место. Прикинул так ситуацию. Ну и все – у нас он тут побыл. [...] И он что делает? Идет в комендатуру к немцам. Мы все подготовили, что он, значит, идет в плен от нашей армии. Что немцы его сбили. Вроде бы как советский летчик. [...] Там его забирают и отправляют в плен... Приходят немцы и он с ними по-немецки: «Та-ра-рар-рар». Они заинтересовались: «Что же такое?» И его переводчиком устраивают, одевают ему немецкую форму, ту, что он снял. Уже он переводчик. Он говорил, что родные у него, кто-то там грузин, а другой кто-то немец был. Короче, у него немцы и грузины были. И он говорил, что он не советский, не русский. [...] У него там и грузины, и с немецким что-то связано. [...] Все на мази. Вот так вот он пошел. Ему там оказали помощь сразу, что там раненый. Ну ему там помощь оказали сразу, когда он пошел, в первый раз пришел ему перевязку сделали – и в лагерь. Клуб Ленина... Ну я туда приходил, ему что-то приносил, в окошко постучал – там школа была рядом. Центральная поликлиника здесь, ну как идет трамвай – направо Центральная поликлиника, а налево школа была. Вот я постучал, там открыли, там пленные какие-то были. Ну, я ему передавал, а там кто знает. Потом он уже приходит – в военной форме,

уже военный паек ему там дают. Уже он к нам приходит – помогает нам, чем может. [...] Побыл в лагере – приходит к нам. Уже у него был паек, уже он там приносит нам благодарность. Поблагодарил за всю эту музыку – потому что ему на фронте теперь погибать [не надо]. Уже дело идет, уже движется [фронт]. Отступают уже немцы и он с немцами едет отступать. [...] Куда они – туда и он. Он говорит: «Если будет время, если будете в Чехословакии – приезжайте». И по сей день – никто не знает. Если бы нашли. Ну вот помню – Надворный или как фамилия. Отец его или генерал, или полковник. Он летчик там был. [...] Значит в 41-м году ему было, наверное, лет 25. Он был офицер. Щуплый такой человек. Ну вот судьба его так сложилась... Вот его мы укрывали – это же тюрьмой пахло, да, или расстрелом. Что это за игрушки – скрывать каких-то дезертиров – его там ловят, бандит? А мы же спасли? [...] Чтобы он не бомбил людей. Еще эта винтовка не будет никогда стрелять. 100 лет она будет там лежать. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Румыны были, итальянцы. Итальянцы – те вояки... Да и румыны тоже вояки. Они, знаете, как курица мокрая. (*Смеется*). Они почти что все ушли. В особенности итальянцы. Они уходили пешком и шли домой. Всех их перестреляли немцы, били их, и они потикали все, поуходили. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] С ними (*подростками*), кстати, шли на контакт взрослые, не видя в тебе пацана, на равных. Вот мы на равных вели переговоры. Обмены на равных. Вот даже когда отступали итальянцы: «Неси 10 картошка – пистолет забирай». [...] По шоссе двигались они, когда разгромили их, отступали. Немцы ж объявили их вне закона. Румыны тоже, когда этот Михай<sup>1</sup> сдался. Немцы говорили: «Не пускайте вообще в дом». Жандармерия предупреждала: «Если вы пустите итальянцев – смотрите». А они же легко одетые, боже. Они же там мерзли – страх один, они (*немцы*) же их уже не считали союзниками. [...] Легко одетые, когда они шли туда. Представляете, в той же Макеевке они стояли. У них форма – ты посмотри. Там и испанская

---

<sup>1</sup> Имеется в виду король Румынии Михай I. Однако Румыния вышла из состава гитлеровской коалиции только в 1944 году.

дивизия, «голубая» была<sup>1</sup>... Вот такие до колен френчики. Перо в этой шляпе, все легонькое, перчаточки, как на прогулку, а 40 градусов мороза. Они начали жечь солярку. В бочку накидают тряпок, бочку бух-бух, дырок наделают, чтоб тяга была. Набросали туда. Приходит, а чем наступать, куда ж ты жжешь? Куда же деваться? Вы посмотрели б, как они экипированы были. Это ж смех был, смех. Все из дому забирали у людей, любые платки женские понакручивают, понавечивают. [...] Да, отбирали. Приходили: теплая одежда – давай. [...] Я вам скажу: румын мы вообще не считали за опасность какую-то, и итальянцев тоже. Они с гармошкой и на гармошке наявивают. [...] Понимаете, они когда проходили фронтовые зоны, как-то на них так смотрели. На немцев смотрели, что это войны, а они вспомогательные, они, собственно, и не участвовали активно в боях. А за ними пошли вот эти охранные подразделения. Это зверье. Вот хорваты мне запомнились, зверье страшное. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] А были – у нас жили итальянцы – очень приветливые, очень приветливые, внимательные, всегда и покормят. [...] И писал даже своей жене, что я вот живу у хозяйки, а у нее дочь, значит, две дочери – старшая и младшая Тая, так вот эту младшенькую – а я им танцевала, пела, – он говорит, младшенькую мы хотим забрать к себе. И все маму просил, значит: «Может, отдадите ее? Прямо туда, в Италию, у меня нет детей, а она нам очень нравится». Ну, в общем я ж говорю, тоже разные люди, как и наш народ, да. Одни внимательные, все, другие как злодеи. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Мы как дети. Итальянцы были очень красиво одеты, у них очень красивая форма была. Из очень хороших материалов. И у них было очень много – они ж очень верующие – у них очень много было мадоннок. Они ходили – у них полные карманы были мадоннок. Ну это такие – как пятаки, очень удлиненные, из алюминия. И на них там

---

<sup>1</sup> Испанская «Голубая дивизия» (250-я пехотная дивизия вермахта) воевала под Ленинградом, на северном участке советско-германского фронта. Возможно, судя по описанию униформы, респондент ошибочно принял за испанцев итальянцев либо же венгров.

дева Мария, ну какие-то разные библейские сюжеты. И мы как дети бегали за ними следом и просили у них эти мадоннки: «Дядь, дай нам мадоннку». Они нам давали. И картинки – ну как у нас, вот такого размера, тоже с библейскими со всякими рисунками. А по натуре – воры... А румыны – особенно. Воры страшные. Вот у нас такой случай был в доме. Вот этот же фашист жил, жил этот фашист, а мама ж ему и говорит – он не разрешал закрывать дверь. А мама и говорит: «Ну как вы не разрешаете закрывать дверь. Дома остается девочка одна. 12 лет. Дома ж никого нет. А если кто-то зайдет?» – «Я дома». Он не разрешал, не закрывали дверь. И вот в какой-то раз заходит итальянский офицер в квартиру. Но он же не знал, что здесь этот фашист. Идет прямым сообщением – что-то видит, лопочет там себе по своему. Заходит, открывает шифоньер в комнате. А я ж то дите – а у нас что, было 2 верблюжьих одеяла, которые мы прятали, чтобы их не забрали. Ну у нас особенно – у нас сейчас особенного ничего нет, и тогда ничего не было. Так у нас всегда было. И он открывает шифоньер и что-то там лопочет. А тот, видно, услышал итальянскую речь. Там же дверь между комнатами была. Он заходит – и увидел этого итальянского офицера. Он снимает ремень с себя и пряжкой – он его так бил! Вы знаете, я настолько испугалась, дрожала вся. И тот – вот так вот (*показывает сгорбившись*) задом вышел. Вот так закончилось это посещение. Ни слова не говоря. Со мной [не говорят] – я не существую. А этого офицера он избил в полном смысле слова. Пряжкой вот так, вот так, вот так... [...] Я не думаю, что защитить [хотел]. Это просто, наверное, – почему без его ведома, без его разрешения кто-то вошел в дом. Я вот так думаю... Вот такой случай был – это мы еще на Первой линии жили. А так – румыны неаккуратные были, воровитые были. И итальянцы тоже – итальянцы красиво очень одеты были, но воровитые были. Воровитые были. Немцы – они брали все, но они брали не как воры. Они не воровали – они брали у вас на глазах то, что им нравилось, считая, что так должно быть. [...] Что это в порядке вещей. Понимаете? А так, чтобы исподтишка как, или воровать, или еще что-то – это у них не было принято, это действительно так. [...]

**Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна**

\*\*\*

[...] Румыны, уже когда гнали, ружье на плечо как дубинку: «Давай мамалыгу». (*Смеется*). До Румынии далеко. Ну, у кого есть, дадут им или кукурузки или того, что [есть]. А итальянцы первые к нам пришли. Еще немцев не было. Ну, мы смотрим, как под вечер

заезжает кавалькада. Итальянцы в перьях в этих, в тирольских шляпах. А лошади у них куцехвостые, такой хвостик. Ну у нас обычные лошади. А то такие ломовики и они на них верхом. А еще же в поселке ничего не было. Это же наши ушли, а те еще не пришли. И вот итальянцы пришли. Смотрят, куры ходят. Берет карабин снимает, бабах – петуха [убил]. Слез с коня, хап его – и в эту переметную сумку запхал, поехал. Вот это мы так итальянцев видели. А румыны вот так. Ну а немцев уже... По хорошему видели. (*Смеется*). Чехи были еще. [...] Чехи фронт там держали. Наши ходили менять одежду на крупу, на кукурузу, на пшеницу. Так они пропускали их через свои позиции. Они по-русски говорили, чехи. И вот в «Эдельвейсе»<sup>1</sup> тоже были чехи. Они тоже по-русски говорили. На ломаном таком, но не так, как немцы. Ну, мне кажется, что в этой дивизии был, как говорится, сбор блатных и шайка нищих. Потому что там были и венгры, и чехи, и немцы сами. Ну, немцы в основном унтер-офицеры, вахмайстры, лейтенанты. А весь рядовой состав это вот такие вот [союзники]. Потому что я и по коже лица видел – смуглые такие венгры. И по именам ихним – оно же видно, что не немец. [...] Чехи хорошо относились. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

\*\*\*

[...] Между прочим, эти люди – ну женщины некоторые, которые имели детей как по двое – по трое. Они находили себе итальянцев и жили с ними. А итальянцы за это кормили детей и их кормили. [...] Итальянцы были... Они между прочим, не такие, как немцы. Немцы такие злые, людей ненавидели. А эти (*итальянцы*) детишек – вот кушают они, у них что-то осталось, детишки с баночками все подходят, они им давали кушать. То, что осталось, они раздавали. За счет итальянцев рудник и выжил. Они кормили. Женщины, правда, изменяли своим мужьям и жили с итальянцами. Одна – один вернулся. Она говорит: «Вот, я тебе сохранила детей только благодаря тому, что сама продалась». И он простил ее. [...] Вот, у нее четверо детей, например. И вот как можно сохранить детей. [...] С итальянцами многие жили. У нас даже одна Румовская родила от итальянца девочку. Голубоглазенькая хорошенькая девочка. [...] Пришли наши и наши восприняли, она в школу ходила, и все ее восприняли как обыкновенного [ребенка]. [...] Пожилые некоторые

---

<sup>1</sup> Имеется в виду 1-я горнострелковая дивизия вермахта, воевавшая в 1941-1943 гг. на южном крыле Восточного фронта.

осуждали ее. Мол, ты... У нее детей не было, она была молодая, могла одна как-нибудь где-то что-то прожить. Вот: «А ты стала жить с этим немцем». [...] Год, наверное [стояли итальянцы]. А когда уходили, поставили столы деревянные на улице и забили быка, забили быка и угощали всех, кто хочет. Итальянцы угощали мясом быка, которого они забили. Решили. Они неплохие люди. Итальянцы не то, что немцы. Немцы – те были злые такие, всех расстреливали часто и все.

[...] Была итальянская комендатура, потом был госпиталь итальянский. Вот моя племянница Алечка, Ленина, моей сестры, которая была на фронте, она у меня жила, и вот однажды, где-то сидела и гвоздиком била, гвоздиком била в землю. И взорвался, и ей молотком голову разбило. Так итальянец схватил ее и повез в свой госпиталь, и там ей сделали операцию, сняли, говорят. Если б немножко позже, говорят, так осколки пошли бы в мозг и все. А так все равно. Но у нее болело, и сейчас глаз этот не стал видеть. [...] Итальянец. Схватил эту девочку и понес. И потом... А потом этот итальянец крестил, ее в церкву носил. [...] Она была некрещеная. А он ее крестил, был крестным отцом. И там была одна из наших девочек, мать ее [крестная], а он был отец [крестный].

[...] Так что немцы, фашисты – те были злые. Они как звери все. Еще помню случай. Я пошла за водой. А там итальянец набирал воду. А тут какие-то через рудник проходили немцы. Немец подошел и итальянское ведро как даст ногой. Ведро полетело. А итальянец не стал на него ничего, боялся.

[...] С румынами сталкивалась. Еще когда в школе работала там в Ивановке, и вот на подводе приехал румын. Два румына. И пошли по хатам и грабили: там часы забрали, там то забрали, там то забрали. А мы повесили замок на хату, а сами спрятались. Вот хозяйка с дочкой в кухне спрятались – кухня была маленькая, а мы под стол залезли и сидели, пока те румыны побегают, понаграбят. Они понаграбили всего разного и сели и уехали. Вот это румыны были. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

## ГЛАВА 11

### «НАШИ ЕЩЕ ХУЖЕ БЫЛИ, ПРЕДАТЕЛИ ЭТИ...»: КОЛЛАБОРАЦИЯ И КОЛЛАБОРАНТЫ

[...] Они (*полицейские*) ходили в черных мундирах. Иногда ходили и в штатском. Я так думаю, что они специально переодевались иногда в штатское, чтобы шляться между людьми и выведывать, вынюхивать. Так и считали, что они иногда штатское одевали. А вообще форменная одежда у них черная была, только без знаков СС. А такая же черная одежда. Сначала они были в гражданском, а потом их обмундировали, уже в 42-м году. [...] Повязки, повязки на рукаве [были]. [...] У них или винтовки были, или автоматы. Даже у некоторых были автоматы. А пистолетов не было. Пистолеты это прерогатива офицерская, немецких офицеров. [...]

*А. Луиза Венедиктовна*

\*\*\*

[...] Опять у меня был инцидент или что. Не было уже ж топить ничего. Ну я взяла пару ведер с собой на коромысло и пошла. А тогда ж уже, как началась война, уголь никуда не возили, под эстакадами было очень много угля. Ну и уголь даже загорался. Еще старались раскидывать, там людей мобилизовали, чтобы совсем не загорелся. Ну я пошла, взяла ведра и пошла за углем. Пришла ж под эстакаду, набрала этого угля, только на – подходит наш полицейский и говорит: «Брось ведра, высыпь уголь». – Я говорю: «У меня топить нечем. У меня отец больной, мне топить нечем». – А он говорит: «Так, если ты сейчас не выбросишь уголь, я тебя застрелю». – Я говорю: «Я не выброшу уголь, потому что я приду домой, все равно холодно». И от люди стояли кругом, хотя потом [говорили]: «Мы думали, что он тебя застрелит». – Тогда он говорит: «Высыпай». – Я говорю: «Я не высыплю». На коромысло. Я говорю: «Стреляй, все равно война». И пошла. Он, говорят, нацелился – уже я не видела, там люди стояли. Но не выстрелил. Я пришла домой, начала матери рассказывать. Она мне: «О, дочечка. Лучше бы ты этот уголь сроду не брала. Да таких дураков на свете. Сейчас они продались этим немцам. Зачем ты этот уголь брала?» И оказалось, что этот парень, который [полицейский], с нами недалеко, жили эти люди. Но они уже поумирали. [...] Родственники далекие. Я еще говорю: «Слушай, Лид, а где вот этот вот парень? Не знаю даже, как звать». Но стала ей намекать. – «Ой, – говорит, – его забрали и неизвестно. Он больше не вернулся». [...] Наши [забрали]. Доказали, что он был полицейским. Конечно, его забрали. А куда, что –

вот это уже судьбы его не знаю. И она со мной не стала больше разговаривать. Если я что-то начинаю разговаривать, она на другое, не хочет со мной и говорить: «Я не знаю, ты мне об этом ничего не говори». [...]

**Батула Мария Самсоновна**

\*\*\*

[...] Наши работали хорошо в госпитале, отважные были врачи. Я не знаю, ну, знаете, шо получилось с врачом? С этим же врачом<sup>1</sup>? Рассказать? Расскажу. Мне как раз выступать, я выступала. Це в больнице Ленина как раз выступление, а одна (*слушательница*) ко мне пришла: «А Вы знаете, что он сидел?» – Я говорю: «Пошла вон». Я так обозлилась, говорю: «Мы с тобой поговорим, только отойдем, мы сразу с тобой поговорим». Как получилось? Значит, только закончилась война – в 1944, только закончилась война – и забирают в милицию главврача, о том, что он был в оккупации. И садят его. [...] И я тоже узнаю, что якобы его милиция забрала. Где-то он уехал – его посадили, и тут начали его, это самое [дискредитировать]. И что Вы думаете? Через несколько времени – статья [о подпольном госпитале]. А оказывается – эту газету – «Комсомолец Донбасса» – прочел наш красноармеец, он офицер был, тот, которого мы вырастили и переправили его через линию фронта. И он уже стал генералом, и он едет к Сталину, и за 24 часа его (*главврача*) выпускают. Представьте себе, как обгадили его? Потом он сразу сильно заболел, а ну-ка – перенести все это дело. И ему сразу дали должность: ну, в общем главного врача на «Скорой помощи. Ну, Вы представляете? Вот какие бывают несправедливые, как поступили несправедливо! Это ж хорошо, вы ж представляете, этот генерал прочел эту газету, а человек ни за что бы пострадал. Я так обрадовалась, когда я узнала, я так обрадовалась, а потом я вот это взяла и ей рассказала. – «Ну, я ж не знала». [...] А сколько людей пострадало? Хорошо – ты была на фронте! Ты ушла и не знаешь, что тут делалось. Так пришлось не один раз [говорить]. Вы понимаете – вот как мне его защитить? [...]

**Бойко Валентина Севастьяновна**

\*\*\*

[...] Я в селе тут не жила, у нас в Артемовске на нашей вулиці був такой поліцай такой. Кто він – или він полицей, или він пособник

---

<sup>1</sup> Имеет в виду главврача подпольного госпиталя в Славянске.



іхній. Він всіх видавав. За что я говорила – за повестку. Він же знав, коли ми дома, а коли ми не дома. На нашей улице він жив, на нашей вулиці. Всіх видавав. И коли вже поверталися с Германії, мать одной, што не вернулася – она вишла замуж в Польше – і сдала его нашим. Што оце він, оце він, оце він видавав, оце він усіх наших дітей позаганяв, повестки писав, він позаганяв усіх наших дітей. Він усе бачив, де ховалися, де пряталися. Больше я полицаев не [знаю]. Знаю, ото був на нашем краю. До четирнадцяти год жила, не знала, што він полицаї, што він видавав нас. А як прийшли немцы, там усім повидавав, шоб забрали, шоб позабирали. То так і називали [его]: «Дядя Миша, дядя Миша». А тоді вже його забрали і так він не вернувся. А більше я за них не знаю. [...]

*Босая Александра Степановна*

\*\*\*

[...] Дело в том, что немцы, они, собственно, не лезли так в душу, как лезли в душу местные, полицаи. Все омерзение, омерзительное поведение было со стороны местных, причем местные – те, которые старались выслужиться, они ни с чем ни считались. Для них продать человека была какая-то доблесть. Они очень бесцеремонно к этому были. Это была какая-то доблесть продать жидов.

[...] Все зависит от ситуации на фронте. [...] Дешевка у нас народ был. Кому дают – жопу дерут за немцев ого-го. С ними нельзя разговаривать! Что вы! Я не шел на контакт с такими людьми, которых немцы чем-то снабжают. Нельзя, потому что продадут. Начнут выискивать. Скажи им слово... [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Забирали, багато забирали тут молодежь. Уже последних брали уже 27-го года. Ну, в общем, оно і полицаї такі, що подсказивали. Есть такие, шо защищали. От, например, в лес как вышли наши, так, і був староста, из Адамовки<sup>1</sup>, по-моему, так? «Так і мою дочку отправив у Германію», – а та кричить, шо спас він нас. Хто кому як було, планета там показала, чи як там. [...] Кого, може там, знакоми, і не послав, чи як. Ну, прийшли як раз, разведка, забрали його. Кричать, шо ми розберемся сами, шо виноват він, чи не він. Ото

---

<sup>1</sup> Село в Славянском районе Сталинской области.

такі. И ото так прийшли ми, з евакуації, а були такі, що гнали нас отуди, де п'ятихатки зараз. Десь туди гнали ото возиками, туди гнали, а ми тут задержувалися, так. [...] Поліцаї [виганяли]. Ну, все они получили по заслугам – по 15, або по 10 років їм давали. [...] А староста був, ну у нас, у Богородичному, вредний, скотина. А ще один поліцай був, так той вообщє плетками бив людей, так. Так він як утік, так нічого, а старосту через місяць десь поймали десь там у лісі – у тому, в окопі сидів, чи де там. Привели, ми як раз у школі були – уже там школу відкрили, так? А його привели там. Був там у школи сельсовет, а його привели там – старосту. [...] Да, а піймали – отака борода, точно, як оце Пукач<sup>1</sup> этот, і його – де там його впіймали, ми вже не знаємо. [...] Ми з школи уже вибігли, з класу: «О, старосту, старосту впіймали». Так ото ми бачили, а потом у погріб його кинули, і машина приїхала и так він [зник]. [...] Ні, не суда, нічого, видно так, розстріляли десь-то його.

[...] Судили всіх. Даже у нас дівчина вийшла заміж за немца. [...] Коли немци були, так, от. И куди вона там з ним доїхала, я сам лично бачив, як вона вечером їхала з ним, так. Сани такі полугруглі, ізвозчики – вони сиділи вдвох, і наутро то как раз наша розведка йшла. Не знаю, куди вона йшла – чи до Славянська, чи до Краматорська? В общем, через місяць прийшла – десять лет їй дали. [...] Як він ее там покинув, шо там, чи там, не в курсе. Знаю, шо вона прийшла. Дали десять лет їй. [...] Як ото наші прийшли у 42-му году<sup>2</sup>, як раз разведчиків у нас там поселили над асфальтом (*дорогой*). [...] Так они як раз спрашивають же у матери, хто тут такий при немцах жив, був такий, шо служив немцам? – А мати каже: «Та он, як же ж його фамилия? Он, этот, як його, там у нього барани есть, і там його дочка жила з тим, з немцем так, от. И он шас синок тобі покаже». Сідай у санки, прям туди на гору приводю, так. Він дома, хазяїн, був, і жінка була дома, і меньша дочка була, так. Шо то вони там балакали, шо то, от. Знаю, шо зайшли туди, два барана забрали, так, і чи може й усіх остальных. Кажу, шо он коли наши отступили, немцы прийшли, ну, думаю, хана буде мені, розстріляють, доложуть, шо я і привів їх туди. [...] Понятно, ну, у хату их повів, разведчиків, так? Ну, думаю, хана мені, доложуть и розстріляють мене, так? Ну, от, бог милувало, так от.

---

<sup>1</sup> Пукач А.П. – генерал-лейтенант милиции, один из фигурантов громкого скандала в Украине в связи с убийством известного оппозиционного журналиста Георгия Гонгадзе. Находился в розыске. В июле 2009 г. был задержан и взят под стражу.

<sup>2</sup> Респондент имеет в виду зимнее наступление Красной Армии в январе 1942 года, в ходе которого была освобождена и часть оккупированной осенью 1941 года территории Сталинской области.

А там ще й дед, ну, там, на горі, ще й жив і онук, так? Ну, уже вмер, ще кореспондент коли засняв, ще й газета була. Показували, що тільки з моста зійдеш, показували, де міні<sup>1</sup>. Так ото [деда с внуком] засняли и они (красноармейцы) розмінували. І тоді, коли наши одступили, і газета ж [с фотографіями и іменами]. Так от газету десь закопали, заховали, так? Ну, там же написано усе ж, що де, як. Прийшов, хекнув (имеется в виду – донес) и делу конець. Ну, обошлося. [...]

*Гончар Николай Иванович*

\*\*\*

[...] Были [полицаи]. Оставшиеся лица, которые. Дезертиры в основном. Но если копнуть – они говорили – может правда, может неправда, это я уже говорю из более взрослого периода времени, когда уже вырос. А кто ж там кто был, Иван, Петр или Мишка? Ну вот, отец был раскулаченный, тот был из партии исключен, тот сидел – за то, за то, за то. Воровство и все прочее. Ну куда? Полезли в полицаи. Кормили, одевали, давали карабин. Вот он ходил – что хотел, то и делал. [...] Мы боялись больше полицаев. Потому что они ж знали [население]. Немцы нас не знали. И выдавали в основном всех – и евреев, и цыган, и партизан, и подпольщиков – только в основном свои.

[...] Был магазин в период оккупации, и там можно было по карточкам и можно было кое-что за марки купить. Он как раз находился на Ленинском [проспекте], напротив дома, о котором я говорил. [...] И мы с ребятами зашли туда. А он (полицай) стоял. Она что-то, видать, продавала, а он стоял. Вот так карабин висел. Вот так облокотился, здоровый такой верзила был. Ну я зацепился за него, а он как мне прикладом врезал плашмя. Я прямо как собачонок полетел туда. О прилавок ударился и потерял сознание. Вот это с ребятами – с ребятами, которые были, они меня принесли домой. И что вы думаете? Этого полицая я уже после войны встречаю. И я выследил, я даже узнал, где он живет. Я за ним шел, вы знаете, как умалишенный. Он жил на восьмой или девятой Александровке. Я о нем навел справки. Ну и что? Ну и пойдя, говорит, его сдай? Ну я пришел, говорю. Мать мне и говорит: «Да не связывайся, может быть он здесь не один, придут еще и ночью нас всех порешат». Ну и я не стал принимать к нему никаких мер. Не то, что я ему простил. Но я не смогу доказать.

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду, что жившие в селе дед и внук показали красноармейцам заминированную местность. Информация об этом была помещена в газете.

Внушили мне так. Дядя Ваня мой, он член партии был: «Ты ж не сможешь доказать, что он тебя ударил». [...] А вы знаете, что они впоследствии говорили: «Что я был оставлен»<sup>1</sup>. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Все притаились. Все нишком. Они забирали у кого что было, немец один идет, а наших два, три полиция заходят и забирают все, что было, съестное могли забрать и тряпки могли забрать. Немцы, те не забирали, а наши полиция могли забрать. [...]

*Ж. Иван Петрович*

\*\*\*

[...] Знал я несколько человек. Я вам скажу, но мне кажется, что об этих, будем их так называть, новоиспеченных полицейских вывод общий вряд ли можно делать. Ну был тут один паренек. Ну, он так в возрасте – тогда было ему лет 18-19. Вырядился в итальянскую форму, повесили ему оружие, тут ходил по улице и проповедовал: «Вот что вы сидите, надо идти Украину защищать». Украину защищать. Вот такие у него были националистические нотки. [...] Некоторые эти защитники там и остались, под Матвеевым курганом. Там группа была, и, видно, не только из города, а из нескольких областей сформирована, добровольцев украинских. Ну а судьба его сложилась трагично. Он потерял ногу под Матвеевым курганом<sup>2</sup>, где-то живет в Каховке, что ли. Когда он ногу потерял – то ли тогда, то ли, может, в армии. Может его взяли без разбору<sup>3</sup> – не знаю, вот такие дела. Так что жизнь настолько сложна, настолько – боже мой. Что за эти годы прошло столько событий.

[...] А потом второй – мужик уже в возрасте был, пошел в полицию служить. Десять років он получил после освобождения. Ну вот так он никого не казнил, не предал, не избивал. Вот такое дело. Вот это ж вы знаете, все в масштабах моего поселочка. [...] Ну вот об этом человеке, я говорю не о молодом, а о старом. Конечно, говорили,

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду, что ряд лиц, служивших в полиции, шли туда по заданию подпольных организаций.

<sup>2</sup> Населенный пункт в Ростовской области.

<sup>3</sup> Респондент имеет в виду, что после освобождения от оккупации лиц призывного возраста брали в армию. При этом имели место случаи, когда в условиях военного времени, отсутствия возможности провести проверку призываемого контингента в ряды Красной Армии попадали и бывшие пособники оккупантов.

может, даже и в глаза говорили: «Как же тебе не стыдно, здоровый мужик, пошел служить немцам». Смелость, конечно, большая нужна была, потому что как он отреагирует, кто знает? Возможно, сдал в гестапо, там долго не будут [разбираться]. Туда попал и все. [...]

### *Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Ну а потом ходили на вокзал. На вокзал ходили. Наши полицаи тоже убивали. Но я вам скажу: немцы не так издевались, как наши полицаи. Наши полицаи очень издевались. Вот если мы соберем там в Старобешево, идем с сумочкой, ну сколько мы там в сумочку возьмем, через плечо военную сумочку возьмем. Если едут немцы – они еще нас посадят, довезут. Если наши полицаи – еще, как говорится, намывают шею и позабирают все. [...] Не имею представления, почему [издевались]. Почему не представляю. Даже знаю с нашей Александровки был полицай. Но он не такой был. Он был, как говорится. Даже другой раз скажет: «А ну разбегайтесь. Быстренько, быстренько разбегайтесь, пока немцы не нашли». [...] Но я немцев на вокзале мало видела. Наши полицаи ходили. Но я вам скажу, немцы не так издевались как полицаи. Полицаи только – а немцы только вешали. Или ведут пленных – это немцы. Не полицаи. Когда пленных вели, полицаев не было. Вот ведут пленных, мы выбегали все смотрели. А полицаев не было – были немцы с овчарками. Моя мама выскочила – вели. Была санитарка и несла ребенка маленького – откуда он, не знаю. И мама подскочила и дала им. Что было, то дала. Так немец подошел, как дал ей – что она месяц не могла сидеть. Так по заду дал ей. Полицаев не было. Вот когда ведут пленных – полицаев не было, были одни немцы с овчарками. А полицаи, то, что я вам говорила, только в лагере<sup>1</sup>. Немцев мало было. Наши полицаи и били, и расстреливали, и все, что хочешь, делали.

[...] Да, мы кругом [ходили]. И на Колхозный рынок, и это, кругом. Но я вам скажу, что полицай, если торгует, это так, что там вынесла немного продавать, где-то что-то собрала. А которые подводой приезжают, продают – полицай приходит, нагрузил и пошел. Он не спрашивал.

---

<sup>1</sup> Имеется в виду лагерь военнопленных на территории Клуба им. Ленина в Сталино.

ведомства № 7 Штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте  
 карта 500000 1941 г.

По данным партизан, вернувшихся из немецкого тыла.

Режим на временно оккупированной немцами территории.

1. Передвижение из одного населенного пункта в другой разрешается при надобности на это специального пропуска. При этом можно двигаться только по главным дорожным магистралям. Движение по глухим дорогам или тропам приказом немецкого командования запрещается и карается смертной казнью.

2. Чтобы переночевать приехавшему в населенном пункте на временно оккупированной немцами территории, требуется разрешение комендатуры, а где ее нет, старосты. Разрешение на ночлег выдается лицам, предъявившим пропуск для передвижения из одного населенного пункта в другой. При получении разрешения на ночлег пропуск оставляется в комендатуре или у старосты. Лица, допускавшие к себе на ночлег не местных жителей без разрешения местных властей, подвергаются денежному штрафу или телесному наказанию (от 5 до 25 розог, или помпозов). В районах действия партизан, допускающие провозные посторонних лиц привлекаются к ответственности вплоть до расстрела.

3. Лагери военнопленных охраняются не только немцами, италийцами, венграми, румынами, но и русскими полицейскими, выделенными, а также из числа военнопленных /добровольно сдавшихся в плен/, или из русских главным образом /украинцев/. Как правило, там где охрана лагеря состоит из немцев или других оккупационных войск, совершить побег военнопленным не представляется особого труда. Тогда как при русской охране это почти исключено /донбасс/.

4. Вербовка в антисоветские формирования проводится немецкими оккупантами на добровольных началах. Для этой цели немецкой комендатурой вышешиваются специальные отделения, где говорят - лица, желающие поступить в отряды при военной комендатуре могут записаться в регистратуре местной власти/комендатуре/. Помимо добровольной вербовки, немцы прибегают к принудительной мобилизации в антисоветские формирования, путем раскопки повесок, исключительно украинской молодежи в возрасте 16-25 лет /Дружковка Сталинская область/.

5. Вербовка рабочей силы для Германии в начале немецкой оккупации происходила на добровольных началах. Вышешивались отделения, где указывалось, что желающие поехать на работу в Германию должны зарегистрироваться в соответствующих организациях /биржа труда, комендатура/. Только незначительная часть населения записалась, из них преимущественно молодежь, которых направляли в Берлин. Вскоре немецкие оккупанты предприняли насильственную мобилизацию всего трудоспособного населения в возрасте от 15 до 45 лет. Предварительно была проведена перепись населения. Затем посланы повестки для явки на работу в Германию. Все отправляемые на работу в Германию проходили медицинское освидетельствование, а признанные здоровыми направлялись в Германию. Женщинам делали призывки против беременности, от которых много молодых девушек умирали /донбасс/.

Только из Подтавской области насильно вывезено в Германию 8 эшелонов людей /в эшелоне в среднем 1500 чел./ из Каменец-Подольской области вывезено 6 эшелонов людей.

Фото 14. Информация штаба партизанского движения на Юго-Западном фронте о ситуации на оккупированной территории, в том числе и о проявлениях коллаборации.  
 РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1042, л. 18.

[...] Когда мы поехали на вокзал, вот там собираем все. Мы положили сумочки и сидим. А мы сели – как вам сказать, где поезд едет к нам сюда на Рутченково, по этим путям с вокзала. И вот дорога переходила – ехала в город или куда-то в село. Ну как вам сказать, я уже забыла. И вот это мы сядем – сядем это вот. Едут немцы – еще подвезли нас до города. А если полицаи – они еще возьмут, заберут у нас, и мы остаемся ни с чем. И вот в одно прекрасное время немцы [у] нас забрали<sup>1</sup>, а мы сидим, плачем. Едут два немца на подводе. Ну один: «Чего?» – Ну а Юрка – ну уже его нет, царство ему небесное: «Полицаи забрали у нас». – «Где?» – «Вон там». Что вы думаете, они нас посадили на подводу, поехали. И они так – как вам сказать, не доезжая... Не доезжая до переезда, я вот сейчас помню, где заворачивается троллейбус. Как едет, до вокзала не едет, где Бакинских Комиссаров. Не доезжая. Там были дома, тоже маленькие домики были<sup>2</sup>. Здесь и догнали их. Там они их и расстреляли. [...] Даже не стали разговаривать. Расстреляли и отдали нам сумки все. [...] Немец один вышел, слез – и к ним. [...] У них немцы с автоматами ездили. И наши полицаи тоже с автоматами. Ну, один немец соскочил, остановил: «Показывай, что тут». Он стал смотреть и берет. А потом нас зовет. Мы похватали свои [вещи]. А они взяли их и расстреляли. [...] Не знаю, они (*полицаи*) стояли, как ни в чем не бывало. Понимаете, они (*немцы*) когда отдали нам, мы подскочили и отдали нам. А наши полицаи стоят. А второй немец их расстрелял. С автомата сразу. А мы тикать. Тикать. Так что я вам скажу, тут орудовали полицаи в Донецке больше. [...]

**И. Тамара Ивановна**

\*\*\*

[...] А хуже были это что – власовцы, полицаи. А полицаев брали только украинцев – русских не брали. Вот у нас был случай – вот это тетя Вера еврейка, она попросила мать спрятать вещи свои. Ну у нас был сарайчик с углем. Мать дала ключ, чтобы отец не знал. А отец у меня инвалид был – и маме там говорит. Она боялась отца. Ну та ночью што она там прятала – мать откуда там знает, что она там прятала? Ну какие у нас тогда были вещи? А одна у нас видела, Марковна, царство ей небесное. И заявила – и два полицаи пришли и отца под ружье: «Говори, где вещи еврейские». А отец то не знает.

---

<sup>1</sup> Респондентка оговорила – в контексте данного фрагмента интервью она должна была сказать «полицаи».

<sup>2</sup> Вероятней всего, это произошло в Куйбышевском районе Сталино.

Мать плачет, мать плачет – боится ж сказать. И отец бледный стоит под этим [ружьем]. [...] Полицаи. [...] Они потом жили после войны. [...] Я только жалею, что мне мать не сказала ихние фамилии. Мне говорит: «Нина, я их видела». – А я говорю: «А чего же ты не сказала мне». А потом мать уже плачет, детей нас собрала и говорит: «Вот ключ, вот там она что-то прятала». Они (*полицаи*) принесли эти 2 чемодана. И что там было? Шапка цигейковая, шапки, потом покрывала – ну мерсель эта, галоши – сразу на себя одел, галоши, галоши новые. Галоши на себя одел. Там ничего такого, что что-нибудь. Как сейчас там золото или еще там что-нибудь. Ничего там такого не было. Так они оставили эти чемоданы: «Вечером мы придем, заберем». Покрывала, мерсель. Ну по тем временам, может, она и ценная была. И пришли вечером, забрали эти чемоданы. Так это что, немцы? Это же не немцы. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Менять ходили, жизнь была тяжелая, съездил брат – опять зерна нет, опять менять. А вообще полицаи больше наши [мешали]. Раз поехали менять – раз, и забрали у нас хлеб. Полицаи забрали. Не немцы, полицаи. Наши еще хуже были, предатели эти. [...]

*К. Вера Максимовна*

\*\*\*

[...] Я фронт хотел переехать, перейти, и вот зимой в 42-м году перед Сталинградом. [...] В 42-м по-моему, нет, с 42-го на 43-й я хотел эшелонном переехать. И доехал я до Гниловская<sup>1</sup> Краснодарского края. Дальше уже нельзя было ехать, так как отступали они, уже Красная Армия давила их. Окружили Сталинград, там сильные бои были. [...] И потом тут полицаи. Как мне удалось, что я смог вырваться и драпануть? Иначе там они сразу бы расстреляли, полицаи. Там казаки, казаки полицаями. Ой, вредные были, ой! Многие за немцев воевали, и в полицаи пошли. Но я вижу, такое дело – и ходу оттуда. [...] А они не считались: «Чего ты туда на фронт?» Они понимали, что, значит, хочешь перейти, чтобы против них воевать. И чем ты докажешь, что ты не партизан? «Вот, – дескать, – партизан ты», – и хоть ты молись тут, хоть землю ешь.

---

<sup>1</sup> Очевидно, имеется в виду станция Гниловская в Ростове-на-Дону.



[...] Куликов полицей был. Пришел как-то раз. [...] Бросил работать я на «Новомушкетово»<sup>1</sup> и вот менять поехал. Приехал когда с менки. В окно [смотрю]. Мать говорит: «Ховайся, Куликов идет, полицей, с каким-то [человеком]». Так я за грубу<sup>2</sup>, накинута она на меня тряпье. «Де твій син?» – приходит. – Она говорит: «Да поехал менять, где он». – «Де він?» А я все слышу из-за этого [печи]. Он пришел, посмотрел. Ноги мои – хорошо, что я втянул, так бы он увидел ноги. И так я спасся. И он: «Менять – значит менять», – и вышел и ушел. [...] Ну что, арестовал бы и плетки, плетки [если бы нашел]. Он драпанул. И больше неизвестно где он, что. Даже при оккупации на Мушкетово я дружил с одним. Степушкин Миша. Он в полицаи ушел при оккупации и тоже туда драпанул, и с концами. Где-то пристрелили, наверное. Миша Степушкин в полицаи пошел, а токарем работал со мной в этом цеху, втором механическом. Токарем. [...] Я догадываюсь, почему [пошел в полицаи]. [...] Они сюда приехали, на станции Мушкетово жили. Их раскулачили, видимо так. Отец уже пожилой был, они сюда приехали. И скрывали, что они из богатой семьи были. У него еще было 2 брата здесь, и он, и отец. И жили там возле клуба Артема. До этого там была церковь. Они жили, Степушкины. И вот иной раз разговаривали, отец все недоволен был Советской властью, что раскулачили, что туда-сюда. Ну что, все это уже история, уже ни вернуть, ни поправить, ни отнять, ни добавить. Это уже история. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] Староста у нас был на поселке. Пантюшенко у нас старостой был. Потом староста у нас еще один был, это у нас на Пролетарке<sup>3</sup>. И один – я забыла его фамилию, но злой, наш, местный. Вы представляете? [...] Того старосту забрали, как только наши вошли, сразу забрали, арестовали. А этого нет. Ну, люди ж говорят: «Как, такой зверь?!» А оказывается у него племянник в НКВД был. И так его... Пантюшенко забрали в тюрьму. А этого я уже и не помню. Забыла, как его звать. И говорят люди: «Как это так, этот такой плохой, издевался над людьми, а его [не арестовали]». А потом раскрылось, что у него племянник в НКВД. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

---

<sup>1</sup> Шахта «Новомушкетовская» в Сталино.

<sup>2</sup> Печь.

<sup>3</sup> Поселок шахты «Пролетар» в Сталино.

\*\*\*

[...] Вот то, когда немцы пришли, начали выбирать наших полицейских. У нас там Беляи были, 2 брата, полицейские. Они власть держали. [...] Они сразу сообщили, что «мы ж раскулаченные». Пошли в полицию. [...] Ну те, кого раскулачивали при Советской власти. А раскулачивали кого? Ну, имели кирпичный завод. Там у нас Харички были такие. Тот имеет мельницу. Тот то... Пораскулачивали и забрали в колхозы. Лошадей держали, коморы там под пшеницу. Вот это были раскулаченные. Ну те Харички, Юрий Иванович и ихний сын, он на Красный Хутор уехал. А был в колхозе, в этом же колхозе, в своем доме – колхозная контора была. Он был там бухгалтером. Грамотный мужчина, умный! Но он отдал все (*при коллективизации*). Он видит, что тут не попляшешь. Очень много неправды было и тогда. Но люди добрые были, хозяева были, эти Харички. У них кирпичный завод был, черепицу делали. Двор хороший, а после стал колхозным уже этот двор. Золочевские – тоже были и овцы, и мельница была. Ну, люди те, которые промышляли, трудились, что-то делали, чтобы можно было жить. [...] У нас двое Беляив, меньший Золочевский. Ну, человек 10, может быть [было полицейав]. Плохо [относились к людям]. Беляевы – те плохо. А Золочевские неплохие были люди. [...] С Золочевским даже мы в школу вместе ходили. И меня тянул в полицию: «Иди в полицию». – А я говорю: «Нет, не пойду. Не пойду». И не пошел. А он пошел. [...] Да, были люди, которые именно после того, как нас оккупировали, в то время, они почувствовали, что вроде ихняя власть пришла. Понимаете. А некоторые относились очень хорошо к людям, и не старались забрать свое, такие, как Харички. Свои владения при немцах. Так они и остались. Не стали брать. Думали: «Да бог его знает, что будет завтра». [...]

**К. Иван Егорович**

\*\*\*

[...] А потом, когда я как раз был на огороде, он (*полицай*) мне предлагал идти в полицию. Говорил, что там платят, и так далее, и так далее. А я, дурной, спросил: «Пойти в полицию людям руки крутить?» Ну, я не знаю, как оно обошлось. [...]

**Кубышко Николай Сергеевич**

\*\*\*

[...] Некоторые возили менять, а другие лучше жили, которые у них отбирали. (*Смеется*). Каждый по своему жил. [...] Здесь у нас,

например, на «Лидиевке»<sup>1</sup> я знал четырех полицаев. [...] Игнатина помню. Ну этот уже никогда никуда не денется, потому что он меня забирал. (*Смеется*). А потом отсидел 15 лет. Приходит: «Ты меня узнаешь?» В пивной. Так я его кружкой. (*Смеется*). [...] Кружкой по черепу. [Забирал] в полицию, куда ж еще. [...] За то, что доски украл с сарая. Там сарай разбирали. Ну так и я несколько досок оторвал и принес домой. (*Смеется*). [...] Донесли. Ну а он в полицию. А он был сотским. Он не полицаем был, а сотским. Ну а полиция – пришли, забрали. (*Смеется*). Меня, Сашку Глыбаченко, Николая Жигулина, Любку Кошеленчиху. Потом Новикова. Ну, Новиков – дядька Новиков был. Шаповалова Володьку. И нас всех собрали и отогнали туда на Петровку<sup>2</sup>. [...] Там полиция вся была. Это было как раз во время Гришинской паники. Может, читали, Донбассовский Сталинград. Вот когда хотели отрезать через Красноармейск? [...] Вот в это время паника тут была. [...] Они все поудирали. А здесь все оставили. И нас туда. Так немец сам смеялся над нашими полицаями. Наши полицаи приходили. Шаповалову 5 плетей или розог. Кошеленчихе – три. Сашке, как его, Глыбаченко, – тоже три. Жигулину Николаю – тоже три. Мне одну – я моложе всех. (*Смеется*). Я моложе всех был. Но крепко тоже. Через фуфайку тоже. [...] Немцы и так смеялись. Два немца стояли и «Russische schwein»<sup>3</sup> говорили. [...] Население старалось обходить этих полицаев, не показываться им вообще. [...] Ненавидели. Воевать против немцев некому было, а служить немцам было кому. Конечно, ненавидели. [...]

*М. Алексей Михайлович*

\*\*\*

[...] Наши хуже были. Знаете, когда немцы зашли, а наши ж были полицаями. Наши люди, соглашались, были полицаями. Вот у меня отец был – он же был партийный, он и партийную школу тогда кончил или как, забыла, как называется. И парторгом работал, и председателем работал – вообще, знаменитый был. Они (*полицаи*) над нами издевались. Зашел, теленка того несчастного взял со двора, взял и повел. Как вы думаете? Мы голодные сидим, хата разрушена, все нет ничего: «Так им и надо». На маму хотел же ж: «Сейчас застрелю». Он так вот нацелился, она в обморок упала и за врачом бегали и все. А мы

---

<sup>1</sup> Поселок шахты «Лидиевка» в Сталино.

<sup>2</sup> В лагерь для гражданского населения, располагавшийся в Петровском районе Сталино.

<sup>3</sup> Русская свинья (*нем.*).

ж плачем – пятнадцатый год мне шел тогда. Не знали, что делать. [...] Лазили по сундукам – а у нас ничего в сундуке не было. У отца портфель был, так вот и все. А костюмы по 12.50 вот тогда, знаете, серенькие были. Ну вы молодой [не знаетет]... И вот председатель – нет ничего, ни хаты. Погреб заваленный, вообще завалился. Не было. А председателем был. А только, только для колхоза все. У нас Якунин Николай Николаевич был полицаем. А то он наш, я его не знаю, он в городе жил, а как война началась, он пришел. Чи раскулаченный – можно было свою хату. А полицай, вот этот Николай Николаевич, он хотел маму нашу застрелить, ну не застрелить, [попугать]. Целиться начал – она в обморок упала. И долго лежала, врачах там спасала. А мы кричали, маленькие, плачем же. [...] Он ушел. Он долго жил, на шахтах здесь скрывался. Его там люди уже и видели, а так не приходил домой. [...] Он скрылся. А другой полицай – его Василий Васильевич, это мой дядя – его (*полицая*) застрелил и в колодец кинул. Колодец он сухой был, но только обложенный камнями и все. Так он взял его застрелил. И другого он застрелил. Из другого села, он приезжал к нам выпивший, ездил все тут меду набрал, бидон меду. А дядя мой убил. Это грех моему дяде – двух убил. И тоже его кинул. [...]

*Н. Клавдия Акимовна*

\*\*\*

[...] Ага, ну заодно скажу, что после войны у нас был Грищенко Николай, староста. Он не староста, а помощник старосты. Когда наши вернулись домой, так сам староста – я не знаю, куда он убежал, не знаю. А этот никуда не трогался, его и не судили. Он что делал. Вот когда урожай убирали, зерно-то немножко давали за работу, тем, кто работал. А по ночам, когда не было основного старосты, он говорит: «Ну, все там получать хлеб». Ну, человек 10-15 ночью идет на ток. И давал хлеба, сколько кто возьмет зерна. И когда наши вернулись, его даже не судили. Побеседовали с ним просто. А полицаяев там судили.

[...] У нас был свой один полицай, сосед мой. Момот Емельян. [...] Я знаю, что он работал до войны у нас на «Лидиевке», на шахте. [...] Он перед войной сюда, или во время войны, видно, из города скрываться приехал. До брата. Я вам что хочу сказать. Какой он был – хороший или плохой – я не могу сказать. Потому что у них был такой стиль. Из того села у нас дебоширили, а наши в том селе дебоширили. [...] Вот люди едут менять. Из города едут выменять или пшенички, или чего. Кушать-то. Тогда же голодали все. А они там в конце леса под селом Богоявленка встречают их, отбирают все, эти шмотки. Было

такое. Ну, короче говоря, когда наши вернулись, он был дома, никуда не выезжал. Ну его судили, десять лет ему дали, он отсидел и пришел. Но своему сыну он всю жизнь испортил. Он не мог никуда пробиться – сын полица. И вот он, сын, до сих пор живой, лежит парализованный. Ну, видите, он, конечно, не в ответе за отца, но ему жизнь испортили. А хороший он малый был. Он трактористом был. Вот даже бригадиром его не могли поставить. А сам он хорошо разбирался. Старосту вот – про того старосту я не знаю. А вот заместитель его, Грищенко Николай, что был – его не судили. Никуда не брали. Вот так, видите. [...]

### *Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] Друг у меня был хороший, комсоргом был последнее время, а потом стал полицаем, немцы вступили, и он стал полицаем. Я говорю: «Степан, ну что же ты так, а вдруг наши вернуться?» – А он говорит: «Куда им там вернуться?». Он полицаем был при немцах, редко мы виделись, он избегал меня. [...]

### *О. Владимир Анатольевич*

\*\*\*

[...] Забрали корову, забрали поросенка, забрали зерно, какое было на чердаку. Была картошка закопана в яме для посадки – весной только открыли картошку садить. Сосед тут же доложил, что открыли яму. Приехали, забрали картошку. [...] Да, забрали всю. И на посадку не оставили. Правда, полицейский был – Ревуцкий некий, он в Америке умер, вот тут он жил на том бугру. Так мать: «Петро, ну дай хоч 2 ведра картошки посадить». – Он: «Ну ладно, нікому не кажть». Дал 4 ведра картошки нам посадить. Выдали, свои же. Вот то и все. А то все позабирали. Ну начальник полиции тут был, он бывший офицер белой армии. А жил он у нас. Тут была медсестра – некая Марта Андреевна, медсестра. Вот тут, где Ксения Воронова живет, здесь и была больница. И он жил. И вот она работала медсестрой – тогда таких людей было мало, а он козочек пас. Так мы все его и дразнили – Козюда. [...] Так он оказался офицером белой армии и сразу стал начальником полиции. [...] Я не знаю его фамилии, и не знаю даже, как и звать. Так он у меня все ходил вокруг меня: «Ну, ты все таки признайся, ружьишко в тебе є». – Я говорю: «Нема». – «Не може ж быть. У батька було ружьечко». – Я говорю: «Не було». Раза 4 приходив до мене додому, все тягав: «Ружьечко в тебе є чи нема?».

Вот то на таких они делали влияние. Ну вот, кроме всего вот того – полицейские. Чуть не каждый день едут. Мы там на бугру жили, смотрим: снизу идут с повязками. Ну все, це ж тільки до нас. Приходят: «Давай сало». Вот то кусок сала, десятка 2 яиц. Что было, позабирали. «Самогону?» – «Нема». – «Зроби». – А тогда ж самогон робили из буряка, сахара ж тогда не было. Ну вот то и вонючего самогона им. И вот то идут, и идут и [идут]. Ну что ты сделаешь?

[...] Значит, Козюда, насколько я знаю, и староста Ревуцкий. Когда нас освободили, я был в армии, я не знаю, но мне мать моя рассказывала, что приходило письмо, ее вызывали на Кавказ – в какой город, я не помню – дать показания, что они действительно грабили нас. Козюда и Ревуцкий были там задержаны – они хотели переправиться в Турцию. И вот там их вроде задержали. Ну и вот тут был один родич наш – он военный, или в КГБ служил, где-то там. Она пришла к нему: «Что мне робить, вот пришла бумажка». – А он кажет: «Ничего не делать». – Она говорит: «Це ж гроші, треба їхать». – Он говорит: «Давайте напишіть, что у вас забрали, и отправьте письмом». И она отправляла письмо. Значит, они там, видно, задержаны. Ну а остальные полицейские – один из них попал аж в Америку. И я вот недавно встречаю его дочку и спрашиваю: «Ну як же Петро, батько твій?» – Так она: «Нема уже его. Я, – говорит, – с ним и переписывалась, и по телефону даже разговаривала». А тоді в последнее время, в позапрошлом году, что ли, позвонила туда, а там другой, видно, тоже такие же, отвечает, что его нема. – А она говорит: «Да ты не ври «его нема», я слышу, он кашляет». – А он говорит: «Да он уже доходит». Так он и умер там. Вот то один из них попал туда. А потом Омеляненко тут был полицейский – тот приходил, домой сюда прибежал. Пришел в обед, до вечера побыл, и наутро смайнал (*убежал*), чтобы люди его не видели. Ну, наверное, тоже уже умер. Одни, говорят, дали ему «десятку»<sup>1</sup>, так вроде его медведь разорвал в лесу. И не вернулся. Значит, один дошел вроде до Львова с немцами, а потом там остановился и его там призвали в Советскую Армию – полевой военкомат – и потом через, наверное, месяц пришло письмо, что погиб. Значит, видимо их в бой взяли. Ну, а так они разошлись. По сути дела вот двоих мы знаем – один вернулся, одного медведь разорвал, один в Америке. Полицейский, начальник полиции – на Кавказе задержали. И так они распозлись.

[...] У нас тут одна была семья – мать жила с хлопцами здесь. [...] Отец их бросил и жил не то в Харцызске, не то в Иловайске – где-то вон там. А потом как немцы пришли – эти 2 хлопца пошли в

---

<sup>1</sup> Приговорили к 10 годам заключения.

немецкую армию. [...] Добровольно. Ходили тут в форме, все. Где они тут служили – не знаю. А потом уже, когда наши освобождали, так они попрятались там на той стороне в чагарниках. А самый меньший их брат, Гаврюшка, понес им гражданскую одежду, чтобы они переоделись. Так того Гаврюшку немцы убили, когда он нес им одежду. Ну а они остались. Ну а потом пришло, освободили нас – их, конечно, забрали, этих хлопцев. Проходили они свою комиссию специальную – ну и не знаю, потом их освободили и они были на воле. И это из них один приезжал ко мне в позапрошлом году. Сидели мы так, беседовали, я говорю: «Володя, ну ты скажи, как ты попал туда, до немцев?» – А он говорит, что нас сагитировал Козюда, вот этот начальник полиции: «Собрали нас, я мол – вот так, идите туда. [...] Сагитировали, начальник полиции [сказал]: «А то мы вас отправим в Германию, вам будет хуже». Так, вроде на устрашение взял, и они согласились. [...] «И мы в автороту пошли, служил я в автороте». – Я говорю: «А как же наши вас пустили, по десятке вам не дали?» – «Нас, – каже, – батько спас». Батько, оказывается, был коммунист и был оставлен тут руководить партизанским движением. И он, вроде бы специально направил [детей] в немецкую армию. И какой-то там капитан с ними в немецкой армии был – руководил там взводом или чем. Так он, вроде, связь с его отцом держал. И вроде это капитан их на комиссии защитил: «Да, это было так». А фамилия их... Жаботинские, Владимир и Виктор. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] Мы до войны жили богато<sup>1</sup>. Дедушка большой сундук оббил жостью, выкопал в коридоре яму, поднял полы – туда сложили все: варенье, топленое масло, подсолнечное масло, материал, вещи, обувь, валенки, мыло, галоши – все, что у нас было на всякий случай, на случай бомбежки, пожара. На второй день, как вошли немцы, дедушка ушел за водой. Было холодно, в доме горела печка и было тепло. Я сидел у окна и смотрел в окно. Вдруг в окне появляется морда в каске и автомат тычет в окно. Мимо его проходят немцы и вдруг врываются в дом. Высокий немец побил меня и выбросил с крыльца в сад. (*Плачет*). [...] И выбросил меня в сад. Я вернулся и схватил сестренку – она испуганно плакала. Подошел к беседке, где стая немцев направила на нас автоматы. Они начали обыск в доме, во

---

<sup>1</sup> В ходе беседы респондент использовал рукопись своих воспоминаний об оккупации.

флигеле, на чердаках, весь дом тыкали щупами, а потом стали подрывать полы. И когда обнаружили сундук – заставили бабушку открыть – видно боялись, что там граната, крышку. И когда увидели, что там – все унесли на машины. Переводчик – видно, был хороший человек, видя двух малых детей, незаметно бросил 2 куска хозяйственного мыла и 2 банки литровые варенья в сторону. Когда переводчик сказал немцу, прочитав, что мама певица, он сказал, что вы культурный человек, мы несем вам «новый порядок» и у вас по доносу ничего нет. Что мы не виноваты, что благодарите своего соседа номер 15 Гладкова. Забрали маму и отпустили только вечером. Таким образом мы стали самые бедные на улице. Когда дедушка через 3 или 4 часа вернулся домой с водой, то он схватил топор и побежал к Гладкову, но мужики не пустили его. Гладков, оказывается, встречал немцев с делегацией и написал на нас донос, что здесь партизанский штаб, что здесь склад оружия, что мы семья командиров. У Гладкова было 3 сына и все они были в добровольческой немецкой армии, ходили в немецкой форме. Сам Гладков был баптистом и к нему во двор на моленья приходили члены секты. Но не только мы от него пострадали. Через дом вверх по улице жили Пищулины. Их сын вместе с младшим сыном Гладкова залез в немецкую машину и обворовал ее. Их схватили. Гладков, как сотрудник немцев, выручил своего, а Пищулина повесили. Гладков ушел с немцами при отступлении. Но его нашли и судили. И так мы стали самые бедные.

[...] Полицейские. Полицейские все были, как правило, сволочи. Значит, люди, конечно, разные по своему внутреннему убеждению и характеру. Кто ненавидел Советскую власть, потому ее было за что, между прочим, ненавидеть, Раскулачивание – сколько на Украине было настоящих земледельцев, которые трудились день и ночь, а их выслали в Сибирь, поумирали. Это ж мы теперь знаем. Это ж правда. Не может же этот человек любить Советскую власть – это же понятно. Это же геноцид, это голодомор – это же доказано. Что Сталин вообще был деспот и вообще ужас. Поэтому сказать, что он *(такой человек)* сволочь [сложно]. Может быть, с его стороны он был прав, потому что он ненавидел Советскую власть. А другие, которые, может быть, не пострадали, все равно, хоть и боялись, хоть, может быть, и не любили Сталина, может быть, но во всяком случае не высказывали это. Потому что все боялись. И вообще ж тогда ужас, что творилось. Какому-то негодяю захотелось забрать или квартиру, или дом или еще что... Писал донос – не проверяли, хватали, сажали. Это же было, куда ж денешься от этого. Поэтому однозначно относиться к предателям трудно. Одни ненавидели Советскую власть, другие, потому что идет борьба за выживание, шли служить. Другое дело – полицейский



полицейскому разнища. Один ненавидел и старался выслужиться, и мог и убить, и мог и побить. Я помню на бульваре Пушкина, или где, мы бегали, вот там, где копали наши – не знаю, то ли пленные или не знаю кто. И немец или полицейский – прямо лопатой лупил одного, лопатой бил, как скотину, человека. Это о чем говорит? Нужно еще обладать определенным характером. Можно даже и пойти, можно даже ненавидеть Советскую власть, но понимать, что человек-то простой не виноват. Он же не виноват? Другое дело, если поймали того, который, допустим, расстреливал и он, ненавидя власть, скажет: «Вот ты, сволочь, расстреливал, я тебе дам». А если просто человек попал в плен – надо же было это понимать? Издеваться – издевались. Разные были полицейские. В основном, конечно, полицейские были не очень хорошие. Можно так сказать. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] А так, у нас, например, когда освободили, вы не видели, а я видел. Ленька (*обращаясь к присутствующему при беседе знакомому*), когда-нибудь покажу акацию там, где аптека и детсадик. Там 2 акации стоят. Там, значит, добровольцы, они какие-то елдаши, казахи или кто другие. Там контора была до войны – там одного полицая убили. И знаю кто, женщина. Значит, пленный какой-то. Ну, в то время бабы тягались (*жили с другими*) – мужиков-то не было. И у них был. А полицайи пришли и забрали этого мужика, а он здоровый. А там один [полицай] остался, а другой куда-то ушел. А там карабин стоял – а тот же (*пленный, который жил у женщины*) не дурак, берет карабин и бьет того по мозгам. Убивает, и сам уходит. Так вот из-за чего они партизанки сейчас. Кушнуриха, Клавка.

[...] Значит, идут ребята наши, передовая (*передовые части*), прямо идут с автоматами, на них плащ-палаточки. Молодые ребята. Девятого числа<sup>1</sup>, утром. Донецк же освободили восьмого, а у нас, на седьмую колонию, зашли девятого. Мы же вышли. А когда шли возле детсадика, эти 2 брата – Борис и Николай – я даже знаю, и в чем одеты, даже расскажу. У Бориса пистолет, он жил с Тamarчихой. И дочка у него – ты знаешь, Тamarчиха (*обращаясь к присутствующему при беседе знакомому*). Один в школе у той, а тот в нашей аптеке, добровольцами были. У них подсобное хозяйство, лошади были. Добровольцами были у немцев. [...] Преимущественно как полицайи [служили]. И вот значит – в кого-то он там стрелял. А эти ребята

---

<sup>1</sup> 9-го сентября 1943 года.

(красноармейцы) идут – ну что ты, передовую из пистолета побьешь? А они (братья) раз – и в подвал. Возле детсадика был подвал и сейчас, наверное, там стоит. Заскочили в подвал, закрылись, а они же выстрелили. А эти ребята подходят, значит: «Открывай». – Они не открывают. – «Открывай, а то сейчас гранату бросим». Они открывают, а тот Николай показывает – родные два брата! «Это не я, это Борис стрелял». У того не было пистолета, а у этого пистолет. Кого он хотел побить – передовую хотел побить из пистолета? Берут, подводят туда, где акации. Когда-нибудь будешь мимо идти – и там на самом углу стоят акации. И, значит, ставят их. Я лично видел, как их расстреливали. Командир передовых ребят, постарше, говорит: «Раздевайтесь». Крайнюк берет костюм, кто-то там фуражку, туфли. Остаются в одних трусах – я даже видел, один в красных, другой в белых. Красные и белые трусы – ставят их: «Кто доброволец стрелять?». Ну, человек 15: «Я, я, я». Стали в ряд с автоматами и кто куда: кто в голову, кто в сердце. Из автомата делали по одному выстрелу – ба-бах и нема. Они лежат. Лежат день, лежат два, лежат три. Василий Васильевич уже был парторгом на шахте, власть восстанавливал – тогда же надо было кому-то. Ну, пришли, нет же никого. [...] И, значит, лежат день, лежат два, лежат три, лежат четыре, а это же сентябрь месяц, жарко, такая погода. И я же не раз ходил, лежат в трусиках вот такие вот, как лошадь раздувается – там воздух – может быть. Приходит Василий Васильевич, власть восстанавливал: «Что же они лежат?» Кому убирать? Ты будешь его убирать? А он говорит: «А чьи они?» Он говорит: «Живо за Топорчихой». А Топорчиха уже забрала костюм у Крайнюка Пети, пришла и говорит: «Я ему только купила новый костюм». А там костюм – я знаю даже сколько стоил – 15 тысяч, при немцах. Масло четыре с половиной литр стоил. И марки были, и то... Моя мать торговала маслом, была сельмачихой – надо же было жить как-то. И вот он говорит: «А чьи это?» А люди же знают, говорят: «С Топорчихой жил». Вот этот Николай, и Борис на станции. И вот Топорок, дед, приходит с коляской, погрузил его. А вот дорога была грунтовая, на переезд. На это кладбище поехал, выкопал канавку и их туда – бу-бух – и закопал. Это были добровольцы. [...] Узкоглазенькие такие. Ну они в нашей армии были, а потом добровольцами пошли. [...] Это передовая, и он стрелял в солдат. Впереди них никто не прошел, они первые шли. [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] Идем, смотрю, двое. А у нас в горном техникуме образовался Туркестанский батальон, как их называли<sup>1</sup>. Идут 2 туркестанца. Мы их ненавидели. Немцев мы ненавидели, а их как предателей считали. И подходят к нам – Мария Голубенко, я, Клементьева Мария стоит и Ксения Комарова. Говорит: «Что девочки, скучаете». – Я говорю: «О каком веселье вы говорите, когда война идет? О каком веселье может быть разговор». И тут наш самолет. Мы уже по гулу самолеты отличали, какой идет. А он говорит: «Ну, Сталин вам шоколадки посылает». – Я говорю: «Это не нам, а вам. А вас Гитлер купил за шоколад, Сталин решил подкормить. Кушайте на здоровье», – так, с ехидством. По молодости конечно. А он давай руки выкручивать: «Пошли в комендатуру. Язычок у тебя острый». Тут меня прорвало: «Предатели. Предали свою родину, свой народ, предали». Я говорю: «Иди, если тебя...». А этот (*его товарищ*) стоит в стороне и молчит. А он выкручивает. А эти ж патрули уже подходят. Он говорит: «Отпусти девчонку, она тебе правильно сказала. Смотри, патрули идут». – А подружки: «А вы не обращайтесь на нее внимания». Показывают (*крутят у виска*). – Я говорю: «Чего вы из меня дурочку делаете». Чтобы он отпустил. Он руки выкручивает, назад, в комендатуру. А мы знаем, как в комендатуру попадать. Ну отпустил, так что-то злобно говорит. Он (*товарищ*) его за руку [взял] и пошел. Эти патрули меня выругали. [...] За то, что я в скандал с ним полезла. Надо было молчать. Не нужно было.

[...] И потом уже в 43-м году донские казаки, или с Краснодарского края [...] на квартире стали – один Леша, а другой Роман. Лешка как боялся. Они шоферами были. И они, видно, штурмовики были, в коричневой форме в конторе. Мать еще у них высевки купила – они или уворовали, все. Не муку, а высевки. Мешок там за сколько купила. А Лешка очень боялся. А Роман – ненавидел: «Я б большевиков я б давил их». Он раскулаченный был. Но они – вот уже отступали – принесли французской пудры и несколько коробок дали. Потом мать их продала – мать же не пудрилась, не красилась, ничего. [...] А куда Роман делся [не знаю]. А Лешка говорит: «Я не могу он него сбежать. Не могу. Он за мной следит».

[...] И еще – когда наши пришли, с Павловки пришла одна женщина. Говорит: «Антоненко<sup>2</sup> не вернулся с эвакуации?» – А мать говорит: «Он же умер. Его убили». – А она говорит: «Он мне так

---

<sup>1</sup> Вероятней всего, речь идет о 450-м туркестанском батальоне, находившемся в конце апреля-середине июня 1943 г. на переформировании в Сталино.

<sup>2</sup> Прокурор, живший по соседству с респонденткой.

нужен. Мою дочку арестовали». – А мать говорит: «За что»? – Они (*женщины в селе*) убирали поле свекольное. [...] Подбили самолет. И летчик один [спаслся]. А немцы видели и знали как. Они (*женщины*) закопала его в листьях зеленые, обрезали ж. Это видно октябрь месяц, 42-й год. И когда немцы наехали, спрашивают: «Что вы видели»? – Они говорят: «Ничего не видели». А она (*дочка женщины, которая пришла*) взяла и показала, на эту [кучу листьев]. Показала – его выволокли, увезли. Значит, уничтожили его. И когда наши пришли, на нее женщины заявили, которые с ней на поле работали. А это мать пришла: «Я хочу, чтобы Антоненко помог. Она ж невинна, что ей оставалось робить». Когда они спрашивали, девушки: «Нет, мы копали, мы не видели, мы чистили». А это гурт большой был листьев. А мать говорит: «Уходи, и больше сюда не ходи. Такая, как ты, и мою дочь предала<sup>1</sup>. И больше не ходи. Адрес Антоненко я тебе не дам». А Антоненко еще в эвакуации были. Они сразу ж нам писали. И говорит: «Больше не приходи». Я не знаю, как дальше судьба. И когда вот эти погибли 13 на Угледаре<sup>2</sup>, мы уже знали, что они отбивались до конца. И опять же выдали. Кто-то пожадничал. Нашли ж парашют. А там же на мосту проверяли. И нашли. Тоже ж они рассказали. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] Та нема вже в живих полицаев. Ні одного, ні другого. Одного сразу вбили, [...] а цей вже. Це не так давно він і умер, він же старше меня був. Годов 6 как умер. [...]

Понимаете, такой в нас був народ. Нема кому было заявлять. Всі знали і то, что он полицай: «Вот то он, падло, нас виганяв, ото такой». І було, Вітька тут робив, син його, шофером. [Спрашивал]: «Ну, Кузьминична, як там батько?» – «Та, – кажу, – не надо вспоминать». – Він: «Мені ото стыдно, як почув, що він [полицаем был]». Ну так що, война була. [...] Мне только брат сказал: «Так що ж вы мне не сказали сразу, я б его задавив, паразита». Ну, так не хотелось неприятно [стей]. [...]

*Сало Варвара Кузьминична*

\*\*\*

---

<sup>1</sup> Сестра респондентки, Зинаида Полончук, была членом подпольной организации, занимавшейся спасением советских военнопленных в Сталино. Организация была раскрыта в результате предательства, подпольщики погибли.

<sup>2</sup> Имеется в виду заброшенный в мае 1943 года на территорию оккупированной Сталинской области отряд под командованием М. Трифонова («Югова»). Часть отряда после высадки была обнаружена и окружена, десантники погибли.

[...] Полицаи были хуже, хуже немцев. Вот, например, в Федоровке<sup>1</sup> молокозавод был. [...] И, значит, там водичка, сыворотка, от сыра оттоплена, вот. И стояли понад асфальтом тачек 100, может быть и больше [продавали сыворотку]. Каждый идет – окромя воды что-то более существенное [везет]. И как начали разбежаться кто-куда. А нас направил один: «Вот сюда езжайте, и здесь вы пройдете свободно, никто вас не тронет». Мы поехали и приехали как раз к полицаям во двор. Ну что: «А, вот они». Взяли забрали у нас и все. Ну, мы клянчили, клянчили – а мы уже оттуда, с менки ехали. У нас там кукуруза, что мы могли? Я, например, ничего менять не мог. Расчески алюминиевые, гребешки, вилки, ложки алюминиевые, соль покупали в городе, в Сталино. Ну что там у нас было – ведра по 3, по 4 может быть? Ну взяли, забрали. И под вечер дали нам по ведру. [...] Кукурузу с пшеницей – что-то такое: «И идите, чтобы вас не было. Бо и это заберем у вас». [...] С трех ведер ну что там – ведро [отдали]. И то ведерко такое [маленькое]. Есть 12-литровое ведро, а то восьмилитровое, вот такое вот. И вот так меняли, ездили. [...] Считали, что это слишком накладно будет, идти в полицию [жаловаться]. Может быть, кому-то и помог, а что я вот такой был ростом? Что я пойду до полица. Да он ходит с дубинкой, ходит с пистолетом. Я выйду – он меня как долбанет по шее, так и... Нет, то отпадало. До старосты ходили здесь, староста был. Ну что, он выслушает: «Ну ладно, иди, разберемся». И все, и на том кончается. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] Среди полицейских, сколько мне встречалось, если можно назвать 2-3 объективных, и то их увольняли. Увольняли. В основном это были пьянчужки, в основном. Это люди обиженные на власть – это были начальниками. А вот эти все, что выполняли грязную работу, это все деклассированные, трубочисты. Вот лежат бомжи – это такая категория. Все время заквашенные, в кармане бутылка самогона кукурузой заткнута. Самогон мутный такой, из картошки или из свеклы, сахара то не было. И они, они у людей вызывали отвращение почему? Потому что все знали: всю грязную работу выполняют они. Все понимают прекрасно и прошли через это. У нас сосед был, он умер, его подозревали в связях с партизанами, задержали, он потом

---

<sup>1</sup> В Сталинской области было несколько населенных пунктов с таким названием. Возможно, речь идет об одноименных селах в Великоновоселковском либо Володарском районах Сталинской области.

рассказывал. Его так били, причем полицейские: немцы уходили, не могли смотреть. Потом они видят, что он умирает – его выпустили, он через месяц умер. Все отбили свои же. «Швайне рус», – немцы говорили. Свинья русская. [...] Даже у них это вызывало садистское отношение. Потом вот эта продажность. Сейчас взятки, говорят, а тогда. Ты принеси ему что-нибудь, он тебя расшибется, выпустит. Или скажет: «Ну это надо со старшим решить». Старший чуть больше возьмет или еще больше возьмет. Все взятки. [...] Немцы в этом вопросе жестче.

[...] Если бы я постарше был. У меня восприятие абсолютное. Я вот помню, все события. Помню, как солнечный день был, помню, как люди идут – все это помнишь. Но оценку я сейчас могу давать. Вы знаете, с прошедшего времени я могу что-то представить: как, почему это произошло и так далее. И сопоставлять с тем, что я видел тогда. Сопоставлять. Я никогда не ожидал, я был шокирован. Пионер там – мать попалила мои похвальные грамоты – я учился хорошо. Меня поразило, думаю: «Боже, сколько предателей». Я был, знаете, в шоке. Думаю: «Как это, боже, ну предатель на предателе. Что же произошло?» Вот вы знаете, все ж в предвоенные годы были такие демонстрации, парадность такая. Все: «Ура, ура». И вдруг – думаю: «Кричал «ура-ура» – и ходит с повязкой полицейского». Это было для меня удивительно. И не только для меня. Я думаю, что многая молодежь была воспитана в одном плане – и вдруг она увидела среди своих. Хотя это был и малый процент, но все же не пошли в партизаны? [...]

**Ф. Евгений Михайлович**

\*\*\*

[...] Еще знает, общались мы – он тоже перебрался, здесь жил. Мы с семьей хорошо были знакомы, был такой Рыбников. Слышали? [...] Он был завобл садовой спилки, наверное так. Ну в общем что-то так. Александр Прокофьевич. Вот эту семью я очень хорошо знала. [...] Ну вот они перебрались [сюда] в 41-м году, когда немцы вошли сюда. Где они жили до этого – я не знаю. Они вообще с Рутченково. [...] А у них сын был, Женя, моего возраста. Мы в возрасте 4-го класса женихались, женихались в то время. (*Смеется*). Ну он же был член же партии, его никто не оставлял. Чего он остался здесь – я не могу сказать, я не знаю, чего он остался здесь. Но он по натуре своей был очень порядочный человек, хороший. Хороший человек был. [...] Он очень многим помогал. В период оккупации. [...] Ну в смысле продуктов, в смысле питания. И я знаю, что он много помогал. [...] Он

и населению много помогал, и подполью много помогал в смысле питания – это я знаю совершенно точно. [...] Вот еще даже жили мы на Первой линии, был такой случай. Я не могу сказать, кто, но был оставлен кто-то, то ли из партийных работников, то ли из кэзэбистов, кто-то был оставлен здесь на партийную работу. И приходил к нему в кабинет, что нам нужна помощь. Ну этот то, кто с ним. [...] Он же до войны тоже был в этой же должности. Он же на этой должности и остался. И вот он приходил к нему – он очень многим помогал. Очень многим помогал. Вот то, что это потом не учлось. Его ж тоже осудили. [...] Ну, когда немцы отступали, у него было совершенно безвыходное положение. Вот это он с мамой делился – это я тоже совершенно точно знаю. Или они его бы расстреляли, или он должен был с ними уехать. Стоял вопрос так, понимаете? И он эвакуировался. Я не знаю, куда они доехали, дальше он уже не эвакуировался. И, в общем, жена и сын сюда вернулись, а его ж арестовали. Его судили – он получил по-моему 10 лет. Где-то работал на шахтах. По-моему Читинская область. И там он погиб. Он погиб.

[...] Хуже чем немцы [были полицейские]. У нас в доме, в нашем доме, я даже не знаю, то ли он жил, то ли он работал, слесарь. И еще летом, до прихода немцев, с нашего дома несколько раз летели ракеты. В вечернее время, в темное время. Милиция лазила по чердакам и все – нигде никого не находила. Когда пришли немцы и входили в наш дом – этот слесарь встречал немцев с хлебом-солью. И он стал начальником полиции какой-то. Я не знаю его фамилии, я не могу сказать. Стал полицейским, занял квартиру Антоньева, доктора, и там жил, в нашем доме. Я говорю, что у меня как осталось с довоенных времен, я помнила кто где в какой квартире, но наши жили. [...] А в период оккупации я единицы помню, кто занял какую квартиру. Кто его знает – там же чужие люди посасели. Откуда ж ты знаешь. Не очень мы ходили, так что не очень и знали. Но вот этот слесарь и работал в полиции. [...] Но полицейские вообще как таковые, они были более злые, более жестокие даже, чем немцы. Многие полицейские очень. Вот так на улице мог ударить кого угодно, понимаете? По поводу и без повода. [...] А я говорю – не было никакого закона и ни на кого не было никакой управы. Мы были абсолютно бесправными людьми, абсолютно бесправными. [...] Я думаю, что люди старались, знаете как, – где можно обойти их, и тех же полицейских, и тех же немцев. Но, может быть, кто-то был с ними связан – по работе, в жизни там, всякое ж бывает. А так, чтобы просто – мы с ними не встречались. К ним никакого отношения не имели.

[...] Конечно были разграничения. Вот Гензеля, немцы – они сразу стали немцами. Им лучшие пайки давали, их лучше снабжали,

для них были лучшие какие-то условия. Они уже были немцами... Значит, Гензеля – их по моему где-то задержали (после войны). Я почему об этом говорю – потому что мою маму без конца вызывали в КГБ. Как свидетеля. Без конца... В послевоенное (время) В первые годы. Да ее много лет. Без конца. И вот ее вызывали в отношении Гензелей. А потом здесь был – она работала. Здесь был тоже немец по национальности. Ну, наш немец был, Иван Иванович Казаков<sup>1</sup>. Он был главным врачом при немцах. Он никакой не специалист, он только окончивший институт молодой врач, и он был главным врачом кожнодерматологического диспансера, стационара. [...] При немцах. [...] А он туда назначен был главным врачом потому что – он тоже только окончивший институту – потому что он немец был по национальности. Поэтому он был там главным врачом. Для немцев было преимущество, ну этих, живших в России. [...] И мама у него работала. Стационар этот был далеко, где мельзавод или крупзавод, но для нас это был край света. [...] Вот это там была закрытая больница по лечению венбольных. [...] Я знаю, что она была, работала, знаю, что она работала, знаю, что такие, как мама, еще там работала Анна Андреевна Плоткина. С нами там в одном доме жила молодая врач, которая только окончила в 41-м году институт. Но она умерла сейчас, ее нет. Такая толковая, мама ее натаскивала и они вместе ездили в эту больницу и там работали. Это я знаю, что было. То, что там никаких безобразий не делалось по отношению к больным медиками – это я тоже знаю совершенно точно. [...] И мама у него работала. И его арестовали. Когда наши пришли. И то ли здесь, то ли он эвакуировался – я не знаю. Но, в общем, где-то его арестовали. И мама у него работала и ее вызывали в КГБ. [...] И ему ж тогда приписали страшное дело. Что он и над больными издевался, и над сотрудниками издевался – ну они ж вызывали многих на допрос. Ну не на допрос, а свидетельские показания. И многие лили на него очень много грязи. Ну и вызвали ж маму. Моя мама рассказала. Ну мы ж честные люди. Моя мама рассказала объективно, то, что было. Что он никого не обижал, он ни над кем не издевался, ни над больными. Может быть, он не делал ничего и для Советской власти, может быть. Но мы этого не знаем. Но вреда он никому не принес, он приносил только пользу. И он получил тогда – сколько лет тогда давали (пытается вспомнить). И вот он был осужден. И где-то он был, в Средней Азии, по-моему, сидел. И когда-то – в 44-м году. В 43-м году нас освободили и мама сразу начала организовать кожнодиспансер. И сразу она была в

---

<sup>1</sup> В источниках встречается иной вариант написания его фамилии – Козаковский.



должности заведующей обвендиспансером. Мы жили на Калиновке, и там было небольшое здание инфекционное, и там организовали этот кожвендиспансер. А в начале 44-го года их перевели в Центральную поликлинику. [...] И вот она получила открытку от Ивана Ивановича Казакова. В которой он писал – у нас очень долго была, сейчас нет – в которой он писал, что вот его осудили, и что он читал все показания, которые ему давали, и что он поражен тем людям, которые такую неправду, такую вот клевету на него говорили. И что: «Екатерина Семеновна, я низко вам кланяюсь за то, что вы единственный человек, который обо мне сказал правду». Ну и был осужден. А потом уже после 53-го года его реабилитировали. И вот он приехал в Донецк. Мама говорила – пришел он в облвендиспансер, стал на колени и низко кланялся. Говорил, что вы единственная, которая сказала правду: «На меня, говорит, столько налили грязи, ни за что ни про что, только потому, что я был немцем». [...] Ну он немец был. Его назначили главным врачом. Но он ни над кем не издевался, он никого не уничтожал, они никому никаких не делали неположенных уколов и так далее и так далее. Он же этого никому не делал. Ну он был молодой, ну он немец. Ну и что?

[...] Вот в наш дом начали занимать квартиры. Здесь были 2 немца русских. Близнецы, они братья, близнецы были 2 врача. Гензели. Адольф и Рудольф. Один из них, значит, был врач-инфекционист. Второй был врач-гинеколог. Кто Адольф, кто Рудольф – я не знаю, кто из них кто. Значит один из них – или один, или оба – поселяется в нашем доме. Занимает квартиру и возглавляет здравоохранение Донецка. А во Дворце пионеров – вы знаете, это вот это управа была. Городская управа. И вот Гензель там возглавил здравоохранение. А у нас – в нашем же доме жила семья. Он русский, а она была немка. Значит, его фамилии была Пушков, а ее фамилия была Юргенсен, Ольга Николаевна. Мать и отец моей подружки, моего возраста. Девочка у них Светка была. В нашем же доме они жили. Они оба были инженеры – химики. И вот эта Ольга Николаевна в этой управе у немцев становится – ну как, не техническим, а секретарем. [...] Они постоянные жители нашего города, оставались. Причем она из немецкой семьи – как они сюда попали, я не знаю, но она именовалась «Графиня Юргенсен». [...] При немцах стала. А мы со Светкой ее дружили, подружками были... А вот те, что я говорю, Пушков и Юргенсен Ольга Николаевна, она, конечно, была на величине. Она и вела себя так. Причем муж у нее инженер-химик был, причем у него что-то было с ногой, он хромой был. Он сразу стал ничем. Она, жена, стала все. Они в феврале месяце 43-го года, когда на Миусе был прорыв... Когда [слухи] были, что освободят и Донецк, что

дойдут до Донецка, они эвакуировались вместе с немцами. [...] С тех пор ни слуху ни духу. Они уехали в Германию. У них какая-то родня там была где-то. Наверное, где-то в Германии. Ну то, что ее нет – без сомнения. А Света может быть и жива – кто знает? Ведь она моего возраста. Мне 75 лет. Может быть еще жива. Но никогда, никогда нигде даже и слуха никакого не было. [...]

**Ченик-Митрофанова Зоя Аркадьевна**

\*\*\*

[...] Что судили [отца] – знали. Знали, потому что я знаю, я вспоминаю, Феня<sup>1</sup> ходила куда-то туда, в тюрьму, где отец наш сидел. Даже, по-моему, как-то и я ходила. А когда был последний приговор – это было, наверное, лето, потому что мне помнится, я была или в трусах. Босиком бежала. Вот там, где сейчас – вы не знаете, городская милиция, где-то вот там их судили. И водили их в тюрьму. А тюрьма там, где банк, была. И я бежала туда за ними. Феня, видно, мне сказала, что будут вести отца, и их ввели. Их ввели – 4 человека, руки за спиной, вот это конвой. А я бежала сзади и смотрела. И он бросил записку. Бросил мне записку. Приготовил раньше, или что. В этой записке было написано: «Фенечка, не бросайте детей»... Ну а потом стали приходиться от него письма, я уже не помню. Он потом очень часто писал – он очень любил писать, но не письма это были. Это были открытки, и вначале это были такие, казенные открытки. А потом – долго дело было – он сам рисовал. Он хорошо рисовал. У него вообще графика хорошая. Он рисовал эти открыточки, а на той стороне писал. Но видно ничего не разрешали писать, потому что никаких ЦУ (*ценных указаний*). Мы даже не знали, я потом думаю, но хоть бы сказал, за то, за то. [...] Значит, вначале его сослали в Караганду... Да, его присудили вначале к расстрелу. [...] Потом заменили – 25 лет лишения свободы. Отец говорил еще, что они подставных свидетелей, подставных свидетелей назначали, и те говорили то, что им надо было, властям. [...] Там было много подставных людей. Но это говорил отец, когда вернулся. Рассказывал. [...] Он говорил, что они ему и наган вставляли в рот, и руки вставляли между дверями, и что они только не делали. Но 9 месяцев не было у них, к чему придаться, не было свидетелей. Не могли осудить, не было состава преступления. Потом, когда я спрашивала, разговоры были – отец мой сидит и даже у меня требовали, чтобы я отказалась от отца. Но я не отказалась, и брат мой

---

<sup>1</sup> Бывшая домработница у родителей респондентки, воспитывавшая ее и брата после смерти матери, погибшей во время оккупации.

– мы не отказались: «За что он сидит, за что?» [...] Школьница я была. Он выдал немцам планы шахт. А я, как ребенок, я поверила, конечно. Мы же все поверили своей власти, что у нас самая лучшая страна, что у нас самая... Думаю, видно действительно – я же не понимала. А когда я вернулся, я говорю: «Папа, ты правда выдал планы?» – А он говорит: «Ты что? Как я мог выдать планы, если я никакого доступа к ним не имею». Планы всех шахт находились в спецотделе комбината, а я работал в институте. Единственный план у меня был – какой-то одной шахты, по которой я делал диссертацию. Он был закопан. Феня знала где, Феня знала, где он закопан. Потому что Феня у него как подмастерье. Ходил он вместе с ней, видно в подвале спрятал где-то план. А это Е<sup>1</sup>, который судил, который, я говорила – ученик, который у нас огинаялся в доме все. Он пришел, нашел нас. [...] Да, самый лучший ученик. Но потом, когда он с войны вернулся, стал в КГБ работать. Е. Василий Яковлевич. Я недавно, лет пять, племянницу его встретила, а он жил вот здесь, в этом доме 161-м. Вот мы сюда поселились, и он там. А он идет, а Феня: «Чтобы ты, гад, руки-ноги поломал». И, говорит, на следующий день идет в гипсе. (*Смеется*). Поломал, действительно. А я встретила племянницу, она жила у него. У него, видно, детей нет, жила племянница у него. А я говорю: «Где твой дядя?» – Она говорит. – Я говорю: «Передай ему, чтобы он сдох!» Мы в магазине стояли, она аж так... Я говорю: «Да-да, это же надо быть такой сволочью!» Что он сделал? Он пришел, нашел Феню – Феня рассказывала. И говорит: «Хотите, чтобы ваш хозяин на волю вышел?» Она говорит: «Хочу». – «Дайте планы шахт, завтра будет дома». Она побежала и выкопала этот план, который для диссертации, и дала ему. И все, его сразу осудили. Он (*сотрудник органов государственной безопасности*) обманул. [...] А потом он доказал, что вот нет этого, уже не пишут в бумагах [судебно-следственного дела], что он выдал планы эти. Это вначале были такие разговоры. Он никакого отношения к этим планам никогда не имел и не мог их выдать. «Это единственное, – он говорил, – у меня был план одной шахты, который К<sup>2</sup> им выдала». Обманули. Вот так. [...] По процессу вот это он (*отец*) говорил. Когда он вернулся [из заключения], особенно сильно это не смаковали, он уже вернулся. Ну, вернулся, по-

---

<sup>1</sup> Фамилия анонимизирована.

<sup>2</sup> Фамилия анонимизирована.

2794

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Секретари ЦК КПС/У

Земля Р. У. [illegible]

ДОБЫЧНАЯ ЗАДАЧА

по агентурному делу "ПРОСАЛ".

Временно скомпрометов Донецкий бассейн, немалые  
затраты, в осуществление своих грабительских планов,  
организовали в г. Сталино т.н. "Горно-металлургическое"  
общество "ЗООСОН", в задачу которого входило:

- 1. Быстрейшее восстановление и эксплуатация  
промышленных предприятий и недр Донбасса в интересах не-  
мецкого фашизма.
- 2. Сбор разведывательных данных и проведение  
контрразведывательных мероприятий врага против СССР.

ПРОСЛА  
19 0001

Фото 15. Информация начальника управления НКГБ со стороны инженерно-технических ЦГАООУ, ф.1, оп. 23,

3. Ограбление ценностей нашей страны и вывоз их в Германию.

О организацией этого общества ряд спецлистов предательски и враждебно настроенных против Советской Родины, нежелавших эвакуироваться в глубь страны, добровольно предложили свои услуги фашистским захватчикам в активной восстановлении угольных шахт других отраслей промышленности бассейна, в результате чего немцам удалось восстановить шахты, заводы, а также вывезти около 2,5 миллионов тонн угля, находившегося на складах, собрать подземные и поверхностные планы другую документацию, характеризующую недра и богатства Донбасса.

В целях вскрытия вражеской агентуры, диверсионных групп и выявления всех предателей и активных пособников, нами приобретена специальная агентура "ПОПОВ", "ПАВЛОВ", "ИВАНОВ", "КОМПРЕССОР", "ШАХТИН" и другие, на основании агентурных данных которых наведено централизованное агентурное дело "ПРОЗАМ" ряд лиц изменников Родины, нежелавших эвакуироваться в глубь страны, добровольно предложивших свои услуги фашистским захватчикам и активно принимавших участие в восстановлении угольных шахт Донбасса, в период оккупации, представивших в их распоряжение документы планы горных работ по шахтам.

Сталинской области Демидова о проявлениях коллаборации работников угольной промышленности Донбасса.  
д. 3839, л. 27-27об.

моему уже немножко психика была нарушена. По поведению я никак иногда не понимала, а потом уже, с годами думаю: «Да это уже была нарушена психика. Я не могу точно вам сказать, какой он был до войны. Я просто помню, что у нас была полная чаша. Я помню, что вечно мать его, вечно они ругались, что он, видно, гулял. Я помню, что мать его полотенцем [била]. *(Смеется)*. А так, конечно, мы были ухожены, все. Он покупал купе – всем закупал – и отправлял нас к своим родителям, с мамой. Мы ездили отдыхать туда. [...] В село к родителям ездили. [...] В общем, кроме Фени мы никому не нужны были [после ареста отца]. И вот так мы мытарствовали. Вот эта Валентина Борисовна<sup>1</sup>, может вам подтвердить. Тут соседи на 4-м этаже какие-то были 2 бабушки. И они говорили: «Фенечка, может вы найдете какое-то пальто старое, мы Риточке сошьем пальто». Ходила в шубе, а оно вот так *(показывает)* струпя были. И она нашла какое-то пальто старое, черное, оно у меня даже на фотографии где-то есть, я в этом пальто. Я его так любила. И они мне сшили пальто с разными карманами. В общем, кто-то помогал. Ну чем могли, люди тоже очень плохо жили. Люди как-то более добры к нам были. А вот власти... Ой, мы уже говорили «Да у нас родители разведены были». – «А он же не с вами разошелся, он с вашей мамой разошелся. Значит, вы дети врага народа. Яблоко от яблони далеко не упадет». Все. И нигде нам [не было доверия]. Я 2 раза оформляла, хотела поехать по туристической путевке. Когда работала в институте, здесь, в «Углепроммаше», в Югославию. Это капстрана была. Все оформила – так трудно было, и райком, и все прошла, абсолютно все инстанции. Начальник отдела хорошо ко мне относился, известный человек был в городе. «Мария..., приходили из КГБ – скажу вам по секрету, спрашивали, надежный вы человек». Я сказал: «Надежный, все в порядке, можете выпускать, все». Не выпустили, ни один [раз], ни второй. Потом я плюнула и сказала: «Будете просить – не поеду ни за какую границу». Не выпустили меня за границу и нигде я не была. Вот на Кавказе, в Крыму – можно было. А так никуда не ездила. И вот такую мы прожили жизнь. И в нашем государстве нет ни одной льготы – вообще не упоминается, если расстреляна мать. Понимаете, вот таких людей... Расстреляно многих, и в шахту побросали, очень много погибло. Но дети погибли вместе с ними. А таких как мы, что остались живы – единицы. [...]

### **Ш. Маргарита Евстафьевна**

---

<sup>1</sup> Знакомая респондентки.

\*\*\*

[...] Когда немцы пришли, они сразу старосту назначили. [...] Один из рабочих. Назначили полицейских, полицаев – тоже из рабочих, из шахтеров, из тех, кто вернулись. Были ж такие у нас, как раскулаченные, которые были недовольны Советской властью, они немцам прислуживали, старались как-то. Ну, видно, из них они и набирали этих полицаев. Староста был. [...] Ну, староста у нас был такой мужик незлой. [...] Я даже не знаю. Его назначили или он сам пошел. Хотя были среди полицаев вредные такие. [...] Это проявлялось, например: «А, твой отец...». Я, допустим, прошу, в очереди за хлебом стою, он выражает свое недовольство тем, что: «Чего ты тут стоишь? Это не твой хлеб. Твой хлеб за бугром там, иди, где твой отец воюет». Вот такое. Ну а что я, пацан малой, могу сказать? Послушаешь только. [...] Полицаи могли взять [вещи]. Просто зашли к нам. Отцовские сапоги были под кроватью. Заглянул: «О, сапоги». Значит, взял себе в сумку. Мать: «Ну что ты, я же без обуви». – «Перебьешься». Ну, они могли у каждого зайти, у кого что есть [забрать]. Ну, они, во-первых, живность, курей забирали. У кого там продукты могли забрать – яйца или молоко, у кого коза была. Вот такое по мелочам. У кого в погребе что есть, тоже могли забрать. Это они свободно делали, полицаи. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

\*\*\*

[...] А там, когда мы были в Марьинке, там есть небольшой лесок. Лес такой. И оттуда пришли полицейские и приносят платочки там носовые, потом вещи всякие, все. А спрашивают: «Откуда это у вас?» – Они говорят: «Парашютистов бросили наши. Наши парашютистов на этот лесок бросили». А они знали, что будут бросать. И побили этих людей. Один только убежал. А остальных они побили. И полицейских тоже трое эти, которые спускались, они трех полицейских застрелили. Погибли. Так схоронили их. Там похоронили этих полицаев. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

## ГЛАВА 12

### «НАЧАЛИ В ГЕРМАНИЮ БРАТЬ...»: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕПОРТАЦИИ

[...] Весна уже 42-го. Болтаемся мы то на базаре, то чтось купить, то чтось менять. [...] В Снежном пошел я. Не только я, мать шла на базар. Облава. Собаки, немцы с автоматами. Таких же как я молодежь позабрали. Это было в апреле месяце. И на машинах в Юзовку – нет, в Сталино, в Сталино. В Донецк или в Сталино. На поезд и тю-тю на Германию. [...] Значит, были и девчата, и пожилые. Пожилых нет, девчат брали. Ну, сказали, были молодые люди. [...] На машину с собаками, закрыли и... Какая там передача, кому мы нужны были? Я не знаю, кормили нас или нет. [...]

*Афанасенко Алексей Иванович*

\*\*\*

[...] У меня есть сестра старшая, на три с половиной года старше меня. Она училась в первой школе, у нее преподаватель немецкого языка была, во время оккупации она была переводчиком на бирже. Но сестру она смогла спасти, так как сестра болела долго перед войной. А за меня сказала, что никак нельзя. Пришла повестка и забрали в Германию. [...] Они угрожали расстрелом, они долго не панькались. Если бы не было угроз, так мы бы остались бы здесь. [...] Погнали нас отсюда пешком до Донецка. Я не помню, или в Горловке был какой-то лагерь, что мы переночевали. [ Шли] двое суток. А с Донецка погрузили в вагоны привезли в Германию. [...]

*Б. Виктор Федорович*

\*\*\*

[...] Ну, я до войны жила – там хуторок – называется Манойловка, його там немає. [...] Оттуда нас брали в Германию. А як брали? Когда немцы заступили до нас, да? Староста був. Выбрали старосту, полицейского и бригадира. [...] Це вже при немцах. А я была поганенька комсомолка, сказать. Мы по норме кукурузу там пололи. У меня раны такие на ногах були. Мы посідали отдыхать, а бригадир – здоровый такой был. Подходить и каже (женщины там були и молодежь): «Чого ви посідали? Надо роботать». Та я й за всіх: «Та й на німців не робили і робить не будемо». Сказала йому. А він: «Он у вас забрали одну корову, а завтра прийдуть і другу заберуть». А я недовго думаючи йому и дулю дала: «Ось тобі і одна корова, и друга корова».



Він піше докладную – на Івановку, там поліція була. А там, у Луговому – там були немці. Німецька колона була. [...] Ну, жили немці вообщє. Він роботав там начальником поліції. И мене прийшов, арештував утром. Я вот, например, сьогодні поругалася з бригадиром, а он написав докладну в поліцію – бригадир. Написав, мене прийшли – заарештували и повели у Іванівку – пять кілометрів, пешими. Там, де ми жили, от хутора от нашого– 5 кілометрів було туди до Іванівки. Ага. Привів мене, веде, а я питаю, кажу: «А у тебе хочє заряжена винтовка?» – «А ти що, тікать будеш?» – А я кажу: «А яке я преступление зробила, що я буду тікать? Та ніяке». – А казав: «Заряженє». Привів мене туди у поліцію, у Іванівку. Він мене привів, хотів, то Яшка Зельпін була його фамилия. Він був начальником, бив шлетками. Він хотів, щоб мене туди до його отправили и плеток упоролі. [...] У Івановки, у поліції. А його як раз не було, він поїхав у Волноваху. Яшка Зельпін посадив у коридорі, а тоді там Ходорченко роботав ще в поліції. Він мене завів до Ходорченка, захожу я туди, а він, поки я вийшла до Ходорченка, від поліцейського, це був наш поліцейський, наш, хуторянський. Уже вшився, уже його не було и близько. А це й питає мене Ходорченко, докладна у його написана. «Що таке получилось, Марія, що так і так?» – «А якого він, чорта, кажу, гавкав? Ну, чого він гавкав, кажу? Ну, я й дала дулю». – А він каже: «Ну, плати сто рублів за дулю. Це штраф сто рублів, за те, що дулю дала». [...] Я збиралася, а мама каже: «Куди ти збираєшся?» – Я: «А що одівать? Нічого було одівать». Ботинки з короткими халявками такі були. Я наділа та кажу: «Зараз прийде поліцейський і кажу, у поліцію. А у Вас, мама, є гроші? Дай-ка мені сто рублів, дай-ка мені, надо сто рублів за дулю – штрафу». На другий день – повестка в Германию. [...] Оце всі наші були поліцейські, сволочі були. Не то, шо: «Ховайтеся, буде облава, чи шо, ховайтеся», – а ніхто нічого не казав. Що ми, по 17, по 18 років – ми ще діти були, да. Ну ми ніде ніхто не ховалися, ніде. Тоді мені повестка в Германию дається, подруга моя тут – Катя Носкова, вона вже вмерла, она на шість місяцев старша за мене. Тоді ще троє чи четверо. Двоє з них не вернулись з Германії, дівчат двоє, а ми з Катєю [повернулись]. Вона работала на военному заводі, а я работала на текстильной фабрике. [...] Ну, ми шо. Привезли нас туди, в Германию. Погрузили в Волновахе в вагони телячі – в конце августа, в сентябре місяці. [...] У вагони погрузили нас, в телячі, закрыли двери, и все – поїхали. Ми їхали до Варшави, мабуть місяць ми їхали до Варшави. [...]

*Б. Мария Яковлевна*

## ДО УКРАЇНСЬКОЇ МОЛОДІ ТА ЇЇ БАТЬКІВ



1. Не повинні бути млявими, як ри батьки-шляхи Лютівецькі.



2. Немає нічого героїстичного в тому, щоб виступити героєм, товариство!



3. І в темі розмови і хочеш за вас турбуватися.



4. Якщо працьовиті нагороджуються, я тем працювати старанно в'язують.



5. Да теж не, людину світу, кобувати у Варшаві-Польщі європейської культури.



6. І розмови до батьківства, мамки свої, діти свої, ніби тіло і душі, відзначити як окрему цінність.

Багато вже терів товаришів — хлопців та дівчат — поїхали до Німеччини працювати на її заводи, фабрики та в різних господарствах. Замість кожного, хто поїхав від нас, з Німеччини їде на фронт для захисту Європи та й нашої України від більшовицького наступу, від жидівської навали. Ті, хто поїхав, пишуть листи додому, деякі з них перебувають у відпустці на батьківщині, багатьох з них базилки ті з українців, що їздили до Німеччини, і ось всі в один голос кажуть, що у Німеччині гарно. Що там жити краще ніж тут, що там цікава робота, під час якої можна багато чому навчитись для свого майбутнього. Поводження з боку і адміністрації, і населення сирізь ввічливе та доброзичливе

### «ХЛОПЦІ ТА ДІВЧАТА!»

Вас кличуть на не поля військових подій, а на заводи та фабрики, у господарство.

Там Ви будете замінювати тих, хто їде на фронт, а цим і самі прийматимете важливу участь у цій величезній боротьбі за майбутню щастя всіх народів та своєї батьківщини.

Війну ще не закінчено, але кінець їй буде. Тоді піде бурхливими кроками нова щаслива життя. Хто ж тоді працюватиме в останніх заводах, що будуть виробляти не військову зброю, а речі побутових потреб? Хто працюватиме на будівництві нових житлових та культурних споруджень, що замінять зруйновані збройним набоєм та літаками? Хто поїде на безлічі тракторів та комбайнів, на безлічі транспортних машин?

Вас це буде робити. Ви — молодь, наша зміна, наша майбутня. Але для цього треба раніш навчитись, як це робити. І ось зараз Вам надається щасливий випадок прийти туди навчання у найбільш технічно озброєній, найбільш культурній державі — Німеччині. Ще за старих часів моваді вважало за велику щастя, коли їй припадало поїхати вчитись до Німеччини. Зараз до цього Вас закликають.

### ЗРОЗУМІЙТЕ ВСЕ ЦЕ!

#### НЕ УХИЛЯЙТЕСЯ ВІД ПОЇЗДИ ДО НІМЕЧЧИНИ!

Всі без винятку, кого тільки замилують, їдуть туди, де Ви вносите свою працю для остаточної перемоги над зломом та де Ви одержите кращу підготовку для себе, щоб бути кращими робітниками батьківщини під час її майбутньої відбудови після війни.

Пам'ятайте, що з Німеччини Ви повернетесь не нічужими неумками, а ціленими, кваліфікованими фахівцями!

#### БАТЬКИ ДІТЕЙ, ЩО ІДУТЬ ДО НІМЕЧЧИНИ!

Ви любите своїх синів та дочок, Ви їм бажаєте здоров'я та щастя. Ви бажаєте, щоб їм гарно жилося у майбутньому. А для цього їх треба підготувати. Тут, біля себе, такої підготовки Ви діти не зможете; зараз Вам дається можливість зробити це в умовах, краща яких Ви при самому самому бажанні та при своїй Вашій любові до своїх дітей тут утворити не маєте можливості.

Хай Ваші діти побачать світ, хай вони подивляться як живе той народ, який своєю культурою та своїми знаннями і розвитком зробив світовим переможцем. Хай попрацюють Ваші діти там де вони побачать дієву культуру, і тоді Ви знову зустрінете їх у себе, але вже побачить озброєними всім тим, що дасть Вашим дітям можливість бути сильними та щасливими; бо сини і щастя у людини тільки тоді і бувають, коли вона вже гадно працює та живе, як це робити. Отже, це Ваші діти і приналежать Вам з Німеччини.

З радості, з упором ариоз у щасливе майбутнє відрадайте своїх дітей до Німеччини!

Фото 16. Плакат, агітуючий молодеж ехати на роботу в Германію. USSHM, RG 31.010 M, reel 20.

\*\*\*

[...] Многие уезжали, многие уезжали, многие уезжали, добровольцами, многие уезжали. Потому что здесь кушать нечего, одеться не во что, жить негде. Вот они собирались и уезжали, вербовались, как говорят. [...] А потом стали поступать письма, люди стали писать, что очень плохо, и голодно, и холодно и отношение [плохое], и работать очень много. Но, я не знаю, я же не была там, но люди писали. И узнавали, тогда не стали ехать, тогда стали принудительно забирать в Германию. [...] Я пряталась, пряталась. Вы знаете, вот у меня двоюродная сестра, она такая, как и я. Поскольку я третьего декабря, а она четырнадцатого. Ну она, как вам сказать, отчаянная. Вот пришли, меня дома не было, я не помню, где я была. А она была дома. Ее, значит, полицией и немец забрали и потащили ее. Вот это вот где банк, на Первой линии, сейчас его там отстроили, какой-то частный банк, а то был государственный банк. И там была какая-то контора немецкая. И вот ее туда привели – а это было зимой. И он пошел в кабинет, и долго нет. «Я, – говорит, – взяла, разулась, и вышла, чтобы не стучать», да? И вот от этого банка до самого Горсада<sup>1</sup> она бежала разутая по снегу! Только потом она обулась и пошла. И нас собрали и отправили к родственникам далеко. И там нас, значит, тетка, маминого брата жена, и она нас, значит, держала, пока... Здесь же в Донецке, но другой район, и там как сказать. Нас привезли, ночью соседи не видели. Мы никуда не выходили. Если даже кто-то к ней заходил, она нас прятала, вот. [...]

*Валентина Ивановна*

\*\*\*

[...] Это когда начались облавы, когда начали отправлять в Германию. Меня прихватили, отобрали в меня паспорт. Это было вот здесь, где я живу. Чуть выше был молокозавод. Рядом с молокозаводом жила Силина, Силина Тамара, наш комсорг из 32-й школы. Красавица, рослая такая. И вот я до войны с ее братом учился в одном классе и приезжал сюда с ним на мотоцикле. Я знал, что они здесь живут. Пришел я к ним, разговорились мы с этой Тamarой: «Тамара, то, се». Она доброжелательно со мной говорила. А затем я увидел у нее на комодке стоит портрет немца и в петлицах «Железный крест». Я спрашиваю: «Кто это?» – «Ой, ты знаешь, пристаёт тут один немец». – Я говорю: «А как же его звать?» – «Вальтер». Оказывается вот тут, в Третьей школе, был учебный корпус танкистов, потом на

---

<sup>1</sup> Городской сад в Сталино.

самоходках [воевали]. В общем, тут полно было немцев. В эсэсовской форме. Они учились. А он приспособился к этой Тамаре. Ну, разговорились мы с ней, поговорили-поговорили, потом в следующий раз, наверное через месяц, я с целью узнать новости, им сказать, что по радиоприемнику – тоже я отдельно расскажу – слышал я, что старший лейтенант Силин, одев на себя нижнее белье, взял в плен какого-то немца. В общем, полз как в маскхалате. Я говорю: «В общем, Тамара, это, наверное, ваш отец». А ее отец был парторгом и завкадрами курса «Красногвардейскугля». Она всегда шикарно одета была. Ну, я с ней доброжелательно говорил. А она мне тоже так уклончиво кое-что говорила. Через месяца полтора-два я пришел к ним, а она сидит в халатике, так это небрежно накинут на нее халат, почти голый бюст и, значит, читает книгу на немецком языке. Я ей говорю: «Что, ты уже научилась?» – «Да, да, учу немецкий. Ой, Леня, хорошо, что ты пришел. Ты меня извини, я на несколько минут выбегу. Посиди, пожалуйста». Ну я сижу – там 2 комнаты было. Сижу я в этой комнате, думаю. Я знаю, может ей надо в туалет или переодеться. Сижу в этой комнате. Открывается дверь, заходит мужчина с повязкой полиция, винтовка на плече: «Ваши документы». Я вынимаю, значит, паспорт свой, ничего не подозревая, даю ему в руки паспорт. Он прочел, говорит: «Надо ехать в Германию и помогать им бить коммунистов. Ваш паспорт я беру. На биржу труда придете и возьмете его». Биржа труда была здесь вот, где УВД<sup>1</sup>. [...] В первом здании, там, значит, первое здание заканчивается и узкий проход был во двор. Оно и там сейчас все есть. Там перестроили немного. Я, значит, ему начал говорить, что у меня мама больная, что не могу я поехать: «Я бы, конечно, поехал, но не могу». – Он говорит: «Это ты там им расскажешь». И забрал мой паспорт. А что я без паспорта? Ничего. Я, значит, на следующий день иду туда на биржу эту, захожу туда, где мне сказали, где паспорт мой. Сидит наша женщина, выкрашенная, волосы белокурые, пышные. Рядом стоит немец. Хохочет, они пересмеиваются. И она мне по-русски говорит: «Что ты хочешь?» – Я говорю: «У меня паспорт взяли и сюда отправили». – «Ну так что ты хочешь? Как фамилия?» – Я сказал. Она нашла мой паспорт, держит в руках: «Так что ты хочешь?» – Я говорю: «Я не могу ехать, у меня там мама, то, се». – «Нужно ехать, помогать немцам». – Я говорю: «Да я не могу, да то, да се». – Она на меня посмотрела: «Ну, пойдешь завтра на комиссию медицинскую, там решат, может, тебе и не надо ехать». Берет мой паспорт, перекладывает паспорт в другую коробку и

---

<sup>1</sup> Управление внутренних дел.

говорит этому немцу: «Abgemacht»<sup>1</sup>. – Я говорю: «Дайте мне паспорт». – «Fertig!»<sup>2</sup>, «Уходи». Что мне делать? Вы понимаете, единственная завязка у меня, с которой я ходил свободно, это паспорт. Понимаете? Я же еврей, у меня ритуальные эти знаки. У меня даже в детстве обрезали эту крайнюю плоть. Мне пойти на комиссию – оттуда прямо в шахту<sup>3</sup>. [...] У меня на это ума не хватало, если честно [сказать, что я мусульманин]. Я не знал даже, что мусульмане тоже такое делают. Я, значит, тогда пошел домой. Нет, не пошел домой, я сразу остался на улице стоять. У них как раз закончился рабочий день, выходят. Между ними шел мужчина с таким плутовским лицом, наглый. Я к нему подошел, спрашиваю: «Вы работаете здесь». Я еще не знал сам, что делать. – Он говорит: «Работаю. А что ты хочешь?» – Я говорю: «Да вот у меня такое дело, я не могу ехать в Германию». – А он говорит: «Ну это ко мне не относится». – А я уже за него что-то интуитивно зацепился и говорю: «Вы знаете, я вам заплачу. Помогите мне паспорт отсюда забрать». – «Не-не-не-не». Я с ним иду, иду за ним следом, говорим о том, о сем. Я все равно к своему возвращаюсь, настойчиво. Я говорю: «Я вам заплачу, я дам деньги». – Он говорит: «Да кому они нужны, деньги. Нет. У тебя продукты есть?» – Я говорю: «Есть». Мы как раз из села принесли подсолнечное масло. – «Что у тебя есть?» – Я говорю: «Есть подсолнечное масло». – «О! Это другое дело. Пару бутылок подсолнечного масла утром принеси туда, на то место, где мы с тобой увиделись». – Я говорю: «Хорошо». Прибежал я домой, на Калиновку, 2 эти бутылки заготовил. Утром они с 8, по-моему, начинали – я уже там стою с этими бутылками. Появился он: «Ну что, принес?» – Я говорю: «Да». – «Давай сюда». Забрал эти 2 бутылки. «Как твоя фамилия?» – Я говорю: «В.»<sup>4</sup> – «Стой тут». – Ну, думаю, влип я. И масло подсолнечное забрал, и меня туда заберут. Прошло минут 20. Выходит из этой калитки женщина – худощавая, среднего роста, закутанная в черном. Подходит прямо ко мне и говорит: «Идем со мной, иди за мной». И ушла. Пошла она туда – знаете, там сейчас бюро пропусков, такая ступенька, крылечко там. Там вот так выступ. Она туда пошла, я следом за ней иду. Она вытаскивает мой паспорт и говорит: «На. Исчезни из Донецка, из Сталино, чтобы твоей ноги в Сталино не было». – Я этот паспорт схватил, у меня руки дрожали,

---

<sup>1</sup> Решено (нем.).

<sup>2</sup> Довольно! (нем.)

<sup>3</sup> Имеет в виду, что как еврей он будет уничтожен, сброшен в шурф шахты 4-4 бис в Сталино – место массового уничтожения населения.

<sup>4</sup> Фамилия анонимизирована.

сюда на Калиновку. На завтра собрался и пошел в Улаклы<sup>1</sup>. В Улаклах там отец /мой с этой Анастасией Николаевной М.<sup>2</sup>, с которой он сошелся, жил. [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Вот в первый раз начался набор в Германию. Кто желает выехать в Германию на работу. Ну и соседская девка – такая шухарная (*озорная*) была: «А, поеду!» – Мать ей [говорит]: «Да куда ты поедешь». Моя мать ругала все ее. – «Поеду. Хоть свет посмотрю. Вот там и платья, и все. Поеду». И вот тот первый набор, помню, уезжали отсюда с песнями, с музыкой. [...] По желанию. Первый – по желанию поехали: «Ну ты ж пиши. Если хорошо, то пиши. Не очень – шифровками». И вот прислала письма, что там не мед и не рай. (*Смеется*). И тут мать: «Я же тебе говорила. Что же ты такая. Вот видишь – я ей как говорила: «Не езжай». А она поехала». Ну а потом уже поняли, что там не рай, начали насильно гнать. Повестки присылали – все, давай. Вот эта, как ее, земуцправа бегала, сотские, десятские. И загоняли, выгоняли. Забирали в Буденновку – и там... А потом вот эту биржу труда спалили со всеми данными, на Буденновке. Это наши партизаны под Новый Год запалили и все сгорело. (*Смеется*). Или кто разбежался, кто успел – ушли куда-нибудь.[...] В основном девчата [ехали]. Девчата. Из-за того, что ребят не было таких. А девчата одни ехали. А потом уже давай и ребят забирать. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] Значит, была биржа труда, в которой обязательно должен был зарегистрироваться каждый. Там и взрослый, и подросток. Я не знаю, с какого возраста они начинали все это дело, учет вести. Ну а потом в Германию отправляли – в Германию. На работы. Ну а здесь вокруг сколько было. Мои приятели, на год, на 2 старше тоже как попали в Германию и не вернулись. [...] Вот тут Даня Калита был хороший, мы с ним дружили – так и не вернулся. Ну, знаете, в те годы такая сложная обстановка была. Сколько там бомбежки, американцы

---

<sup>1</sup> Населенный пункт в Больше-Янисольском (ныне – Великоновоселковском) районе Сталинской области.

<sup>2</sup> Фамилия анонимизирована.

бомбили Германию не так. Там бомбили – с лица земли стирали все, только одни развалины были. [...]

Вы знаете, таких я не знаю (*кто ехал добровольно*), но предполагаю. Но это предположения, не больше, что некоторые все же соблазнились, соблазнились. Пропаганда сработала, что поехать туда, там заработать. Почему я так предполагаю? Их уже в живых тех людей нет. На то время возраст их был за 20. И за 25 – это одно. Но не это главное. А то, что они уже имели семьи, понимаете. Семьями. Насильственного вывоза я не знаю, чтобы семейных людей брать. У нас тут не было такого. А вот парней, девчат, уже возраста такого – за 17 лет – 25-го, 26-й [годы рождения]. Вот я говорю, я предполагаю, что они добровольно уезжали. Потому что иногда по рассказу – ну, бывало так, обмен мнениями, Да, был там-то и там-то. Ну, все понятно. Иногда люди может и поверили в это. [...] Я знаю только – но это другой вопрос. Вот когда после освобождения они возвращались из Германии, эти люди, там у них жесткий контроль был. Там прямо вот так поезд не вез – вы из Мариуполя и... Там определенные места нахождения были, там контроль было: где ты был, чем занимался? [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] А в 1942, я может быть бы не попала в Германию, мы же там, в степи жили, нигде мы не записаны, никто не знает. Но у нас там был дед, Василенко, предатель. И его дочку и меня указал им, и они пришли и нас забрали. [...] Это было неожиданно, в степи живем, кто его знает, что я есть. Этот дед предал нас. Я не ожидала и не думала, что туда попаду. [...] Нас собрали и в вагоны, на автостанции стояли вагоны телячьи. Нас погнали из Докучаевска на Еленовку, строим мы шли пешком. Много нас вели. [...] Нас вели тогда человек пятьдесят, а мы на сборочном пункте в Германии держались кучкой, нас человек тринадцать было, чтобы попасть вместе. И так мы и попали вместе.

[...] Мы сразу ходили пешком в Ольгинку, там выдавали паспорта. И тоже спрашивала меня, спрашивала в КГБ, писала, а в конце написала, что я поехала добровольно. Меня спрашивают: «Вы что добровольно поехали?» – Я говорю: «У меня есть тринадцать свидетелей, что мы забраны». Вот это какая-то хивря<sup>1</sup> сидела, писала, писала, нечего, видно, делать, что-то спросила, я, видно, сказала что-

---

<sup>1</sup> Жаргонизм, обозначающий невнимательного, несобранного человека.

то. И моя дочка поехала в КГБ<sup>1</sup>, нашли мои документы, и говорят: «А она добровольно поехала». – А она говорит: «Нет, ее забрали, я могу вам предоставить свидетелей». Мы паспорта забрали, и никто нам никакой помощи не оказал, ничего. Паспорта получили и как хочешь, так и устраивайся. [...]

Многие скрывали, что были в Германии. И многие наши ездили добровольно, и кто добровольно ездил, им все права. Наших много ехали добровольно, и семьями, у нас тут дом с края, там семья уехала добровольно, отец, мать и две дочери. И ей теперь льготы и права, потому что она была с 1931 года, а мне нет, потому что мне было 16 лет. Им платят 75 процентов, а мне 50 процентов<sup>2</sup>. Кто ехал с родителями малолетние, тем есть все, а нам нет. Когда нам первый раз давали по 660 марок, им дали 660 марок, а мне 600, почему так? Мы жили в одной комнате, на одной работали работе, им по 660, а мне 600. [...]

*К. Варвара Ивановна*

\*\*\*

[...] Но в Германию забирали. Ну вот хотя бы эти «остарбайтеры». Я уже не помню, что мы были на вокзале, проехала с Дружковки. А мы несли ей чемоданы – она нам по 10 копеек дала. Во Фрунзе, в клуб. Ну что, ее забирали? Ну тогда мы еще не понимали, а сейчас, я вот-то вспоминаю. Разодета, разукрашена. Так что она, «остарбайтер»? Если она приехала с Дружковки в клуб. [...] Добровольцы!

[...] Да, забирали. Я помню, я сама лично видела, что забирали. Я сама лично видела, что на вокзале. [...] Я не знаю, чего мы тогда так ходили. Ну тогда город как-то был меньше. И в вагон их погрузили, девчат. Кричали, руками [машут]. Они ж не достанут, а только руки. Вот это я видела, как они плакали, матеря плакали. [...] Были добровольцы, много. А сейчас они пострадавшие, да. Знаете, такие же: «Они вот там работали». Они приехали из Германии. Знаете, сколько шмоток попривозили некоторые? Те, что были на заводах, они трудно им было. А те, что по хозяйкам жили – ничего. В кафе работали. Как наши сейчас ездят в Италию везде, в Грецию. Так что она, «остарбайтер»? [...] А вы знаете что? Они добровольно здесь шли, а их

---

<sup>1</sup> Этот вопрос был поднят родственниками респондента в связи с выплатами, осуществлявшимися немецкой стороной в 1990-е–2000-е годы жертвам нацистских преследований через фонд «Взаимопонимание и примирение».

<sup>2</sup> Респондент имеет в виду нормы Закона Украины «О жертвах нацистских преследований» от 23 марта 2000 г.



грузили все равно в эти вагоны. [...] В телячьи. Все равно их туда грузили, им туда никто не давал ничего. Вот эти солдаты, что грузили, им уже было все равно: «Ты доброволец или нет». Всех туда в одну. Но это сначала их в клуб. Я помню много их было. По 10 копеек носили чемодан. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] А на «Евдокиевке»<sup>1</sup> работали, нам вообще ничего не давали. Это потом, когда уже уголь [добывали], стали давать нам. А сразу нам ничего не давали. Ходили просто потому, чтобы нас в Германию не забрали. [...] Ну были добровольно [кто ехал]. Ну считали как: «Там же ничего, там все есть, там в магазинах все есть, а тут у нас ничего нет». [...] Верили пропаганде. В копеечку ситец хороший, ехали туда добровольно. (*Смеется*). [...] Один раз был набор. 25-й, 26-й год. [...] Приказали немцам, чтобы тех, кто работает на шахтах, чтобы нас отправили в Германию, забрали. [...] А год моего рождения 25-й. [...] Так нас немцы отправили в шахту работать, чтобы нас не забрали в шахту<sup>2</sup>. Немцам тоже нужны были люди. И вот они нас и спрятали. Не потому, что они из каких-то побуждений, а потому что им люди нужны были. Они видят, что мы работаем. Кого они будут брать? Где они их возьмут – их нет. Этот поселок весь зарос травой, тут ничего не было. Вообще через 2-3 дома может какая квартира заселена. Вот то немного привезли оттуда, с Брянки этой<sup>3</sup>. [...] Наверное, добровольно [приехали]. Жить нужно было чем-то, там шахта, наверное, не работала. Тут хоть 700 граммов давали на 10 дней. А там кто его знает? Может так вот, как нас забирали в Германию, так и оттуда может быть. Забрали людей помоложе. Вполне возможно. [...] Сказали бы вы там немцам: «Вы чего не платите тем людям, которые у вас работали»<sup>4</sup>. Работали бесплатно. [...] Если дадут нам 300 грамм хлеба – и то спасибо. [...]

*К. Вера Максимовна*

---

<sup>1</sup> Шахта в Сталино.

<sup>2</sup> Респондентка оговорилась. Правильно – в Германию.

<sup>3</sup> Имеются в виду шахтеры, привезенные в период оккупации на работу в Сталино из Брянки Ворошиловградской области.

<sup>4</sup> При проведении интервью респонденты информировались о возможности ознакомления с их материалами немецкой аудитории.

\*\*\*

[...] Не на каждой шахте, не на каждой угоняли. В основном они обманывали. В основном, что так и так, туда на вольный, там будете жить. Ну, пропаганда была большая. И люди многие клевали, потому что здесь жизнь невыносимая была, дескать. И они вот добровольно туда уезжали. Связи почитай никакой не было, чтобы там письма писать. Вот кто уехал – с концами. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] В Германию ж то всех забирали. И меня забирали. [...] По квартирам чуть свет, ночью. Пришел, забрал – и на биржу туда. Прямо без всякого предупреждения пришел с винтовкой и забрал. И на биржу. А биржа вот здесь на Путиловке была, вот здесь вот, где лес. [...] Где Путиловский лес. И нас туда. Не меня одну, а много же нас, детей, позабирали. [...] Мне 16 лет было – а меня в Германию. Но спасибо зятю, сестры моей мужу. А у него знакомый был на бирже. Вот и откупил меня за часы. [...] Часы швейцарские были. И он ему дал часы, меня оставили. Написали «Русланд» – тогда ж паспорта эти были. «Русланд», что больная, нельзя в Германию. И больше меня не трогали. [...] А так вот всех детей – я ж говорю, мне 16 лет не было. Та, мне ж в декабре, а забрали меня в марте. То есть это мне было 15. 15 с лишним лет. И вот благодаря зятю я спаслась от Германии. [...]

*Кривица Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Население в Германию брали. Тут уже ты никуда не денешься. Повестку принесли – берут. Хочешь не хочешь. [...] Мою сестру в Германию брали. Ну, ее довели до Марьинской балки, и вернулась, мать ее забрала назад. Матери грозили, значит, что ее заберут, и будут бить ее. [...] Были такие [кто ехал добровольно]. «Хоть свет увижу», – говорит. Было много. [...] На Петровке, Женя. Он же добровольно ушел. Он же не послушал родителей и добровольно ушел туда. А потом возвратился оттуда. Были, были люди. [...]

*К. Иван Егорович*

\*\*\*

[...] Ясно и понятно, что многие выехали туда по желанию. [...] Да, я тогда не знал, а уже после, годы прошли, моя соседка говорила,

что ехали на заработки. А в большинстве своем молодежь забирали. Но были и добровольцы. [...]

*Кубышко Николай Сергеевич*

\*\*\*

[...] А у нас у Клавы (*сестры*) делали тут на ногах раны. [...] Чтобы в Германию не забрали. Придут немцы – а мама показывает. [...] Что у нее тут раны – и уходят. А то б ходили – не является на участки, а знают, что есть молодежь. [...] Тифом дома болели. Если тифом кто больной – они сразу вешали на дверях бумажку – они никогда уже в эту квартиру не зайдут. Даже вот когда облаву делали на молодежь – и кто умудрялся, нарочно прицепит эту [бумажку]. [...]

*К. Лилия Николаевна*

\*\*\*

[...] В облаве поймали меня. Значит, в облаве поймали, а мы с мамой поехали за тюлькой. [...] Азовское море, вместе с братом. Но я не пишу этого в биографии. В облаве. Когда мы торговали, отец курил, шахтер. Табачок нужен был. Так это, на блюдечко [торговали]. Тюльку эту привезли на тачке. А знаете, где был рынок? Где ЦУМ сейчас, вот там был рынок. Во время войны и до войны был. Вот там был и мы торговали. Вдруг машина появляется: «Los, los, weg, weg!»<sup>1</sup> Ну, со шмайссерами они, конечно, с собаками. Мать плачет – а меня с братом, 27-го года, тоже вместе ездили на тачке. Трое суток мы везли с Азовского моря сюда домой на тачке, тюльку эту. И продавали потом. А что? Что немецкая марка оккупационная стоила? За нее, даже за марку нельзя было коробку спичек купить. А менять – пожалуйста. Вещи... Вещи – пожалуйста. Пальто, пальто с хорошим воротником, отца поменяли на эту тюльку, понимаешь ли. Несколько ведер. На Азовском море. А потом облава. Повезли нас. А куда нас повезли? Мать плачет – но ее не тронули. Она осталась тюлькой торговать там на рынке, а нас повезли. В театр оперы и балета. А он уже работал до войны<sup>2</sup>. Я туда уже ходил в девятом классе, на «Красное солнышко», на спектакль. И там на соломе мы переспали в подвале, а там [у театра] был тупик. Станция Сталино – был тупик. Прямо у театра. Пока

---

<sup>1</sup> Давай, давай, прочь, прочь (*нем.*).

<sup>2</sup> Новое театральное здание Донецкого музыкального театра (ныне – здание Донецкого национального академического театра оперы и балета им. А. Б. Соловьяненко) было открыто в апреле 1941 года.

согнали из Макеевки, из Мариуполя, таких же, как и мы подростков. Понимаете, в основном они ловили подростков – в церкви ловили, по повесткам, ловили в облавах, понимаете ли. Но я все это описал в книге. А потом погрузили в товарные вагоны, как скот, и погнали на запад. [...]

*Левин Николай Николаевич*

\*\*\*

[...] А потом пошел в Горловку на рынок, и там ходил, а тут облава и нас поймали, в основном ребят молодых, забрали паспорт, а без паспорта вообще нельзя было. Говорят, завтра придете. Дали нам по килограмму пшеницы, а работали на железной дороге, дорогу расчищали. А на второй день пришли в Горловку, а тут как раз отправка в Германию, и нас туда. Документы отдали, а домой не пустили. [...] Потом под конвоем вели с собаками до Донецка. Я считаю, что в Ясиноватой остановились на ночлег, там овощная база и там мы переночевали, а утром нас подняли и повели на станцию в Сталино. Потом погрузили нас в вагоны, телятники, вагоны закрыли и повезли. [...]

*Л. Николай Федорович*

\*\*\*

[...] Наши, советские деньги [ходили]. Ну и были оккупационные марки. [...] За марки кое-кто, вот, я некоторых знаю, добровольно ехали в Германию. [...] Распродавали все свое имущество только за марки. А потом кое-кто из сведущих, которые работали там постарше, те говорили, что немцы сами смеялись. Туда в Германию приехали, а эти марки там не ходят. Туда надо настоящие. [...] Вот я знаю, они, муж и жена тут с Жилкопа, жилищного кооператива, вот здесь они жили, напротив нас. Они завербовались в Германию, потому что здесь им ничего не светило. А там они хотели жить хорошо. Ну помню даже, когда мы у них бурак покупали, а он за советские деньги не отдавал, а отдавал только за марки. Ну а потом отец мой говорит: «Что же ты думаешь? Где я тебе возьму немецких марок?» – «Не знаю ничего. Мені на біржі сказали, щоб менш не мав ніж тисячу марок». В Германию ехать. «Вот я все продаю за марки», – и все. И уехали в Германию. Распродал все свое имущество за марки. У кого-то ж такие

А К Т

НА УГНАНИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В ГЕРМАНИЮ-ФАШИСТСКОЕ  
РАЙСТВО ПО ГОРЛОВСКОМУ РАЙОНУ, СТАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

Января месяце 23-го Дня 1944 года.

Комиссия, под председательством Зам. Председателя Исполкома Горловского Совета депутатов Трудающих тов. ИИЛИАШИН, Секретаря Горкома (б) тов. ЛЕОНОВА, Зам. Горкома тов. ЗАДАРЬЯКО, Зам. Горбюроотделом тов. ДЕНИСОВ и от рабочих пяти "исчужарка" тов. ДЕНИСОВИЧО

На основании поданных заявлений трудящихся в отношении угнанных Советских граждан и немецкое работно, свидетелюющие о нечеловечности немецких фашистов, примененных к Советским гражданам при входе их на Германскую территорию, применяя и отживавших весте в Германию пакки и расстрели, устраивая обиды, задержания и в закрытых концлагеря отправляли в Германию. Из них руководили немцы-фашистер, Гессе Мартин, Воянда Генрих и Зигмар Антон.

Только угнанный с Горловского района эворами лучшей молодежи и направил в Германию - 2518 чел., а что является беззасты пропавших, то насчитывается до 15 тысяч человек.

О методах, примененных героборк рабочая молодежь в Германию, рассказывает население с большим ужасом:

Гр-ня КРАВЧЕНКО Татьяна Филипповна, 32 года, домохозяйка, проживает на поселке Гольма по улице Нирова - рассказывает, как ей совместно с сном КРАВЧЕНКО Лев Александровичем, 1925 года рождения, 8-го сентября 1943 года было предложено насильно выехать в Германию, а когда она эвора свои сумки вещи, выехала из квартиры, но ее они возвратили в квартиру, тут же они расстрелили немцами. (см. ст. 1)

Гр-ня ГОЛЫЦКО Ирина, ДАВЫДОВИЧ Акулина в другие рассказывает что их детей, не давая им ехать в Германское работно, задержали немцы а на стоял эвораки направил в не известности, о судьях которых не знает и по она хор. ( см. ст. 2-5, 11)

Гр-ня КОСЫДИНОВ Николай Семенович, 1900 года рождения, проживает - 1-й этаж, 2-й участок ДТЗ 3-20, рассказывает, как его вывели по распоряжению работно на работу труде в Горловку со своим сном Петром, их взяли под охрану и под конвоем отправили в Германию эвораком в Г. Гер в лагерь шлать Фридрих Розен, где их заставляли работать по 14-16 часов, жили голодом, если давали хлеб, и то только с опилками, работая под пытками в течение месяца. На его глазах за месяц умерло 6 человек от голода и не посылного труде. Сам он скоро отой пивляком, был отправлен обратно в Россию. Вот как работали Советские люди на немецкой каторге. (см. ст. 6)

Гр-ня КОМАЧЕНКО Александр, проживает на улице 1-й в 5 по Красноградской улице рассказывает, что ее мужа умели в Германское работно а она осталась с 4-мя детьми, голодала, и у ней умер ребенок. (см. ст. 8)

**Фото 17. Акт Чрезвычайной государственной комиссии об  
обстоятельствах депортации населения Горловского района в  
Германию**  
ГАРФ, ф. 7021, оп. 12, д. 19, л. 153.

были? Были ж такие. [...] Вернулись [потом]. Тут же опять жили, и в этом же доме жили. Где сейчас Дорохины живут. Вот тут старая квартира Дорохиных. [...] Ну кто хотел бы [ехать], если бы тут было что-то? А то ж люди добровольно ехали – они ехали вроде бы на заработки. А получилось так, что они, что у нас пленные были, что там пленные. Выходит так. Как я сейчас думаю. В Германию ехали – они же там вольно не ходили. [...] Некоторые сами ехали, а большинство – базар оцепит полиция, пару немцев, захватили всех, согнали, даже пожрать не дадут. Погрузили в вагоны и погнали. [...]

*М. Алексей Михайлович*

\*\*\*

[...] Ну а сестра старшая нигде больше не работала. Там они, главное, в Германию без конца гоняли. Ну, а в Германию угонять, так приходится, предупреждают. Они прячутся. Так, в основном дома были. Нигде не были. [...] Вот добровольно, я знаю, уезжала сваха. Это потом узнала, что она ездила добровольно. Я фамилию ее не знаю девичью. Знаю по мужу – Шубенина. Она добровольно уезжала. Ну, там тоже ей ничего хорошего не было, что они добровольно уехали. Работали у хозяина, как она рассказывала. Значит, хозяин хороший попался – не обижал, значит. А если такой, так он им и покоя не давал. Она говорит: «У меня был хороший хозяин, и кормил хорошо, и мы работали, всего. А ночь отдыхали или так, посменно. Не обижал», – говорит.

[...] Был староста по фамилии Котов. Ну, как Борис Анатольевич<sup>1</sup> говорит, что, он, мол, плохой был человек. Но я не хочу сказать, что он был плохой. Для нашей семьи он был неплохой. Он с папой был в хороших отношениях. И всегда. Вот в Германию забирают – он придет и скажет: «Так, Никита Антонович, спрячь своих девчат. Завтра будет облава. И облава где там. Будет облава. Пусть никуда не выходят». Или: «В Германию будут забирать завтра. Прячь своих детей. Повестку принесут – скажешь, что они уехали. Их нет». Всегда ходил, предупреждал. Вот это я его помню хорошо. [...]

*Митина Роза Никитична*

---

<sup>1</sup> Имеется в виду Красников Б.А., донецкий краевед, автор ряда работ по истории Петровского района Донецка.

\*\*\*

[...] Отож немцы зашли к нам. Я в 42-м году уже 12-го или 13-го июля. [...] Еще в сентябре забирали. Я знаю, что сразу нас позабирали. Я первую комиссию не прошла, я дома была. А во вторую уже попала. У меня нога сильно болела, у меня тут даже рана была такая. Мне остановили было в первый набор. А второй пошла – тоже же все болела. Нога и все. «Ничего, там, – каже, – там вылечат». [...]

*Н. Клавдия Акимовна*

\*\*\*

[...] Поездка в Германию началась сначала с большой рекламы: кто поедет в Германию, будет обеспечен полностью, будет ходить шляпу носить, тросточку и будет такой. У нас были такие: и в 41-м году уезжали и в 42-м уезжали, понимаете? Потому что в то время как раз фашистская Германия, она приобрела самую большую военную мощь, а то, что касается экономического объема, – на нее работали все западные европейские государства. А что могла сделать в тот момент, язык не поворачивается, такая страна как Украина. Такой страны не было, а был Советский Союз.

[...] Вот на военном нашем совете: вот здесь мать, я, сестра старшая. Вопрос за меня: либо в шахту идти работать, пожалуйста, либо, пожалуйста, в Германию: тросточку там иметь. Ну, решили, мать сказала: «Лучше умереть, так на своей земле». Но туда ехать она не дала согласия. И я 5-го декабря 41-го года пошел в шахту. И 2-го февраля 1999-го, через 57 лет, я вышел из шахты. [...]

*Н. Валентин Владимирович*

\*\*\*

[...] Работал в локомотивном депо, слесарем работал, комсомольцы были тогда. Все эвакуировались, а я здесь остался. Ну, почему, потому что все эвакуировались, а я говорю: «Мне куда?» – Сказали: «Оставайся здесь, пригодишься». Я остался в депо и работал, немцы уже вступили сюда, кажется в октябре, работал при немцах в локомотивном депо. [...] Слесарем я работал. В апреле 1942 года начали забирать в Германию, забирали холостяков. [...] Забирали прямо с работы. Говорили, что вызывают в полицию, иди в полицию. Когда приходили в полицию, там говорили, что забирают в Германию. Я говорю: «Как же так?» – «Так как ты работаешь в депо, то тебя назначили работать в Германию». Там были и другие люди. Из

Гольмы люди были, из Зайцево<sup>1</sup>. Нас охраняли полицейские. Это было 16 апреля 1942 года, собрали нас и погнали в Горловку. В Горловке была биржа труда, там собралось человек двести и оттуда нас этапом погнали в Донецк. Тогда Сталино было. В Ясиноватой переночевали ночь, потом из Ясиноватой в Сталино мы пришли, там нас погрузили в вагоны. [...] В Сталино погрузили в вагоны, и мы поехали, а куда – никто не знал. [...]

*О. Владимир Анатольевич*

\*\*\*

[...] Ну и было на меня гонение еще в Германию. [...] 2 раза присылали мне повестку все, а моей матери дядька, фамилия его Коваленко. А они – Коваленко – все были такие богатеньки – и их при Советской власти, при коллективизации, их начали зажимать. Так они все смотали в Горловку на шахты. И спаслись. Их никто никуда не трогал, бо их же нет. А тогда ж они пришли сюда все – их там 2 брата. [...] Вернулись. [...] И вон в этой управе земельной ведал. И от то мать піде до него: «Дядьку Гришка, ну спасите». – «Ладно, иди». Так вот то он меня и спасал, дальственный родственник. [...] И вот то піде, и вот то отставляли. А дівчат забирали. [...] Председатель управы был, у них же там и земельная комиссия. Ну все там бывшие, пострадавшие. Ну вот то такое было гонение. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] Ехали добровольно, людям выжить надо было, умирали с голода. А некоторые ехали, думали богатство заработать. А Муська Петренко, моя сестра Шурка, Подобед, Галка Бабурич на третьем гуляли, возле Калинина<sup>2</sup> бабка какая-то жила. Тогда же не было ни клубов, ничего, при немцах. Приходит Ващенко – отец, ты знаешь, какой был? (*обращаясь к присутствующему во время беседы соседу*). [...] Полицай, да. Вот приходит Ващенко, Бутенко сын – квартирами ведал. По моей улице – Романько – Тимофея Ильича улица, он хорошо работал, бурильщиком был. И вот, значит, к той бабке – а бабка та брала денежки, ну надо же было жить как-то. Они (*молодежь*) гуляли, вечеринки делали. И вот они приходят: Ващенко, Бутенко, еще кто-то – трое их, по-моему, было. С карабинами они ходили. Зашли, а там

---

<sup>1</sup> Поселки, административно подчиненные Горловскому горсовету .

<sup>2</sup> Очевидно, имеется в виду фамилия кого-то из знакомых.



человек 20. Пошли – их же трое было. Берет себе 5 человек – поделили всем, идут по квартирам. Это же ночью, ночью! Приходят, паспорта берут, забрали паспорта у них и на биржу. А ты знаешь, где биржа была? (*обращаясь к присутствующему во время беседы соседу*). За стадионом, где спорткомплекс «Кировский». Я даже туда ходил, тоже там паспорт получал. Значит, приходят: «На биржу пойдете». Они (*полицай*), значит, утречком отнесли туда паспорта все. А куда ты без паспорта? Это же первый документ. Они приходят туда, им предлагают: «В Германию». Куда же деваться? Это же не добровольно он поехал? Вот они ехали. А есть ехали добровольно. Ты Мирониху Люську знаешь? (*обращаясь к присутствующему во время беседы соседу*). Она участница боевых действий. Вот она поехала в Германию добровольно. Ее мать на поезд кинула и поехала. Ну жить-то надо было? И она сейчас сравнивается сейчас с участниками боевых действий. Налоги не платит. Вот Каплун Митя – он малолеткой забран был. [...]

*Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] И за нами сразу ж пришли, в эту ж 21-ю школу. 33-я. Там мы проходили комиссию. [...] А те, что в Германию работать – в основном конец февраля 42-го года и начало марта – в основном добровольно ехали. Люди бежали не потому что, а бежали от голода, от холода, от неурядиц этих Я их не осуждаю. До октября месяца – еще добровольно ехали. 42-го года. А когда оттуда письма стали приходить. [...] Открыточки. Оно очень мало. Пишет: «Дорогая мамочка. Я живу очень хорошо. Но наш Полкан лучше, чем я». [...] Я хочу сказать чего. Когда нас освободили, я пошла мимо биржи труда. И я несколько нераздатых открыток принесла. В 43-м году брат приезжал с границы, Зину мы искали<sup>1</sup>. И у меня много фотографий с убитых было. Он все это забирал. Вы понимаете? Я его как-то упрекнула: «Они тебе нужны были? Как бы мне все это пригодилось». Открыточки. Наш адрес и мелко-мелко написано. И вот это ж их. И Тоню в концлагерь, а нам туда [на биржу]. И мы что – чтобы в Германию не ехать. Это ж где-то март – в начале апреля на комиссию сходили, табак курили, деньги. Деньги курили. Говорили, тоже не знаю, табак тоже. А не ображали. Чтобы туберкулез сразу был, чтобы не попасть в Германию. Но уже делали чесотку. И уже немцы знали, прямо в эти, в эти товарняки бросали. Под мостом под этим

---

<sup>1</sup> Имеет в виду свою сестру Зинаиду Полончук, казненную в январе 1942 года.

стояли товарные теплушки<sup>1</sup>. [...] А я ж думаю: «Что делать». [...] Чупилов<sup>2</sup> на заводе каустик приносил – стирали. Я в ведро, натерла этим каустиком. Все сплошная рана вышла – гнойная. И вот так же платью придерживаешь. И никому ж не говорим. И матери не говорим. Мать плачет, готовит в Германию, лепешек этих кукурузных напекла. Пришли мы туда, нас сразу отсеяли. Документа ж с нами нет, это родители сидят. Зашли – большой класс. 4 врача русских сидят. Немцы ходят. В кабинет немцы раздевают, догола раздевают нас. Я зашла в класс, думаю: «До кого ж пойти». Думаю: пойду до самой молодой, она ж еще, жизнь ее еще не обозлила. А те более пожилые. Я к ней подхожу и боком становлюсь. Дуська пошла, Мария Клементьева. Дуська глухая – у нее ухо болело. У меня тоже ухо потекло – я уже потом расскажу как. Попали под бомбежку на Брикетной фабрике. Дуська: «А-а», – не слышу. Мария с сердцем. Ксения тоже не знаю что<sup>3</sup>. Это, значит, на консультацию к немецкому врачу. Она говорит: «А что у тебя?» Я говорю: «Да не знаю». – «Давно у тебя?» – «Да уже недели две». Она ж корочка. Я сделала так, высыпало. Она, видно, догадалась. Говорит: «Я тебе дам». Отпуск выписала, ага: «Подлечишься, а потом придешь». – Я говорю: «Хорошо». – Она говорит: «Ну после перерыва ты получишь документы». Я выскакиваю, а эти ж к немецкому. Я говорю: «Мам, у меня будет запас на 2 недели» Показываю ей. А мать там же сидит. Тут немцы и наши. Дождалась – дали мне эту бумажку, дали мне это освобождение, что освободили. И выхожу – подружки мои. Подходим к нашему полицаю – а он на нас матом. «У нас же родители, выпусти». – «Нет». А к немцу подошли – я с этой бумажкой, а за мной трое стоят. Они за мной. Он говорит: «Идите». Я с матерью пошла, а эти разбежались в разные стороны. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] У меня ж зятя угнали отсюда угнали из Донецка. Там тряпки какие-то свои пошел променял на табак. И пошел на рынке, чтобы табак продать, а хлебушка купить. Жить то не за что было. А его немцы забрали. [...] И то он оставил двое деточек – и то угнали

---

<sup>1</sup> Имеется в виду мост через подъездные пути к Донецкому металлургическому заводу, расположенный в Донецке на Ленинском проспекте, в районе цирка «Космос».

<sup>2</sup> Возможно, респондентка оговорилась и имеется в виду Чупеев М.В., один из участников антифашистского подполья в Сталино.

<sup>3</sup> Респондентка говорит о своих подругах.

его. Даже табак этот и то там остался. Его не выпустили. [...] В Германию очень многих угоняли. Добровольно вряд ли кто ехал. [...]

*Смолякова Ирина Герасимовна*

\*\*\*

[...] Начали в Германию брать. [...] В мае месяце начали брать 42-го года. Выбрали двоих здоровых, они раньше богачи были, и их выбрали старостами в селе. Они своих не отправляли, а нас позаписывали и отправили в Германию. [...] Мы были первые. Нас отправили сперва трех, а потом еще пятнадцать человек. [...] Да, молодая была, хотела посмотреть мир, а у нас на квартире стояли немцы, тогда же по квартирам были. Один немец был пожилой мужчина. Семейный видно, хороший дядька, а другой молодой фашист. И он хвалит, хвалит, я же плачу и мама плачет: «Там хорошо в Германии». Не надо плакать, там хорошо». А тогда, когда он уже ушел на дежурство, пожилой и говорит: «Мама, в Германии хорошо гулять, а работать очень плохо, будет ей очень плохо там». [...]

*Т. Варвара Ивановна*

\*\*\*

[...] А потом уже в это время в Германию начали вывозить на работу. [...] Но сначала они сделали так. Добровольно, рекламировали. Даже в газетах были фотографии. [...] Добровольно на работу в Германию. Вот в основном девчат. Потому что ребят не было такого возраста. Это 17, 16, 18 лет – все пацаны были поголовно в армии. В основном девки. Даже у нас с улицы вернулась одна, потом парень один вернулся. Оттуда. Вроде специально он не захотел работать: «Езжай». – Они же приехали, говорят: «Да все там хорошо, все нормально. Мы сказали, что не можем. Но не можете – выписали билет, на те деньги, что мы заработали – и до дому». А потом, когда это не сработало, началась агитация, разъяснения им и все такое – начали угонять. Вот таким путем: отлавливали, в вагоны и пошел. Уже брали пацанов, на вырост. Пацана же легче ломать с точки зрения психологии и все такое.[...] Ну вот таких добровольно было мало, может быть в первые месяцы. А уже с 42-го года нет. [...] Уже увозили. Уже отлавливали и увозили. Здесь на работы принудительные назначали. Вот, допустим там, на уборку территории. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] Пришло извещение, что явиться в полицейский участок такого-то числа. Мы приедем, они заполняют бумажки свои. А потом назначили на какое число выезд будет. Но они же не только с Волновахи брали, и с Мариуполя. По дороге. И выводили нас, мы в вагоны заходим и проезжаем дальше, в Еленовке брали, в Ольгинке<sup>1</sup>, в Донецке, собрали и подвели до поезда и садили на поезд. [...] Была [возможность скрыться]. Но у меня же брат и отец знал, в селах у нас родства не было. Отец говорит: «Лучше ты иди, так ты вернешься с Германии, если Николая отдам, он может не вернуться, потому что он мужик». И я, как говорится, пожертвовала собой. И мы решили, что я вернусь из Германии, а Николай не вернется. Когда он и так калека. И не был и в Германии, а так получилось<sup>2</sup>. [...] Была такая возможность [отправить одного]. Отец побоялся. А Николая устроил на работу коров пасти. У нас, если бы не русский переводчик был, а то тот русский переводчик плохой был, и через него я не могла скрыться, но если бы кто-то другой, можно было. Он такой старик был вредный, в тюрьмах сидел, знаете, какие они.

[...] После я уже слышала, что были добровольцы, а мы же ехали первые. Первым набором. [...] Может и брали где-то раньше нас, но по нашей области, это первый набор. [...] Были такие, которые себе раны делали на ногах. Были и оставались через это. [...] Просто от людей, слышала, что некоторые убегали. Но я и отец мой не находили как. Они же могли и на отца подействовать, вы же понимаете, это война. Мы же боялись, чтобы отца потерять. Я когда в Германию уезжала, у него волосы были черные, как у галочки, а вернулась, он белый, как лист бумаги. Вы думаете, он не переживал? Переживал. [...]

*Х. Мария Семеновна*

\*\*\*

[...] Мама сидела (*пряталась*), потому что всех угоняли, угоняли тут же в Германию. Вот так, если проходили прямо по домам, угоняли более-менее таких женщин, которые могли работать, и насильственно – потом я вам дам данные – и насильственно прямо-таки угоняли в Германию. Может, конечно, были такие, которые и сами ездили, но именно перед отступлением немцев, это уже было насильственно, угон в Германию. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

---

<sup>1</sup> Населенные пункты в Сталинской области.

<sup>2</sup> Брат респондентки позже, после освобождения от оккупации, был призван в Красную Армию, получил тяжелое ранение, стал инвалидом.

\*\*\*

[...] Случаев, когда угоняли, я не помню, но что сами ехали – это я знаю. [...] Ну, в основном девушки, молодые, лет по 18, 19 так ехали. Они остались как бы ни при чем. Мужчин нет, ничего нет в поселке. И они, значит, несколько человек – ну, может, с десятком человек – уехали в Германию. [...] Ну, там несколько наборов было. В первый набор несколько уехало, во второй набор несколько уехало. Ну, по-моему, они там и прижились. [...] То есть они не вернулись. Так они и остались в Германии. Потому что после войны они присылали своим знакомым сюда на шахту весточку, что они там живут и все такое. Но это некоторые, а за остальных я не знаю. Ну, некоторые я знаю, что вот так [сделали]. А насильно нас хотели угнать: «Или в шахте, или в Германию заберем». Ну я выбрал из двух зол меньшее. Ну, какая там с нас работа была. Ну ребенок, 13 лет, пацан. Ну что там с него взять. (*Смеется*). Но зато в Германию не уехал. Мать говорит: «Ну куда ты поедешь? Иди в шахту там. Как бы там ни было, но ты дома будешь. А туда поедешь – там пропадешь». Ну и вообще, конечно, может она и права была. А так, чтобы взрослое население – в Германию не забирали, потому что все сразу в шахту пошли. Как немцы объявили, что нужна рабочая [сила]. Ну, они тоже по частям [рабочих брали]. Сначала ремонтников брали восстанавливать. Эти восстановили, теперь на добычу набирали. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

\*\*\*

[...] Мы все, если приходили сюда, в Донецк, так у отца за дровами ночью ночевали, боялись, что нас в Германию увезут. А две моих подруги – Женя и Тося – как их фамилия, Мягковы, сами записались, вначале записывались сами, кто хотел ехать в Германию, говорили, что там золотые горы дадут. И они записались, а потом когда узнали, что там плохо, они начали прятаться, и уже дома они не ночевали. То у одних поночуют, то у других, то у третьих. А их все равно поймали: «Вы записались». И забрали в Германию. А они там жили у одного помещика, кормили свиней. А им жрать не давали, буряк там дадут и все. Так они, когда носили свиньям кушать, так картошку крали у свиней и ели. Там их плохо было. А потом они замуж там повыходили за французов, за латвийцев. Одна за латвийца вышла, одна за француза. И сюда они больше не приехали. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*

## ГЛАВА 13

### «А ВОТ ЕСЛИ БЫ НЕМЦЫ НЕ ИЗДЕВАЛИСЬ...»: ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ К СТАРОЙ И НОВОЙ ВЛАСТИ

[...] Друг другу листовки передавали, но больше устно всегда передавали. И тут же оглядывались, и передавали только таким людям, которых знаешь. В которых уверен. И старались, чтобы мы, дети, не слышали. Но мы все равно слышали, когда взрослые хоть что-то там обсуждают, а мы ж локаторы свои наставляли. Нам же тоже: «Когда ж наши придут, когда наши». И вот когда участились случаи – наши все чаще и чаще стали прилетать, и когда уже видим что они-то едут – на запад что-то везут, то петушатся чересчур. И мы все уже стали понимать: «Это ж скоро наши придут». Скоро наши придут? Скоро наши придут?» – это было самое главное. Этим жили. Этим жили: «Когда наши придут?» [...]

*А. Луиза Венедиктовна*

\*\*\*

[...] Некоторые были очень довольны тем, что немцы пришли. Очень довольны были! Оказывается – и они в открытую это говорили, что их раскулачили там где-то, что они убили там председателя колхоза и парторга убили, что это такая доблесть. Понимаете? Самые разные люди были. Дело в том, что в Донбассе много было народу всякого. Здесь же брали на работу даже без паспорта – некому было в шахте работать. Поэтому тут по сей день сохранилась такая разномастность, что ого-го! [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Ну как вам сказать. [...] Мы свою жизнь не считали жизнью. Понимаете? Вот мы чувствовали, что мы как-то угнетены, подвластные какие-то. Как крепостные... Не имеешь права никуда выйти, никуда не пойти, никуда ничего. Если у тебя нет бумажки – ты не имеешь права никуда выйти с поселка. Значит, чтобы выйти, ты должен иметь документ. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] И вот, кого Советская власть оставила, кому было 15 лет. А уже в 42-м году ему было 17. Чего же вы их с собой не эвакуировали – стариков, детей и прочих? Чего мальчишек здесь пооставляли – подростков. Что же они не могли в тылу работать на заводах? Брошены были. Или умышленно, или по незнанию дела. [...] Представляете, бросить таких вот ребят. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Вы знаете, некоторые, отдельные личности, может быть и были рады: «Вот немцы придут, немцы дадут». Что они имели в виду, «что немцы дадут»? Но это же не случилось. И кое-кто предлагал свои услуги. В полиции были, ну они получили по червонцу, по 10 лет за сотрудничество. Был же закон, без суда, сразу 10 лет, если он не причинил что-то там серьезное. Так что народ – нет. Основная масса была настроена на то, чтобы немца разбить, чтобы не допустить чужеземца на нашу землю. [...] После [начала войны] говорили: «Как же так, как же так». Вот мы помним довоенные фильмы: «Граница на замке у нас», «Если завтра война». Да боже ж мой, бьют немца. Но видите, все это дело воспринималось... Да, был такой осадок: «Что же вы делаете, бросаете, оставляете людей. Где же ваша армия, о которой вы говорили?» Ну а потом, вы знаете, я вам скажу: немец, насколько он по натуре педант, хозяйственник, специалист – это нельзя отнять. Но жестокость его страшная была. [...] Я скажу на примере своей семьи. У нас как-то определилась жизнь, отец всю жизнь работал. С гражданской войны пришел – и завод его родная стихия. Сначала грузчиком, потом машинистом работал. А надо отметить, я вам уже говорил, бедно жили. И карточки были, и хлеб по килограмму был. Но как-то воспринималось, будто это временно. Все ждали надежду. Я никогда от отца не слышал, что немцы придут и что-то нам дадут и нам лучше будет. Никогда. Хотя тем не менее в детстве я такие отголоски слышал. То там называли кого-то, что-то: «Та они ж не, там были такие, другие говорят, что немцы придут, нам дадут». Но кого, кто кого имели в виду – я не знаю. Но что-то там было, вот такой разговор. Но вы знаете, врагов у Советской власти предостаточно было. Вы представляете, вот сейчас нам историю преподають, я не знаю, не мне судить. Но вот были, сейчас говорят, крестьян раскулачивали, специально был сделан голодомор и так далее. Ну, может среди этого населения какая-то обида была, да, может и радость, и злость была. Вот, мол. Но вот когда немец показал

истинное, мнение изменилось у всех. Немец вам не устроит манну небесную, что вы там будете сидеть и кушать, а немец будет. [...] Это ясно использовать нужно было. Немец – землю, рабочую силу, дешевую силу. [...] Это же, вы понимаете, когда возвращались наши – это же столько слез, сколько радости. Неподдельной, не артистической. Люди ждали.

[...] Вы знаете, когда немец первое время тут шел под марши, все на свете, конечно, тут народ ошарашен был. Неужели – сами спрашивали – неужели это конец всему? А потом, уже когда сопротивление началось сильное, когда наши начали уже действительно воевать, не отступать, а воевать, то, конечно, все ждали, надеялись, обязательно надеялись, что придут, будет освобождение. Каждый понимал, что немец это не благодетель от господа бога. Вот он пришел и сказал: «А вы, хохлы, украинцы, ну, короче, люди. Мы вам рай неземной сделаем». Нет. Но были такие, может, враждебные элементы, которые, знаете. Но вот если вникнуть и вглубь, и взять довоенный период – вот эти годы репрессий – это же непростое тоже, это же неизгладимо осталось у людей все эти годы. Вот я вам могу пофамильно назвать сколько людей взяли – и без суда без следствия. Где они делись – никто не знает ничего. Обвинили в чем – в антисоветской деятельности. А с Новоселовки на завод Ильича бетонная дорожка длинная была. И языками «аля-ля». Какие там с них – боже мой – контрреволюционеры или участники там диверсионных групп? Это просто так люди. А тогда же анонимки достаточно было. Это уже все было: «Вот тот сказал то». Я вам так скажу: моя мама, царство ей небесное, всегда говорила: «Иван, я тебя прошу, ты поменьше языком. Ты знаешь, Андрея взяли, того взяли, третьего, десятого». А отец иногда вот так в кругу семье, что они... [...] А вот у сестры его, которая я говорил, в Каунасе. Вот они, бывало, до войны приезжают в отпуск с детьми и сядут там – знаете, как до войны, гости, старались там угостить, посидеть. Бабушки, еще старики были, бутылочка, графинчик – тогда до войны водочка в графинчике была. Ну вот отец там рюмочку выпьет – говорит: «Гриша, вот вы говорите одно, а не получается, как вы говорите». (Смеется). Ну, высказывал, такое, знаешь. Тот смеется. Ну это ж родство было. Мать имела в виду, что отец может иногда [сказать лишнее]. Все его сдерживала. Так что из всех тех, кого взяли, один только Могильный дядька Андрей вернулся. Дали ему должность [...] каким-то там начальником, дали ему квартиру. Он, бедняга, немного пожил и умер. А так все сгинули. Куда делись? На распыл пошли, в лагерь – господи. Холод, голод... Вы знаете, должен сказать, может в какой-то мере могло в этих именно семьях, понимаете, в этих семьях [повлиять на настроение]. Но все-



таки обида она остается. Ну как это взять отца – ни за что ни про что, без объяснений, нет, все: «Враг народа», «Враг народа». [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Не многие, а все [встречали немцев]. [...] Они ждали, может быть, лучшего. [...] Улучшения, да, может быть. Любопытство так не смотрят, так не наряжаются. Вот мы идем на праздник – Первое мая, чтобы посмотреть Первое мая. Мы ж одеваемся, веселые. А то парами шли, парами! Даже молодые ребята, пары шли. И шли – все стояли, стояли, смотрели, как они едут, как они все. Ну они ехали там у них лошади такие были ломовые, брички, машины. У них все было такое, знаете...! Ну встречали, встречали. [...] Радовались. Ну как, радовались я не могу сказать, но встречали их, встречали. [...] Может они думали, что лучше что-то будет, что-то будет лучше. [...] Не потому, что они думали, что немцы хорошие. Ну вот вы знаете, как люди? Все думают, что что-то лучше будет. Что-то лучше. Даже многие дезертировали, не шли на фронт. Очень многие. Очень много не шло, очень много. Даже из тех же самых коммунистов. Не шли на фронт, прятались. И потом предательство было. [...] А потом, когда начали эти вывешивать – расстрел, расстрел, расстрел – тут вот [изменилось отношение]. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] Я пошла – отец же больной – за лекарством на Мушкетовку, на станцию Мушкетово в аптеку. Слышу – рупор такой большой – и объявляют, что началась война. Так что люди плакали. А все равно – отец мой сказал: «Все равно немцам тут не бывать, все равно их выгонят отсюда!». Так и сбылись его пророчества. [...] Да вы что – все были за Советскую власть, по-моему. Как вы хотите, как же не было. Отец какой – работал же этим конюхом, что он там получал? А все равно сказал: «Все равно немцев выгонят отсюда, никогда не будет немец здесь хозяйничать».

[...] Люди были патриоты, я скажу, за Советскую власть, хоть как они говорят [плохо], какая она ни есть, как ни бедно жили, но нас никто не бил хотя. Вот так мы считали. Все были: «Боже упаси, чтобы немцы тут были». Даже и разговора нет. [...]

*К. Вера Максимовна*

L a g e b e r i c h t

für die Zeit

von 16.6. bis 15.7.1942.

Allgemeines:

Einsatzort für die F.K. 538 war wie bisher die Stadt Mariupol. Der Bereich umfasst die rayonfreie Stadt Mariupol und die Rayons Budenowka, Mariupol-Land, Olginka, Telmanowo (Ostheim) und Wolnowacha.

Nachdem der F.K. 538 Anfang Juni 1942 die Wahrnehmung der Geschäfte eines Kommandanten des rückwärtigen Armeegebiets übertragen worden sind, erfolgt seit dieser Zeit auch die verwaltungsmässige Betreuung der O.K.I./263 in Taganrog durch die Abt. VII der F.K.

I. Politische Verhältnisse.

Stimmung der Bevölkerung:

Die Stimmung der Bevölkerung hat sich im wesentlichen nicht geändert. Nach wie vor sind 3 Gruppen zu unterscheiden.

Zur ersten Gruppe gehören Angehörige von Soldaten und Offizieren der Roten Armee, ehemalige Parteifunktionäre und Anhänger ~~und Anhänger~~ der kommunistischen Partei und sonstige Persönlichkeiten, die früher eine führende Rolle gespielt haben und die sich mit den jetzigen Zuständen mehr oder weniger nicht abfinden können und wollen.

Zur 2. Gruppe gehören diejenigen Personen, die mehr oder weniger gleichgültig an den Ereignissen der Zeit vorübergehen, Personen, denen es früher nicht gut ging und auch heute nicht gut geht, die aber dort, wo sie Arbeit und Brot finden, willig mitarbeiten.

Die 3. Gruppe umfasst diejenigen Personen, die schon immer anti-kommunistisch eingestellt waren, die unter der Sowjetherrschaft schwer gelitten haben und nun freudig an der Schaffung einer neuen Ordnung mitarbeiten.

Religionspolitik:

Das kirchliche Leben hat in der letzten Zeit eine grösseren Aufschwung genommen. Gottesdienste werden in zahlreichen wiederhergestellten Kirchen und Kapellen regelmässig abgehalten und gut besucht. Die Masse der kirchlich eingestellten Bevölkerungskreise gehört der ukrainischen, russisch- oder griechisch-orthodoxen Glaubensrichtung an. Daneben sind noch einige evgl. Gemeinden und evgl. Sekten vorhanden.

Kopie aus dem Bundesarchiv

**Фото 18.** Информация полевой комендатуры № 538 о настроениях населения на оккупированной территории  
ВА-МА, RH 22/202, Bl. 10.

\*\*\*

[...] Вы знаете, у нас они мирно проходили, в нашем селе. Мирно. Чтобы сказать, что там было – нет... Насилия не было. Не было. В других селах – там было, все. А у нас вот так они пришли нормально. Власть захватили, все. Брали в Германию. Ставили наших полицейских, а немцы руководили, конечно. [...]

*К. Иван Егорович*

\*\*\*

[...] Ну вот что Новиковы у нас. Забор поломали – они жили напротив нас. Забор поломали, 2 лошади достали, подводу хорошую, и прямо через наш двор. Возили, нагрузят, что там. [...] Еврейские вещи. [...] Евреев же порасстреливали. [...] Мама стала и говорит: «Что же это вы так делаете». – Он говорит: «Это тебе не при красных, жариться. Теперь уже наша власть». [...]

*К. Лилия Николаевна*

\*\*\*

[...] У нас соседка, вернее сказать – сосед. Когда-то они были помещики до революции, а потом их раскулачили, раскуркулили, куда-то там они выехали. А ихний дом стоял. Добротный дом, хороший. Он и до сих пор, по-моему, половина стоит. Нас еще как в тридцать году собирали до кучи, а мы жили – ну я бы не сказал, что кучеряво (*хорошо*). У нас была семья – 11 человек. Это моего отца братья, дядьки, а жили в одном дворе. Тоже хутор, но один дом. Рядом Шаповал был, так то понятно было. У него сады были, земля. А у нас на эту сторону было 10 десятин, это 10 гектаров с лишним земли. На вот этих всех братьев. И когда нас в 33-м году собирали, укрупняли селение. Сделали вот этот хутор Веселый Гай и туда собирали до кучи, в колхозы. Это в 33-м году. Я тогда еще маленький был, но я помню даже цвет наших лошадей, и где мы жили, и как. Это я с 33-го года был. Я помню это. Так у нас отобрали эту землю, все пошло в колхоз. Все пошло в колхоз. Лошадей отец в колхоз отдал – все равно заберут. Они говорят: «Или ты идешь в колхоз, или же мы тебя раскуркулим и выселим на Соловки». Ну у нас куркулить нечего – одна рабсила и земля. А такого почти у нас не было. Ну, была пара лошадей – и все. Ну, корова там была. И вот когда нас перегнали туда в село, и нам дали пол-дома ихнего, и полдома другому. Напополам разделили. Так вот, когда пришли немцы, появились сразу хозяева. Сразу. А тогда у них была земля – по гектару давали. Гектар земли на один дом. [...] А

когда немцы пришли – те вернулись, свой дом заняли, наш. А мы уже в том доме не жили, построили себе рядом. Нам переделали тот огород пополам. Пол – тем, и пол – нам. Ну они тетку Маруську не знаю, куда выгнали, а сами там жили, дом заняли. И нас выселяют, чтобы мы ушли с этой земли. А мы что-то там копали, или колодец копали, чтобы у себя вода была. Эта бабка пришла, и моего старшего брата – с 1926 года, говорит: «Я его засыплю». И уже в яме засыпала его так, до пояса. Мать вышла и вот этой бабке говорит: «Ты, старая сволочь, тебе уже подыхать пора, а ты вот лезешь, детей моих закапываешь в землю?». И вот-то ее раз об землю ударила, вытянула моего старшего брата. И на том закончилось. А они пошли и заявили председателю, ну туда, в совет. Пошли и заявили коменданту, что вот так и так, они с нашей земли не уходят. И когда сюда приехал комендант разбираться. А он ездил на тачанке. У него кучер был, лошади такие хорошие. А кучер пришел до нас и говорит моей маме: «Фекла, не бойся. Ничего не будет. Не бойся. Ничего не будет. Все ты правильно сделала». А когда они там начали, поставили угощение, и прочее, и начали говорить, что вот так и так, это ж наша земля. А он встал, комендант, и говорит: «Вашей земли больше нет. Земля теперь наша. Мы – хозяева. Мы – завоеватели». И вот-то на том все закончилось. Мало того – когда заступали к нам немцы. Ну уже фронт прошел, а начали власти эти. Фронт прошел, а одна бабка старая, Ольга ее звали. [...] Она старая-старая, но она помещица была. [...] И она на улице накрыла стол, накрыла скатертью, поставила угощение, что вот немцы идут. А немцы, значит, подошли, подъехали, посмотрели: «Что такое?» – А она стала на колени, перекрестилась, говорит: «Вы вызволители». – А он говорит: «Хорошо». Вот это взял, что там было на столе, взяли немцы, забрали. Хлеб забрали, еще что там было, скатерть. Страхнул все со скатерти, взял под седло, коняке запихнул, и ее так ногой пнул на двор, и вот это на том вся встреча закончилась. И больше никто не встречал немцев. [...] Конечно были [те, кто ждал немцев]. Куркули были. Ждали. Ну все, когда они увидели. Ведь у немцев то весь просчет. Я так по своему думаю, что если бы они обращались к русскому народу хорошо, не делали бы этих конфузоз, то, наверное, они бы завоевали. Потому что тогда бы партизанского движения не было бы никакого. Наверное, они бы завоевали. А видите вот как. Все против. Так били. Например, через наш хутор гнали наших пленных. Ну они же, естественно, голодные. Ну там что можно было – там у нас дорога – акацией желтой обсадили. Знаешь, декоративные, типа самшита делали. Колхоз наш был крепкий. И что-то можно было из-за этой акации бросить, кусок хлеба, какой был, чтобы поймали. То они могли поймать, съесть. А за хутор вышли – там картошка росла. И вот то

один выскочил пленный, куст вырвал, и хотел картошку [съесть]. Его на месте там пристрелили. На месте! Застрелили. И пошли. Даже не остановились, не оглянулись, ничего. Вот если бы не эта, как бы сказать, жесткость, грубость, то совсем бы по-другому было. Гитлер просто дурью маялся. Если бы он людей так морально не расстраивал – завоевал бы! Это точно. Но вот видите, как получилось. Сам себя казнил. [...] Тут, кто зубами рвал – тот живет. А кто по чести, по-человечески, по труду – тот же у нас не живет, а мучается. Так было и тогда. Вот видите. Я не говорю, что Гитлер хороший человек. Фашисты есть фашисты. Они делали свое дело. Они все забирали, все, что можно было скушать, что обогреться. Я помню, у меня шапка была. Зима холодная была, вот немец шел и потихоньку ко мне подходит, «цап» с меня шапку, одел на голову, а мне какую-то дряхлую кинул и все. Что я ему могу сказать? Он мерзнет. Он завоеватель – и все. Ну я вообще, в общем говорю, что единственная ошибка его была, что он грубо так к народу относился. Если бы помягче, дело совсем бы другое было. А то видите, как. [...]

*Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] Вы понимаете, все дело в том, что люди верили в возвращение наших войск. [...] Нет, в 42-м году, это ж в 41-м году война началась – вот эти все репрессированные бывшие, мой родственник – материн какой-то дядька. Они с шахт поприходили назад. А жил он в своей хате – его ж когда репрессировали и отдали председателю колхоза – он жил. А когда уехали, и семья осталась этого председателя там, и они же приехали. А жена ж бывшего председателя каже: «А куда ж нам теперь деваться». – А он говорит: «Никуда не девайтесь. Переходьте в малую хату, а ми будем жить у великой хаті». – А она: «Це ж ваша хата». – А он не тільки ей, всем говорил: «Это не конец. Победы немцев не будет. Советская власть сильна». Даже враги – и те верили в победу Советской власти, не то, что там такие. Бросали листовки там всякие немцы. Но я ж говорю, что даже такие люди – и те верили в победу. Он не стал выгонять эту семью из своего дома, сказал: «Живите, вы еще жить тут будете. Все це ще буде». Вот так, вот такая была уверенность в победу. [...] Да, население не колебалось. [...] Вот так каждый себе жил. И вот сейчас никому ничего не надо. Что там в Верховной Раде робить. Люди безразличны ко всему. Так и тогда. [...] Жили каждый себе, чтобы было что покушать, никто никуда не лез, ничего не спрашивал, ничего не добивался. Когда будут – тогда и будет. Вот так был настрой. Но

дело в том, что эти пережитые годы, они отразились сразу после войны. После окончания войны. Дело в том, что все эти послевоенные годы, начиная с 46-го, хотя было и трудно, и голод там был, 47-й. Но дело в том, что люди так сдружились после этой беды оккупационной, что вот эти годы послевоенные была сплошная стройка кругом. Каждую субботу воскресенье, каждые дни кругом раздавались песни. Потому что сегодня одному делают саман – кирпич глиняный. Другому завтра чердак набрасывают, третьему завтра ремонтируют крышу, а после крыши гулянка. Никто ни с кого не требовал ни копейки, а все вот так работали, работали, строили, помогали друг-другу за то, что они после этого посидят, пообщаются. И после: «Завтра до Івана підем», «Потом до Василя підем», потом до этого. А так дружно жили. А вот сейчас никто никому кирпича не даст, никто никому не поможет, досточки прибить не придет. Только давай гроши, давай гроши, давай гроши. А вот беда все-таки людей сколачивает, беда сплочает людей.

[...] Значит я думаю так: если бы Сталинград не удержался, чтобы немцы перешли Волгу, значит тогда вот так бы было, что они вооружили всех наших украинцев и пошли бы дальше. А так – никто никого никуда не призывал, никто никого не силовал, тогда они, немцы, сами видимо на это не рассчитывали, а то что если бы. [...] Понимаете, в тех местах, в той же Белоруссии, где немцы действительно сгоняли людей в сарай, и сжигали, поджигали, уничтожали – там, может быть, иное мнение было у людей. Но у нас я бы сказал, что такой жестокости не было, потому что немцы и оккупировали нас без боя, без ничего. [...] Мы не видели и не слышали боев. Немцы тихонько чи итальянцы зашли – и все. Ну я скажу, что жестокости такой мы, например, не наблюдали. Чтобы там полицейские избивали людей. Я такого не слышал, такой жестокости, вроде, не было. Партизанщина она тоже как-то. Здесь негде прятаться. В степи – какой партизан в степи, когда кругом видно. Конечно, в лесах партизанщина была, там и немцы жестоко. А тут не за что было расправляться с народом. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] Отношение к Гитлеру и Сталину. Подавляющее большинство Гитлера, конечно, ненавидело. Сталина, конечно, [неизвестно] что в душе было у каждого. Я же говорю, мы тогда пацаны были и многое не знали, мы сейчас только узнали, что творил Сталин. Значит, как относилось старшее поколение к нему трудно

сказать, потому что, во-первых, каждый боялся слово сказать. Потому что, что-то не то слово сказал – до свидания. То ли в лагерь, то ли в тюрьму, то ли расстрел, то ли еще что-нибудь.

[...] Значит я могу с высоты своего возраста так сказать. Ну, во-первых, я не могу сказать о настроении людей. Почему? Во-первых, моя бабушка всегда воспитывала нас так: чтобы мы всегда, что говорится в доме – молчали. Я уже говорил: «Если тебя спросят: «Видел?» – «Не видел». Что-то произошло: «Слышал?» – «Не слышал». Вот это учила. Раз. И сама была такая. Она очень разумная была женщина. И второе. Значит, тут надо понять психологию вот какую. При Советской власти боялись слово лишнее сказать, чтобы не посадили наши. При немецкой власти – боялись, чтобы какая-нибудь гадость полицейская или близкая к полицейской что-то не гавкнула. Поэтому нельзя сказать, что население было инертным, но, во всяком случае, громогласным оно не было. Все шло втихую. Потому что я говорю: смена коммунизма – страшнейшего – и фашизма. Что то было хорошо, что это было хорошо. Поэтому бедное население. Единственное, что я могу сказать: «Бедный наш народ». Вот оно единственное, что я могу сказать. Оно ж правильно? Что при немцах говорить? Что ты против советской власти? [...] Полицейский, чтобы выслужиться, гавкнет – тебя расстреляют или в лагерь сошлют. Или еще куда-нибудь. Это же люди все понимали. При наших попробуй тоже гавкни? То же самое. Поэтому наш народ несчастный. Вот я говорю. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Понимаете, я не считала в то время, что это какая-то<sup>1</sup> ... [...] Мы просто иначе не могли. Мы были воспитаны в любви к нашей родине, к нашему народу. Это враг перед нами был, а это наша сторона. Мы знали, что рано или поздно наши придут. Мы должны помогать своим. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] Я ж как говорил: и при немцах есть хорошие люди, и у русских. Так что трудней было при немцах, трудней. Потому что хлеба

---

<sup>1</sup> Респондентка имеет в виду свое участие в деятельности антифашистского подполья.

не было. У немцев вообще не хватало хлеба своего на Германию, а в войну тем более. [...] Вот тут я задумывался, и задумывался, еще кто победит, кто знает. Чи то можно. Ну перестройка давно и давно идет. Вот Советский Союз распался – просто на глазах, на наших глазах. Тут было правительство – вдруг нема. Кто руководит сейчас – мы не знаем. К чему мы идем – тоже не знаем. [...]

*Самисько Григорий Наумович*

\*\*\*

[...] Я не знаю, чтобы фашисты били своих людей. Не били они. За своего немца они деревню сжигали. [...] А наши наших. Пожгли хлеб, когда отступали. Приказ был. Везде приказ был. Сожгли хлеб. Все повзрывали. Отец наш на заводе работал – всю жизнь. В 900-м году ему было 13 лет. Он в 1887 году родился – Сталин в 78-м, а он в 87-м. В 13 лет на завод как пошел, и уже немцы в 41-м году пришли – он там был. Нас трое. Он на пенсии и все работал. Более 40 лет получается – 900-й и 41-й. А наши там коммуняки говорят: «Ты работал на царя!» (*Смеется*). До 18-го года. Ну зачем это? Когда мать пошла уголь просить. [...] Уголь пошла просить и вот такое говорят!? [...] Да. Так вот, люди ждали этих немцев. [...] Ждали, да. Что что-то переменится. Расстрелы тут были перед войной, в 37-м, 38-м годах. [...] Репрессии. «Черный ворон» все забирал, проверял. Ворота туда широкие были, а оттуда узкие. Ну, а потом удивляются, почему там встречали татары, бандеровцы, чеченцы. Да потому там встречали. [...] Всех в Сибирь там отправили. Вот немцы убивали чужих, а наши убивали своих. Так кто лучше – фашизм или коммунизм?

[...] Отпускали людей – поначалу в плен не брали. Если бы немцы так делали до конца – они войну бы эту выиграли. 100 процентов. У них не было бы врагов и все. Они гнали бы и гнали, потом бы и американцев разгромили, всю бы Америку разграбили бы. Все было бы. А так ошибку допустили. [...] А когда вот это пошло, начал вражду с местным населением – пленных уже начал арестовывать, пленные голодные, холодные, умирали. [...]

*С. Иван Андреевич*



\*\*\*

[...] Мы ж боялись, прятали. У меня даже значок БГТО<sup>1</sup> был и я боялась, чтобы не тронули. На школьной фотографии на груди висел – так я и фотографию эту прятала школьную, классную. Потому что думала: «А, скажут, это комсомолка». [...] Тогда я еще не вступила в комсомол. А значки да. Вот то там на Красном городке<sup>2</sup> [...] бежали в маечках, бег сдавали, там стадион был в конце завода. Там мы сдавали беги, всякое физкультурное. Заработала значок БГТО. Так я настолько боялась и прятала эту фотографию, даже и значок этот запрятала, чтобы его не было. За это слухи были, что если узнают комсомольцы, немцы они наказывали. Забирали. Но они твари всех позабрали. Молодежи никого не было. [...]

*Смолякова Ирина Герасимовна*

\*\*\*

[...] А вот если бы немцы не издевались, не подняли вот эту жестокость, точно, они бы проскочили. Мое такое мнение. А начали они издеваться над людьми – люди начали в партизаны тикать, начали хамить, начали защищаться. [...] Они сильно жестоко поступали. [...] А жестокость их вот сгубила. [...] Знаете, я так не могу сказать. Но мое мнение такое, что тоже издевались сильно крепко немцы. Если бы они не были такие жестокие, то они... А так почувствовали люди, уже начали уходить в партизаны. Фронт переходить, многие переходили... Делали дела большие... Жестокость была большая. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] В доме, правда, мы не жили, а жили в летней кухне, потому что дом занят был немцами. Как раз мы говорили, что в нем был штаб, штаб немецкий. И мы когда с мамой подошли к дому, смотрим, что такое, ничего не понятно. Стоит немец с собакой. Сначала не было, значит все было в порядке, и вдруг такое вот. Оказывается, значит здесь, штаб. А дедушку с бабушкой выгнали в летнюю кухню. Ну вот там так и прожили до окончания войны в этой летней кухне. А у дедушки – он любитель был читать – все ж коммунисты, все военные.

---

<sup>1</sup> БГТО («Будь готов к труду и обороне») – физкультурный комплекс, составляющий основу государственной системы физического воспитания в СССР. Являлся частью комплекса ГТО («Готов к труду и обороне»).

<sup>2</sup> Поселок в Сталино.

И книги такие пооставались – и Сталина, и Ленина произведения. Так мы с дедом, иногда – это когда я еще приезжала, раньше, еще не было штаба – так мы с дедом все это закопали. Вырыли канаву, закопали. А в летней кухне – где это сарай возле летней кухни – стоял кирпич для ремонта дома. А дед этот кирпич немножечко отснял сюда и за этот кирпич тоже положили – и произведения Ленина, и Сталина, и все опять заложили этой стенкой. И так они сохранились, между прочим, что потом уже после войны сдали в библиотеку на шахту. На шахте первой открылась библиотечка небольшая и дедушка туда все эти книги отдал. Вот так сохранил. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] А так я не видела, чтобы плохое отношение было, но! Люди все – вот этого я тоже вам не говорила – все по-своему говорили о своей стране, что делается на фронте. Я же вам еще не рассказала – у нас кабинет был – все [сюда] шли узнать что, как. Потому что узнавали. Придут – так, между прочим, кто на базарах слышал, кто-где слышал, кто это – а там возьмешь да удочку бросишь: «Что, где, как». Поэтому относились с доверием. Но само отношение людей, внутреннее – против, против. Не смирялись, нет. И все думали и верили, что это временное явление. Особенно когда немцы отступали первый раз – это такое ликование было! [...]

*Червякова Валентина Игнатьевна*

\*\*\*

[...] Конечно немец [был властью]. Все от него зависит. От него зависит. А русский – что он может? Что немец скажет, то он и делает. Немецкая власть. Но все ждали освобождения. Как бы там ни было. Особенно уже в конце второго года оккупации. Ну, мы были абсолютно бесправными. Что мы могли сделать и что мы могли чувствовать, если под гнетом. Ну, раб. Раб он и есть раб. Поэтому приветствовали наших, когда пришли 1-го сентября, ликовали. Ну, я думаю, везде так было. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

## ГЛАВА 14

### «МЫ ДЕЛАЛИ ТО, ЧТО СЧИТАЛИ СВОИМ ДОЛГОМ...»: СОПРОТИВЛЕНИЕ

[...] Как летает «кукурузник» – мы уже знали, какой самолет летит. Мы сразу смотрим: як, шо, шо там написано. Наш «кукурузник» – мы все обрадовались, він листовки поразкидав, и ми вже шастаємо, щоб схватить цю листовку, шо ж вони написали. А их паразитов, фашистов, де вони з автоматами. [...] Як висипали: «Хто візьме листовку – расстрел!» Все равно хлопці наши находили. А там же написано, щоб сдавались в плен. [...] Вот я сейчас даже вспомню одну листовку: «Солдаты и офицеры! Сдавайтесь в плен! Мы Вам сохраним жизнь! Война не нужна!» Вот это в листовке, много слов не было. Много слов не было. Так вони, слушайте, ж. Все равно листовка эта была, все равно – какой у нас народ был – был против фашизма. Эту листовку все равно своими руками попереписывали. [...] А немцы как высыпали, по всем улицам – так обрывать эти листовки. Что значит – вот это оккупированный народ весь был против немцев. Все боролися, а их вот видите, как все-таки унижали. А они многое сделали во время войны, те, которые были в оккупации. Очень многие, даже если я читала немецкого генерала книгу. Он говорит, что немцы не предвидели, не предвидели, что будут так работать партизаны Красной Армии, не предвидели, что такой народ так любит свою землю. Вот это сам генерал. Вот смотрите, вот фильм – «Семнадцать мгновений весны». Вот каких у нас направляли в тыл врага. Какие у нас были люди. Вот тоже интересно, вот тоже ж, как им не слишком сладко после войны, наверное, было, а какую они несли работу – страшно, с фашистами. Фашисты их так боялись и не могли раскрыть. А вони боялись. А партизан-подпольщиков страшно они боялись. А в Славянске как они боялись – почему и виселица. Страшно боялись. [...] У нас сосед был – Карнаух<sup>1</sup>, партизан этот был. Конечно. Да, они и подрывали, и убивали фашистов и останавливали целые... [...] Танки идут, и под танки что-то кидали. Много они делали, много, очень много. Сейчас хотя могут их и клеймить некоторые. Вы знаете, мы уже слышали. Но много они делали, много. [...] Вы понимаете, мы об этом узнали, когда Карнаух, когда Карнаука уже поймали фашисты. Мы как дети собралися, я не помню, какое время... Картошка у нас была, еще что-то, у кого сухарь был. Мы только думали, что когда его вести будут, а улица ж была, вот была ж центральная улица,

---

<sup>1</sup> Карнаухов М.И., командир Славянского партизанского отряда, погиб в январе 1943 года.

Коммунаров<sup>1</sup>. [...] Вот, его только по этой дороге могут в город вести, да. Мы и высыпали на горку, высыпали.. Я и видела, как его вели. Значит, он был посередине, посередине. Были еще два человека – не знаю, кто. А фашистов было, вот это его одного вели. О, боже мой – наверное, целая дивизия, с автоматами. И мы побоялися и бросать туда что-то. Тоже побоялися. А были еще дети, еще меньше меня. Я говорю, что пока с автоматами стоят – мне ж детей-то жалко. Сейчас мы не за что. Хоть я раз и получала, в меня стреляли раз, но по заданию было, у меня задание было.

[...] Наши отступали, наша Красная Армия, и они не успевали отходить за Донец – чтоб спрятаться, время у них мало было. А уже ж в нашем госпитале, уже ж мы работали, когда в госпитале. [...] И вызывает этот самый – главврач. Не то, что вызывает, а я как раз там была. Подходит и говорит: «Валь, что б сделать? Ты ж смотри – будешь везти раненых – ты ж смотри, чтоб на фашиста не попала, ты ж смотри, нас же всех до одного расстреляют, ты же знаешь – и твоих родных, и твоих родственников всех». – Я говорю: «Я это хорошо понимаю, я сделаю ж так: сделаюсь глухонемой». – «Если фашист попадется, показывай, что ты ничего не понимаешь», – это он мне говорил. – «Желательно, вот будет идти строй, желательно как бы отвлечь – хоть на 15 минут, хоть на 20 минут придержать. А ты подумай». Я собрала таких як я хлопцев – здесь были и старше года на два. Собрала – это была зима. И дело в том – была горка возле 10-го магазина, и там был трамплин, трамплин и там два столба отак деревянных раньше стояло. Значит, надо было идти с горки, через трамплин. Я была на лыжах. Ну, и думаю: что же делать? Я сначала хотела детей малых санками спустить. Чтоб они ж на детей не підуть? А потом подумала: це ж не дай бог я сделаю плохо. А уже ж видите: уже думала об этом, думала – этого нельзя. Мне надо только самой. Меня Женя – я помню его. А він и не признался, по-моему – он: толкнул, я еду на лыжах. Я предпоследнего немца бью лыжей – лыжа на нем ломается, він останавливает весь строй. Останавливает весь строй и значит, и автомат – и мигом его, понимаете? Все дети высыпали. И была у нас школа вторая и там недалеко случайно получилась Милица Федоровна. Она у него – преподаватель немецкого языка, она у нас коровье молоко брала и она меня хорошо защитила. Це вона мне жизнь вторую дала. И она говорит: «Kinder, Kinder<sup>2</sup>. Она нечаянно, она же, чуешь, шо, это самое, ну проехала, случайно». Ну, это самое, по-своему начала говорить. Ну, в общем, засекали – 25-30

---

<sup>1</sup> Центральная улица в Славянске.

<sup>2</sup> Дети, дети (нем.).

минут. Вот так вот я их задержала. [...] Я еще слышала, я еще убегала, так и когда я стала – на мне обрезали, они закрыли и на мне обрезали ремешки на лыжах и толкнули – тикай. И я как раз бежала – там, где Карнаух вот этот живет – мы там близенько жили. Я в ту сторону потому, что я знала – там забор близенько закрыли. Вот так перелізти через забор. Я, значит, туда сразу двинулась туда, а вона з ним розговаривает и разговаривает. Ну, он переговорился – спереду там, видно, вожак фашистский. И он, значит, уже и не сказал, ну, дал команду: «Стрелять». И значит я тільки, ну, вот так через забор упала, а тут ямка була. И вот тут падаю через, а вот туда – ну, точно там, где была, точно – автомат, точно прошла пуля. Еще – секунда, секунда, полсекунды – и меня б не было. І пішов. А крикнул: «Капут», – я слышала. «Капут», – и все, и сказав, що він вже убив. Ну, точно целился, точно, да не попал, точно. Нічого, как я прыгнула. Він нічого, он видел меня: раз он дал очередь, значит – он видел. Так, иначе ж як? Видел он меня, сказал «Капут», и строй пошел. Ну, задержала я на 20 минут. И задержала я. Ой, такой радый был главврач.

[...] Вы знаете что – вот эта вот медсестричка – это «золотая» медсестра, это какой риск. Если б только узнали, что [прячем раненых]. Вот когда раненый уже выздоровел – мы должны и одежду ему найти, и документы ему найти и переправить через фронт. Врач была – ой, как ее? На Ша, Ша, Ша. Ой, как же ее фамилия? Не могу сейчас вспомнить, врач была – хорошо знала немецкий язык. И она ходила на биржу, там были свои, наши люди. Вот она – немецкая, а там были свои, наши люди. И вот-то переправлять – она делала документы, справку делала, чтоб его (*раненого военнопленного, находившегося в госпитале*) переправить, а там его приняли. И вона делала справку. Вот была такая связь, вот. [...] А когда переправили – чтоб пришли фашисты: посчитают – нема. Так что мы делали: рыли могилы. [...] Рыли могилы, а вот эта медсестричка записувала, что умер, похоронили. Вы представляете – вот говорят: какая работа была страшная? Это ж страшно. Это ж бы нас повесили, каждого из нас повесили б. [...] Один был у нас – он выздоравливал, а тут – комиссия. Комиссия ж – вони ж бачили, что привезли совсем немощных, а тут – понимаете, вони ж знали? Но все равно, время от времени вони приходили. А тут приходять: о, боже мой, побачили в окна, шо идуть фашисты и быстренько, что ж делать приходится. [...] А что это, ага, боже мой, одному [раненому] уже документы готовятся. Документы готовят: его переправлять, а тут идут немцы. Ой, боже ж – его переправлять, а тут немцы. Так вот – была у нас одна санитарочка, Ольга Ивановна ее звали. Так он (*раненый*) говорит: «Мне хоть гипс ложи». И вот эта санитарочка быстро накладывает гипс. И она уже

закончила, а потом он говорит: «И на вторую ногу ложи». Наложила гипс, и так вот он у нас остался жив. И мы его на второй день переправили. Ой, как это тяжело, как это тяжело. Вы не представляете. Врач какой умный был – ни за что не отдаст человека [в лагерь военнопленных]. [...]

### **Бойко Валентина Севастьяновна**

\*\*\*

[...] Партизан тут, ну, партизаны там такі, як там, чи що. Вони тут побули, ну, по-моєму, две недели, тут мало боев було. Вони там у разведку ходили, тут їм возили хліб, і їх ото туди, я не знаю. Знаю, що їх отіх, немцев, 15 могил було. [...] Бой був, знаю, що немцев 15 було, а наших двох тільки<sup>1</sup>. Вот, Ходакова<sup>2</sup> зам. і этого Карнаухова<sup>3</sup> [отряд]. [...] Так у його зам. був, Ходаков, він був директор на «Машметі»<sup>4</sup>, того ранило, сразу переправляли через Донец, отстреливались і туди отступали. Так того ранило, когда отступали. Наших, по-моєму, чи двох, чи трьох там ото ранило, когда отступали, по-моєму, і убиті були. А немцев, я знаю, тут у нас одна женщина, що за могилами ухаживала за тими. [...] А потом що, яка судьба, чи наші прийшли, порозбирали, порозкидали, а вони там хрести з берези поставили, зверху понадівали и она все время там посипала песком, траву рвала. Я там скотину пас и бачив все там. [...] Ну, я ж говорю, дві чи три недели вони (*партизаны*) тут були, і все. Хіба, що тут того лісу. Там воно, може хтось продав їх, може той, тому що бой був. [...] Тих партизан – чоловік тридцять їх там було, вони ж там по отрядах були, так. Там, за Барвенково, чи ближче сюди там, були десь по точкам, що там вони були? Ніхто нічого даже не знав, що вони тут и єсть. Тихо, спокійно, все так було зроблено, що поселились, порили собі землянки там, продукти там у них були – все, все, все. Ніхто не знав даже нічого і вони з-за їх, немци нікого не трогали, нікого, абсолютно. Вони перебралися на річку на ту сторону, так вот і ніхто і не знав, узнали тільки, що воно, до чого, що. Но я то знав, що воно, но не стигли немцы, абсолютно нічого, партизаны шкоди їм не робили, ні.

---

<sup>1</sup> Вероятно, описываемые респондентом события произошли 3 ноября 1941 г. Как следует из отчета Сталинского обкома КП (б) У от 10 апреля 1945 г. о деятельности Славянского партизанского отряда под командованием М.И. Карнаухова, в ходе боя противник только убитыми потерял 127 человек. Потери партизан убитыми составили 5 человек.

<sup>2</sup> Ходаков М.С. – комиссар Славянского партизанского отряда.

<sup>3</sup> Карнаухов М.И. – командир Славянского партизанского отряда.

<sup>4</sup> Очевидно, имеется в виду завод «Машчермет».

Не успіли зробити, потому що неділю тут побули, неділю чи дві у лісі у тому и все. Пішло наступление, ото бой отам бил. Я знаю, що там п'ятнадцять могил було етих, немецьких. А наших, я знаю, ото Ходаков был и ще двох чи трьох партизан наших убито, ранені були і от. Рано утром бой был. [...] У нас ото тільки то організувалися оті партизани, побули дві неділі – в октябрі чи то в ноябрі і то й втекли на ту сторону, і утекли, можна сказати на ту сторону, отстрілювалися і бой був ото там, все побросали и побігли туди. Ну, вот оце так. [...] Вот оце точно я знаю, що ото так було. Щоб ото там бої якісь були, щоб вони отак вот йшли на немцев, стріляли – нічого такого не було. Ну там вижидали, чога вони вижидали – не в курсе дела. Разведка ота приходила два рази, хлопці так поспрашивали: «Скільки немцев, у якій хаті немци, то, другое?» Може вони і хотели, так сказати, поганянь немцев, но нічого не було. [...]

*Гончар Николай Иванович*

\*\*\*

[...] Но мы боялись, чтобы никто ни из этих подпольщиков, ни из партизан никакого немца не убил на нашей территории. Представляете? Сто человек бы как корова языком слизала бы. Комендантский час с 7 вечера до 7 утра. Уже никто не ходил. Только появился бы – стреляли без предупреждения. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Ну что я вам хочу сказать. Как только вошли немцы, моего отца, видимо, оставили по заданию, потому что у него было оружие. И оружие, а у нас на 4 [хозяина дом] – и у каждого были сарайчики, кухни летние, где мы. И отец прятал там. Ну, видно же кто-то сообщил. А так кто б знал, что у него оружие. И ночью – даже полмесяца, тогда ж числа я не запоминала, но примерно полмесяца прошло или месяц... После того, как вошли немцы. Через полмесяца или где-то через 20 дней ночью – немцы с полициями. К нам ворвались и начали искать оружие: «Оружие, винтовка, винтовка». – Мы ж говорим: «Нет». – «Нет, нет – есть». Видно же кто-то выдал отца. Все в квартире перерыли, все буквально – ничего не нашли. Пошли в сарай этот. И нашли оружие. Ну и когда нашли оружие – и сразу же отца забрали. [...] Одна винтовка и патроны ж были. Он же по заданию остался. Так бы он, видно, уехал – я не знаю. Он же нам ничего не рассказывал – наверное, по заданию его оставили, что оружие дали

ему. Не знаю. Короче говоря, этого я не знаю. [...] И вот то его забрали. А находился он в тюрьме, а на допрос в гестапо. И вот то побыл немного. И вот то мы утром встаем рано – тогда же ничего не ходило, пешком, и ходили в тюрьму к отцу. [...] Мы принесем ему передачу – говорят, его вызвали на допрос в гестапо. Ну, побыл он там дней 20 или сколько там и мужчина один пришел – а он освободил[ся] у него был знакомый переводчик в гестапо. А переводчик тот жил там с ним рядом, Карл Карлович. И вот его отпустили благодаря этому. И он матери говорит: «Вашего мужа повезли в гестапо на допрос и оттуда повезли на шахту 4-4 бис». [...]

*Крапива Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Вот случай у меня был один. Я еще ж пацаном был, когда немцы до нас зашли. И обосновались у одних в огороде. У деда Рудя. [...] Вот там немцы. А у Бирюка – там, дальше, штаб ихний был, немецкий. И оттуда от штаба кабель шел, вот такой, тоньше, чем этот, телефонный. Сюда в этот сад, где стояли немцы. А я пришел, 2 каменюки взял, и отбил этот кабель, намотал вот так – метров 20, наверное. Под пиджак – и пошел огородами. Там дорожка у нас была – и принес домой. [...] Мне понравился цвет кабеля. А вешать не на что белье. И я без задней мысли – не то, что я хотел его оборвать, или что. Что вы думаете? Как сбежались они: «Партизан, партизан, партизан». И давай кругом шарить, чую стрельба. [...] Я же принес, ей [маме] говорю: «Вот, смотри какой». – А мама моя: «А где ты взял?» – «Там отрубил». И она услышала: «Сыночек, давай сюда». Взяла, и у нас колодец был, и кинула в колодец. И сейчас он там. Смотанный, метров в 20 кабель. Так я часто его вспоминаю. А Витька Бирюк, у него штаб стоял, говорил: «Как кинулись за этим кабелем – кто порвал?» Ну это же надо восстановить. Они из штаба связь держали. Я не знаю, рота там была или что там у них было. Вот такой случай был со мной. [...]

*К. Иван Егорович*

\*\*\*

[...] Здесь была не «Гришинская паника». А в Гришине<sup>1</sup>, когда высадили десант, или прорвались наши со стороны Харькова – отсюда немцы бежали и полицаи наши все бежали отсюда. Потому что считали, что их отрежут. Но, там видать, войска быстро. [...] Те, кто

---

<sup>1</sup> Ныне Красноармейск.



оставался, кое-кто из молодежи, что постарше были, уже и оружие себе нашли. Уже начали охотиться на немцев. [...] На обозы. [...]. Лапин у нас погиб Иван. Прямо в саду, на немцев [нарвался]. [...] В 43-м году, по-моему перед приходом. Уже слышно было канонаду, перед освобождением. [...] Да, и там тоже по Красноармейской дороге напали на обоз. Тоже там перестрелка была. Тоже наши, которые уже больше в возрасте были. Которые уже 26-й – 27-й год – вот такое вот. Это раньше много помнил фамилий. А сейчас не касалось, не касалось – они уже повыветривались из головы. [...]

*М. Алексей Михайлович*

\*\*\*

[...] Когда немцы вошли, мне было где-то 10 лет. 9-10 лет. И в основном начали заниматься [подпольной деятельностью] отец, сестры старшие и сосед, Красников Анатолий Петрович, там организовал подполье. В подвале там у себя машинку поставили, начали печатать листовки. Ну в основном распространяли листовки. Я, конечно, все это видела, но сначала мне не доверяли ничего, потом начали доверять. Листовки немножко начала, ходила распространяла кое-где. Даже умудрялась на спине у немцев приклеивать. Ну в основном у нас еще была какая работа? Сестру мою работать послала организация здесь. Вот он ДК. Была база, база, немецкая база. Здесь была немецкая база. Вот лекарства хранили, потом взрывчатки сюда привозили. Были подведены пути сюда, обгорожен забором высоким был дворец и колючей проволокой. Охраняли их только эсэсовцы и сюда доступа не было никакого гражданским, никакого. Когда они приходили на работу, их полностью обыскивали, и когда выходили, их полностью обыскивали. Но как-то надо было передать, а передать некем. Ну вот в это время меня отец посылал сюда. «Тормозочек» приготовит – вроде я иду с «тормозочком». Подойду под последний вагон и смотришь: если стоят последние вагоны за воротами, значит легко пройти. А если уже в воротах, то уже не пройдешь. И под последний вагон залазишь и ползешь, ползешь под вагонами. Проползаешь, и уже видишь где, знаешь, договариваешься, в каком вагоне они меня уже выглядывают, ждут. Я подбежала, узелочек подала, они мне второй узелочек подают, и я опять под вагонами выползаю, через террикон бегом и домой. Вот это была основная моя работа. А в узелочке были лекарства, там взрывчатка. А потом эти взрывчатки переправляли в Рутченково, у нас с рутченковским подпольем была связь. Сюда к нам приходила сюда Майя приходила Цыганка, ну она Полончук, ее фамилия была

Полончук, Валя Читко приходила к нам. И переправляли туда взрывчатку, медикаменты.

[...] А у нас в сарае на чердаке были пленные. И сестры там прятались. И вот они по очереди приходили в хату кушать. И как раз пришел Василий Иванович Шипилов<sup>1</sup>. Пришел, только сел за стол, а тут танки подъехали. И сразу заходят, «Бу-бу-бу» бормочат. А ему деться некуда, он только – раз на постель лег. Мама на меня: «Сядь за стол». Я как за стол села, сижу же, эту баланду. А тогда из чего борщ варили? Лобода, крапива, картошечка – и хороший борщ получался. И это ж села за эту тарелку, хлопую – а они по хате кругом бегают, бегают – а он лежит. Он (*немец*) зашел сюда: «А это кто?» – Мама говорит: «Да это ж сын мой, сын, пришел». – Говорит: «Ушел из армии и пришел, дезертир. У него тиф, он тифом больной». А они ж только слово «тиф» услышат – сразу убегают из хаты. И как забормотали – слышим только «тиф, тиф, тиф». Слово «тиф» так часто, говорят. И все. Из хаты вышли, на танки – и уехали. (*Смеется*). И уехали. А там бедненькие сидят же на чердаке. Моментально уехали. Это я хорошо помню.[...]

*Митина Роза Никитична*

\*\*\*

[...] Но дело в том, что они (*полицейские*) охраняли, были для борьбы с партизанщиной в основном. Вот у нас, где мы сейчас сидим, вон в той старой хате жил отец моей жены. Он уже в то время был пожилой, ему в то время было лет 60, точнее за 50 – вот так. А его племянник из хутора Грозного или Новокалиново – занимался партизанщиной. Были у него друзья и они приходили к нему. И у нас еще тут еще один был, тоже с ихней компании. И когда они пришли: «Дядя, мы у тебя подночаем, а утречком мы рано уйдем, нас никто не увидит». Ну они побыли, зашли, того друга взяли, рано утром, часа в 3 – и ушли. А на второй день этот начальник полиции Козюда, которого мы называли Козюта, приходит: «Михайло Сидоровичу, скажи тим хлопцям, щоб більше сюда не ходили». Значит они знали. Так вот для чего полиция была – чтобы охранять саму власть! І він бачив, що вони дома, и знав, що вони ходять, а не решился задержать их. А тільки предупредив: «Ты предупреди хлопців, хай сюди не ходять». Чтобы его не тревожили. Ну я не могу сказать, чем они занимались, те хлопцы. Но дело в том, что рано или поздно их припутали. И один из – вот этот племянник его – так его в 42-м году в Авдеевке зимой раздетого

---

<sup>1</sup> Боец Петровского партизанского отряда в Сталино.

босиком зимой водили по снегу для устрашения. И так его расстреляли за партизанщину. Так вот в основном для чего, я думаю, держали [полицию] – не для того, чтобы нас охранять от кого-то. Ну в основном такого бандитизма не было, да чтобы там лазили, где-то обирали. Было там – но то сосед у соседа. А такое, чтобы банды были да убивали – у нас, например, я такого не наблюдал. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] Значит, листовок было очень много – листовок наши развешали очень много, что мы победим. [...] На листочках бумаги, тетради, развешано. [...] Их срывали – полицаи ходили и срывали. Причем, значит, указание полиции срывали или на нее налепливали свои призывы. Так что борьба была, борьба была. Поджигали склад. Теперь, Путиловский завод разбомбили – рвался 2 дня или 3 – взрывы были. То ли разбомбили, то ли подожгли наши – но было такое. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Где-то в 42-м году, в марте месяце через биржу труда нас послали работать, молодежь, на склад военного имущества, этот склад был для военно-воздушных сил Германии. Майор Шварц был. Дворец и школа 93-я. Привели мы в порядок эту школу. Привели в порядок. Стал привозить разгружать – нагружать. Там такие вещи, там такое было – они настолько были подготовлены к войне. Разгружали – вагоны стояли на шахте 17 здесь, «Кировская» и коксохимзавод. Мальчишки, мы и женщины солдатки. У которых мужья на фронте были, а дети ж все. Надсмотрщиками у нас были Герман, Генрих, Ганс, Эрих, Феликс. Шварц был. Шефом его звали. Лет 40-50, наверное. Лет 40 может быть, до 40. И у него была сожительница Лизка, студентка мединститута. Когда она наши документы оформляла, она по фамилии узнала – Полончук. Она сразу глянула на меня: «Это твоя сестра расстрелянная?» – Я говорю: «Нет». Ну она больше ничего. «А я с Шурой Васильевой, – говорит, – на одном курсе была». Красивая гречанка, Лизка у него была. Ну не можем за нее ничего плохого сказать. Она нам как-то. И кроме этого еще 4 или 3 были переводчицы. Надя Талалаева с нами была. У нас была там группа 16 человек. У

меня сестра расстреляна, у Виктора Кондратьева отец<sup>1</sup>, у Генки Изворинова<sup>2</sup> дядька расстрелян, у Зои Князевой, Борис – отец расстрелянный<sup>3</sup>. Молодежь – нам по 16-17-18 лет было. А собирал нас Чупеев, сосед, с коксохимзавода. Он нам и задания давал. Мы ему рассказывали. Он нам говорит: «Смотрите, эмблемы какие на машинах. Какие эмблемы». Там был эдельвейс, барс был, бык или как, наверное, бизон, наверное. Ну у них такие шофера были, французы. Маленькие, чернявые, верткие. Мы немецкий язык в школе учили, французский не знали. С немецким как-то могли обращаться. И они, говорит, когда машины мы сопровождали – одеяла очень хорошие, свитера, наколенники, напульсники, шлемы эти ж были меховые, меховые жилеты были. Шинели были такие – и летние были и зимние были. Ну это видно было. Белье даже с ангорской, как кроличья шерсть, белая. Это ж видно для высшего [командного состава] было. Ну мы рассказывали, что... Присылали мальчишек – Чупеева сын, Дьяковой сын<sup>4</sup> – она нас листовками снабжала. И Холин Саша. Они ж крутились. Мы уже Эриха расспрашивали. С Эрихом у нас было однотипное лицо – мы очень были похожи. Вот как будто брат и [сестра]. Он ко мне хорошо относился. Как он меня называл: «Майкача». А чего он звал. «Вот у нас, – говорит, – девчонки, «Майка, Майка» звали». – А он говорит: «У нас, когда хотят ласково назвать, – Лотхен там. А как Майку?» – У нас говорят: «Лорочка там». – «Значит, Майкача». И вот так он меня «Майкача» звал. И когда что-то нужно было, девчата посылали: «Иди своего брата спрашивай». Он ко мне хорошо относился. Я говорю: «А что мы будем разгружать». Он говорил что. [...] Я Чупеева ребятам – они крутились – передавала. И на 30-й шахте, на повороте там, уже нас подпольщики ждали. Мы едем, машины две, старались в последнюю, шоферов просим, чтобы медленно – медленно показываем. А надсмотрщик – нестроевики – сидит с шофером. Они понимают. Вот «Комси-камса» – а там ящики такие для инструментов. Положите что-то нам. Вскрывали эти пакеты, там свитер положен или что-то – и выбрасывали несколько пакетов. Сколько могла выбросить. Но так, сколько-то прошло. А до этого получили сразу с первым, в 42-м году, где-то в апреле получили большую партию полушубков. На 4 окна там раздевалка была. Загрузили почти до потолка. И, видно, Чупеева ребята получили

---

<sup>1</sup> Кондратьев И.В. – один из руководителей подполья в поселке Рутченково в Сталино.

<sup>2</sup> Очевидно, Изварин Н.С. – участник подполья в Петровском районе Сталино.

<sup>3</sup> Князев Н.К. – участник подпольной группы Власова А.Д. на Рутченковском коксохимическом заводе в Сталино.

<sup>4</sup> Чупеев М.В., Дьякова Г.А. – участники подпольной группы Власова А.Д.

задание вскрыть трубы. Ремонтировали эти трубы как. Они вскрыли, закопали в эти полушубки. И месяца 2 – это ж май, июнь, июль. По зданию вонь – дурной запах пошел. Никак не поймут – запах увеличивается. Пока не пошла жидкость из-под дверей закрытых. Когда открыли – оно ж все протекало с водой, и эта партия вся пропала. Шварц рвал и метал. Вызвал жандармов, комиссию – и пришли к выводу, что трубы негодные.

[...] А во дворце – первый фасад – этот кинозал работал. Дворец чудесный у нас был. Там и сцена круговая была такая, двигалась. Там больше ребята. Они разгружали на коксохимзаводе каски, обувь такая у них. Это ж у них соломенные на деревянной подошве – более тяжелое. И там они сделали пожар. Вот это готовили уже пакеты, вот это, мы знали, уже праздновали, как отмечали поражение в Сталинграде. Готовили пакеты – лыжи туда ложили, теплые вещи туда ложили, вязали и с балкона бросали – пробовали, чтобы не развязывались. Ну и воду ж туда лили. Пацаны находили. Стали привозить с убитых вещи. Что мы еще – вот приедет одна часть и вторая. Это, например, одеяло, а это свитера. А мы нарочно пугали, сгружали. Пока видно Шварцу сделали замечание – опять нагоняй был. А Феликс, Герман и Генрих – это ж фашисты были. Били жутко как. Били, когда приходили. [...] А солдатки ж особенно воровали. Надевали на себя свитера, носки эти. На Донской стороне<sup>1</sup> был концлагерь, туда отправляли. Я ничего не брала, хотя могла что-то вынести. Но у нас – мать каждые 10 десять дней отмечалась. Сотский у нас был Дураков Александр – очень хороший человек. Он всегда: «Анна Семеновна, не приходите, я вас отмечу». Я знала: у меня дома ничего нет. Боялась. Могла, соблазны были [что-то взять]. И распускали эти носки – и шапочки вязали. Раздетые, голодные – все было, всякое было. И потом – до марта 43-го работали там. Там наша группа накрылась. И приехал вагон, 2 класса загрузили – гражданская одежда. Такие вещи. А мы ж плохо [одеты]. Я вам покажу фотографию, как мы одеты были. Такие свитера, такие шапочки красивые. А Эрих говорит: «Майкача, ты не бери оттуда ничего, не надо». – А я говорю: «Эрих, а почему на военном складе гражданское имущество?» – А он говорит: «Да там население Германии жертвует для армии». Это потом мы уже узнали, что это с концлагеря, что это расстрелянных. Вот такое было. Ну и там, значит, в последний раз мы выбросили – это, наверное, в марте 43-го года, тут выбросили несколько так [пакетов из грузовика]. А в это время наш полицейский идет. И он увидел. Мы приехали, разгрузили. Эрих там на вагонах, тут

---

<sup>1</sup> На левом берегу Кальмиуса в Сталино.

Феликс и Герман принимали, Ганс – отец на армию шил, фабрику имел. [...] 19 лет парню было, с иголки одетый, любовался сам собой. Он почти не работал – его, видно, хранили так от фронта. Разгрузили мы, сделали вторую ходку, приехали. И вышел этот Шварц, глянул, что-то Эриху сказал. Нас отстранили сразу и под Дворец под стенку поставили. Я, Ксения Комарова, Зоя, Мария Климентьева<sup>1</sup>, ребята. А ребят раньше. Когда в подвале загорелись эти пакеты. Загорелись, подожгли. Они паклю бросали, это всегда тлело, и к утру пожар. Виктор Кондратьев – отец расстрелян – и Виктор Баранов бежал[и]<sup>2</sup>. Они фронт перешли, все. Надя Таталаева предупредила: «Шварц вызвал жандармов», – переводчица. Предупредила – они сбежали. А нас подставили. Понимаете, это ж в одно время вышло как-то. И стоим час, и стоим два – холодно ж. А Эрих подходит – посредине этой площади столб, флюгер стоял: «Будешь висеть на этом столбе». А не от холода, от страха – трусимся. [...] Пока к нам выходит Шварц – молодые деревца сломал, обскубил и зашел. А нас еще больше [трясет]. Ведут нас в школу – а при школе квартира директора школы была до войны. Вот так прямо заходишь, и он там с Лизкой жил. При школе он и жил. Мы смотрим – справа сидят 2 жандарма. Так на нас посмотрели. Вызвали одну подружку, другую вызвали – вызывают меня. Я захожу. Когда мы регистрировались – вот Лизка. Лизка справа сидит. В углу трюмо слева. Я боком, боком к трюмо. Думаю: «Начнет палкой бить – пожалеет трюмо разбить». А у меня с отцовых гимнастерок – таракан назывался – полупальто пошитое, и платок. Я к этому трюмо. Он меня за руку вытянул, говорит: «Сколько пакетов выбросила?» По русски говорил. Нас еще учил – в русском языке нет буквы «Х», есть буква «Г»: «Вы не знаете не русского, ни украинского». И вы знаете, не мог он видеть – фурункулы были, ячмени. Как увидит нарыв у кого – выдавит. Говорит: «Очаг поражения надо ликвидировать». У него всегда поговорка была. Нас поймает, выдавит этот фурункул. [...] Он меня вытянул: «Сколько ты?» – Я говорю: «Ни одного». Он меня так: крест-накрест [ударил]. Я закрылась... Я ж так закрываюсь. И третий. Что ему Лизка сказала – я не знаю. Он говорит: «Ладно, иди». Я думаю, что она что-то в защиту меня сказала. Ну а девчонок и ребят вытянули. Мы еще там в каптерке сидели. Васю Самарца, Войлова Гену,

---

<sup>1</sup> Комарова К.И., Климентьева М.М. – участники подпольной группы Кондратьева И.В. в Сталино.

<sup>2</sup> Кондратьев В.И., Баранов В.Т. – участники подпольной группы Кондратьева И.В.

Сергиенко Володю и Тоню Дорощееву<sup>1</sup>. У Тони Дорощеевой дома что-то нашли. А в это время у нас обыск, обыскивали. Нашли. Их в концлагерь. А наши документы, Лизка вышла: «Передам далее на биржу труда для отправки в Германию». Ну домой я иду, мать стоит возле дверей, бледная. Я ничего не сказала. Говорю: «Мама, обыск был?» – Она говорит: «Был». И все. Легла.

[...] А колонны этих пленных? Вот по этому мосту мы выбегали. Это страшно. Они полураздетые, полуразутые. Это ноябрь месяц уже. В октябре ж они пришли, 20-го<sup>2</sup>. Они страшные шли. У них глаза – до сих пор помню их глаза. У них боль, отчаяние, стыд в глазах было. Мы смотрим – мы помочь. Эти стреляют по головам – выше головы. Только к этим придвинутся, друг-друга поддержат. Если – первый лагерь был фабрика Володарского. А потом перевели в клуб Ленина. И мы первые туда ходили. Там еще режим был не такой, нестрогий. Вот говорили – они бросали нам записочки. Там Зина и Капа познакомились с Мартой Носковой. [...] А Клава Баранчикова – она школу медсестер кончила, в ОЦКБ работала медсестрой. Но она в параллельных классах занималась. А Зина, Шура и Капа в одном классе занимались<sup>3</sup>. Та только 7 классов кончила и школу медсестер. Они уже здесь возле клуба Ленина. Она имела пропуск, она ходила на территорию лагеря, Клава. Это очень замечательная девушка была. Ее звали на поселке на 11-м, на Красном Городке Клава Милосердная. Она не пропускала ни одного нищего, ни одну собаку. Она устраивала кого-то – детей в детдом, стариков пристраивала, куда-то пристраивала, собаку, кошку принесет.

[...] Веру Коновалову мать сразу отстранила от подполья – у нее ребенок маленький, муж на фронте был. Сразу после расстрела девчат Вера сразу откачулась (*отошла от подполья*). У нее на безалкогольном поселке квартира была, она ключи давала. Девчата пользовались. Туда мы еду носили, туда одежду. Одежду и еду собирали среди населения. Наши соседи знали для чего и кому мы собираем. И когда Зину арестовали, многие – кто-то принесет лепешку, кто-то бурак, для Зины. У нас еще был Потаиченко, старый

---

<sup>1</sup> Самарец В.Д., Войлов Г.А., Сергиенко В., Дорощеева А. – участники подпольной группы Кондратьева И.В.

<sup>2</sup> Имеет в виду дату начала оккупации Сталино.

<sup>3</sup> Все перечисленные девушки входили в состав подпольной группы, которая занималась спасением советских военнопленных из лазарета для военнопленных, расположенного на территории ОЦКБ в Сталино. Группа была раскрыта, ее участницы – Зинаида Полончук, Марта Носкова, Клавдия Баранчикова, Александра Васильева, Капитолина Кострыкина в январе 1942 года были казнены.

юрист с дореволюционным стажем. У него 2 сына летчики были. Зина с Капой пошли к нему – как сделать на Янковского<sup>1</sup> документы правдоподобные более-менее. А он сказал: «Девочки, война это мужское дело. Это не вам. Ваши знания, ваши силы и ваши умения еще пригодятся после войны. Не лезьте не в свое дело. Берегите свои силы и свои жизни». И когда их арестовали, он прибежал к нам, сказал, прошение написал, и я ходила по улице, говорила: «Моя сестра и подруги в опасности, подпишитесь за них». Я где-то 250 собрала подписей. Васильевы собирали по 11-му – коменданту этому. Понесли ж они. Вышел, лет 50, крепкий такой. Ежиком волос подстрижен у него, седой. Он. Наверное, вышел без переводчика. Ему говорят. Он говорит: «Они расстреляны». – «Отдайте трупы, мы их должны похоронить по православному обычаю». – Он говорит: «Это демонстрация будет». Он не стал с ними. Он не пригласил, на лестнице. И повернулся, ушел. Больше не стал с ними разговаривать. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] Ну а отец там в заводе тоже работал, сказали там партизанить. Там цех ихний взорвали, нет литейного, доменная печь. Он поступил там в заводе сверлить что-то. В механический. Ну там, значит, ремонтировали машины немецкие, танки. Ну и оттуда как идет, так сверлышко несет домой. И понатаскает целое корыто. Вот это ж ему говорили – он думает, придут наши – нашим поотдает это все. Наворовал. (*Смеется*). Ну а если бы немцы пришли да увидели это все? Эти сверла здоровенные – кому они нужны все? Вот это он выполнял то указание, которое ему дали. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] 42-й год чем тяжелый был. Фактически в течение 42-го-41-го годов, 41-й – зима, фактически сколько поарестовали подпольщиков. Видно Донецкая организация провалилась за несколько месяцев, полнейший провал, и до сих пор не знают причину. То ли в результате [предательства], и на этого валили с Буденновки, его уже после освобождения наши судили. [...] Ну, в общем там не поймешь. Но, знаете, были частичные акции. Пустили под откос

---

<sup>1</sup> Советского военнопленного, которого вывели из лагеря подпольщицы.



эшелончик в районе Макеевского трубзавода, техника. Два столкнулись, перерыли стрелку ночью и столкнули. Погорела военная техника, я ходил смотрел. [...] Значит, потом, уже работая в органах, и с учетом жизненного опыта, я просто поражаюсь: как они еще уцелели не соблюдая элементарных правил конспирации. Все знали, что у нас через улицу живут подпольщики, в городе бабушка держала корову, говорила: «Отнеси этим подпольщикам молоко». (Смеется).

[...] Листовки распространяли. Была такая полосочка бумаги и в ней написано: «Смерть фашистским оккупантам». И вот мы как: вот по этой трамвайной линии [вешали] – я потом думаю: это гестапо могло вычислить элементарно. Вот эта улица, по которой трамвай идет, она от центра города до рынка, а от рынка тяни-толкай. И вот по этой улице, учитывая, что люди, когда трамвая нет, идут от центра на рынок в воскресенье – лавина. Туда, по одной стороне, по правой, по левой – обратно. И вот так вот туда-сюда курсируют. Поэтому на заборы и столбы вывешивались приказы. ...Брал и ходил туда читать приказы. Прихожу: «Ну что?» – «Та, – говорю, – написали, что Москва взята». Было, развесили, что Москва взята. И вот тогда дал Маркович нам по такой полоске бумаги и на ней: «Москва стоит». Уже не помню: «Смерть оккупантам». И вот на этот приказ – шелкает – сверху. Вот это мы 2 раза такую акцию проводили. [...] Да вот такая она полоска. Одну наклеивали, но не на листовку, а на приказ. Наверх приказа, или на низ, где комендант. И так вот подстраховывали. Нет – пошел дальше. [...] Вон там вывесили чья-то группа – я не знаю, подозревал только. Группа дислоцировалась между 6-й, 7-й, 8-й линиями. Я так дом помню. Мы догадывались у них обыска были, потом арестовали, потом выпустили. Так я знаю, что одну акцию они вывешивали листовки – правда, такие корявенькие, слабенькие. Ну сразу же полицейские, сразу. Долго не висело. Вот если в ночь, то утром может час, два – срывали. Ну а срывали – срывали же и приказ этот. Его надо срывать тоже. (Смеется). [...] Первый раз [вывешивали], когда под Москвой. А потом – тоже по-моему, наклеили о наступлении, от Москвы... Или просто было: «Смерть оккупантам» или «Смерть фашистам»? Забыл. И все. И потом осталась у нас патронная эпопея и она застопорилась, потому что руководства в принципе не было, а мы сами по себе провели акцию.

[...] У них, у немцев такие машины грузовые, покрытые брезентом. И доверчивые ужасно. Вот брезент на выступах, как у замка дужка. И вот они одевают брезент, вот тут пропускают трос металлический и оттуда. У тросов такие петли и на замок. И все – он идет спать, он считает, что это стопроцентная гарантия. Значит, что мы делали. Это то, что он может обнаружить не сразу. Вот это то, где оно

стыкуется, нож такой специальный делается (*имитирует* звук *разрываемого брезента*). [...] Оттуда выдал – все. И он спокойно уезжает, думает, что там все цело. А там... И вот получилось так – стала одна машина. Говорят: «С продуктами. Масло там». – «Ты видел, масло грузили. Ящики с маслом». Да масло не надо, а сами к Володьке этому: «Давайте крутанем». Раз, вываливает ящик отсюда – один, второй – тяжелые. Хватит. «Консервы, навверное». Темно, в темноте утащили. Там яма, дом разрушенный – бросили. Машина уехала. Они не возвращались. Что он – из-за ящика будет? Давай вскрывать. Вскрываем – а там мины. Твою... (*ругается*). На миномет уложены. Я говорю: «Ну что, масло будем мазать? Ты же специалист – масло. Ну жри теперь масло». Так мы эти мины закапывали, ящики эти сожгли. Думаю: найдут ящики и машину – поймут. Так прошло. Вот такие, знаете, эпизоды.

[...] Остановилась компания, рота по-ихнему компания. 6 машин по-моему. А перед этим у немцев была мастерская по ремонту машин. Там даже танки ремонтировали. И значит, уперли мы у них ящик с гвоздями. Вот такой он, как шариковая ручка, четырехгранные. Мощные такие гвозди. Ну мы взяли, ночью подставили под колеса. Они стали отъезжать – представляете такой гвоздяра. А мы там, где ремонт, эти гвозди [подбросили]. Чтобы не думали, что только у нас эти гвозди. Жандармерия приезжала. Думали, что шмонать будут. Нет, не стали. А потом уже как-то знаете. Может, партизанское движение активизировалось. И уже когда наши подходили, может быть подпольщики активизировались с точки зрения, передавали информацию разведывательную. [...] Таких вот фактов, как, например, взорвать клуб или что-то террористическое – нет, не было. Дело в том, что в приказах было написано комендантом: «За убитого солдата – 10 заложников». За офицера, по-моему, очень много. [...] Так сказать, драконовские [приказы]. Ну они своих защищали, свою нацию. [...]

**Ф. Евгений Михайлович**

-7-

Durch die Meldung eines deutschen Soldaten kam die Gruppe GPF 721 einer Banda in Stalino auf die Spur, die nach den bisherigen Ermittlungen etwa 70 Personen umfasst und verhältnismäßig gut bewaffnet ist. Sie gliedert sich in mehrere - vermutlich 7 - Untergruppen, denen besondere Tätigkeitsbereiche zugewiesen sind und steht unter Führung des noch flüchtigen Russen mit dem Decknamen Dolja oder Donskoj. Die Banda befasst sich hauptsächlich mit deutschfeindlicher Propaganda und Spionage. Am 17.8.43 konnten 2 ihrer Mitglieder, die auf dem Wege zur Front waren, um eine chiffrierte Nachricht an Major Furiakalski in Restow zu überbringen, zwischen Pak-Jewka und Charzysek festgenommen werden. Zur Erledigung ihrer Aufgaben bedienten sich die Bandenmitglieder gestohlener deutscher Wehrmachtskraftfahrzeuge und gefälschter deutscher Ausweise, auf die sie Benzin und Verpflegung von Wehrmachtsteilen empfangen. Ihr gehörten u.a. die fahnenflüchtigen W-Grün. Hans U n g n a d e und der Flieger Rudi G r a m s c h, festgenommen in der Uniform eines Feldwebels (Hose) - Einheit beider noch nicht einwandfrei festgestellt. U. wurde bereits vor längerer Zeit festgenommen und inzwischen wegen Fahnenflucht, Diebstahl usw. zum Tode verurteilt. G. konnte am 20.8.43 durch ein eigenes auf ihn angelegtes GPF-Jagdkommando in Stalino gefasst werden. Er war im Besitz eines s. Krades und setzte sich bei seiner Festnahme mit MPi und Handgranaten zur Wehr. Ein ERFB wurde dabei leicht verwundet. G. hat mit einzelnen Bandenmitgliedern Verbindung aufrecht erhalten und dadurch versch. ledene Treffs vermittelt sowie eine MPi und Bierhandgranaten im Empfang genommen. Bisher konnten noch 8 weitere Bandenmitglieder festgenommen werden. Die Ermittlungen sind bisher nicht abgeschlossen.

Der am 7.6.43 in Stalino festgenommene Hauptmann der Roten Armee, S c h w a d o w, Alexander, war von Nachr.-Stab der Südfrent zum Aufbau einer "Partisanen-Organisation Donbas" entsandt worden. Zusammen mit seinem gleichfalls festgenommenen Vetter H e i k o w, Dimitri, organisierte er Bandengruppen in Stalino, Pak-Jewka und Petrovka b/ Stalino. Die Gruppe Stalino umfasste 3 Unterabteilungen in Stalino - Ost und Spoljanka, deren Führer A n d r o j u w, Boris, D o r o n z o w, Anton und O l e n t s e h u k, Timofei, gleichfalls festgenommen sind. Zur Gruppe Pak-Jewka, die unter Führung des von den Roten zurückgelassenen, jedoch flüchtig n. S c h a r k o w s k i, Petro, steht, gehören Unterabteilungen in Schacht Proletarsk, Schacht Iwan, Prochorevka und Alex-Jewka. Die Gruppe Petrovka hatte unter Führung des inzwischen Kriegsgefangenen, Hauptmann K a u k o w, Petro, Unterabteilungen in Schacht 121, Didjewa und Ruttaschenkovo. Die Führer der Banden in Didjewa und Ruttaschenkovo wurden zusammen mit 23 Banditen bereits im Mai d.J. unbeschädlich gemacht. Die jetzigen Ermittlungen führten zur Aushabung eines Waffenlagers mit einem MG, 25 Gewehren, 15 kg Sprengstoff usw. Neben Aushabungen betrafen die bisher festgenommenen Banditen deutschfeindliche Propaganda- und Bahnbesprünge in Haupt von Stalino und Vorsitzungen einer Kompanie waren geplant. Die Zentrale in Stalino hatte mit dem Leiter der Banden des Dnjepr-Gebietes, Major K a r i n o w, und dem Bandenführer vonaporosnje, Hauptmann K a r t o w, Verbindung aufgenommen. Die Gruppe GPF 706 wurde verhaftet. Schwedow ist in der Nacht zum 20.8.43 aus der Haft entlassen.

**Фото 19.** Информация немецких спецслужб о борьбе с антифашистским подпольем в Донбассе.

ВА-МА, RH 22/104, Bl. 188.

\*\*\*

[...] А у нас были приятели, оба они бухгалтеры. Он был бухгалтер облземотдела, а она была бухгалтер в медицинском учреждении. Почему с ними были знакомы и дружили. Они жили на 11-й линии<sup>1</sup> по Школьному проспекту. И вот в начале – не в начале, наверное, а в конце мая 43-го года этот Павел Спирдонович – Харичковы<sup>2</sup> их фамилия – познакомил маму с командиром партизанского отряда. Отряд был – ну если вы интересовались, был здесь такой Донской<sup>3</sup>. [...] Он был руководитель городской группы партизан городской. Мама ну и я – мне ж уже 14 лет было, это ж уже 43-й год, лето 1943 года, ну и его везде очень искали. Были развешаны плакаты – он находился – ну, он известен был немцам, и они найти его не могли.

Харичковы познакомили маму с Донским и он начал пользоваться нашей квартирой. Там, на Калиновке. Сейчас я уже думаю, что его привлекало там? Вот в этих зданиях в общежитиях трех располагались войска добровольцев, власовцев. И вот они там располагались – и его, наверное, и это интересовало в какой-то мере и ему надо было где-то перебыть. И жили мы – 2 девчонки и мама. Ну на него подозрение не падало, понимаете. И вот он у нас – когда ему нужно было. Это была его конспиративная квартира. Ну, какие-то листовки он приносил. Когда ему надо было куда-то идти или ему нужно было выйти, так: «Зоя, пойди посмотри». Я ж пойду, все посмотрю, а потом я его выводила. Вот мы с ним идем, разговариваем – ну дочка, дочка. «Посмотри, кто там». – Повернись, никого нет. – «Посмотри хорошо, кто-то идет». Ну он был очень... Ну он был чекист – причем, наверное, настоящий чекист, как я понимаю так. Он очень чувственный был. На меня впечатление производило, когда он ложился спать. Вот у нас была квартира – вот эта комната и та, вот так, дверь. Вот так стоял диван (*показывает*). Вот он здесь на диване, а у нас там 2 кровати – я с мамой и Алла – втроем мы там спали. И вот он ложится спать – он под подушку кладет 2 гранаты и пистолет. Ну мы с Аллой не понимали, что нас ждет. Ну, мы не понимали, а мама ж все понимала. А мама ж все понимала. Причем я говорю, что меня поражает, сейчас, конечно, не тогда, тогда я этого не понимала и до меня это не доходило. Человек (*мать*) из раскулаченной семьи,

---

<sup>1</sup> Ныне – улица Флеровского в Донецке.

<sup>2</sup> Супруги Харичков П.С. и Харичкова А.Д. – участники подполья в Сталино, погибли в конце оккупации.

<sup>3</sup> Авдеев В.Д. (псевдоним «Донской») – один из руководителей подпольно-партизанского движения в Донбассе, командир партизанского отряда им. И. Сталина представительства УШПД при Военном Совете Южного фронта.

считайте, семью в общем-то уничтожили. Но человек был патриот, понимаете. Была Родина, было чувство преданности Родине, понимала, что чем могла помочь. Она рисковала жизнью своей и двоих детей. Он приходил к нам – и соседи ж были. Это ж не то, что мы там в каком-то частном доме, что можно было зайти, что не видели. Это общий дом, вот так вот 4 подъезда, двухэтажный дом. Там все видят, все все знают. Знаете? Все все знают. Вот он приходил – он приходил как врач к нам, врач с периферии, которому негде переночевать. [...] Это для соседей. А мы знали, кто он и что. Нас мама посвятила и посвятила, что никому нельзя об это говорить. Ну как – мы в курсе всех дел были. Если нужно было тем же Харичковым что-то отнести, от Харичковых что-то: «Зоя вот, давай». [...] Что мы носили? Какую-то бумагу, по-видимому для листовок. Нам же не объясняли, что. Листовки – может быть, но мы их не открывали. Не знаю. Но листовки у нас и в доме были. И я вам скажу, что мы даже с девчонками ходили их где-то приклеивали потихонечку и читали эти листовочки. Откуда они взялись – ну они, подруги, никто не знал, что он что-то из себя представляет. Этого не знали. Пойдем, приклеим. Среди этих власовцев, на эти дома, понимаете. Другой раз ему нужно было – вот эти Семеновы<sup>1</sup> – он жил у Семеновых на квартире. Они жили где-то в Пролетарском районе. И вот нужно ему куда-то идти, по городу пройти, чтобы его там не узнали, понимаете? И я с ним ходила. Дочка. Дочка и все – понимаете? Вот так мы встретились, вот так. [...] Ну 43-й год для нас уже был легче. Во-первых, мы знали уже, что войска наши сюда уже движутся. Во-вторых, мы уже адаптировались по отношению к немцам, мы уже адаптировались как себя где надо вести, что можно и что нельзя, уже ж в школу мы ходили. Это ж, понимаете, мы знали, кто есть кто. [...] А в августе, конце августа 43-го года в школу же надо собираться. В школу идти не в чем, босая. Пошли на какой-то линии заказывать у сапожника хоть какие-то тапочки, чтобы в школу ходить. И зашли к Харичковым. А они – Павел Спиридонович и объясняет, что был Донской и сказал, что при переходе границы<sup>2</sup> с какими-то документами задержана одна из участников подполья и у нее спрятаны, зашифрованы, но у нее есть данные и есть ваш адрес. И Харичковых. Значит, уйдите из дома. А это уже было 28-29 августа 43-го года. А мама и говорит: «Павел Спиридонович, ну вы ж идите. Ну как то ж надо». А у них козы были. А он говорит: «А кто будет коз кормить? И кроликов». Хорошие люди были – умные, умеющие. У него руки такие – он живой был. Ну, старый коммунист был. А

---

<sup>1</sup> Семья Семеновых – участников антифашистского подполья в Сталино.

<sup>2</sup> Линии фронта.

оказывается, оставлен был специально. Мы же этого тоже не знали, что он оставлен был специально. Ну, короче говоря, мы от них вышли и пошли домой. А их в этот день и арестовали. [...] Я не знаю, что это, как это произошло, что они не ушли. Но они были предупреждены. У них на окне цветок какой-то стоял. И если он стоял – значит Донской может заходить. А если нет – он не мог заходить. А везде ж немцы были. И вот когда их забирали, они этот цветок с окна убрали. Успели. Ну я не знаю как там, или успели. Но убрали во всяком случае. И он прошелся, увидел цветка нет, он в дом не зашел. А там же засада была. А у них жила племянница вместо дочки. Сын был в армии, взрослый. А племянница моего возраста, она и сейчас есть, существует. Белоус Екатерина Семеновна. И вот она осталась. И с ней дежурили полицейские до самого прихода наших. Они ждали Донского. А мы ж у себя уже знали, что они арестованы. [...] И вот уже ж мы пошли 1-го сентября в школу, а 3-го, 4-го сентября уже горела гостиница, горел город. [...] Гостиница<sup>1</sup> ж как раз была их, полиция какая-то их. Ее первую зажгли в городе, вот она первая горела. А потом уже зажгли... Ну все, весь город горел, и больница Калинина, этот пятый корпус горел. А мы на уровне – к нам черепица горячая летела. Трескалась и летела. А мы ж здесь. И ночью к нам прикладом стук. Где-то числа 5-6. Или 4-го. Мама, конечно. Мы решили, что это за мамой пришли. А оказывается, это отступающая часть ночью расквартировывалась. Немцы. И мы встали утром – мама была седая. Вот ложилась черной, а встала седой. За одну ночь. Мы так и думали, что это пришли за мамой. После всего этого. Но обошлось.

[...] Я вам привожу в пример свою маму. Я тогда этого не понимала, но вот сейчас. Вот те люди, которые имеют большие деньги, которые имеют какую-то власть – они же идут на все, чтобы этого не потерять, да? И вот в то время, моя мама. Она врач – ну и работой себе тихонько, чего тебе нужен был этот Донской? Чего тебе нужно было подвергать опасности себя – так я ж говорю, Харичковых расстреляли. Причем, говорят, издевались страшно. Потому что когда наши войска вошли уже, пришел Василий Дмитриевич этот Донской и говорит: «Екатерина Васильевна, идемте их поищем». И они пошли вдвоем. И я не знаю где-то в районе тюрьмы – где Третья линия, Четвертая, вот здесь, около завода. Там какие-то люди, которые сидели в тюрьме, но стались живы и вышли. И они пришли в этот дом – зашли в этот дом, а они там выпивают, что-ли, радуются, что пришли наши, празднуют победу. Ну и они вдвоем зашли. Мама была небольшого роста, Донской тоже был маленький. [...] А эти рассказывали, сидели в

---

<sup>1</sup> Гостиница «Донбасс» в Сталино.

камере с Харичковыми, как над ними издевались, как их били, и как ее волокли в камеру, она чуть ли без сознания, и эта молодежь около нее, а она еще им пыталась рассказывать какие-то анекдоты и их отвлекать, Анна Даниловна. А мама ж у них и спрашивает: «Ну хорошо, ребята, а Донского вы видели, вы его знаете?» – «Да». И он же здесь. А он же не представлялся. И он же дальше был отправлен. – А мама спрашивает: «Ну и какой он?» – «Большой, красивый». Мама пришла, рассказывает, как они там побывали. [...] Отряд же был большой, там больше 200 человек людей было. А знали люди – вот мы знали его, Харичковых двоих, и связная была – Семенова мать. Все. Мы больше никого не знали, понимаете? У них так – по 3, по 4 человека. Да, на случай провала, чтобы никто никого не знал. Его знало очень мало людей. Его лично знало очень мало людей. [...] Мы его знали только как Донской. Это мы уже теперь знаем, что он Авдеев. А так мы его знали как Донской. Донской и все. А потом он уже – в каких числах, я не знаю, пришел и говорит: «Екатерина Семеновна, дайте документы, чтобы оформить документ, подтверждающий». – А моя мама говорит: «Не надо. Мне этого ничего не надо. Я не хочу». Я уже не знаю, что ею руководило. Может быть, знаете, и страх какой-то: «Мне это ничего не надо». Перед властью, перед Советской властью. А что вы думаете. Ведь наказывали, ведь многих наказывали. Это вот сейчас появилось много и участников, и кто-то что делал. Мама делала – она не вступала в партизанский отряд. Понимаете? И я клятвы никакой не давала. И не считали мы себя партизанами. Мы делали то, что считали свои долгом. Мы считали своей обязанностью перед Родиной, перед... Это сейчас кажется, что Родина это красивые слова. Тогда это не было так. Тогда это не было так. Оно было внутри нас, оно было заложено. И он все-таки принес ей документ. Который она никогда в жизни при жизни никому не показала. Она не поменяла его на партизанский билет, не поменяла. Это то, что Донской принес собственноручно и говорит: «Екатерина Семеновна, не знаю, как сложатся обстоятельства, как сложится жизнь, пусть будет». [...] Я ее (*справку*) уже берегу, как не знаю что. Мама ее никому не показала, и я ее никому не показываю. [...]

***Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна***

\*\*\*

[...] Вскоре я поняла, что я могу кое-что делать. У меня был учитель физики Козловский Павел Емельянович. У меня есть архивная справка, я вам покажу ее. Он был сам физик, руководил радиокружком и сам смастерил детекторный радиоприемник. Получал сводки



Совинформбюро. Встретил. [...] Да, а мы жили – была такая 10-я Александровка – теперь улица Куйбышева. А следующая – девятая Александровка, и так до самого Белого карьера, восьмая, седьмая [Александровка]. А на Девятой Александровке жил на квартире его брат, Георгий Павлович. И он – я не все сказала – Павел Емельянович был калека, он был парализованный. Он ногу тянул одну – палку бросит одну, а потом подтягивает ногу. Но ходил мимо нас всегда. И вот однажды он идет – это было уже самое начало, зима сорок второго года. Мимо нас идет: «Валя!» Я не знаю, меня многие учителя по имени называли. – «Иди сюда». А он шел понад школьным двором, а наша улица и школа тридцать третья [рядом] – знаете, на повороте третьей марки (*трамвая*) – это моя родная школа. [...] Он шел понад забором и говорит: «Иди сюда. Ну как дела, что это [делаешь]...». Разговаривали, разговаривали – он дал мне понять, что я комсомолка. (*Смеется*). – «Ну, чем же ты занимаешься, где работаешь?». Я рассказала все. Рассказала о том, что моя подруга работает у начальника отдела кадров по фамилии Гаппе, немца, что можно кое-что делать. Он говорит: «Знаешь что. Я буду давать тебе сводки, ты приходи ко мне и ты будешь снабжать людей сводками». Так я и делала. А потом получилось так, что Иры не было в кабинете, а за ее спиной шкаф без стекол, а шкаф типа школьного. Знаете, простой такой шкафчик? А в шкафу я увидела – там лежали бланки аусвайсов, удостоверений всяких. Ну я, извините, похитила несколько, похитила, посмотрела – а у нас были аусвайсы. И я немножко на немецкой машинке могла печатать – одним пальцем. «Ундервуд» – машинка была в нашем отделе. Потому что когда я составляю сводки, этот план на миллиметровке, потом я перевожу, переписываю на отдельные бумажки, а потом это надо напечатать на машинке. Ну, я одним пальцем. Да, я это посмотрела так, и кроме того, начали люди выводить уже военнопленных из лагеря. [...] Ну, некоторым я помогла достать аусвайсы, вот. А я работала, простите, в сорок втором году к нам прибыл из Харькова инженер Носачев. [...] Из Харькова. Зинаида Ивановна<sup>1</sup> утверждает, что он или константиновский, кажется. Но дело в том, что я думаю, да. Она мне показывала, что у нее есть документы о том, что он работал, по-моему, в Константиновке. Но я думаю так, что возможно он жил с семьей в Константиновке, началась война. В Харькове у них дом, туда в Харьков и он свою семью [отправляет] и сам переезжает в Харьков, чтобы жить вместе, да. А в сорок втором году немцы из нашего «Донецкугля», поехали в Харьков и привезли

---

<sup>1</sup> Букуемская Зинаида Ивановна, в то время директор народного музея «Донбасс непокоренный».



оттуда – каким образом, не знаю – человек 30-40 специалистов. И, в частности, привезли этого Носачева и определили в наш кабинет. Алексей Алексеевич высокий, стройный красивый мужчина так, примерно, на 33-35 лет. Ну, сначала мы так официально, он рассказывал о своей семье, что скучает, у него 2 девочки – имен не помню – и жена Зина. Это я хорошо знаю. Я о своей семье рассказывала. Так, присматривались-присматривались, а потом как-то получилось, что в моем столе еще советские – когда отступали, оставили книгу «Разгром» Фадеева. А я ее читала, когда никого не было. Он увидел эту книжку, говорит: «А тебе не страшно, что ты ее читаешь?» – Я говорю: «Да никто не знает». – «Осторожней». А потом говорит: «Ты комсомолка?» – А я говорю: «А кто не был комсомольцем или партийцем?» – Слушайте, он: «Да, – говорит, – ты права». И потом, уже как говорят, нам скрываться нечего было, он рассказал о себе, что он якобы был послан харьковским горкомом партии на эту работу, подпольную работу. Ну а я посылала в Харьков [запрос]. Мне прислали, что никаких документов об этом у них нет. [...] Точно так же как – я потом расскажу – и наших документов не сохранилось. Вот так мы работали с Носачевым, выдавали людям – неработающим девушкам аусвайсы, якобы они работают, чтобы не забрали в Германию. Потом – в 33-й школе, в 42-м году был лагерь по отправке в Германию. А это – против моих дверей, ворот. Напротив наших ворот был туалет – примерно на 3-4 [места], я не знаю, сколько там, деревянный. И вечером девушки уходили в этот туалет, а брат разрезал колючую проволоку – у него были ножницы такие – и девушки прибегали к нам во двор. Ну, это когда стемнеет. Мама их прятала. А у нас была когда-то коза, сено осталось. Кого в сено, кого туда, кого туда [прятала]. А рано утром этим девушкам давала ведра. Там колонка была у нас на улице, чтобы они шли за водой. Девушки, что успели с собой захватить. Ну, одели, например, не одно, а два платья, раз наметили – может, удастся убежать. Да, это все они складывали в ведро, а потом шли за водой. А через 2-3 минуты мама посылала за ними следом внука Женю – ему было в то время, сейчас скажу – 42-й год – 11 лет. [...] Мой племянник. Он умер, инженер был. И племянницу, его сестру. Она живая, можете с ней побеседовать. Она на год, ровно на год моложе. Они шли погодки – 32-го года рождения. И шли и забирали эти ведра, пустые. Немножко воды набирали и несли воду. А девушки убегали. Там посадка была, убегали. Куда они уже убегали – это знаете, это уже не знаю. Вот так вот. Ну и некоторым из них тоже удавалось дать эти аусвайсы. [...] Я же была кадровой воровкой. (Смеется). Честно вам говорю. Когда с Носачевым – мы часто [похищали]. Но дело в том, что тогда я еще

помногу очень не брала. А вот когда немцы отступили в феврале 43-го года, а потом [...] Да, отступили, и они его, конечно, в панике все [не взяли] – и в наш кабинет притащили тот шкаф с бланками. Понимаете? Ну и мы, конечно, хороший улов взяли. Это было – я скажу вам... *(Пытается вспомнить)*. Ну они уже вернулись, уже вернулись и опять этот шкаф поставили на место, все, вот. Но тогда еще, когда немцев не было, а я ж не помню – он закрыт был или забит гвоздями. А вот когда они вернулись, был такой [случай] – это даже записывать не надо, потому что мне самой страшно, то, что рассказывать буду. [...] Был такой случай. Нам нужны были печать и штамп, потому что из комбината в «Чистяковантрацит», потом еще там в «Красноармейскуголь», что ли [ездили]. А за Чистяково<sup>1</sup> стоял фронт. Но туда отправляли в командировку часто, и мы подделывали эти командировочные несколько раз, приготовили командировочные, потом я сказала Носачеву, он уже собирался уйти. И – как же сделать? Печать нужна. Сейчас страшно, у меня по спине мороз. Значит, вот это у нас коридор, на третьем этаже. Здесь коридор поворачивает, вот так. Как называется, за углом. И кабинет этого начальника вот тут, а наш кабинет вот тут. *(Показывает на листе бумаги)*. Перерыв был при немцах 2 часа. Причем с двух до четырех все русские должны были освободить помещение. Но в этот день – у нас ключи были – мы с Носачевым не ушли, закрылись в кабинете. Вы понимаете, и без этого нельзя. У нас был... Я уже сбиваюсь. Дело в том, что Крюмера<sup>2</sup> отправили на египетский фронт, несмотря на то, что [он пожилой]. Так говорили, а я не знаю, точно или нет? Хотя ему 68 лет. Чем-то он... Наверное, не угодил. А поставили вместо него зондерфюрера Айзеля. [...] Ну, этому было так 33-34 года, 32. Солдафон. Безграмотный, грубый, неряшливый. Немцы вообще отличаются исключительной аккуратностью, а этот неряшливый, мог придти и с грязным воротничком. Ну и ладно, не в этом дело. И Айзель имел привычку немного опаздывать. Нам это было на руку. А как случилось? Теперь я возвращаюсь. Значит, в этот день мы остались в кабинете. Как только все утихло, мы вышли. Да, я забыла сказать – от кабинета Гаппе у нас ключ был, мы похитили уже. На том столе несколько ключей было, таких... Пошли мы, значит, в этот кабинет, Носачев запирает меня в кабинете, сам остается в коридоре. На стреме. А тут так, смотрите: поворачивается кабинет, да? А немцы привезли с собой после отступления, я не знаю, откуда, вот такой шкаф металлический, как мой шифоньер. И этот шкаф поставили как раз вот тут, посмотрите,

---

<sup>1</sup> Ныне – г. Торез.

<sup>2</sup> Один из сотрудников Горно-металлургического общества «Восток».

вот поставили (*рисует и показывает схему на листе бумаги*). И Носачев стал здесь на стреме. И вдруг слышим – сапоги немецкие, ботфорты: топ, топ, топ, топ. И каждую дверь охранник дергал – открыта или неоткрыта. У нас была закрыта – он прошел. На наше счастье – наверное, бог нас охранял – он дошел до этого поворота, и тут же идет спуск вниз, лестница. И не пошел туда. [...] Не завернул. А спустился по лестнице. Слушайте, когда уже он, видно, до второго этажа дошел, Носачев быстро открывает меня. Носачев был вот такой белый (*показывает лист бумаги*), а я, наверное, еще белее. Ну тут оставалось еще несколько минут до окончания перерыва. Зная, что Айзель опаздывает, мы зашли в кабинет. Сидим – не можем отдышаться. Как будто мы сделали [забег] – на 500 метров бег сдавали. Ну, кое как пришли в себя, пришел Айзель. В это день у него было плохое настроение – ото вот, а нам это в руку. Он на нас кричит – мы же волнуемся, да? Вот так хорошо. [...] Ну, Носачев все эти аусвайсы, печати – все положил в портфель себе. Но это уже был самый конец марта. 30-го марта – День теплого Алексея. Это именины – Носачева – или день ангела раньше назывался. Да, приходит такой выбритый. Я говорю: «Что-то вы светитесь сегодня». – «Ну, сегодня же теплый Алексей». – Я говорю: «Да, я знаю это». – «А мы вчера такое сделали». – Я говорю: «Что же вы сделали?» Правда ли, неправда ли, но дело в том, что врать он, по-моему, не мог. Якобы в немецкой одежде, заручившись – уже не у нас, где-то другими документами, – они подъехали к складу продуктовых товаров. А он находился – пятый корпус индустриального<sup>1</sup> [института] знаете, который выходит на Садовый проспект? [...] Вот это здание – пятый корпус индустриального института, сюда на Садовый проспект выходят большущие окна. Немцы среднее окно переделали в дверь. Повесили железную дверь, замки там и так далее. Охрана. Наверное, ночью охрана. Днем я проходила – я всегда на работу тут мимо проходила – а видела. И тут они, якобы, заправились продуктами и отвезли по назначению. Я спрашиваю, я говорю: «Алексей Алексеевич, сколько же мне можно голову морочить? Я тоже ж рискую, а вы [ничего не говорите]». – «Вот, осталось несколько дней и ты все узнаешь». Ну, несколько дней проходит. Четвертого апреля он, Василенко – коммунист, Крикунова Леля, учительница, женщина – пришли ко мне. Да, и с собой привели парня, который при знакомстве – и брат мой старший был – говорит: «Николай Сафронов, Николай Иванов-Сафронов, по-ростовски Колька-Свист». Не забуду. Да, мой брат повернулся и ушел. Ну, а те же остались беседовать и все. Тот

---

<sup>1</sup> Ныне – Донецкого технического университета.

выдал себя за десантника – разведчика. И Носачев, и Василенко поверили ему. Ну а раз они поверили, наверное, и я [поверила]. А у меня подруга была Усаткина. Она живая, я могу дать адрес, и телефон. Кстати, она мне подарки делала. Я маму ее спасла – я потом скажу. Вот, и Лида была у меня Усаткина, и мы всю ночь проговорили. И в этот вечер назначили побег. Значит, Василенко и Носачев должны идти на Чистяково, документы готовили. И я тоже с ними. А пятого – это четвертого было, в воскресенье. А пятого числа – куда ходил этот десантник [не знаю]? Пятого числа в 10 часов утра... Ой, это передать страшно. Сижу я, печатаю вот эти аусвайсы. На Иванова-Сафронова уже печатаю. Вдруг открывается дверь и заходит гестаповец. И другой человек был в штатском. Ну, это переводчик его. Носачев, – я вам сейчас опишу этого гестаповца – подходит к столу [Носачева] и сразу забирает этот портфель. Видимо, ему уже было известно, что в этом портфеле. Ну, его сразу увели и больше все. Потом меня не арестовывали до 9-го числа. Этот же – десантник! – остался на воле. И мама его прятала. Отвела на шахту «Один-два». Там жила горбатенькая – женщина-калечка. Она была сторожем аптечной базы, посуда там в основном [хранилась]. Муж ее на фронте. И у нее, значит, мама прятала этого Сафронова. А каждый день он приходил: «А приходил к Вале кто-нибудь, а к Вале приходил кто? (*Имитируя его голос*). Ой, я пойду, сдам себя, а Вало выручу». А мама до революции еще занималась этим (*политической деятельностью*). За что папа даже бил ее – детей много было. На маевки ходила, на митинги ходила. Но, она сочувствовала. Только мама в семье – большая семья у нас – только одна мама знала все это. Ничего никто не знал... «Да, я пойду и...». Сегодня пришел: «Я пойду сдаваться». Завтра появился. А мама говорит: «Что вы наделаете? Вы и ее не спасете, и сами сядете». Вот так. Ну и девятого числа меня арестовали тоже, водили на допрос. Гестапо находилось на Второй [линии] в городе, где когда-то был или банк хозяйственный, там угловое здание возле первой школы. Первая школа, а потом угловое здание – это было гестапо. [...] Банк, а было гестапо. ГФП 721. Гехаймефельдполицай<sup>1</sup>. Ну, там у нас допросы были, все. Вот это на допросе я его видела, потом нас повели в тюрьму. На Третью (*линию*) – восемнадцать. Носачева сразу определили в одиночку, а меня... [...] Да, нас арестовали 8 человек. Меня, Лялину, Ушакову. В маркшейдерском Лялина и Ушакова в

---

<sup>1</sup> ГФП (нем. Geneime Feldpolizei – тайная полевая полиция) – структура, осуществлявшая контрразведывательные функции в тылу вермахта, боровшаяся с проявлениями шпионажа, саботажа, вражеской пропаганды и иной подрывной деятельности. Группа ГФП 721 на тот момент дислоцировалась в Сталино.

маркшейдерском, точно [работали]. А еще этот, Коржук, доцент, тоже в маркшейдерском. Леонид Николаевич. Ну, в общем 8 человек нас было там. Ну, что вам еще рассказать. Вы в тюрьме... Сначала, до первого мая – меня арестовали девятого, его четвертого. С четвертого по девятое всех нас арестовывали, водили на допросы туда в гестапо, а с первого на второе мая Носачева ночью увезли. Его расстреляли и бросили в шурф шахты 1-2<sup>1</sup>. [...] Это рассказали – там у нас был Ялбуган полицейский, он был хорошо настроенный такой, он сказал: «На Калиновке». Ну раз на Калиновке – все ж ведь ясно. А второго числа – значит, его ночью увезли, а второго открывается дверь и Ялбулган говорит: «Червякова, с вещами». Ну я тут... и не расплакалась, нет. У меня все окаменело. А я всем говорю: «До свидания». Оказывается, меня в первую камеру, где сидел Носачев [посадили]. И я там месяц просидела в одиночке. Могу описать эту камеру. Эта камера примерно 5 метров длины, метра полтора ширины. Там на стене висел шкаф, который отапливался костром снизу, и в этом шкафу жарили вещи, прожаривали вещи заключенных от вшивости. Стены камеры были покрыты на полсантиметра, наверное, не меньше, на палец точно, сажей. Ну, стояла железная кровать с двумя облопами. Больше ничего на ней не было. Полов не было, только половинки кирпичей были разбросаны. Окошко где-то высоко-высоко, тоже закопченное. Лампочка закопченная. Света, по сути, не было. Ну, вот такое дело. Там я посидела... Да, когда я вошла в камеру, сидела-сидела, потом взяла и пальцем написала над кроватью: «Im Leben geht alles vorüber». – «В жизни все проходит мимо». Через день, два – обход: «Что это написано?» – Я говорю: «В жизни все проходит мимо. Ну была я на свободе, попала сюда, а отсюда я не знаю – куда». Вот так притворилась. (Смеется). Ну, мне за это ничего не было. Накричали, накричали и заставили вытереть. Я вымазалась страшно, а помыться негде. Там я просидела до 31-го мая или 1-го июня – я уже точно не помню. А в этот день меня отправили в лагерь на Донскую сторону. Там я уже была до конца июля. В конце июля, совсем неожиданно пришло освобождение, хотя у меня был срок... (Пытается вспомнить): «Бис энде кригс. Бис...». – Не, я хорошо знаю. Ну, в общем, до окончания войны. А потом что, кто, как, почему пересмотрено дело или кто-то хлопотал – этого я не знаю, но меня освободили. Освободили, но какое освобождение. На руки мне освобождение не дали. А полицейский, [нас] человек шесть, ведет на улицу Артема – Первая горбольница, знаете? [...] И на улицу выходит сейчас там аптека. Я забыла, как она называется. «Анна», кажется.

---

<sup>1</sup> Вероятней всего в шурф шахты 4-4 бис.

Здесь находилась комиссия по отправке в Германию. Врач посмотрела на меня – а я худая была, у меня, было 40 килограммов наверное, не было веса. Она посмотрела и пишет: «Nach Deutschland»<sup>1</sup>. Представляете? Ну а направление отдают же полицейскому в руки. Мое счастье, что моего паспорта нигде не было. Ведут – опять я вам вспомню этот пятый корпус. Ведут по Садовому проспекту. Нас пять или шесть человек. Вот здесь сразу, вот теперь построил индустриальный институт новое здание, а тут стояли старинных два дома, видно купеческих. С одной стороны и с другой. А тут булыжная мостовая во всем дворе. Через этот двор я и многие другие ходили на работу в «Сталинуголь», потому что срезали. Через двор и тогда через индустриальный институт и прямо в комбинат, на работу. Я дохожу и говорю: «Я хочу». – Он: «Что?!» Кричит: «Я тебя...». – Я говорю: «Что я сделаю?» Я говорю: «Вы с ружьем, куда я денусь во дворе?» – Ну он заругался пятиэтажным [матом] и говорит: «Если что-нибудь, я тебя там на месте расстреляю». – Я говорю: «Ваше право». Ухожу и через этот лаз – там туалет, а за туалетами лаз. Через этот лаз ухожу. И на «Зеленстрой» к тете. [...] Ну он и сейчас там занимается лесонасаждениями, вот это розы садят по городу – вот это «Зеленстрой». Там моя тетя работала. И я к ней ушла. Я там прожила 3 дня, а там еще у нее сын – мой брат двоюродный, он пошел к нам домой. Никто ничего к нам не приходил, меня никто не разыскивал и я вернулась домой. Вернулась домой – вы знаете. [...] Значит, когда меня освободили, я иду с «Зеленстроя» и встречаю русского начальника лагеря, Бондаря Павла Константиновича. Он был настроен как патриот. [Лагерь] на Донской стороне был. Напротив психбольницы. Он и заместитель его Пунтус, по-моему Василий. Да: «Куда ты идешь?» – «Да так и так». И рассказала ему все как было. – Он говорит: «Иди к нам работать». – Я говорю: «Как. Заключение и в лагерь?» – «Иди, – говорит, – ты нам нужна». Это его слова. Ну ладно, пошла я. Нет, пошла к Павлу Емельяновичу. Я говорю: «Павел Емельянович, так и так, мне предлагают». – «Иди, – говорит. – Ты будешь носить сводки, ты же уже, – как он говорит, – опытный человек. Будешь брать у меня сводки и носить туда, заключенным». Ну, поняла. Я работала в лагере, значит, да. [...] Посадили меня на списки. Вот отправляют на работу заключенных, да – я составляю списки. В четвертом корпусе бараки – у нас там были коммунисты, подпольщики. В общем, политические. На свой риск я включала в общую колонну 2-3 человека из четвертого. Они шли туда, а... Интересное это место. Когда едете в город – цирк, а после цирка

---

<sup>1</sup> В Германию (нем.)

железная дорога проходит. Там стояли вагоны, уже негодные. Один или два вагона – не помню. Была водокачка близко. Затем мост. Первый мост, а потом Второй, в парк культуры и отдыха. Зеленые насаждения – и там у нас люди совершали побег отсюда. Правда, после этого всем доставалось. Вот пришла колонна – нет восьми человек. В наказание ставили по стойке «смирно» до 10-11 часов вечера. Немец Вебер ходил – и кто ему не понравился – давал зуботычину. Ой, страшный был, ой... Но мне удалось из лагеря кое-кого выручить. [...] Нескольких человек. А потом за мной стали следить. Там много было полицейских-казаков и нацменов. И они стали ко мне относиться очень враждебно: «Мало отсидела, мало ей дали». А чего? Вот принесли передачу, хотят увидеть, передать передачу. А полицейский там не принимает. Я иду к Веберу и чуть ли не слезно умоляю. И иногда удавалось получить эту передачу заключенному. Но это не очень часто, так... Приносила и сводки от Павла Емельяновича, Совинформбюро, в лагерь. И передавала этому Василенко, коммунисту, который у меня ночевал с Носачевым. А он в четвертом бараке был. А он тогда уже товарищам своим [передавал], я знаю... Вот такие дела. Вот такая моя работа была. Первое время мы сами были, как говорят. Никто не верил. Спрашивал: «Когда ты занималась? А почему мы не знали?» Да а как же вы будете знать? Я была бы повешена, как и другие. Вот... Ну а потом, значит, до семьдесят... *(Пытается вспомнить)*. А, в 64-м году я получила письмо от Шутова. Оно у меня – копия есть, а оригинал в «Донбассе непокоренном». Он просит, чтобы я сообщила кое о ком и пишет: «Вы же работали в этом лагере?» Но это ошибка, я не в этом лагере, я там работала в лагере. Это ошибка. Ну, я что знала, о ком знала – я ему рассказала. А потом и он был у меня дома, и в школу приходил, и я у него была дома. Чем могла – тем помогла. Ну что вам еще рассказать? [...] Начала, уже люди многие получили партизанские билеты, все. А я сидела-сидела, а потом и думаю: давай и я буду хлопотать. Ну и выхлопотала, и партизанский билет, и все. [...]

*Червякова Валентина Игнатьевна*

\*\*\*

[...] Ну, немцы, я вам скажу, нас не сильно обижали. Там где-то были, вешали, там все такое, стреляли. Хотя у нас тоже были партизаны. Значит, сейчас мы знаем, человек 5 или 6 ребят таких взрослых. Ну, лет по 20 – по 22, может, по 25. Они что, значит [сделали] – сожгли немецкий склад. Потом разграбили у немцев интендантский взвод, забрали шинели там, карабины, вот это все. Правда немцы их [обнаружили]. Да, у нас же лес кругом, как я сказал –



они в лесу прятались. Но немцы их выследили – они прятались где-то в старой конюшне на чердаке, окружили эту конюшню и [уничтожили]. Ну, значит, двоим удалось убежать, а остальных постреляли. Вот это наше партизанское движение. Я, правда, вот удивляюсь, что за донецких партизан пишут, еще за каких-то, мариупольских, а за снежнянских [не пишут]. Хотя, правда, у нас сразу после освобождения – «Стахановская правда» у нас районная газета была – был очерк об этих ребятах. «Снежнянские орлята» назывался. Автор описывал эти события, но в нашей областной печати я ни разу не встречал, чтобы упоминали об этих партизанах. Ну, вот это все. Это уже когда солдаты ушли. Вот это шахта работала и они партизанили. А когда солдаты были, там весь поселок насыщен этими [войсками]. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

\*\*\*

[...] Я пошла в село Марьинку, а там как раз один набирал варить яблоки с сахаром немцам. Мы там с этими девочками, которые пошли, нанялись там. И вот она варит, а мы возьмем, когда уже готовое, возьмем холодной воды в эту тару нальем. А они тогда немножко отойдут и взрываются. [...] Знали, что надо что-то сделать, что-то положить, чтобы оно взорвалось. Чтобы оно начало бродить. Ну оно, когда мы воды подливали простой, оно отходит туда. И вот однажды партия эта задержалась и оно взорвалось тут. И этот наш начальник, который был, говорит: «Девчата, я вот кладу мешок сахара на подводу. И уезжаю, куда глаза глядят. И вы уходите, потому что вас заберут, потому что взорвались. Это вы делали». [...] И он нам сказал: «Не идите прямой дорогой на Донецк, потому что вас перехватят и постреляют. Идите куда-то в сторону, потом». И мы так и сделали, пошли в сторону, в том селе побыли несколько дней, потом уже пошли домой, пошли в Донецк. Пришли в Донецк – отец делал, ну у нас сарай такой был, и там дрова вылаживал, а за дровами место оставляя, чтобы мы туда лазили, прятались там. Мы там прятались – мой брат и я прятались, пока в 43-м году пришли наши. 7-го сентября пришли наши.

[...] Хотели вред нанести. Сознательно. Я и еще одна девочка. Я наливала, а она смотрела, чтобы никто не видел, как я наливала. Мы вдвоем с ней делали это. [...] Понимали, что за это могут нас порасстрелять. Понимали. Все понимали, все равно делали. А ее так и расстреляли. Она дурная, никуда не пошла. Она была местная девочка, которая мне помогала. А она, значит, никуда. Ей говорили: «Уходи», – а она не ушла. Ну, ее взяли и сразу, кто работал, кто-то доказал. И ее расстреляли. [...]

*Шовкун Феодосия Ефимовна*



## ГЛАВА 15

### «НЕМЦЫ И НАШИ БОМБИЛИ...»: НАСЕЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЫ

[...] Были разные немцы. Я не помню, чтобы у нас жил кто-то из солдат. А так приходили, и из погреба тащили все. Хорошего ничего не было. А потом, это было 7-го декабря, а фронт остановился под Дебальцево, и вот 7-го декабря с утра как началась стрельба. А где сейчас горисполком Дебальцевский, и там был раньше как скверик, стоял там колодец посередине. И там стояла воинская часть, артиллерия. Это был батальон пограничников в зеленых фуражках. И они так быстро прошли, что немцы бежали в одних подштанниках, убегали. А тут вот была последняя улица, а там степь была, и они дошли до последней улицы и остановились. Я не знаю, как я остался жив, домов не было и деревьев тогда не было. Я был в комнате, когда поднялась стрельба. А мать и сестра с братом в подвал залезли. А я все в комнате сидел, и тут в огороде снаряд разорвался, окно вылетело от осколков и я упал, как стоял, так и упал. И ползком в подвал, а уже когда утихло, глянул, на том месте выбит в доске кусок осколком. Меня он не задел. [...]

*Б. Виктор Федорович*

\*\*\*

[...] В Покровске<sup>1</sup>, як я ходила в Покровск, так вбитих багато. Вбитих. Ой-ой. А де їх потом забрали, коли їх забрали – не знаю. Ні хто хоронив, як їх забирали – я не знаю. Факт тот, что я по трупам ішла. Считай по трупам. Порозсували, наверное, трохи від дороги і все... А то один повз один. Та хто не бачив, той не може представити. А як я от то представляю все, так трудно... ! Так, ну як, щоб поняли. Прямо один крізь один було солдатів вбитих. [...]

*Босая Александра Степановна*

\*\*\*

[...] У больнице була книга, в якій регистрировалось, сколько погбло отаких, як я. Постарші були, поменьше. Чтоб не збрехать, по-моему шо-то около, шо то пятьдесят с чем-то человек, так. Це так сам врач казав, та я і сам то знаю. По три человека сразу погибало, ті, що разряжали – по три человека, по три человека каждый день. Ото як

---

<sup>1</sup> Правильно – Покровское – село в Артемовском районе Сталинской области.

перейшли наши зимою, ото склад зробили за селом, і ото як начав у 1942-му році, 17 мая [немец] крісать и розбомбив весь той склад. Там жуткое, там склад шириною, мабуть, метров тридцять, ширина склада і то от понад дороги и, наведено, до самого верха, с кілометр, мабуть, если не більше, так. І от там рвалося так. И от село було, красне село було и усі тікали в ліс туда, а тоді ото поприходили и розряжали, так. По три человека одразу убивали, по два-по три человека, поодиночке. [...] Валялось там по полю и гранаты, и минометы, и наганы, и винтовки, и пулеметы – шо тільки не було там. Находили – стріляли, так. Може, тхось закопував – черт те, не в курсе дела. [...] Та, разряжать – я ничего не розряжав, а таких, як я годков, человек, наведено, двадцать ілі більше погубло, розряжали. У 1942 році, ото як наші тоді прийшли, і у мене у садку мини були, красенькі, з міномета. [...] Ну, мій брат двоюродний – його ранило, а вот двоїх – сусіда вот, и вот сусіда – убило зразу. Як раз у той день, коли як раз самолет немецкий – чоґо він там залетів, не знаю. Круг дав, низько летив, и один солдат – видно попала розривна пуля, прями в бак и туди ото там. За селом ліс, и він туди, там і упав. Я ще бігав туди – дивився. Три льотчика були, згоріли, так, от. [...] Прибігає, каже: «Вовку отправили в госпиталь через Донець, отой катер ходив тут, а хлопців побилло». В 1942-м вже началось. [...]

*Гончар Николай Иванович*

\*\*\*

[...] Ну я кое-что помню. Много эпизодов таких. Вот помню когда на Сталинград бомбит летали. Вот с Чайкинского аэродрома<sup>1</sup>. [...] Тут базировались бомбардировщики. И вот они партиями – одна за одной, одна за одной партиями шли. Вот так коридорами шли. Все время, как гуси – те туда – те оттуда, те туда – те оттуда. Наши истребители по ночам налетали. Как дадут, фонари<sup>2</sup> понавешали – и давай грохать. А они (*самолеты*) в капонирах стояли – и по капонирам! А в особенности мне понравилось. Мы пацанами бегали туда смотреть. [...] Пацанами бегали смотреть, как наши фонари вешают. А он залетит, с большого расстояния фонари понавешают – а потом кукурузники налетают – и прямо гранатами или чем по капонирам. (*Смеется*). И взрывы там, грохот.

<sup>1</sup> Поселок шахты «Чайкино» находится на территории Макеевки.

<sup>2</sup> Имеются в виду САБы – светящиеся авиабомбы.

[...] Понимаете, вот я помню у Самокиша<sup>1</sup> в огороде бомба упала, и так она и лежит там где-то. [...] Не взорвалась... [...] Потом тут у нас была – вот тут, где сейчас поселок, это степь глухая. Степь да степь кругом... Целина была. Здесь падали бомбы, взрывались, а на поселок так не получалось. Но они, видать, метили на аэродром, а там их, видать, гнали, и они сбрасывали бомбы здесь. Я думаю так сейчас. Раньше мы не понимали, чего они бомбят? А то... Немцы еще что делали. Вот это между 6-Капитальная<sup>2</sup>, вот на бугре, как на Чулковку<sup>3</sup> идти, там они сделали ложный аэродром. Из бензиновых бочек понаделали самолеты – и все. А наши «кукурузники» налетали – и рельсами. Не бомбами, а рельсами, куски рельс сбрасывали. Как даст – и летят бочки. И листовки бросали: «Какие самолеты – такие и бомбы». (Смеется). А у меня брат двоюродный на «6-Капитальная» жил – мы дружили сильно с ним. Вот то к нему побежишь. А там как раз этот аэродром был... Какие самолеты, такие и бомбы. (Смеется). [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

\*\*\*

[...] Значит ночью – вот так, но возле ворот не разрешали сидеть. Наша калитка, и Черничкиных, может, метров 10, и мы вот здесь. Лавочка. И на лавочке всей семьей. И смотрим, значит, не смотрим, слышим – стрельба. Вой самолета, и пламя, пламя над ним, и пошел. И буквально от завода над нами – буквально черная туша самолета. С таким ревом проносится над нами, что Жучка – у нас собачка была – аж под фуфайку забилась, затрясло ее, на чем мы сидели. А идти ж то не можем. Уже ж часов 10 вечера было. Пovyлетали взрослые: «Что такое?» Аж задрожали стекла, только пролетел самолет. И шлейф – горит самолет. И он пролетает – вы знаете, где завод холодильников? [...] И вот он перелетает, и в посадку левее – вот так, если вы смотрите на «Норд»<sup>4</sup> с лицевой стороны – внизу с левой стороны на этот поселок он упал. И мы утром, только кончился этот – это летнее время было, или 41-й или 42-й год. ...Честно не помню. И мы утром побежали к этому. Вам никто не говорил об этом? И мы побежали к этому месту. Прибегаем, значит, туда, а там уже народу полно. Все вот так оцепили военные. И, значит,

---

<sup>1</sup> Сосед респондента.

<sup>2</sup> Шахта № 6 «Капитальная» в Сталино.

<sup>3</sup> Поселок Чулковка в Сталино.

<sup>4</sup> Завод холодильников «Норд» в Донецке.

этот самолет еще дымит. Ну врезался в посадку. Назывался этот Птичий поселок. Так называли. Там посадка большая. Птичий поселок и Птичий поселок. [...] И вот так врезался, крыло отвалилось, мотор от удара выскочил. [...] Ну и вот характерный случай я запомнил, я все время рассказываю. И мы взяли, значит, мальчишки нырнули. Взрослые стоят, а мы помеж ногами и там, значит, березы белые росли. И мы залезли на эти березы и нам буквально все [видно]. Полицаи роют могилу. По-моему, или одного или двух летчиков хоронили. Но остальные – впоследствии мы узнали, что это экипаж – Пе-2 это был экипаж, бомбардировщик наш пикирующий. Двухмоторный. Там сколько человек было – или 3 или 4. А остальные, по-моему, 2 человек они хоронили. Тех, кто непосредственно врезался в эту посадку. Он не прыгал никуда, пилот. Как сидел, так и [остался]. А остальные прыгнули. И присутствовали – впоследствии я узнал, там ребята жили знакомые, что они присутствовали на похоронах. Ну что там – переоделись и все. [...] Ночью их никто не взял, что было удачно. Но что характерный случай – это я видел сам. Значит, когда уже вырыли эту могилу. И в стороне – все думали, что это. Вот такой лежит кругленький комок такой. Ну, люду много было. А мы то на деревьях, и нам все видно. Вот такая плащ палатка – ни гробов нет, ничего. Уже вырыли могилу – и туда. Все такое обгоревшее, черное, они в своих комбинезонах таких. А это оказалась голова. Видно, от удар отскочила, но ее никто не заметил. Она ж в посадке – листья там, мусор и все прочее. И когда полицай говорит, что это мол... И взял, ударил ее ногой. Вот так вот футбольнул. Вот верите – не верите. Он (*немецкий офицер*) достает парабеллум – мы уже знали, что это парабеллум, и тут же его и хлопнул полицая этого. Об этом я и в армии рассказывал, и дома все знают. Немец. Взяли эту голову, завернули, положили и закопали. Нашли пилотку. У них были красивые пилотки – голубая со звездочкой. И пилотку положили сверху. «Это герои. Герои», – говорит. Так нужно... Или это была показуха. Или сыграть на публику, на кинокамеру. Это я уже впоследствии [думал]. [...] Снимали, снимали, да [на кинокамеру или на фотокамеру]. Вы понимаете, я не могу уже это с вершины прожитых лет [оценить]. Но в конечном счете это то, что я видел. Но гора была цветов. И немцы говорят: «Мы чтим героев». Что он один что-то натворил, он отбомбился, его подожгли «мессеры»<sup>1</sup> и он [погиб]. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

---

<sup>1</sup> Истребители «мессершмидт».

Die Abwehr der Feindtätigkeit im Rückw. A. Geb. hatte besonders bei der Bekämpfung von Banden und Fallschirmspringern Erfolg. der größte Teil der Fallschirmspringer konnte gestellt und vernichtet werden. Feindagenten wurden teils durch die Front, teils mit Flugzeugen über die Linie gebracht. Ein Fallschirmspringer wurde in deutscher Hiwa-Uniform festgenommen. Er war als Hiwa-Mann bei Stalingrad von den Russen gefangen genommen worden. Nach seiner Aussage sind 10 weitere Hiwa-Leute mit dem gleichen Auftrag zum Einsatz gekommen.

Das Gesamtergebnis der Bekämpfung von Banden, Agenten und Fallschirmspringern stellt sich aufgrund vorliegender Meldungen wie folgt dar:

Fallschirmspringer,	Getötet: 6
	festgenommen: 19
Banditen	Getötet: 3
	festgenommen: 57
Agenten:	Festgenommen: 3
<u>Beute:</u>	6 M. Mi., 2 Pistolen, 2 Gewehre, 16 Handgranaten, Gew.u. Pist.kun. 5 kg. Sprengstoff, 1 Kompass, Brandplättchen, Sägen, Kartenmate- rial.

Die Feindflieger-Tätigkeit war auch im Berichtsmonat rage, flaute aber gegen Ende des Monats ab. Insgesamt wurden 76 Luftangriffe gemeldet. Folgende Verluste wurden gemeldet:

9 Soldaten tot,
6 Soldaten, 1 Reichsstaatsanw. und Eischuma verwundet,
14 Landeseinwohner tot,
37 " " verwundet.

Erheblicher Sachschaden trat nicht ein.

Stimmung in der Bevölkerung:

Die Stimmung der Bevölkerung nach ihrer Einstellung auf Deutschland oder für die U.S.S.R. zu erkunden ist außerordentlich schwierig. Ein Versuch in Sayon Newdejewa, die Haltung durch Befragen durch Starosten und des Kayonchefs zu ermitteln, brachte für die einzelnen Ortschaften stark abweichende Ergebnisse. Sie schwanken zwischen 10 und 95,5% für Deutschland. Nach Aussagen vertrauenswürdiger Kenner des Landes sind etwa 40% abwartend und zurückhaltend 40% sind nach zweijähriger Besatzungszeit enttäuscht über die Nichterfüllung der von ihnen gehegten Hoffnungen und erwarten nur noch ein Besserung ihrer Lage durch die Niederkehr der Bolschewisten. Etwa 20% können als deutschfreundlich bezeichnet werden, jedoch befindet

**Фото 20.** Фрагмент отчета коменданта тылового района 1-й танковой армии вермахта с информацией о потерях среди немецких военнослужащих и гражданского населения в результате налетов советской авиации  
ВА-МА, RH 23/19, Bl. 74.

\*\*\*

[...] Да, что еще надо отметить. Такая обстановка была, а наши, сколько этого моря? С той стороны Ейск – это еще советский был. Авиация из Ейска постоянно по расписанию здесь была. Истребители летали у нас понад нашими хатами, цепляясь за трубы. Вот так держали немцев в страхе. Ну а бомбардировщики были в ночное время суток, беспорядочные. Иногда и нашим хатам доставалось. Как зашурует – только пыль идет. Саман. И люди было, погибали, случаи такие. Ну и продолжалось такое до 43-го года.

[...] Все это мнение [о бомбардировках] зависело, естественно, от качества этих бомбардировок. Если это по целям – но как тут можно определить с высоты, в ночное время, если вот тут 50 метров с той стороны улицы, школа с немцами, вот вторая школа. Попасть с немцами – это равносильно [искусству]. Вот здесь однажды днем, вот на площади, которую мы видим. Значит, сбросили кассетник, кассетные бомбы. Это кассета и начинена небольшими бомбами. Вот, а тут дорожка была протоптана наискосочек. Шла женщина и мужик – вижу, сел. Что такое? Вижу, нога у нее болтается, а с воронки, несколько не повзрывались, дымят еще. Это кассетки сработали. Это одно. Двумя улицами ниже тоже по хатам, по хатам хорошо доставали. Были случаи и такие. Вот поэтому люди и говорили иногда: «Что же вы делаете, что же?» Да, в тот же день тогда кассетки опять повторились. Вот тут дядька мой –прямоугольный дом его, рядом, и забора тогда не было, мы тогда жили. Как раз во дворе мы – а тут бомбы. Когда идет, она же свист хороший [издает]. Только мы успели лечь на улице, с той стороны, вот так забор перебит был, и хата побита была – саманная. Только пыль сыплется. Скажем, конечно, от результата все зависело. Если отбомбятся хорошо, если немца достанут – радовались. А своих – ну вот еще печальный случай. Может, это и не надо говорить, но... Был у меня тут Павлик Куницын. Ну, мы не друзья были, но хорошо знакомы на улице. И как раз надо же было ему случиться было, что он с площади зашел на эту улицу, где мы с вами шли<sup>1</sup>. И тут шлепнула бомба. Когда дым рассеялся, вижу – лежит Павлик. Потом его преподнесли, тут изорванная одежда, живот. Занесли мы его, хотел сказать – предбанник. Там небольшое столовое помещение было, тут коридорчик. Положили его на пол – разорванный живот – и он, бедняга, уже неосознанно, видно в агонии, все содержимое, все, что выходит из желудка, он все старается заправить все это. Через несколько минут он умер. Вот такие случаи

---

<sup>1</sup> Имеется в виду улица, по которой респондент вел одного из авторов к себе домой.

были. Таких случаев – ой, боже. И в городе там. Удачно отбомбили колонну на Первомайской. А неудачно тоже было. Удачно отбомбили вокзал. Там цистерны горели, удачно было элеватор – канонерки подошли, обстреляли с моря. Радовались – вот наши дали, вот наши дали сегодня! Вот такие разговоры. А когда дадут по хатам: «Вот наши такие-сякие». [...] Вот сколько я помню – как раз патруль ночью вышел на пересечение Бахмутской с Шота Руставели. Вот там 2 конвоира. Как раз попали – тоже их снесло. А так, чтобы именно вот тут, здесь – не было, не помню.

[...] Да, что я хочу еще сказать. Кроме авиации здесь хорошенько немцев беспокоили. Зима была, однажды, по-моему, первая зима, 42-го года, морозная. С той стороны санный десант был в районе Буденновки, теперь Новоазовск. Это станция Буденновка была. Авиация, однажды удачный такой обстрел был, видно, корректировали. Улица 1-го мая была заставлена автоколонной. Полностью попадание было, вся разбита была – порт, элеватор – все. Ну таких эпизодов можно отметить несколько. Героизм, конечно, летчиков. Вы представляете, здесь по углам стояли зенитные установки, и по ним стреляли. Казалось бы, некуда деваться. Как-то они буквально между хатами. Вот там в Мариуполе у нас был – аэродром, это громко сказано, летное поле. Одно в Ильичевском районе, а другое вот здесь, за проспектом Строителей. Здесь грунтовки были, бетонки не было. Вот здесь базировалась авиация и все время они летали на Ростов. И вот там еще холм есть, говорят, что это могилы, может, скифские курганы. Тут у нас в степи их было несколько. Там была артиллерийская установка зенитная. И тогда при очередном налете группа самолетов отбомбилась, обстреляла, тогда они шкоды наделала много. А один решил ястребок наш подавить вот эту огневую точку, которая на холме. И как раз его в упор и сбили. И он там, бедняга, завалился на крыло. Но надо отдать должное, немцы, сами немцы его похоронили, отметили героизм. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Зажигалки бросали... И ящиками мины кидали. [...] Да, зажигалки. Я знаю, что зажигалки. Потому что у нас на огороде несколько дыр было. А я на подоконник стану и смотрю. А потом один раз пошла на Триналовку. Иду назад, а тут стали бомбить. Вот то, где 31-я мехколонна, там поле было, и там бросали бомбы. И бегом, бегом домой добежала, стала и смотрю. [...] Шахту они хотели [бомбить]. Это же возле шахты... А один самолет был подбит и упал около

Мушкетово, между Евдокиевкой<sup>1</sup> и шахтой «Новомушкетово». Самолет пострадал и он разбился, упал. Вот это вот... Дом разбили, потом там дальше воронка была. [...] На поле, я знаю, там большая воронка была. И дом здесь на Евдокиевке разбил. Женщину убило. [...] Мало было [таких случаев]. Вот то несколько случаев было, когда бомбили наши. Да что тут бомбить было? Только зря снаряды пускали. Если б в шахту попало. А это возле шахты было – так что, если попали, что-то было. В общем, наш поселок тихий. Как сейчас тихий, так и тогда тихий был. И тогда был тихий. [...]

*К. Вера Максимовна*

\*\*\*

[...] И немцами, и Советским Союзом [бомбились]. И немцами. Потому что мы же близко от вокзала. А они не в смысле, что наш поселок, а вокзал. А бомба-то летит, залетела и к нам. Но хорошо, такая бомба, вот эти осколочные, дом вот-то побила, но ничего, чтобы снесло – нет. [...] Большинство вокзал бомбило и аэропорт. Но это случайно к нам залетела, что вот туалет развалила и вот это дом побила. А так недалеко от нас тоже дом был. Это уже наши тоже вокзал бомбили и... Это моя подруга. Мы вместе занимались, вместе учились. И она легла спать – мать, невестка и она. Мать там. И бомба как упала и ее насмерть убило, Валю Ховякову. [...] А мать с невесткой остались живы. Угол как раз, где она это самое [была], угол [разбило]. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Диверсии были на военном заводе вот у нас, вот 144-й [завод]. Или как его – сельскохозяйственный. А он тогда 104-й назывался до войны. [...] Вообще-то там много работало наших военнопленных. Очень много. Ну и тогда – я не знаю, это диверсия была? Потому что там писалось, что вроде наши партизаны сделали. А я, например, видел, что наш самолет что-то блестящее как насыпал туда. А я на крыше сидел у себя дома. Так оно как начало рваться – так там несколько тысяч погибло наших военнопленных, несколько тысяч немцев тоже там погибло. И там и добровольцев этих вот наших – власовцев – тоже погибло очень много на этом заводе. [...] Я не знаю, может быть они там что-то уже позаложили (*взрывчатку*), а нашему

---

<sup>1</sup> Поселок Евдокиевка в Сталино.



самолету только дали указание – этого я не знаю. [...] Это было по моему весной 1943 года. Да, где-то в конце весны, в апреле или в мае месяце. [...] Да. Там рвалось неделю целую. [...] А я видел – я с крыши слетел. Я видел, самолет что-то блестящее сыпанул туда, а потом дым ходит- ходит. Как дало – я с крыши слетел, и стекла повывлетали. [...]

*М. Алексей Михайлович*

\*\*\*

[...] Ну что бомбили? Бомбили склады ихние. Вот сюда сколько раз бросали, но, может, не попадали. И хорошо помню, как был сбит наш истребитель, самолет. И упал он, «Белые пути» назывался, «Белые пути». Кладбище там. [...] Там, за «Белыми путями» он упал. Где Скочинского шахта. Там пути проходят. Ну вот Лидиевка<sup>1</sup>, Лидиевка. Там кладбище большое. И вот он, не доходя путей, тут же степь была, голая степь. Сейчас посадка у нас там. А раньше, когда мы жили, там голая степь была. И мы еще видели, как самолет тот упал, и собрались детворой, побежали летчика спасать. Прибежали, летчика мы там не нашли, но зато немцы уже окружили самолет с собаками и нас туда не допустили. А летчика уже там не было. То ли он взорвался вместе с самолетом, то ли он куда-то уполз. Но он не взорвался, он на парашюте спрыгнул. Мы даже видели, поэтому побежали его спасать. А куда он делся, не знаю. То ли его немцы забрали. Но немцы там уже сразу с собаками. Они же тоже, наверное, видели, что он прыгал. И сразу же туда помчались с машинами и собаками. Окружили, но доступа нам уже не было. [...]

*Митина Роза Никитична*

\*\*\*

[...] Вот тут бомбардировки были вначале немецкие. Я ж говорю – мы как раз в таком районе жили – вот тут 15-летия, вот ДМЗ, а здесь Нестеровка. И вот это они вешали осветительные бомбы на парашютах и бросали бомбы. И, конечно, они не попадали ни туда, ни туда, а все по Нестеровке стреляли. И вот мы ж бегали все в бомбоубежища, потому что приказали бомбоубежища вырыть во дворе. А перед войной проходили мы – противогазы одевали, учили – «война на чужой территории», противогазы заставляли одевать – как это все готовили. Наши, до того как немцы вступили. Вот единственное, что помню, как попала бомба в какой-то дом, и

---

<sup>1</sup> Поселок шахты «Лидиевка» в Сталино.

женщине оторвало ногу, она кричала криком, это был ужас. [...] Я помню только воздушные бои. Вот днем прилетит наш истребитель и вот крутится там между немецкими, они друг друга хлопают трассирующими пулями, прожектора. А вечером наши бомбили. Но бомбили вечером, как правило. И прожектора освещают. И вот поймали этот бомбардировщик наш и сбили, трассирующие пули. Вылетали немецкие «мессершмидты», и они ж видели, что прожектора ухватили, они старались его пулями, зенитки ухали. Зенитки ухали все время, стреляли, потом прожектора освещали, потом истребители – а вот как часто то и то... Оно так как-то смешалось, трудно как-то сказать, что чаще было – немецкие бомбили или наши. Но единственное, что я помню – вот здесь подожгли. Наши партизаны, склад был большой и там были лошади. Вырвались они, бегали, и не знаю, то ли наши разбомбили, то ли наши партизаны подорвали... [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Летит самолет, наш. Бомбить нас. Мы говорим: «Хотя бы его немцы сбили». [...] Не часто, но прилично [бомбили]. Наши родственники погибли. Бомбили. Около завода мы там жили, там подстанция. Немцы бомбили – мы говорили, чтобы сбить немца того надо. Наши – чтобы нашего сбить надо. Вот это вот на 9-й линии – 9-я линия, дом №2 – там целый двор. И туда попало. Они приехали бомбить подстанцию. Ну и бомба попала в девять-два, прямо во двор. Там 2 человека всего спаслись. Мужик, который без руки, и дочь он одну вытащил. Все погибли... Да там, наверное, человек 100 или 50 [погибло]. [...] Человек 50 было. Много семей. Там целый двор большой. [...] Были налеты. Я удивился, как мы можем говорить, чтобы нашего сбили. Вот как-то неувязка, но факт был факт. Когда он людей побил, и знал, что никакого тут немца, тут наши, немца тут не найдешь... Еще б объект немецкий – правильно, я б там был около немцев, я бы там погиб – правильно. Но если там, знает, одни наши, живут люди, и он подстанцию ту бьет – он не смотрел, что там люди, ему объект надо уничтожить. [...] Немцы и наши бомбили. Вот так. Военный объект есть военный объект – так рассматривать надо те вещи. [...] И никто ее не уничтожил – ни наши, ни немцы. Так она и по сей день работает. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Я помню – выходим. Пришел пацан ко мне и говорит: «Мы сейчас новый тип гранаты нашли. Ты придешь разряжать?» Я в этом плане был не то, что осторожный, не трусливый точнее, а я, знаете, всегда подвох [чувствовал]. Меня так и учили, вот этот дядя Вася покойный, он 900-го года: «Не знаешь – не лезь». Вот оружие собираете что-то. Я все знал системы, пистолеты, пулеметы, «шмайссеры», карабины. Все. [...] Знал устройства. [...] Оружие было – вы себе представить не можете. Когда отступили – оружие валялось на каждом углу. Потом, оружие можно было в таком месте найти, что просто удивительно. А пацаны шныряют же везде. И вот ему говорят: «У Женьки есть «Дегтябрь»<sup>1</sup> ручной». А «Дегтярева» вы знаете с развилкой<sup>2</sup>, вдвоем надо тащить. Но вот для чего. Допустим, брали снаряды, мы вот коллекционировали. У меня дома были снаряды. Бабушка все время: «Взорвешь ты нас. И так только отремонтировались». Вытапливали тол. Греет хорошо, таким голубым пламенем. И толовые шашки можно применять для детонации, для взрывов. Вот это он зашел ко мне: «Идешь, новый тип гранаты». И вот я дохожу, допустим, как остановка, поворот к больнице – «Бу-бух». Смотрю – через дом клубы дыма. Думаю: «Твою мать. Разрядили». Подхожу, тоже на всю жизнь в памяти. Два наповал, а третьему – ему выбило глаза, изуродовало лицо и он, знаете, по кругу ползает, знаете. Но что мне запомнилось – по кругу. Вот что интересное – по кругу! Представляете, эпицентр взрыва и вот тут он по кругу и затих. Боже! Возле своих домов. Матери повыбегали. Ой, жутко. А так руку оторвало, глаз выбило – это в порядке вещей. [...] Знаете как – бросали много оружия. И немцы бросали, и наши. И немцы бросали эти гранаты – вот у меня был полный подсумок этих гранат. Но то были наши – РГД – ручная граната Дегтярева. С запалами, со всем. Долго. Оккупация закончилась, я не знал, кому сдать. А не нужно оно военкомату, не нужно. Я говорю в военкомате: «Заберите у меня во дворе». – «Кому оно нужно. Положи». Не ходили, ничего. Вот так можно было достать оружие не то что элементарно, а сверхэлементарно. [...] Торговали оружием, торговали. Те же полицейские торговали оружием. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

---

<sup>1</sup> Ручной пулемет системы Дегтярева (ДП – Дегтярева, пехотный).

<sup>2</sup> Имеются в виду пулеметные сошки.

\*\*\*

[...] Бомбежки очень частые, потому что город есть город. И поэтому там же большое было скопление немецких частей, и поэтому вот и русские бомбили часто. Бомбили часто, и там уже, конечно, попадали и на дома, потому что они знали прекрасно, что в домах стоят немцы. Потому что я ж говорю, танки стояли прямо вот. Что ж оно, не видно, что ли? Там же ж пролетали истребители, и видно ж все было. Причем в одно определенное время всегда бомбежка происходила. Уже слышим, дело к вечеру, уже все, уже гудит самолет издалека. А уже слышно, что идет бомбардировщик. А у нас еще была собачка маленькая, Мушка звали ее. Та предчувствовала. Только самолет где-то там появлялся, а она уже бежала, ага, забивалась в угол, забивалась в угол и все. И визжала. Это ясное дело, сейчас уже будет налет. [...] Прятались мы под кроватью, чтобы никаких этих вот осколков не попало, в общем, бомбили очень часто, ну а во время немецкой оккупации часто происходили такие вот бомбовые налеты. [...] А вообще ходили на Петровку все время пешком. Из Сталино ходили на Петровку пешком. Это сейчас кажется, что очень ехать далеко, где-то с полчаса. А так мы целый день [шли]. И попадали под бомбежки тоже, даже днем это могло случиться. Ну а наши, видя – по дороге же идешь, наши видя, конечно, бомбить хотели дорогу, а видя то, что идут люди, а все время ж шли, видно, люди, и они сбрасывали бомбы – то на кладбище сбросят бомбы, то на такое место, чтобы пустое было, чтобы осколки летели. [...] Ну это как раз мы шли из Сталино на Петровку к бабушке, и тут бомбежка. Прилетели самолеты, и началась бомбежка и сбросили бомбы – как мы дорогой шли, вот где 11-я шахта, и бомбы были сброшены на кладбище, а осколки полетели через дорогу. А мы упали, и я кричу: «Мама, я хочу к тебе». – Немножко дальше от нее упала. – «Я хочу к тебе». – Она мне: «Ползи». Я только ногу одну, значит, подтянула, чтобы ползком, и на этом месте, падает, значит, осколок от бомбы. И я отползла, а мужчина такой, уже пожилой, недалеко тоже лежал, поднялся, подходит и говорит: «Ну, счастливая девочка». [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Там где «Паляница»<sup>1</sup>, того дома не было. А рядом с ним стоящий – там когда-то рыбный магазин был. Вот этот дом

---

<sup>1</sup> Имеется в виду магазин «Паляница», располагавшийся в Донецке на улице Артема, 85.

существовал. В него во время войны попала бомба. Прямое попадание было. [...] Немного, но погибшие были. Мы ж бегали смотреть, и все там было. Квартиру одну вот так снесло, угол дома. [...] И прямое попадание было в здание Первого корпуса политехнического института. Тоже прямое попадание было. Первый корпус политехнического института – который напротив второй аптеки. Напротив здания комбината «Донецкуголь». Там их 2 корпуса. Один самый старый, с которого начиналось, и второй вот этот вот (*показывает схематично*). Так вот в эту стену было прямое попадание. Бомбы. Бомба прилетела и не в здание попала, а вбок. И все было выбито. И мы ж тоже бегали смотреть. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Ну, мы и видели – самолеты наши бомбили нас каждую ночь. Вот этот женский батальон<sup>1</sup> – «ночные ведьмы» их немцы называли. [...] Да, бомбили поселок и один самолет сбили. Значит, упал самолет и 2 женщины, 2 трупа в этом самолете. Поэтому мы знали, что это женский [полк]. Ну, ночные бомбардировщики. [...] У-2 или По-2. Они летали и, значит, ночью прожекторами их водили, и один сбили<sup>2</sup>. И штурмовик один сбили, тоже в лесу он упал, мы бегали. Но там ребята были живые, в крови все, комбинезоны все слипшиеся. Их вынули немцы, на повозку и увезли куда-то в госпиталь. У нас в Снежном был госпиталь. Ну, не знаю, какая в дальнейшем их судьба. Наверное, в лагерь же их отправляли после выздоровления. Ну, тоже был самолет этот. Мы там алюминий резали с этих крыльев, расчески делали. Информацию, значит, мы получали такую. Ну и видели мы, что наступают. Уже чаще самолеты стали летать, уже слышали мы гром приближающегося фронта. Поэтому мы знали, что нас освободят скоро. [...] Сильно нас не бомбили, но те бомбы, которые попадали. Но, по моим наблюдениям я думаю, что там у них был с нашей стороны наводчик, потому что немцы водили лошадей на прогулку и на водопой по определенной тропе. И вот эту тропу обстреляли снарядами с Красного Луча, с Красного Луча. Значит, кто-то им передал, что... Время, они же в определенное время [обедали], а немцы же пунктуальные. У них, если в 12 обед – так обед,

---

<sup>1</sup> Правильно - полк. В период войны в составе советских военно-воздушных сил действовало несколько женских авиационных полков. Вероятней всего, экипаж был из 588-го ночного легкобомбардировочного авиационного полка.

все, никаких [отступлений от правил]. И вот как они начинают вести лошадей, и по этим лошадям начали стрелять. Потом у нас зенитные батареи немецкие стояли, на тупике – переезде железнодорожном, на станции. Тоже там начали бомбить. Значит, кто-то координировал их действия и они, значит, прицельный огонь вели. Ну а на нашу шахту, значит, 2 или 3 бомбы упало. Но никто не пострадал. [...] Когда штурмовик летел, он, значит, женщину одну убил. Вот это все. Солдаты не пострадали. Потери, будем так говорить, небольшие были. О них и говорить нечего. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

## ГЛАВА 16

### «ПОЛЬЗОВАЛИСЬ В ОСНОВНОМ СЛУХАМИ...»: ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ

[...] А в период оккупации, я скажу, церковь была одна на семь заводов. Если только бомбежка – мы прятались в ту церковь. Мы считали, вот только тогда мы поняли, что такое церковь. А мы ж были безбожники, а тогда мы только поняли, что такое церковь. И все равно – ни один снаряд, ничего не попало у ту церковь, понимаете? [...] Начали вот только у войну, у войну [ходить в церковь], только мы что, ну мама у меня была, в церковь ходила. [...]

*Бойко Валентина Севастьяновна*

\*\*\*

[...] Газету тоже держать в руках [довелось] во время оккупации. И я вспоминаю там была публикация «Под стук колес» – это какой-то белогвардейский эмигрант писал, как он сюда попал, и будучи уже здесь, насколько ему понравилось быть при немцах. А сам он говорил. [...] Понимаете, все это было подстроено для того, чтобы доказать, что они пришли сюда на длительное время, насовсем, и что они будут оказывать помощь. И я помню, там заметку читал по поводу «Первая партия пришла на Украину», первая партия тракторов «Ланс-бульдог». [...] И они, значит [писали], что это только первая партия и наши дорогие освободители нам в дальнейшем будут помогать. Но там я читал... Здесь газета выходила, понимаете, немцы объявили сбор пожертвований для немецкой армии. Ну, начались холода, и они не готовы были к этому. Ну, что они привезли сюда? Эти в виде полуботинок, плетенные из соломы. Ну, стоять на посту они еще, может быть, и годились. Ну большущие такие. Они, значит, в них щеголяли. А были наши такие подонки. Один, значит, помню, писал, публикация была: «Я дарю одеяло, теплое одеяло для немецкой армии, пусть это одеяло согревает дорогого немецкого воина в нашей стуже». Такая была публикация. [...] Это в местной, это уже в местной газете<sup>1</sup>.

[...] Был я и в кинотеатре Шевченко. Вы знаете, работал этот кинотеатр – открытые двери были. Заходи, пожалуйста. Зашел я в зал.

---

<sup>1</sup> Вероятней всего, автор вспоминает публикации газеты «Донецкий вестник», выходившей в Сталино.

### БОЛЬШОЙ БОИ У ХАРЬКОВА ОКОНЧЕН

Число пленных возросло до 240.000. Военная добыча составляет 1.249 танков, 2.026 орудий и множество прочего оружия и снаряжения. В воздушных боях и зенитной артиллерией сбито 538 самолетов

#### Три советских армии уничтожены

Впервые командующий армией воевал на фронте. Впервые в истории Советского Союза Харьков был захвачен немцами. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.



Пленные, захваченные советскими войсками в ходе Харьковской битвы.

#### Атаки врага остались безуспешными

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

#### УТВЕРЖДЕНИЕ МЕДАЛИ ЗА ПРОВЕДЕНИЕ ЗИМНИХ КАМПАНИЙ НА ВОСТОКЕ

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

#### 600-я ночная воздушная победа

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

#### Успешные действия авиации

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

#### Помогайте в борьбе с бандами!

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат. Впервые в истории Советского Союза в городе, занятом немцами, был убит советский солдат.

Фото 21. Газета «Донецкий вестник», издававшаяся в Сталино в период оккупации Львовская научная библиотека им. В. Стефанюка. Отдел украинки.





**Фото 22.** Газети, издавані на території Сталінської області в період окупації  
Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаніка. Відділ україніки.

Боялся, что потом не выпустят из зала. Сел, боевики шли. Немецкие боевики шли ) пропагандистские. (*Имитирует немецкую речь*). В общем, в таком арсенале. Причем грохот артиллерийский, музыка бравурная такая. Народу в зале сидело немного, места свободные были. Были где-то до половины. Зал не отапливался. Долго там не усидишь. Ну я старался посмотреть. Интересно было. Зачем оно мне нужно было? Могли оттуда зачехвостить и все. Оттуда [не выйдешь]. Немец там не было. Одни гражданские, наши сидели. [...] Бесплатный вход был. [...] Ни билетов, ничего. Свободный вход и свободный выход был.

[...] И вот однажды, в этом же доме, где жили мы, жил полицай. Диаметральная одна квартира. И у него был свет. А как сделать, чтобы и у нас был свет? Что мы сделали. Мы по чердаку протянули один провод. Отец стал, рейку на плечи и подцепили одну фазу. А вторую фазу затащили в квартиру, там подсоединили на потолке. И у нас радиоприемник был – 6-Н-1. Как он попал? У нас был радиоприемник 6-Н-1 до войны. Когда наши приказали всем снести радиоприемники и поставили (*складировали*) – был дом «Санпросвет» в Макеевке. И вы знаете что? Там все приемники были. Но когда немцы вступили, отец говорит: «Надо знать, что к чему. Давай, Ленька, пойдем, принесем радиоприемник наш. Наш радиоприемник». Открыли мы дверь – там приемников гора стоит. А где наш стоит? «Ну что, – говорит отец, – нет. Давай 2 возьмем таких, как наш». Взяли мы два 6-Н-1 – были у нас мешки – и с мешками этими понесли. Принесли в дом, где мы жили, сняли короба эти, поломали короба эти, истопили. Остался сам механизм ламповый и динамик. Ну мы, значит, те проводки, которые идут на динамик, мы к ним присоединили наушники, динамик отсоединили, включили приемник, а он не работает. Это уже здесь было. «Идем, – говорит отец, – за другим». Другой там припрятанный был. Пошли мы в Макеевку за этим вторым приемником. Надо же знать, что делается. Нашли мы этот приемник. Там же наши кое-какие вещи были. Положил отец в выварку<sup>1</sup> этот второй радиоприемник. В выварку, ручку на плечо и мы пошли. Ну, значит, идем из Макеевки. Знаете, где бензозаправка по дороге в Донецк? Балочка там, и в этой балке мостик. «А ну Ленька, выглянь». Я выглянул, а там полицай ходит по мосту. Отец говорит: «Мы с этим делом не пройдем». Ну что делать? «Давай, – говорит, – назад». Поднялись мы немного наверх. И отец, значит, берет, снимает шапку. Немцы едут, пфайфер<sup>2</sup> с такими коробками, такие важные. Отец им кланяется: «Маленького хоть возьмите». – «Nein, nein». – А потом один остановился. Видно, попроще был. Показывает: «Назад, в кузов». Отец меня подкидывает в

<sup>1</sup> Котел, в котором вываривают белье.

<sup>2</sup> Вероятно, речь идет о водителе (Fahrer – водитель).

кузов, схватил я выварку, отец, значит, стукнул по кабине и поехали мимо этого полиция через мост. (*Смеется*). Проехали, отец из кузова этого смотрит: «А, мудило» (*в адрес полиция*). Проехали мы, но в город же нельзя ехать. [...] Отец, значит, стучит ему (*водителю*). Он остановился, я выпрыгнул, схватил выварку, отец следом выпрыгнул, помаhal ему. Он в зеркале махнул рукой и уехал. Мы, значит, через дорогу, через Макшоссе прошли темными улицами. Включили – он работает. Начали эти новости узнавать.

[...] Вы знаете, в этой Новопавловке<sup>1</sup> мы длительное время были – я там познакомился с очень симпатичным человеком. Видно, он четко знал, кто мы. Некий Гузенко был. Гузенко этот был директором школы Новопавловской. Оригинальный человек. И когда он почувствовал наше антинемецкое настроение, нащупал нас. Мы с ним разговорились. Он оригинальную вещь придумал. Я у него: «Где линия фронта? Никто не знает». – Он говорит: «Я знаю, где линия фронта проходит». – Я говорю: «Как же»? – «Это, – говорит, – очень просто». Он читал по-немецки. Интеллигентный человек был. [...] Я у него спрашиваю: «Как же вы это узнаете?» Он достает немецкую газету – а в немецкой газете были публикации умерших, погибших на фронте – где кто погиб. И он... Вы понимаете. (*Смеется*). Отмечали, где кто погиб. У него точное было представление, где проходит линия фронта. Он очень умный дядька был. Как сейчас помню, в бурках, в резиновых калошах стоит. Такие теплые дни зимой. Я к нему подойду – не помню уже как его звали. Фамилию его помню и дочь его помню. Она, видимо, года 21-го. Понимаете, он довольно оригинально вычислял. Карту принесет и говорит: «Где убитые – там линия фронта». Причем всю страну прочерчивал. Он, видимо, хорошо знал немецкий язык. [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] Ну, мы все знали... Вот тут стояли на хуторе радиопеленгаторы, или как они называются, радиомашины эти. Тут целая рота или больше даже, машин 20 их стояло. И они все это корректировали. [...] И мы к ним бегали все. Они и Москву нам включали, и все, что угодно. [...] Просили: «Включи Москву». А они: «Смотри, чтобы тот (*очевидно – офицер*) не пришел». И слушаем Москву. [...]

*Деменков Виктор Григорьевич*

---

<sup>1</sup> Населенный пункт в Волновском районе Сталинской области.

\*\*\*

[...] Центральное кино – «Солдатенкино» было. Но это кинотеатр «Победа» сейчас. Я не знаю, но это кинотеатр для солдат. Сам о себе говорит – для немцев. [...] А театр был – это помещение гастронома «Украина». Кто ходил туда – я тоже не могу сказать. И церковь была – вот в здании универмага, там какое-то помещение было. Но, кстати, немцы хотели сыграть на религиозных чувствах. Церковь, там что-то, приобщали людей к вере. Я помню однажды, оформление документов, там был один пункт: вероисповедание. – Православный. А культурные, остальные мероприятия были мне [безынтесны]. [...] Но, наверное, были, потому что возраст у меня такой был. Старшие, наверное, искали, куда ходить. [...] Вы знаете, выходила газета. Как она называлась – не могу вспомнить<sup>1</sup>. [...] Ну можно представить, что в этой газете было. Призывали людей к покорности. Немец же вводил новый порядок. В чем он заключался? Безропотно выполнять то, что тебе скажут. [...] Все, воспитание одно было – пистолет, все. [...] Кто-то конечно приемник имел – но это жизнь, это риск громадный. Ну а потом были случаи, я вам уже говорил, о санном десанте, о морских десантах, о разведчиках, которые местные здесь проводили... Ну а так – только слухи, только слухи. А иначе какая информация? [...] Листовки, может, и сбрасывали, но таких листовок [не помню]. [...] Вот немцы – да, немцы, помню, сбрасывали однажды листовки, когда вот-вот, перед их приходом. Но тоже ж, листовку подними и оглядывайся. И наши же не поглядят. Такое содержание: «Штыки в землю, Сталинград пал» и вот в таком духе. Все это такого содержания было. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] На Ларинке [была церковь]. [...] Больше нигде не было. Мы туда ходили. Как бы не было, а Пасху мы встречали. Хоть не было ничего, но Пасху мы праздновали. [...] Большинство старики были. И дети, вот такие, как мы. И старики были. Но как вам сказать, чтобы батюшка, как вот сейчас проповеди читает – тогда не было такого. Сейчас там у него с полчаса – и все, уже в церкви нет никого. Эта церковь еще до войны была. [...] Тогда никто – ни полиция, ни немцы никто не приходил [в церковь]. Вот сколько мы были на Пасху, и на Рождество. Мама-то спечет лепешки на печке – и пойдём. И то, если

---

<sup>1</sup> В Мариуполе в период оккупации выходили периодические издания «Мариупільська газета» и «Эхо Приазовья».

кто просит, раздавали. Самим нечего есть, а все равно возле церкви раздавали. Мама давала: «На, вот это раздадите». Ну Пасха. Ну чтобы немцы заходили, или полицаи – не было. Так что в церковь ходили. [...]

*И. Тамара Ивановна*

\*\*\*

[...] Ну, писали в газетах, были же местные, под диктовку оккупационных войск. [...] Ну так, я смотрел, но так, чтобы заинтересоваться, я не интересовался. И их экземпляров мало печатали. В основном получали кто? Вот те, кто в верхах занимал должности. [...] А так газеты – киоск был по-моему. [...]

*К. Николай Максимович*

\*\*\*

[...] Так вот там, где железнодорожный магазин, там был клуб. И там были танцы. А там немцы ходили на танцы, и девчата ж наши, которые постарше, ходили на танцы. И немцы, и эти. Все ходили на танцы. И кино ж показывали там же. [...] В этом клубе это было. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Один раз в год был один день – они пустили в кинотеатр имени Шевченко жителей, и в оперный театр<sup>1</sup>. Это был один единственный день. Только немцы. [...] В зал мы как смотрели – через занавес. В обеих ложах – правой и левой – сидел высший генералитет. Ну их сразу видно было по эмблемам. А зал наполнялся офицерами, солдатами. Потому что жизнь в этом городе продолжалась. Город большой. В отпуск после ранения, и кто вообще в отпуск, солдаты уехали. И на фронт через наш город ехали. И они посещали театр. [...]

*Крицын Олег Демьянович*

\*\*\*

[...] Развлечения были. Значит это в 41-м году или в начале 42-го года клуб наш работал, старый клуб, кино крутили, крутили

---

<sup>1</sup> Ныне – Донецкий национальный академический театр оперы и балета им. А. Б. Соловьяненко.

советские фильмы даже. Я хорошо помню, что в 5 км отсюда шахта «Орджоникидзе», Чайкино там, нет, это 42-й год был, там базировалась авиационная часть, так летчики их, что штурмовали Сталинград. Они оттуда летали. [...] Так эти летчики, значит, ходили сюда кино смотреть, в том числе и «Веселые ребята» и еще там. А потом в один момент обрезали, стали показывать фильмы, как Гитлер власть брал, свои немецкие фильмы. Тут удивляться нечего, каждый сам, он по-своему все строит. [...]

*Н. Валентин Владимирович*

\*\*\*

[...] Тогда одеться не во что было, ничего. Например, когда меня встречали бабки и деды – крестились все и говорили, что святой мальчик. Почему? У меня в Елизаветовке<sup>1</sup> родственники были, а там церковь была. И вот когда пришли немцы, грабили все. И, короче говоря, моей матери кто-то дал ризы поповские. А там, знаете, ризы из золотой ткани делались. Ну там лики божественные на ризах. А мать мне пошила брюки с богами. (*Смеется*). Я вот как иду, и старики и старухи смотрят и крестятся: «Святой мальчик».

[...] Я, например, до войны уже в школу ходил, в третий класс или в какой. Мать как идет в церковь – и меня берет с собой. Я любил книги и вот эти старославянские книги я читал хорошо. Так она идет в церковь и меня берет с собой. Там Всенощная, на Пасху. И там меня раз – на клирос становят читать эти книги. Ну, не то, что там молитва, а там есть книги церковные, что читают, какие там события и все прочие. А я читал хорошо. Вот то читаю час, два. Бывало, что надоедает. Ну если бы я хоть сел – ладно, я бы читал, а тут ночь еще. И я бабкам шепчу, что мне надо до ветра выйти. Не пускают, стоят, охраняют. Кошмар. (*Смеется*). Ну как, был верующий. Были все верующие. Ходили, идти-то некуда. [...] Ну у нас в селе, не в нашем селе, а в соседнем, в Елизаветовке, работала. Вот эта та, где я носил ризы. Работали, церкви работали. [...]

*Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] И кинохроника у них была – таких наших страшных пленных показывали. Видно тех – самых тупых, самых таких. Средняя Азия, которые с глубинки. Что мы – нелюди, что мы такие. Где они

---

<sup>1</sup> Село в Марьинском районе Сталинской области.

только выискивали их – я таких людей в жизни не видела, как у них в кинохронике. [...] Ну нечасто, но ходили. [...] Они бельэтаж, немцы, занимали. Они ж очень. Итальянцев не принимали. У нас же тут галерка, бельэтаж и зал. Мы в зале садились. Фильмы шли только немецкие. Ну я не помню сколько, но если раз 7 была, то хорошо. Вот эти ж связисты были. Рядом там у них был комендант или кто. Он с французской кампании – у него ноги и туда и сюда, в коленных суставах поворачивались. И раз пришел полицай, принес ему какой-то пакет. А он вскрыл – а он был комендант Дворца. Он стоял с плеточкой всегда и этой плеточкой девчат всегда по заднице бил. Какая огрызнется – он и по лицу ударит этой плеточкой. Ну, если с немцем пришла – проходили, а если сами пришли девчонки, били. [...] Ну он развернул – его разорвало. Его разорвало полностью. Вот тогда шум они подняли здорово. [...] Потом уже не знаю кто был. Ну так редко мы ходили. Ну, были у них «Девушка моей мечты», «Ты мое счастье», «Не забывай меня» – вот такие фильмы были. Лирика была больше. [...] Ну, немцы в губной помаде на гармошках – и «Катюшу» всегда, и «Волга-Волга», Степана Разина. «Волга-Волга, мать родная, Волга русская река».

[...] Но меня поразило, как хронику военную показывают. И как наши отступают, и как их показывают – ну такой. [...] И как немецкие войска идут, какие они подтянутые. Это надо отдать должное – они всегда подтянутые, чистые были. И они: «Вы русские свиньи, швайны, швайны. У вас в России нет патриотов». [...] Говорили, да: «У вас нет патриотов. Вы свиньи». А у нас условия были? Ни воды, ни бани, ничего у нас не было. И до войны, и после войны, и в госпитале, когда работала. Когда тоже там искупаешься. А то печку откроем, воды нагреем. Тут поливаю – а спина мерзнет. Спиной – тут холодно. И то довольна, искупалась. Условий никаких же не было. Выживали, жили, и довольны были. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] Тут у них (*соседей*) семья большая была – хлопців багато і девчат багато. Так он занимался еще до оккупации радио. У него было какое-то радио – там кристаллики, он потом кристалликом ищет наушники, ловит. И вот то он при немцах тихонечко себе ловил. И вот то выслушает все, и нам давал послушать в наушниках. Там далеко-далеко, чуть- чуть слышно. Но слышно. И вот то мы пользовались его информацией. Мы, свои. А другие не знаю как. [...]

*Рена Федор Егорович*



Фото 23. Немечкая фронтвая газета, посвященная деятельности Фронтвой оперы в Сталино  
BA-MA, RH 23/355.

\*\*\*

[...] Значит, листовки были. Листовки наших партизан были. Теперь, в отношении информации и узнавали – как, что. Немцы, значит, печатали, клеили листовки и разговаривали, людям рассказывали, что, мол, взято то, взято то, взят такой город, взят такой город, взят такой. Теперь, перед войной, наши позабировали у всех радиоприемники, для того, чтобы мы не могли – забрали у всех радио – чтобы мы не могли слушать никакой информации, как наши отступают и прочее-прочее.

[...] В отношении образования: школы работали. Начальные школы. Вот на Второй линии – я жил на Третьей линии, а вот на Второй. (Pисует). Рядом. А потом я что-то не так повернулся – меня немец как поднял, как дал по заднице – я летел вот так к доске. Ну, он русский был, но учил нас немецкому языку. До войны я в эту школу пошел только в первый класс. Значит, мы ж приехали на Нестеровку и так и остались. Война началась, мама ж [...] через 2 недели только приехала. Школа была вот там, где рынок, где третья марка – Соловки





*Генерал фон Гартманн, лейтенант Штайнберг, капитан Дорк, артист Ланг*



**Фото 24.** Немецкие военнослужащие и артисты труппы Фронтальной оперы в Сталино во время представления ВА-МА, РН 23/355.

называется – так вот мы, когда с трамвая выходим, с правой стороны рынок. А школа была с левой стороны, немножко пройти. Там сколько я позанимался? Я позанимался там вообще, может быть, месяц. В октябре нас взяли, с сентября – сентябрь позанимался, может, октябрь походил – уже трудно так и вспоминать. Ну да, я ходил, я все время учился, потому что перерыва у меня не было. Пришли наши – я продолжал учиться. Ну, полные классы были. Все ходили в школу. Семиклассная. [...] Это точно. 10 [классов] я не помню. Уже наши пришли в 43-м. Шестая школа. А вот, на повороте, где трамваи ходят, 9, 10 марки – там 18-я была школа. [...] Но она работала. Ну это же первый, второй, третий классы. Какие там предметы? Ну арифметика, русский язык, литература, письмо. [...] Украинского что-то я не помню. Немецкий был обязательно. Даже во втором классе, в первом, во втором, в третьем украинский был. [...] Культурная жизнь – в том смысле, что вот моя мама пела в украинском ансамбле. Значит, был такой украинский ансамбль под руководством Жиленко. В период оккупации [был создан ансамбль]. Жиленко – фамилию даже помню. И вот, значит, когда когда-то кто-то сказал такую гадость на мою мать, что мол она чуть ли не немецкая... Я пошел в нашу службу КГБ и говорю: «Вот моя мама там и там работала. Какие на нее [компрометирующие материалы]». – «Нет, нет, ничего, абсолютно». Так что. Люди работали – кто мог работать. Чтобы как-то выжить. Репертуар – как правило, украинские песни. Как правило – украинские песни. [...] Там был зал, где выступал этот ансамбль. И потом он ездил по городам. Пели, как правило, украинские песни. Немецких песен не пели. Пели народные украинские песни. И танцы. [...] Ну ансамбль большой был. Танцы, песни там, декламация, украинские песни. Это был статус ансамбля просто. Вот появляется ансамбль песни, там декламация, читает украинские стихотворения, песни, я там знаю, танцы. «Запорожец за Дунаем» – вот моя мама, например, пела «Запорожец за Дунаем» арию. [...] Ну что-то они получали. Продукты получали и деньги, конечно, получали. А как же и иначе. Это же работа. [...] Заходили и немцы послушать.

[...] О церковной жизни могу сказать. Вот, значит, на Ларинке – моя бабушка меня туда водила. [...] А, и вот эта вот оккупация – а бабушка была очень набожная. У нас была икона – она молилась, крестилась, и нас учила «Отче наш» и прочее-прочее, и ходили мы в церковь, и на Пасху, и в разные церковные праздники. Церковь была, как правило, всегда забита людьми. Ну в период оккупации ходили. Потом я уже не ходил.

[...] Работали кинотеатры. Немецкие фильмы, как правило, были. Помню. «Мессершмидты» был фильм, и потом был или

«Бомбардировщики». [...] Да-да, или «Бомбардировщики» или «Пикировщики». Я не помню, еще какой-то фильм был. То ли американский – «Багдадский вор», то ли это уже при наших было. [...] Пацаны летом – 20 копеек или 30 – я не помню, сколько стоил билет там, или 30 пацанам. [...] Отдельных сеансов не устраивали. Если немец захотел – заходил, садился, смотрел. В основном, конечно, гражданское население. Единственный кинотеатр, где я смотрел, не в «Комсомольце». Единственное, что я запомнил, начертил – вот ЦУМ, вот это Первая линия, вот проходная ДМЗ, вот до Второй линии и в подвале – в подвале был кинотеатр<sup>1</sup>. Вот туда мы ходили.

[...] Было очень много карикатур на евреев. Карикатура вот такая, я помню. Значит рабочий – здоровый такой рабочий, наклонившись – на нем такая, как бы это сказать, ну как стул без ножек... Ну вот он, наклонившись, и на нем как вот это – стол без ножек, значит, не знаю, как назвать, и на нем евреи в зеленом мундире с такими носами с плетками пляшут, пляшут, нос красный – пьяные, значит, и с нагайкой. А другой, допустим, с пистолетом. Вот это я помню. Сталина, значит, с таким носатым, тоже я помню. Ну вот такие карикатуры на Сталина и на евреев. Очень много на евреев карикатур было. [...] Везде где можно было, все висели такие плакаты. Причем большие плакаты были. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Немцы зашли к нам в октябре, а пошел я летом 42-го. [...] Да, я 5-й закончил, мне в 6-й надо было, а тут война. Собрали нас 1-го сентября: «Немцы подходят, будем ждать, пока освободят». Вот то и все. А потом уже пошел я в 42-м году. [...] Все, все было, как в школе. [...] Никто нас не проверял, немцы не приходили. А вот паек давали: 300 грамм за то, что в школу ходили. [...] В 43-м году, когда нас освободили, 23-го числа я пошел в школу. При немцах я ходил за 300 грамм, которые мне давали, а тогда я пошел в 7-й класс. При немцах же я не кончил ничего, ходили-ходили – лишь бы хлеб давали. Я ходил только ради хлеба. [...] У нас учитель был, ему, может быть, лет 40 было, такой здоровый. Я и фамилию его знал, но забыл. Когда налетают самолеты, мы все же в окна [лезем смотреть]. Другой бы сказал: «А ну сядьте», – а он сам стоит или сидит. И вот пока не улетит, а тоже самолеты налетали на военный завод. Оказывается, он был партизан. [...] Я говорю, он партизан был, у него рация в подвале

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду кинотеатр «Красный» в Сталино.

была, он жил, где Валерка Абрамов (*говорит, обращаясь к соседу-собеседнику*). Так вот там он жил и в подвале у него была рация. [...] Ну, конечно меньше [учеников было]. Но все равно, нас человек 20, а может и больше, сидело в классе, в 6-м классе. [...] Но вот ходили только из-за хлеба. Но мы так учились – бог ты мой! [...] А потом смотрим, написано: «Курсы немецкого языка». Только мы в школу пошли. А кто [вел курсы] – Вася Венин. А он же немецкий язык [знал]. Откуда он знал? А потом я с Толиком Новиковым, Витькой Новиковым решили – мы же ходили в школу с ними втроем. Потом мы: «Давай запишемся». А потом что-то такое [не получилось с курсами] – но было, хотел он преподавать. А потом, когда пришли, ему 10 лет дали, сидел. [...] Хотел курсы открыть. Вот этот ждал немцев. [...]

### *Романченко Василий Игнатьевич*

\*\*\*

[...] Ну вот, организовали немецкое училище. При школе, где мы раньше занимались. Восьмая школа. Это возле завода. Это улица Горького, дом 9. [...] Двухэтажное здание. Коля Понизовский в пятом номере жил, а это седьмой и девятый. Это рядом двойное такое здание, большое. [...] Ну и там сделали какое-то училище. [...] Это получается, когда ты работаешь – то, получается, ты работаешь на немцев. Вот когда у меня спрашивают: «Мы не работали на немцев, мы учились у немцев». Как работать надо – по возрасту. Учились у немцев. Вот чего эти справки и храню<sup>1</sup>. Я никому никакого вреда не сделал. Там кусочек хлеба давали, что там еще давали. [...] Один раз давали питание – а столовая была на улице Артема напротив Госбанка, вот там где самая первая арка. [...] Да, сохранилось это здание. И мы как раз проходили по Седьмой линии мимо бардака. Седьмая – двадцать это был бардак немецкий<sup>2</sup> – там наши те... девушки, как там их можно назвать, или женщины, конечно, – обслуживали немцев. И там только было написано: «Только для немцев». Туда – если ты солдат-чех, допустим, поляк, или итальянец, румын – туда не разрешали. [...] Там была раньше гостиница «Октябрь». [...] Так называли: «Седьмая-двадцать» – уже знали, что это такое.

---

<sup>1</sup> В ходе интервью респондент показал справки, подтверждающие факт его учебы в ремесленной школе в период оккупации.

<sup>2</sup> По адресу 7-я линия (ныне – ул. Постышева), д. № 20 в период оккупации располагался публичный дом для немецких военнослужащих. Ныне в этом здании находится гостиница «Великобритания».

[...] Ну а мы идем, значит, строим, там же нас кормили, а получается, что немножко воровали. А что кормили – кусочек буряка, вроде котлетки сделают. Так же? [...] Ну, еще и мамалыги сделают. А потом: «Они там воруют немножко, давайте мы сами будем этот паек [забирать]». При столовой, там, где мы учились, там делали, сами себе готовили уже. Чтобы, думаем, те, кто в столовой, не воровали. Отказались от столовой паяк. [...] Ну, не паек, а там сами готовили себе уже. Поэтому учились – там кормили. Вроде бы там будет лучше. Там было несколько групп. [...] Четыре группы было. По специальности, значит: кровельщик-жестянщик – одна группа, где-то человек 20-25 – вот такой предел группы. Дальше каменщики, печники – это 2 группы, потом слесари. [...] И четвертая группа – это плотники, столяры. Я был жестянщик, ты – слесарь (*обращаясь к присутствующему при беседе брату*). [...] А Коровкин Филипп Андреевич, мастер там был, он плотником, скамейки делал. А еще во дворе каменщики лепили, печки делали. Печки делали и разбирали. Они там делали без раствора, разбирали, опять делали, опять разбирали – кладку изучали. Ну вот мастером был у плотников Коровкин Филипп Андреевич. [...] Немцы организовали там что – зарядку! Мы такие слабые, приходили утром, чтобы время – вот, на зарядку, и мы там делали зарядку. А потом по мастерским – работали. И вот у нас мастер, где я был, жестянщик. [...] Но мы производили как. Учить нас учили, работать мы работали – ну ведра, тазики, крыши крыли, но если немцы приходили проверять, как мы работали – ну мы ж подростки, как мы работали – то у нас там был один, ну как дежурный, смотрел. Немцы идут – все, передача там, все – и мы начинали киянками стучать. Кто по чем. Немцы откроют, глянут – стучат, стуку много – и закрывают, и все. Значит производительность наша была маловата, но больше всего производительность давали плотники. Уже там мастер их, давал, выжимал. (*Смеется*). Их бил. [...] Их мастер – бывший преподаватель физкультуры. Его ж дети знали наши. И этот преподаватель такой был – хуже, чем немцы. Как заходит, берет – все вылетают. А мы только стоим, смотрим – в дверь вылетают один за другим. [...] Ну он так обращался с этими детьми. [...] И у нас было 2 мастера, один по сантехнике, Колосков был, а другой, я забыл кто, тоже учили нас. Тоже портрет Гитлера был у нас. Мы его как начнем кидать, в глаз попадать. Он придет, посмотрит – один Анисимов был, один Колосков. Фамилии, как сейчас, помню – один Анисимов был. [...] Приятный такой мужичок, коренастый. Ну добрый такой. [...] А другой Колосков – сек, все это. [...] Строгенький такой, сантехнику[вел]. Это были у нас мастера. Но Колосков – тот строгий, тот боялся [немцев]. Ну а Анисимов посмотрит: «Сейчас вот

немцы придут, и нам дадут, и нам всем будет. Снимите ка...». Ну весь портрет побиди. (*Смеется*). [...] Да он понимали, что дети настроены так, против. Ему ж тоже. Противно. Потому что это уж в 43-м году. [...] А немцы приезжали военные к нам. [...] То придут скамейки немцы забирают, то столы увезут. [...] Мы дела там – гарно<sup>1</sup> у нас было, клепали, кузнечное дело знали. Всякие там приборы – кочережки, там всякие лопатки делали, кронциркули вот эти делали – измерительные которые. А потом, значит, нас еще там учили чертежному делу, уроки, сидели, писали. [...] Да, в классах. [...] Но теории мало было.

[...] А вот такой урок еще делали. Приезжают немцы военные к нам, нас всех в класс, посадили, аппарат поставили – кино – и кино нам показывают. И мы смотрим фильм. [...] Русский фильм, на русском языке. Музыкально оформлен. Начинается: «Эх, дубинушка, ухнем»<sup>2</sup>. Музыка играет, идет фильм – поют. Поют, дед и бабка живут, колхозов еще не было. Так фильм показывает. Потом едет машина. По ухабам. Из машины. По ухабам. И ворон летит и кричит: «Кар, карр, куда едешь, комиссар?» (*Смеется*). Комиссар выходит. Это я точно вам говорю, рисую. Приезжает, заходит во двор – куры, все это во дворе, дед и бабка работают, все. Вызывает деда и бабку пройти в комнату: «Будем балакать». Заходят дед и бабка туда, комиссар садится, достает бутылку водки – бух на стол. Написано: «Горькая». На водке наклейка, подчеркивается: «Горькая». Дед и бабка сидят, он их агитирует в колхоз вступать. Ну, они вроде не знают, что это такое, сопротивляются. Их за шкуру и одного, второго туда их – раз, в амбар. Курей их всех позагоняли, закрыли амбар, прибавают доску. Написано: «Колхоз имени Сталина». (*Смеется*). Показывают там, как бабка крутит дышло такое, ну как оно называется, жерново. И крутят кругом, ходят вокруг, муку делают, мелют, работают, короче говоря. Работают, а там трудодень. Бум – палочка, трудодень. [...] Дед и бабка мокрые уже ходят, трудодни те зарабатывают. Дед уже худой, бабка тоже – в колхозе имени Сталина работают. Курицы – план, петух работает. Снести курице. Корова тоже план, сосут с нее – соски там эти электрические<sup>3</sup>. Жрать нема, а тянут, план давай. Понял, да? Хотя б кормили, а так колхоз порастаскали, все попропивали – а корова план давай. Кости да кожа. Ну мы же видим в магазинах – возьми курицу. На базарах покупаешь – золотом вся, жирная. И возьми в

---

<sup>1</sup> Вероятно, имеется в виду кузнечный горн.

<sup>2</sup> Вероятней всего, респондент видел фильм «Дубинушка», снятый в пропагандистских целях в Германии в 1942 году.

<sup>3</sup> Респондент имеет в виду доильный аппарат.

магазине – зеленая там, черная. Если еще была такая, а то и таких там не было. Придешь – пустой магазин. В курсе ж дела, еще застал жизнь – нема. Так вот то мясо, я на базе на мясной был. Через черный [ход] – тому, тому. Кто там пришел первый – кому там дали, и закрылся. Целый день нет нигде мяса. Норма. Ну вот так было. А потом, да, работают, работают – уже не знаю. Вот почему люди ждали немцев. Ну любого, чтобы только с надеждой освободиться. Как раньше было, сравнивай. Сам хозяин был. [...] Ну потом уже люди, будем так надеяться. Летит самолет немецкий, фашистский, кидает бомбу на колхоз имени Сталина, и вылетают парашютисты, прибегают парашютисты, сбивают это все, немцы открывают эти ворота – дед и бабка выскакивают, корова бежит – все, домой. Свиньи и куры домой. И дед танцует, и бабки, куры танцуют, домой прибежали – все, уже нет колхоза, вот тут мы уже сами, вот тут наш колхоз. Вот такая концовка, вот и весь смысл. [...] Идеиный фильм, молодежи показывают – это же на русском языке. Ну а музыка, ты понимаешь: «Эх, дубинушка, ухнем». Песня поется, все. И заканчивается опять: «Эх, дубинушка, ухнем», как было в начале, опять это все. [...] Художественных фильмов тогда было полно. И любой фильм, который мы смотрели при немцах, всегда вступление. Как у нас киножурнал был, так и у них<sup>1</sup>. У них музыка и орел. Орел и музыка играет. И все показывают как дела на фронте. [...] Перед фильмом. Вот показывают – летят самолеты, вот сейчас будем бомбить Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. [...] Вот я сейчас не могу вспомнить [титры или голос], но вот голос был. Ну показывают этот канал – видно же, да. С самолета съемка. И показывают, как те бомбы бросают. Летят. И видно – бум-бум-бум. Слышно, как это все взрывается. Вот это показывают. Потом, показывают, танк идет наш, разведка. Пшеница, поле и идут танки. Ну разведывательные танки, один там или два, не знаю, сколько там. Раз – летят эти власовцы, пушка разворачивается – власовская армия, значит, в действии. Пушки развернули – и по танку. Танк подбили, повернулся танк, ушел. Вот такой фрагмент, допустим. Как это там тех коров, немцы свиней гонят, куры там показываются. [...] Чтобы там показать немцам в Германии, что здесь они хозяева, рукава закатаны, автоматы, песни поют, радые. Все у них так хорошо шло. Чтобы в Германию все отправляли. Забирают – в Германию отравляют. [...]

*С. Иван Андреевич*

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду пропагандистский киножурнал «Wochenschaw».



\*\*\*

[...] Школ нигде в период оккупации не было. [...] Не работали школы. [...] На Буденновке – не работала, у нас на поселке – не работала. На соседском поселке не было школ. У меня племянники были – никто не учился. Да кому оно нужно было? Им нужен был уголь – и все. [...] Был кинотеатр «Комсомолец». Был – но кто там был? Может быть немцы, может – немецкие приближенные там были. Но нас это не джюе интересовало. Мы только интересовались – виселица стояла в Донецке. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] Самая лучшая связь – это были меняльщики. Вот еду я, встретилась она. Идет чередование. И вот это была самая лучшая связь. Вот слышно было – орудийные залпы сюда доносились. Уже меняльщики, которые идут на нашу территорию, из деревни туда. Уже они сказали, что там-то и там-то наши были, прорвали фронт. [...]

*Т. Иван Борисович*

\*\*\*

[...] Потом стали загонять в школы, но никто не шел. Я не учился в школе. Никто не шел. Начали пугать, что не будут давать карточки на хлеб, если не ходишь в школу. [...] Они давали как – вот работает, они давали на иждивенцев 120 грамм – что-то вот так вот. И будут притеснять на работе. Принеси справку, что твой сын или дочка учатся в школе. Тем не менее попытки походили. Вот представьте – загнали нас. Вот школа – пятая школа. Первый этаж – занимаются и половину первого этажа стоят лошади вместо конюшни. [...] На втором этаже комнаты 2-3 – учительские. Потом спортзал – лошади стоят в спортзале. А третий этаж – и половину второго занимает казарма, солдаты живут. И вот представьте себе: 20 градусов мороза в классе. Сидим – кто в чем. Тетрадей нет. Решили пошить тетради из газет. Слышите? Это вообще было кино. Листаешь – «Спасибо нашему дорогому Иосифу Виссарионовичу». Газеты-то какие были? Советские. А – забирают. На чем? Писать не на чем. Тетрадей нет. Даже на этих, мы писали на этих газетах, и то учительница просматривала, чтобы не было портретов Сталина. Заставляли. Вот так ручку макнешь в чернильницу – чернильницу греешь – она замерзает мгновенно. Вот обмакнул, донес писать – а здесь уже клякса, чернил уже нет. Сбил – она вода и химия. Все, не пишет. Вот так посиди.



«Так, дети, сегодня уже все, идите домой. Второго, третьего, четвертого урока не будет». То учитель заболел, то тот не пришел. А потом: «Завтра Фурсов, Иванов, Петров – приносите дрова». А где их брать? У соседа надо ломать доски – свои жалко. И вот с вязаночкой дров идешь в школу – буржуйка стоит, чтобы подтопить. Так этого еще мало: открывается дверь, заходит солдат какой-нибудь – они, немцы, если брать в среднем немца – у них есть элементы пренебрежения к другим. Вот он может газы пустить. Вот тут же разговаривает – громко. Ногу еще поднимет. (*Смеется*). Плюнуть еще куда-то. Вот он может придти – они просто не считали за людей. Причем это немцы общего плана, средние немцы. Он может придти – расстегнута ширинка. Зайти в класс к учительнице – там девочки сидят. Заходит, значит: «Дети, встать!» Значит, немец зашел. [...] Посмотрел. Так: «Du, Du und Du – komm!»<sup>1</sup> Собираешься, приходишь. Что делать? Стоит пар 20 сапог – крем. «Давай, блеск, verstehen?»<sup>2</sup> Ну сначала мы ходили – гонит, безропотно. А потом тоже научились. Я помню, один раз идем чистить обувь. А я ему говорю: «Пан, одна пара обуви – айн сигаретте». – Он: «Гут». Другому: «Ганс, ты понял». В таком духе. – Я говорю: «Тогда никс, кранке». – Он говорит: «Ладно. Две пара – одна сигаретта». Мне все равно выгодно. – «Ладно, гут, давай». Но если он сказал – отдает. [...] Отдает, да: «На, иди». Так что такие для расслабления были эпизоды. [...] Школы функционировали, ну вот так. В классе 5 человек, там 7. Кто бросил. Пойдут: «А они уже съехали, уехали». У тех там дом разбомблен. «Где живут?» – «А кто знает, где. Что они, прописываются. Куда-то уехали». – «А куда?» – «Куда-то в деревню». Город стал отъезжать. Вот у кого родственники есть в селе – стали отъезжать туда. Потому что в городе и с работой, и проблема такая – все время на виду, хватают, увозят. И вот туда в села отток был. Приток был перед войной из сел на укрепление промышленности. А в этой ситуации отъезжали, потому что выживать надо было. [...] Был, значит, украинский [класс]. [...] Да так украинский, смотрите, как насаждали вражду между востоком и западом Украины. Пришли мы в школу – начало занятий, объявили придти в школу. Пришли, значит, список: «Фурсов – влево, Петренко – вправо, Симонов – влево, Семенченко – вправо». Разделили на украинский и русский классы. [...] Значит, украинские классы все изучали на украинском. Мы по русской программе плюс украинский язык. Но что делали интересное. У меня Мозговой был, сосед. Я его поколотил, правда. Националист тогда был, маленький националист. Я

---

<sup>1</sup> Ты, ты и ты – иди! (*нем.*).

<sup>2</sup> Понимать (*нем.*).

его отлупил. – «Я пойду пожалуюсь». – Я ему говорю: «Падла, пожалуешься немцам – я тебя убью вообще». Украинскому классу в обед давали блюдечко винегрета и морковный чай, или свекольный чай, кусочек хлеба. А нам не давали. И понимаете, у пацанов сразу ненависть стала к хохлам. Так мы их называли. А они спекулировали: «А мы идем на обед». А мы же такие, клацаем зубами, аж искры сыпятся. А им 2 ложечки столовых винегретика, кусочек хлебушка и чаек. Это же сверху было. [...] Ну да, они уже тогда политику проводили собственно обострения отношений в Украине между западными украинцами и живущими на востоке, фактически русскоязычными. Уже ж тогда была программа, вы видите, это заложено Эйхманом. Видите, собственно они ничего нового не сделали, взяли на вооружение то, что уже было. Видите, там винегрет, а тут чистить сапоги. [...] Ну, вы знаете, это быстро распалось. По детски, это быстро распалось. Знаете как. Забуксовала школа. В первую очередь перестали мы ходить. Мы им говорили: «Ходите, вам же там винегрет дают, кашу, ходите туда». [...] Русский язык и литература, вместе [изучались]. Но в основном акцентировалось внимание на языке. Правописание, как оно там называлось, и прочее, и прочее. Язык – грамотность писать. Из писателей – я даже не помню. То ли Пушкина – но ограничено было. А потом дальше эту программу не знаю, поскольку мы не ходили в школу. [...] Немецкий был. Еще знаете, что у нас было – значит, музыка. «И он еще поет – знаете, вот такой анекдот был, – и он еще поет». И у нас был такой преподаватель музыки, сухой, жесткий – человек ужасный. На пение никто не хотел идти. У него вот этот камертон – и у него дурная привычка бить по ушам. Больно-страшно. И вот он: «А-а-а». Пацан же «Э-э-э». Он или немец обрусевший, или прибалт – у него акцент такой: «А-а-а-у-у-у» (*имитирует неправильное интонирование, удары*). И к нему перестали ходить. Я эту музыку в гробу видел. Тоже мне предмет нашли. А так, знаете, создавали видимость, что власть какая-то существует. Пытались самодеятельность какую-то сделать – но какую ее можно сделать? [...] В школе, из учеников. Но потом все это распалось. Понимаете, не было, чтобы системное обучение и так далее. Не ходили в школу – и все. [...] Я вот знаю, что было – свели до минимума. Математика была простейшая. Ну а потом, видите. Мы же начали не в сентябре – в сентябре оккупация и все такое. Где-то в ноябре это началось. В зимнее – морозы, не ходили. Тут весна, лето, опять осень эта. И вы понимаете – выпало. Процесс этот просто не пошел. Ну а потом они сами начали школьный возраст вывозить. Какие школы? [...] Я сейчас скажу – в 42-м мне было 12. Это 41-й год я пошел. С семи лет. Наверное, я в пятом классе был. [...] Но вот я не

помню, чтобы в 6-м, в 7-м классе кто-то учился. [...] Я вот знаю, что в наши классы – в четвертые, в пятые – ходили. [...] Я вот не знаю, по какому принципу, но директриса была. Директор или директриса. Или завуч женщина, а мужчина директор. Не знаю. А преподаватели были те, что в школе работали. Что не эвакуировались. [...] Директор был. Того (*довоенного*) директора расстреляли. [...] Значит учебники, как. В учебниках все позаклеили. А на каждой странице было: Сталин, Ленин, Ленин, Сталин, наркомы все прочее. Все это заклеено, вырезано, вычеркнуто. Учителя, учителя [вырезали]. [...] Мы со своими учебниками не ходили. [...] Потому что если дома найдут невырезанный, то труба дело. Не было подготовлено с точки зрения... Учебников не было, тетрадей не было, какая учеба. Но единственное, что сделали, когда освободили – все пошли не в тот класс, который брали, а зачили как бы учились. Поставили специально, как бы программа была. В общем, вот такие дела. [...] Кинотеатры действовали, в Макеевке это кинотеатр «Комсомолец», ВЛКСМ. [...] Значит, какие шли фильмы. Мы их знали наизусть. Одни и те же. Солдаты меняются, и одни и те же. Ну у нас тетki на пропуске знакомые или через туалет там, через забор. В основном пацаны. Пацаны и немцы солдаты. Взрослые боялись ходить. Каждый раз закрывали дверь, облава, начиналась чистка опять. В основном фильмы какие шли? «Жид Зюсс» фильм назывался. Это по произведению «Еврей Зюсс». Сейчас скажу автора. Известный он, крутится. Само произведение называется «Еврей Зюсс». А у них этот фильм назывался «Жид Зюсс». Ну и там как он немцев там пыгает, истязает и так далее. Вот этот фильм. Теперь, шел фильм «Кора Терри», где играла главную роль любовница Гитлера Ева Браун. Там она раздевается, за рамкой показана, через ширму, она потом мельком показывается. Фигура красивая. А они там: «А-а-а». Орут же солдаты, баб не видели давно, а тут, видите, кино такое. Потом, значит, итальянские фильмы тоже крутили часто. Значит, «Богема», потом фильм был у них «Богема» или «Чио-чио-сан» (*пытается вспомнить*), из итальянской классики экранизированной. А немецкие фильмы – и вот еще один фильм был, вот я его не могу вспомнить. Тоже женщина там, там любовь такая, но этот фильм был потрясающий по натурализму и по жестокости. Они его так преподнесли, знаете, там показан изверг, недочеловек. Но это специально, знаете. Как же этого писателя (*пытается вспомнить*). Он европейский, хороший, классик считается. [...] У взрослых я не могу сказать, как реакция. Мне, например, они не мешали, ничего не вызывали, никаких [эмоций]. Но фильм сам производил впечатление как к личности. Жестокий такой. Но это надо просто прочитать или видеть. [...] Вот был еще фильм

один о группе предателей. Но это, видно, было по «Красной капелле»<sup>1</sup> написано. Был фильм о заговоре против Гитлера, против власти и там раскручивает, и там работник СС или гестапо попадает там к ним, его пыгают тоже. Но это такой был фильм рекламный. Ну, а вообще нам интересно было хронику посмотреть. Хронику же они перед началом фильма как дадут – минут 30 хроника идет. Победные там танки, самолеты. [...] В основном они показывали бои с Восточным фронтом связанные. Ну может когда там и было – я просто не придавал значения. Может, там и было где-то высадка войск в Нормандии и прочее-прочее. Но мы ходили по несколько раз на эти фильмы. Делать нечего, бесплатно, вот-то пролез туда. [...] Мало, мало приходили. Ну вот приходили, в основном, девки молодые с немцами. Приведет он в кинотеатр. А так чтобы сами [не ходили]. [...] Именно боязнь. Сидишь как в ловушке. Это же не улица. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] Учиться начала при немцах. Вот восемь лет мне исполнилось. В 41-м году было семь, в 42-м было восемь. И вот в 42-м году я пошла в школу. Мы вместе с Борисом Анатольевичем<sup>2</sup> пошли в первый класс, вот. [...] В сентябре сорок второго, в сентябре. Школа работала. [...] Вы знаете, я сейчас не помню названия этой школы. Я только говорю, что вот на «3-18»<sup>3</sup>, двухэтажная, деревянная. Около конторы шахтной. [...] Да, это первый класс был. Занимались мы, ничего, первое время все нормально было. Немец приходил. Вообще, не только один, а ну и некоторые, иногда немцы приходили в класс. И вот такой был момент, когда забрали партизанку Зою Космодемьянскую, и откуда-то, видно, появилось, ну, работал отряд наш партизанский, и появилась заметочка в газете. И нам учительница принесла. Тамара Ивановна, по-моему, сейчас я уже не помню, кажется, Тамара Ивановна. И она нам принесла, и читает эту газету, представляете, и тут заходит немец. Это было, конечно, у нас у всех такие лица были, сразу мы остановились в таком вот этом состоянии. Она газетку эту раз, спрятала, сама такая вся растерянная. Ну, слава

---

<sup>1</sup> Общее название разведывательных сетей, действовавших в оккупированной Европе в период нацистской оккупации. Достаточно часто под «Красной Капеллой» подразумевают советские резидентуры в Европе, действовавшие, в частности, под руководством Арвида Харнака, Харро Шульце-Бойзена, Леопольда Треппера.

<sup>2</sup> Красников Б.А.

<sup>3</sup> Шахта № 3-18 в Сталино.

богу, обошлось все благополучно. Обычно немец с указкой приходил: ну как, значит, мол, учитеесь? По лбу трахнет того, того, кто поближе сидел. Ну ничего, все обошлось благополучно, но факт тот, что нам не удалось закончить. Школа была разрушена. [...] В сорок втором году ее разбомбили. Ее разбомбили. И все. И в школу мы пошли опять в сорок третьем году, после освобождения. Сразу в сентябре освободили, и мы тогда уже пошли. [...]

### *Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Значит, в период оккупации в здании Политехнического института – ну на Первой линии, в старом здании, в основном. У них наклонный зал – там в период оккупации кино пускали. Кино было. Причем фильмы шли довольно хорошие. [...] У них была артистка – Марика Рокк. Вот с ней. Я забыла – как же он назывался этот фильм, очень хороший. Там каток – она ж балерина. Ну фильмы чудесные были. О Чайковском был очень хороший немецкий фильм<sup>1</sup>. [...] Да, немецкий фильм о Чайковском, очень хороший. Очень хороший. Чайковскому посвящался. А до фильмов, конечно же, все эти пропагандистские киножурналы. Как они на фронте, как они победу одерживают, как они всех уничтожают. Какие они все умные и сильные немцы. И все. А русские ничто. Я когда-то этот фильм о Чайковском – мы смотрели 3-го сентября 43-го года. Мы пошли в школу, а уже занятий не было. Ну и куда ж деться? Ну и пошли в кино. Это ж шестой класс. И в кино мы шли – уже горел город. Уже горела гостиница – 3-го числа зажгли гостиницу<sup>2</sup>. [...] Ну мы ж днем ходили. Мы ж если бывали в кино, то мы бывали только днем. Во-первых вечером вообще ж не разрешали выходить. У них же был определенный час, когда в темное время комендантский час, что выходить нельзя было. Мы ходили в основном в дневное время. Иногда со школы с уроков удирали там и все. В дневное время людей мало было в кино, людей немного было в кино. Вот этот зал – но мало было, мало людей было в кино.

[...] Мама была атеистом. Несмотря на то, что изучала Закон божий, и рассказывала, как они убегали и как не хотели его учить в свое время. Ну каждому свое. Но у нас в этом дом жила Татьяна Поликарповна Пономарева. – это старый-старый врач. Она заканчивала где-то за границей институт и приехала сюда. Она

---

<sup>1</sup> Фильм «Чайковский» был снят в Германии в 1940 году.

<sup>2</sup> Гостиница «Донбасс» в Сталино.

детский врач. И у нее жила домработница – Феклуша. Она бывшая монашка. И знаете, когда разогнали эти церкви, она была без документов, ее Татьяна Поликарповна к себе пригорнула, достала ей эти документы. А Татьяна Поликарповна сама – она даже участвовала в перевозке какой-то литературы через границу, со Швейцарии. И вот они в квартире занимали – ну тогда ж многие квартиры были коммуналки, квартиры у нас были очень большие. И у них сначала была вся квартира, потом кого-то у них арестовали в 37-м году. Короче, у них осталась одна комната. И в комнате этой было огромное окно – вы когда будете идти, гляньте – там громадные-громадные окна<sup>1</sup>. [...] И вот эта Феклуша, глубоко верующий человек, на Пасху – 42-й год, весной, пошла в церковь. А там какой-то день – это ж пасхальная суббота, предпасхальная суббота, когда зажигают свечи и несут домой свечи. Она принесла свечку. Принесла свечку и сделала крестики. Наверху на окне, и на боковинках крестики она сделала, сажай, от горящей этой свечи. И буквально на следующий день бомбили город. Вот это ж вам говорю, что там, где рыбный магазин, попала бомба. А их окна как раз напротив рыбного магазина. Ну, может, немножко так наискосок. И в нашем доме повывлетали все стекла. А в их окне не треснуло ни одно стекло. Мы тогда были все поражены так – хочешь верь, хочешь не верь. Не треснуло – не то, что не выскочило. А единственное окно, которое осталось совершенно целым. Вот с этой церкви. И у меня с детства – до этого ж церковей не было, я ж не видела этого никогда. Вот у меня осталось, что люди шли и несли вот так зажженные свечи (*показывает*). Много людей ходило в церковь. [...] Я видела, много ходило. [...] В основном женщины, бабки.

[...] Ну а школы не было. 41-й – 42-й годы мы не учились. [...] Никакой школы не было вообще, учебы не было. Мы в школу не ходили в этот год. Мы сидели на крыльчке и выглядывали как мыши: где что случилось и где что произошло. Значит, в 42-м году с сентября начала работать школа. [...] Одна единственная в городе – школа № 18. [...] Вот в этих двух зданиях сделали школу. Это обычные жилые дома. Обычные жилые дома. И мы пошли в школу. Вот в пятый – я кончила 4 класса до войны. И в пятый класс я пошла в период оккупации. Классы были проходные, естественно. Через наш класс кто-то, какие-то дети ходили и все. Учителя были ж наши, советские. Все обычно было в школе. Но не преподавали нам историю – не читалась, и география не читалась. Старших классов не было. Было только 7 классов. [...] Математика, русский, украинский, немецкий,

---

<sup>1</sup> Дом, в котором жила респондентка, сохранился.

биология была. Не было истории и не было географии. Этого не было. Математику у нас читал Савва Семенович – такой хромой, хороший дядька. Нас никто не обижал. Наши учителя были, советские. Мы дети тоже были советские. Везде ж пронирыливые? Знаете – начали ходить в школу. Вот в пятый класс я начала ходить в школу сюда.

[...] Мы боялись выйти вообще куда-то. В доме у нас немцы – многих людей из этих квартир, у многих врачей были очень хорошие библиотеки. Все эти книги лежали горой во дворе – в зимнее время гора книг была. Мама нам не разрешала принести ни одной книги. Ничего чужого в дом нельзя было принести. Никогда в жизни. Ну и мы же в этих книгах рылись – во дворе гора книг. Книги. И дальше этого двора, дальше этого пятачка, дальше этого крылечка мы никогда никуда не ходили. Мы боялись. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Вот оккупация была. А я на базаре за свои несчастные денежки купила Добролюбова книги. [...] Да, «Луч света в темном царстве», потом «Когда же придет настоящий день», по-моему. Несколько статей там. А, «Что такое обломовщина». Это такой сборник, по-моему эта книга должна быть, если ее не сдали уже в макулатуру [...] Да, в период оккупации. [...] Я же студентка тоже была. (Смеется). Это я купила, потом – что же еще я купила. Тоже критический разбор чьих произведений – не помню. Не то Пушкина, не то... [...] Работал театр «Варьете» для немцев. [...] На Второй линии опять там же, где Пятый корпус, угловое здание. [...] Но только я точно не помню – на Второй или на Третьей линии. Но угловое здание – это точно. Теперь, в индустриальном институте кинофильмы показывали. Но опять-таки, в основном для немцев, в перерыве. Один раз мы пробрались как-то. Был фильм «Кора и Терри», что ли. Но до него не дошло, потому что там. [...] Мы, когда сейчас вот показывают – и танцуют, и такие одежды, что все можно видеть. А тогда нас так шокировали и их костюмы, и их движения, что мы больше не стали ходить на эти фильмы. [...]

*Червякова Валентина Игнатьевна*

\*\*\*

[...] Школы не было, магазина не было, кроме вот этого ларька, о котором я сказал, продукты в котором [продавались]. Клуба не было, ничего не было. Когда солдаты были – клуб был. Они там пели,

плясали. [...] Наши выступали для солдат, а когда солдаты ушли, здесь уже ничего не было. [...] Это не наши, а со Снежного приходили, из районного центра. У нас артистов не было. Выступали. Ну, видно, участники бывшей самодеятельности нашей, вот так. Она приходили, и выступали, мы давали им концерты, молодые ребята. Девчонки и ребята. Вот так, как в Краснодоне показывали<sup>1</sup>, так и у нас.

[...] Газет у нас не было и они до нас не доходили. Я не знаю, говорят, что где-то в районе издавались. К нам они не доходили, газеты. Пользовались в основном слухами. Что-то люди ходили где-то менять, за 100, за 200 километров от поселка. Пойдет, тряпки забрал свои, на хлеб поменял, на макуху, на что [удастся]. Там слышит по дороге, в другом поселке, вот так вот. Вот такая информация у нас была. Информбюро. [...] Да мы, собственно, и не ожидали от них никакой информации. Люди верили [в победу]. Во-первых, наши листовки бросали нам... Бросали, да. По листовкам мы знали, что в Алжире сделали немцам, вот это, разгром. Знали мы, что под Сталинградом разгромили немцев – листовки нам кидали. С фотографиями, с надписями там. Так что мы знали. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду фильм «Молодая Гвардия» об одноименной подпольной организации, действовавшей в Краснодоне.



## ГЛАВА 17

### «ЭТО САМЫЙ РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ БЫЛ...»: ОСВОБОЖДЕНИЕ

[...] Уходили они на запад – вот сюда. Уходили, убежали – по разному, кто как. Одни успели, другие не успели и вылавливали, я ж говорю, вот тех, кого они оставляли здесь. Команды, которые жгли, уничтожали, они оставляли их здесь, заводы пытались – говорят, что пытались они взорвать заводы, пытались. Но вовремя успели. Да, я вам не рассказала, буквально появился у нас на 2-й день четвертого числа [наш родственник]. И мы ж были на этом пожарище – сидим, плачем. Остался у нас только маленький сарайчик, свинарник. Наши прежние хозяева держали свиней. Но мы ничего там не держали. Так сарайчик в уголочке двора. Мать говорит: «Ну что, будем жить тут». – Я говорю: «Придут хозяева, нас выгонят». – «Будем здесь жить. Очистим за лето и будем здесь жить. А что делать. Пристроим печку какую-то». Сидим. И вдруг смотрю – во двор 2 всадника въезжают. Именно всадники. Я как заору: «Это дядя Толик». Я первая его узнала. Как кинулась под ноги этому коню. Где-то минут 40 они у нас пробыли – какой-то товарищ с ним был. Буквально 4-го числа. 3-го числа танки вошли – первыми вошли танки. Были тут некоторые, пытались огрызались, просто последние, которые не ушли, они отстреливались. Погибли несколько человек, освобождавших Константиновку. А боя как такового не было. Наши оставили город наш без боя. И они (*немцы*) ушли без боя. У нас боя не было. Боя как такового не было. Бой был в районе Артемовска, село Красное. Вот там был бой и мы слышали этот бой. И отзвук канонады – настолько она была близка оттуда, со стороны Луганщины. Не со стороны Донецка, а со стороны Луганщины, с востока. И вот первый танк он так же и стоит в сквере Шевченко – эти ребята погибли. Гранату кинули под танк. Погибли эти ребята. Там и захоронены в братской могиле. [...]

*А. Луиза Венедиктовна*

\*\*\*

[...] И здесь на тот период два было парусника. Это, может, кто знает, а может, кто и не знает. Они принадлежали тогда к Наркомату – тогда наркоматы были – к наркомату морского флота, на них проходили морскую практику штурмана – курсанты высших мореходных училищ. Это была «Вега» с косым вооружением, которая

при переходе погибла, ее утопили тут у нас. А «Товарищ»<sup>1</sup>, барк четырехмачтовый с прямым вооружением, может вам приходилось читать «Соленый ветер»<sup>2</sup>, да, забыл автора, стоял в порту. Это большое судно, очень большое. И имел он стальной корпус. И он под правым молотом, если заходить, слева он стоял, под молотом, и немцы для того, чтобы закрыть вход в бухту, его подорвали. Как жалко! Сейчас есть «Товарищ» тоже, одноименный, новый. Ну а тот погиб в Мариуполе. Им закрыли вход в бухту. Ну, наши после того, его уже использовать нельзя было. Он взорван был, порезали на металлолом. [...] Они (немцы) уже чувствовали, что все, это дело надо предусмотреть, потому что, чтобы исключить заход катеров или судов сюда непосредственно с моря. Там затоплен был этот «Товарищ».

[...] Потом, когда дела у немцев были плохи, значит, начали они потихоньку людей группировать и выгонять за город. С тем, чтобы потом строить в колонны и... Может, использовать их как живое покрытие. Выгнали с поселка, в том числе и нашу семью. [...] Нас не конвоировали. Нам сказали: идите вот в этом направлении на запад. Вот так рукой еще показывали. Ну мы дошли до села – Старый Крым. И раньше в степи, знаешь, терников много было. Вот там в терниках обосновались в виде шалашика, вот в этих терниках, когда мы остановились, и вы знаете, ну, может, метров 20 остановились немцы. У нас и душа в пятках. Поставили они этот свой миномет направленный, тут какая-то рация была. И тут обосновались, какая-то еда. Думаем: «Сейчас все». Ну а что. На его усмотрение. Подходят к этому шалашу, тут глянули: женщина – не тронули. Не тронули. И ушли молча. Молча ушли, молча! Вот чем это объяснить, а? Казалось бы вот такой наглый, жестокий был, в 41-м. Или некогда было или... Я не могу объяснить. Или пожалел просто... Не судьба нам умереть там в степи была. (Смеется). [...] Вот вы знаете, вот у меня интересный вопрос. Тут по логике, казалось бы, немцев погнали, они обозленные, и то и другое, могли бы и жестче относиться. А в другом случае может они действительно поняли, что дело кепское, как говорят. Проигрывает немец. Может, надо и помягче с населением, может, придется еще что-то. [...] И уже сколько же прошло – может неделя, а может и того не было – ночью подвижка слышна была. Слышно было, будто бы немцы уходят. А потом под утро однажды: «Да но тудыть твою». Мат русский. Да боже, это же наши пришли! [...] Да, когда

---

<sup>1</sup> Советское парусное учебное судно, на котором проходили практику курсанты мореходных учебных заведений.

<sup>2</sup> Автобиографическая повесть российского и советского мореплавателя писателя Лухманова Д.А.

узнали – это же наши обозы шли. Как глянули – лошадки, и верблюды даже был. Боже, что же это за войска? Как они немцев гонят? Вот такие ободранные, а? Ой боже ж мой! Но это же, видно, из боя.

[...] Немцы, когда сюда пришли. Вы что! Немцы – во-первых. Ну, нам таких частей, которые из боя вышли – мы же не видели. А вот это, то что мы видели – это холеные, видно, эсэсовские части. Да, все одеты. Шерстяное обмундирование, свитера даже по осени были. Сапоги добротные, кожаные. *(Очень уважительно)* Ну наши – всегда же наши. Ну как обмундирован солдат у нас был? Бушлат или шинель, шапка-ушанка или пилотка. Сапоги кирзовые, котелок.

[...] На этом месте планировка несколько иначе была, такой же домик стоял. А когда вернулись, мы ничего здесь не [нашли, не] осталось, полностью все сгорело. Вот здесь, соседские дома, все. Редко, где уцелел дом. Все погорело, все буквально, что было в доме и дома. Рассказывают все – это же осень была, косая слива созрела. Раз, повыбывали окна, тут хозяйничали. И город, город представлял пожарище. Сгоревший, обугленный. Факельщики специально были немцы. Ну их поймали и повесили на входе в сквер, с той стороны, на фонарях. [...] Я не видел, мне рассказывали. Вот так и наказали.

[...] Но панорама страшная была. Только вышли оттуда, глянули – стены черные, все. Куда идти? На квартиру пустили двумя улицами ниже родичи. Думали, да кто знает, как. Может, обойдется. Ну мы знали, что могут и сжечь. Бабушка – мать моей матери, они тут двумя улицами выше была. Та прибежала и что успела она – тумбочку выбросить. И там кое-какие бумажки – вон там домовая книга, и что-то еще. А так все сгорело. Все буквально сгорело. Некоторые дома оставались. А в основном дома погорели. [...] Боев здесь не было. Это специально подожгли. Керосином обливали и все. У нас дом подлиннее и там сарай был. И в сарае там в углу половник, полва была. Корова у нас когда-то была. Вон там облили, там спичку – и все. Окна побили, сквозняк сделали – и все. Все сгорело. Так что никаких боев здесь и не было. Никаких абсолютно. А в Мариуполе – и немцы зашли и входили наши – особых боев не было. Мы только слышали вот то время «катюши» сыграли – но где-то в стороне грохот прошел. Видно, это направление удара главное было. Мариуполь он как тупиковый остался на побережье, через него не шли. Отдельные части прошли и... Такое вот было. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Ну и потом, когда мы были, ночевали на Ленинской [улице], в еврейском доме, когда приходят ребята и говорят: «Русские пришли». Ну вы представляете, что такое пришли? А, немцы же начали палить дома. Немцы начали палить. Дома, и наш дом палили. [...] А наши бабы как-то все были. Ну куда с семьями? У каждого 4-5 человек семьи. А мы на Ленинской в подвале жили. Когда сказали, что запалили дом наш. Так бабы пошли тушили. Они в нескольких квартирах, потому что дом же длинный. И потушили – сами бабы потушили. Потому что ж мы не знали, а где жить потом. [...] А в этого деда Фатяя крыша горела, там гарбузы были. [...] А потом бабы носят воду, заливают, а мы гарбузы берем, они же готовые.

[...] Слышали, где гремит, где стучит. И сказали, что наши пришли. Ой, мы пришли – не верится. Идут такие ребята, уже у них такие ордена, медали, блестят, мы же не видели, что и погоны уже, что и погоны появились. И я вот что-то запомнила, вот как-то на всю жизнь запомнила, что они так быстро шли, танки, и собаки везли носилки. Вот не помнишь ты? А я вот чего-то так запомнила, что 4 собачки – и носилки везут. А эти ж говорят: «Дочечки, уходите, а то с завода еще стреляют». Тогда в 68-м доме еще стреляли, немцы еще были. Ну и мы такие радые. А потом я не знаю, как мы очутились в немецком [складе] – там, где милиция была у нас вот здесь, я не знаю, как мы этот склад нашли с Жанкой, я не могу уже вот это вспомнить, что мы брали махорку вот в таких вот пакетах. Была до самого потолка махорка – там целая вот такая комната была. Немецкая, немецкая махорка. И мы брали эту махорку и бросали на танки. А мы ее добросим на танк? Где они кричат: «Дочечка дай». Вот что-то я помню, что: «Дочечка, кинь, кинь». [...] Курить хочется. [...] И вот идут солдаты – и им бросишь, они аж дерутся. Как-то все падало. Целую комнату выносили. И, помню, стою возле дома – а там у нас лавочка, где люди сидели. А танк идет прямо по тротуару и заворачивает на лавочку. А я кричу: «Лавочка», – чтобы он не застрял. (Смеется). Это столько было радости, когда наши пришли. [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] А когда в 43-м году наши пришли, нас хотели вывезти из поселка, сказали, чтобы к клубу собирались все. Вывозить отсюда, чтобы выгнать нас. [...] Да, хотели нас выгнать, гнать впереди себя, забирать отсюда. [...] Я знаю одно – всем сказали, чтобы до клуба пришли. Люди, жильцы. Жители вообще поселка. Ну, никто не пошел.

А им некогда нас было уже выгонять, по хорошему говоря. Бежали, я вам говорю, как они бежали! Так я не знаю, сколько это времени. Целый месяц они отступали. И лошади, и брички – одна за одной. Целую ночь, конца края нет. Вот там дорога была – и вот там они. [...] Вот такое на сковородке из кукурузной муки называлось «малай». И вот он пришел в хату и увидел, румын. Показывает – дай немного. Мать взяла отрезала ему, дала. Он и винтовку бросил, пошел. А потом минут через 10 вернется: «Мама, пушка, пушка». [...] Они отступали – днем тихо было. А ночью как пойдут. Ну, наши не бомбили. Ну что, кругом же не успеешь. А убежали они хорошо. [...] Ну, в общем, их нажучили крепко и они ничего не смогли сделать (*взорвать шахту*). [...] А как наши пришли. Идут бедные пацаны, молодые, лет по 18, наверное. На девок и не смотрят. С ребятами разговаривают, считают, что мы с немцами гуляли. [...] «Хохлы – предатели». Вот так и говорили. [...] А что мы, виноваты, что нас не забрали? [...] Россия то не была под оккупацией, а их-то забрали и сюда. А они изливали свое желание. [...] К девчатам они не [приставали]. Они прошли мимо – и все. [...]

***К. Вера Максимовна***

\*\*\*

[...] Жестокие были, жестокие [немцы]. А когда отступали – даже представляете. Вот я ж говорю – школа, и в школе там уголь. И уже такие мелочные эти немцы были, что заминировали этот уголь. Заминировали! Ребенок, мальчик, соседский мальчик: «Ой, хорошо». Ну а мы углем, углем же мы топили. Больше ж ничего. Ой, хорошо. И только они отступили, ушли – и он полез за этим углем, его разорвало, мальчика. Вот такие жестокие были. Уголь этот – и заминировали этот уголь. Его на кусочки разорвало, мальчика. Его даже вот недавно отец умер.

[...] А вон у людей еще хуже, села сжигали, всех сжигали. У нас хоть ничего, никаких домов не посжигали. [...] Правда вот эта школа, и они порыли убежища. Ну а когда отступали. Вот тут дорога идет, вот так школа, а тут около дороги убежище. А мы ж тоже чокнутые – взяли, попрятались в это убежище. А они же только отступали отсюда, а еще с 10-биса шли на город. И около этого – ну что там стоило им бросить гранату? Нет, слышим только по-немецки бурчание. А они ж по дороге. Лошади у них, танки. Не танки, а танкетки. И они по этой дороге поехали на этот. И они только разговаривали – слышно было. Только прошло, ну минут 10, и уже наши разведчики. А [сосед] старше меня, он с 24-го, а я с 26-го года. Так бежит к нам – нас же много в

бомбоубежище: «Ой, выходите, наши пришли». 3 разведчика. И как они не встретились, я не знаю. Я ж говорю, только немцы – и сразу наш разведчики пришли к нам сюда на «Пролетарку». И тут такая радость – вы что? Ой, это вообще. Такой радости я и не представляю. Вот это 2 радости было: когда наши пришли. И вторая радость – Победа, когда закончилась война. Вот это две – за всю жизнь, что я прожила, это две было что действительно, это триумф какой-то был. Люди все повыскакивали с этих убежищ – слез, крику – я не могу передать. Такой радости, не могу передать. И я такое еще слышала, когда закончилась война – вот такое было. А сейчас вот сколько – никогда такой радости нет. И победа там, и праздники – все равно. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

\*\*\*

[...] Когда была стрельба, то я квартиру оставил и перешел в район Калининского парка. Там у жены был знакомый и мы спрятались у него в сене, которое предназначалось для его коровы или козы. Стрельбу слышали, а когда немцы отошли, то весь город горел. Мой дом остался, а в конце огорода были 2 двухэтажных дома – так и тот, и другой горели. В городе остался кинотеатр им. Шевченко, драмтеатр<sup>1</sup>, банк и горсовет возле банка. А остальное все сгорело. [...]

*Кубышко Николай Сергеевич*

\*\*\*

[...] Дома палили все, где жил полицей. [...] Все, где был полицей, по всему городу спалили их дома. [...] И там, где полицей были. Ну, конечно, Конарева спалили – большой дом был. Да и Новиковых. Новиковы ж тоже спали, они в подвале, вот в этой комнате жили. [...] Еще немцы были тут, палили, а их уже не было. Он и на Широкий шлях все туда. [...]

*К. Лилия Николаевна*

---

<sup>1</sup> Речь идет о здании театра оперы и балета в Донецке.

## О НОВЫХ ФАКТАХ

злодеяний немецко-фашистских захватчиков и новарных методов уничтожения Советских людей и их имущества.

Отступая под ударами Красной Армии, немецко-фашистские диванды творят чудовищные злодеяния, уничтожают, по приказу Гитлера, города и села, уводят в немецкое рабство Советское население, превращая путь своего отступления в "Зону пустыни".

Частями нашей Армии установлены НОВЫЕ ФАКТЫ зверских протрав, ограбления местного населения, насильственной эвакуации населения, сжигания городов и сел, применения немецкими властями уточненных, новарных методов грабежа и злодеяний.

### 1. Факты зверств и расправ над мирным населением:

Где бы не находились немецко-фашистские захватчики, всюду они устанавливают режим массового истребления и расстрелов мирного населения. Везде следы их пребывания отмечены кровью невинных Советских граждан - мужчин, женщин, детей и стариков.

Так было в деревне ПРИВОЛЬЕ, Славянского р-на, Сталинской области. Немецкие звери, злодоезры в связи с партизанской борьбой железнодорожника ПОНОМАРЕНКО Антона Ивановича, под угрозой расстрела заставляли его 21-летнего сына - Павла окладываться от отца и повесить его. Гитлеровцы не добились от сына выполнения этого чудовищного преступления. Тогда немцы жестоко набили Павла, дав ему 50 розог, а отца Антона Ивановича повесили для устрашения населения села Приволье, немцы же расстреляли в течение трех дней синамать топу повешенного около своего дома железнодорожника ПОНОМАРЕНКО Антона Ивановича.

Объявив партизанами и под видом партизан, немцы расстреляли гражданку СИЗОВА Пелагею, колхозницу ХОШИЛЕНКО Ивана Васильевича, колхозницу ЧЕХИДИН Пину Васильевну, председателя колхоза ВУТ Самуила Романовича и других.

Более двухсот активистов из гражданского населения были взяты немецкими властями на учет и два раза в неделю должны были являться в комендатуру для проверки. Каждая явка сопровождалась избиением и отправкой на самые тяжелые работы.

Советские девушки ШУРНО Александра-Максимовна, 19 лет и ПОНОМАРЕНКО Мария Григорьевна, 21 года, ценой больших страданий долгое время окладывались от насильственного урона в Германии. Рискую жизнь, они дважды спасали свою жизнь бегством с пути. Как хищные звери окладывали по деревням Славянского р-на немецкие жандармы, разгоняли девушек. 2 сентября эти непокорные Советские патриотки были найдены, жестоко избиты, а затем расстреляны.

**Фото 25.** Информация политотдела 12-й армии о совершенных злодеяниях по отношению к гражданскому населению при отступлении немецких войск из Донбасса.

ГАРФ, ф. 7021, оп.73, д. 5, л. 2.

\*\*\*

[...] Когда русские пришли. Это самый радостный день был. Немцы начали эвакуироваться, начали это, как они, в эти дома, последние дома оттуда, с 29-й «Кировской»<sup>1</sup>. Они в последние дома затащили туда пушки, танки, а потом уже смотрим – начали вывозить. Ну мы все в подвал. Папа<sup>2</sup> нас всех, у нас в хате есть погреб, мы все в погреб сидели. [...] А он и Анатолий Петрович<sup>3</sup> ходили ж, дежурили, смотрели, чтобы. А то ж они начали дома поджигать. Там, где они находились, пообливали их бензином, начали подпаливать дома.

Ну, они-то собрали население – папа и Анатолий Петрович – еще мужиков пособирали, которые тут жили. В общем сгорело всего с этих – там всего было шесть домов – сгорел один фактически дотла. А те спасли дома. Отстояли. Они выехали, оставили. И в четыре часа утра приехали, и вот нам постучал, что немцы уехали, а те ж лежат старшие сестры, а мы маленькие, любопытные, я ж кругом старалась все увидеть. Вылезла в ту дырочку – а мы в проходной там сделали еще выход потайной. Чтоб вдруг дом зажгут, чтоб было куда вылезти. Вылезла, и в четыре часа утра приехали три мотоцикла наши, русские. Приехали, остановились около нашего дома. Папа с Анатолием Петровичем поговорили с ними и они поехали дальше. И следом же за ними, где-то часа уже в пол-шестого или в пять приехали наши танки, танкисты. Около нашего дома остановились, сколько было радости... Водой плескают, водой моются, умываются. Ой, вообще... Это самый радостный день в жизни. Запомнилось навсегда. [...]

### *Митина Роза Никитична*

\*\*\*

[...] А этих винтовок – так у нас было! Ну я говорю, что у меня было лент пулеметных штуки 4 или 5, потом по 5 патронов – обоймы – ведра 4 или 5. И 5 винтовок было. Он<sup>4</sup> приходит и говорит: «Коля, дай оружие». – Я говорю: «Какое оружие? О чем ты говоришь?». – Он говорит: «Да, я знаю, мне Митя говорил, – тот, что в Германию забрали – что у тебя есть». – Я говорю: «Ну а зачем оно вам?» – «Да вот, – говорит, – обоз же стоит, мы хотим пугнуть немного их». – Я говорю: «Ну, если так, то пожалуйста». Я им дал две... три винтовки, и где-то две ленты я им дал от пулемета и, наверное, ведро или полтора дал им обойм. Они говорят: «Ты приготовь, а мы как стемнеет, придем

<sup>1</sup> Шахта № 29 в Сталино.

<sup>2</sup> Митин Н.А. – один из бойцов Петровского партизанского отряда в Сталино.

<sup>3</sup> Красников А.П. – один из руководителей Петровского партизанского отряда в Сталино.

<sup>4</sup> Сосед респондента.



заберем». – Я говорю: «Хорошо». Я взял, все затынул на чердак. Ну и жду же темноты. Винтовки там положил, эти все патроны перетащил. Немцы кругом. Я все это дело перенес – они не видели. Мама полезла чего-то на чердак. Опа, руками с лестницы туда. Щупает – винтовки, патроны. Наверное, потеряла сознание, упала. А потом нашла меня, говорит: «Что такое?» – Я говорю: «Мама, все в порядке. Сейчас его не будет». Чуть стемнело – и они забрали эти винтовки и патроны. А потом где-то часов в 11 вечера. [...] А у нас хутор был – что торец к лесу подходил. А лес такой, что обрамлен такой выемкой, что ли. То ли от пожара, то ли от чего. Но высокая такая, метра полтора или два. [...] И вот они оттуда всего 3 или 4 раза прострочили из пулемета – и вот то немцы схватились, и наспех, весь обоз. И тикать. И что они оставили. Тут уже мама меня не выпускает на улицу, сидит рядом, говорит: «Я тебя сама убью, если куда пойдешь». – Я говорю: «Да я никуда не пойду, господи». Ну я смотрю – обоз прошел. А потом до окна подошел, смотрю – зарево какое-то. Я говорю: «Ну все, мам, хутор горит. Надо уже выходить. Немцев нет». Ну я выскакиваю – и туда, в хутор. А там у нас площадь была – и такая куча – метров 8 в высоту, ну и в длину, может, метров 10 или 15. Немцы поскидали туда все свое хламье, что награбили. Потом там гранаты, оружие там все, и хламье, запасы. Там и матрасы, и белье – ну все. Обрызгали кругом, подожгли – и трое конных ждали, пока оно разгорелось. А обоз пошел – а они вот то караулили, а потом пошли. И вот это все начало гореть. Вонь такая. Ну, тряпки воняют. Ну, я добежал, а соседи уже там. Это же я не выходил. А соседи там. У нас был один куркуль (кулак), так тот уже там побывал. Развернул одеяло, наложил туда какого-то хлама и прет домой. Я говорю: «Что такое?» – «Иди, там хватит всем, поналожили». – А я говорю: «Хорошо». Беру, тряпку горящую ему сзади всунул. Так, пока он дошел, и его жакет сгорел. (Смеется). Ну, там палили. Растягивали крючьями противопожарными. Кто что мог тянул. Ну, я лазил – что мне надо? Эти тряпки – все как-то не то. Я лазил, все что-то ценное хотел. Насобирал там бумаги, циркуляры. Меловая бумага, с красным, какие-то журналы. Но чистая. Я целый мешок набрал. Домой еле дотянул. И еще, что самое главное, вот этот револьвер в деревянной кобуре. [...] И он заряжен еще был. И вот я на самый верх полез и кричу: «Расходись по домам!» И как прижал – а он «бах-бах-бах». Я смотрю, уже падаю, а он стреляет. Я его с перепугу нажал. Так я его кинул. Кошмар. (Смеется). Что оно там было, горело всю ночь, что порастянули, что не порастянули. И вот утром все ждут. Тишина. Ну как же. Когда

верховых два немца выскакивает со стороны Елизаветовки<sup>1</sup> через лес. И сюда. Подъехали, и спрашивают на площади – а там мужики, пацаны, бабы стоят. И спрашивают: «Что такое?» На нашем ломаном языке. А им говорят: «Были немцы, а потом ночью собрались, ушли, а вот это оставили тут, запалили и все». А там лежит посередине куча – ну, может, тонна или полторы – такое, как гусиные яйца. А мы же спрашиваем: «Что это такое?» Не поймем. Немецкие «лимонки». А он говорит: «О». Слезит с коня, подходит, там открутил пуговку синюю, дернул, кинул – и она как рванула, граната. Ну у всех челюсти поотвисали. Ну они поехали, разведку сделали и поехали, чтобы сказать, что впереди все нормально. Обоз следующий шел, наверное. Только он ушел – и все пацаны – кто по два ведра, кто по три – растянули все эти «лимонки» по домам. Мама родная – что там творилось! *(Смеется)*.

[...] Один лейтенант *(при отступлении советских войск)* подарил бинокль полевой. И я его хранил всю войну. А когда наши вернулись, освободили. Они так из бугра из «катюш» ударили понад лесом, понад хутором. Вот так грохочет, и грохочет, и грохочет. Потом закончилось. Потом по новой. И мы, когда наш погреб открыли, я глянул – солдаты наши. Я, значит, выскочил – радый, все. А потом я выскочил, взял бинокль, тот что мне подарили, и вышел на улицу. Там стреляют, и я смотрю. А один лейтенант подходит ко мне и говорит: «Мальчик, зачем тебе этот бинокль?» – Я ему говорю: «Мне его подарили, когда отступали, лейтенант подарил один». – А он мне говорит: «Ну он лейтенант, и я лейтенант. Нам еще воевать сколько, до Берлина идти. Ты бы нам отдал его». А я так молчу. Жалко мне, но и надо же. – А он говорит: «Я тебе дам маленький бинокль». И дает мне небольшой бинокль, типа театрального. Мы поменялись, я отдал ему этот бинокль. [...]

### *Обрезан Николай Михайлович*

\*\*\*

[...] Я знаю, что когда наши наступали, немцы отступали, я спрятался на чердак – там голуби у меня жили, и я туда до голубей, чтобы немцы меня не забрали. Потому что немцы, когда отходили, видели кого-то из мужчин таких, так стреляли. [...] Стреляли уже при отступлении. Так я видел немцы бежали у нас через двор, хватали сливы, жрали – видно, тоже голодные были, туда на гору бежали. А на горе там стояли зенитные 2 установки. Потом наши, но там осталось,

---

<sup>1</sup> Село в Марьинском районе Сталинской области.

самолеты налетели на эти зенитки, пробомбили их там. Немцы потом оттуда смотались, но там осталось 4 человека убитых немцев. [...] Прямо там, на месте, копали ямки и там закидали, и все. Я знаю, там жил, на той стороне. Так мой сосед пошел, поснимал с них сапоги, носки, одежду всю поснимал с них. А потом их там зарыли не очень глубоко. И там были окопы немецкие – и много там было всяких гранат. Так 2 девочки – одна так, вроде, не совсем благополучная, а другая нормальная, пошли туда, чтобы что-то найти. И взяли гранату и взорвались. Одна насмерть, а одна ранена была.

[...] Когда проходило освобождение, я на чердаке был, я не мог ничего видеть. Ну а потом, когда я уже слышу, что солдаты наши кричат, тогда я спустился – смотрю, солдаты по улице бегут, бегут, бегут туда. А вот тут, где железная дорога сейчас, значит, не было железной дороги, там только насыпь была, она еще в 1941 году разобрана была. И вот то только полотно лежало – больше ничего. Там шли танки немецкие. И вот те немецкие танки открыли огонь по нашим, по селу – наши немножко отступили. А потом немцы прошли туда – они, собственно говоря, там колебнулись и назад. И то один день – и освободили село. [...] Много [погибло]. Где-то может, 37. [...] 7 известных, а 29 неизвестных солдат. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] Это когда немцы отступали, а наши наступали. Ну, немцы забирали всех при отступлении. Ясно, что если здесь оставаться, в Юзовке, то мы могли бы живыми не остаться. [...] Ну, вот мы ховались за Караванной<sup>1</sup>, на немецком хуторе, где Боссе, сразу там. [...] Мы там ховались. Вышли мы там на воздух – я глянул, немцы уже идут. [...] Я говорю: «Немцы идут». Мать говорит: «Закрывай». А я сразу в постель, раз, скрутился. Мать подходит – они там заходят. Раз сообразила – повязку мне на голову, я больной, «кранк». Они зашли – мать: «Кранк, кранк». Они зашли, поставили радиостанцию, а перед этим я смотрел, залетел танк – прямо к соседу, и через оградку – бух. А там у него солома стояла. Подполз назад – ударил, солома накрыла. Сверху. Все, он замаскировался и стоит. Оградку разбил всю, по саду по всему. [...] А те радиостанцию поставили. Я лежу, все слышу. Думаю: убьют же, наверное. Я все слышу, что они говорят. [...] И вот они тараракали – тараракали, а потом они прибежали, покричали – тому-тому – быстренько сматывают эту станцию и ушли. [...] А мать забрали – окопы копала. [...] Они, когда вот это въехали,

---

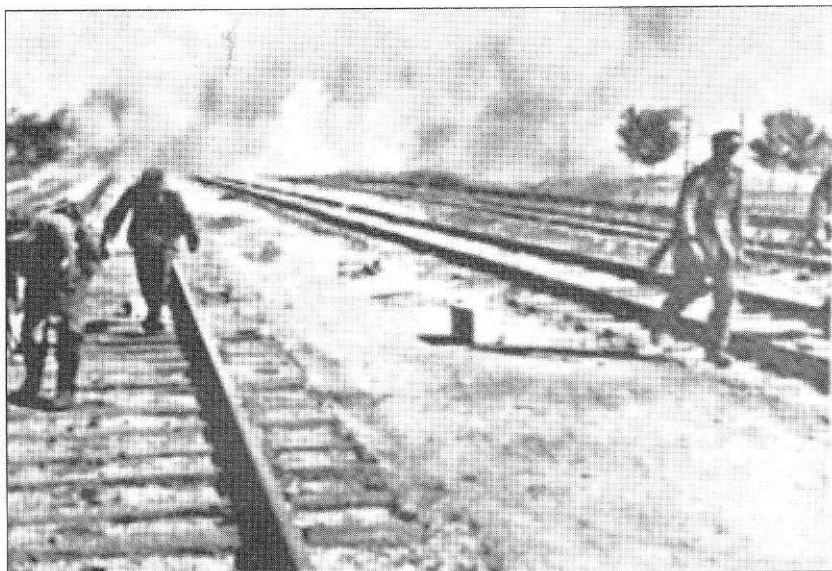
<sup>1</sup> Станция Караванная в Сталино.

когда танк – вечером. А утром – уже наши: «В бога мать, в Христа мать». Ничего не видно, но уже наступают. По балке. [...] А перед отступлением они [немцы] укрепляли, укрепляли. И собирали женщин. Не было мужчин – женщины копали окопы. [...] Мать там откопала – полная посадка там их была. Наш самолет пролетает. Сидят молчат немцы – вроде там никого нет. А они покопали, а потом «та-ра-ра» – и приказ им отступить. Из этой посадки. И они на машину садятся. А на борта матрасы – чтобы пули не проббили. И мать тоже: «О, на Берлин. Хаус?» А они тоже: «Haus, Haus<sup>1</sup>». [...] Побросали эти окопы, все. А потом уже наши пришли, по той посадке прострочили. А там уже за посадкой машина – сгорела машина. Или другая, или эта – не знаю. Там был дом-контора. Яблонских – фамилия такая. Красивый дом такой, в деревне в этой. До той деревни, где жили родственники наши, дальше – 18 километров. А это вот тут, за Караванной. [...] «В бога мать, в Христа мать», – наши идут. Прошли, прочесали все. Подходят – а там стоит машина у этого [дома] Яблонского. Как услышал «в Бога мать, в Христа мать» шофер – машину заводит – и ходу. А немцы находятся в помещении – как услышали, в кальсонах выскакивали. Стали ж уже наши стрелять – машина уходит, а те как услышали, в кальсонах выскакивают – ни машины ж нема, ничего. Потом еще такой момент – я даже лично сам видел, стоят там немцы (*пленные*). Баба подходит наша военная – часы сняла, по карманам, под задницу этому немцу. Тот стоит, смотрит. И солдат наш. Как-то солдаты и девчата они ладили. Надо – вот так дала этому немцу. [...] Они поговорили, а потом она под задницу этого немца. Потом, значит, выкопали ямку, хоронят какого-то нашего военного – офицер. Ну, кто он там, кто его знает, коло посадки там. Подходит наш: «Дайте обувь». – «Ты что, обувь с военного!» – «У меня нема ничего». – «Иди, вон там немцы побитые, снимай с них». Тот пошел – не только обувь, в одних кальсонах пооставлял, все снимал. (*Смеется*). Вот такие моменты еще были. [...]

*С. Иван Андреевич*

---

<sup>1</sup> Дом, дом (*нем.*)



**Фото 26.** Уничтожение коммуникаций в Донбассе при отступлении немецких войск

Haupt W., Wagener C. Bildchronik der Heeresgruppe Süd. – Podzun-Verlag, Dorheim, 1969.

\*\*\*

[...] Взрывали, да. [...] Все взрывали. И пути даже на поверхности рвали... Вот эти пути, которые под шахтой, на каждом стыках привязывал патроны и [взрывали]. [...] Идет – один привязывает, а один сзади идет... Но тоже выделяли специально людей. [...] И когда наши отходили, тоже взрывали, то же самое... И стволы взрывали. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] А потом уже когда занимали. Немцы отступили, наши войска стороной пошли мимо Макеевки. Ну вот это поверие народное, но, наверно, что-то в этом есть. На станции немцы бросили несколько цистерн с спиртом. Солдаты перепились, не довели эту операцию до конца. Немцы контрударом выходят на Макеевку опять. С Макеевки опять начинают наступать на Харцызск. «Юнкерсы» на бреющем расстреливают. Это ужас один. Это же все мимо нас. Лавина отступающая. Но у немцев тоже не было сил продолжать. Они просто



**Фото 27.** Горящий Сталино (сентябрь 1943 г.)  
Haupt W., Wagener C. Bildchronik der Heeresgruppe Süd. – Podzun-Verlag, Dorheim, 1969.

выровняли фронт. [...] После этого началось освобождение Макеевки полностью. Отступили наши, потом пауза, потом начали наступать. Погибли партизаны – почему меня [это] тоже интересует. Школа возле Горсада – это буквально на моих глазах было. Мы пошли с другом со своим и ему глаз выбило. Живой он? Говорят, что вроде нет. Вышли – 22-я школа. И тут же Горсад начинается. Слышим – пулемет, тарыхтит пулемет со стороны парка, сквера этого. Мы раз, залегли. И смотрю со стороны сквера двое в гражданском, партизаны, проводили где-то полвзвода, отделение целое. Как сейчас помню – нерусские. То ли узбек, то ли... Кричит: «Поднимайся, поднимайся». Чешет [пулемет]. Он их всех почти что там положил. Потом уже прорвались, там туалет общественный был, а они за туалетом, пулеметчики. Клепали – не давали пройти. Я не знаю, чего такая была избрана оборонная точка. Выход на шоссе. Я вот так посмотрел – там обелиск стоит. Когда-то писали там. Все погибли. Вот так они и лежали – с угла сквер и там они лежали. Туалетик этот был женский и мужской небольшой. И там он их всех положил. Два почему – в гражданском, а остальные в военной форме. Где-то человек 5-6 их было. [...] И вот там же был этот обелиск, а сейчас. Я все хочу посмотреть, что на этом обелиске написано. Его уже переделывали. [...] А вначале его в память об этих погибших. Потом там дописали еще земляка какого-то – полковника, командира. Я там не был давно, надо ехать. Заходить они начали с 31-й линии, с той стороны, наши войска стали обходить. Тут, в городе, была относительная тишина. Они фактически сюда, где телецентр – аж сюда прошли. А тут еще были немцы. [...]

[был бой]. Чтобы он носил, бой все время. Макеевку, так же, как и Донецк, сдали без боя. А вот когда наступали – здесь были бои. В районе пивзавода был командный пункт, над Кальмиусом. Вот как идет проспект Мира, бульвар Шевченко – там Институт металлов. Вот там был командный пункт командира дивизии. Как раз обзор оттуда – весь город виден хорошо. А Макеевка – она как-то вспышками бралась. То там как затарахтит, перестрелка. Потом нашу улицу начали обстреливать минами с минометов. И такой, не крупного калибра, потому что воронка – как полтазика такого. Но в основном осколочные, так как в стенах у нас осколки были, в деревьях 2 мины упали. А потом еще как повезло – я вам не рассказал за бинокль. Слышу – бои идут в сторону совхоза, ставок там. Как же он называется? Забыл. А у нас дерево во дворе, акация. Я залажу на акацию, в бинокль. Смотрю – и увлекся. Слышу: «Ч-ч-ч-ч». Как даст. Меня нащупали и, видно, не просто, а снайпер. Думает, видно корректировщик. Видно, снайпер был в подразделении или кто-то стреляет хорошо, я с того дерева как слетел. Думаю: «Елки зеленые». *(Имитирует свист пуль)*. Потом слышал свист пуль – я уже знал, что это такое. [...]

**Ф. Евгений Михайлович**

\*\*\*

[...] Я была свидетелем. Водокачку на «3-18»<sup>1</sup> взрывали немцы при отступлении. Причем взрывали ее 3 раза и не могли взорвать. А мы сидели с Олей Безлюдной за сараем и все это смотрели. Вот они раз ее взорвали – она красивая-красивая была водокачка. Вы знаете, такое архитектурное строение было, ну красавица. Высокая и очень, очень красивая. И вот ее взорвали один раз – тишина, второй раз – покачнулась, третий раз – и вот она падает вот прямо-таки. Красиво падает. И упала. И причем долго-долго. Так ее хотели восстановить – ничего не получалось. Потом ее все-таки растащили, размели. Сейчас новая водокачка в Петровском районе сделана. Но несравнима. Все-таки пытались сделать аналогичную архитектуру, но не смогли все-таки. Это немцы.

[...] Вообще мы сидели, смотрели, очень интересный как раз был этот эпизод, что немцы, когда отступали, они бегали по двору, по огороду, с этим же телефоном, видно со связью, а мы сидим все под забором. Конечно, в любой момент могли, да что ему там стоило, стрельнул – да и все. И перестрелка была. Что характерно, немцы были

---

<sup>1</sup> Шахта № 3-18 в Сталино.

как раз там, где «3-18» глей, шахты бывшей, и они были там наверху, и у них, конечно, видимость была отличная. Вот они с этого глея и стреляли. А наши же заходили возле города. [...] А на Петровке как-то более спокойнее было. Я не знаю, какой там день пошел, потому что как-то быстро прошло освобождение здесь. Как-то больше дней прошло, пока Донецк забрали, потому что немцы там держали атаку. А здесь, уже на Петровке, как-то они быстро начали отходить, отходить, только остались некоторые части, которые, как я уже говорю, стреляли с террикона. И вот тогда уже зашли наши. Уже говорила, три мотоциклиста входили на Петровку. А жили мы в то время на окраине Петровки и поэтому они первые подходили к нашим домам. И опять же я с дедушкой, мы с дедушкой смотрим – тишина, тишина и тишина. Я говорю: «Дедушка, поползли к забору». И мы поползли к нему, к забору. Смотрим – едут три мотоциклиста. И когда увидели красные звездочки, я кричу: «Наши!» И в любой же момент тут же могли где-то с другой стороны стрельнуть. Как-то притерпелась, даже не думала о том, что тебя могут убить. И все, и я выскакиваю на дорогу, они подъезжают. Свои, тут начали целоваться, тут люди уже начали все выходить из домов, разбегаться. – «Где немцы», – мол. А мы тут сказали, что вот они начали отступать через глей, по той дороге, на Марьинку. И все. И вот пошли чай пить. Во всех квартирах, во всех домах. Был сентябрь месяц, погода была хорошая, вот. И были наши части остановлены, вот. Но это было, непередаваемое чувство, это только надо прочувствовать, своим сердцем, своим чувством, тем более детским. [...]

### *Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] 8-го в город вошли, а мы 7-го вечером на Калиновке уже встречали наши войска. И мы перед этим, еще вот эти дни с 1-го сентября по 8-е – откуда-то к нам прибудилась какая-то корова. Мама эту корову с детворой, мы ее ввели в дом – мы ее к соседям, у нас там была пустая квартира, пустое помещение. Мы ввели туда эту корову, закрыли. Потом немцы, располагавшиеся в этих дворах – там было очень много бензина, бочки с бензином стояли. И мама с детворой: «Идемте выльем этот бензин, потому что если его подожгут, мы все ж взлетим вверх». И мы 2 бочки бензина прикатили к нам во двор, сбросили в мусорную яму, засыпали листьями. А остальные открыли – в Кальмиус лился бензин. [...] Это 2-я улица от Кальмиуса. Первая называлась Советская, а вторая – Микояна. И по Макшоссе – ну первые там улицы, там сейчас заправка, что ли, справа... Немцы,



видно, отступали, я знаю... Или бросили, или не успели – я уже не знаю как. [...] Конечно рискованное [дело]. Конечно рискованное. А наши части 7-го числа вошли – оборванные, грязные. Мы их встречали, мы их кормили. Есть нечего, зарядить машины нечем. Мы их всех притаскали домой – и обмывали, и одевали. Отдали ж эту корову – они эту корову зарезали, у них было мясо. Отдали им эти 2 бочки бензина – они зарядились и утром могли ехать в город, понимаете, на чем-то. Такая радость для нас была, что я вам не могу передать, конечно. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] А когда отступали немцы, мой отец договорился, они же палили все. Везде искры. [...] Отец мой договорился с немцами, что они не спалют институт – первый корпус<sup>1</sup> вот этот и наши 2 дома. Вы знаете, где был институт? [...] Все жильцы собрали деньги и отнесли немцам. И Август носил мой, и Элкин брат, дядя Элкин. Август<sup>2</sup> недавно вспоминал: «Вы же смотрите, чтобы искры, чтобы на ваш дом [не попали]». Со всех же домов летели искры. Все жильцы лазили по очереди на крышу и тушили, чтобы дом не загорелся. Дома не спалили благодаря моему отцу. А институт сгорел. Институт сгорел, потому что его зажег пьяный немец. Внеплановый. Просто зашел пьяный немец. Этого пьяного немца я видела. Я была последняя, которая вышла из этого горящего первого корпуса. Подружка говорит: «Пошли». Немцы отступают. Вот это когда Август нагрузил кальку, а мы зашли. Люди бегают, а там комнаты. Комнаты, и в каждой комнате как склад. В одной стаканчики из бумаги, как для мороженого, а мы же дети. В одной комнате были мешки бумажные. Мы взяли с Тamarой по мешку. Потом идем в другую комнату. А там эти стаканчики – мы эти стаканчики нагружаем. В другую комнату – заходим, а там блокнотики. Мы стаканчики выбрасываем, блокнотики [берем]. (Смеется). В третью комнату заходим – какие-то выключатели. Там или склад был, или... Холера его знает. Мы все время то, то грузили, нагружали. Потом заглянули в зал, в большой наклонный зал. На сцене лежала вот такая большая куча сахара – люди разбирали. А вверху, в самом верху, лежал ватман. Много ватмана лежало. Потом мы пошли с этими мешками. [...] Ну, люди бегают, суета, крупа там, какие-то

---

<sup>1</sup> Первый корпус Донецкого индустриального института. Ныне – Первый корпус Донецкого национального технического университета.

<sup>2</sup> Брат респондентки.

ящики, вот так открывались, а там всякое разное, крупа, люди нагружают в эти мешки, таскают домой. А мы же дурные девчонки. Мы то блокнотики, то эти стаканчики, то полезли вверх на третий этаж, зашли в какую-то комнату, а там стоит пианино. И я начала там играть немножко – «Чижик-пыжик» или что там. И вдруг заходит [немец]. [...] А мешки поставили. Там стояли какие-то столы и вот эти подставки для цветов – и все в этой комнате. Пианино стояло, подставки для цветов – и голая комната. Заходит этот пьяный немец: «Улюлю». Мы поняли: что-то не то. Берет мой мешок как даст об стол. И он разлетелся – все эти стаканчики полетели в разные стороны. Я у него под рукой шмыг [пробежала] – и Томка за мной. И мы побежали. Вот этот немец и поджег. Он был просто внеплановый, он просто забрел пьяный немец и он поджег этот институт. А потом мы дальше гуляем, пошли наверх, еще выше. Люди ж там как умные несут, а мы наверх еще полезли: «Куда – откуда кино показывают. Давай посмотрим, откуда кино показывают». Мы аж полезли туда. И выходим из этой будки, откуда кино. В конце лестничка такая, идут 2 парня: «Девочки, что вы тут делаете?» – «Как?» – «Институт горит, а вы тут ходите». – «А вы бы ходили, если бы институт горел?» Мы спускаемся и видим, что институт горит. Мы спустились на первый этаж, а библиотека была – там первый-второй корпус, если вы знаете второй, старый корпус. И библиотека была во втором корпусе. А Тамара старше меня была на 4 года, она говорит: «Пойдем в библиотеку, пойдем в библиотеку книги возить». – А я говорю: «Не пойду». Я как почувствовала: «Не пойду, пойду домой». – Она говорит: «Ну я сама пойду». Никого нет, тишина на первом корпусе, никакого дыма, ничего. И она пошла в эту библиотеку, а я иду к двери во двор. Она бежит за мной: «Рита, я пойду с тобой, я боюсь одна». Мы выходим, стоит толпа людей из наших домов, и все ахнули: «Девочки!!!» Мы смотрим, наверху все пылает. Но вот отец хотел и это доброе дело сделать. Но ничего никто не послушал. Вот изменник он Родины и хоть ты тресни: «Он специально остался. Ф<sup>1</sup>. немец, он старался немцам помочь». [...]

### *III. Маргарита Евстафьевна*

\*\*\*

[...] А другие команды приезжали и ходили нас выгонять эвакуировать. Они отступали и нас с собой хотели [увести]. Мы ушли в лес и в лесу, где пещеры, находились – там у нас шурфы старые

---

<sup>1</sup> Фамилия анонимизирована.

были – прятались там, пока наши пришли. Это в течение где-то 3-4 дней. Ну, когда фронт приближался вот так вот [делали]. Но это уже те команды – солдаты – или фронтовые, или комендантские, может, войска, которые занимались эвакуацией жителей. Хотя из других поселков, я знаю, выгоняли жителей, ставили в колонну и гнали. Ну а потом их наши догнали, освободили, и они вернулись. Так что они далеко не ушли. Ну а нам не пришлось уходить за фронт. Значит, мы переждали эту неприятную пору и дождались своих.

[...] Значит, мы прятались в лесу. Это уже перед первым сентябрем, где-то числа 27-го, 28-го августа. Ну и спали там, мы с собой взяли подушки, одеяла. Я помню, какую-то нору нашла мать. Ну не только мать, и соседки все собрались в этой норе, поселились и жили там эти 2 или 3 дня. А потом слышим – идут, стрельба там, это все дело. Ну, обоз прошел, власовцы проехали. [...] Да, обоз власовский проехал на лошадях. Ну, власовцы нас не трогали, да и мы их не трогали. Мы знали о них, знали уже тогда, что такое власовцы. А потом смотрим, уже наши бойцы идут. В пилотках, все с погонами – вот такие глаза, мы же провожали – туда они шли без погонов, а оттуда уже вернулись они с погонами. Ну, радость наша была неопишуемой. [...] Они пришли, мы с ними сразу на шахту вернулись в поселок. Ну, разговоры, «как вы тут жили», что такое, все такое...

[...] Не было у нас боев. У нас как-то и туда проходили без боев, и оттуда. Потому что от Саур-Могилы, наш поселок от Саур-Могилы [отдален]. [...] От Саур-Могилы мы 20 километров. А самые основные бои были на Саур-Могиле. Там стоял фронт, там бились. Потом, уже когда прошел фронт, мы туда ездили – ну пацаны. Кто на велосипеде, кто пешком. Бегали туда смотреть. Там горы этой техники – и танки, и самолеты там лежали. А патронов, пороха, того оборудования [не сосчитать]. [...] А потом его свозили на железнодорожную станцию и на металлолом. Это все мы видели. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

## ГЛАВА 18

### «НАХОДИЛСЯ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ...»: ОПЫТ ОККУПАЦИИ КАК ФАКТОР ДИСКРИМИНАЦИИ

[...] У нас на нашей улице жила семья – он инженер, сам русский или украинец. По-моему русский. Ну это не имеет значения – русский, украинец – как-то раньше об этом не думали, кто русский, кто украинец. Славянин в общем. А она немка. И преподавала она музыку. Она в музыкальной школе работала. Очень интеллигентная. Он интеллигент еще старого, дореволюционного закала. На Фрунзе<sup>1</sup> он работал, по моему на Фрунзе, на металлургическом. А она преподавала музыку. И у них одна единственная дочь была Алла. Постарше меня – она, наверное, года 30-го, 32-го. Я не помню точно. Ну не успели они эвакуироваться. И вот они остались. [...] Они жили на нашей улице, только немножко дальше, ближе к Белому магазину. И вот у нее потребовали, чтобы она пошла переводчиком к ним работать. Она такая маленькая, хрупкая женщина – вообще эта пара была внешне бесподобная. Он высокий такой, где-то под 190. А она 150-155. Казалось она ему чуть ли не до пояса. И он такой дядя солидный – не толстый, нет, но крепкий, сбитый. Такой мужчина. А она маленькая, хрупкая такая. И она действительно очень болела. И она отказалась. Они ее таки заставили, первое время она несколько раз была – и каждый раз она теряла сознание. Они ж ее использовали когда при допросах? А начинают мучить – она теряет сознание. Смеялись над ней. Что она не немка. Она не рейхсдойче. Немцы крепкие. У них должны быть крепкие нервы. А она не могла. И вот они оставили ее в покое. Оставили в покое, все. Но первое время, когда нас освободили, тоже были у них очень большие сложности: «Почему она не уехала?» И дом у них тоже немцы уничтожили. Горел. [...] Они ж в хорошем доме жили. А те, которые ходили метить, они не знали, чей они дом метят. Этот дом крепкий, добротный, его надо уничтожить. Хорошие крепкие дома нужно было уничтожить. А те слабые – то ли от них загорятся, то ли... И нас потому и убрали отсюда, чтобы мы не спасали свои жилища. Поэтому нас за речку прогоняли. И потом они жили здесь на Николаевском поселке. Он уже работал там в «Автостекло»<sup>2</sup>, по-моему. Дали там им комнатушку и она преподавала немецкий язык. Музыкальной школы у нас сразу после оккупации не

---

<sup>1</sup> Константиновский металлургический завод им. Фрунзе (ныне – Константиновский чугунолитейный завод).

<sup>2</sup> Константиновский завод «Автостекло».

было. И она преподавала немецкий язык. Бедная женщина. Еще эта мужская школа была на этом Николаевском поселке, в этой бывшей синагоге. Дисциплины там не было – как они там над ней издевались, эти хлопцы. Это ж ужасно. Еще и немка вдобавок: «Ты фашистка, чего ты не уехала. Ты нас фашистскому языку учишь». Даже так ей бедной в глаза говорили. Она маму встречала и плакала, рассказывала: «Ну какая же я фашистка? Я ж не хотела фашистам служить. Ну что я виновата, что немка? Вот и Гейне немец, и Гете немец. Но ведь советские люди этих писателей читают по-прежнему. И Бетховена слушают – и будет весь мир их слушать. Ну я ж тоже. Сколько среди немцев есть хороших, порядочных людей. Я ж не хотела немцам служить». [...]

*А. Луиза Венедиктовна*

\*\*\*

[...] И потом мне этот человек задает вопрос: «Почему вы не вступаете в партию?» Я ему рассказал, как я беседовал со всеми. Он возмущался тем, что я рассказывал, оказывается это был наш начальник КГБ. Я после этого написал заявление в депо. И вот на партийном собрании принимают меня в кандидаты. А потом получилось такая неприятность. Был спецпоезд, и какая-то была делегация из Луганска, шесть вагонов надо было отпустить до Никитовки, а из Донецка тоже шесть вагонов прибудет, в Никитовке соединят и на Москву. А мы в этот период этот участок уже не обслуживали, он электрифицирован уже был, электровазсы там водили, раньше мы ездили и до Луганска, и до Мариуполя и до Донецка. А когда электрифицировали, начали электровазсы ездить. И меня послали везти поезд с Луганска до Никитовки. А я заму и говорю: «Мы же уже давно не ездим там, может там есть какие изменения». – Он говорит: «Тебя будет сопровождать инструктор». А инструктор наш был долгое время председателем месткома. [...] Он на паровозах был, машинистом был, по Горловке тогда наши были паровозы, и он инструктором был локомотивов. «И он, – говорит, – будет тебя сопровождать». – «Так я, – говорю, – Макаров больше меня туда ездил». – А дежурный по депо говорит: «Тебе дают сопровождающего, езжай». Ну я думаю, что там шесть вагонов, я по перегону прижму, а от станции, если есть какие изменения, и будет все нормально. Когда я прибыл в Дебальцево, это было под вечер, смотрю, идет инструктор в нетрезвом состоянии. Залез в кабину и говорит: «Поезд поведу я». – А я говорю: «Нет, вы поезд не поведете, а поезд поведу я». Я говорю: «Спорить с вами не буду, если вы так хотите вести поезд, идите

выписывайте на себя маршрут и ведите поезд. А пока я, – говорю, – маршрут выписан на меня, поведу я». Он отстал, съездили мы в Никитовку, а половинка тепловоза, мы тогда ездили еще на половинках, тепловозов еще мало было, а назад ездили задним ходом. Они с помощником на той стороне, видимость же плохая ночью, приехали мы домой, когда подходили к Дебальцеву, он стал расспрашивать меня, как будешь сигнализировать входной сигнал, если на пассажирскую или сортировка. – Я ему говорю: «Не отвлекайте меня от наблюдения за путем, вот заедем в депо, тогда будете меня экзаменовать». Он замолчал. Заехали в депо, он слез и ушел. А на следующий день я пришел, зам. по ремонту встречает и говорит: «Ну как съездили?» – Я говорю: «Съездили мы хорошо, но, – я говорю, – таких сопровождающих мне на тепловоз больше не посылай». Кто, что и поныне я не знаю, кто-то написал в отделение дороги ревизору по безопасности. И описана почти вся наша поездка. И он вызывает меня: «Почему сразу не позвонил?» – Я говорю: «Ну как я мог бросить локомотив, у меня же не было телефона на тепловозе, надо идти где-то искать, а вдруг откроют сигнал?» – И тут как раз подходит время, закончился мой кандидатский стаж. А у нас в цехе проводилось собрание в два дня, основное и дублированное, потому что всех собрать невозможно. И в первый день как пошло на меня: «У него друзей много было, он был любитель выпить». И как пошло на меня и начали вспоминать мне Германию. [...] Ну что я добровольно уехал, что нас с музыкой отправляли – такие были выступления. Я наутро поднимаюсь и не на собрание сразу, а в КГБ. Пришел, один вышел, я говорю: «Можно пройти?» – А он говорит: «Там один еще остался, сейчас он выйдет и зайдешь». Я зашел, поздоровался и сразу вопрос задаю: «У вас есть какие-нибудь данные, что я добровольно уехал в Германию?» – Он так посмотрел на меня и говорит: «А кто к вам такие претензии предъявляет?» Я ему и рассказал ход событий. Он при мне набирает номер секретаря, и как начал ему там. [...] Он потом говорит: «Идите», – и я ушел. Потом на собрании выступил секретарь парткома и при голосовании никто уже против не голосовал. [...] Тоже ж люди наверное. [...] За мной ничего не было. Работал я, могу показать трудовую книжку, там кроме благодарностей и премий ничего не было. [...]

*Б. Виктор Федорович*

23. Участие в центральных, республиканских, краевых, областных окружных, городских районных выборных органах

Местонахождение выборного органа	Название выборного органа	В качестве кого выбран	Дата (м-ч, год)	
			избран	выбыл

24. Знание иностранных языков и языков народностей СССР

	Название языков, которыми владеет (читает, пишет, говорит)	
	слабо	хорошо
Иностранных . . . . .		
Народностей СССР . . . . .		

Участвовал ли в революционном движении и подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции (за что, когда, какими)

26. Участвовал ли в партизанском движении и подпольной работе (как вступил, где, когда и выполняемая работа)

27. Военная служба: — в старой армии с \_\_\_\_\_ по \_\_\_\_\_ последний высший чин \_\_\_\_\_ в Красной гвардии с \_\_\_\_\_ по \_\_\_\_\_ в каких должностях \_\_\_\_\_ в Красной Армии с \_\_\_\_\_ по \_\_\_\_\_ последняя высшая должность \_\_\_\_\_

28. Участвовал ли в боях во время гражданской или Отечественной войны (где, когда, и в качестве кого)

29. Был ли в плену (где, когда, при каких обстоятельствах попал, как и когда освобожден из плена)

30. Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств \_\_\_\_\_ (если служил, то указать, с какого и по какое время, где и в каких должностях) (дл. лет)

31. Находился ли на территории, временно оккупированной немцами в период Отечественной войны (где, когда и работа в это время)

**Фото 28.** Личный листок по учету кадров, заполнявшийся после войны при приеме на работу, с графой 31 «Находился ли на территории, временной оккупированной немцами в период Отечественной войны?» Из коллекции Д.Н. Титаренко

\*\*\*

[...] Ото я приїхала додому – ніхто мене, конечно, не ожидав, нічого. Ну, що ж, у плач, у сльози всі, сестри там мої зустрічали мене вже. Я ж була в Германії, вони одна двадцять дев'ятого, друга двадцять сьомого года були. Ну зустріли, плачуть. А тоді председатель колхоза говорить: «Чого ж це плакати, уже надо радоваться. Тепер вона вже дома. Идите, отдыхайте». Так ото поприходили, усі роботи побросали. Отаке. А бригадир же, и староста, и поліцейський. Я прийшла – вони ще жили у хуторі нашем. А мене тоді через три дня визвали в НКВД на допрос. [...] Свідетелей і мене. Як я, чи добровольно йшла в Германию, чи принудительно? Во. А я приїхала туди на допрос и свідетелі приїхали за мною. Ага, мене там допросили: як, шо. Усі документи есть з Германії, скільки мені бумажок прислали. І з Красного Креста. Ага. А я кажу: «Я одбила чотири года каторги, а поліцейський и староста досі живуть. На широку ногу живуть». Так я как вернулася, а їх уже нема в управі, убралі, моментально вже не було, ні семья ніде не було. Куди вони їх вивезли? Деся вивезли їх. [...] А може й самі сбежали. Так не було їх, ні вещей їх не було, нічого не було. Хто на це надіявся? А бригадир пішов уже у нашу армію, так на війні руку отбило. «Якби тобі голову, – кажу, – отбило, не тільки руку отбило». Так він і сдох скоро, сдох. [...] Він уже так оказався, на війні руку потеряв. Так він уже учасник війни, будем считать. І так він тут і вмер, у нас, у хуторі. А староста и поліцейський – куди вони ділись? Я їх і не бачила ніде. Де вони ділися, де вони були? Бог його знає. І по сьогоднішній день не знаю я, де вони. [...] Ніхто нічого не чув, ніхто нічого не знали, ніхто. А тоді ого, де староста жив, то вже хата пуста була. Да, ми жили в земляночці, така була – ми тоді в його хату перейшли, жили в тій хаті. [...]

*Б. Мария Яковлевна*

\*\*\*

[...] К людям, которые остались на оккупированной территории, как-то относились, знаете, настороженно. Чтобы сказать. Мы как предатели Родины. Ну потом, конечно, со временем, когда уже умер Сталин в 53-м году, уже не было такого [отношения]. [...] Нет, дискриминаций таких явных не было. Но торможение было во всем этому человеку, кто был на оккупированной территории. На работе, на работе. Ну вот я устроилась, например, ученицей бухгалтера. И, ну как сказать. Всегда, ну я чувствовала, что ко мне не такое отношение, как к эвакуированным. [...] Ее так, ну как вам сказать, ее так не показывали



видно. Это все было как бы завалуированно. Но человек чувствовал, что он такой, неполноценный человек в этом коллективе.

[...] Во-первых мы когда поступали на работу, мы заполняли анкеты. Там [спрашивали]: «Был ли на оккупированной территории? Какими владеешь языками? И где находился во время оккупации?» Ведь люди уезжали в село, в какой-то другой город, потом возвращались. Но надо же было человеку выжить как-то. [...]

*Валентина Ивановна*

\*\*\*

[...] Когда мы под немцем жили и уехали в село – приезжаем, у нас мохом все поросло. Никто не зашел, никто ничего не взял. И тут уже пришла наша любимая Красная Армия, уже Советская Армия. В погонах, все. Началось: насилие, воровство, грабежи. Убийства. Кому жаловаться? И я стал «враг народа». [...] Тот, кто возвращался из эвакуации, – они были пострадавшие. Видите ли, они жили при Советской власти там, на них бомбы не падали как на нас, они не видели, не пережили то – они пострадавшие. А мы: «Был в оккупации?» – «Был». Все. Это уже где-то в 54-м году, а может позже, статья эта была снята. Ее убрали потом.

[...] Когда меня в 52-м году призвали в армию, с Ленинского<sup>1</sup>. Представь, нас забрали. Это было учебное заведение авиационных механиков. Это город Котовск Одесской области. И вот, значит, комиссия сидит, это 48-я или 52-я воздушная армия. Полковник Маркелов, Жиленко сидит – политотдел и еще несколько человек. Ну и я захожу: «Курсант Ефремов для сдачи мандатной комиссии прибыл». Ну и командир роты меня представляет – откуда да что. И один, значит, сидит с этого политотдела, мы называли, или особый отдел, мы называли, и спрашивает: «А где вы были во время оккупации?» – На территории отца. Отец был старый, мать тоже старая моя была. Или 1890 года отец мой, мать 93-го. Я говорю: «И я остался с родителями – что там мне было 9 лет». Так я подумал. Но я ответил совершенно по-другому. – «А чего ж Вы остались с немцами?» – «А чего же Вы бежали, бросили меня немцам». Это я, клянусь, сказал. У этого – Игнатов – нашего лейтенанта – у него мои досье на пол упали. Он дар речи потерял. Это ж и ему попадет – кого же ты привел, кого же ты готовил. Его же разжаловать могли. Они так все переглянулись и говорят: «Вопросов больше нет». Выхожу – как вылетает (*шепотом ругается, передавая слова лейтенанта Игнатова*).

---

<sup>1</sup> Машиностроительный завод им. Ленинского комсомола в Донецке.

Ну понятно: «Что ты ляпнул!» – Я говорю: «Я правду сказал. Он в смысле того оборудование вывозили, да еле то погрузили. А нас всех побросали». – А он говорит: «Тебя в стройбат». – Я говорю: «Да хоть трибунал, хоть стройбат». Развернулся и пошел. Расстегнул воротник, пояс снял, пилотку в руках и иду. Идут офицеры: «Курсант, почему не приветствуете?» – «Да пошел ты». Прихожу, кровати вот так в казарме. Упал и лежу. Ну, стройбат, значит стройбат. Быстрее дома буду. В авиации 4 года, а в стройбате или 2, или 3. Смотрю, залетают ребята мои из Донбасса. И сейчас еще кое-кто жив еще: «Вовка, тебя оставили, тебя оставили». Вы представляете, в то время, в то время, вот такое вот ляпнуть. Но видно пожалели. Или, видно, не хотели раздувать так. [...] Может быть дошло. А мы все время носили, что мы в какой-то степени являемся, жили. Неполноценно. На нас ничего. Оккупированная территория. И румыны были здесь, и австрийцы были, и итальянцы, и полицаи. Кого только не было. Значит я жил в таких условиях. Ну а теперь при освобождении даже выселяли. Тот, кто приезжал из эвакуации, которых квартиры позанили военнослужащие. [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Да, были упреки. Не исключено было, и вот полевые военкоматы, которые призывали. Вот часть зашла – взрослое население, необученное, винтовку – и вперед. Кстати, мариупольцы знаете, где легли? Все на Молочной, дальше они не пошли<sup>1</sup>. Да. Они же необученные, даже не переодетые были. Некоторым повезло, кого легенько зацепило. Перекантовался, а потом как из госпиталя, туда-сюда, в запасной. А основная масса здесь легла. Да, были такие упреки, вы правильно задаете, я с вами согласен. [...] Я вам скажу на таком примере. Я после, когда повзрослел, свою жизнь связал с флотом. И гражданским, и военным. И тогда, знаете, ходить за границу не так просто было. И я когда-то в своих архивах покопался, нашел. У меня вопросник был. По-моему, 60 вопросов, на которые я должен был ответить. Тогда же были политуправления, политотделы, да. И вот мандатные комиссии. И вот смотрят. И такие вот вопросы были: «Имеете ли родственников за границей?», «Были ли колебания в проведении линии Ленина-Сталина?», «Был ли в оккупации?» –

---

<sup>1</sup> Респондент имеет в виду, что части Красной Армии, в значительной степени укомплектованные мобилизованными после освобождения от оккупации мариупольцами, понесли тяжелые потери на реке Молочная.

Оккупация, все там, хотя я ребенок был. Ну, может быть смотрели, учитывали, если принимали окончательное решение. Был ли в оккупации – или 12 лет ему было или 20. Это было, было. Оккупация долго еще было. А человек разве виноват? Тысячи, миллионы остались. Кричали же вслед наши бабушки: «Куда же вы нас бросаете?» А что солдат мог сделать? [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Приехала в Донбасс<sup>1</sup>, а тут тоже вызывали в милицию, присылали повестку. Я приехала сюда, зарегистрировалась и все. И вот меня вызывают в милицию, я помню у нас был один начальник, царство ему небесное, он без руки был, забыла, как его звать. Он говорит: «Вы враги, как вы могли ехать, почему вы не убежали, почему не сопротивлялись как враги народа». Я помню, пошла туда часа в три, так он держал меня до самого вечера, и все стучал по столу кулаком: «Враги народа, вы на немцев работали», – мне так обидно было. Уже за мной пришли сестры, переживали, почему так долго. Конечно, я ему сказала, года четыре или пять назад: «Вы меня как врага считали». – А он говорит: «Ну тогда было такое время». [...]

*К. Варвара Ивановна*

\*\*\*

[...] А вообще в городе было тяжелое отношение между приехавшими и теми, кто остался. Между нами, пацанами, до драк доходило. Ну к женщинам очень плохо относились: «Немецкие подстилки, остались здесь». Было или не было – никто же в ногах не стоял, но разговоры такие шли. [...]

*Крицын Олег Демьянович*

\*\*\*

[...] Я говорю: «Куда я поеду?»<sup>2</sup> У меня тут Родина, если б я в чем замешан был, я бы в Германии остался, и многие оставались в Германии. Если я здесь весь век проработал, родился здесь,

---

<sup>1</sup> Респондентка во время оккупации была угнана на принудительные работы в Германию.

<sup>2</sup> Респондент во время оккупации был угнан на принудительные работы в Германию.

проработал в депо. Я приеду, у меня специальность есть, а то поедешь неизвестно куда. Мать, отец, брат здесь. После этого посортировали всех, кто на родину, пешком нас отправили, вообще по Германии еще месяц ходили. Из Гербеде машинами переслали в другой пересылочный пункт на границе, русская граница и американская, вот американцы переправили нас на русскую границу. В этом городе река, там понтонный мост. Вы должны знать этот город, американцы сдают нас по четыре человека, двое суток побыли в этом городе, там построили нас и на русскую сторону. [...] Стояли наши русские военные и военные нас встречали. Тоже вместе, у меня уже знакомая была, все вместе – и мужчины и женщины, всех по четыре человека построили, а русские уже сортируют, женщин отдельно, мужчин отдельно, кто женат, кто не женат, всех отдельно. Разделили всех. Кто был больной из женщин, домой отправили. [...] А мы потом еще два года были на уборке хлеба, в Белоруссии. [...] Сразу нас повезли в Белоруссию, два года мы по Белоруссии ездили, жили мы при военных частях, как военная часть были. Только городок отдельно, и мы с ними, мы назывались репатрированные<sup>1</sup>. По Белоруссии на станции ездили зимой лес грузить, недели две в месяц побудем на одной станции, лес грузили, в тайгу выезжали на лесоразработки, в Донбасс высылали. Это мы побыли до осени 1945 года на уборке хлеба, а потом нас отправили в Бобруйск, нет, не в Бобруйск, а в Гродно. В Гродно был распределительный лагерь. Уже из Гродно нас отправили в Бобруйск, восстанавливали цеха, токарные цеха, вообще завод, там месяца три побыли, дальше отправляли, в Минске были, в Минске дома строили, в Барановиче<sup>2</sup> были. В 1947 году в марте месяце нас отправили домой, справки выдали. [...] Военные части выдавали, что репатрированный отправляется домой. Приехал домой, в депо работать не пошел, мать сказала, что там по триста грамм хлеба дают. Думаю, куда поступить работать, я же в Германии был. [...] Говорили, что мы изменники Родины, хоть это и пресекалось. Хотя когда в Германии были мы, говорили, что если поедет домой, нас сразу посажают, а нам говорили, никто вас не тронет, надо ехать домой, строить, все разбито. Я приехал домой в 1947 году в марте. Приехал и поступил в Шахтострой, есть то нечего было, а там килограмм хлеба давали. Мать больная была, брат путеобходчиком работал, получал шестьдесят рублей и восемьсот грамм хлеба. В депо я хотел поступить, да может, и не приняли бы меня. [...] Тогда сразу не принимали, если в Германии был. Вот я и пошел в Шахтострой, в Горловке, мне один

---

<sup>1</sup> Правильно – репатрированные.

<sup>2</sup> Правильно – в Барановичах.

посоветовал: «Иди, – говорит, – килограмм хлеба будешь получать». Семь часов был рабочий день, слесарем, я и пошел. В 1947 году весной пошел, и проработал до 1948 года, недолго. Потом пошел на базар в Никитовку, один замначальника депо увидел меня и говорит: «О.<sup>1</sup>, ты работаешь? Нам в депо слесаря нужны». – Я говорю, что меня не примут, так как я в Германии был. – Он говорит: «Иди, все в порядке будет, никто тебя не тронет. Нам слесаря нужны, а ты болтаешься здесь». Я и пошел, бросил я сразу там работу. Тут же меня все знают, я ведь там работал с 1935 года. Поступил в депо в 1948 году в феврале месяце, поработал, женат уже был. [...]

*О. Владимир Анатольевич*

\*\*\*

[...] Значит, был такой случай, тут у нас клуб был, такое помещение, называли его клуб. Ну сошла вечером молодежь, там все. А уже ж когда образовался сельсовет, назначили дежурных – с повязками, все. Ну за порядком вроде смотреть. Ну и этот с повязками, солдаты ж, видно, подвыпили, вышли на отдых или на перегруппировку. И он, видимо, с ними завязался, хотел их урезонить. Так они его убили. Говорят ему: «Ты сидел тут, сволочь, – лет 30 ему было, – ты сидел здесь, сволочь, мы за тебя воюем, а ты тут еще нам ума вставляешь?» И расстреляли его здесь в проулке. [...] Уже после освобождения. [...] Солдаты есть солдаты. Часть ушла – кто тут следствие вел? Ну а он, ты видишь: это ж не то, что ненависть солдат, а просто конфликт такой. Ну оно, наверное, часто такое было. [...] Нельзя сказать, что у солдата была ненависть там, это какой-то личный контакт не получился.

Когда нас призвали, я шел в первый бой в своей одежде. [...] Всех сортов, всех годов, всех созвали в Артемовский район, там какая-то 12-я дивизия – там оно по дивизиям. Села. Туда всех. Там отсортировали по годам. И оттуда мы пошли – нас уже сформировали как полк – и послали через Краматорск – в Краматорске есть Ясная Поляна, в пристройке такое село, не село, а пригород. Вот то мы там были, а потом пошли догонять фронт. И уже где-то село Кочережки<sup>2</sup> – уже позабывал. И вот то нам там дали учебные винтовки – ну они такие винтовки, что вручную не откроешь. Лопаточкой отбил, патрон вставил, закрыл. Вот то с такой винтовкой я воевал. Я с такой

---

<sup>1</sup> Фамилия респондента анонимизирована.

<sup>2</sup> Село Кочережки находится в Павлоградском районе Днепропетровской области.

винтовкой, когда был тяжело ранен, к ноге привязал эту винтовку, я ползком шел на это медпункт, полз, так я эту винтовку сдал вон туда. Вот так. Как-то сейчас непонятно, и почему нас послали всех «чернорубашников». Заняли мы там оборону – и вот это с нашего села там человек 50 было вот таких юнцов, как я. Все мои годы – 25-го, 24-го, 23-го не было. Вот эти годы, кто-то может и с 26-го попал. Вот эти все. Ну как это было занять оборону тем, кто ничего не знает. [...] Я ночью ходил на кухню за пищей, перед рассветом. И я блудил там по полям, не знал, куда мне идти. Ну со мной человек 5 ходило. Потом по проводам дошли до КП. А там говорят: «Стой, кто идет?» – «Да мы вот такие». – «Назад, стрелять буду». Так мы – уже начало развидняться, пошли дальше. Наши уже. «Хлопці», – ми балакаємо. – А он: «Федя, ты?» – «Я, мь». – «Куда вы идете, мы в дозоре, вон через 50 метров немцы. Давайте назад». А те хлопцы так и остались там погибать. Бачите, яка получилась неурядица? Вроде бы и хорошо – но не всегда оно и хорошо. Ну хотя бы оно так – трое старослужащих да таких трое чи пятеро. А то таких всех – туда. На второй день объявляют – нас по 2 в окопе было – что сейчас будет артиллерийская канонада и после канонады красная ракета – и наступление. А на ту сторону нам видно – брустверы и немцы там укрепленные такие, что. И вот началась там артиллерийская канонада. Выстрелило – и «шух-шух-шух» – пошел снаряд. «Бу-бух» – там где-то в степи упал, и даже не по цели. Упал. А потом красная ракета. Куда ж там – ничего. Нас там полегло много, а уже на второй день я был раненый, уже меня перевозили на бричке в следующее село. На бугор мы выехали и мне видно всю эту позицию, где мы были. Та смотрю – «катюши» работают. Вот-то «катюши» прошли – и туда под прикрытием «катюш» пошли солдаты и захватили все эти немецкие позиции. Кто его знает, кто прав, кто виноват. Но это, конечно, не для печати. [...] Это было село Васильевка, это под Запорожьем. [...] Да, мабуть, 10 сентября [нас призвали]. А это было где-то недели через 3, дней через 20. Вязка этих патронов, винтовки, наверное, и автоматы. И по 2 гранаты. [...] [Отделенными, взводными были] старослужащие, то есть наши, только старшие, те, кто видать в курсе дела. Но не из тех, что воевали. Невоевавшие. [...]

*Рена Федор Егорович*

\*\*\*

[...] На профессиональной карьере у меня никак не сложилось [пребывание в оккупации], потому что мы не сотрудничали с немцами. Раз. Во-вторых, я был ребенком – два. И нас освободили в 43-м году, а я в армию пошел пятнадцатилетним – в 48-м. Уже немножко не так.

Ну я, например, от того, что был в оккупации. Вообще, такая как бы сказать, графа в биографии, когда поступал человек куда-то, обязательно была. Был ли в оккупации, где и что, почему. Потому что же было очень много предателей, изменников Родины, полицаяев, которые жили, например, в Курской области, а приехали жить в Донецк. Или наоборот – в Донецке он, например, был полицейским, а уехал куда-то. Чтобы скрыться. Вот поэтому и существовала такая графа: «Был ли в оккупации», «С какого и по какое время, где, по какому адресу». Все это было подробно расписано – не просто в оккупации, а был ли в оккупации – «Да». Адрес – город такой-то, улица такая-то. «Чем ты занимался?» Там было несколько пунктов, чтобы доподлинно. И когда человек поступал куда-то, значит обязательно эти списки просматривали в КГБ или как, НКВД раньше было. Так, они смотрели, делали запросы. Ну я не знаю, как это долго. Они же проверяли все это... Это очень долго было между прочим, это уже было и при Советской власти буквально, ну как бы вам сказать, даже 30 лет назад все это проверялось как я не знаю. Так что в нашей системе это было. [...]

*Рогоз Борис Владимирович*

\*\*\*

[...] Понимаете, тут многие документы были уничтожены в обкоме партии. Изота такая пакость тут работал. Вроде его жена или что другое. Тогда как: «О чем вы говорите? Какое подполье?» Если я сорвала объявление об ихнем расстреле на русском и немецком. «Донецкий вестник»<sup>1</sup> у меня. Потом туда, туда раздали. А это брат приехал – на границе Сережа был, приехал в 43-м году. Отдал объявление в обком партии. А газету КГБ – НКВД тогда ж было. И все ж понимаете. Многого ж нету. Тормосин тут такой был. Повыбрал. У меня ж паспорта, книжки были, записки из тюрьмы. Все забрал Тормосин, уполномоченный. Очень жестокий человек был. Оперуполномоченный КГБ. Видно, по нашему району. Площадь Свободы<sup>2</sup> – там его была резиденция. Позабирал. Мы ж все поотдавали – и газеты, все поотдавали. А когда Сталина<sup>3</sup> расстреляли, я пошла: «Верните». В 55-м или в каком. – «О чем вы говорите? Вы ж их мертвых не видели. А вдруг их завербовала немецкая разведка?» Я

---

<sup>1</sup> Сестра респондентки вместе со своими подругами была казнена нацистами в январе 1942 года в Сталино. Объявление об этом было помещено в газете «Донецкий вестник», выходящей в городе в период оккупации.

<sup>2</sup> Находится в Кировском районе Донецка.

<sup>3</sup> Респондентка оговорила – речь идет о Берии.

растерялась. Вы понимаете. Потом я как-то на рынок пришла – торгует саженцами. Уже наперли его. Я подошла: «Вы, наверное, меня не узнаете?» – Он говорит: «Майя Полончук». – «Вы, наверное, на пенсии?» – «Да». – «Вот, – говорю, – вам повезло. А моей сестре и ее подругам нет. Без выходных, без отпуска и без пенсии до сих пор на немецкую разведку работают». – А он так голову опустил: «Вы меня простите. Тогда время такое было». – А я уже со злости ему говорю: «А нам от этого не легче. А нам от этого не легче». И пошла. Он умер, этот Тормосин. Та все там накрылось. И все говорят, многие уничтожили документы. И Шутов<sup>1</sup> потом поднял вопрос. Я ему в памяти все время мысленно кланяюсь. [...]

*Саенко-Полончук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] А он (*отец*) все говорил: «Нашим детям будет, как говорится, дорога в партию». Он (*брат респондента, присутствующий при интервью*) может пошел и пользовался этим. Я никуда не пошел, не хотел. А что хотеть, если спрашивают: «Есть ли родственники за границей?» Статья было у каждого. «Был ли на оккупированной территории?» – Уже характеристика твоя. «Чем ты тут занимался?» Это враги [те, кто был на оккупированной территории]. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Когда меня принимали в партию в 61-м году, были три – тройка пожилых коммуниста. И вот задают вопрос: «Был в оккупации?» – «Был». – «Чем ты занимался, что ты делал в оккупации?» – Я говорю: «Скрывался». – «А от кого?» – «От партизан». – Они думают, думают. – А я говорю: «Вы знаете, сколько мне было лет? 12 лет». – Засмеялись только. [...]

*С. Михаил Андреевич*

---

<sup>1</sup> Донецкий писатель Шутов В.В. детально исследовал историю донецкого подполья.



\*\*\*

[...] Такой был председатель колхоза, как шла, отсылает в другое село, враги были, нам тогда не было жизни<sup>1</sup>. Пока я вышла замуж, перешла в другой район, это же Донецкая область была, а то Запорожская, там с мужем стала жить и тогда наладилось. [...] И там были такие как я, они рассказывали и я рассказывала, но ничего. [...] Наладилось отношение, все-таки муж фронтовик. [...] Есть такие, что жалели, что приехали, можно было там остаться. [...] Плохо относились, как за врагов считали нас. Что мы виноваты, что нас погнали. Бросили нас и ушли. [...]

*Т. Варвара Ивановна*

\*\*\*

[...] В оккупации был – все время презирали тех, кто в оккупации был. Как и я – презирали. Был в оккупации – значит, уже доверия не было. Никуда уже не поедешь – за границу уже характеристику пишешь, все о детстве. Сверялись. [...]

*Т. Николай Константинович*

\*\*\*

[...] Ну вот знаете, такой момент. Я долго о нем думал, нанес он ущерб приличный политический. Пришло освобождение. К тем, кто находился на советской территории, было отвратительное отношение Советской власти. Понимаете? Это были люди 3-5 сорта. В Москву не могли поехать, в Ленинград, в другие города въезда не было, потому что ты был в оккупации. А я уже так, когда был постарше, один раз мы сцепились. Я же говорю комсorghу: «А ты, кто оставил меня в оккупации, вы же воевать не умели, вы нас бросили на произвол судьбы. А мы там выживали». И вот сейчас получается так: он, допустим, в тылу, уехал, эвакуировали в тыл, в тылу работал в колхозе. Да, чужой труд, но зиму же он отдыхал, колхозники лето работают, а в зиму отдыхают. А я в это время мишень в любую секунду. На улицу выйдешь – пристрелят. На улицу выйдешь – заберут, облава, увезут куда-то, кровь высосут. Нет – просто отлупят удовольствия ради и вышвырнут. Заставит полицейский зимой в снег разуться. Почему? Валенки. «А ну разувайся! Разувайся!» (*Имитирует голос полицая*). – «Ну что ты». – «Большевистская

---

<sup>1</sup> Респондентка во время оккупации была угнана на принудительные работы в Германию.

скотина. Я тебя сейчас по роже. А ну снимай!» От так. Ты выходил и не знал, чем это кончится. Взрослые выходили вдоль забора – знаете, как заяц. Думают: «Сейчас». А тут патруль: «Опа. А ну давай». А она, допустим, была связная. Так через кого была гарантия связь держать? «Вот ты сверточки спрячь, только хорошо». Потому что все-таки надеялись, что пацана не расстреляют. [...] А взрослого – о чем речь. Поэтому вот такое вот было отношение и эти вопросы никто никуда не ходил выяснять. Куда идти? Вот он фронт отошел, еще война идет. Куда вы пойдете узнавать за своего мужа. «Та вот его немцы задержали». – «Ну и где он?» – «Не знаем». – «А-а-а, ну вот наверное с немцами ушел». И все. А то, что он, наверное, уже гниет... [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] Американец нам сказал, когда русские вас встретят: «Посмотрите, лучше вам не будет. Посмотрите, как вас будут встречать». Так оно и было. Русские плохо встретили. И матом крыли, что мы такие и сякие. Против своих работали. А сюда приехали. В Волноваху, тут уже другие были, что вы, думаете, нам легко было слушать разных глупостей? Что хочешь, было. Хорошего ничего не было. Встречали нас очень плохо. Сталин же не интересовался этим, мы даже никакого пособия не получали, сам если работаешь, ничего. [...] Когда я вернулась домой, я начала работать. Пришла сразу получила документы, временный паспорт на шесть месяцев. Этот документ, я пошла на работу отработала шесть месяцев. [...] Сразу знаете, нас не допускали никуда работать. Мы зависимы были от НКВД. Куда они нас пошлют, туда и пойдём. Так я сначала кирпич делали саманный. Месили ногами и делали кирпичи. А потом глину нашли нам белую, и мы с этой глины делали мыло. Какой состав, я уже ничего не помню. А потом, уже у меня брат когда вернулся из Германии и пошел в райком партии, и он проработал месяца два и помог мне уйти оттуда. [...]

*Х. Мария Семеновна*

\*\*\*

[...] Я вам скажу единственное, что маму<sup>1</sup> вызывали по каждому поводу, ее вызывали, как свидетеля. То ли они знали, что она участник

---

<sup>1</sup> Мать респондентки была связной партизанского отряда им. И. Сталина представительства УШПД при Военном Совете Южного фронта.

партизанского движения. Ну документы – в архиве ж, наверное, документы. [...] И вот ее по каждому поводу. По Гензелям, по Антонцеву, по Казакову<sup>1</sup>, ну еще там. Я даже всех и не помню. Ее вызывали как свидетеля. На судах она никогда не была. Меня никто не мог и спрашивать, потому что я была еще несовершеннолетняя. А она – по каждом поводу ее спрашивали. И по поводу Войнара, и по воду Чаругина<sup>2</sup>. Все это спрашивалось. И на все это давался ответ. Я знаю, что когда-то – еще Донской<sup>3</sup> был, еще он не уехал, это начало сентября месяца было, и пригласили ее в КГБ или куда там. И поздно вечером ее дома долго не было. Мы уже решили, что все, наверное ее арестовали. И у нас поджилки тряслись – и мы бежали к мосту – ну тогда ж транспорта никакого не было, и мы бежали к мосту, и ее когда увидели, что она идет домой. А ждали того, что ее должны арестовать. После прихода наших. Ведь отношение к тем, кто оставался на оккупированной территории, в первые годы отвратительное было. [...] Я несовершеннолетняя была, школьница. И где там, и с кем я. А мама, конечно, сталкивалась. [...] Уже несмотря ни на что, я вам скажу, что это ж мама, которая нигде никогда не показывала эти документы, ни говорила ничего. Но все равно приходилось, и все равно чувствовали: «А-а-а, в оккупации были. А-а-а, в оккупации были». Безусловно, безусловно, чувствовали на каждом шагу это. Чувствовали. Во-первых, подпольщиков этих не признавали. Их же совершенно никто не признавал. Но мама никуда не ходила, а кто-то ходил, кто-то где-то какие-то документы поднимал, все. Их, собственно говоря, признали в 67-м году. И наградили. Вот первое награждение подпольщиков в Донецке было в 67-м году. Моя мама получила медаль «За боевые заслуги». Харичковы посмертно получили медаль «За отвагу». Ну, там целый список был. [...] Я говорю, что вот это один единственный раз, когда ее провожали [на пенсию], так вспомнили, что она «наша Катя – партизанка». [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Везде же нужно было писать в биографии, что у тебя отец осужден, иначе тебя отовсюду выгоняли. Причем знали по всему Советскому Союзу. Вот уедешь куда-то, так спецслужбы служили, что

---

<sup>1</sup> Лица, занимавшие в период оккупации Сталино ряд ответственных должностей в оккупационных учреждениях и органах местного самоуправления.

<sup>2</sup> Известные врачи из Сталино, оставшиеся на оккупированной территории.

<sup>3</sup> Авдеев В.Д. (псевдоним «Донской»).

ничего нельзя скрыть. Закрытие тебя тоже сразу судили или что-то такое. Я, конечно, написала, что у меня отец осужден, то-то и то-то. У меня в институте все знали. Он в это время сидел, когда я поступала. А Ляля – ровесница моя – у нее отец работал полицаем. Она не мою школу кончала, там, на Ларинке, с медалью тоже закончила и она тоже в нашу группу попала. Ее после первого семестра выгнали из института за то, что она скрыла, что у нее отец сидел. А он был полицаем, его посадили и он в тюрьме умер, при госпитале. И ее выгнали, и брата. Брат старше ее был. Брат ездил к Маленкову и сказал: «Сестра была маленькая, мы от нее скрыли». [...]

### *Ш. Маргарита Евстафьевна*

\*\*\*

[...] Ну, впоследствии было, уже когда я учился, работал – личное дело заполняешь, и там всегда есть строка: «Находился ли на оккупированной территории? В какое время?» Сейчас уже нет такого. [...] Я не скажу, что так сильно страдали [от этого]. Может, кто-то страдал из взрослых, а мне как пацану это проходило. Тем более, что меня сразу после освобождения даже в комсомол приняли, в 43-м году. В сентябре нас освободили, а уже в конце года мы всем классом. Я пошел в 6-й класс и всем классом пришли в райком комсомола, нас приняли в комсомол. Так что то, что мы 2 года под оккупацией были, на нас не отразилось. [...]

### *Шепелев Александр Терентьевич*

## ГЛАВА 19

### «ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНА СНИТСЯ, И СНИТСЯ, И СНИТСЯ...»: МЕСТА ПАМЯТИ

[...] А, кстати, этот же Гриша еврей вернулся. [...] Вы знаете, я ни до того, ни после того не видела, чтобы так мужчина рыдал. Не плакал, нет – рыдал. Вернулся он в 44-м – еще шла война. Без ноги. Вернулся он по ранению. Не было у него ноги – правой, левой – не помню. С костылем он был. С костылем и с палкой – вот это я как сейчас помню. И за плечами котомка. И в руке еще какой-то маленький узелочек был у него, где палка была. Вернулся он, вошел во двор – пожарище. А мы ж как раз – было лето. Мы ж садили огород и там все. Готовили ж все восстанавливать, как-то нужно что-то отстраивать. Мы все были во дворе. Когда он вошел – мы, между прочим, узнали его сразу. И он узнал. Узнал, сразу как-то: «Что вы можете о моих рассказать? Они успели уйти? Я посылаю своим родственникам в Сибирь – мне ответили, что они не приезжали». Значит, в Сибири у него какие-то родственники были. Мать сказала, что они сначала эвакуировались, а потом вернулись. – «А потом?» Мы ж, детвора, при этом разговоре были, тут же слушали. – «А потом, – говорит, – с ними поступили так, как со всеми». – «Где они?» – он все понял, где они. – Мать сказала: «Мы знаем, мы вас проводим». И вдруг он как упал на это вот пожарище – так рыдал. Это было что-то – я не знаю, мокрая земля была. Вот эти камни, эта глина – это было мокрое все. Он рыдал. Мать его пыталась и тетя Катя успокаивать. [...] Ну в общем кое-как, кое-как они его успокоили. И потом матери нужно было уходить – мы с Виталием. Виталий-то не знал, я знала, где. И мы с Виталием, с братом, пошли, ему показали. Отвели его туда. Я говорю: «Вот здесь мы нашли вашу собачку». Вот я запомнила – мы ж ходили туда смотреть. «Мы похоронили ее вон там, под кустом. Там посадочка – вон там мы ее похоронили». – Он говорит: «Значит они здесь». Вот он сразу сказал: «Значит они здесь, раз она умерла на их могиле». Она чувствовала, где хозяин. «Дети, вы идите домой. Я здесь хочу побыть один». Плакал он уже. Не успели мы отойти, он опять как разрыдался. Мы вернулись, долго стояли с Виталием. Потом он затих, затих – лежал медленно, тихо. Потом поднялся, увидел нас: «Вы еще не ушли?». – А Виталий говорит: «Как же мы уйдем. Друг вам помочь нужно». – А он: «Ничего, дети, вы идите. Я приду. Я вечером приду. Я хочу побыть наедине с ними». Ну что – ушли мы. Вечером он не пришел. Не пришел и назавтра. И уже назавтра, когда к вечеру его нет, все вместе пошли туда. Он лежал. Вот это он не ел, не пил ничего два дня. Еле привели мы его домой. У него уже и сил плакать не было.

И вот, когда мы уже пришли домой – были и новые слезы – казалось, уже откуда у него и слезы. Новые. Уже занесли машину из подвала – они достала машину из подвала. Она как была смазанная так она и стояла – смазанная, закрытая. «Жена оставила вам», – швейная машина вот эта зингеровская. «Вот тут вам костюм, ботинки, белье. И вот, значит, там фотографии какие-то, пакет, наверное, документы какие-то, фотографии». Опять он как разрыдался – сказать трогательно, нет. Это более, чем трогательно. Это трагично скорей всего. – «А их то, – говорит, – за что? Девочек то за что?»<sup>1</sup> А ребенок что им сделал?» Ну пробыл он так дня 2. Он здесь – говорит: «Я здесь у вас переночую. Тепло сейчас, я переночую здесь на улице». Он там на дворе и ночевал. Дня 2 он пробыл. Потом пошел на рынок – там помогали ему. Помогли ему. Продал машину эту: «Она теперь мне ни к чему». Значит, правой, наверное, у него ноги не было. «Она мне ни к чему, а были б деньги на билет. Вы правы, Евдокия Владимировна, поеду я к родственникам». Мать его все время уговаривала: «Поезжайте к родственникам, вы еще молоды». Ну сколько ему – около 40 было, лет 35. – «Вы еще можете свою личную жизнь устроить. Надо продолжать жизнь, да и за них надо продолжать жить. За себя и за них». Ну вы знаете, как в таких случаях. Банальные фразы. Но тем не менее они жизненные, они верные. Кое-как, кое-как его уговорили. – «Вот и мой не вернулся», – она говорит. – «Но жить-то надо. Жить же надо...». Ну кое-как его успокоили. И он значит: «Туфли я продам – они мне теперь ни к чему. Одни куплю. Может, кто один будет продавать». Вот понимаете, вот такое? И уехал – как он. Пришло письмо. Одно единственное: «Я добрался, родственников нашел». И все – больше писем не было. Как там потом у него жизнь сложилась, жив ли? Ну, наверное, его уже нет, наверное его уже нет. Это ж ему сейчас, наверное, лет 90 с гаком, а может и больше. Я не знаю. Но это мне казалось, что он немолодой. А вообще-то мать говорила, что ему 30 с небольшим. Да и пережить и тяжелое ранение, все на свете, и без семьи – это было нелегко.

[...] Кстати, к имени своему я отношусь теперь нормально. Я хотела, мечтала, что свое имя сменю, когда получу паспорт. Немецкое имя не хочу носить: «Немец же, немец меня». А потом, когда подросла же: «Это ж папа дал имя». Папа не вернулся. [...]

*А. Луиза Венедиктовна*

---

<sup>1</sup> Жена еврея, о котором идет речь, была украинка. Вместе с ней и их ребенком были расстреляны сестры жены.



\*\*\*

[...] Вы знаете, я никак не могу к ним (*немцам*) хорошо относиться. [...] И деньги эти меня не обрадовали нисколько<sup>1</sup>. Меня, как говорится, оторвали от маминой груди. Мне не было еще и 16 лет. Сейчас шестнадцатилетние они не знают еще... Они в 16 лет возле мамочки... А меня отобрали и буду еще их в хорошую сторону [вспоминать?]. [...] Внуки спрашивают, рассказываешь им. Сын говорит: «Ты в случае чего о себе оставь, напиши еще, чтобы мы помнили». – Я говорю: «Напишу еще, если успею». [...]

*Батула Мария Самсоновна*

\*\*\*

[...] Вы знаете, я вообще думаю, что вон эту улицу, по которой возили [людей на шахту 4-4-бис], ее по разному называли. Это была и Колхозная, и Павших Коммунаров, и Николаевский проспект. А вообще ее нужно переименовать в Жертв фашизма. Я не знаю, никто это не высказывал. Эту улицу нужно назвать в память жертв фашизма. Через эту улицу провезли от этого банка туда по прямой ой как много.

[...] Я успел – еще не попал я в армию – когда Комиссия<sup>2</sup> была. Там архиереи какие-то, какие-то иностранные представители и вот теперь, где 2-я больница, там площадка была. [...] Поликлиника на Павших Коммунаров, роддом там. Так вот там площадка была и на эту площадку из шахты доставали трупы. [...] Я видел эти трупы. Между прочим, несмотря на то, что платили за то, чтобы доставать оттуда из шахты трупы, давали тушенку – время голодное было – давали и тушенку, и деньги, желающих особенно не было. Причем они достали немного трупов. [...] Дело в том, что немцы бросали туда каустик, в ящиках прямо бросали туда каустическую соду. Их [трупы, которые подняли] похоронили. [...] На Павших Коммунаров перекресток, возле больницы. Вот на этом перекрестке на одной стороне поликлиника, на другой стороне столовая. Против этой столовой была братская могила. В нее похоронили все эти трупы, а потом их перенесли на Мушкетовское кладбище. Там возле моей мамы они похоронены. Трудно [было идентифицировать]. Кусок ноги, тело с ногой помню. Изувеченные головы, изувеченные трупы. Обрывки одежды.

---

<sup>1</sup> Респондентка имеет в виду денежные выплаты, осуществлявшиеся немецкой стороной жертвам нацистских преследований в 1990-е – 2000-е годы через фонд «Взаимопонимание и примирение».

<sup>2</sup> Респондент имеет в виду Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.



Небольшие обрывки одежды были. Жуткое зрелище. Какой-то епископ приехал, смотрели все это. Но я любознательный был, я и это видел. Вот после этих событий я ушел уже в армию добровольно. [...] Это была осень 43-го года. [...]

*В. Лев Григорьевич*

\*\*\*

[...] А вже як освободили, ой, мама родна, скільки їх, бідних хлопців, погбло, боже мій, боже мій. Та на шо там далеко ходить, я робив фотографом, так. У піонерських лагерьх водили на екскурсію, так. Де-то нашли мину, заховали у рюкзак, де-то вони у лагерь не принесли, а де-то заховали. На другий день пішли розряжать, ну, розкручувати. И ото як мене привезли, щоб заснять, так: там рука висить, там нога висить на сосні, там туловище висить на сосні – страшное дело, страшное дело. [...] Лагерьа вже були, лет 20 або 25, ось [после войны]. Ну, все равно, детвора есть детвора. Багато случаїв було. А ті, шо тут местные були ребята, любопытные були, так. Без конца, без конца – не было того дня, щоб кого не убило. Без конца. Та я ж кажу – по три человека, по два человека [погибало]. [...]

*Гончар Николай Иванович*

\*\*\*

[...] Вы знаете, что тут было на рынке на этом. У-у-х. Страшно рассказать. Без рук, без ног группа моряков «Раскинулось море широко» играла, просила. Что можно подать, то бросали. Обожженный танкист, сосед у нас, не видел ничего – тоже жена его водила на этот рынок, просили. Жили – у нас работал один контуженый тут, Леня. Жил – Первый гастроном у нас в городе, чуть выше. Где аптека – вы знаете? Вот во дворе аптеки жил в подвале. Вот так вот (*показывает на грудь*) орденов. А тогда же ордена стыдились носить. Сталин же не отмечал День Победы. Он: «Слишком большие жертвы получились». [...] Стыдились носить. Этих орденов – когда мы с мальчишками играли, вот так было. И погонов, и орденов. А эти (*вернувшиеся из эвакуации*) приезжали и занимали свои квартиры. Уже, значит, домов там. А занимай ты, квартира пустая. Буквально на улицу выгоняли. И никому не пожалуешься. Вот так вот ценили наших победителей. А сейчас помнят: «Никто не забыт!» (*Возмущенно*). Да это вранье все! Они были забыты и есть забыты! Вы себя не забыли! Вы посмотрите – сейчас у них, как у Жукова, орденов у каждого! [...]

*Ефремов Владимир Сергеевич*

\*\*\*

[...] Вот здесь долго стояла авиационная часть, в этом здании, где мы мимо шли. В той школе, на месте которой теперь детский сад, двухэтажная. Нижний этаж они приспособили под заезды, там видно автомобили, какая-то транспортная часть была. И хозчасть была – там сапожники, мастерская была. А так, чтобы часть какая-то дислоцировалась – нет. Вы стояли там на Николаевской, видели там сквер, фонтан? Вот там как раз было немецкое кладбище. Немцы хоронили. Вот те, кто в госпиталях кончались, вот там строили кладбище. Вот там в городе было кладбище. Судьба [кладбища] самая такая. *(С горькой усмешкой)*. Я не знаю как можно жить? Устроили детский городок, аттракциончики, качельки, карусельки на месте этого кладбища. Вот однажды я иду – там как раз у нас начали копать это дело. Вижу, коробок такой – череп, с рыжими волосами. Футболят там. Осталось там. А теперь деревья вымахали. Поговаривали там местные деятели: проявить гуманность, да то, да другое. Возродить кладбище, что ли? Вот так в местной газете слух прошел. [...] Да, разговор такой, мимолетный. [...] Да, вы знаете, чисто по-человечески, казалось бы: вот, говорят, в Германии ухаживают и за могилами наших солдат, вот нам бы надо так. Но прошла война, прошла жестокая война. Немцы ж пришли... Не к ним пришли – они к нам. Они нам беды, какие беды [принесли]. Нам жизнь испортили, судьбы. Ну что ж теперь. Не знаю. Если немцы договорятся с нашими властями – ну как, опрос делается, должен быть сделан. Ну, мне кажется, не надо тревожить. Господи, сколько таких могил безымянных. [...]

*Зайковский Виктор Иванович*

\*\*\*

[...] Вот это я только не сплю, как станет в голову лезть, встаю ночью, включаю телевизор и вот это смотрю. Чтобы только ничего не вспоминать. [...] Все война. Все. Вот это, как говорится, оккупация, все, как издевались. Большинство, как там в поле мерзнем мы, снегом, копали картошку, выкапывали, все снится. Рука была обморожена. Вот это палец отмерз, потом делали операцию. Но врач говорит: «Нет, мы клык оставим, чтобы вам было царапать кого». [...] В 47-м году [отморозила]. В Центральной поликлинике делали [операцию]. Ходили. Снег, копали. Картошку выкапывали. Вот то принесешь ее – мама оладиков напечет, мамалыги наварит – вот это мы питались. [...] Видела, видела, как вам сказать [умерших от голода]. Вот другой раз побежишь на базар рано – смотришь, лежит мертвый. [...] Пойдешь куда-то собирать – вот смотришь, лежит. Подойдешь глянешь –

мертвый. По дорогах умирали. Пойдешь куда-то, особенно летом. Уже на поле лежит готовый. И сумочка возле него. А он уже готовый. Возьмешь эту сумочку. Это ж не нужно ему. Вот это 47-й год. 41-й еще не так. Где-то что еще осталось. Где-то вещи еще остались. Ходили и в деревню менять. А в 47-м уже не было ничего. Пойдешь, где сейчас кондитерская на Первой линии, там был магазин специально. Карточки были. Вот-то пойдем с сестрой – карточку. Что там дадут? Буханку хлеба на троих. Вот, как говорится по 200 - по 300 грамм дадут – все. Хлеб я, когда немцы зашли, горелый хлеб давали – его кусаешь, а он сыпется. Я желудок у меня, я отравилась. Я хлеб не ела до 48-го года. А уже в 48-м году, когда карточки отменили, ходили ночью занимать очередь. И давали по полкилограмма без карточек. Вот я сестру возьму и с мамой – вот то втроем идем. А потом стали городские булочки. Стали по одной булочке давать. Вот то идешь, мама даст: «Соси. Не кушай, а соси». И вот это она меня приучила. И сейчас хлеб – если есть кусочек хлеба – я голодная. «Дайте хлеба!» – «Да вот он». – «Нет, дайте хлеба!» Вот лежит буханка хлеба нарезанная – я буду кушать. По сегодняшний день. Вот это 47-й год и 41-й<sup>1</sup>.

[...] В общем, наших очень много полегли от полицаяв. И вот сейчас, когда я почитала в газете, что наши предлагают не милицию, а полицию. Кто это, какой это глупый мужчина дал это указание назвать полицию, когда многие нашего возраста не могут переносить слова «полицай». Зачем это делать? Большой ущерб для людей. Была милиция. Ладно. До революции были жандармы – уже не так. Но полиции мы повидали на своей шее от и до. Значит тот, который дал указание назвать полицию, – значит ему и 50 лет нет еще. Он не видел эту войну, не видел это ничего, чтобы он назначил назвать полицию. Глупый тот человек, кто сказал «полиция». Я когда почитала, мне аж жутко стало. Ну как это так. Чтобы опять над нами издевались?

[...] А другой раз по телевизору посмотришь – я вот эти фильмы в другой раз станешь смотреть, я не могу смотреть некоторые фильмы. Я не могу смотреть, я выключаю телевизор. Или переключаю. [...] Я как вспоминаю вот это все – я не могу. [...] Вы понимаете, что. Как вам сказать. Вот показывают дети, как они ходят по полю, собирают. Вот я видела. Как они ходят – собирают. Я это видела. Я выключаю, я не могу смотреть. Потом фильмы вот эти показывают, когда оккупация и немцы ходят, вот это самое, и наши полицай – я выключаю, я не смотрю. [...]

*И. Тамара Ивановна*

---

<sup>1</sup> В данном фрагменте интервью воспоминания об оккупации у респондентки связаны с воспоминаниями о послевоенном голоде 47-го года.

\*\*\*

[...] Вот сейчас мы праздновали День скорби. День скорби был праздник. Он 22-го июня. Ну и там в балке. И в этот раз я ездила, Семка подошел ко мне и говорит: «Нина, ты поедешь на кладбище этих евреев, в балку»<sup>1</sup>. Я говорю: «Обязательно». Мы поехали туда. А там у нас был еще отдел культуры. [...] И я говорю: «Ну хорошо, здесь столько людей погибло, их расстреляли, казнили. Их казнили, не то, что они умерли, и их похоронили. Их казнили. Но неужели нельзя памятник сделать?» Ну там стоит, сами вот собрали по рублю. По рублю собрали и там вот такое поставили. А все заросшее, ни дорожки. Трава вот эта. Как будто вот так вот, что-то поставили, и то такое некрасивое, такое поганое. Я говорю: «Белла Давыдовна...». Я приехала в тот парк, а там, как всегда, 100 грамм военных этих. Я говорю: «Ну давайте мы все, ну что-нибудь сделаем. Ну по рублю». Это же небольшая сумма, да? Ну нельзя же так, там даже какую-то отмостку, какой-то цветок. Куст даже посадить какой-нибудь красивый. [...] Я это не оставляю так, никогда в жизни. Потому что это люди. А как же надо что-то красиво, хотя бы пусть бы этот обновить его, хотя бы дорожку сделать. Чтобы туда люди хотя бы могли придти. Там же нельзя зайти, там все вот так вот заросло и все. Нельзя так, нельзя.

[...] А вот у нас кладбище здесь – заровняли, заровняли<sup>2</sup>. [...] Немецкое, да. [...] Ну что – это те, которые умирали здесь. [...] В госпиталях. [...] Да, вот тут сейчас мост сделали. Я лично, например, сейчас не знаю, но что-то мне кажется, я бы нашла это место. Ну как нашла – на месте города, на месте городских наших. [...] Ну война была – и заровняли. [...] Мы еще ходили на концерт, в парке кресты стояли. [...] А когда при немцах, так на каждом кресте еще была каска. Ну касок уже не было, когда наши освободили, а кресты были. [...] Ну все равно, мне кажется, можно найти. Мне кажется, можно найти. [...] Но много там, много было крестов. [...] Ну а я ничего, пусть бы там поставили. Памятник [немцам]. [...] Это была война. И потом не сам немец пошел – это Гитлер, Сталин. А люди-то здесь причем. Хотя вот как сейчас показывают – Западная [Украина], и Ленина на куски разбили. Но это история, но это мы жили так. Ну и здесь вот – он тоже, может быть, и у него и родители есть, может быть и дети у него есть, который там лежит. Ну все таки надо перед прахом преклониться. Я

---

<sup>1</sup> Сергеева балка в Константиновке, место массового уничтожения еврейского населения.

<sup>2</sup> После освобождения немецкие военные захоронения уничтожались, как правило путем сноса крестов и сравнивания могил. Респондентка имеет в виду немецкое кладбище, находившееся в парке им. Якушевича в Константиновке.

так думаю, я так думаю. [...] И здесь, значит, у них же кто-то был? С родителей кто-то был, кто-то ж... Ну не может же быть, чтобы человек вот умер. Значит какие-то документы должны у них быть. Там порядочное кладбище у них было, прямо порядочное. И ровненькое какое. Ну если бы немцы тут были, делегация, посмотрели, сделали бы что-то, конечно. Можно это все найти. Все можно найти. [...] Может он и убивал моего брата, может быть – но это война. Знаете, как у Высоцкого есть в песне:

«На братских могилах не ставят крестов,  
И вдовы на них не рыдают,  
К ним кто-то приносит букеты цветов  
И вечный огонь зажигает».

Ну и так они ж тоже люди. Я, например, лично такого зла нет, вот нет зла. Хотя это была и война и тогда было страшно, и все.

[...] Ну вот я, например, хотя у меня и брат погиб, погиб у меня брат. Хороший был брат – он у меня общительный, общественник был. Но тем не менее мне кажется, что это была война... А вот этот бы погост, хотя бы что-то поставить, хотя бы что-то поставить. Ну нельзя, просто, чтобы человек умер – и все, умер – и его нет. Я не знаю, я бы например лично, я бы лично... Я из-за того, я из-за того, что как бы наше поколение, наше, как бы не против этого, не против. Я вообще против этих памятников, что курочат. Вот там руку отрезали, там то. Видели? Вон по телевизору показывали... У того саблю... Все на металл, все на металл... [...]

*К. Нина Демьяновна*

\*\*\*

[...] А у нас вот это где вот... Вы же знаете наш вокзал? Здесь же как раз хоронили немцев и итальянцев. [...] А где как раз аптека. Знаете, аптека? [...] Ну перед вокзалом. Как заезжаешь троллейбусом и вот. Здесь было кладбище<sup>1</sup>. Сейчас же дом построили, а то было кладбище. Там похоронены были немцы, итальянцы. Кресты и каски. А сейчас все снесли и ничего нет. Даже и признаков нет. Это что я вот знаю. [...] Вот то сравняли, эти кресты убрали, эти самые. Ну конечно [надо было перезахоронить]. Все-таки люди, да. Хоть и звери, но все равно люди. Хоть бы какую-то общую могилу вырыли да и все. Вот, сейчас же вот читаю, что они ж, видите, и берегут наших военных кладбища, и все. Так же ж тоже. Были ж и хорошие люди. [...]

*Крапива Лилия Александровна*

---

<sup>1</sup> Речь идет об итальянском кладбище, которое располагалось недалеко от нынешней Привокзальной площади в Донецке.

[...] Да, туда пленных много кидали, там полствола накидали. А потом каустиком полили и оно разъело. Ездили у нас Витя Галкин, Григорий Васильевич Ганкин туда, ствол откачивать. А откачать как? Там же кости, нельзя. Храпок забило – нельзя качать. Кто? Двести граммов водки наливают рабочему. Качали-качали – ничего там не сделали. Взяли и сейчас тем, кто там был, памятник стоит. Я был еще там, как освободили. Памятник сразу сделали. Так один солдат, может из пленных даже, может еврей, видать рубашечка, тужурочка была крепенькая, зацепился за крючок<sup>1</sup>. Но он в сознании, а у другого разрыв сердца, сознание теряет, так доказано. Когда пришел в себя, а он спортсмен был, в ходок, а он на шахтный двор выходит, ну выходит он [на поверхность]. И он переходит линию фронта и живой остался. И вот, когда освободили, в нашем клубе была беседа, был Василий Васильевич, парторг, здесь восстанавливал. И вот он рассказывал [об этом человеке], живой остался, перешел линию фронта.

[...] Теперь что еще. Кладбище было на военном заводе, у меня там дядька жил, возле глея, 10-бис<sup>2</sup>. Сейчас Панфилова, ее уже закрыли. Тогда только наши отступили и немцы зашли уже – пригнали эшелон. Там идешь, на военный завод заезжают. [...] Приходит эшелон, открывают вагоны. В 41-м году ты знаешь, какая зима была? Это морозы страшное дело. Их выгрузили и сделали там памятник. Я же ходил туда. Все замерзли. [...] Значит, выгрузили. Поставили уже наши памятник. [...] Когда наши зашли – привезли немцев. Тоже такое дело, тоже мерзлые. Там сделали памятник. Вы знаете, где у нас немцам памятник поставили. Там крест такой красивый, оградили металлической оградой. А при немцах ничего. Закопали там и все. И сейчас идешь – мусор стали туда вывозить. Мусор! Прямо на кладбище. Сейчас я даже не знаю – у нас ведь тоже распахали. А распахали чего? Значит, дети начали раскапывать и приносят то жувалку<sup>3</sup>. У немцев же вообще золотые зубы у большинства, у них же нет белых. То зуб принесут. Ну, золото-то они выбьют, а золото с зуба. И был парторгом Марк Никитич Гриценко. Пошли жалобы на него: вот, дети приносят. И он команду дает – парторг же. И он команду дает, взяли, распахали, разровняли. А там были в уголке и номерки. А сейчас, говорят, запорожская фирма делает какая-то [кладбище]. Ну,

<sup>1</sup> Имеется в виду А.Д. Положенцев – единственный оставшийся в живых из числа сброшенных в шурф шахты 4-4 бис в Сталино.

<sup>2</sup> Шахта № 10 бис в Сталино.

<sup>3</sup> Очевидно, имеется в виду челюсть, зубы.

немцы деньги платят. Ну, немцы же не приедут сюда делать сами. Они деньги платят, видать им делают. [...]

*Романченко Василий Игнатъевич*

\*\*\*

[...] Теперь хочу рассказать, как на раскопки мы ходили. Когда наши пришли, мать пошла. Это ж Макшоссе, на левую сторону поле треугольное. Посадка там. Ей плохо стало – там 3 могилы. А мне – 18 лет. И мне. Я ж, Баранчиковой, Кострыкиной, Васильевой Шуры сестра тоже, Зина. И проходили мимо этого шурфа. Проходим, смотрим – раскапывают молчком, рабочие. Налево здание старое такое стоит. Мы подошли – они раскапывают. Мы молча стали – а день солнечный был и ветренный такой был. И смотрю – на арматуре женский ботинок резиновый качается на ремешке. А я как вперла глаза в этот ботинок и не могу отвести. Вот понимаете, смотрю, а сама мыслю. Думаю. Мы уже знали, что в шурфе. Думаю, ботинок висит, а хозяйки нет. А ботинок этот ветром качает. Мы поздоровались, ответили. [...] Мы пошли дальше. Пришли ж туда – там воронье налетело. Там же раскопки. А выгоняют – война ж это, только освободили, солдаток этих. Они разбежались. Их, трупы эти, они, понимаете, как прессованные. [...] Доставали. Значит, 30 метров длины, 3 ширины, 3 глубины. Ступеньки. Пересышаны шлаком и известью видно. Стреляли в затылок – тут вырвано. Вот доставали – тянешь за руку, все тянется. Ну как рыба в бочке. И тут же ложили. Воронье налетело. Смотрю – вельветовое платьице зеленое с красивой зеленой пуговицей. Кто-то в резиновых сапогах. Наутро пришли – уже сапог этих нет, сняли с трупов. Кто снял? Ну опять же – люди есть люди. Ходить, видно, не в чем было или что. Вот это воронье. Меня удивило. Прямо кружило там. А вторая яма круглая – там камнями. Там больше, видно, военнопленные были. [...] В одежде. И третий окоп – 3 трупа. У одной очень длинные черные косы. У Капы Кострыкиной когда-то были – она тоже черная. Но она отрезала – не было. Это не наши были. И мне там тоже плохо. Посмотрю, что другой. Страшно, понимаете все это. А тут Сергей, брат, приехал с границы, в 43-м году [стал ходить]. Их недокопали. Комиссия до конца эти трупы не раскопали, ямы эти. [...] А потом узнали, что возле 18-й больницы было перезахоронение. А потом уже на Мушкетовское кладбище. Когда я была и там жертвам фашизма, туда ходили, к братской, я туда тоже цветы ложила. Но там мы познакомились, когда трупы эти [перезахоранивали], с мальчишкой, с Колей. Его тетка работала в горкоме партии. И он знал, где расстреливали, с посадки смотрел. И говорил, что привезли

девушек. Одна вырвалась, побежала в посадку. Ее из автомата застрелили, за ноги и в яму бросили. Он не знает. Я ни фамилии, ни адреса не спросила. Он видел, как его тетку расстреливали. Понимаете. [...] В этом шурфе лежит вроде 74 погибших<sup>1</sup>. Там и гражданское население. Там документы собирали. Там ходили по населению собирали, по Калининскому району. [...] Они его (*шурф*) взорвали. И это завалилось все. А я видела, когда это поднимали все. И вот этот ботик на арматуре висел, крючок арматурный. А потом больше нет. [...] А потом не стали их поднимать – я слыхала. Сергей тоже говорил, что поднимали, потом прекратили. Вроде комиссия – тоже брат ездил. Что комиссия – прекратила их поднимать<sup>2</sup>.

[...] Я ж добилась с Ниной Григорьевной<sup>3</sup> поставить памятник у нас в скверике. Писала я от себя Меше<sup>4</sup>, потом подписала этим. Ну когда открывали, нас забыли. Ну, как всегда, мы в стороне. Как всегда это делается. Я довольна была – там 27 наших. И там погибших разведчиков 5 было. А эти плиты поворовали. Металлисты. Вот не знаю, ко Дню Победы поставят или нет. У меня уже сил нет.

[...] Самое главное – помнить нужно, кого нет с нами. И вот я очень хочу, чтобы восстановили эти плиты. Я уже никому не пишу, никуда не могу. Нина Григорьевна она музей уже 30 лет в школе ведет. Она тоже позвоночник повредила. Не знаю, восстановит ли. А плиты те украли. А я внуку сказала: «Знаешь, Ваня, у меня такое чувство, что мою сестру 2 раза расстреляли и подруг ее». Первый раз физически уничтожили, а второй раз – память о них уничтожили». Я никогда никого не кляла. Неужели они не понимают, что-то святое у человека должно быть! Нельзя к могилам касаться чужим, нельзя цветы оттуда брать. Ну сколько они выручили? Там же выбито, цемент или что там. Арматура металлическая. Сколько там они там собрали арматуру? И Кулага<sup>5</sup> приезжал, и архитектор. Мы с Ниной Григорьевной бегали, выбирали место. Тот памятник – левое крыло, погибшим. А когда открывали – а нас забыли. Я не обижаюсь на это. Райисполком сделал, совет ветеранов – они ничем не помогли. В Книге Памяти оплатили 4,5 тысячи гривен. И архитектор. А район наш... Ну хоть бы восстановил.

---

<sup>1</sup> По данным ЧГК в шурф шахты 4-4 бис было сброшено около 75 тысяч человек.

<sup>2</sup> Из шурфа шахты 4-4 бис были подняты останки около 150 человек. Дальнейшие работы по эксгумации были прекращены.

<sup>3</sup> Коренюгина Н.Г., заведующая школьным музеем школы № 93 г. Донецка.

<sup>4</sup> Председатель Кировского районного в г. Донецке совета.

<sup>5</sup> Директор областного поискового агентства «Книга Памяти Украины».



[...] Пленного, которого арестовали у Капы на квартире. И они ж хотели ему документы сделать через управу. А в управе была Дидкова. [...] Дидкова – Капа<sup>1</sup> ее знала по самодеятельности. И она пообещала достать документы. И она их выдала. У меня тоже была встреча с этой Дидковой. Шутов нам устроил. Она прощения просила. А я думала – встречу, я ей ничего не скажу. Гляну в глаза и плюну. А когда глянула – передо мной старая старушка. 74 года ей было. Когда Шутов написал «Рядовые подполья» и он[а] в газете печаталась. И она прочитала. Она, оказывается, на Чулковке жила. И пришла в обком партии и говорит: «Я хочу, чтобы мое имя как предательницы не было. Я отсидела честно – 10 лет отсидела». А сестры муж – начальник шахты был. Сын ее воспитывался [у них]. И она вернулась. Сын не стал с ней жить. Но его засыпало в бункере – 18 лет – углем. [...] И она пришла – ее обком партии направил в Дом искусств, писателей. Ну мы пришли – пришли те, кто к подполью имел [отношение]. Зашла старушка – глянула так. А этот говорит – видно, секретарь писателей: «Зайдите в зал». Шутова еще не было. – «Да нет, я подожду Виктора Васильевича». Зашли – она спереди. Мы вышли, сели. Она так глянула – черные очки. Говорит: «А кому это нужно?» – Я говорю: «Что вас беспокоит?» Она такая корявенькая, такая. Глянула – кому ж плевать в лицо? И старость – ну как я плюну старости в лицо? Хоть и преступная старость. И зашел Виктор Васильевич. И говорит: «А что вас беспокоит. Их уже давно нет, они сгнили. А память о них жива. А вы что?» – «Я честно отсидела», – она подчеркивает, что честно. – Я говорю: «Как же вы могли честно отсидеть?» Но с судом неправильно тут было. Она устроилась на коксохимазавод и сразу сделала растрату в бухгалтерии. Ее, собственно говоря – ну законы ж мы все не знаем. Мы много упустили. Во-первых, от всех мне надо было взять подтверждение, что знал. Напиши свое, напиши. Ее больше как судили немножко с этим, как за растрату. [...] И она говорит: «Я хочу, чтобы мое имя не упоминалось в книге». – Я говорю: «А почему? Вы не знали мою сестру – а вы ее предали. Она не была вам знакома». – Она говорит: «Я не знала. Я и Шуру Васильеву не знала». – Я говорю: «А вы их предали. Вы Капу Кострыкину знали». – Она говорит: «Простите меня, простите». – Я говорю: «Моего прощения нет. Пусть вас жизнь накажет». – А она говорит: «А меня жизнь наказала. У меня сына засыпало, в бункере сына засыпало». Ну она поднялась – а тут Татъко<sup>2</sup> как взвилась, Нина Григорьевна: «Нет». И Шутов там ей. Она так поднялась, глянула, вышла. Но в коридоре стояла еще она. И когда

---

<sup>1</sup> Капитолина Кострыкина.

<sup>2</sup> Татъко В.Д. – участница донецкого подполья.

мы вышли, она ко мне. Видно, хотела поговорить еще. А я так в стороне стала. Ну Шутов говорит: «Ну что, пиши, Майя Ивановна, в КГБ, чтобы дал разрешение печатать эту книгу. Это 80-е года. 85-й, 86-й, 87-й. Чтобы ее имя – Дидкова – упоминалось. – Я говорю: «Как вас по имени-отчеству». Она другое имя [назвала]. Ее Тося звали, она Антонина. Она сказала другое имя. А этот секретарь сказал: «Майя Ивановна, она Антонина». [...] Я села, написала письмо на КГБ: «В смерти своей сестры, Шуры Васильевой, Капы Кострыкиной, пленного Янковского обвиняю Дидкову такую-то». Через неделю, или уже немного больше, пришел – по-моему, Юрий Александрович представился. Говорит: «Я по поводу вашего заявления». – Я говорю: «Я вас слушаю». – Я говорю: «А вы ее видели?» – «Нет. А зачем мне с ней встречаться. Ей 74 года. Ей уже мало осталось жить Она уже свое отсидела. Вы не возражаете, если я закрою это дело?» – Я говорю: «Нет. Я не жажду крови. Но я хочу, чтобы в книге ее имя было полностью – Дидкова Антонина, как ее». – Он говорит: «Оно будет в книге. Мы дадим разрешение эту книгу напечатать». Ну и все. Больше ее не... Эти еще мне звонили в советское время, потом нет. Наверное, она уже умерла. Она старше их, 12-го года. [...]

#### *Саенко-Полочук Майя Ивановна*

\*\*\*

[...] Вот в этой школе<sup>1</sup> дядя наш, брат нашей матери работал. Завхозом. Это внук Орлова [участника] партизанского движения. Ну там был сквер, а потом, значит, мы ж возле завода жили. Мы ж не ходили сюда – это уже конец города считался. Студгородок – это уже конец города. А потом, когда сюда пришел, глянул – а там был госпиталь в этой школе немецкий. Потом как глянул – подошел, эта улица в бордюрах – в крестах до этого базара. [...] И на каждом кресте – шлем. [...] Крест – как глянул. У меня аж душа порадовалась. Думаю, наши уже их лупить начали. (*Смеется.*). Мы ж не знали, как там на фронте. Вот дела на фронте – демонстрация, я ж мальчишка был. [...] Пришли наши, разбили скверик, построили «Красную шапочку»<sup>2</sup>. А я тогда на рынке работал, и я тут жил, и домой ходил как раз через этот сквер – «Красную Шапочку» как строили, и вырыли котлован, и в профиле – там только дырки, дырки – круглые дырки. Потому что разрыли там. И там и черепа валялись – все там. Как их там хоронили – с гробами или без. Наверное, без гробов. Потому что

<sup>1</sup> Имеет в виду школу № 2 в Донецке.

<sup>2</sup> Кинотеатр «Красная шапочка» в Донецке.

там только дырки круглые остаются. Профили. Где столько гробов набраться... Да, в общем братские могилы. [...]

*С. Иван Андреевич*

\*\*\*

[...] Вот говорят: «И свист пуль, как в песне». Она не свистит. Пуля, когда рядом пролетает, звук такой: «Фьею». Не свист, а жужжание, жужжание. Вот когда уже знаешь музыку боя, образно говоря. Вот допустим, человек, который не был под бомбежкой, он неправильно поступает. Вот он видит – бомбы летят, и он убегает от них – они его накроют. Разворачивайся и дуй навстречу бомбам. Гарантия, что ты уже не попадаешь под бомбежку. Вот, допустим, тяжелый снаряд. Я сейчас уже, так сказать, опытный человек. Вот допустим, начинается бомбежка, артобстрел. Он не лицом ложится в землю. То, что ты ягодицы покажешь – это самолету не страшно. Ложись на спину и смотри. Там же не взрывается ничего – тут взрывается. Смотри на небо. И вот когда идет тяжелый снаряд – интересно, как это называется – конвекция взрыва. Вот он летит – его не видно. Но от него, если безоблачное небо, расходятся от него такие волны. Вот он рассекает – волны расходятся. И ты по этим волнам видишь, куда он летит. А снаряд, когда ему остается, ну, может, метров 50, он вообще клекочет: «Буль-клек-клеек». Даже пуля из винтовки – она тоже за счет нарезки. И вот он клекот такой издает. Это вот он, вот он, сейчас он шваркнет здесь. А когда он «бум-бум» – смотришь, поплыл, то уже кому-то гостинец. [...] Вот оно и потому все болит, иногда ночью снится. [...] Снится. Я одно время, мне плохо было, я вскакивал ночью, все время война снится, и снится, и снится! Вскочу ночью, там уже жена: «Куда тебя несет, боже мой». Как прыгну с дивана, так о пол настольную лампу свалил, ночник. А потом – не знаю, подлечивался немножко. Но все равно вспоминается. Вот у меня реакция – вот вижу нынешнюю милицию – не могу. Немцы и все. Немецкая форма. Это смотришь на них – вот такие немцы были. Даже вот эти шевроны, нашивки, были у немцев. [...]

*Ф. Евгений Михайлович*

\*\*\*

[...] И вот мне на память, я уже говорила, у меня долго лежал осколок, который упал. Чуть-чуть бы немного – и он же меня мог бы убить. Я его очень долго хранила... И вот где он – неизвестно мне. Где-то исчез, а так долго хранился, как реликвия историческая. Да в

общем много было, много было и снарядов, мы хранили, берегли, и осколков. Память о войне. [...]

*Цветкова Таина Петровна*

\*\*\*

[...] Конечно я вам скажу, что иногда и сейчас сплю плохо ночами. Очень часто все это проворачивается в голове, очень часто. Проворачивается, вы знаете, и годы те, и времена, и я, когда читаю в газетах, в журналах о том, что не надо было воевать, или что эта война была не Великой и не Отечественной, как сейчас многие с маленькой буквы любят писать. Но вы знаете, обидно за людей. Потому что это писать может только тот, кто этого не видел, кто это не ощутил и кто этого не понял. Потому что немцы сюда пришли, конечно, победителями. Они шли, широко шагая по земле, в больших сапогах, хорошо очень одетые, очень хорошо подготовленные, в шерстяном белье, в хороших теплых шинелях. А наши ж отступали без – ну отступали еще куда ни шло, а наступали, которые входили части – оборванцы. Входили оборванцы, победители. Ну как же не обидно. И несмотря на это рисковали жизнью, воевали, и все-таки освобождали свою землю. Кто чем мог. И я же говорю, что люди были совершенно другие. Человек-человеку был действительно друг. Вот человек мог помочь, человек мог пустить, и переночевать, и еще что-то такое. А сейчас же это невозможно сделать. Сейчас никто на это не пойдет, и дверь не откроет. [...]

*Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*

\*\*\*

[...] Эти могилки (могилы советских военнопленных) находились, в лесу, поэтому они заросли этим лесом, кустами. Их там даже сейчас и не найдешь. А потом эти могилки находились под терриконом. Вот тут террикон, а тут могилки эти. А террикон насыпали, засыпали – и эти могилки засыпали. Они под терриконом остались. [...]

*Шепелев Александр Терентьевич*

## СПИСОК РЕСПОНДЕНТОВ

1. *А. Луиза Венедиктовна*, 1935 г.р., в период оккупации проживала в г. Константиновка Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Константиновка, декабрь 2004 г.
2. *Афанасенко Алексей Иванович*, 1923 г.р., в период оккупации проживал в г. Снежное (пос. Мочалинский) Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Новониколаевка Волновахского района Донецкой области, июль 2009 г.
3. *Б. Виктор Федорович*, 1925 г.р., в период оккупации проживал в г. Дебальцево Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Дебальцево, сентябрь 2002 г.
4. *Батула Мария Самсоновна*, 1926 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, январь 2010 г.
5. *Б. Мария Яковлевна*, 1923 г.р., в период в период оккупации проживала на хуторе Мануиловка Волновахского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Затишное Волновахского района Донецкой области, июль 2009 г.
6. *Бойко Валентина Севастьяновна*, 1929 г.р., в период оккупации проживала в г. Славянск Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Славянск, август 2010 г.
7. *Босая Александра Степановна*, 1926 г.р. в период оккупации проживала в с. Покровское Артемовского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Зайцево Артемовского района Донецкой области, июль 2009 г.
8. *Валентина Ивановна*, 1927 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, декабрь 2003 г.
9. *В. Лев Григорьевич*, 1924 г.р., в период оккупации проживал в г. Макеевка, Сталино, ряде сел Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Донецк, май 2005 г.
10. *Г. Яков Михайлович*, 1924 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, октябрь 2001 г.
11. *Гончар Николай Иванович*, 1930 г.р., в период оккупации проживал в с. Богородичное Славянского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Богородичное Славянского района Донецкой области, август 2009 г.
12. *Деменков Виктор Григорьевич*, 1928 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, апрель 2004 г.

13. *Ефремов Владимир Сергеевич*, 1933 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, январь 2011 г.
14. *Ж. Иван Петрович*, 1927 г.р., в период оккупации проживал в г. Дебальцево Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Дебальцево, июль 2002 г.
15. *Зайковский Виктор Иванович*, 1927 г.р., в период оккупации проживал в г. Мариуполь. Место и время записи интервью: г. Мариуполь, март 2004 г.
16. *И. Тамара Ивановна*, 1931 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, январь 2011 г.
17. *К. Варвара Ивановна*, 1925 г.р. В период оккупации проживала в пос. Еленовские Карьеры Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Докучаевск, октябрь 2002 г.
18. *К. Нина Демьяновна*, 1931 г.р., в период оккупации проживала в г. Константиновка Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Константиновка, декабрь 2004 г.
19. *К. Вера Максимовна*, 1925 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, апрель 2004 г.
20. *К. Николай Максимович*, 1923 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, май 2004 г.
21. *Кратива Лилия Александровна*, 1926 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, февраль 2005 г.
22. *К. Иван Егорович*, 1931 г.р., в период оккупации проживал в с. Старомихайловка Марьинского района Донецкой области. Место и время записи интервью: г. Донецк, ноябрь 2003 г.
23. *Крицын Олег Демьянович*, 1929 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, ноябрь 2010 г.
24. *Кубышко Николай Сергеевич*, 1912 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино (Донецк). Место и время записи интервью: г. Донецк, июнь 2003 г.
25. *К. Лилия Николаевна*, 1930 г.р., в период оккупации проживала в г. Константиновка Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Константиновка, декабрь 2004 г.
26. *Л. Николай Федорович.*, 1925 г.р., в период оккупации проживал в г. Горловка. Место и время записи интервью: г. Горловка, октябрь 2002 г.

27. *Левин Николай Николаевич*, 1924 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, январь 2011 г.
28. *Миланкина Роза Асвендияровна*, 1924 г.р., в период оккупации проживала в г. Серго Ворошиловградской области, Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, апрель 2005 г.
29. *М. Алексей Михайлович*, 1931 г. р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, июль 2003 г.
30. *Митина Роза Никитична*, 1932 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г.Донецк, июль 2003 г.
31. *Н. Клавдия Акимовна*, 1925 г.р., в период оккупации проживала в с. Красный Октябрь Станично-Луганского района Ворошиловградской области. Место и время записи интервью: с. Затишное Волновахского района Донецкой области, июль 2009 г.
32. *Н. Валентин Владимирович*, 1926 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино (Донецк). Место и время записи интервью: г. Донецк, июнь 2001 г.
33. *Обрезан Николай Михайлович*, 1931 г. р., в период оккупации проживал в с. Старомихайловка Марьинского района Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Донецк, июль 2003 г.
34. *О. Владимир Анатольевич*, 1916 г.р., в период оккупации проживал в г. Горловка Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Горловка, июль 2002 г.
35. *П. Александра Григорьевна*, 1927 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, июнь 2001 г.
36. *Репя Федор Егорович*, 1925 г.р., в период оккупации проживал в с. Новобахмутовка Ясиноватского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Новобахмутовка Ясиноватского района Донецкой области, октябрь 2004 г.
37. *Рогоз Борис Владимирович*, 1933 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, февраль 2005 г.
38. *Романченко Василий Игнатъевич*, 1928 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г.Донецк, июль 2003 г.
39. *Саенко-Полончук Майя Ивановна*, 1925 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, январь 2005 г.

40. *Сало Варвара Кузьминична*, 1924 г. р., в период оккупации проживала в с. Белокузьминовка Артемовского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Берестовое Артемовского района Донецкой области, июль 2009 г.
41. *Самисько Григорий Наумович*, 1915 г. р., в период оккупации проживал в с. Новобахмутовка Ясиноватского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Новобахмутовка Ясиноватского района Донецкой области, октябрь 2004 г.
42. *С. Иван Андреевич*, 1925 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, октябрь 2004 г.
43. *С. Михаил Андреевич*, 1929 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, октябрь 2004 г.
44. *Смолякова Ирина Герасимовна*, 1926 г.р. в период оккупации проживала в г. Сталино (Донецк), на территории Орловской области. Место и время записи интервью: г. Донецк, январь 2006 г.
45. *Т. Варвара Ивановна*, 1923 г.р., в период оккупации проживала в г. Мариуполь. Место и время записи интервью: г. Мариуполь, август 2002 г.
46. *Т. Николай Константинович*, 1925 г.р., в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, апрель 2004 г.
47. *Т. Иван Борисович*, 1927 г.р. в период оккупации проживал в г. Сталино. Место и время записи интервью: г.Донецк, апрель 2004 г.
48. *Ф. Евгений Михайлович*, 1932 г.р., период оккупации проживал в г. Макеевка Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Донецк, апрель 2005 г.
49. *Х. Мария Семеновна*, 1922 г.р., в период оккупации проживала в г. Волноваха Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Волноваха, август 2002 г.
50. *Цветкова Таина Петровна*, 1934 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, июль 2003 г.
51. *Ц. Марфа Илларионовна*, 1920 г.р., в период оккупации проживала в с. Затишное Волновахского района Сталинской области. Место и время записи интервью: с. Затишное Волновахского района Донецкой области, июль 2009 г.



52. *Цыганская Ольга*, 1931 г.р., в период оккупации проживала в г. Мариуполь, Артемовск, на территории Харьковской области. Место и время записи интервью: г. Мариуполь, июль 2005 г.
53. *Чепик-Митрофанова Зоя Аркадьевна*, 1929 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, февраль 2005 г.
54. *Червякова Валентина Игнатьевна*, 1921 г. р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г.Донецк, май 2004 г.
55. *Ш. Маргарита* Евстафьевна, 1935 г. р., в период оккупации проживала в г. Сталино. Место и время записи интервью: г. Донецк, декабрь 2003 г.
56. *Шепелев Александр Терентьевич*, 1929 г.р., в период оккупации проживал в пос. Красная Звезда Снежнянского района Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Донецк, май 2004 г.
57. *Шовкун Феодосия Ефимовна*, 1919 г.р., в период оккупации проживала в г. Сталино, с. Ивановка Красноармейского района Сталинской области. Место и время записи интервью: г. Донецк, июль 2010 г.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВА – Федеральный архив ФРГ  
ВА-МА – Федеральный военный архив ФРГ  
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации  
ГРЭС – гидроэлектростанция  
ДК – Дворец культуры  
ДМЗ – Донецкий металлургический завод  
КГБ – Комитет государственной безопасности  
КП – командный пункт  
КПЗ – камера предварительного заключения  
МВД – Министерство внутренних дел  
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел  
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности  
ОЦКБ – областная центральная клиническая больница  
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории  
РУ – ремесленное училище  
УШПД – Украинский штаб партизанского движения  
ФЗО – фабрично-заводское обучение  
ЦГАООУ – Центральный государственный архив общественных объединений Украины  
ЧГК – Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников  
USHMM – Мемориальный музей Холокоста США

*Наукове видання*

**Досвід нацистської окупації в Донбасі:  
свідчать очевидці**

*Автори – упорядники:*

**ТИТАРЕНКО Дмитро  
ПЕНТЕР Таня**

Підписано до друку 15.01.2012. Формат 60x84<sup>1/16</sup>  
Обл.-вид. арк. 27,9. Ум.-друк. арк. 27,20  
Друк лазерний. Наклад 300 прим. Зам. № 1953

Видавництво ТОВ «Світ книги»  
Св. про держреєстрацію ДЦ №165 від 18.01.2012 р.  
83049, м. Донецьк, вул. Єрмолая Жукова, буд. 56  
для листів: 83001, м. Донецьк, вул. Артема, 72а, а/с 3591  
Тел.: (062) 381-73-47, (095) 163-76-40  
e-mail: svitknigi.2012@ukr.net

Віддруковано у друкарні «Норд Комп'ютер» на цифрових лазерних  
видавничих комплексах Rank Xerox DocuTech 135 і DocuColor 2060

Св. суб'єкта видавничої справи А00 № 737160 від 04.11.1998  
83003, Україна, м. Донецьк, вул. Разенкова, 6  
Тел.: (062) 389-73-82, 389-73-86  
e-mail: nordpress@gmail.com